

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

Газета «КУРЬЕРЪ» въ 1899 г. будетъ издаваться въ увеличенномъ форматѣ.

6 ноября минулъ первый годъ изданія газеты *Курьеръ*. Симпатіи, которыми встрѣтило общество начинанія молодого изданія, заставляютъ редакцію съ особой энергіей продолжать начатое дѣло и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы *Курьеръ* и въ будущемъ году продолжалъ быть живымъ и отзывчивымъ органомъ печати. Редакціей, между прочимъ, обращено особое вниманіе на отдѣлъ телеграфныхъ извѣстій: кромѣ обычныхъ корреспонденцій, всѣ важнѣйшія свѣдѣнія сообщаются корреспондентами *Курьера* по телеграфу, благодаря чему читатели *Курьера* имѣютъ возможность слѣдить за всѣми выдающимися событіями какъ русской, такъ и заграничной жизни безъ всякаго промедленія.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Л. Н. Андреевъ, В. И. Анофріевъ, П. П. Ашешовъ, проф. П. В. Безобразовъ, С. С. Блументаль, André Beaupier, Г. Н. Браунъ, В. М. Владиславлевъ, Глаголь, проф. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. Д. Гриневскій, В. Е. Ермиловъ, М. Е. Югель, П. С. Юганъ, В. М. Лавровъ, Lami, проф. М. А. Липинскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Невѣжинъ, проф. С. П. Никоновъ, И. Д. Новикъ, И. Н. Потапенко, В. П. Преображенскій, М. Н. Ремезовъ, проф. А. Р. Смирщевскій, Н. А. Селивановъ, А. С. Скляръ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Д. И. Тихомировъ, Н. В. Тулуповъ, Я. А. Фейгинъ, Ант. П. Чеховъ и др.

Газета имѣетъ постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Лондонѣ, Мюнхенѣ, Неаполѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ, Римѣ и друг. городахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города Россіи:

На 1 годъ.	6 руб. — коп	На 6 мѣс.	3 руб. 50 коп
» 11 мѣс.	5 » 60 »	» 5 »	3 » 10 »
» 10 »	5 » 20 »	» 4 »	2 » 60 »
» 9 »	4 » 80 »	» 3 »	2 » — »
» 8 »	4 » 40 »	» 2 »	1 » 40 »
» 7 »	4 » — »	» 1 »	— » 75 »

При годовой подпискѣ чрезъ главную контору допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 іюля—2 р.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

При перемѣнѣ адреса уплачивается 20 коп.

Главная контора газеты помѣщается въ Москвѣ, Петровскія линіи, подъѣздъ № 3, и открыта отъ 10-ти час. утра до 6-ти час. веч., а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти час. утра до 4-хъ час. дни.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгеровъ	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„ географіи.
Проф. Н. И. Картева	„ исторіи.
Академикъ А. О. Ковалевскаго	} „ біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шевякова	
Проф. Д. И. Менделѣева	„ химико-технической и фабрично-заводской
Проф. А. В. Савитова	„ сельско-хозяйственный.
Владимира Соловьева	„ философіи.
Проф. Н. С. Соловьева	„ музыки.
А. И. Основа	„ изящныхъ искусствъ.
Академикъ М. М. Янжула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждыя два мѣсяца.

Вышелъ 50-й полутомъ Простатить—Работный домъ.

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтой, причемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ.

1) При подпискѣ вносятся задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся на лицо полутомы. До остатъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 4 р., независимо отъ приобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) По особому соглашенію задатки могутъ быть уменьшаемы, но при условіи увеличенія дальнѣйшихъ уплатъ. Минимальный задатокъ 10 р.

3) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебныя, общественныя или имущественныя цѣли, причемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтишевой).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1899.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered

3/29/84

Москва, типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.

Пименовская улица, собствен. домъ.

AP50
R875
v.20:1
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. М. С. КОРЕЛИНЪ †.	
II. ДОМА. Повѣсть.—П. Д. Боборыкина	1
III. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА». Стихотворенія Н. М. Случевского .	71
IV. СУДЬ ИДЕТЬ... Разсказъ.—Д. Н. Мамнина-Сибиряка	78
V. МОМЕНТЪ. Новелла Элизы Ожешковой. Переводъ съ руко- писи В. М. Л.	107
VI. ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Изъ недавняго прошлаго).—Мариа- Вовчка.	131
VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Пе- реводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	173
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Вл. Ладыженскаго	184
IX. ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ. Романъ Теодора Фонтана. (Переводъ съ нѣмецкаго). Н. К.	185
X. СОВРЕМЕННОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ. — И. Ор- шанскаго.	1
XI. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОСТРОВА БРИТА.—Гр. Инны Каппистъ.	16
XII. ВТОРОЙ СЪѢЗДЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЪ ВЗАИМО- ПОМОЩИ.—О. Кацауровой.	40
XIII. КІЕВСКІЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.—Ник. Ренненкампфа.	57
XIV. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АВГУСТИНѢ И ГРИГОРИИ VII. Отвѣтъ профессору Герье.—Нн. Евгенія Трубецкаго.	75
XV. ЧЕГО НЕДОСТАЕТЪ НАШЕЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ?— П. Н. Обнинскаго.	86

	Стр.
XVI. ЕЩЕ О Г. ЮЖАКОВЪ И РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.—И. Н.	114
XVII. ПОЛОЖЕНІЕ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ СЕМЬѢ И ОБЩЕСТВѢ ПО ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО. Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развѣтія въ XIX вѣкѣ. А. А. Гомина.	120
XVIII. ПАМЯТИ МИЦКЕВИЧА. (1798—1855 г.). В. В. Калаша	135
XIX. 1898-й ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.—В. А. Гольцова	155
XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Художественно - общедоступный театр»: <i>Чайка</i> , др. въ 4-хъ дѣйств., Антона Чехова.— <i>Счастье Греты</i> , др. въ 3-хъ дѣйств., Эмиля Мариотта, пер. Ө. Латернера.— <i>Трактирщица</i> , ком. въ 3-хъ дѣйств., Гольдони.—«Малый театр»: <i>Въ 1812 году. Разгромъ</i> , въ 4-хъ дѣйств., П. П. Гнѣдича.— <i>Ядро</i> , ком. въ 4-хъ дѣйств., М: Нордау, перев. съ нѣм. Л. Фрауенфельдера. Ан.—Четвертая выставка акварелей, пастелей и рисунковъ.—Выставка картинъ, эскизовъ и этюдовъ Е. Е. Шрейдера. М. С. Корелина.	164
XXI. ПОЭТЫ ПЕРЕХОДНАГО ВРЕМЕНИ. Стихотворенія С. Я. Надсона. Изд. шестнадц. Спб., 1898 г. П. Я. Стихотворенія. Спб., 1898 г.—М. А. Протопопова.	179
XXII. СМѢНА. Боярство и дворянство.—В. О. Ключевского.	200
XXIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 1898 годъ.	222
XXIV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія.—Исторія, воспоминанія.—Искусство.—Политическая экономія.—Книги для народа.—Пособія.—II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь.—«Русскій Вѣстникъ», декабрь.—«Русское Богатство», ноябрь.—«Міръ Божій», ноябрь.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 98 г. по 1 января 99 г.	1
XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

† М. С. Корелинъ.

---

3 января, сорока трехъ лѣтъ отъ роду, скончался профессоръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. Эта смерть—тягостная потеря для науки, для университета, для женскаго образованія, которому покойный служилъ и какъ профессоръ на высшихъ курсахъ, и какъ преподаватель гимназій. Живой умъ и чуткое сердце побуждали Михаила Сергѣевича заниматься публицистикой, писать для дѣтей, работать въ московскомъ обществѣ грамотности на пользу народнаго просвѣщенія. *Русской Мысли* особенно горька внезапная кончина даровитаго ученаго и публициста. Давно уже былъ онъ сотрудникомъ журнала, и съ годами все крѣпла связь этого высокоцѣнимаго сотрудника съ редакціей. Съ сентября прошлаго года Михаилъ Сергѣевичъ былъ приглашенъ принять участіе въ постоянныхъ занятіяхъ редакціи, и принялся за дѣло съ свойственною ему энергіей, такъ что приходилось всячески противодѣйствовать этой жадѣ труда. Никто изъ насъ не предвидѣлъ печальнаго конца дорогой жизни... Для январской

книжки журнала М. С. Корелинъ написалъ о четвертой выставкѣ акварелей, пастелей и рисунковъ общества любителей художествъ, о выставкѣ картинъ, эскизовъ и этюдовъ Е. Е. Шрейдера и предисловіе къ переводу романа Теодора Фонтана: *Женни Трейбель*. Потомъ разорвалось сердце... Сколько начатыхъ работъ, сколько прекрасныхъ замысловъ унесъ съ собою въ могилу нашъ дорогой собратъ! Вѣчная, благодарная ему память!

Д О М А.

Повѣсть.

I.

Будетъ ли конецъ этому? Не знаю и сильно сомнѣваюсь. Если бы я былъ какъ всѣ тѣ, кто составляетъ мірокъ Агриппины Дмитриевны,—съ ихъ совѣстью изъ резины, съ ихъ позывами безпробудной суетности,—тогда исходъ можно бы предвидѣть. Я бы сбѣжалъ, или завелъ семью на сторонѣ, или спился...

Но вѣдь я «добродѣтельный кисляй». Такъ меня, про себя, называютъ моя жена.

Добродѣтелю я не кичусь. Я лишенъ страсти, какъ ее понимаютъ всѣ тѣ, кто «умѣетъ жить»: любимое выраженіе Агриппины Дмитриевны. Но все-таки не что иное какъ «добродѣтель», хоть и невысокаго качества, дѣлаетъ то, что я не предвижу другого конца, какъ смерть.

Вотъ я опять возобновилъ свои *записи*. Смѣшно, въ мои лѣта! Точно институтка. *Paterfamilias*, тайный совѣтникъ, во многихъ смыслахъ особа, пятидесятилѣтній мужчина, у котораго столько дѣла, всякихъ сношеній, визитовъ, пріемовъ, хлопотъ, засѣданій и разбѣздовъ.

Но душевное одиночество стало слишкомъ подавлять меня.

Нужна хоть какая-нибудь отдушина!

Жаловаться—безплодно, да и пошло, стыдно, наконецъ.

И кому? Всего ближе было бы подругъ моей жизни, Агриппинѣ Дмитриевнѣ.

Во всемъ домѣ у меня есть одна только душа мнѣ близкая. Это—Стена, мой сынъ. Но развѣ я въ состояніи говорить съ нимъ о себѣ,

о своей печальной долѣ? Вѣдь это равносильно жалобамъ... На кого?

На его мать!

Около осьмнадцати лѣтъ прошло, какъ я женатъ. И никогда нигдѣ, ни въ шутку, ни серьезно, ни за стаканомъ вина товарищу, ни женщинѣ, въ минуту внезапнаго порыва, я не рассказывалъ, какъ я живу съ женою, въ чемъ состоитъ мое «счастье».

И вѣдь наше супружество считается образцовымъ. Это вошло въ прибаутку въ томъ Петербургѣ, гдѣ мы возвращаемся.

Есть у меня товарищъ по Московскому университету, но онъ старше меня лѣтъ на пять. Мы очень рѣдко видаемся—разъ, два въ годъ. Его давно всѣ считают чудачкомъ.

Онъ, что называется, *поймался* на бракѣ, но разрубилъ узелъ, безъ форменнаго развода разошелся, и съ тѣхъ поръ живетъ холостякомъ. Многие и не знаютъ, что онъ женатъ.

Ударъ, полученный имъ, заставилъ его съ тѣхъ самыхъ поръ вести особый реестръ несчастныхъ или «несуразныхъ», какъ онъ называетъ, супружествъ,—и такихъ, что кончились бурей, скандаломъ, и такихъ, что тянутся-тянутся вродѣ запоя. Последній разъ, какъ мы встрѣтились, онъ мнѣ говорилъ:

— Растетъ, растетъ мой списочекъ! Я ужъ на двѣсти пятьдесятъ седьмомъ супружествѣ.

Всѣ знакомые дома у него занесены въ особую графу, и онъ имъ ставить крестъ, какъ только узнаетъ что-нибудь достовѣрное.

Въ последнюю нашу встрѣчу онъ мнѣ сказалъ:

— Всего три семьи осталось, Вершицкѣй. Изъ нихъ твоя, кажется, одна устоитъ.

И онъ въ это вѣрить! Да и какъ я буду кому-либо изливаться? Это значило бы потерять весь стыдъ, обнажить свое убожество, заводить тяжбу съ своей женой—и въ заглазной, трусливой формѣ.

Я говорю: «заглазной».

А открыто выступить? Это смѣлѣе. Но какъ, къ чему, изъ-за чего? Отвѣтъ на каждый изъ этихъ трехъ вопросовъ можно сейчасъ же придумать. Только результатъ предвидится одинъ: безсиліе стряхнуть съ себя вериги.

Сколько разъ,—въ послѣдніе два-три года, да и раньше,—я въ безсонныя ночи порывался завтра же утромъ пойти къ женѣ въ спальню и все высказать.

И просыпался разбитый, съ чувствомъ полной тщеты такихъ порывовъ, на моей холостой кровати.

Вотъ уже около десяти лѣтъ у насъ нѣтъ общаго ложа. Это сдѣлалось послѣ рожденія дочери, когда Агриппина Дмитріевна съ годъ страдала послѣдствіями своихъ родовъ.

Какось, равнодушіе къ женщинѣ, съ тѣхъ поръ, все росло. Но за то и обязательность сожителства стала выступать рѣзче.

Моя личность, моя душа для Агриппины Дмитріевны давно уже отрицательныя величины. Но она еще считаетъ себя молодой женщиной и, дѣйствительно, еще удивительно сохранилась, особенно въ бюстѣ. Въ ней все такъ уравновѣшено—всѣ позывы и аппетиты. Когда она, какъ бы невзначай, завернетъ ко мнѣ въ пеньюарѣ, передъ отходомъ ко сну, все обходится, какъ подобаетъ супругамъ, хранящимъ завѣтъ взаимной вѣрности.

Господи, Боже мой! Зачѣмъ она хранить этотъ завѣтъ? Б чему эта вѣрность тѣла? Грубый фактъ брачной измѣны сейчасъ бы все разрѣшилъ. Честные мужья, прочтя такую фразу, возмутятся. А я мечтаю объ этомъ. Это было бы тѣмъ рычагомъ, который толкнулъ бы меня. А если нѣтъ? Развѣ я могу поручиться, что невѣрность жены освободила бы меня?

Конечно, нѣтъ. Дѣти—вотъ главные вериги. Изъ-за нихъ нельзя «честному» мужу не только желать разрыва, но и думать о невѣрности жены, какъ о спасательномъ обручѣ.

Надѣяться я могу на адюльтеръ, какъ это ни постыдно; но онъ никакого освобожденія за собою не повелѣ бы. Все осталось бы старому. Я это отсюда вижу, только еще обиднѣе и тошнѣе: быть связаннымъ съ существомъ до такой степени чуждымъ и подавляющимъ мое я, зная, что я роконосецъ, обманывая честныхъ людей картиной своего супружескаго лада.

Агриппина Дмитріевна,—случись что-нибудь подобное,—положила бы всю свою ловкость на то, чтобы снаружи сохранялось *statu quo* и даже удвоила бы пріятность обхожденія съ мужемъ. Она прекратила бы, быть можетъ, ночные визиты въ пеньюарѣ; но сожителство въ одной квартирѣ, ежедневное *претерпѣваніе* ея личности шло бы тѣмъ же чередомъ.

Зато семья не была бы разрушена. Дѣти оставались бы въ томъ же невѣдѣніи той пропасти, которая раздѣляетъ ихъ родителей. Если бы мать ихъ и обзавелась другомъ, съ правами на нее, она и тогда бы продѣлывала это такъ безупречно, что они и взрослыми не узнали бы ничего.

Но я знаю, что у жены моей нѣтъ такого *друга*. Ухаживателей и теперь—цѣлый штатъ. Каждый получаетъ что-нибудь. А главное, отъ каждаго она пользуется... не деньгами—нѣтъ!—но тѣмъ,

что ей нужно для того, чтобы чувствовать себя на полномъ взводѣ своего петербургскаго «положенія».

Все это для меня ясно. Порядочный человѣкъ—самый презрѣнный изъ всѣхъ рабовъ, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ! Эта порядочность минутами дѣлается невыносимой, прямо гнусной! Хочется рѣзнуть по живому тѣлу, сдѣлать скандалъ, ногами растоптать приличія, все «qu'en dira-t-on» гостиныхъ, канцелярій и кружковъ.

И ни съ мѣста. Почему?

Потому что *жалость* сейчасъ же подкрадывается, и въ ней, какъ въ химической жидкости, растворяется «безъ остатка» твой гнѣвъ и ярость илота, возмнившего себя Спартаконъ. Жаль дѣтей. Боишься за нихъ, за ихъ душу, надѣешься на то, что тебѣ удастся хоть одно изъ этихъ живыхъ существъ оградить отъ гнилостныхъ испареній того болота, гдѣ дамы, какъ моя жена,—а ихъ сотни,—барахтаются, точно въ струяхъ животворной воды.

II.

«Хоть одно существо», написалъ я вчера, а сегодня мой сынъ Степа самъ, въ первый разъ, открылъ мнѣ свою душу.

Степѣ теперь шестнадцать съ половиной лѣтъ. Черезъ полтора года онъ будетъ студентомъ. Хотя онъ и отлично идетъ по классическимъ языкамъ, но свое «призваніе» онъ уже опредѣлилъ—желаетъ быть натуралистомъ. Уже и теперь онъ поглощаетъ книги по естествознанію и психологіи. Ему хочется быть «біологомъ», онъ такъ и выражается; но ни о какой доходной карьерѣ не говоритъ.

Давно ли онъ былъ худенькимъ, курносенькимъ юнцомъ, со стриженной, дымчатаго цвѣта, головой? Онъ тогда, не безъ гордости, называлъ себя «второпервѣкъ». Это—на жаргонѣ здѣшнихъ гимназистовъ—ученикъ *перваго* отдѣленія *второго* класса. А теперь онъ одного роста со мною, худой, русый юноша, съ пушкомъ на бородѣ и огромными синими глазами. Худоба его меня смущаетъ, но онъ ни на что не жалуется, много ходитъ, по утрамъ, передъ классами, продѣлываетъ упражненія съ гири. Готовится онъ къ урокамъ умѣренно, но читаетъ много, кажется и по ночамъ.

Степа, конечно, мой родной сынъ, какъ и Нитти, его сестра. Оба похожи на меня, только дѣвочка гораздо меньше и будетъ брюнетка, какъ ея мать.

Но, Боже мой, какой контрастъ! Тѣ же родители, то же во

питаніе до десяти лѣтъ—возрастъ Нитти. И Степу вели до гимназій, какъ дѣвочку. Я не вмѣшивался. Рѣшала и руководила, разумѣется, Агриппина Дмитріевна. Онъ еще «первякомъ» жилъ въ одной комнатѣ съ гувернанткой, и я былъ увѣренъ, что изъ него выйдетъ благоприличное дрянцо. Такъ же ведутъ теперь и Нитти. Но у нихъ ни малѣйшей сходной психической черты. Какъ глубоко заблуждался женеvскій гражданинъ, увѣряя, что люди родятся равными, а портить или направлять ихъ къ добру воспитаніе. Воспитаніе значитъ очень мало, натура—все!

Степу и въ гимназій такъ же «направляли». Онъ живетъ въ томъ же моральномъ воздухѣ, какъ и сестра его, а въ немъ зародились и зрѣли совсѣмъ другіе запросы, протесты, порывы и думы.

Я не вмѣшивался, по обыкновенію, никогда не дѣлалъ ему замѣчаній, видѣлъ и бесполезность какихъ-либо конференцій съ его матерью по вопросу о томъ, какъ вліять на него, отъ чего отвѣживать и къ чему пріучать.

Лѣтъ съ тринадцати Степа, оставаясь почтительнымъ и даже ласковымъ съ матерью, сумѣлъ незамѣтно отстаивать свою внутреннюю свободу. До этого возраста онъ былъ, по внѣшности и привычкамъ, маменькинъ сыночекъ, любилъ франтить, душился, носилъ дома лаковые башмаки, картавилъ, когда говорилъ по-французски, былъ чрезвычайно внимателенъ къ старшимъ, расшаркивался передъ дамами, хорошо танцевалъ, катался на конькахъ, зналъ всякія приличія и фасы. Иногда я надъ нимъ слегка подшучивалъ, спрашивая его: гдѣ онъ вычиталъ то или иное правило, не изъ книжки ли свѣтскихъ приличій изданія Эдуарда Гонне?

И въ какой-нибудь годъ, много два,—не знаю ужъ, подъ чьимъ вліяніемъ,—онъ сталъ замѣтно мѣняться: франтовство пропадало и разные свѣтскіе фасы. Не было уже никакого преклоненія передъ роскошью, шикомъ, породой, чинами. Мать нѣсколько разъ дѣлала ему замѣчанія насчетъ неумѣренныхъ занятій и даже нелюдимости.

Но Степа не сдавался и такъ дошелъ вотъ до юношескаго возраста. Это—личность. И она развилась сама собою.

Я не хотѣлъ ставить его между собою и Агриппиной Дмитріевной, не онъ давно почувствовалъ, что я — на его сторонѣ. Когда жажда знанія вспыхнула въ немъ, онъ сталъ заговаривать со мною не часто, потому что, при моемъ образѣ жизни, быть со мною вмѣстѣ ему удавалось почти что только за обѣдомъ. Когда онъ воз-

вращается домой изъ гимназін, меня нѣтъ. Послѣ обѣда я отдыхаю. Потомъ начинается вечеръ петербургскаго мужа. А онъ сидитъ въ своей комнатѣ, готовитъ уроки и упражненія, пишетъ или читаетъ книги до поздней ночи.

Насъ, въ эти часы, почти никогда нѣтъ дома, за исключеніемъ нашихъ журфиксовъ.

Степа не забылъ, что отецъ его, прежде чѣмъ превратиться въ петербургскаго человѣка «съ положеніемъ», былъ долго студентомъ.

«Докторомъ» меня давно уже никто изъ habitués Агриппины Дмитриевны не считаетъ, да она бы сдѣлала выразительную гримасу, если бы кто-нибудь вслухъ назвалъ меня такъ.

Сынъ мой все это во-время узналъ. И вотъ уже болѣе года, какъ онъ, то и дѣло, порывается бесѣдовать со мною, спрашивать о книгахъ, ставить и общіе вопросы.

И каждый разъ, когда онъ, въ видѣ мыслей вслухъ, высказываетъ что-нибудь *общее*, его огромные чистые глаза смотрятъ на меня съ трудно-уловимымъ выраженіемъ.

Точно онъ хочетъ обратиться съ чѣмъ-то ко мнѣ, по поводу того, что онъ сейчасъ высказалъ и не рѣшается. Какое-то недоумѣніе, если не жалость, сквозитъ въ этихъ взглядахъ.

Сегодня ледъ надтреснутъ.

Я только что всталъ и зажегъ лампу на письменномъ столѣ. Агриппина Дмитриевна уѣхала въ гости на этотъ разъ одна. Нитти сидѣла въ классной комнатѣ со своею гувернанткой, mademoiselle Masson, старою дѣвой, родомъ изъ Женевы, совсѣмъ обрусѣлой, ограниченной и помѣшанной на бонтонъ и знакомствѣ съ высокопоставленными особами, несмотря на свое землячество съ авторомъ «Эмиля» и «Contrat Social».

Мнѣ нужно было поработать. Вечеромъ мнѣ удастся это все рѣже и рѣже, потому что наши связи, благодаря Агриппинѣ Дмитриевнѣ, все растутъ.

Только что я сѣлъ къ столу, тихонько растворилась дверь.

Я обернулся. Въ портьерѣ стоялъ Степа, въ домашней тужуркѣ.

Въ одной рукѣ онъ держалъ зажженную свѣчу, а въ другой — какой-то томигъ въ цвѣтной обложкѣ.

Онъ, какъ будто, немного смутился.

— Извини, папа, я не зналъ, что ты дома... Не хочу тебѣ мѣшать.

— Войди, войди, милый!

Я сейчас же сообразилъ, что онъ пришелъ поставить въ шкапъ книгу или взять другую.

Ключъ отъ шкапа я никогда не пряталъ и Степа могъ брать что ему угодно, тѣмъ болѣе, что у меня очень мало беллетристики; преобладаютъ научныя книги.

Онъ вошелъ, погасилъ свѣчу и поставилъ ее на столикъ, около кувшени.

— За книжкой?—спросилъ я.

— Вотъ... поставить на мѣсто.

— А что это за вещь? — спросилъ я совсѣмъ не изъ желанія допрашивать.

Мнѣ показалось, что Степа немножко краснѣетъ.

— Это одинъ романъ... Я набрелъ на него на той недѣлѣ.

Степа протянулъ мнѣ томикъ парижскаго формата, но не въ желтой, а въ сѣро-розоватой обложкѣ.

— «Babolain», — выговорилъ я вслухъ.

— Да, «Babolain», — повторилъ Степа и тутъ, уже безъ признаковъ смущенія, взглянулъ на меня совсѣмъ особенно.

Мы, точно безъ словъ, поняли другъ друга.

Давно, больше десяти лѣтъ, купилъ я эту вещь Густава Дроза, прочтя гдѣ-то краткую рецензію. Меня заинтересовало содержаніе: жалкая исторія жалкаго мужа, состоявшаго всю свою жизнь въ званіи «souffre-douleur'a» при своей законной супругѣ.

И вотъ судьбѣ угодно было, чтобы мой сынъ набрелъ на ту же книжку.

— Понравилось тебѣ? — спросилъ я, чувствуя нѣкоторую тревогу.

— Талантъ есть, папа... и легко читается, и задумано хорошо. Только я нахожу, что авторъ слишкомъ уже выгораживаетъ своего героя. Есть всему мѣра! Вѣдь это же постыдно играть такую роль всю жизнь... Почему же это симпатично?

Браска показала на его худыхъ щекахъ съ нѣжною кожей, но не отъ смущенія, а отъ негодующаго чувства.

— Все понимать—значить все прощать, — выговорилъ я, не глядя на него прямо.

— Прекрасно, папа. Но самъ-то онъ, этотъ Баболанъ, развѣ онъ о доброй волѣ игралъ такую жалкую, прямо постыдную роль?

По доброй ли волѣ? Какъ же это сказать такъ рѣшительно... зналъ, что Степа уже глотнулъ книгъ по психологіи и врядъ жался твердой вѣры въ безусловную свободу воли.

— Я не то хочу сказать, папа, что мы можем стать выше... детерминизма,—выговорилъ онъ съ очень характерною миной,—вовсе не то. Конечно, мы не можемъ безусловно отвѣчать за свои поступки... съ высшей, научной точки зрѣнія. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ. Если я годами сознаю, что мое положеніе невыносимо и постыдно, зачѣмъ я буду терпѣть?

— Ты видишь... вотъ терпѣлъ же Баболѣнъ, и въ его психиіи нѣтъ ничего невѣроятнаго.

— Еслибъ еще тутъ страсть была, любовь... я понимаю. И того нѣтъ. А такъ... забитость... Даже больше. Точно онъ смакуетъ вездѣ свое жалкое существованіе. Какъ тебѣ угодно, папа, это—не особенно симпатично, и авторъ напрасно такъ его убѣляетъ. Я собственно объ авторѣ говорю, папа. А такого Баболѣна, если онъ дѣйствительно существовалъ, все же жаль. И мнѣ,—мѣстами,—за него было очень жутко.

Степа спустилъ свои длинныя рѣсницы, что придаетъ ему сейчасъ дѣвическій видъ.

— Очень жутко,—невольно повторилъ я.

Наши взгляды опять встрѣтились.

На этотъ разъ меня явственнѣе что-то кольнуло.

Развѣ не ясно было, что мой сынъ, этотъ юноша, не по лѣтамъ развитый, чистый и полный хорошихъ порывовъ, если не обвиняетъ меня, то страдаетъ за меня?

Навѣрное, ему за меня болѣе жутко, чѣмъ за созданнаго романистомъ Баболѣна, и не со вчерашняго дня, а быть можетъ съ той самой поры, когда въ немъ произошла такая опредѣленная перемена въ отроческіе годы.

Но заговорить съ нимъ объ этомъ мнѣ первому было трудно. Я и стыдился, и боялся, точно не ему, а мнѣ шестнадцать съ небольшимъ лѣтъ.

— Ты случайно набрелъ на этотъ романъ?—спросилъ я его, сознавая, что ищу выхода, а не прямого предлога.

И въ то же время во мнѣ само собою, помимо моей воли, зажглось желаніе излиться.

— И да, и нѣтъ, папа,—отвѣтилъ онъ, не глядя на меня.—Увѣдалъ я корешокъ этой книжки случайно, если хочешь. Но я слыхалъ о романѣ Дроза. И потомъ... не такъ давно я читалъ одинъ русскій романъ, гдѣ мужъ также пассивная личность, въ одно петербургскомъ семействѣ. Онъ, конечно, болѣе достоинъ чувствія.

Я не полюбопытствовалъ узнать: какой это русскій романъ

— Ты знаешь, я беллетристичкой не злоупотребляю, особенно французской,—продолжалъ Степа.

Мнѣ показалось, что онъ тоже ищетъ *исхода*, что ему и хотѣлось бы страстно разговора по душѣ, и боится онъ вызвать его.

Это было, однако, чересчуръ малодушно съ моей стороны.

— Скажи мнѣ, Степа,—началъ я, закуривая сигару, точно за-тѣмъ, чтобы поддерѣпить себя никотиномъ табачнаго дыма,—скажи мнѣ,—повторилъ я,—ты, читая этотъ романъ,—и я указалъ рукой на книжку—не испытывалъ ничего личнаго?

Вопросъ былъ неловко выраженъ. Сейчасъ же я нашелъ, что онъ лишній, безтактный, тѣмъ болѣе неумѣстный, что Степа ни однимъ словомъ не зашелъ за черту. Только взглядъ его показывалъ, что для него я—Баболѣнь или вродѣ того.

Онъ низко опустилъ голову и сталъ даже нервно перебирать пальцами по столику, куда онъ поставилъ свѣчу.

— Почему это... тебѣ пришло на умъ? — тихо вымолвилъ онъ.—Развѣ я подалъ поводъ?

— Нисколько! И я не хочу залѣзать въ твою душу, милый. Меня очень трогаетъ то, что ты самъ хотѣлъ бы быть другомъ твоего отца. Я это вижу, и не со вчерашняго дня. Это меня очень трогаетъ.

Степа сталъ замѣтно блѣднѣть. Въ глазахъ его, хоть и отверженныхъ отъ меня, явился блескъ.

— Тебѣ такъ неловко сидѣть. Сядь вотъ сюда, на диванъ, рядомъ со мною.

Я пересѣлъ на диванъ, и Степа сейчасъ же помѣстился ко мнѣ, ближе къ вальку дивана. Онъ почти припалъ ко мнѣ. Я взялъ его за талию, и моя рука ощущала, что по его гибкому, худощавому тѣлу пробѣгаютъ нервныя струйки.

Я былъ уже гораздо менѣе взволнованъ. Меня успокоила та мысль, что ничего щекотливаго не всплыветъ въ такомъ задушевномъ разговорѣ. Степа, конечно, не подозрѣваетъ свою мать ни въ чемъ «преступномъ». Никто изъ habitués ея гостиной не имѣетъ примѣтъ «друга». За это мнѣ нечего было бояться.

— Ты, папа, — заговорилъ Степа, положивъ голову на мое плечо,—точно прочелъ у меня въ душѣ.

— Какъ такъ?

— И облегчилъ меня... Благодарю тебя. Что-жъ! Намъ съ тобою не трудно понимать другъ друга. Я не буду говорить о моихъ ствахъ, у меня нѣтъ привычки. И обвинять тоже я не желаю...

— «Мать твою»,—подсказалъ я за него.—Но у тебя есть на

душѣ нѣчто, и не со вчерашняго дня. Говори. Ты видишь, я самъ тебя вызвалъ на такую бесѣду. Твой отецъ всегда хотѣлъ быть твоимъ другомъ.

Степа высвободился немного, поднялъ голову, глаза его были возбуждены и влажны; онъ быстрымъ движеніемъ переплелъ кисти рукъ, точно хотѣлъ о чемъ-то страстно просить меня.

— Папа! Ты такой хорошій. У тебя такія идеи и убѣжденія. Я это знаю или догадываюсь. Зачѣмъ же ты здѣсь, въ этомъ домѣ, до такой степени... принижаетъ свою личность?... Зачѣмъ?

Въ возгласѣ зазвучали слезы. И даже его губы, яркія и нервныя, вздрагивали.

— Скажи! А если тебѣ слишкомъ тяжело отвѣтить, — прости мнѣ. Есть вещи, на которыя нельзя или не нужно отвѣчать.

Въ первый—въ самый первый разъ во всю мою жизнь—я долженъ былъ отвѣчать на такой вопросъ.

А отвѣтить на него значило: представить защиту всей своей жизни или обвинительный актъ противъ той женщины, съ которой связала меня судьба.

Но какова бы ни была эта «подруга», сынъ могъ мнѣ отвѣтить:

— Ни подъ какимъ видомъ ты не долженъ былъ *принижать* свою личность.

Все, что говорилось и дѣлалось у насъ въ домѣ, было ему извѣстно, и вотъ уже по крайней мѣрѣ три года, какъ онъ очень сознательно и вдумчиво все воспринимаетъ своей чистой и отзывчивой душой.

Начинать исповѣдь съ самаго начала было слишкомъ тяжело.

Я не сумѣлъ бы начать. Съ чего? Разсказывать по порядку или выхватить что-нибудь характерное?

Степа помогъ мнѣ.

— Вотъ, папа,—сразу упавшимъ голосомъ продолжалъ онъ,—если ты мнѣ позволишь взять хоть одинъ фактъ...

— Говори, прошу тебя.

— Третьяго дня у насъ обѣдалъ этотъ господинъ... съ рыжими баками. Онъ былъ уже у мамы съ визитомъ въ ея понедѣльникъ.

— Тихвинцевъ?

— Да. Это твой знакомый?

— Мой ли? Какъ тебѣ сказать? Мы съ нимъ давно встрѣчаемся. Но онъ сталъ бывать...

— У мамы?

— Если хочешь—да.

— Правда, онъ очень-очень дурной господинъ? Мнѣ говорили

хорошіе люди. Одинъ товарищъ прекрасно знаетъ исторію его карьеры. Наконецъ... онъ занимаетъ такое мѣсто, что не надо другого аттестата. — Степа брезгливо вздрогнулъ. — И онъ, за нашимъ столомъ — почетный гость. За нимъ ухаживаютъ... Положимъ, бываетъ часто: репутація хуже, чѣмъ самъ человѣкъ. Но развѣ онъ весь не олицетвореніе...

Слово не давалось ему.

— Чего? — не безъ тайнаго удовольствія спросилъ я.

— Всего, что есть у насъ... здѣсь, въ Петербургѣ, вездѣ... въ Россіи самаго возмутительнаго. Онъ даже не давалъ себѣ труда хоть немножко устыдиться того, что онъ изрекалъ. Это ужасно!

Возгласъ: «это ужасно!» — вылетѣлъ у Степы почти со слезами.

Тутъ я былъ устыженъ и почувствовалъ, какъ щеки мои зардѣлись.

Будь на моемъ мѣстѣ Агриппина Дмитріевна, она бы сумѣла осадить «дерзкаго мальчишку». Да Степа и не посмѣлъ бы никогда говорить съ ней такъ искренно. Она выработала себѣ особый тонъ, мягкій и властный, предупреждающій всякое проявленіе «злой воли», какъ она изволитъ выражаться на своихъ пріемныхъ дняхъ. Дочь она ведетъ совершенно какъ куклу въ балетѣ «Коппелія»; но и Степа при ней или молчитъ, или отдѣливается краткими фразами.

— Знакомые у насъ разные. Есть мои, но больше мамины.

— Кто же собственно твои, напa?

Я назвалъ двоихъ-троихъ мужчинъ.

— Да. Но вѣдь такой господинъ, какъ этотъ Тихвинцевъ... Онъ не просто первый попавшійся знакомый. Онъ представляетъ собою знамя — и какое!

Глаза Степы расширились и взглядъ ихъ проникалъ въ меня.

Я не удивлялся его языку. Онъ говорилъ, какъ студентъ, какъ взрослый молодой человѣкъ, и говорилъ просто, не рисуясь, не выискивая книжныхъ выраженій.

Передо мной встала моя же совѣсть, живая, плоть отъ плоти моей, и заговорила такъ, какъ я говорю съ собою, — только про себя, и то очень рѣдко, боясь и такихъ обращеній къ себѣ.

«Знамя!»

Да, Тихвинцевъ — *знамя*, и какое! Но развѣ онъ одинъ? Больюжины мужчинъ, военныхъ и статскихъ, службистовъ и бирвиковъ бываетъ у насъ постоянно, и Агриппина Дмитріевна все расширяетъ рамки своей эксплуатаціи.

— Что-жъ, по-твоему, — сдерживая вздохъ, спросилъ я Сте-

— я не долженъ былъ бы принимать такихъ господъ?

Степа, съ тѣмъ же возбужденнымъ взглядомъ, кивнулъ головой.

— Но какъ же это сдѣлать, дружокъ? Твоя мать—равноправное существо. Я не могу ей запретить.

— Конечно, конечно. Но позволь... Я часто объ этомъ думаю и всегда у меня одинъ и тотъ же вопросъ: какъ же это такъ вышло, что вы живете съ мамой около двадцати лѣтъ, не ссоритесь, почти никогда не спорите даже, а вѣдь между вами должна лежать цѣлая пропасть? Положимъ, мужъ и жена свободны. Но почему же у насъ, въ нашемъ домѣ, все только знакомые мамы, а не твои? Вѣдь это такъ, скажи?

— Пожалуй.

— И все это такой народъ, отъ котораго ты долженъ страдать. Ты только ихъ выносишь. А развѣ это хорошо? Жилъ бы я съ кѣмъ-нибудь... Когда придетъ мое время, я тоже могу жениться...

Я чуть не перебилъ его восклицаніемъ:

«Избави тебя Боже!»

— Ну, и что же, милый?

— Съ какой же стати буду я навязывать моей женѣ такихъ людей, которые ей противны? Это насиліе! Это тиранство! Положимъ, папа, что я съ товарищемъ буду жить въ одной комнатѣ; я вѣдь не стану же приглашать людей для него антипатичныхъ? Да и какое же это товарищество, дружба или душевная связь... что ли: въ цѣлыхъ десять-пятнадцать лѣтъ хоть сколько-нибудь не спѣться?

Степа заглянулъ мнѣ въ глаза и такъ мило, еще дѣтскимъ движеніемъ, одной рукой обнялъ меня за шею.

— Ты не сердишься на меня?

— Нисколько, дружокъ.

— Ну, и прекрасно. Это, папа, между нами, что мы теперь говоримъ. И, наконецъ, ты самъ хотѣлъ, чтобъ я былъ съ тобой откровененъ.

— Еще бы!

— Ты возьми хоть это... Придетъ къ намъ... хорошій, совсѣмъ хорошій человекъ... Онъ съ тобою познакомился, знаетъ какой ты умный и честный. Ты его пригласишь обѣдать, и вдругъ онъ наткнется на такого господина, какъ этотъ Тихвинцевъ. Развѣ онъ не будетъ осуждать тебя? А если это какой-нибудь товарищъ котораго ты не видалъ съ самаго выхода? Онъ, вѣдь, не станетъ молчать.

И что-то вспомнивъ, Степа на нѣсколько секундъ замолчалъ.

— Небось, сколько было разговоровъ и въ газетахъ печата-
ли... именно этотъ вопросъ разбирали.

— Какой же?

— А вотъ, что человѣкъ, который извѣстенъ такими-то идеа-
ми, можетъ ли онъ оправдываться слабостью, что ли, къ своимъ —
къ женѣ, къ дѣтямъ, когда они заставляютъ его дѣлать то, что
прямо противорѣчить его символу вѣры?...

Слишкомъ было ясно, что Степа и хотѣлъ бы оправдать своего
отца, но не находить никакихъ вѣсныхъ доводовъ.

— И тебѣ бывало очень больно за меня? — спросилъ я, чув-
ствуя, что я не въ силахъ оправдываться передъ моимъ маль-
чикомъ.

— Да, папа, — прошепталъ онъ, — больно, очень больно!

Мы оба смолкли и сидѣли такъ, прижавшись одинъ къ друго-
му, въ полутемнотѣ кабинета.

— Если тебѣ тяжело говорить, — началъ опять Степа, все такъ
же тихо, — я не хочу настаивать. Я понимаю. И то сказать: легко
обвинять, а если дойти до всего... до самой глубины, тогда все
сдѣлается понятнымъ.

Я поцѣловалъ его въ лобъ.

— Спасибо, дружокъ, ты любишь отца. И теперь уже ты мо-
жешь быть его другомъ. Будешь старше, твоя дружба станетъ для
него еще дороже. Только прошу тебя, Степа, ничего самъ не рѣшай.
Не возмущайся слишкомъ быстро. Не позволяй себѣ ничего рѣз-
ваго противъ твоей матери.

Голосъ мой звучалъ просительно. Миѣ было почти гадко за
самого себя. Но развѣ я могъ говорить иначе?

И мой умный и чуткій мальчикъ понялъ это.

— Одно я могу тебѣ обѣщать: въ томъ, къ чему ты будешь
стремиться, коли захочешь устроить свою жизнь — я тебѣ вѣрный
помощникъ.

Степа посмотрѣлъ на меня какъ бы съ выраженіемъ тихой жа-
лости.

— За это нечего бояться, папа, — выговорилъ онъ сразу из-
лившимся тономъ, твердо и звонко. — Если придется бороться
намою... я готовъ. Насильно меня нельзя заставить быть тѣмъ,
я не хочу. Спасибо и тебѣ!

Онъ спустилъ ноги съ дивана, подошелъ къ столу, взялъ свѣ-
чоставилъ томики въ шкафъ и, уходя, сказалъ:

Прости еще разъ, папа, что я тебѣ помѣшалъ заниматься.

III.

Итакъ, у меня въ домѣ есть живая совѣсть — мой сынъ.

Я могъ объ этомъ и раньше догадываться. Но теперь, послѣ разговора въ кабинетѣ, нельзя уже зажимивать глаза на то, что есть и будетъ все расти.

Мой умный, милый мальчикъ страдаетъ и за меня, и за себя, и будетъ все сильнѣе страдать, — это неизбежно. До тѣхъ поръ, пока не выйдетъ чего-нибудь...

Чего? Мнѣ передъ самимъ собою стыдно ставить такія слова.

«Баболень»... вотъ кто я! И замѣчательно, что про эту книжку, купленную когда-то и прочтенную, я совсѣмъ забылъ. Правда, это было давно. Кажется, не меньше, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Теперь припоминаю, что роману уже болѣе двадцати лѣтъ.

Но развѣ и тогда, — положимъ, на второмъ, на третьемъ году моей супружеской жизни, — я уже не видѣлъ, что пойдетъ все такъ, какъ оно шло до сей минуты, и все въ гору и въ гору? Степа былъ уже, вѣроятно, на свѣтѣ, когда я купилъ у Мелле или у Вольфа этотъ розовато-сѣреньгій томикъ. Теперь даже припоминаю, что и купилъ я его потому, что мнѣ понравилась надѣлавшая когда-то шуму вещь того же автора: «Monsieur, Madame et Bébé».

Значить, и тогда все уже «было» и установилось на тѣхъ рельсахъ, по которымъ повезли вагонъ моей жизни.

Какъ же это такъ случилось? Очень просто и незамѣтно.

Много учился. Мечталъ о каведрѣ, ѣздилъ за границу и тамъ все учился. И тамъ же мы встрѣтились съ дѣвицей Юрской. Я уже имѣлъ степень доктора. Она — дочь генеральши, безприданница, очень хорошенькая, воспитывалась въ Дрезденѣ и немного въ Парижѣ, и на модныхъ курсахъ въ Петербургѣ.

Привлекла меня эта барышня сразу, просто опомниться не дала. Тогда мнѣ казалось, что у ней — всѣ «задатки».

Но этими «задатками» обладаютъ всѣ, кому слѣдуетъ прибирать насъ, слабосильныхъ, т.-е. тѣхъ, кого судьба обрекла на самый постыдный изъ всѣхъ видовъ «закрѣпощенія». Мужчина, кто бы онъ ни былъ, хоть самый «дошлый» въ дѣлечествѣ, непременно поймается на этихъ задаткахъ, будетъ чужья чужой женѣ, которая захватитъ его крючкомъ, какъ въ игрѣ въ бирюльки.

Господи! Я знаю, что повторять за Шопенгауэромъ ѣдкія и злобныя обличенія женщины — старо и бесплодно! Но развѣ этотъ брюзга франкфуртскаго табльдота не правъ тысячу разъ, утверждая

гдѣ-то, что лживость есть основная природа женщины, что она ничего не можетъ дѣлать безъ притворства?

Это притворство въ ней безсознательное, а стало-быть и невмѣняемое. Какъ же я могу обличать и казнить какого-нибудь маньяка, или того, кому ловкій гипнотизеръ внушилъ обокрасть или задушить такого-то?

И это—родъ самовнушенія, отъ котораго изъ тысячи женщинъ свободны, можетъ быть, десять процентовъ.

Но постыдно то, что онѣ, въ свою очередь, гипнотизируютъ тѣхъ, кто связалъ съ ними свою судьбу. Это не фраза, не выходка мужа-раба.

Гипнотизація идетъ годами, ежедневно, ежеминутно. Отъ нея для нѣкоторыхъ мужчинъ нѣтъ никакого противоядія. Я говорю: нѣкоторыхъ!—если не всѣхъ, то четырехъ пятыхъ всего культурнаго слоя.

И такъ все просто, незамѣтно, петля за петлей разрастается сѣтъ, и вотъ вы въ ней съ головой, руками и ногами.

Изъ меня могъ выйти только теоретикъ. О практикѣ я никогда не мечталъ и на терапію смотрѣлъ, какъ на очень первобытное искусство, а на обирание синенькихъ и красненькихъ, какъ на професію менѣе симпатичную, чѣмъ заработокъ дантиста и мозольнаго оператора, который помогаетъ всегда или почти всегда.

И незамѣтно я очутился въ должности, отвѣчавшей моей подготовкѣ, съ общественною подкладкой, съ возможностью показать себя въ обширной области благотворительности. Въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ я—теоретикъ, безъ всякой склонности къ дѣлечеству—занималъ мѣсто почетное и доходное, совмѣстимое съ тѣми двумя должностями, которыя я исправлялъ еще по двумъ вѣдомствамъ и гдѣ я служилъ «страдающему человечеству».

Это «служеніе» уже и тогда дѣлалось для меня довольно тягостнымъ. Не трудно было распознать, на какой пружинѣ держалась вся эта сложная и дорогая механика, сколько во всемъ этомъ самаго хищнаго карьеризма, подхалимства, тщеславія и бумовства. Слишкомъ ужъ оно избито и вѣдомо каждому, чтобы распространяться объ этомъ.

А петли все нарастали и сѣтъ обволакивала меня.

Какъ? Чѣмъ?

Когда-то влюбленностью. Съ нею держалось и ослѣпленіе. Но оно стало довольно скоро пропадать. А когда всѣ струнья спали съ духовныхъ глазъ моихъ,—уже поздно было. Я уже обезсилѣлъ, или, лучше сказать, меня отравила уже моя долгая инертность.

И опять спрошу:

Какъ? Чѣмъ?

Женскимъ жизненнымъ *началомъ* пересилила меня жена, всевластнымъ и всепроникающимъ! Всякій мужчина, хотя бы онъ былъ закорuzлый практикъ, рядомъ съ самою *духовной* женщиной—чистѣйшій идеологъ. Въ ней говорятъ разомъ нѣсколько коренныхъ инстинктовъ—одинъ другого цѣпче и неотрѣшимѣе. Она сама ихъ раба; но раба, кующая всегда и вездѣ ковы мужского рабства.

Еще на-дняхъ, я у стараго ученаго, автора книги о древне-русской жизни, перечитывалъ его горячія тирады, гдѣ говорится, что если женщина жива, то потому только, что мы, мужчины, держали ее въ рабствѣ столько вѣковъ. Тоже вѣдь когда-то я вычитывалъ и у Спенсера. Но московскій ученый, должно быть, старый холостякъ, почему въ супружеской жизни и увидалъ арену возмутительнаго тиранства мужа.

Я даже записалъ вотъ такія строки:

«Здѣсь-то (т.-е. въ бракѣ) и возникла эта отчаянная борьба между мужемъ и женой, выражавшей свой протестъ противъ существовавшихъ положеній со всею ненавистью и озлобленіемъ *существа слабого, поработченного, униженного!*»

Я, помню, расхохотался, какъ безумный, прочтя вслухъ эти строки.

А за стѣной Агриппина Дмитріевна возсѣдала на своемъ приемномъ диванѣ.

Видите ли, женщина стала «злой» въ отместку за свое многовѣковое рабство! Такъ было во времена Домостроя, когда Даніилъ Заточникъ писалъ свою предигу о злой женѣ. Но вѣдь, господа, съ тѣхъ поръ прошло двѣсти и триста лѣтъ! А вы все еще повторяете свою жалостливо-рыцарскую прибаутку, когда рѣчь идетъ и о *нашихъ* женахъ.

Мы не мужики, не мастеровые, не купцы изъ репертуара Островскаго, мы—развитые и гуманные люди конца XIX вѣка, и наши подруги сами возмутятся, если ихъ будутъ называть «существами поработченными и униженными». Или лучше: онѣ расхохотутся на-единѣ съ своею совѣстью.

Въ чемъ, когда, гдѣ и какъ я, вотъ около двадцати лѣтъ, не то что уже подавилъ, но ограничилъ, хоть въ пустякѣ, личность моей жены?—Никогда ни въ чемъ, ни дѣломъ, ни словомъ!

А въ помышленіи сталъ желать не ограниченія, а хоть какого нибудь душевнаго единенія—очень скоро послѣ свадьбы, чувствуя е горше и горше, тщету такихъ мечтаній.

«Эволюція», — благо я сейчас упомянулъ о Спенсерѣ, — моей жены шла изумительно гладко и правильно.

Дѣвушкой она всѣмъ нравилась, въ томъ числѣ и мнѣ: красива, ловка, умна, бойка на разговоръ, но не болтлива, большой вкусъ во всемъ, *видимый* интересъ къ литературѣ, къ музыкѣ, въ особенности къ вокальной. Никакихъ крайностей и еще менѣе дефектовъ.

Такъ оно было и въ первые два года замужства. Моимъ идеямъ и симпатіямъ она не противорѣчила. Напротивъ, какъ бы *tacitu consensu* принимала ихъ. Никакой дамской вздорности въ домашней жизни ни изъ-за прислуги, ни изъ-за хозяйственныхъ дрягъ. Все пошло «*comme sur des roulettes*» — ея любимая французская поговорка.

Поводовъ къ супружескимъ размолвкамъ — никакихъ, хотя, съ третьяго года нашего брака, явились молодые люди и пожилые холостяки, состоящіе «при», т.-е. при ея особѣ, и дома, и куда бы она ни поѣхала — на вечеръ или въ театръ.

Да и теперь я бы сильно изумился, если бы кто-нибудь доказалъ мнѣ, что я — мольеровскій мужъ. Можетъ быть. Но поведение Агриппины Дмитріевны все такъ же допустимо — по свѣтскимъ обычаямъ и фасонамъ, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ.

И вотъ послѣ рожденія Степы, — Нитти еще не было на свѣтѣ, — я сталъ сознать, что выбранная мною, по душевной склонности, супруга ведетъ меня куда ей угодно, и что между нами нѣтъ *никакой* нравственной связи.

Безъ лишнихъ разговоровъ, безъ противорѣчій, безъ споровъ, безъ жалобъ или внушеній молодая женщина начала царить и въ обширномъ, и въ тѣсномъ смыслѣ.

Она не вторгалась въ мое «я». Мнѣ предоставляется и по сіе время быть *про себя* извѣстнаго образа мыслей, имѣть свои интимные вкусы и взгляды; но на ходъ нашего супружескаго лада это не имѣло ни малѣйшаго воздѣйствія. Домъ поставленъ прекрасно, кругъ знакомыхъ обширный и вліятельный, *сама* предсѣдательница пѣсколькихъ обществъ; мужъ — уважаемый «дѣятель» съ солиднымъ окладомъ.

его этого достигло «беспомощное» и «униженное» существо въ пятнадцать лѣтъ. И какъ я ни старался объ «единеніи», ничего изъ этого не выходило. Даже удивительно было то дипломатическое искусство, съ которымъ Агриппина Дмитріевна уклонялась отъ всѣхъ задушевныхъ разговоровъ и «обмѣна принциповъ». А вѣдь мы жили въ одномъ и томъ же комнатномъ покое.

Всѣмъ своимъ тономъ, и видомъ, и обхожденіемъ, она показывала, что такія «рацен» совершенно бесполезны, что у ней есть «царь въ головѣ», — тоже ея любимая поговорка, — что она женщина «передовая» и «интеллигентная» и ведетъ свою житейскую линію блистательно.

И на взглядъ общества все это было такъ, и остается такъ до настоящей минуты.

Но съ той полосы ея «эволюціи», когда она сдѣлалась «особой» и начались у насъ денные и вечерніе приемы, — мое самосознаніе обострилось. Я видѣлъ уже до гадости, до омерзѣнія — что такое нашъ домъ, гостиная жены, что весь ея душевный и общественный *habitus* представляютъ собою въ глазахъ каждаго, кто не продалъ себя «князю міра сего», какъ выражается мудрецъ Ясной Поляны.

И я все еще спрашиваю себя:

«Неужели гостямъ нашимъ не противно то — *какъ принимаетъ* моя жена, ея тонъ — увѣренный и сладковатый, ея сентенціи, разглагольствованія, умничанье, самовлюбленность, не знающая себя предѣла? И надо всѣмъ этимъ — постоянное дѣлчество, исканіе связей, жажда лести и поклоненія, самые циническіе коммеражи подъ личиною порядочности и фрондерства, когда это выгодно или въ ея «portée?»

Неужели генералы, дѣльцы, благотворители, ухаживатели и просто шелопаи и кумушки по доброй волѣ выслушиваютъ всѣ эти избитыя сентенціи, рассказы о ея болѣзняхъ, поѣздкахъ, добродѣтеляхъ, знакомствахъ, приемахъ у высокопоставленныхъ лицъ, о томъ, какъ она потеряла свою мать и какъ оплакивала ее, и какъ чуть-чуть не умерла отъ послѣдствій родовъ?

Вѣдь не могутъ же они не понимать, какъ она фальшива и тщеславна. Навѣрно, она должна была уже ловиться на писаніи разнымъ лицамъ однѣхъ и тѣхъ же записочекъ (съ повтореніемъ все тѣхъ же штучекъ), которыхъ она и теперь пишетъ по десяти въ день, потому что ея жажда популярности и поклоненія все растетъ.

Но это только гарниръ. А суть, которая забралась въ нутро нашей жизни, гдѣ, съ каждымъ годомъ, мое душевное одиночество все обострялось — эта суть теперь даже ничѣмъ не прикрывается.

Въ домѣ Агриппины Дмитріевны Вершицкой царитъ Петербургъ, глубоко противный мнѣ Петербургъ безпробуднаго виверства и службизма, дѣлчества и подхалимства, въ самой гнусной его формѣ — въ формѣ *скользящей*, двойственной, на всѣ вкусы и взгляды.

Ужъ лучше было бы слышать, въ гостиной жены моей, прямо возмутительныя вещи, ретроградство на-чистоту, шипѣніе или

брань на все, что дорого таким жалким идеологам, как я. А то нетъ. Придаться до сихъ поръ прямо нельзя было. Но ни въ комъ—ни въ мужчинахъ, ни въ женщинахъ—ничего за душой—ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, а только нынѣшній! И сынъ мой Степа все это почувствовалъ и началъ страдать—прежде всего за меня и въ моемъ «я». Развѣ такой умный мальчикъ не можетъ прикинуть: «Жалкая интеллигенція! Она думаетъ, что центръ нашей культурной жизни—столица государства—руководится ею! Какъ бы не такъ! Настоящіе хозяева тѣ, кто бываетъ на приемахъ у мамы. Вотъ кто чего-нибудь стоитъ въ ея глазахъ, а такіе, какимъ я хочу быть—смѣшные чудачи, воображающіе, что они—соль земли.»

И я вотъ такой смѣшной и жалкій чудачъ. Всѣ, въ голосъ, навѣрно говорятъ, что Агриппина Дмитриевна «создала» своего мужа, добилась для него почета и большихъ облаговъ. Иные—и это добрая половина—считаютъ ея мужа «потихоней себя на умѣ», а то такъ и просто «шельмой» и причисляютъ его къ одной изъ тѣхъ двухъ петербургскихъ категорій, которыми держится этотъ ненавистный мнѣ городъ,—*бляковъ*, какъ я ихъ зову, т. е. всѣхъ службистовъ, мудрящихъ въ своихъ кабинетахъ и канцеляріяхъ надъ русской землей, и *воротилъ*—участниковъ въ свалкѣ дутыхъ цѣнностей и азартной игры на нихъ, безъ которой тому Петербургу, гдѣ проходитъ свою эволюцію моя жена, не прожить и двухъ дней.

IV.

На денныхъ приемахъ Агриппины Дмитриевны я почти никогда не бываю.

Мнѣ было сказано вчера съ глазу на глазъ:

— Пожалуйста, мой другъ, постарайся быть завтра дома не позднѣе четверти пятого.

Эти два слова «мой другъ» приобрѣли для меня, съ годами, вѣчто фатальное, и въ своей условной мягкости равносильное приказу или замаскированной шпилькѣ.

И, предупреждая мое возраженіе, мнѣ замѣтили:

— Я знаю... тебѣ трудно управиться. Но нельзя же хоть разъ въ мѣсяца не показаться въ моей гостиной. Это неловко. Ты дѣлешь, правда, визиты мужчинамъ, но этого недостаточно. Для завтрашняго приема я тебя прошу сдѣлать исключеніе.

на при этомъ какъ-то особенно сжала губы и улыбнулась. промолчалъ.

одна, въ четверть пятого, я вошелъ въ гостиную Агриппины

Дмитріевны. Отъ этихъ приемовъ я совсѣмъ какъ-то отсталъ и мнѣ показалось даже, что я въ гостяхъ. Комната была та же, съ тѣми же стѣнами, по модѣ увѣшанными разнымъ стариннымъ тряпьемъ, въ видѣ драпировокъ, и со множествомъ разнаго другого брикъ-а-брака. Но главный «établissement», гдѣ хозяйка принимала на японскомъ диванчикѣ, перенесли теперь справа налѣво, отъ входа изъ передней.

Гостиная стала еще болѣе заставлена разной стильной мебелью и objets d'art. Когда и гдѣ они приобрѣтаются — я не знаю и мнѣ объ этомъ давно уже не сообщаютъ.

Истинно-художественные предметы — вещь хорошая. Но, Боже, какъ въ послѣдніе годы опротивѣла эта обезьянья повадка нашихъ барынь, особенно въ среднемъ петербургскомъ кругу! Иная гостиная у чиновницы средней руки или офицерши вся-то съ наперстоковъ, а чего-чего она не наставитъ и не наложитъ, и не развѣситъ въ ней! И хоть бы дѣйствительно «antiquités», а то всякое дрянцо со Щукина или изъ Александровскаго пассажа.

А когда, по близорукости, входя въ гостиную въ высшемъ стилѣ, я натыкаюсь на ободранную, но настоящую «chaise à porteurs», меня даже за сердце схватить и очень трудно скрыть отъ хозяйки гримасу, вызванную этимъ хламомъ «si bien porté» въ стилѣ Louis XV.

Прежде, лѣтъ десять тому назадъ, Агриппина Дмитріевна, занимаясь обстановкой, не была еще такой любительницей брикъ-а-брака. А теперь она часами можетъ занимать своихъ гостей мельчайшими подробностями того, какъ вотъ та козетка была ею найдена въ Марининскомъ пассажѣ ободранной и какъ она узнала въ ней «сразу» настоящій стиль Louis XVI, и какъ она ее реставрировала. И пойдетъ, и пойдетъ! Тутъ обозрѣетъ она исторію всѣхъ своихъ покупокъ: люстры, канделябры, старая парча, кокошники изъ Нижегородской губерніи, блюда старо-нѣмецкаго стиля, купидоны во вкусѣ «братьевъ Роббіа», старинные баулы изъ рѣзного дуба...

Когда я вошелъ въ гостиную, низкую, полутемную, съ двумя лампами на подставкахъ и съ опошлѣвшими кружевными абажурами, сидѣли всего четверо гостей. Хозяйка — у чайнаго столика, въ свѣтломъ платьѣ, съ модной, волнистой прической.

Я вижу жену мою только при свѣтѣ лампы и не могу сказать, въ какой степени она потеряла свѣжесть лица за послѣднія пять лѣтъ. Лицо — все такъ же напудрено, безъ румянца, съ обтянутымъ оваломъ, молоджавое. Глаза не утратили блеска. Они, навѣрно, под-

ведены. Волосы еще свои. Талья — въ рюмочку, при худощавости и небольшомъ ростѣ. Шея у ней сухая; но она умѣетъ кутать ее въ кружевной борокъ, высокій и пышный, и голова отъ этого выигрываетъ.

Она, какъ всегда, была «во всеоружіи», затянута и въ кольцахъ, съ своей любимой брошкой изъ эмали въ видѣ княжеской короны.

Помню, когда она заказала себѣ эту брошку, — давно, больше десяти лѣтъ, — я было замѣтилъ ей что-то... вскользь. Но она, мягко и внушительно, сказала:

— Если въ моемъ гербѣ есть корона, отчего же я не имѣю права сдѣлать изъ этого маленькое bijou?

Кажется, въ общедворянскомъ гербѣ фамиліи Юрскихъ значится дѣйствительно княжеская шапка съ короной, но не такая, какъ у тѣхъ титулованныхъ родовъ, у которыхъ есть и порфира, а въ самомъ щитѣ.

Агриппина Дмитриевна уже разливалась и ее почтительно слушали два чистенькихъ молодыхъ человѣка, вновь поступившихъ въ ея команду, оба — лицеисты, бритые на аглицкій манеръ, въ воротничкахъ, подпирающихъ имъ уши, и въ высокихъ толстыхъ шарфахъ. На диванчикѣ, рядомъ съ хозяйкой — барыня изъ продавицъ на базарахъ моей жены.

Разсказывалось что-то мнѣ давно знакомое, чрезвычайно старательно, съ разными готовыми изреченіями и шутками.

Слушая, я говорилъ себѣ:

«Развѣ это глупѣе и безтактиѣ того, что болтаютъ сотни дамъ изъ той же породы, какъ и моя жена — *les chic-femmes*, какъ ихъ называютъ французы, да и какія бы то ни было подруги самыхъ умныхъ, чуткихъ, талантливыхъ и краснорѣчивыхъ мужей? — Нисколько».

И мнѣ представлялись лица и слышались голоса «подругъ» нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей или сослуживцевъ. Господи! Какъ всѣ онѣ не подходятъ ни къ мужьямъ, ни къ ихъ вужку! Почти «езъ малѣйшаго исключенія. Еще, быть-можетъ, въ чисто-супружескомъ смыслѣ онѣ по пословицѣ «мужъ да жена — одна сатана»; ю какъ члены общества, какъ собесѣдники, товарищи — всякая ягодила насъ, разстраивала мужей съ ихъ ближайшими друзьями, представляла собою лишнюю ноту или фальшивую вариацию на «новомъ басѣ».

Вотъ почему одинъ изъ моихъ товарищей, теперь покойный, билъ повторять: «женщина социабельна, но антисоциальна».

Хорошенькая продавщица на базарахъ Агриппины Дмитріевны воспользовалась минутой, когда жена моя наливала ей чашку чая, и вставила свой шутиливый разсказецъ какъ разъ на тему, до чего молодымъ свѣтскимъ женамъ тягостно бываетъ въ заграничныхъ поѣздкахъ съ серьезными мужьями.

— Да, милая Агриппина Дмитріевна, всего лучше ѣздить одной. И я уже заявила своему благовѣрному, что въ будущемъ году я его не возьму. Ни за какія конфеты! Помилуйте, — барыня обернулась къ двумъ адъютантамъ моей жены, — пріѣзжаемъ мы въ Бадень-Бадень. Это было въ концѣ нашего августа. Погода — роскошь. Мы живемъ въ Hôtel de France. Прямо напротивъ — горы, гдѣ румынская церковь. Выхожу на балконъ — у насъ былъ балконъ — и вся душа таетъ... такое божественное утро! А мой супругъ сидитъ на стулѣ и уткнулъ носъ въ книжку. Обликаю его: «Basile! Что за прелесть!» Онъ киваетъ головой и что-то бормочетъ. И какъ бы вы думали, что онъ читалъ? Мысли Марка-Аврелія!... Ха, ха!

— Въ греческомъ подлинникѣ? — освѣдомился одинъ изъ молодыхъ людей.

— Ужъ не знаю. Нѣтъ, кажется, во французскомъ переводѣ. Но какъ вамъ это кажется?... Пріѣхать набанунѣ, выдти утромъ на балконъ... Передъ нимъ такая прелесть... А онъ — Марка-Аврелія!

Оба молодыхъ человека сдержанно засмѣялись. Улыбнулась и Агриппина Дмитріевна; но ея губы сложились такъ, что нетрудно было понять *нюансъ* ея усмѣшки. Она не вторила разсказчицѣ и сама никогда бы не позволила себѣ «прохаживаться» передъ гостями насчетъ своего «благовѣрнаго». Напротивъ, она всегда говорила обо мнѣ въ третьемъ лицѣ, называя «Семенъ Ивановичъ» или «мой мужъ» и всѣ *habitués* ея салона, навѣрно, считаютъ меня потихоней «себѣ на умѣ», котораго жена весьма уважаетъ, точно будто онъ не ей обязанъ всѣмъ, чего добился.

Разсказъ о Маркѣ-Авреліи вышелъ для меня особенно знаменателенъ.

Римскій цезарь — философъ, мудрецъ съ великой душой, хотя и гналъ христіанъ, считая ихъ государственными преступниками. И какую супругу послалъ ему Зевсъ? — Развратницу, умѣвшую долго носить личину. По этой части Агриппина Дмитріевна врядъ ли особенно похожа на Фаустину. Но во всемъ остальномъ — что же было общаго между *его* душой и естествомъ *его* державной подруги? А вѣдь онъ, при всемъ своемъ умѣ, не разглядѣлъ ее, — вплоть до той

минуты, когда ея поведеніе стало ужъ слишкомъ скандальнымъ. Передъ тѣмъ, какъ отправляться въ Римъ, онъ повторялъ:

«Если она виновата, надо сначала судить ее; а если нѣтъ, то зачѣмъ же я буду оскорблять ее подозрѣніемъ?»

И чѣмъ она взяла? Красотой? Тѣломъ? Но такой «головастикъ», какъ этотъ ученикъ Зенона и Эпиктета, не могъ ловиться на чувственную приманку. Онъ по цѣлымъ зимамъ, по цѣлымъ годамъ оставлялъ ее въ Римѣ, а самъ долженъ былъ нести свою повинность военачальника, изнывая отъ лихорадокъ, въ дебряхъ Германіи, на границахъ варварскихъ урочищъ, воюя съ какими-то тамъ маркоманами—въ теперешней Венгріи.

Разумѣется, императрицѣ—молодой, красивой, сластолюбивой и тщеславной—надо было чѣмъ-нибудь тѣшить себя. Но не въ этомъ дѣло. Вопросъ стоялъ все тотъ: какъ и чѣмъ могла эта бабенка такъ долго держаться, какъ подруга мыслителя и граждани-на его доблести?

Хозяйка только что завела рѣчь о томъ, какую она благодарность получила отъ высокой особы, которой представлялась на прошлой недѣлѣ, за сборъ съ благотворительнаго базара, какъ лакей доложилъ у дверей о новомъ гостѣ.

Это выкрикиванье именъ, фамилій, титуловъ и даже званій давно заведено моею женой и сдѣлалось безъ моего вѣдома,—я не знаю хорошенько, съ какого именно времени.

Сухая, старческая фигура, въ вицмундирѣ, со звѣздой, показалась въ дверяхъ, и взглядъ моей жены мгновенно пустилъ сигналъ въ мою сторону.

— Мой другъ, — чуть слышно добавила она.

Слѣдовало пойти навстрѣчу особѣ.

Этотъ остзейскій нѣмецъ, добравшійся до чиновничьихъ высотъ спеціальнаго вѣдомства, когда со мной встрѣчается, то одобрительно называетъ меня:

— Collega!

Онъ давно оставилъ практику, сдѣлалъ скоро чиновную карьеру и теперь застылъ въ своемъ почетномъ званіи, точно въ какомъ-то чѣ.

Сѣхъ насъ, русскихъ, даже и людей съ большой репутаціей, съ знатныхъ ученыхъ и блестящихъ практиковъ онъ считаетъ такъ — «русопѣтами», съ закоренѣлымъ высокомѣріемъ балтійца. Дѣлая онъ, по своему положенію, ничего собою не представляя; но косвенно онъ прикосновененъ къ сферамъ, гдѣ проходитъ общественная служба.

И вотъ это — главная причина заигрыванья Агриппины Дмитриевны. Сейчас же у ней измѣняется тонъ, точно она свою мелодію перекладываетъ на другой ключъ. Былъ *се-дуръ*, а теперь пріятно-скромный *а-моль*, съ фіоритурами, которыя должны дѣйствовать на эпидермисъ этого штатскаго генерала.

Онъ и на этотъ разъ удостоилъ меня маленькаго обращенія, отъ хозяйки принялъ чашку чаю и сталъ благосклонно бесѣдовать, вставляя французскія фразы съ такимъ же рижскимъ акцентомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ.

И тутъ пошелъ непрерывный обмѣнъ высшихъ слуховъ и соображеній изъ «сферъ»: такой-то наканунѣ назначенія, а такой-то «не проченъ»; этотъ сразу «хватилъ» на должность, которая ведетъ прямо къ мѣсту «товарища», а насчетъ этого еще нѣтъ ничего вѣрнаго: можетъ быть онъ будетъ во главѣ такого-то учрежденія, а можетъ получить заграничный постъ.

Пріѣхали еще двѣ гостыи и гость и всѣ сразу оживились; глаза блестящіе; другъ друга перебиваютъ, по русской привычкѣ, выпуски вставляя свои новинки.

Мой коллега еще не ушелъ, какъ въ гостиную ввалился высокій, широкоплечій, волосатый господинъ, съ головой и лицомъ протодьякона, тоже въ вицмундирѣ и съ крестомъ на шеѣ. Я его сейчасъ узналъ; но бывать въ гостиной моей жены онъ сталъ безъ меня.

Появленіе этого индивида было мнѣ едва ли еще не противнѣе, чѣмъ того Тихвинцева, о которомъ вышелъ у меня разговоръ со Степой. Тотъ — просто сбирь, безшабашный службистъ, родъ высшего *bravo*, который кого угодно зарѣжетъ, повѣситъ или закопаетъ въ яму за приличное вознагражденіе.

А этотъ, съ ученой степенью, профессоръ — «совмѣститель», новая разновидность петербургской фауны, честолюбецъ, подготавливающий свои «научныя» мысли къ тому, чѣмъ вѣсть на извѣстныхъ высотахъ. Нѣчто вредное и антипатичное, самодовлѣющее и нахально-грубое.

— Имѣлъ удовольствіе, — кинулъ онъ мнѣ съ пожатіемъ огромной лапы, сейчасъ же усялся около столика и выѣхался въ разговоръ зычнымъ голосомъ, покрывая имъ всѣ голоса, какъ истый поповичъ, хотя онъ, кажется, прямо не духовнаго званія, а сынъ мелкаго помѣщика, однако изъ кутейниковъ.

Этотъ пріѣхалъ прямо изъ своего служебнаго «кабинета», гдѣ онъ «совмѣщаетъ», и зналъ нѣсколько самыхъ свѣжихъ новостей крупнѣйшаго калибра.

Его видъ, манеры, голосъ, языкъ, крайняя безцеремонность и даже вульгарность, конечно, должны шокировать мою супругу; но она ни разу его не охладила какой-нибудь тонко-внушительной интонаціей.

Онъ ей нуженъ. Для кого? Для меня, что ли? Или для себя?

Прежде всего—для себя, для ея гостиниой. Этотъ обломъ идетъ изумительно въ гору. Черезъ три года онъ будетъ дьякомъ перваго ранга. Нынче такіе идутъ такъ же хлестко, какъ и высокопрilичные и родовитые.

И какъ удивительно ловко она лавировала, стараясь избѣгать такихъ поворотовъ общей бесѣды, которые могли бы слишкомъ ярко обнаружить новѣйшій государственный позитивизмъ этого ловкача. Нѣмецкая особа, несмотря на свое званіе, любила пускать нѣкоторое фрондерство насчетъ всѣхъ нашихъ, т.-е. *русскихъ* порядковъ.

Не знаю, удалось ли бы ей это вполнѣ. Но вотъ лакей доложилъ о прїѣздѣ новой гостыи. Ея званіе было произнесено имъ настолько громко, что всѣ оглянулись.

Лицо Агриппины Дмитріевны мгновенно озарилось, точно его изнутри чѣмъ подогрѣли. Она быстро встала и пошла къ дверямъ, и на ходу увлекла и меня скорымъ и рѣшительнымъ жестомъ.

Дама, —пожилая дѣвица, не начальница мнѣ, но занимаетъ высокій постъ и предсѣдательствуетъ часто въ комиссіи, гдѣ я членомъ.

Этотъ «ходъ» моей жены просто взорвалъ меня. Не говоря мнѣ ни слова, она, стало быть, такъ настоятельно лебезила передъ той особой, что добилась также отъ нея визита —и въ свой день.

У меня даже губы задрожали отъ гнѣвнаго волненія, когда я привѣтствовалъ нашу почетную гостью.

Такъ вотъ для чего она просила меня вернуться домой около четырехъ?!

Высокопоставленную дѣвицу Агриппина Дмитріевна усадила въ кресло и начала занимать. Эта особа —скромная и даже застѣнчивая — и ея тихій, сдержанный тонъ такъ мало отвѣчалъ красноречію моей жены, въ почтительно-игривомъ вкусѣ.

Я сидѣлъ въ углу и не глядѣлъ на гостью и долженъ былъ первые бороться съ желаніемъ: обрѣзать на чемъ-нибудь хозяйку гостиниой. Но Агриппина Дмитріевна почуяла, съ первыхъ ходовъ, ходу своего положенія. И на оцѣнку каждаго свѣжаго человѣка годило такъ, что она на совершенно равной ногѣ бесѣдуетъ съ * гостей и держитъ себя какъ молодая еще сановница.

Не взвидѣлся я, какъ уже на сцену появился опять пріемъ, послѣ благотворительнаго базара, съ пересказомъ «милостивыхъ» словъ, сказанныхъ ей, а потомъ незамѣтный *volte face* въ сторону ея материнскихъ обязанностей и позволенія представить ей дочь.

Я чуть не прыгнулъ:

— Къ чему это?

И точно изъ-за кулисъ маленькая воспитанница, дожидавшаяся своего номера танцевъ, выскочила Нитти, разодѣтая, въ длинныхъ бугляхъ на аглицкій манеръ, и голыхъ икрахъ.

Ее «продюжизировали» въ гостиную и специально почетной гостьѣ. Она присѣдала и поворачивалась съ выраженіемъ большой увѣренности въ себѣ. Мать вселила въ нее достаточную самовлюбленность. Она знаетъ прекрасно, что у ней хорошенькіе глаза и «чудные» волосы, что она умница и умѣетъ говорить наизусть басни и стихи на трехъ языкахъ.

Я такъ и ждалъ, что Агриппина Дмитріевна ловко придерется къ чему-нибудь и заставитъ Нитти проговорить какіе-нибудь стихи.

Этого не случилось. Но скачокъ отъ дочери къ самой матери былъ сдѣланъ совершенно неожиданно и, я не знаю уже въ который разъ, былъ кратко резюмированъ рассказъ о томъ, какъ она оплакивала свою мать и впервые поняла, что такое остаться сиротой.

Я усиленно молчалъ. Мнѣ било въ виски и шумѣло въ ушахъ; но уйти нельзя было. Почетная гостья, приласкавъ Нитти, уѣхала. Я ее проводилъ въ переднюю, хозяйка только до дверей гостиной, показывая остальнымъ, что она вовсе не прыгаетъ и передъ такой особой.

Нестерпимо потянуло меня въ кабинетъ, но Агриппина Дмитріевна поглядѣла на меня съ выраженіемъ:

«Погоди-моль, другъ мой, еще будетъ сюрпризъ».

Гостей прибывало. Пріѣхали двѣ важныхъ дамы — обѣ генеральши, и общій разговоръ затрещалъ такъ, что и монологи хозяйки уже не раздавались, точно предика посреди торжественной тишины.

Съ букетомъ бѣлой сирени вошелъ военный съ аксельбантомъ, въ густыхъ эполетахъ, дѣлецъ и службистъ, въ одно время, извѣстный ухаживатель и циникъ. Онъ оказываетъ моей женѣ особенное вниманіе и всегда говоритъ двусмысленности съ серьезной, кислой миной. Вслѣдъ за нимъ другой, уже статскій «воротило», биржевикъ и «лянсёръ» акціонерныхъ предпріятій, такой же циникъ, но болѣе шумный и рѣзкій, съ ухмыляющейся плебейской фizioноміей, хотя онъ и титулованный баринъ.

Оба они здороваются со мной, когда видят меня у жены, точно они ко мнѣ «приглаживаются». И тотъ, и другой бросать, «какъ поживаете?»—и, не дожидаясь отвѣта, присаживаются къ столу съ чайнымъ сервизомъ.

Не могу рѣшить, кто мнѣ противнѣе: остзейскій «коллега», совмѣститель-профессоръ или эти два петербургскихъ хищника.

Оба сейчасъ начинаютъ «врать», но моя жена и тутъ необычайно искусно лавируетъ и, чуть что, пускаетъ свой монологъ изъ личной жизни или на общіе вопросы, въ умѣренно-благожелательномъ или грустно-сожалительномъ тонѣ.

Было уже пять часовъ. Въ гостиной стало душно. Мнѣ хотѣлось курить. Агриппина Дмитриевна не допускала куренія даже и для своихъ самыхъ близкихъ *habitués*.

Опять докладъ. Слышенъ возгласъ лакея.

— Его высокопревосходительство...

Затѣмъ имя, отчество и фамилія.

Навѣрное ему дана была репетиція до приѣма.

— Мой другъ, Андрей Алексѣвичъ!

Вотъ для кого я долженъ былъ дежурить.

Вновь назначенный «управляющій», къ счастью для меня, лицо стороннее. Мы съ нимъ когда-то встрѣчались на разныхъ засѣданіяхъ, но домами никогда не были знакомы.

— Ахъ, Андрей Алексѣвичъ! Какъ это любезно!

Мы оба стояли посрединѣ гостиной. Агриппина Дмитриевна взяла нарочно самый непринужденный тонъ. Только блескъ глазъ и легкая краска, проступавшая сквозь пудру, выдавали ея радостное волненіе.

Она добилась этого подъ шумокъ, за моей спиной, и всѣ, кто тутъ былъ, конечно, подумали:

«Какая у этого простофили жена: за уши его тянетъ въ гору, а онъ только кланяется и благодарить».

На ея понедѣльникъ особа «второго класса». И какая? Извѣстная своими просвѣтельными и великодушными идеями.

Многіе уважаютъ Андрея Алексѣвича. И я въ томъ числѣ.

Будь это въ другомъ мѣстѣ, я бы самъ, поставъ ему рубу, сказалъ: какъ я искренно сочувствую всему, что онъ готовъ предпринять истинно полезнаго и двигательнаго. Но въ гостиной моей жены я съежился. Не честнаго человѣка, не хорошаго слугу родины цѣнить она, а особу, залучивъ ее, наконецъ, на свой «five o'clock».

И слушая, какъ говоритъ гость «второго класса», просто и

скромно, безъ малѣйшаго важничанья и краснбайства, я ощущалъ съ сугубой горечью и тошнотой дѣланныя тирады моей подруги.

Это было похоже на настоящую пытку.

Хорошо, что государственный человѣкъ дорожилъ своимъ временемъ и его визитъ длился не болѣе четверти часа.

— Мы съ вами давно не видались, — сказалъ онъ мнѣ, уходя, и его некрасивое лицо оживилось добродушной улыбкой толстыхъ губъ. — Пожалуйста, не беспокойтесь, — торопливо прибавилъ онъ, не допуская провожать его въ переднюю.

Агриппина Дмитриевна, въ дверяхъ, пустила ему бойкой нотой:

— Вы не забудете, Андрей Алексѣевичъ, вашего обѣщанія?

— Не забуду-съ.

Какого обѣщанія? Я не знаю и не стану выспрашивать. Знаю только, что меня попросятъ въ такой-то день и часъ оставить карточку у его высокопревосходительства.

Воротиться въ гостиную я не могъ больше. И когда я проходилъ къ себѣ мимо входной двери, она отворилась и впустила бафина въ шинели съ бобрами, въ ріпсе-пез, съ выпяченной губой подъ сухимъ, длиннымъ носомъ.

Это былъ господинъ Тихвинцевъ.

У.

Изъ кабинета своего слышу конецъ громкаго разговора въ передней.

Это было вчера, не въ пріемный день Агриппины Дмитриевны.

По нѣкоторымъ крикливо-сильнымъ нотамъ гостя, которую жена провожала, догадываюсь, что это одна изъ ея пріятельницъ — генеральша Маіорова, самая «отчаянная» изъ всѣхъ психопатокъ, создавшихъ цѣлый культъ поклоненія тенорку, который, съ голоскомъ, въ видѣ крошечной струйки комнатнаго фонтанчика, дѣлаетъ себѣ ренту въ пятьдесятъ тысячъ рублей.

Эта генеральша — тучная, точно бочка, красная, съ апоплексической шеей, всегда сидитъ въ первомъ ряду, а не въ ложѣ, чтобы быть ближе къ сценѣ и дать сигналъ оваціямъ, — поднести корзину, вѣнокъ съ лентами въ одѣяло, цѣнный подарокъ, — и въ театрѣ, и въ концертахъ.

— Пожалуйста, душа моя, — задыхаясь, кричала она въ передней, — дайте знать вашимъ. Это возмутительно. Нужны оваці-à tout casser! Все презрѣнная кабала! Я знаю доподлинно, что раздавали сотнями мѣста артельщикамъ, чтобы они шибали. Une horreur! Вы даете слово? А за вашу ленту цѣлую ваши ручки!

И она звонко чмокнула жену въ губы.

До послѣдняго времени Агриппина Дмитріевна не увлекалась тенороманіей. Она была, повидимому, ниже ея. Но она не можетъ допустить, чтобы какое-нибудь «движеніе» обошлось безъ ея участія, если не руководства. Если она соизволить что-нибудь поддерживать, значить за это должны быть всѣ женщины, дающія тонъ.

Безъ ложи въ оперѣ, — и въ Маріинскомъ, и въ консерваторіи у итальянцевъ, — нельзя же быть. Это — вывѣска положенія. Я люблю музыку, но часто уклоняюсь сопровождать мою жену въ ложу, подъ предлогомъ занятій. Она на это не жалуется. Ея партнерка — жена одного изъ ея ухаживателей, того биржевика и воротилы, который былъ у ней въ ея пріемный день.

У того, навѣрное, двѣсти тысячъ дохода, не считая разныхъ гушей, которые онъ срываетъ на валютѣ, на паяхъ, на перепродажѣ концессій и учредительскихъ уставовъ.

Когда, три года тому назадъ, Агриппина Дмитріевна абонировалась, вдвоемъ съ женой этого воротилы, на два сезона оперныхъ спектаклей, я позволилъ себѣ спросить ее:

— Не будетъ ли это превышать нашего бюджета?

Мнѣ было сказано:

— Мой другъ, я вѣдь не заставляю тебя увеличивать нашъ бюджетъ.

Это вѣрно. Бюджетъ, съ тѣхъ поръ, тотъ же, то-есть, что я даю на содержаніе всего дома столько-то. Единовременныхъ поборовъ съ меня не было.

Хозяйственный нашъ бытъ сложился такъ.

Жена вышла за меня дѣвушкой безъ состоянія. До смерти матери она получала отъ нея, ежегодно, часть ея, довольно значительной, пенсіи. Предполагалось, что этого хватитъ на ея туалетъ. Прежде она одѣвалась гораздо скромнѣе и была экономна... даже болѣе чѣмъ экономна — на кормъ прислуги, ея жалованье, на все, что не относится къ декоруму.

Послѣ матери остался небольшой капиталъ.

Онъ находится въ ея рукахъ. Все, что я зарабатываю, идетъ почти цѣликомъ на жизнь. У меня лично есть свои ничтожныя сбереженія. Обыкновенно деньги на текущіе расходы у жены, а не у меня.

И до полученія наслѣдства отъ матери Агриппина Дмитріевна поставила себя во всемъ, что расходы, такъ, точно будто мы оба — равноправные и равносостоятельные компаньоны одного промышленнаго товарищества.

Не думаю, чтобы того, что она имѣла, въ видѣ субсидіи, отъ ея матери, доставало ей на туалетъ, особенно въ послѣднія десять лѣтъ. Все, что увеличивало нашъ расходный бюджетъ, шло отъ нея, отъ ея требованій или желаній, погони за комфортомъ, приличіемъ, жизнью сообразно рангу.

Въ первое время я еще пытался замѣчать ей, что нельзя же все проживать, иногда и заходить за смѣту будущаго года. Она не спорила, не дѣлала сценъ, но держалась какъ въ этомъ, такъ и во всемъ остальномъ извѣстнаго «тона», съ котораго я, во-время, не сумѣлъ, да, вѣроятно, и не хотѣлъ ее сбить.

У меня есть, по одному изъ факультетовъ, на какихъ я перебывалъ когда-то, товарищъ, пошедшій по страсти къ сценѣ въ актеры. Позже, когда онъ сталъ дѣлаться симпатичнымъ публикѣ, у него начались «контры» съ первою актрисой, съ «премьершей», какъ онъ зоветъ на своемъ жаргонѣ. Онъ считаетъ ее посредственностью, сумѣвшей попасть въ любимицы, а главное — царить за кулисами не чѣмъ инымъ какъ «тономъ». Онъ до бѣшенства доходитъ, чувствуя, что въ столкновеніяхъ съ нею онъ не въ силахъ «сшибить съ нея этого тона».

То же приключилось и со мною.

И не одна Агриппина Дмитриевна, а всѣ почти жены людей богатыхъ и достаточныхъ, не имѣющія своихъ средствъ, умудряются занимать въ бракѣ такую позицію, точно онѣ независимы по своему экономическому положенію.

Въ этой исповѣди я говорю самъ съ собою! Мнѣ не передѣтъ оправдываться. Не способенъ я, даже про себя, съ глазу на глазъ съ совѣстью, входить въ денежные счета съ тою женщиной, съ которой судьба связала меня и я прожилъ около двадцати лѣтъ.

Но вѣдь надо же наконецъ выяснить: есть ли у насъ хоть какая-нибудь общая основа своего поведенія, того, что тоже зря и звонко называютъ «принципами?»

Для каждаго трудового человѣка одинъ трудъ есть мѣрило и оселокъ всего. Не поработаешь, такъ и не поѣшь! Такое изреченіе всякій вѣрующій найдетъ, если не ошибаюсь, въ одномъ изъ посланій апостола Павла.

Если оно такъ, то какъ же это двѣ трети женщинъ, замужнихъ и незамужнихъ, судятъ и рядятъ о мужчинахъ и считаютъ себя всегда выше ихъ, когда ни одна не могла или не хотѣла прокормить себя на свой счетъ?

Но онѣ прекрасно умѣютъ жить и при этомъ такъ себя ставятъ

въ семьѣ, что повелительницы онѣ, а ихъ мужья, отцы, братья—рабы, работающіе на нихъ.

Такъ ведется и въ другихъ странахъ, особенно во Франціи, такъ ведется и у насъ. Во Франціи жены почти всегда съ приданнымъ. Онѣ очень часто «носятъ панталоны», то-есть командуютъ въ домѣ, но дѣлаютъ это все-таки хитрѣе, сдержаннѣе, чтобъ оно не бросалось въ глаза.

А у насъ?

Не дальше, какъ этою осенью, на водахъ, встрѣтилъ я одну дѣвицу-француженку, съ ученою степенью, живущую самостоятельно. Она знаетъ по-русски и ѣздила три раза гостить въ Россію—въ наши столицы и въ усадьбы къ своимъ пріятельницамъ—русскимъ барынямъ.

Она называетъ нашу страну «Le pays de Cocagne pour les femmes», но не скрываетъ того, какъ она бывала изумлена, видя до какой степени жены, въ нашемъ образованномъ и достаточномъ классѣ, командуютъ надъ мужьями.

— Elles n'ont aucune générosité et aucun sentiment de decorum, même vis-à-vis de leurs enfants!

Агриппина Дмитриевна при дѣтяхъ никогда не командовала мною. Но какъ во всемъ остальномъ, такъ и въ хозяйствѣ, въ расходахъ она какъ бы не допускала даже предположенія, что она живетъ не на свое. И такихъ мужей, какъ я, сотни, тысячи, если не въ остальномъ, то по вопросу заработка и семейной *страды*.

И она когда-то строила либеральныя фразы, поддерживала женское движеніе, разливалась въ своей гостинной о святости правъ женщины на трудъ. Но и она, и ей подобныя — заработали ли онѣ хоть десять рублей съ тѣхъ поръ, какъ пришли въ совершенный возрастъ?

Нѣтъ!

Ей было уже двадцать лѣтъ, когда она шла замужъ. Ее хорошо учили, она имѣетъ цѣлыхъ два диплома, она могла бы давать уроки, заниматься переводами, быть копторщицей или завѣдывать мастерской.

«Но вѣдь она замужемъ!» — крикнуть всѣ защитники женщины and même.

Прекрасно. Но въ домѣ что она дѣлала такого, что можетъ представлять собою трудъ, всякій—и физическій, и главное—уменный?

Сколько времени, бывало, она любила цитировать изъ книги «О подчиненіи женщины». Англійскій мыслитель и чистый

душой человѣкъ требовалъ отъ насъ, мужей, чтобы мы смотрѣли на званіе жены, матери и хозяйки какъ на очень цѣнный трудъ.

Согласенъ. Но къ чему же сводится онъ у такихъ замужнихъ женщинъ, какъ Агриппина Дмитріевна?

Дѣтей своихъ она не кормила—ни Степу, ни Нитти. Она представляла къ нимъ кормилицъ, нянекъ и боннь, и никогда не занималась ими такъ, чтобы это у нея брало не то что половину, а хоть одну пятую ея времени. Ничему она ихъ не учила, буквально ничему. Никогда она не занималась кухней, не писала, не переводила, не давала уроковъ, не вела никакого хозяйства внѣ квартиры и дома, и вся черновая работа лежала на прислугѣ, а хлопоты, разъѣзды и распоряженія чисто-хозяйственныя—на ея покорномъ рабѣ, Семенѣ Ивановичѣ Вершицкомъ.

Она «царила». Если это трудъ, то онъ достоинъ былъ, конечно, большого гонора.

Слово «царила»—недостаточно. Она проводила свою «линію», она развивала свои дипломатическія способности. Будь она на посольской службѣ, она пошла бы далеко. Но труда тутъ нѣтъ, даже и умственного, если подъ нимъ понимать что-нибудь полезное или великодушное, направленное къ добру, къ правдѣ, къ заботѣ о разумномъ счастьи своей семьи или всѣхъ ближнихъ.

Прочти она эти строки, она пришла бы въ презрительное негодованіе. Я — «неблагодарный эгоистъ!» Я могу такъ смотрѣть на дѣло ея жизни, когда все держится ею, когда безъ нея я былъ бы ничтожнымъ чудачкомъ, какимъ-нибудь приватъ-доцентишкой!

Но развѣ она доставала мнѣ мѣста и заработка? Я получалъ ихъ не интригой и не протекціей. Только не будь ея, я бы остался вѣренъ своимъ студенческимъ идеямъ, пошелъ бы по другой дорогѣ, сталъ бы довольствоваться заработкомъ, котораго хватаетъ семьѣ трудового человѣка, безъ всякихъ экстренныхъ расходовъ на квартиру, прислугу, туалеты, выѣзды, приемы.

До смерти матери, когда Агриппина Дмитріевна получала ничтожную субсидію отъ своей матери, разумѣется, на туалетъ урѣзывался бюджетъ изъ другихъ статей. Мы жили дурно, а люди наши еще хуже, и если на воспитаніе дѣтей тратилось довольно, то прямо изъ тщеславія, во всемъ, что касалось уроковъ Нитти и тѣхъ трипокъ, въ какія ее облакали.

Какъ передъ творцомъ всѣхъ міровъ скажу здѣсь: я никогда не подозрѣвалъ мою жену въ чемъ-либо позорномъ, и для нея, и для себя! Я не считалъ ее такою, какихъ теперь не только въ Парижѣ, но и въ Петербургѣ—на каждомъ шагу. Прежде ихъ звали загла-

вѣмъ пьесы Ожье — «les lionnes paucres», а теперь — «барыньки съ поддержкой».

Она не дѣлала прежде безумныхъ тратъ на туалеты и бригъ-абракъ, и приемы. Но съ тѣхъ поръ, какъ у ней оказался свой, хоть и небольшой, капиталъ, пошло по-другому.

Ни одного изъ ея пріятелей-дѣльцовъ я не причисляю къ ея «друзьямъ» и понынѣ. Придраться къ ней на тему адюльтера я не могу, а на мелкую ревность заднимъ числомъ, сцены, замѣчанія и будированіе я никогда не былъ способенъ, а теперь это было бы просто смѣхотворно.

Какъ она намѣрена была распорядиться своимъ капиталомъ я, конечно, не знаю, да и она, до сихъ поръ, избѣгала какихъ-нибудь разговоровъ на такую тему.

Ея «тонъ», — тонъ премьерши моего товарища актера, — не допускалъ и не допускаетъ до этого.

Она прекрасно знаетъ, что человекъ моихъ взглядовъ и правилъ ни за что не позволитъ себѣ даже малѣйшаго намека.

И что же вышло? Она, разумѣется, съ развитіемъ ея суетности и тщеславія, стала искать самыхъ быстрыхъ и удобныхъ средствъ если не крупной наживы, то постоянныхъ и прогрессивныхъ тратъ.

Ея ухаживатели-дѣльцы стали давать ей совѣты, играли для нея на биржѣ и теперь играютъ. Одинъ разъ она проговорилась, сколько она на акціяхъ одного предпріятія «заработала». Она получила ихъ при основаніи, когда онѣ были по 250 руб., а теперь имъ биржевая цѣна около 500 рублей.

Но скажутъ:

«Что-жъ изъ этого? Всѣ играютъ!» Рѣшительно всѣ: отцы, матери, бабушки, дѣти, подростки. Патентованные либералы, люди самыхъ почтенныхъ профессій, фрондирующие всегда во имя передовыхъ идей — завѣдомо играютъ.

Не далеко ходить. Мой университетскій товарищъ, ученый и всѣми уважаемый, любимецъ своей аудиторіи — биржевой игрокъ, и вотъ больше десяти лѣтъ, какъ онъ, съ гонораромъ въ восемь тысячъ имѣетъ «train de maison» на двадцать и больше.

Сѣ знакомые говорятъ только о томъ, какъ онъ удачно играетъ, но никто не возмущается.

Гускай!

Вотъ сейчасъ войдетъ ко мнѣ Степа и скажетъ мнѣ въ упоръ:

Папа, правда ли, что мама играетъ на биржѣ? Вѣдь ея близкіе пріятели — такой-то и такой-то (дѣлецъ генералъ и титуло-

ванный). И правда ли, папа, что они оба играли на понижение нашей валюты *во время большого голода* и хвалились вездѣ, что каждый изъ нихъ получилъ на этомъ по десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ?

И я долженъ буду отвѣтить:

— Да, Степа, правда.

— А правда ли, что они помогаютъ мамѣ играть?

— Да, правда, Степа.

И онъ скажетъ мнѣ на это какъ разъ то, на что уже намекалъ въ нашемъ вечернемъ разговорѣ у меня въ кабинетѣ, когда онъ упоминалъ о вѣроучителѣ, семья котораго живетъ совсѣмъ не по его доктринамъ.

Развѣ я нравственно не солидаренъ съ моей женой? Кто же знаетъ, что я тутъ не причесть? Но я допускаю это. У насъ такой «*train de maison*», бюджетъ котораго превышаетъ мой заработокъ. Стало, я *попуститель*, если и не прямой сообщникъ. Я годами терплю—около себя, въ моемъ брачномъ союзѣ, на глазахъ всѣхъ знакомыхъ—спекуляціи въ совершенно такомъ родѣ, какъ и та, какой предавались оба пріятеля моей жены въ голодную зиму. Да и кто мнѣ поручится за то, что въ этой компаніи «на понижение» русской валюты она не участвовала въ какой-нибудь долѣ? Это было уже послѣ того, какъ она получила, со смерти матери, свой капиталецъ.

Это—жалкіе и безплодные вопросы заднимъ числомъ. Я зналъ все и попускалъ. И если я теперь пошелъ бы къ Агриппинѣ Дмитріевнѣ и сдѣлалъ ей сцену, она была бы въ полномъ правѣ сказать:

— Вы нелѣпы и жалки! Почему вы это теперь только хватились? Да и какое право имѣете вы вмѣшиваться въ мои денежные дѣла? У меня свои деньги и *какъ* я ихъ приращаю—вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла и я не обязана вамъ ни малѣйшимъ отчетомъ.

И она была бы тысячу разъ права, *формально*. Но вѣдь все къ этому и сводится въ денежныхъ вопросахъ!

Русскій законъ обезпечиваетъ женщинѣ полную имущественную самостоятельность. Она не обязана мнѣ отчетомъ ни въ одной своей полущкѣ. Мало этого! Если бы домъ, дача или квартира принадлежали ей или были наняты на ея имя, она имѣла бы полное право—въ случаѣ ссоры или простого каприза—выгнать меня сейчасъ же на улицу, ночью, на морозъ, или не пустить въ квартиру, что и бывало въ городѣ Петербургѣ, въ самомъ избранномъ обществѣ.

Я еще изумляюсь, какъ женщины мало пользуются этимъ. При ихъ всеобщей семейной гегемоніи онѣ должны были бы производить эти опыты по крайней мѣрѣ два-три раза въ годъ.

И вотъ до чего я дошелъ въ своихъ тайныхъ мечтахъ! Не дальше, какъ вчера я пожалѣлъ, что наша квартира законтрактована, да еще на четыре года—на мое имя, а не на имя жены; на мое же имя выданъ и страховой полисъ на все наше движимое имущество. Агриппина Дмитриевна, даже въ случаѣ бурной схватки, не смѣла бы по закону, выставить меня на тротуаръ, въ три часа ночи.

Женщины въ дореформенное время, жены купцовъ и чиновниковъ-взяточниковъ—дѣлались обыкновенно владѣльцами домовъ и даже имѣній. При ихъ растяжимой совѣсти это было вполнѣ естественно. Этотъ обычай и теперь еще не вывелся. Въ одномъ Петербургѣ домовладѣльцъ едва ли не больше, чѣмъ домовладѣльцевъ. И, конечно, половина ихъ фигтивныхъ. Какъ же имъ не владствовать, когда мужья сами даютъ имъ въ руки страшное право выгонять ихъ изъ дому въ мгновеніе ока?

Но меня нельзя выгнать изъ квартиры до тѣхъ поръ, пока я не буду просить жену мою переписать контрактъ, на что она не согласится, потому что это—обязательство, и весьма стѣснительное.

Проиграется она на биржѣ въ лоскъ,—въ домѣ она не потеряетъ своего положенія. Она перехватитъ у своихъ пріятелей, которые для нея откроютъ новый «оп call».

Сколько мужей, на моемъ мѣстѣ, были бы въ восторгѣ! И найдись такой прямолинейный, который не пожелалъ бы быть «попустителемъ»,—онъ или запретилъ бы женѣ играть, отобравъ у нея всѣ деньги, даже и ея собственные, или бы ушелъ отъ нея.

Уйти! Вотъ слово, звенящее у меня въ ушахъ съ утра до ночи.

VI.

Передъ обѣдомъ, вернувшись послѣ пяти, я читалъ, какъ всегда, у себя,—ко мнѣ вбѣжала, вся раскраснѣвшая, Нитти.

У ней только что кончился танцелассъ. Я еще слышалъ, когда переодѣвался, жидкіе звуки скрипача, съ которымъ ѣздитъ учитель. Собирается съ дюжину другихъ дѣтей—разумѣется, все такихъ родителей, которые нужны Агриппинѣ Дмитриевнѣ.

Нитти вбѣжала ко мнѣ въ платицѣ, вродѣ рубашки и, конечно, по модѣ—съ голыми ногами. Ея локоны разметались по плечамъ.

Она немного похожа и на меня, но въ общемъ—вся въ жену, только будетъ выше ростомъ, хорошенькая, уже влюбленная въ себя не меньше своей матери.

— Папа, посмотри, что мнѣ подарили.

Въ рукѣ она держала экранъ изъ свѣтло-голубого плюша.

Я отворилъ крышку. Тамъ былъ цѣлый приборъ изъ слоновой кости: овальное зеркало, ножницы, пилочки и еще разныя туалетныя вещи.

— N'est ce pas que c'est chic, père, dis?—спросила Нитти и глаза ея жадно и горделиво блеснули.

Я не любилъ никогда говорить съ дѣтьми по-французски, когда это выходило только потакательствомъ ихъ сословнаго тщеславія.

И тутъ я отвѣтилъ по-русски:

— Да, это хорошенькая вещь, но не для такой дѣвочки, какъ ты,—слишкомъ изысканная и дорогая.

— Почему?—протянула она, надувъ губы.—Ты всегда...

Она не досказала. Но можно было легко приставить конецъ фразы.

«Ты всегда съ своими глупыми замѣчаніями».

— Мама позволила тебѣ принять эту вещь?—спросилъ я безъ всякаго особеннаго выраженія въ моемъ тонѣ.

— Обязательно!

— Позволь, Нитти,—остановилъ я ее.—Я попросилъ бы тебя не употреблять этого слова—обязательно.

— Почему?—уже заorno возразила Нитти.

— Потому, что оно тутъ не кстати.—Твоя мама могла согласиться или не согласиться, чтобы ты приняла отъ постороннихъ подарковъ. Стало-быть, обязательно это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть.

— Ахъ, папа, какъ ты сейчасъ все по ниточкѣ разберешь! Всѣ говорить: обязательно.

Я не хотѣлъ настаивать. Но меня заинтриговало, кто поднесетъ ей этотъ экранъ.

— Ты сама пришла мнѣ показать это, или мама твоя была тутъ?—опять-таки безъ особаго выраженія спросилъ я.

— Конечно, мама была тутъ. Это во время танцелассъ принесли.

— Отъ кого?

— Отъ дяди Вити.

— Кто это дядя Витя? У тебя, кажется, не было что-то дядей съ этимъ именемъ.

— Это новый. Но онъ мнѣ больше другихъ нравится.

— Да какъ же его фамилія?

— Ахъ, папа, точно ты не знаешь... Ну, Тихвинцевъ.

Меня такъ и подмывало бросить экранъ съ зеркаломъ на полъ и разбить его въ дребезги.

— Онъ тебѣ очень нравится?

— Еще бы... Каждую недѣлю непременно что-нибудь привезетъ или пришлетъ.

Я почувствовалъ даже, что краска подступила мнѣ къ лицу; но я сдержалъ себя. Мнѣ сдѣлалось стыдно за самого себя.

Почему же я безъ всякой борьбы отдалъ эту дѣвочку въ исключительное пользованіе Агриппины Дмитріевны, разъ она ей нисколько не занимается и только систематически портитъ ее, дѣлая способною и, кажется, не злую дѣвочку тщеславной и себялюбивой? Она теперь уже маленькое воспроизведеніе психи моей сужруги.

— Послушай, Нитти, — заговорилъ я, привлекая ее къ себѣ. — Ты уже не такая маленькая. Тебѣ десять лѣтъ. Развѣ хорошо принимать цѣнные подарки отъ постороннихъ?

— Почему не хорошо? — спросила она спокойно, удивленнымъ тономъ.

— Игрушку... пустякъ, но не такой подарокъ, который стоить нѣсколько десятковъ рублей.

Она опять надула губы.

— Я не знаю... сколько что стоитъ.

— Будто бы? — спросилъ я.

— Конечно... если мнѣ что покупаетъ мама. А такъ — не знаю. Не все ли равно?

— И потомъ, голубчикъ, ты еще не большая. Съ какой же стати тебѣ имѣть такой приборъ съ зеркаломъ и разными разностями?

— Ахъ, папа! — разсмѣялась вдругъ Нитти и почти вырвалась отъ меня, — какъ же это ты такъ путаешь: то говоришь — я не маленькая... А то вдругъ — не большая... Что-нибудь одно изъ двухъ, папа, ха!

Тутъ я почувствовалъ, что мои увѣщанія — рѣшительно ни къ чему. Еслибъ у меня хватило смѣлости, я сказалъ бы дѣвочкѣ:

— Поди, скажи твоей мамѣ, что я запрещаю тебѣ принимать этотъ подарокъ.

Вышло бы я знаю отлично что. Агриппина Дмитріевна пожаловала бы ко мнѣ и отиѣнно изысканными фразами поставила бы мнѣ на видъ, что это ни съ чѣмъ не сообразно и что если бы даже мнѣ такой подарокъ и не нравился, слѣдовало нереговорить предвзвѣрительно съ ней, а не передавать свой приказъ черезъ ребенка.

— Ну, хорошо. Ты можешь идти.

Вотъ все, что я разсудилъ сказать моей дочери.

И я знаю, что выйдетъ изъ моего разговора съ Нитти. Она, подъ шумокъ, разскажетъ все своей мамѣ; та при случаѣ—пуститъ легкій намекъ на мою безтактность и дастъ понять, что воспитаніе дочери она ведетъ уже который годъ и надѣется довести его до конца, не нуждаясь въ моемъ «умничаньѣ». Слово «умничанье» она не употребить, но смыслъ будетъ тотъ же.

А такъ какъ тутъ замѣшанъ этотъ Тихвинцевъ—ненавистная мнѣ и отвратительная фигура, то Агриппина Дмитріевна вправѣ будетъ меня и вышутить примѣрно въ такомъ тонѣ:

— Вы на старости лѣтъ, бажется, начинаете ревновать меня, мой другъ? Только этого не доставало!

Каюсь, я не вліялъ на воспитаніе дѣтей—все по той же основной причинѣ. Но Степа вышелъ прекрасный мальчигъ. Не потому ли, что онъ не былъ баловнемъ ни отца, ни матери? Нитти—любимица матери. Ею она, *по-своему*, занимается и въ десяти годамъ она уже маленькая Агриппина Дмитріевна.

Но лучше ли было бы, еслибъ я оказался тоже отцомъ новѣйшей формаціи, изъ моихъ молодыхъ сверстниковъ, тѣхъ, кто меня моложе на шесть, на семь лѣтъ?

Нѣсколькихъ могу я назвать и здѣсь, и въ Москвѣ, и въ провинціи,—изъ тѣхъ, кого я хорошо знаю. Эти фанатики-дѣтолюбы—первые враги своихъ дѣтей. Особенно, если у нихъ дочери. Такого преклоненія передъ своими чадами никогда прежде не бывало, ни въ нашей генераціи, ни еще менѣе у нашихъ старшихъ братьевъ, отцовъ и дядей. Весь міръ погибай, лишь бы моя Манечка или Снечка въ чемъ-нибудь—Боже сохрани!—не изволила почувствовать не то что нужду, а малѣйшее замедленіе.

И я еще удивляюсь, какъ теперешнія дѣти — и малолѣтки, подростки—не выходятъ хуже во сто кратъ того, что въ нихъ замѣчается несимпатичнаго и прямо противнаго. Жалуются на это взрослые.

А кто виновать? Въ первую голову въ отвѣтъ такія матери и, въ особенности, отцы. Точно будто памъ, мужьямъ, напередъ назначено судьбой: рабствовать если не передъ супругами, то передъ собственными дѣтьми. Но въ маніи слабодушнаго и прямо *преступнаго* дѣтолюбія—у отцовъ больше, чѣмъ у матерей—чувствуется что? Тщеславіе, самовлюбленность.

«Это *моя* дочь, стало она—совершенство, сосудъ милости Божіей, который надо хранить, какъ драгоцѣннѣйшій символъ *моей* творческой привилегіи»—та же самая основа, что и въ увлеченіяхъ женщиной девяти мужчинъ на десять: «она *меня* полюбила, *меня* выбрала»,—вотъ что рѣшаетъ судьбу, вотъ что отдаетъ самовлюбленнаго сноба въ вѣчную кабалу.

Былъ ли и я повиненъ въ томъ же?

Не знаю. Можетъ быть!

УП.

Давно не видался я съ моимъ товарищемъ Бардаковымъ.

Онъ моложе меня лѣтъ на пять; но мы были въ одной гимназіи, въ разныхъ классахъ. Мы и въ гимназіи были на «ты». Студентами мы упустили другъ друга изъ виду. Я учился въ другихъ университетахъ. Онъ кончилъ курсъ изъ первыхъ, мечталъ о каедрѣ; но его задержали какія-то семейныя дѣла. Пришлось взять мѣсто учителя въ губерніи. Тамъ онъ протомился лѣтъ пять-шесть. Всегда у него была страстишка къ перу. Писалъ стихи, переводилъ поэтовъ, студентомъ сталъ и печатать подъ псевдонимомъ.

Учителемъ онъ не могъ помириться ни съ своей службой, ни съ порядками гимназіи—въ періодъ самаго яраго классицизма, ни съ пошлостью провинціи. И сдѣлался корреспондентомъ и въ своихъ письмахъ, разумѣется, обличалъ. Писаніе шло своимъ чередомъ, и когда онъ издалъ книжечку своихъ стихотвореній, его замѣтили въ рецензіяхъ и онъ еще больше возмечталъ о своемъ «призваніи».

Директоръ прозналъ объ его обличительномъ сотрудничествѣ въ газетахъ и сталъ требовать отъ него прекращенія такой «неприличной забавы». Бардаковъ, вѣря въ свою звѣзду, погорячился и не прошло полугода, онъ подалъ въ отставку и переселился сначала въ Москву.

Средствъ у него не было никакихъ; а на рукахъ осталась чухоточная старшая сестра.

Въ Москвѣ онъ на первыхъ порахъ ушелъ въ студенческіе и мелкописательскіе кружки. Работать пришлось всякую печатную работу: писать фельетоны, диктовать переводы, передѣлывать пьесы, не пренебрегать и репортерствомъ.

Здоровья онъ всегда былъ хилого, нервнѣе, наклоненъ къ хроническимъ заболѣваніямъ всякаго рода.

Въ театрално-артистическомъ мірѣ познакомился онъ съ оперной пѣвицей — тогда въ полномъ ходу, красивой, пышной, развитой, влюбился въ нее до безумія и, неизвѣстно какъ, сдѣлался ея мужемъ.

Съ женой онъ сначала кочевалъ по опернымъ сценамъ въ провинціи, а потомъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ Зоя Платоновна заняла сразу видное положеніе.

А Порфирій Петровичъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и въ Москвѣ: стихотворцемъ съ маленькимъ именемъ и средней руки газетнымъ сотрудникомъ.

Газетную работу Кардаковъ бросилъ въ Петербургѣ и ушелъ совсѣмъ въ «міръ звуковъ и образовъ». Здоровье его здѣсь, разумѣется, ухудшилось. Онъ, то и дѣло, лежалъ по цѣлымъ недѣлямъ. И въ такомъ званіи «мужа знаменитости» онъ оставался до того момента, когда его Зоя Платоновна спала, довольно быстро, съ голоса. Но она заработка своего не лишилась, открыла у себя курсы пѣнія и стала зарабатывать даже больше, чѣмъ въ примадоннахъ, — до тысячи рублей въ мѣсяцъ.

Мой бѣдный Порфирій, съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Петербургѣ, влечить существованіе болѣзненнаго неудачника, стихи его идутъ туго, надъ нимъ давно уже подтруниваютъ въ рецензіяхъ; онъ не столько облѣнился, сколько потерялъ въ себя вѣру, да прибавокъ здоровье у него изъ рукъ плохо. Онъ каждый почти годъ отправляется на воды, двѣ зимы жилъ на югѣ, въ Брыму и на Ривьерѣ.

У него нѣтъ никакого опредѣленнаго заработка, онъ не служить, не имѣетъ частнаго мѣста, нигдѣ не работаетъ въ редакціи и этимъ ужасно тяготится. Но начинать сызнова трудовую жизнь — не легко, а жить было можно безъ нужды, благодаря тому, что его жена можетъ заработать болѣе десяти тысячъ рублей въ годъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ.

Его Зоя Платоновна до сихъ поръ еще видная женщина, громогласная, съ гигантской грудью и зычнымъ голосомъ. Она носитъ всегда, на своемъ кругломъ и лоснящемся лицѣ, сознаніе свое

дѣльности, того, что она получаетъ и какъ велика ея «работоспособность».

Кардакова она допустила себѣ въ мужья и врядъ ли ему измѣняла. У ней явилось, вѣроятно, чувство, какое большіе англійскіе доги имѣютъ къ болѣзненнымъ левреткамъ. Я допускалъ, что она и до сихъ поръ, по-своему, любить его.

И вотъ сегодня утромъ, совершенно неожиданно для меня, входитъ ко мнѣ въ кабинетъ Порфирій Петровичъ, зеленый, со впалыми глазами, въ домашней курткѣ, не бритый. И прямо, не подавая мнѣ руки, опускается на диванъ, взмахиваетъ руками и хрипло восклицаетъ:

— Такъ нельзя! Я не вернусь! Довольно этого гнуснаго рабства!

Я тотчасъ, безъ всякихъ разспросовъ и усилій, понялъ, что въ немъ происходитъ и съ чѣмъ онъ прибѣжалъ ко мнѣ.

Когда мы встрѣчались съ нимъ внѣ дома, онъ обыкновенно пожимался, жалуюсь на здоровье, кого-то обличалъ, на что-то негодовалъ, но о своей супружеской жизни никогда не говорилъ. Домами мы съ нимъ почти что не знакомы. Когда-то наши жены были представлены одна другой. Но тутъ коса нашла на камень. Въ то время Зоя Платоновна была еще въ славѣ и сразу показала Агриппинѣ Дмитріевнѣ, какого она о себѣ лестнаго мнѣнія, какъ объ артисткѣ. А жена моя, въ свою очередь, дала ей отпоръ, не заплатила ей визита или заѣхала просто отдать карточку, не спрося, дома та или нѣтъ. И съ тѣхъ поръ чета Кардаковыхъ у насъ не бывала. Порфирій, кажется, дулся и на меня изъ-за жены. А потомъ, когда я встрѣчалъ его, всегда извинялся, намекая, что онъ самъ радъ былъ бы отвести со мною душу, да лучше не «бередить дамской щеготливости».

— Что же такое? — все-таки спросилъ я, подсаживаясь къ нему.

— Я не вернусь домой. Не вернусь! — почти крикнулъ онъ и сейчасъ же вскочилъ и заходилъ по комнатѣ, задыхаясь и растирая себѣ виски.

— Не вернешься домой?

— Довольно!

Онъ опять бросился на диванъ, схватилъ мою руку и, сильно сжимая ее, заговорилъ, но тише, почти шепотомъ:

— Пятнадцать лѣтъ постыднаго житія на содержаніи у жены. Ты слышишь, Вершицкій, пятнадцать лѣтъ?! Прежде я увлекался

ею—и тогда это было довольно гнусно; но съ тѣхъ поръ, какъ у меня къ ней ненависть раба, это—предѣлъ униженія и позора!

— Изъ-за чего же ты себя такъ унижаешь? — промолвилъ я, смущенный за него, совсѣмъ на особый ладъ.

— Большого униженія нельзя придумать, Вершицкій. Что я такое былъ все это время? Содержанецъ!

— Ну, ужъ и содержанецъ!

— А то какъ же назвать? Отчего же нѣтъ? Оттого, что насъ, когда-то, вокругъ наложъ три раза обвели? Суть остается та же самая. Законное или незаконное сожителство — когда мужчина живетъ на счетъ женщины потому только, что у нихъ извѣстнаго рода отношенія — онъ все равно, что содержанка.

Тонъ этихъ почти ноющихъ словъ былъ глубоко-страдательный. Меня самого схватило за сердце.

— Послушай, однако, Порфирій Петровичъ. Съ какой же стати, по прошествіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ, поднимать это?

— Съ какой стати? А потому, что капля переполнила чашу!...

Онъ снова отошелъ къ письменному столу и сѣлъ тамъ, лицомъ ко мнѣ, въ повернутое назадъ кресло.

— Ну, каюсь. Я слишкомъ надѣялся когда-то на свои силы. Мнилъ о себѣ, какъ объ огромномъ талантѣ. Это было иллюзіей, больше того — фатовствомъ! *Mea culpa!* Но не тупица же я былъ, не жалкій кропатель риемъ! Даже газетные ругатели поощряли меня на первыхъ порахъ. И когда эта женщина меня захлестнула, у меня въ помышленіи не было жить на ея счетъ.

— Вотъ видишь, — подсказалъ я.

— Но что-жъ изъ этого? Черезъ два, много три года я вѣдь могъ же сознать, что мнѣ нельзя жить въ эмпиреяхъ, нельзя искать все сладкихъ звуковъ и молитвъ, нельзя тѣшить себя воздѣлываніемъ словесной красоты!

— Ты клеветашь на себя, Порфирій Петровичъ. Ты бралъ работу, какую могъ. Здоровье не позволяло.

— Здоровье! А небось я, въ послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, проживалъ въ двухтысячной квартирѣ, по заграницамъ ѣздилъ, докторамъ по красной ассигнаціи платилъ, пилъ за столомъ мадеру въ четыре рубля? Развѣ я все это оплачивалъ самъ, моими фельетонами и разной трухой! На платье да на табакъ хватало ихъ — не больше! А когда я издавалъ книжки своихъ виршей, мнѣ ссужала безъ возврата моя жена. И книжки оставались въ лавкахъ безъ всякаго сбыта. И все это я дѣлалъ не въ гипнозѣ, а сознательно. Стало быть, нравственно падалъ все ниже и ниже.

— Между людьми, любящими другъ друга, какіе же могутъ быть счеты?—замѣтилъ я, но, конечно, безъ всякаго убѣжденія.

— Не было любви! У меня она выдохлась въ какихъ-нибудь два года. И того меньше. Ты, братъ, не знаешь, что такое женщина, дѣлающая свою карьеру на сценѣ. Это нѣчто чудовищное по всепожирающему эгоизму и тщеславію! Да развѣ ты никогда не бывалъ знакомъ съ пѣвицами, съ актрисами поближе? Не ухаживалъ за ними въ молодости?

— Нѣтъ, не приводилось.

— Вѣдь онѣ ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить не могутъ, какъ о себѣ, своихъ роляхъ, партіяхъ, бенефисахъ, овладахъ, подаркахъ, оваціяхъ.

— Тоже и мужчины, я думаю.

— Да, но не въ такой степени! У мужчинъ часто есть что-нибудь въ душѣ, или въ привычкахъ, страстишкахъ, охотницею чувствъ, особенное отъ его карьеры артиста. У женщинъ—никогда! Допускаю, что онѣ могутъ иногда любить своихъ дѣтей, и то такъ, между прочимъ. Но съ мужчиной у нихъ всего двѣ формы отношеній: или это любовникъ, въ котораго она временно врѣжется, или поклонникъ, пріятель, человѣкъ ея кружка. Любовникъ, въ девяти случаяхъ на десять, даже если онъ и красавецъ-мужчина, ея же собратъ, теноръ или баритонъ, который явился ея покровителемъ, первый сюжетъ, сильный въ труппѣ, или сильный въ прессѣ, въ высшей театральной администраціи. Исключеніе составляютъ тѣ связи, когда она старше своего возлюбленного и дѣлается его вещью, а онъ ея Альфонсомъ.

— Будто?—вырвалось у меня.

— Души у профессиональныхъ женщинъ и не можетъ быть иначе, какъ въ видѣ порывовъ на сценѣ и виѣ сцены, если разыгрался темпераментъ. Когда я отлично разглядѣлъ то, что влекло меня къ ней,—гдѣ же было мѣсто для любви? Да и ей зачѣмъ было любить меня, безвѣстнаго кропателя стиховъ, а потомъ ординарнаго сотрудника газетъ и журналовъ, да еще вдобавокъ хвораго, вrastеника? Она знала, что я не дойду до такой подлости, чтобы сать о ней хвалебныя замѣтки, когда она была на сценѣ. Связей меня никакихъ, авторитета у публики—еще меньше. За что же чя любить?

— Но что же заставляло ее жить съ тобой?

— Что? Какъ ты наивенъ, Вершицкій. Ей-Богу! Да ты точно оца, еще не знавшій ни одной юбки. Что, спрашиваешь ты?

Вѣчные счеты женщины съ мужчиной. Возможность властвовать всячески, сначала какъ женщина, своимъ тѣломъ, а потомъ, какъ глава семейства, содержащая мужа, имѣть около себя брѣпостного, подавлять его своимъ превосходствомъ. Тщеславіе и эгоизмъ! Даже въ супружеской честности—самовлюбленность. «Вотъ, молъ, посмотрите на меня, я и теперь еще баба въ соку, и была не такъ давно примадонной, сколько поклонниковъ перебивало и я оставалась вѣрна этому мозглягу, мелкотравчатому писулькѣ». Ты понимаешь все сладострастіе такого фарисейства? И моей любви ей не надо. А только чтобы комнатная собачка тутъ была. Больше ничего!

И, подбѣжавъ ко мнѣ, онъ схватилъ меня за руку и началъ трясти.

— Благослови судьбу, Вершицкій, что ты не мужъ профессиональной женщины. Кто бы она ни была—актриса, пѣвица, профессоръ пѣнія, какъ Зоя Платоновна, докторъ, издательница, хозяйка магазина! Равноправіе, за которое мы, идіоты, такъ много ломали копій, превратится въ новое закрѣпощеніе мужей, самое постыдное, какое когда-либо существовало!

Я промолчалъ.

— Наша пословица неизящна: на грошъ амуниціи—на рубль амбиціи. Чему бы женщина ни выучилась,—искусству, ремеслу, наукѣ,—она преисполняется сейчасъ точно такой же самовлюбленности, какая у нихъ и въ собственное тѣло, и въ смазливое лицо. Во всемъ аффектъ, а не разумъ. «Я получаю десять тысячъ жалованья, я приобрѣла любовь публики. Развѣ я могу ошибаться? И какъ осмѣливается умничать со мною мужчина, котораго я вдобавокъ держу у себя приживальщикомъ?» Ха, ха!

Этотъ смѣхъ перешелъ въ истерическія ноты. Кардаковъ опустился рядомъ со мной на диванъ и закрылъ руками лицо. Я думалъ, что онъ разрыдается.

— Но что же вышло у васъ?—чуть слышно промолвилъ я.

Когда онъ отнялъ отъ лица руки, всѣ черты были искажены. На рѣсницахъ дрожали двѣ слезинки. Я даже и вообразить себѣ не могъ, что Кардаковъ такъ страдаетъ.

— Полно,—шеннулъ я ему.—Возьми себя въ руки.

— Что вышло?—повторилъ онъ глухо и тотчасъ крикнулъ:— А вотъ что...

У него сдѣлался родъ припадка одышки. Я даже смутился. Но онъ скоро оправился и сталъ говорить, сдерживая себя, но спокой-

нѣе, даже какъ бы сосредоточенно и съ гнѣвнымъ блескомъ въ своихъ впалыхъ глазахъ.

— Вотъ уже больше года, какъ я терплю униженіе и презираю себя. Когда эта женщина стала дѣлаться дорогимъ профессоромъ и повалила къ ней деньга, — въ нее вселилось дѣлчество, самое закорузлое и бездушное. Никакой мужчина не можетъ быть такимъ выродкомъ! И все это подъ личиной любви къ искусству, серьезности и даже великодушія и щедрости. Для виду есть у ней всегда двѣ-три ученицы, бѣдныя, съ голосомъ, которыхъ она учитъ даромъ; но съ каждой заключено предварительно условіе насчетъ будущихъ ангажементовъ. Ложь и дѣлчество! Но главное — ложь. Ни одного слова, звука, движенія, поступка безъ задней мысли, и все это съ гарниромъ порядочности. Это стало для меня мучительно до такой степени, Семенъ Ивановичъ, что я впадалъ въ состояніе, близкое къ психопатіи, и призывалъ, какъ манну небесную, способность запить. Но я не могу пить! — крикнулъ онъ. — Не могу! Душа не переноситъ. Но до эфира и кокаина я уже добирался. И состояніе забвенія дѣлалось для меня сладкой грѣзой, высшимъ блаженствомъ! И такъ тянулся послѣдній годъ, Вершицкій. Нѣсколько разъ я, послѣ адской бессонницы, вскакивалъ и начиналъ укладываться. Вонъ! Вонъ! Уложу свою рухлядь и нѣсколько книгъ, сяду на извозчика, пока она еще спитъ у себя, — и больше она меня не увидитъ!

— И не могъ? — почти захлебнувшись, спросилъ я.

Исповѣдь Кардакова начинала заирать меня.

— А почему не могъ? Ха, ха! Вѣдь вотъ въ этомъ-то и проклятіе всѣхъ насъ, мужчинъ. Мы — жалкіе идеологи.

— Еще бы! — вскричалъ я.

— Сейчасъ укоръ совѣсти: имѣешь ли ты право бросить *честную*, слышишь? — честную женщину, безъ всякой серьезной, слышишь? — серьезной причины, проживъ съ ней пятнадцать лѣтъ? Вѣдь идиотство? И на него ловится каждый изъ насъ... интеллигентовъ. Ха, ха!

Этотъ смѣхъ болѣзненно отдался у меня внутри. Смущеніе начало овладѣвать мною. Хотѣлось самому говорить въ такомъ же точно духѣ, и стыдъ — малодушный, трусливый — удерживалъ.

— И вотъ вчера, — да, не дальше, какъ вчера, — Кардаковъ воззрился на меня, приблизивъ свое лицо, — всего одна капля переполнила сосудъ... И все разлилось. Вышелъ разговоръ по поводу какой-то замѣтки, гдѣ былъ намекъ на преподаваніе моей жены въ исло-сладкомъ вкусѣ. Она, разумѣется, вознегодовала, увидѣвъ

въ этомъ шантажъ, и стала, съ высоты своей безупречной репутаціи и безусловнаго авторитета, честить пишущую братію. Я что-то замѣтилъ, самое невинное. И тогда, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы съ ней живемъ, я увидалъ, какое презрѣніе накопилось въ этой женщинѣ, не то что уже ко мнѣ лично, какъ неудачнику - писателю, а ко всему, что для насъ съ тобой составляетъ смыслъ, идеалъ, цвѣтъ и красу жизни. Пропастъ зіяла между мной и этой подругой пятнадцатилѣтняго сожителства. И эту пропасть не видать четыре пятихъ мужей.

«Не видать!» — повторилъ я про себя.

— Да если взять и мою убогую личность. Развѣ я былъ всегда жалокъ и смѣшонъ? Не тщеславіе уязвленнаго писаки говорить во мнѣ. Я самъ могу быть ординарныхъ способностей. Но то, что я выражалъ въ минуты хорошихъ настроеній? Наши мечты, упованія, нашъ плачъ и наши протесты, природа, идеи, судьбы міра, страждущій человѣкъ, красота въ творествѣ и мірозданіи — что же это? Мразь? Болтовня? Жалкій, смѣху достойный вздоръ? А для нея это — вздоръ! Міровыя идеи — это спросъ на сопрано и теноровъ. Литература — это газетная реклама. Страждущее человѣчество — это попрошайки. Красота — это ноты, за которые можно получить по тысячѣ и по двѣ рублей за одинъ выходъ. До вчерашняго разговора она какъ-то игнорировала и меня, и то, что мнѣ дорого въ жизни. Но тутъ она мнѣ показала всю глубину моей продерзости: мнѣ, жалкому неудачнику — равняться съ нею, Зоей Платоновной недавней знаменитостью и теперешнимъ великимъ педагогомъ, уроки котораго цѣнятся на вѣсь золота?! Въ моемъ лицѣ возмущился весь станъ такихъ же горюновъ, какъ я, людей мысли и слова, ненавидящихъ ложь и облыжное дѣлчество, чванство и самообожаніе!

Онъ запыхался и сталъ отирать потъ съ влажнаго лба.

— Успокойся, Бардаковъ. Я понимаю... Ты правъ... послѣдняя капля переполнила чашу.

И говоря это, я спрашивалъ себя мысленно: «какъ же онъ поступитъ, уйдетъ или нѣтъ?»

И я точно боялся утвердительнаго отвѣта.

— Я и успокоился, другъ Семенъ Ивановичъ. Въ рабству можно привыкнуть. Но если цѣпи добровольныя, придетъ психическій моментъ и онѣ будутъ разбиты въ дребезги. Вчера я пришелъ въ ярость, прямо въ ярость — и не крикливую, а злобную, и такихъ звуковъ бывшая примадонна еще не слыхала отъ своихъ партне-

ровъ по сценѣ. Ее сначала оторопь взяла. И когда я вылилъ въ одной вѣской и короткой тирадѣ все, что накопилось въ пятнадцать лѣтъ супружества, она величественно поднялась и, уходя, сказала: «Очнитесь, вы въ бреду!» Но бредъ мой былъ полное просвѣтлѣніе. Еще вчера, ложась спать, я рѣшилъ, что сегодня, къ полудню, все будетъ кончено.

— Что же?—смущенно спросилъ я.

— Почевать я уже не вернусь въ квартиру Зои Платоновны. Она—хозяйка, ей принадлежитъ мебель, она нанимала прислугу и еслибъ вчера, въ припадкѣ гнѣва, я разбилъ у ней всѣ зеркала, она имѣла бы право выгнать меня на улицу.

— И весьма,—подтвердилъ я не безъ завистливаго чувства.

— Счеты короткіе. Чемоданъ мой готовъ. Домой я не вернусь.

— Ты серьезно?

— А то какъ же? Нѣтъ, на этотъ разъ, совѣсть идеалиста не смущала меня, когда я лежалъ въ постели. Баста!

И, точно совсѣмъ преобразившись, онъ обернулся ко мнѣ энергическимъ движеніемъ, взялъ за обѣ руки и, держа въ своихъ, выговаривалъ, опустивъ глаза:

— Дружище... Прости, что я буду клянчить. Я никогда у тебя ничего не просилъ. Не знаю, занималъ ли хоть синюю ассигнацію?

— Не помню.

— Выручи меня и знай, что это высшая послуга, какую ты окажешь горюну Бардакову—автору книжки, озаглавленной *Погромъ души*.

— Въ чемъ дѣло?

— Въ очень немногомъ. У меня, разумѣется, никогда нѣтъ въ карманѣ больше трешницы. И теперь такъ же. Окажи мнѣ кредитъ въ сто рублей, а то такъ и меньше. Мнѣ надо на обзаведеніе. Студенческое... Бомнату со столомъ въ тридцать рублей. Чтобы можно было обернуться мѣсяца на два.

Мнѣ захотѣлось вдругъ обнять его; но, подчиняясь чему-то другому, я счелъ «долгомъ» остановить его.

— Но, милый другъ, какъ же ты просуществуешь?

Этихъ словъ мнѣ сейчасъ же стало совѣстно.

— Какъ?—почти радостно вскричалъ онъ.—Да такъ же. Пока ноги буду волочить—не дойду до нищенства. Много ли мнѣ нужно? Сто рублей въ мѣсяцъ—это роскошно для меня. Я еще не мумія. Писать умѣю. Не стану брезговать и черною работой. А слягу—что-жъ! Пособіемъ буду жить. Не я первый, не я послѣдній. Это все лучше, чѣмъ состоять на содержаніи у Зои Платоновны. Ахъ,

Вершицкій! Сегодня, когда я проснулся, такъ я чуть не подпрыгнулъ въ постели. Свобода! Самоуваженіе! Быть можетъ нужда... даже навѣрное. Но пускай! Я нашелъ самого себя. Душу я свою обрѣлъ опять въ немоощномъ тѣлѣ!

Онъ все трясъ мои руки и нервныя струи переходили изъ него въ меня и подмывали меня, и какъ бы давали мнѣ предчувствіе, что и для меня взойдетъ заря освобожденія.

— Такъ пуффидуешь мнѣ радужную?—спросилъ онъ студенческимъ терминомъ нашего времени.

— О чемъ же толковать?

И такъ я былъ счастливъ, что у меня нашлись сто рублей, которыми я могъ бы сейчасъ же распорядиться. Собственныхъ сбереженій у меня почти что нѣтъ. И каждый мѣсяцъ я отдаю Агриппинѣ Дмитріевнѣ все впередъ на расходы по дому, оставляю себѣ въ обрѣзъ, такъ что къ концу мѣсяца у меня всегда два-три десятка рублей. Но это пришлось какъ разъ передъ отдачей.

— Сто рублей — слишкомъ малая сумма. Позволь предложить тебѣ хоть еще такой же билетъ.

Кардаковъ отказался.

— Вторая просьба, дружище, — сказалъ онъ, вставая, — и самая важная. Ты поѣдешь отъ моего имени къ Зоѣ Платоновнѣ, передашь ей мое письмо, заберешь мои вещи и подтвердишь ей, что я домой не вернусь.

Должно-быть, онъ прочелъ на моемъ лицѣ нѣкоторое смущеніе.

— Извини. Я знаю... ты въ такомъ чинѣ... И съ такимъ положеніемъ въ обществѣ. А я тебя впутываю въ глупую исторію. Но больше мнѣ некого просить, Семенъ Ивановичъ. Ты икенно тотъ человѣкъ, который способенъ всего лучше обработать такую даму, какъ Зоя Платоновна.

— Я?!

Мнѣ стало смѣшно. Но я видѣлъ, что Кардакову было не до смѣху.

Я согласился. Онъ бросился душить меня въ объятяхъ.

VIII.

Да! Кардаковъ живетъ въ студенческой комнатѣ, по Лиговкѣ, около Знаменія, у квартирной хозяйки, какой-то кассирши, съ которой чрезвычайно ладить.

Меня потянуло вчера зайти къ нему, и не только зайти, но и застать его.

Это было часу въ двѣнадцатомъ. Онъ самъ мнѣ отперъ, въ той самой тужуркѣ, въ какой былъ у меня.

Я не узналъ его!... Постригся, выбрился, улыбается до ушей и все ерошитъ волосы на лбу.

— Ожилъ, ожилъ!—кричалъ онъ мнѣ, шагая по своей свѣтлой и просторной комнатѣ, съ альковымъ, за которую платить,—какъ говорилъ,—тридцать рублей съ обѣдомъ изъ двухъ блюдъ.

Счастливецъ!

И это не фраза. Онъ дѣйствительно счастливъ. Даже плечи у него вздрагиваютъ отъ внутренняго волненія.

Такъ говорили про свою волю русскіе рабы въ день освобожденія.

— Пишу!—воскликнулъ онъ, теребя меня за рукавъ.—Рѣютъ и образы. Можетъ и дрянъ, что за бѣда! А для хлѣба насущнаго привалила удача: получилъ заказъ перевода цѣлаго тома въ сорокъ печатныхъ листовъ. И долженъ я его выполнить въ три мѣсяца. Сколько деньжищъ! По пятнадцати рублей за листъ. Это, братъ, шестьсотъ рублецовъ!

Я его слушалъ, глядѣлъ на него и, радуясь всѣмъ сердцемъ, завидовалъ. И вмѣстѣ съ завистью вползало мнѣ въ душу все то жѣдкое презрѣніе къ самому себѣ.

Передо мной былъ фактъ эмансипаціи мужа. И кто стряхнулъ съ себя иго, не прибѣгая къ разводу? Болѣзненный, нервно-развинченный человѣкъ, жившій почти цѣликомъ пятнадцать лѣтъ на средства своей жены.

И онъ сдѣлалъ это въ одинъ день, просто и тихо, безъ огласки, безъ развода.

— Дружище!—задыхаясь отъ волненія, кричалъ Бардаковъ.—Видь я ей завтра выдамъ. Ей-то, эхъ-примадоннѣ *Бардини*! Какъ власть имѣющій. И законъ позволяетъ мнѣ вытребовать ее всюду по этапу, хотя бы въ Якутскую область! Ха-ха!

Жена его Зоя Платоновна дѣйствительно носила сочиненное ею самой имя, по театру, Бардини. Она подъ этимъ псевдонимомъ появилась впервые гдѣ-то въ Италіи, да такъ и осталась съ нимъ. Какъ профессоръ пѣнія сохранила его. А по себѣ она дѣвица Барда—отъ слова «барда»—архирусскій виннозаводскій терминъ.

у госпожи Бардини я былъ не дальше какъ четыре дня на-задъ, въ званіи парламентаря. Она меня не ожидала и даже, въ эту минуту, не сразу поняла, о чемъ я говорю.

ю сцену съ мужемъ, наканунѣ, она, вѣроятно, сочла со-

вершенно нелѣпою выходкой «жалкаго неврастеника», какъ она, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, нѣсколько разъ назвала Бардакова.

Но когда я ей, сухо вато и твердо, сказалъ, что имѣю отъ нея мужа письмо, гдѣ онъ поручаетъ мнѣ взять изъ его комнаты чемоданъ и сундукъ съ книгами, то она, по прочтеніи письма, поблѣднѣла, послѣ чего вся кровь бросилась къ ея пухлому лицу.

И грузно она опустилась на диванъ,—колоссальная, затянутая въ толстое шелковое платье, подрумяненная, по старой привычкѣ, со множествомъ украшеній.

— Превосходно!

Въ этомъ словѣ былъ весь ядъ ея презрительнаго чувства и негодованія.

И точно я былъ участникъ въ письмѣ ея мужа, она стала ставить мнѣ на видъ всю глубину его «черной» неблагодарности.

— Пятнадцать лѣтъ жизни съ женщиной, которая своимъ трудомъ обезпечивала ему болѣе чѣмъ безбѣдное существованіе.

Я долженъ былъ ее остановить, замѣтивъ, что время у меня въ обрѣзъ.

Эксъ-примадонна не унялась этимъ. Она, тономъ благороднаго увѣщанія, стала внушать мнѣ, что если я имѣю хоть какую-нибудь жалость къ своему «потерянному товарищу», я долженъ удержатъ его отъ такого скандальнаго и безумнаго шага.

Я ей чуть не крикнулъ въ лицо, что первый истинно-геніальный поступокъ всей его жизни—побѣгъ отъ госпожи Бардини. ●

— Ну, вотъ вы, м-г Вершицкій,—говорила она, все еще не отпуская меня,—вы человѣкъ съ положеніемъ,—при этомъ она взглянула на меня какъ-то особенно,—вы ничѣмъ не обязаны своей супругѣ,—опять взглядъ и усмѣшка,—но если бы на васъ налетѣло такое безуміе, по крайней мѣрѣ, вы были бы увѣрены въ себя, въ томъ, что вы имѣете и будете имѣть. А онъ, всѣми осмѣянный кропатель стиховъ, неужели онъ воображаетъ, что нанесъ мнѣ этимъ ударъ? Или далъ мнѣ урокъ? Моя жизнь, м-г Вершицкій, какъ домъ изъ стекла. Приходите и смотрите. Таланту и неустанному труду обязана я тѣмъ, что имѣю...

— Я могу взять вещи?—перебилъ я ее, вставая.

— Сдѣлайте одолженіе! Я знаю, что не пройдетъ недѣли и этотъ несчастный будетъ ползатъ вотъ здѣсь, передо мной, на колѣняхъ.

И какъ вся ея оперно-колоссальная фигура и подрумяненное тучное лицо дышали тѣми двумя словами, которыя Бардаковъ выкрикивалъ у меня въ кабинетѣ.

— Ложь, дѣлечество!

Къ нимъ надо прибавить еще тщеславіе и самовлюбленность, и всѣ четыре момента составить суть личности не одной госпожи Бардини, но и другой ея сверстницы — той женщины, которая царитъ за стѣной моего кабинета.

Освобожденіе Бардакова — истинное событіе въ моей интимной, замкнутой жизни. Теперь я еще болѣе замкнулся. Я выхожу только къ обѣду, и то не каждый день. Когда трудовой мой день кончается раньше, я обѣдаю въ клубѣ, тамъ отдыхаю и прихожу домой поздно, часу въ десятомъ. Агриппины Дмитріевны обыкновенно уже нѣтъ. Отъ очередныхъ оперныхъ спектаклей я отказался и, кажется, доставляю ей этимъ не мало удовольствія. У меня на рукахъ обширный трудъ — переборъ матеріаловъ по одному изъ учреждений, гдѣ я состою завѣдующимъ.

Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ по два раза въ недѣлю, по вечерамъ, приходитъ ко мнѣ стенографистка. Я ей диктую часа три, иногда больше. Мы дѣлаемъ паузу, пьемъ чай и опять до полуночи, иногда и позднѣе.

Эта особа явилась ко мнѣ прямо, по объявленію въ газетѣ. Я принялъ ее за не очень молодую дѣвушку. Паспорта я у нея не требовалъ. На карточкѣ стояло: Александра Прокофьевна Дорофеева.

Я ограничился нѣсколькими вопросами: давно ли она работаетъ, гдѣ больше занималась и какая ея цѣна.

Работаетъ она уже третій годъ, записывала и засѣданія, лекціи, и диктовку переводовъ, и статьи у писателей. Гонораръ назначила очень умѣренный, дешевле, чѣмъ обыкновенно. Она предложила сдѣлать пробный сеансъ. Сейчасъ же я увидалъ, что она очень опытна, такъ что я ни одинъ разъ, въ теченіе часа, не ждалъ ее. «Возстановленные» листы, присланные ею на другой же день, оказались съ чрезвычайно отчетливыми записями, крупнымъ, четкимъ почеркомъ и съ идеальною грамотностью, даже въ знакахъ препинанія, что у женщинъ, до сихъ поръ, еще на-рѣдкость.

Она яркая блондинка, небольшого роста, съ чисто-народнымъ, довольно красивымъ лицомъ. Волосы гладко причесаны. Глаза сѣрые, большіе, кроткіе и серьезные. Цвѣтъ лица еще довольно свѣжій. Фигура — плотная. Одѣта въ черное — весьма старательно и опрятно. Не курить.

Я продолжалъ считать ее дѣвушкой. И сколько уже разъ, глядя на ея согнутую надъ столомъ фигуру, я и ей завидовалъ, ея дѣвичьей свободѣ и скромной трудовой долѣ. Хорошая личность сказывалась въ ней — во всемъ. И я неліцемерно желалъ ей оставить-

ся дѣвушкой. Такая врядъ ли способна заѣдать вѣкъ мужа; но бракъ самъ по себѣ даетъ себя знать. Не мужъ, такъ она очутится въ наковальняхъ, и молотомъ будетъ любимый человѣкъ. Такая способна любить.

Вечеромъ того же дня, когда я былъ у Бардакова, я диктовалъ почти безъ перерыва больше часа, не замѣтивъ этого. Мнѣ стало совѣстно передъ Александрой Прокофьевной и я попросилъ ее сдѣлать паузу подольше.

Намъ подали чай. Въ домѣ стояла тишина. Агриппина Дмитриевна уѣхала въ гости; Степа, вѣроятно, еще сидитъ у себя, занимается; Нитти съ гувернанткой могли уже ложиться спать.

Въ первый разъ я позволилъ себѣ спросить ее: живетъ ли она одна, или при родителяхъ.

— Я давно сирота, — отвѣтила мнѣ Александра Прокофьевна.

— Неужели совсѣмъ одна?

— Теперь — совсѣмъ, — выговорила она тихо, какъ бы подчеркнувъ слово «теперь».

— Одиночество для дѣвушки — тяжелая вещь, но, право, Александра Прокофьевна, эта тяжесть больше фидитивная. Не продавайте своей свободы за чечевичную похлебку.

Она поглядѣла на меня съ чуть уловимой усмѣшкой въ глазахъ.

— Я не дѣвушка, — выговорила она безъ особеннаго выраженія.

— Вдова? — поторопился я вопросомъ.

— И не вдова. Я замужемъ.

— Но какъ же вы сказали сейчасъ, что совершенно одиноки. Вашъ супругъ въ отъѣздѣ? Или служить въ другомъ мѣстѣ?

Она отхлебнула изъ чашки и не сразу начала говорить.

— Ни то, ни другое, Семенъ Ивановичъ. Благодарю васъ за участіе. Живу я одна и къ мужу моему не вернусь.

— Да-а? — протянулъ я, охваченный такимъ же волненіемъ, какъ и въ концѣ признаній Бардакова.

Было бы слишкомъ неделикатно выспрашивать ее. Но она точно сама была рада поговорить о себѣ. Она мнѣ довѣряла и, по роду своей работы, слишкомъ много молчала, и на сеансахъ, и у себя дома, когда возстановляла свои стенограммы.

— Неудачный бракъ? — осторожно замѣтилъ я.

— Я не разводка, — сказала она спокойно и опять съ усмѣшкой на своихъ твердыхъ губахъ.

— Просто разошлись?

— Да.

— И давно уже?

— Еще нѣтъ полугода.

И она опустила вбокъ голову.

— Извините, Александра Прокофьевна, — заговорилъ я, — я не хотѣлъ напоминать вамъ ничего тяжелаго. Это у меня такъ — слетѣло съ языка.

— Что же, это уже пережито, Семенъ Ивановичъ, — сказала она тихо и вдумчиво и подняла голову. — Вы, кажется, не большой защитникъ брака? — тише спросила она. — Принимая меня за дѣвушку, вы мнѣ очень искренно пожелали не терять своей свободы.

— За искренность ручаюсь.

— Вы, пожалуй, правы. Въ удачныя супружества я извѣрилась. А я еще не такая старуха.

Тутъ я не утерпѣлъ — сообщилъ ей о томъ реестрѣ, который одинъ мой пріятель ведетъ супружескимъ домамъ.

Она тихо разсмѣялась.

Я только не прибавилъ, что этотъ чудакъ считаетъ, до сихъ поръ, нашъ брачный союзъ на рѣдкость прочнымъ.

Скажи я это — не ручаюсь за себя, я бы способенъ былъ начать развивать эту тему и, быть можетъ, дошелъ бы до чего-нибудь вродѣ исповѣди, во вкусѣ Бардакова.

— Да, это такъ, — точно про себя вымолвила Александра Прокофьевна. — Люди всегда одни — одни получше, другіе похуже; но бракъ, самъ по себѣ, страшенъ, въ немъ лежитъ...

— Что-то роковое, — подсказалъ я.

Должно быть, голосъ у меня задрожалъ. Но она взглянула на меня снизу вверхъ своими кроткими и печальными глазами.

— Этого мало, — продолжала она опять также про себя, — что люди не дурные, и умные, и любятъ другъ друга. Не судьба! И тогда надо имѣть мужество и честность уйти.

— Уйти? — повторилъ я, приходя опять въ волненіе.

— А то какъ же? Неужели разрывъ, какъ бы онъ ни былъ тягостенъ, оправдывается только драмой, невѣрностью, когда страсть обжигаетъ, или чѣмъ-нибудь еще болѣе печальнымъ и гадкимъ?

— Разумѣется, не этимъ только, — согласился я, сидя съ пошатнутой головой.

Ее видно охватила потребность говорить о себѣ, о своей «не-счастливости». Быть можетъ, она въ самый первый разъ изливалась.

— Когда мы сошлись, Семенъ Ивановичъ... Это было всего нѣсколько года назадъ. Развѣ который нибудь изъ насъ могъ вообра-

зять, что выйдет то, что случилось? Кто больше кого любилъ — я не знаю и никогда не ставила даже этого вопроса. Какъ я любила... и люблю, — чуть слышно обмолвилась она, — это я сознаю и не обманываю себя. Но этого мало.

— Любви? — спросилъ я.

— Да, любви, самой горячей. Мало, Семенъ Ивановичъ. Что же какъ не чувство влекло насъ одного къ другому, скажите на милость? — нервно воскликнула она. — И вотъ, черезъ какихъ-нибудь четыре года — все рушится и я одна. Былъ мужъ, была дочь — теперь никого.

— У васъ дочь? — почти крикнулъ я. — Жива?

— Жива.

— И вы не оставили ее у себя?

Въ ея взглядъ промелькнулъ какъ бы упрекъ. Я ее ни въ чемъ не подозрѣвалъ, но она сама могла подумать, услышавъ мой вопросъ, что я предполагаю такой разрывъ, когда ребенокъ остается у того, кто не нарушилъ супружескаго обѣта.

— Мы, Семенъ Ивановичъ, — выговорила она съ нѣкоторымъ усиленіемъ, — передъ свадьбой дали себѣ клятву, если разлюбимъ или увлечемся, прійти и сказать. Тутъ ничего подобного не было ни съ моей, ни съ его стороны.

— Стало... другое что?

— Не хотѣла я заѣдать его вѣкъ.

— Какимъ же образомъ? — съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ я.

— Не подходящимъ для него человѣкомъ оказалась я. Больше ничего... Рассказывать долго, да и лишнее. Со второго года нашей общей жизни я уже стала замѣчать это. А онъ обманывалъ себя, боролся и завядалъ, дошелъ почти до душевной болѣзни. Не охладѣлъ онъ ко мнѣ, а не находилъ того, что ему нужно было, какъ воздухъ. Исторія моя обыкновенная.

Помолчавъ, она спросила:

— Почему же не пресѣчь такого зла? Изъ-за чего губить человѣка? Изъ-за своей влюбленности? Не уступлю никому, потому что я — жена! Да и уступать-то некому. Онъ ни на кого меня не мѣнялъ.

— И вы первая предложили ему?

— Да... потому что у мужчинъ всегда слишкомъ много ложнаго стыда. Я ему сказала: «Боя! Я ухожу... Ты обожаешь дочь. Она при тебѣ останется. Позволь мнѣ навѣщать ее... даже, если

ты и сойдешься съ кѣмъ. А понадобится тебѣ разводъ, я пойду и на него. Мнѣ свободы не надо»... Вотъ и все!

«Она не жетъ»,—подумалъ я и сердце у меня немного замерло. И тронула меня эта простая и героическая женщина, и еще жесточе пристыдила, чѣмъ недѣлю тому назадъ горюнь-Бардаковъ.

У того нѣтъ и не было дѣтей; а эта оставила дочь потому только, что стало жаль отца; точно признавая за собой вину, ушла отъ великаго грѣха—«заѣданія чужого вѣка».

Точно почувявъ, что намъ обоимъ жутко, она поблагодарила меня за чай, присѣла къ письменному столу, лицомъ къ лампѣ, и, обернувшись въ полоборота ко мнѣ, сказала:

— Семенъ Ивановичъ, мы остановились на слѣдующихъ словахъ...

Своимъ ровнымъ и тихимъ тономъ она прочла мнѣ послѣднюю фразу своей стенограммы.

Я долго не могъ найти нить мысли.

IX.

Наконецъ-то!

Неужели это такъ, и я могу уйти?

Это до такой степени невѣроятно, что я долженъ шагъ за шагомъ прослѣдить здѣсь исторію этого «возстанія Нидерландовъ» и записать по возможности все.

Агриппина Дмитріевна иногда говорила мнѣ, что у насъ будутъ гости за обѣдомъ, иногда нѣтъ. До возвращенія домой, послѣ пяти, мы вѣдь очень рѣдко видимся.

На этотъ разъ она сказала мнѣ наканунѣ, что у насъ будетъ обѣдъ «попарадиѣ» и просила быть если не во фракѣ, то «хоть въ смокингѣ». Этого одѣянія у меня нѣтъ и я сказалъ, что буду во фракѣ.

Я немного запоздалъ и когда пришелъ домой, то въ передней уже висѣли двѣ мужскихъ шубы и стоялъ чужой выѣздной лакей.

Поспѣшно переодѣлся и, входя въ столовую, засталъ уже все общество у стола за закусками.

И дѣти были допущены до этого обѣда «попарадиѣ». Степа въ мундирѣ, конечно, по приказанію матери, и Нитти, въ подзавитыхъ локонахъ и громадномъ бантѣ изъ голубыхъ лентъ, сзади, на кушагѣ.

Гостей было шесть человѣкъ—три дамы и трое мужчинъ. Я не

буду перечислять дамъ. Мужчины всё точно на подборъ, два друга: военный дѣлецъ и титулованный биржевикъ, и господинъ Тихвинцевъ, въ бѣломъ галстукѣ и даже жилетѣ, со звѣздой.

Во мнѣ внутри точно все свернулось, какъ свертывается молоко.

— Вотъ и супруги!— крикнулъ нахально биржевикъ, пропуская въ свою алчную пасть ложку зернистой икры.

Всѣ обернулись ко мнѣ. Я долженъ былъ извиниться. Глаза Агриппины Дмитриевны доложили мнѣ, что я поступилъ съ безтактной безцеремонностью.

Но мнѣ не было дѣла до ея минъ и взглядовъ. Когда я взялъ что-то изъ закуски, ложка у меня зазвенѣла, руки дрожали замѣтно.

Сейчасъ понялъ я, что этотъ обѣдъ дается въ честь господина Тихвинцева, чтобъ отпраздновать его повышение, о которомъ я уже зналъ изъ газетъ.

Воздаданіе заслугъ этого сбира до меня не касается. Но выносить у себя, въ домѣ, за своимъ столомъ, чествованіе такого индивида—это была та «капля», которая и горюна Кардакова сдѣлала героемъ.

Не могу заносить сюда всего того, что говорилось за обѣдомъ. Я старался не слушать, даже полузакрывалъ глаза. Но когда поднималъ рѣсницы, то испытывалъ на себѣ взглядъ Степы, сидѣвшаго противъ меня, черезъ столъ. Я видѣлъ, какъ онъ страдаетъ за меня и какъ, въ то же время, долженъ возмущаться, а можетъ быть и презирать своего отца.

До этого обѣда господинъ Тихвинцевъ, въ моемъ присутствіи, не позволялъ себѣ еще ничего такого, чего нельзя выслушивать безъ омерзѣнія, если не безъ явнаго протеста.

Но тутъ онъ, чувствуя себя своего рода именинникомъ, передъ жаркимъ сталъ, по поводу одного слуха изъ «сферъ», выговаривать своими тонкими безкровными губами цѣлый наборъ сентенцій и заключеній, одно другого превосходнѣе.

Слова «государственный строй» онъ произносилъ особенно, съ такой интонаціей, съ какой инквизиторы призывали всеу имя Спасителя. Но это пускай бы его! Этимъ онъ не ограничился. Называя по имени одного изъ извѣстныхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, онъ прибавилъ къ нему такой эпитетъ, что вся кровь ударила мнѣ въ лицо. Генераль и титулованный биржевикъ разразились хохотомъ и одинъ даже какъ-то завизжалъ и сталъ кричать

— Повторите! Повторите! Какъ? Какъ?

И тотъ повторилъ, какъ произносятъ «шотъ», которому сужден

быть подхваченнымъ всѣмъ Петербургомъ, давая понять, что оно сочинено имъ же самимъ.

Глаза Степы, на этотъ разъ, уже уставились на меня, большіе, сразу потемнѣвшіе отъ негодованія, и на щебахъ появился румянецъ.

Они говорили мнѣ:

«Какъ, папа, ты и это проглотишь, не издавъ ни единого звука?»

Я было хотѣлъ ринуться и рвануть сразу и безвозвратно, тутъ, при гостяхъ, въ избранной пріятельской компаніи Агриппины Дмитриевны.

И остался нѣмъ. Но на этотъ разъ не изъ трусости. О, нѣтъ! Я тутъ же рѣшилъ безповоротно: завтра меня не будетъ въ этой квартирѣ.

Не хотѣлъ я унижать себя протестами, выступать противъ такого субъекта, какъ господинъ Тихвинцевъ. Да и какое было геройство оборвать его теперь, послѣ того, какъ я такъ долго терпѣлъ его присутствіе въ домѣ, въ качествѣ нашего «добраго знакомаго?»

Степа, послѣ внезапной красноты, сталъ блѣднѣть, и я ожидалъ, что онъ чѣмъ-нибудь разразится. Просить его взглядомъ не позволять себѣ ничего я не имѣлъ духа и сидѣлъ, какъ окаменѣлый, съ опущенными глазами, стараясь ничего не слышать. Но голосъ господина Тихвинцева, его баритонъ съ хрипаватой оттяжкой, опять сталъ отчеканивать свои изреченія.

И тотчасъ послѣ жаркого жена моя приподнимается и провозглашаетъ поздравительный тостъ по поводу назначенія Виктора Аполлоновича.

Всѣ закричали и, захлопавъ въ ладоши, стали чокаться и пожимать руки.

До дна выпилъ я чашу. Съ своего мѣста и я долженъ былъ чокнуться съ нимъ. Степа не чокался и мать не замѣтила этого.

Когда пошли пить кофе въ гостиную, я скрылся и, войдя къ себѣ въ кабинетъ, я въ первый разъ за всю мою земную жизнь, схватилъ какую-то вазочку на подзеркальничѣ, бросилъ ее на полъ и разбилъ въ дребезги, а потомъ бросилъ на диванъ и, уткнувъ голову въ кожаную подушку, истерично рыдалъ.

Припадокъ былъ мучительный и краткій. Черезъ пять минутъ пришелъ въ себя и тотчасъ сталъ переодѣваться, надѣлъ пиджакъ, вышелъ въ переднюю, самъ надѣлъ на себя пальто—нашего тамъ не случилось—и выбѣжалъ на улицу.

Вернулся я домой очень поздно и прошелъ въ свою спальню, раздѣлся, но не спалъ всю ночь. Меня наполняло неиспытанное возбужденіе, смѣсь чего-то радостнаго и вмѣстѣ злобнаго, глубокое и небывалое у меня сознаніе, что я побѣдилъ въ себѣ своего «древняго» человѣка, что я поступаю такъ, какъ рѣшилъ, что я, лежа на постели въ общей квартирѣ, уже чужой, постоялецъ на одну ночь, праха котораго здѣсь, черезъ сутки, уже не будетъ.

Будь мое добро такъ же несложно, какъ у Бардакова, я бы до свѣту уложился. Но съѣзжать мнѣ будетъ посложнѣе. Лежа въ постели, я перебиралъ въ головѣ, какія вещи я возьму съ собою. Изъ мебели только кровать съ ночнымъ столикомъ, письменный столъ, комодъ и шкафъ съ книгами, несомнѣнно моя, а не общая собственность. Я былъ на такомъ душевномъ подъемѣ, что готовъ былъ бы и все, до послѣдней рубашки, оставить здѣсь, только бы отряхнуть прахъ съ сандалій моихъ.

Какъсь, мысль о дѣтяхъ пришла мнѣ поздиѣе. Но Степа—мой. Онъ пойдетъ туда, куда я пойду. О Нитти я какъ бы забылъ.

Но что я помнилъ и что наполняло меня горькимъ сладострастьемъ это то, что настанетъ завтра такая минута, когда госпожа Вершицкая услышитъ отъ своего «добродѣтельнаго кисляя» нѣсколько истинъ, увидитъ, что такое личность приниженаго мужа, который, по прошествіи почти двадцати лѣтъ, наконецъ-то, воспрянулъ.

Спалъ я не больше четырехъ часовъ и необычная лѣньность разливалась по моимъ суставамъ. Умывался я шумно и весело и съѣлъ пить кофе съ газетой, надѣвъ на себя домашній костюмъ. Я предвидѣлъ, что мнѣ не придется самому открывать огонь въ предстоящемъ «дѣлѣ».

Такъ и вышло. Ровно въ десять часовъ горничная Агриппины Дмитріевны явилась доложить мнѣ, что барыня проситъ меня къ нимъ въ спальню.

Я допилъ методически кофе и пошелъ, безъ малѣйшей тревоги, съ чувствомъ, похожимъ на злорадство.

Въ спальнѣ гардины были еще на половину спущены.

Кровать подъ голубымъ балдахиномъ занимала уголъ слѣва отъ двери изъ коридора.

По близорукости, я съ трудомъ разглядѣлъ голову и плечи супруги моей. Она имѣла привычку пить чай въ постели и ей ставили у изголовья столикъ. Но столика еще не было тутъ.

Она прикрывалась шелковымъ итальянскимъ одѣяломъ до плеч

въ кружевной парижской рубашкѣ, съ длинными рукавами. Волосы повязаны были фуляромъ.

Выраженіе лица и степень его утренней свѣжести я, въ полутьмѣ спальни, не могъ рассмотреть.

— Что вамъ угодно?—началъ я, нарочно на вы, не давая этимъ перваго хода.

Когда она говорила кисло-сладко, то мѣстоименіе «вы» замѣняло обычное «ты».

— Сядьте, пожалуйста, туда. Мнѣ неудобно повернуть такъ шею.

Я сѣлъ.

— Что же это такое, Семенъ Ивановичъ?—начала она, какъ бы огорченнымъ тономъ и очень тихо, «имѣя въ предметъ», что насъ можетъ услышать горничная, жившая въ комнатѣ рядомъ, но черезъ коридоръ.

Я промолчалъ.

— Вы понимаете, надѣюсь, о чемъ я спрашиваю?

— Вѣроятно насчетъ того, что я вчера скрылся послѣ обѣда?—спросилъ я небрежно и, главное, почти весело.

Это проскользнуло помимо моей воли и, конечно, не укрылось отъ проницательности Агриппины Дмитриевны.

Но какъ же могло быть иначе? Вѣдь рабъ, мгновенно разбившій свои цѣпи, развѣ онъ въ состояніи сдержать свою радость?

— Вы, кажется, совсѣмъ помутились, мой другъ?—сказала она съ тихимъ смѣхомъ съвозъ зубов. — Это просто... *Elfin ça dépassé mon intelligence, quoi!*

Съ этими словами она приподнялась, поправила верхнюю подушку и почти сѣла въ постели. Лѣвую руку она совсѣмъ высвободила изъ-подъ одѣяла.

И на это я не далъ никакого отвѣта.

— Ваша выходка—въ высокой степени неприлична. Неприлична!—поправила она.—Чудовищна!

— Неприлична — это такъ, — подтвердилъ я, — особенно для яйки дома.

— Онъ соглашается! Скажите!

Никогда еще столько уничтожающей ироніи не проникало уста Агриппины Дмитриевны за всѣ осьмнадцать лѣтъ и пять съ днемъ сяцевъ нашего сожителства.

— Согласенъ. И это было сдѣлано съ намѣреніемъ... съ заѣе обдуманнмъ,—прибавилъ я, и опять веселая нота выдала душевное настроеніе.

Она поглядѣла на меня вбокъ, промолчала и что-то вродѣ страха почувялъ я въ этомъ взглядѣ.

«Ужъ не спятилъ ли онъ?» — навѣрно, подумала она.

— Да что же это, Семень Ивановичъ... Озорство... Безуміе?

Она сложила руки на груди и злобно посмотрѣла на меня.

— Ни то, ни другое, — отвѣтилъ я, не мѣняя моего *легкаго* и увѣреннаго тона.

Внутри у меня пробѣжали струйки совершенно сладострастнаго чувства смѣлости и сознанія своего *я*.

— Что же это, наконецъ?

— Вы не понимаете? — протянулъ я. — Извольте, я вамъ объясню и постараюсь быть кратокъ.

— Не желаю я слышать вашихъ рацей!

— Но вы ихъ выслушаете, — выговорилъ я очень сильно, глухимъ голосомъ и придвинувъ стулъ съ такимъ движеніемъ, что она подалась назадъ, къ стѣнѣ. — Заявляю вамъ, Агриппина Дмитриевна, что наша съ вами совмѣстная жизнь прекращается.

— Скажите, пожалуйста!

— Прошу васъ быть серьезной. Я бы могъ уйти изъ этой квартиры и не предупредивъ васъ, и не потому, что я васъ боюсь. Но надо же, чтобы вы знали, до чего вы довели того, кто осьмнадцать лѣтъ носить на себѣ узы брака съ вами.

Она только пожала плечами.

— Если моя кротость и уступчивость создали для меня здѣсь положеніе какого-то *принца-консорта*, состоящаго при повелительницѣ, то это могло длиться только до того момента, когда вы, зная какія я сохранилъ идеи и правила, заставили меня участвовать въ чествованіи такой личности, какъ Тихвинцевъ.

— А почему же нѣтъ? — точно съ изумленіемъ остановила она.

— Почему?

Я не выдержалъ и расхохотался.

Она спрашивала: почему?

Это было выше всего. Зіяющей хлябью обнажилась та пропасть, которая лежала передъ нами, засыпанная хворостомъ всякой женской лжи.

И самъ я, въ своихъ глазахъ, показался жалкимъ и непростительнымъ трусомъ и рабомъ: я пустилъ, что жена моя опошлалась до того, что считаетъ дружбу съ подобной личностью и даже чествованіе ея у насъ, за обѣдомъ, какъ нѣчто вполне допустимое.

И я тутъ же обличилъ себя передъ ней. Такъ и назвалъ себя «трусомъ» и «рабомъ».

Но когда я облегчилъ себя этимъ приговоромъ, я былъ опять тотъ же освобожденный рабъ, какимъ вступилъ въ спальню Агриппины Дмитриевны.

Стоило ей еще разъ пожать плечами и бросить одну французскую фразу:

— Vous divaguez!

И я заговорилъ такъ, какъ никогда въ жизни и ни съ кѣмъ не говорилъ.

Вотъ подлинныя слова, которыми я закончилъ этотъ взрывъ обиды, накопившейся въ душѣ годами:

— Не позволю я вамъ больше держать меня въ своихъ приспѣшникахъ. Въ лицѣ вашемъ я презираю все, что вы внесли суетного, хищнаго, тщеславнаго и лживаго въ нашу совмѣстную жизнь. Я презираю и ненавижу все, изъ-за чего вы треплетесь на свѣтѣ. Я не считаю за вами никакихъ правъ на меня, какъ на вашего мужа, кромѣ формальныхъ, къ которымъ принуждаетъ законъ. И никакой законъ не заставитъ меня имѣть къ вамъ другое чувство или терпѣть васъ около себя.

Должно быть, мое лицо и тонъ были такіе, что она совсѣмъ какъ-то съежилась въ постели и даже раза два поднимала ладони, точно хотѣла защитить себя отъ побоевъ.

Ни одного крика я не позволилъ себѣ! Я говорилъ не громко, раздѣльно, вколачивая слова какъ гвозди; но когда кончилъ, то весь былъ потрясенъ и опустилсѣ въ кресло.

— Что-жъ! Вы желаете, стало-быть, развода?

Я не сразу отвѣтилъ.

— Мнѣ хоть сейчасъ! — раздался болѣе нервный возгласъ Агриппины Дмитриевны.

— Ни хлопотъ, ни грязи, безъ которыхъ не обходится разводъ, я не хочу, — отвѣтилъ я. — Настоящихъ, законныхъ поводовъ къ нему нѣтъ — ни невѣрности, ни другой причины. Я ухожу отъ васъ и сумѣю отстоять мою свободу.

Ни возгласовъ, ни слезъ, ни истерики — не послѣдовало.

Тутъ только я съ полной ясностью увидалъ, какъ мы чужды были другъ другу. Или она блистательно выдерживала характеръ, или въ душѣ ея ничего не дрогнуло. Душевной потери она, конечно, не испытывала никакой. Она была только взбѣшена тѣмъ, какъ я — «добродѣтельный кисляй» — осмѣлился такъ предательски, исподтишка, такъ скоропостижно и дерзко предъявить ей свой ультиматумъ.

Но на этомъ наше объясненіе не могло кончиться.

— Но какъ же это?—спросила она и совсѣмъ сѣла въ постели.—Вы бросаете жену, дѣтей—такъ, ни съ того, ни съ сего? Все, что вы сейчасъ наговорили злого и нелѣпаго, и постыднаго для васъ, все это только одинъ предлогъ. Стало, у васъ на сторонѣ есть другая семья?

Я тихо разсмѣялся.

— Но это, наконецъ, цинизмъ!—вскричала она.

— Узнавайте. Если есть, вамъ же лучше,—вы тогда будете свободны... уличите меня въ нарушеніи седьмой заповѣди.

— Довольно! Я не хочу больше ничего слушать! Ступайте!

— Потихе, мой другъ,—выговорилъ я совершенно ея интонаціей.—Не забывайте, что я здѣсь господинъ въ этой квартирѣ... и никто не имѣетъ права меня гнать—это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ, такъ какъ я говорю съ вами въ послѣдній разъ на эту тему, то я, въ вашихъ же интересахъ, прошу меня выслушать.

И я, не торопясь, заявилъ ей, что въ Петербургѣ самъ жить не буду, частную службу найду въ Москвѣ по тому же учрежденію, даже и общественную, гдѣ я занимаю одно мѣсто безвозмездно, а другое—съ содержаніемъ, за которое теперь держаться не буду.

— А дѣти?—спросила Агриппина Дмитріевна. — А я, наконецъ?

Второй вопросъ былъ крикомъ сердца.

И на это у меня нашелся отвѣтъ вполне обдуманый.

— Вы останетесь здѣсь... или уѣдете куда угодно. Свой долгъ я исполню. Половину того, что идетъ у насъ на общую жизнь, вы будете получать. У васъ, если не ошибаюсь, есть и свои ресурсы.

— Какіе?—порывисто перебила она меня.

— Я не знаю. Но навѣрно есть. Не дѣлая долговъ, нельзя одѣваться какъ вы и позволять себѣ разные другіе расходы свѣтской жизни. Буде у васъ имѣются долги, я не обязанъ платить ихъ, если они сдѣланы безъ моего вѣдома.

— Помилуйте! Но чѣмъ же тутъ жить? Это Богъ знаетъ что такое!

— Есть полная возможность. Только вы будете занимать квартиру меньше.

— А дѣти?

— Отнимать у васъ дѣтей насильно я не желаю.

— Вамъ и не нужно ихъ!

— Положимъ. Но Степа уже въ такихъ лѣтахъ, что я ему предложу—останется онъ при матери или идетъ къ отцу. Насильно вы тоже не будете его удерживать при себѣ. Дочь—еще дѣвочка.

Скорблю о томъ воспитаніи, какое вы ей даете, но отнимать ее у васъ не стану.

— Скорбите! Отчего же вы сами ее не воспитывали?

— Оттого, что я вообще не существовалъ здѣсь ни какъ глава семейства, ни какъ личность.

Она опять скрестила руки на груди, какъ бы обдумывая новый ходъ.

— И еще, — добавилъ я. — Изъ моей половины того, что мы проживали вдвоемъ, я предоставляю вамъ одну треть на воспитаніе дочери. Сынъ самъ рѣшить, съ кѣмъ онъ будетъ жить.

Я поднялся.

— А если я не приму вашего ультиматума?

— Какъ вамъ будетъ угодно. Но заявляю вамъ, что въ теченіе одной недѣли я очищу тѣ двѣ комнаты, гдѣ я живу. Если вамъ угодно особый видъ на жительство, я вамъ дамъ его. А затѣмъ — дѣлайте, что вамъ вздумается: жалуйтесь, звоните на весь городъ, обличайте меня, — я иду на все, на все. Потому что все лучше той жизни, изъ которой я бѣгу.

Тутъ она переменяла тонъ и нервно-жалобнымъ голосомъ стала, точно про себя, возмущаться сухостью, эгоизмомъ и предательствомъ мужчинъ. Она не говорила ничего прямо мнѣ. И мнѣ сдавалось, что она, и въ эти минуты, не допускала того, что я могъ считать себя несчастнымъ, что она, какъ жена, въ чемъ-нибудь не то что ужъ «провинилась», а когда-либо поступила опрометчиво, не деликатно или эгоистично.

Это была послѣдняя «демонстрація» того, какая пропасть лежитъ между нами, и не между нами съ ней, а между девятью-десятью супружескихъ паръ.

Но послѣдняя тирада была обращена уже прямо ко мнѣ:

— Весь нашъ кругъ оцѣнить ваше безуміе и жалкую неблагодарность. Если въ человѣкѣ вашихъ лѣтъ и при такой женѣ, какую вы имѣли во мнѣ, происходитъ что-нибудь подобное, — онъ не далеко до...

— Сумасшествія, не такъ ли? — подсказалъ я и удалился.

Х.

Левскій въ самый бойкій часъ. Свѣтъ весело играетъ на снѣж-
ныхъ блестяхъ. Усиленное движеніе саней и каретъ и густая стѣ-
на тѣшеходовъ на солнечной сторонѣ.

о этому тротуару между Полицейскимъ и Казанскимъ моста-

ми иду и я, въ пальто на ватѣ, но безъ калошъ. Иду и чувствую, что я другой человѣкъ.

Мнѣ не сорокъ девять лѣтъ, а двадцать пять. Я молодой человѣкъ, только что вступившій въ жизнь. Передо мною тамъ, вдали, переливаются цвѣта радуги—марево надеждъ и упованій.

Бромъ шутокъ, за цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ я не помню, чтобы когда-либо я—съ портфелемъ или безъ портфеля—шелъ такъ отъ Полицейскаго моста внизъ по Невскому, даже и въ такой солнечный день, какой былъ вчера.

Дома ультиматумъ мой подѣйствовалъ. Агриппина Дмитріевна не вышла къ завтраку, подъ предлогомъ сильнѣйшей мигрени, что на этотъ разъ довольно правдоподобно.

Въ какихъ-нибудь два-три часа я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ и подготовилъ почву для самаго главнаго шага—переезда въ Москву, съ шансомъ получить тамъ такой же заработокъ, если не сейчасъ, то втеченіе года. Это дѣло можетъ быть налажено. Остальное зависитъ прямо отъ меня.

Раскланивался я разъ пять-шесть до Михайловской улицы. И на лицѣ каждаго—одна была дама изъ пріятельницъ Агриппины Дмитріевны—улавливалъ я всегдашнее выраженіе, когда они корчатъ пріветственную улыбку, при встрѣчѣ со мною.

Улыбка эта значитъ:

«Добрякъ, честенъ, трудолюбивъ, нуль въ домѣ, вѣрный рабъ своей супруги, образецъ мужа—подъ *пантофелю*».

И я, отвѣчая на ихъ поклоны, говорилъ про себя:

«Ухмыляйтесь, милые мои, я васъ всѣхъ подсижу. Черезъ недѣлку или черезъ мѣсяцъ—это все равно—вы узнаете, какъ рабъ разбилъ свои оковы».

Мнѣ было очень весело. Чувство бодрости все возрастало по мѣрѣ того, какъ я приближался къ дому.

Но любоваться «красавцемъ Петербургомъ» я не могъ и теперь.

Ненавижу я этотъ городъ все такъ же. Еслибъ какимъ-нибудь волшебствомъ въ меня дѣйствительно влили эликсиръ жизни, какъ въ доктора Фауста, то и тогда я бѣжалъ бы отсюда. Вчерашнее солнце только ярче воспроизводило въ памяти цѣлые мѣсяцы мглы измороси, тумановъ, сырости и гнили, гнусный запахъ петербургскихъ подворотень, что-то потное, полное міазмовъ.

Но «міазмы» не въ однихъ испареніяхъ дворовъ, улицъ и чужихъ лѣстницъ. Они гораздо ядовитѣе и удушливѣе въ нравственной атмосферѣ этого ненавистнаго мнѣ города.

Какъ, я думаю, блаженствовалъ Гоголь, когда писалъ знамен

тое письмо изъ-за границы, гдѣ у него вырвалось слово «подлецы». Это не было ругательство. Онъ имѣлъ въ виду не Ивана Ивановича или Петра Петровича, а цѣлую категорію, цѣлую армію, наполняющую канцеляріи, конторы, салоны, общества, коммисіи, комитеты, конкурсы и администраціи. Развѣ можно пересчитать все?

Не дѣлаю я себѣ никакихъ иллюзій. И въ Москвѣ, куда я рѣшилъ перебраться «духъ времени» вызвалъ произрастаніе злаговъ *eiusdem farinae*. Но тамъ я буду одинъ, со своимъ внутреннимъ міромъ, прикасаясь къ окружающему только съ формальной стороны. А если безъ людей, безъ двухъ-трехъ пріятелей не прожить—не можетъ быть, чтобы я тамъ не нашелъ ихъ, разумѣется, не въ «сферахъ», а подъ сѣнью старой *alma mater*, гдѣ я когда-то мечталъ объ ученой дорогѣ.

И когда я пришелъ къ себѣ, супруги моей не было дома. «Онѣ» приказали сказать мнѣ, что дома кушать не будутъ, чему я чрезвычайно какъ обрадовался.

Конечно, въ домѣ ничего никто не зналъ. Можетъ быть, горничная слышала изъ своей каморки, что господа о чемъ-то долго говорили, но о содержаніи разговора она догадаться не могла.

Не только въ тотъ же день, но и до моего переселенія,—я увѣренъ въ томъ,—и въ обществѣ ничего никто знать не будетъ. Агриппина Дмитриевна не такая особа, чтобы начать благовѣстить по городу о томъ, что мы «разъѣзжаемся».

Она и тогда не скажетъ правды, когда я уѣду въ Москву и двѣ мои комнаты будутъ стоять безъ мебели.

Чтобы она первая стала объ этомъ рассказывать?! Мужъ сбѣжалъ отъ нея безъ всякой провинности, безъ невѣрности и семьи на сторонѣ, взялъ и поднесъ ей свой ультиматумъ. Изъ-за чего же она поставитъ себя въ смѣшное положеніе? Обвинять меня въ чемъ-нибудь или объявить меня «полоумнымъ», пока я здѣсь, она тоже найдетъ рискованнымъ. Она слишкомъ тонкій дипломатъ, чтобы пускаться въ ходъ такіа средства.

Когда меня здѣсь не будетъ—другое дѣло. Тогда «безуміе» можетъ быть пущено въ ходъ предпочтительно передъ всякой другой видкой—до невѣрности включительно.

А объдомъ Степа сидѣлъ рядомъ со мною, какъ всегда. Онъ будто о чемъ-то догадывался. Но говорилъ мало, что-то разсуждалъ свое, гимназическое. Это показывало, что у него на душѣ что-то другое.

Послѣ обѣда я немного отдохнулъ и, когда проснулся, мое настроеніе было не такое возбужденное, какъ днемъ, на Невскомъ, но болѣе ясное и благодушное.

Вотъ такъ я буду жить тамъ, въ Москвѣ, въ холостой квартирѣ съ своими книгами, въ полномъ спокойствіи. А пока я жилецъ, нанимающій двѣ комнаты отъ квартирной хозяйки.

Мнѣ не хотѣлось никакихъ счетовъ съ нею. Въ сущности, что такое Агриппина Дмитріевна, не будь я ея мужемъ? Личность, какихъ десятки и сотни, и не въ одномъ женскомъ полѣ, а также и въ мужскомъ. Встрѣчаясь я съ нею въ обществѣ, я бы могъ ее вполне игнорировать. Дѣло не въ ней, а въ томъ безсрочномъ обязательствѣ, которое связываетъ пары, не предназначенныя вовсе къ брачному сожителству. Или же въ томъ, что нѣкоторымъ мужчинамъ, — отъ нихъ же первый есмь азъ, — нечего и думать о женатой жизни. Почему я знаю, что и со всякой другой подругой я бы не превратился въ раба?

Вотъ и теперь. Другой бы накопилъ въ себѣ цѣлую уйму мстительности. Онъ бы, разбивъ свои цѣпи, какъ можно дольше вымещалъ свое многолѣтнее закрѣпощеніе, хотя бы и добровольное.

Агриппина Дмитріевна, конечно, оплатитъ мнѣ какой-нибудь гадостью. Не теперь, конечно. Теперь она еще зависитъ отъ меня матеріально. Но если она найдетъ себѣ новую жертву, тогда она мнѣ еще попомнить.

И эта возможность не смущала меня. Потребуется развода? На здоровье! Я способенъ все взять на себя, т.-е. оклеветать себя въ прелюбодѣянніи. Начнетъ интриговать? Пускай, — хлѣба она меня не лишитъ! Возстановлять противъ меня дѣтей? Нитти — ея продуктъ; а Степа ей не повѣритъ, еслибъ даже онъ и не пошелъ ко мнѣ.

Бѣда въ томъ, что никогда у меня не было ни малѣйшаго чувства своего превосходства. Оно есть въ троихъ мужчинахъ на пять. Влюбляются, портятъ себѣ жизнь, подставляютъ лобъ подъ пули, связываютъ свою судьбу съ потерянными бабенками, позволяютъ себя обманывать, бить по щекамъ. Но все-таки смотрятъ на женщину какъ на «глупую бабу». Всѣ разновидности Донъ-Жуана презираютъ женщинъ, хотя и не могутъ дня продышать безъ нихъ.

Посмотрите на любого нѣмца. Что за непоколебимое сознание своего превосходства надъ «бабой». «Mein Weib» — говоритъ онъ совершенно такъ же, какъ «Mein Bier» и «Mein Hemd».

Припомнилась мнѣ сценка за табльдотомъ на нѣмецкихъ водахъ. Профессоръ, сидя рядомъ съ женой, рассказывалъ своимъ

сосѣдямъ, какъ она строго наблюдаетъ за моралью своихъ кухарокъ и какъ съ одной изъ нихъ она комически попалась. Въ этомъ нѣмцѣ съ умными глазами и насмѣшливой улыбкой я сейчасъ призналъ своего коллегу по части супружескаго ига. Но онъ—хоть на людяхъ—тонко мститъ женѣ. Навѣрно, его тучная сожительница держала его подъ обѣими туфлями, но онъ, въ глубинѣ души, сознавалъ себя высшимъ существомъ. Гдѣ-то, во французской біографіи Бисмарка я нашелъ намекъ на то, что желѣзный канцлеръ былъ также «un peu dominé par son épouse», а ужъ, навѣрно, вываривалъ «Meine Frau» съ такой же интонаціей, какъ и «Mein Bier».

Только у русскихъ мужчинъ нѣтъ никакой солидарности. Они охотно ругаютъ женщинъ, а чуть что—и сейчасъ же всѣ на васъ обрушиваются и выгораживаютъ женщину.

Взять хоть бы мой «случай». Передовые будутъ говорить: «Самъ виноватъ! Не хотѣлъ имѣть благотворнаго вліянія на жену. Позволилъ себя обезличить и готовъ постыдно убѣжать».

А гасильники, если я уйду, будутъ кричать, что я «разрушаю семью»; а если останусь, послѣ попытки эмансипаціи, то крикнуть: «туда ему и дорога!»

Не такъ кончился мой день.

Агриппина Дмитріевна продолжала отсутствовать. Въ началѣ десятаго я пошелъ въ комнатку Степы. Къ этому времени онъ уже кончаетъ свои приготовленія къ урокамъ.

Онъ сидѣлъ съ книгой, но не учебной, въ своей опрятной тулупѣ, у стола, гдѣ горѣла его собственная «Studierlampe», мной подаренная.

При моемъ входѣ, онъ прищурился на меня и сейчасъ же всталъ.

Во взглядѣ его большихъ глазъ былъ вопросъ—не простой, а особенный.

— Ты кончилъ готовить? — спросилъ я.

— Да, папа.

— Степа, я тебѣ мѣшать не буду. Садись, садись. Мнѣ надо съ тобой побесѣдовать.

Онъ тотчасъ же сѣлъ и руки уперъ въ колѣни въ выжидательную позу.

Самъ я присѣлъ на короткій диванчикъ, наискосокъ отъ него. Комната Степы самая угловая и разговоръ изъ нея врядъ ли слышенъ откуда-нибудь въ квартирѣ.

Съ этимъ умнымъ и душевнымъ мальчикомъ не нужно долгихъ словъ.

— Степа, — началъ я не безъ внутренняго волненія, — я долженъ предложить тебѣ вопросъ большой важности. Отъ рѣшенія его зависить, быть можетъ, вся твоя дальнѣйшая жизнь. Если семейство наше распадется, при комъ ты желаешь остаться — при мнѣ или при мамѣ?

Онъ сейчасъ же отнялъ руки отъ колѣнъ и нервнымъ жестомъ провелъ ими по головѣ.

— Ты уходишь? — выговорилъ онъ безъ удивленія; но голосъ его дрогнулъ.

— Да, я уйду.

Протянулась пауза.

— Совсѣмъ, папа?

— Совсѣмъ, милый.

Степа всталъ и отошелъ въ уголъ, за кровать, гдѣ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ.

— Говорить тебѣ, почему я такъ хочу поступить — я не стану... въ эту минуту, по крайней мѣрѣ. Ни обвинять, ни оправдывать...

— И не надо, папа!

Съ красными щеками онъ подбѣжалъ ко мнѣ и очень милымъ жестомъ взялся за мое плечо.

— Не надо! — повторилъ онъ, глубоко взволнованный. — Я принимаю все.

— Но я не хочу никакого насилія и произвола. Твоя сестра еще слишкомъ мала. Она не можетъ рѣшать. Но ты можешь... Тебѣ все понятно, вплоть до послѣдней капли, которая переполнила чашу.

— На обѣдѣ? — подсказалъ онъ.

— Да, милый.

Онъ приложился губами къ моему плечу. И эта внезапная ласка тронула меня особенно. Я привлекъ его къ себѣ.

— Уйдемъ вмѣстѣ, Степа. Тебѣ здѣсь тяжело будетъ. А мы заживемъ, какъ два друга и товарища.

— Спасибо, папа, — заговорилъ онъ другимъ голосомъ, тверже и мужественнѣе.

— За что?

— За то, что ты былъ такъ увѣренъ во мнѣ.

Но тотчасъ же онъ поникъ головой, всталъ и сѣлъ на свое прежнее мѣсто, у письменнаго столика.

— Тебя, однако, что-то смущаетъ, — тихо сказалъ я. — Не скрывай.

— Видишь, папа... То, что я скажу тебѣ... это—не о себѣ. Я готовъ хоть сейчасъ уйти съ тобой. Хоть сію минуту! — почти крикнулъ онъ.— Но вѣдь тутъ не во мнѣ дѣло. Ты позволишь высказать тебѣ все, все?

— Прошу тебя объ этомъ.

— Ты не выдержалъ. Но должно было такъ выйти. Вѣришь... я у себя разрыдался тогда, послѣ того обѣда. Мнѣ стало невыносимо горько и обидно за тебя. И тѣхъ господъ я возненавидѣлъ еще сильнѣе. Какъ на духу говорю тебѣ: еслибъ еще два-три такихъ факта — я за себя не ручался бы. Такого и застрѣлить не грѣхъ! Но если ты уходишь...

Онъ не находилъ выраженія.

— Семья рухнетъ? — договорилъ я за него.

— Рухнетъ,—повторилъ Степа.— И опять я не о себѣ, папа. Клянусь! Вотъ Нитти... Теперь она—уже изломанная... Но кто же знаетъ?

«Ну да, ну да,—подумалъ я.—И онъ сейчасъ за женщину».

— Быть можетъ, мнѣ удастся черезъ годъ, черезъ два вліять на нее. Я видѣлъ примѣры. Дѣвочки-подростки круто мѣняются. И, наконецъ, мама!

Онъ какъ бы застыдился этого возгласа, того, что о матери онъ упомянулъ о послѣдней.

— Папа, ты уже объяснился съ ней?—тише спросилъ онъ.

— Объяснился.

— И окончательно?

— Шутить и стращать я не желаю, милый.

— Она была поражена?

— Не знаю. Мнѣ кажется, это не будетъ для нея большимъ ударомъ.

— Кто знаетъ? А быть можетъ такой шагъ съ твоей стороны заставить ее уйти въ себя и сознать, каково тебѣ было до сихъ поръ?..

— Ручаться я за это не могу!

— Я знаю, папа, все я знаю. Что же! Я не скрываю: тебя я больше люблю! И если ты не измѣнишь своего рѣшенія, я уйду съ тобой. Но позволь еще одно слово.

Въ немъ шла усиленная внутренняя работа. Даже виски стали у него влажны. При яркомъ свѣтѣ лампы я это замѣтилъ.

— Ну, положимъ, не будетъ у васъ никогда настоящаго сердечнаго лада. Чудесъ не бываетъ, я знаю! Но теперь отъ тебя зависить совсѣмъ по другому поставить себя—отстаивать свои убѣж-

деніа, не позволять, чтобы въ твоёмъ домѣ бывали такіе господа, какъ тѣ трое, что обѣдали тогда... Если изъ этого ничего не выйдетъ... и ты опять увидишь себя подавленнымъ или тебя будутъ прямо оскорблять и дѣлать тебѣ все на зло... тогда ты умоешь руки!...

Онъ подошелъ ко мнѣ и обнялъ меня.

— Прости, папа! Ты позволилъ мнѣ сказать тебѣ все безъ утайки. Я не хочу учить тебя. Какое! Но, право, какъ-то сердце сжимается. И потомъ, неужели въ мамѣ ничего не заговорить? Ужъ если ты—такой кроткій и терпѣливый—не выдержалъ и пришелъ первый объявить ей, что ты уходишь, она не можетъ не понять, каково тебѣ.

— А знаешь ли ты,—спросилъ я его,—на что ты опять меня обрекаешь, еслибъ я сдѣлалъ по-твоему и остался?... Ты самъ сейчасъ сказалъ: «чудесъ не бываетъ». И я не превращусь въ другого человѣка. На свободѣ, съ тобой вмѣстѣ, я буду такимъ, какимъ ты можешь уважать меня. Здѣсь я не ручаюсь... Ты понимаешь, мнѣ не легко признаваться въ этомъ сыну...

Я не могъ кончить, боясь, что слеза прошибетъ меня.

— Твоя совѣсть подскажетъ тебѣ,—выговорилъ Степа, опустил голову.

Когда я вернулся къ себѣ въ кабинетъ, я сѣлъ въ уголъ дивана и, закрывъ глаза руками, прошепталъ:

— Неужели я останусь?...

П. Боборыкинъ.

ПѢСНИ ИЗЪ „УТОЛКА“

Усть-Нарова, 1898 г.

I.

Съ моря сердитаго въ малый заливъ забѣжавъ,
Въ тихомъ спокойствіи я очутился;
Лодку свою между острыхъ камней привязавъ,
Слушая бурю, въ раздумьѣ забылся...

Какъ хорошо, прекративъ неоконченный споръ,
Мирно уйти изъ буруновъ сомнѣнья,
Руки сложить, ни себѣ, ни другимъ не въ укоръ,
Тихо качаясь на зыби мышленья...

II.

Когда больной умереть, и кончится со смертью
Ужасный, длинный рядъ мучительныхъ мытарствъ,
Врачей и фельдшеровъ замѣнить духовенство,
Исчезнетъ всякій слѣдъ сидѣлокъ и лѣкарствъ,

Когда сокроются подъ насыпью могилы,
Какъ призракъ тягостный, какъ отлетѣвшій сонъ,
Лицо поблекшее, морщинистыя руки,
Вся некрасивая обрядность похоронъ,—

Въ девятый день по немъ, вотъ вы когда ступайте
Бъ нему, въ умершему, кто для земли угасъ,
Небытія живымъ, святымъ проникновеньемъ
Увѣковѣченный, онъ будетъ между васъ!

Небытіе—не смерть и не ничто! Не можетъ
Тотъ, кто не возникалъ, пройти въ небытіе!
Въ небытіи людей—особый обликъ жизни
несомнѣнное безсмертіе мое!

III.

Дайте, дайте мнѣ, долины наши ровныя,
Вашей ласковой и кроткой тишины!
Сны счастливыя, хорошіе, безкровныя,
Еслибъ были вы второй разъ мнѣ даны!

Еслибъ все,—да, все,—что было и утрачено,
Что бѣжить меня, опять навстрѣчу шло,
Что теперь совсѣмъ не мнѣ—другимъ назначено,
Но въ минувшій срокъ и для меня цвѣло!

Еслибъ это все возникло по прошедшему,—
Какъ сумѣлъ бы я мгновенье оцѣнить,
И себя въ себѣ негаданно нашедшему
Довелось бы жизнь изъ полной чаши пить!

А теперь я что? Я—пѣсня въ подземеліи,
Слабый лунный свѣтъ въ горячій полдня часъ,
Смѣхъ въ рыданіи и тихій плачь въ веселіи...
Я—ошибка жизни, не въ послѣдній разъ...

IV.

Богда бы всѣ бывшія силы,
То, что зовутъ у насъ душой,
Отъ ранней юности направить
Одною ясною стезей;

Богда-бъ, избравъ одно призванье,
Счастливецъ въ жизни не блуждалъ,—
Его почтили-бъ дружбой равной
Астарта, Бахусъ и Ваалъ.

Но мы прямыхъ дорогъ не знаемъ,
Блуждаемъ и, въ концѣ концовъ,
Насъ зацѣловываетъ на смерть
Одинъ или два изъ тѣхъ боговъ!

V.

Гдѣ, скажите мнѣ, та высь небесъ лазурная,
Ночь объявша я Татьяна полумглою,
Гдѣ тревога та пугливая и бурная,
Прогудѣвшая надъ дѣвичьей душой?

Няня гдѣ ея? Съ любовью неизмѣнною,
 Съ Таней жившая всѣмъ сердцемъ за-одно,
 Съ рѣчью ласковою, сѣдиной почтенною,
 Крѣпко вѣрившая въ то, что суждено?

Гдѣ, скажите мнѣ, тотъ смыслъ живого генія,
 Тотъ полуденный въ старинномъ садѣ свѣтъ,
 Что присутствовали при словахъ Евгенія,
 Танѣ давшаго свой рыцарскій отвѣтъ?

Гдѣ кипѣвшая живымъ ключомъ страсть Ленскаго?
 Скромность общая имъ всѣмъ, движеній чинъ?
 Эта правда, эта прелесть чувства женскаго,
 Эта искренность и честность у мужчинъ?

VI.

Не въ томъ бѣда, что разны состоянья,
 Что во враждѣ бѣдняга и богатъ,
 Что трудъ неравенъ, неравны призванья,
 Что есть на свѣтѣ слабый и сильный!

Всѣ сумасшедшіе, что быстро такъ плодятся,
 Въ комъ нѣтъ ума—уходить вглубь больницъ...
 Въ комъ сердца нѣтъ—тѣмъ радостно кататься,
 Взирать на міръ съ ихъ пышныхъ колесницъ!

Сердцецъ раздайте! Чтобъ они стучали
 Во всѣхъ грудяхъ, чтобъ имъ былъ полный счетъ,
 Чтобъ тѣ, что есть, въ конецъ не замирали,—
 Чтобъ чувствамъ былъ прямой и полный ходъ.

Съ дѣтей начните! Вотъ откуда надо
 Мѣнять судьбы, дорогу указавъ,
 А не съ параграфовъ законовъ, или ряда
 Уравновѣшеній и раздѣленій правъ.

VII.

Я вѣрю старому преданью,
 Я вѣрю въ блескъ надеждъ живыхъ
 И въ долгій вѣкъ, слѣдя за ними,
 Лишился многихъ благъ земныхъ.

Я вѣрю въ то, что недвижно
Безсмертье вѣчной красоты,
Что шумъ мірской проходитъ мимо,
Со славы — сыплются листы!

Что есть въ мышленьяхъ наказанье,
Что сбить съ дороги умъ людской,
Что міръ погибнетъ безобразьемъ
И возродится — красотой!

VIII.

Все на свѣтѣ, все безспорно, —
Стоить только захотѣть —
Вдохновенію — покорно,
Можетъ пѣть и будетъ пѣть.

Камни, мхи, любовь и злоба,
Время, море, лучъ луны,
Смерть и сонъ — и врознь и оба —
Будутъ пѣть, и пѣть должны.

Пѣсни — дѣти мысли нашей,
Удивительный народъ!
Все становится въ нихъ краше,
Если въ плоть ихъ перейдетъ.

Тканью слова облекаясь
Въ помышленіи людей,
Жизнь природы, удвояясь,
Кажетъ лучше и полнѣй.

И поетъ она въ насъ вѣчно!
Какъ? — никто постичь не могъ...
Богъ поэзіи, конечно,
И живой, и мощный Богъ!

IX.

Великъ запасъ событій разныхъ
И въ настоящемъ, и въ быломъ;
Историки въ лѣтописяхъ связанныхъ
Живописуютъ ихъ перомъ.

Не меньше ихъ необозримы
 Природы дивныя черты,
 Онѣ повтомъ уловимы
 При свѣтѣ творческой мечты.

Но больше, больше безъ сравненья,
 Пестрѣй какъ тѣхъ, такъ и другихъ
 Людского духа воплощенья
 И бытія сердецъ людскихъ.

Они — причина всѣхъ событій,
 Они — природы мысль и взглядъ,
 Въ нихъ тканъ судебъ съ основой нитей —
 Гнилыхъ и ветхихъ заурядъ...

X.

Воды немного, нѣсколько солѣй,
 Снабженныхъ слабою, животной теплотою,
 Зовется издавна и по-просту слезою...
 Но развѣ въ томъ опредѣленье ей?

А тихій вздохъ людской? То груди содроганье —
 Соединеніе углекислоты...
 Опредѣленіе, мутящее сознанье
 И полное обидной пустоты!

XI.

Какъ рѣбки вы и какъ ничтожны, —
 Ни взгляда нѣтъ, ни силы нѣтъ...
 Не примѣнить ли къ вамъ, на случай,
 Сельско-хозяйственный совѣтъ?

Любой, любой хозяинъ знаетъ:
 Чтобы травѣ пышной расти —
 Ее скосить необходимо
 И, просушивъ, въ стога свезти...

XII.

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
 Ни кисти, ни рѣзца великія красоты,

Ни золотые дни, ни ночи серебра
 Не въ силахъ иногда согнать души дремоты.

Но если съ дѣтскихъ лѣтъ забывшійся напѣвъ
 Боснется нѣжданно притупленнаго слуха,—
 Даютъ вдругъ яркій цвѣтъ, какъ-бы не устарѣвъ,
 Остатки прежнихъ силъ надломленнаго духа.

Совсѣмъ ребяческіе, старые тона,
 Наивность словъ простыхъ, давнымъ-давно извѣстныхъ,
 Зовутъ прошедшее воспрянуть ото сна,
 Явиться въ обликахъ живыхъ, хоть безтѣлесныхъ.

И счастье прежнихъ дней, и яркость прежнихъ силъ
 То именно, что въ насъ свершило все земное,
 Вдругъ изъ таинственно открывшихся могилъ
 Сквозь тѣсню высятся: знакомое, живое...

XIII.

Изъ сокровищницы вѣчной
 Душъ людскихъ, что въ нихъ дороже,
     Черпай ты смѣлѣй—
 И толпѣ, всегда безпечной,
 То, что взято изъ нея же
     Разсказать умѣй!

Всѣ пророки, безъ сомнѣнья,
 Всѣ мыслители вселенной—
     Рядъ большихъ зеркалъ,
 Въ нихъ свои же отраженья
 Сонмъ людей рукою тлѣнной—
     Лаврами вѣнчалъ.

XIV.

О, неужели же на самомъ дѣлѣ правы
 Глашатаи добра, красота и тишины,
 Что такъ испорчены и помыслы, и нравы,
 Что надобно желать всѣхъ ужасовъ войны?

Что дальше нѣтъ путей! Что снова проступаетъ
 Вся дикость прежняя, что, не спросясь, съ плеча,

Работу тихую мышленья прерываетъ
И неожиданный, и злой ударъ бича!

Что воздухъ жизни затхлъ, что ржавчина и плѣсень
Такъ въ людяхъ глубокой и такъ тлетворна гниль,
Что нужны: пушекъ ревъ, разгулъ солдатскихъ пѣсень,
Полей встревоженныхъ мерцающая пыль!

Людская кровь нужна! И стонъ, и бредъ больницы,
И сироты въ семьяхъ, и скорби матерей,
Чтобъ чистую слезу вновь вызвать на рѣсницы
Не вразумляемыхъ другимъ путемъ людей!

И этимъ ихъ поднять, и жизни цѣль поставить,
И дать задачу имъ по силамъ, по плечу,
Чтобъ добрый пастырь могъ придти и мирно править
И на торгующихъ не прибѣгать къ бичу...

Н. Случевскій.

СУДЪ ИДЕТЪ...

Р а з с к а з ъ .

Смертный приговоръ былъ произнесенъ...

Прокуроръ Иванъ Павловичъ Мухинъ въ качествѣ больного ожидалъ рѣшенія консилиума, сидя въ своемъ кабинетѣ у письменнаго стола. Онъ настолько владѣлъ собой, что могъ заниматься, и во время консилиума «подготавливалъ» дѣло о мѣщанинѣ Ивановѣ, котораго обвиняла жена въ развратномъ сожитіи съ дѣвицей Петровой. Дѣло по существу ничего особеннаго не представляло, и Иванъ Павловичъ въ другое время не обратилъ бы на него вниманія. Сейчасъ онъ нѣсколько разъ теръ свой лобъ длинной, исхудавшей рукой съ напружившимися жилами и, читая протоколъ слѣдствія, нѣсколько разъ поднималъ густыя брови съ какой-то хорьковой просьбѣю. Ему на видъ было подъ пятьдесятъ, хотя какая-то таинственная внутренняя болѣзнь дѣлала его старше. Въ лицѣ и во всей фигурѣ чувствовалось что-то строгое и особенно внушительное, что заставляло трепетать не одного подсудимаго. Особенно строго смотрѣли сѣрые большіе глаза. Прибавьте къ этому, что Иванъ Павловичъ почти никогда не улыбался, и выраженіе его застыившаго лица не смягчалось даже легкой сѣдиной, пробивавшейся въ бородѣ и на усахъ. Одѣтъ онъ былъ тоже какъ-то строго, несмотря на то, что долженъ былъ сидѣть дома. Когда онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, казалось, что онъ видитъ передъ собой какого-нибудь подсудимаго, какъ сейчасъ видѣлъ вороватаго мѣщанина Иванова, соблазнившаго мѣщанску дѣвицу Петрову къ незаконному сожитію. Ивану Павловичу рисовался этотъ Ивановъ во всей своей прелести, какъ онъ лгалъ течение всей своей мѣщанской жизни, — лгалъ женѣ, лгалъ дѣвицѣ Петровой, лгалъ слѣдователю и будетъ лгать на судѣ. Законъ, сущности, очень милостиво относится къ подобнымъ субъектамъ.

— Подвергнуть церковному покаянію...—мысленно повторилъ Иванъ Павлычъ будущую фразу судебной резолюціи.

Эти мысли были прерваны поднявшимся въ гостиной говоромъ и шумомъ шаговъ. Значить, консилиумъ кончился и доктора расходятся. Иванъ Павлычъ поморщился. Лично онъ былъ противъ этой глупой церемоніи, но Ольга Сергѣевна хотѣла устроить консилиумъ и настояла на своемъ съ чисто-женскимъ упрямствомъ. Она вѣрила больше всего своему Костецкому, хотя онъ въ данномъ случаѣ былъ совершенно бесполезенъ, какъ специалистъ по женскимъ болѣзнямъ. Врачи изъ гостиной отправились въ кабинетъ.

— Вотъ Сергѣй Матвѣичъ объяснить вамъ все, — говорилъ старичокъ докторъ Балясинъ, пользовавшійся въ городѣ репутаціей «нашего Захарыина». — Да...

— Да? — какъ-то некстати проговорилъ Иванъ Павлычъ, продолжая въ умѣ казнить развратнаго мѣщанина Иванова.

Докторовъ собралось пять. Веселый толстякъ Чередовъ, желчный и худой полякъ Матусевичъ, молчаливый нѣмецъ Манштейнъ, Костецкій, немного вертлявый и кокетливый, какъ всѣ дамскіе доктора, и старикъ Балясинъ. Иванъ Павлычъ, конечно, всѣхъ ихъ отлично зналъ, какъ знаютъ другъ друга только въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ по неволѣ выучиваютъ человѣка наизусть. Балясина Иванъ Павлычъ не долюбивалъ, какъ стараго хитреца и порядочнаго интригана, подкупавшаго пациентовъ своими вврадчивыми, мягкими манерами. Онъ вѣчно точно подгадывался къ чему-то. Костецкій ушелъ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, которая ожидала его въ своемъ будуарѣ.

— Вы совѣтъ кончили, господа?—какъ-то сухо спрашивалъ Иванъ Павлычъ, предлагая гостямъ ящикъ съ сигарами.

— Сергѣй Матвѣичъ объяснить все...— повторилъ Балясинъ, потирая свои всегда холодныя руки. — До свиданія, Иванъ Павловичъ.

Манштейнъ молча протянулъ свою широкую нѣмецкую руку, походившую на тюлений ласть, и Ивану Павлычу показалось, что и онъ, и Балясинъ стараются поскорѣе убраться и будутъ очень рады, когда очутятся на свѣжемъ воздухѣ. Чередовъ, противъ обыкновенія, молчалъ, посасывая сигару. Онъ всегда садился на одно мѣсто на диванѣ, въ самой неудобной позѣ, и потиралъ жирное колѣно лѣвой рукой. Въ гостиной послышался жиденькій тенорокъ Костецкаго, который тоже, видимо, торопился. Ольга Сергѣевна проводила его до дверей передней и вернулась.

— А у насъ устраивается любительскій спектакль... — сооб-

пишъ Костецкій послѣднюю городскую новость, пожимая руку Ивана Павлыча. — Да... Въ главной роли выступаетъ Анна Ивановна... У ней есть темпераментъ... священный огонекъ... Вы вечеромъ будете въ клубъ? Ахъ, виновать, мы васъ подвергаемъ карантину... да...

Ивану Павлычу казалось, что консультанты держатъ себя съ нимъ какъ-то официально и говорятъ совсѣмъ не то, что думаютъ. Это его раздражало, и онъ былъ радъ, когда горничная затворила за ними дверь. Отъ волненія у него въ послѣднее время получалось ощущение какой-то тупой боли въ лѣвомъ боку и онъ дергалъ плечомъ, инстинктивно стараясь отъ нея освободиться. Потомъ ему было непріятно, что жена не вошла въ кабинетъ, хотя и понималъ, что ей было тяжело выслушивать во второй разъ докторское объясненіе, — онъ не сомнѣвался, что врачи были противъ него, т.-е. противъ его болѣзни, и впередъ приготовился выслушать какую-нибудь непріятную новость. Въ душѣ онъ не вѣрилъ врачамъ, ихъ искусству и медицинѣ вообще.

Докторъ Чередовъ продолжалъ сидѣть на диванѣ, пуская клубы синяго дыма. Это была его дурная привычка, съ которой Ольга Сергѣевна никакъ не могла помириться.

— Да, многоуважаемый... — заговорилъ онъ, когда Иванъ Павлычъ вернулся въ кабинетъ.

— Могу помочь тебѣ, — предупредилъ его Иванъ Павлычъ: — я догадываюсь, что вы не согласны съ моимъ сердцемъ... Я приготовился къ самому худшему и боюсь только одного, чтобы напрасно не потревожили Ольгу Сергѣевну. Въ свое время все будетъ...

— Да, многоуважаемый... Гм...

Иванъ Павлычъ любилъ Чередова, любилъ безъ всякаго основанія, а просто такъ, какъ любятъ друзья. Онъ чувствовалъ себя какъ-то лучше, когда Чередовъ входилъ къ нему въ кабинетъ; любилъ его добродушное русское лицо, глядѣвшее такъ просто своими близорукими большими карими глазами, любилъ лѣнивую походку съ развальцемъ, любилъ его манеру говорить и смѣяться. Чередовъ былъ милый человекъ, который всѣмъ говорилъ: «многоуважаемый», завертывалъ на минутку и просиживалъ часы, постоянно терялъ свою шапку, надѣвалъ чужія калоши, рассказывалъ одинъ и тотъ же анекдотъ какъ новость и томилъ хозяина въ передней прощаясь по десяти разъ.

— Да, многоуважаемый, мои коллеги не совсѣмъ хорошо отнеслись къ твоему сердцу... Оно мнѣ уже давно не нравится. Вообще, машинка испортилась... да...

Чередовъ подбиралъ слова, напрасно желая попасть въ свой шуточный тонъ, который уже совсѣмъ не подходилъ къ данному моменту.

— Видишь ли, многоуважаемый, въ чемъ дѣло...—продолжалъ онъ, исчезая въ облакъ табачнаго дыма.—Конечно, всѣ мы смертны, и медицина не всесильна... да...

— Не тяни, пожалуйста... Говори прямо: очень плохо?

— Да, т.-е. какъ смотрѣть на дѣло...

— Знаешь, я не люблю уклончивыхъ отвѣтовъ, дя и обманывать самого себя—неблагодарный трудъ. Съ годъ протяну?

— Дѣло въ томъ, что нужно опасаться катастрофы... Есть опасные признаки, и я не скрываю отъ тебя опасности... Но нашъ приговоръ не имѣетъ еще обязательнаго характера... Есть и надежды... т.-е. мы можемъ ошибиться, какъ и другіе консультанты.

— Да, это, дѣйствительно, надежда...—замѣтилъ Иванъ Павлычъ, подергивая лѣвымъ плечомъ.—Впрочемъ, все на свѣтѣ идетъ такъ, какъ слѣдуетъ идти... У природы есть свои законы.

Больше всего огорчило Ивана Павлыча то, что докторъ не могъ опредѣлить срока, когда онъ приблизительно опять можетъ заняться своей привычной работой въ судѣ. Развратному мѣщанину Иванову положительно везло какое-то слѣпое счастье, и онъ, навѣрно, какъ налимъ, вывернется изъ рукъ правосудія. Иванъ Павлычъ не довѣрялъ своему помощнику, который былъ и молодъ, и неопытенъ.

— Нужно взять годовой отпускъ...—тянулъ докторъ.—Сейчасъ, зимой, конечно, дѣваться некуда, а на лѣто мы отправимъ васъ на Рейнъ, въ Наухгеймъ... Будете купаться въ шпрudelѣ. Вообще, не слѣдуетъ терять надежды...

— Ну, годового отпуска я не возьму, — рѣшительно заявилъ Иванъ Павлычъ, начиная сердиться на доктора. — Я прослужилъ двадцать три года и пользовался отпускомъ въ двѣ недѣли только одинъ разъ, когда была больна жена.

Докторъ молча пожалъ плечами и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, неловко заминая разговоръ. Негодяй Ивановъ окончательно уходилъ изъ рукъ прокурора, и Иванъ Павлычъ опять видѣлъ этого дрянного лгунишку, который, навѣрно, опять обманетъ кабую-нибудь неопытную мѣщанскую дѣвицу. Барающая рука безсильно падала, а лукавый мѣщанинъ торжествовалъ. Иванъ Павлычъ окончательно разсердился на доктора и по пути на всю мѣстность. Въ свою очередь докторъ тоже немного разсердился. Какъ го люди не хотятъ понять, что все кончено и упрямство ни къ

чему не поведетъ. Конечно, Иванъ Павлычъ —奴才, но какъ онъ не пойметъ, что его положеніе безнадежно... Эти сердечные больные всё на одинъ ладъ: надежда до конца, пока не протянетъ человѣкъ ноги. А тутъ еще приговоренный къ смерти старый другъ... Чередовъ съ эгоизмомъ здороваго человѣка думалъ о томъ, какъ бы хорошо было поскорѣе отдѣлаться отъ упрямаго друга и освѣжиться на воздухѣ. Собственно жалости онъ не испытывалъ никакой. Мало ли людей умираютъ, и въ свое время каждый умереть. Сердечные больные — самый несносный народъ, потому что они до конца могутъ держаться на ногахъ и не вѣрятъ докторамъ. Извольте имѣть дѣло съ такимъ субъектомъ.

— Боролюковъ опять проигрался, многоуважаемый, — сообщалъ докторъ. — Я не понимаю, откуда онъ беретъ средства. Рѣшется отчаянно.

— А Мандрыкинъ? — машинально спрашивалъ Иванъ Павлычъ.

— Ну, этотъ не пропадетъ... Совсѣмъ погнбалъ и, представь себѣ, опять отыгрался. Всѣ удивляются, многоуважаемый.

Про себя докторъ невольно подумалъ: «Вотъ тоже интересный вопросъ... У человѣка смерть на носу, а его заботитъ, отыгрался или не отыгрался Мандрыкинъ».

— У Братчикова жена очень больна, — сообщилъ онъ въ заключеніе ни къ селу, ни къ городу. — На дняхъ былъ консилиумъ. По моему мнѣнію, она безнадежна...

— Бажется, у нихъ трое дѣтей? — спросилъ Иванъ Павлычъ, поднимая брови.

— Да, что-то около того... — равнодушно отвѣтилъ докторъ. — Собственно говоря, былъ самый пустой случай... да... Но произошло одно непріятное осложненіе, тоже по существу ничтожное, а вмѣстѣ эти пустяки совершенно измѣнили картину.

— Въ вашей медицинѣ все такъ: маленькій хирургическій случай, пустяки, а смотришь — и разыграется что-нибудь серьезно.

— Не всегда, многоуважаемый.

По лицу доктора Иванъ Павлычъ замѣтилъ, что тотъ только тянетъ время, а самому давно хочется уйти. Ему это было и обидно, и больно. Именно теперь ему хотѣлось, чтобы докторъ посидѣлъ подольше, что-нибудь болталъ и, вообще, наполнялъ ту пустоту, которую Иванъ Павлычъ начиналъ чувствовать у себя дома съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Это было совершенно особенное ощущеніе, которое испытывается при переѣздѣ на новую квартиру, когда еще не рѣшено, гдѣ и какую мебель поставить.

— Однако, мнѣ, многоуважаемый, пора... — рѣшительно заявилъ докторъ, поднимаясь.

— А я думалъ, что ты останешься позавтракать?

— Нѣтъ... У меня есть одинъ трудный случай. До свиданія, многоуважаемый...

Остановившись въ дверяхъ, докторъ точно въ оправданіе про-
бормоталъ:

— Да, многоуважаемый, значить того... Не дурно бы отпустить
взять. А впрочемъ, я заѣду...

II.

Когда дверь затворилась за докторомъ, Иванъ Павлычъ почувствовалъ, какъ у него кружится голова и холодѣютъ руки и ноги. Онъ долженъ былъ ухватиться за косякъ двери, чтобы не упасть. Его охватилъ ужасъ отчаянія... Вотъ всѣ ушли, а онъ остался съ глазу на глазъ со своею смертью. Да, смертный приговоръ былъ произнесенъ... Что-то такое давило въ горлѣ, а обвиненное сердце замерло окончательно.

Иванъ Павлычъ очнулся у себя на диванѣ. Около него суетились жена и горничная. Ольга Сергѣевна давала нюхать английскую соль, а горничная держала на головѣ мокрое полотенце.

— Ничего... такъ... — заговорилъ онъ, точно оправдываясь. — Легонькій обморокъ...

— Это тебя твой Сергѣй Матвѣичъ разстроилъ... — объяснила Ольга Сергѣевна. — Онъ такой грубый... Онъ тебѣ что-нибудь, вѣроятно, сказалъ?

— Нѣтъ, особеннаго ничего не говорилъ. Меня взволновалъ этотъ дурацкій консилиумъ, Оля...

Горничная вышла. Иванъ Павлычъ сѣлъ въ уголъ дивана и перевелъ духъ. У него чувствовалась страшная слабость въ рукахъ, и передъ глазами точно летали мухи. Ольга Сергѣевна подложила ему за спину подушку и сѣла на диванъ рядомъ. Это была не молодая женщина, брюзгая и некрасивая. Когда-то она была миловидною бойкой дѣвушкой, а сейчасъ не сохранилось и тѣни этого далекаго прошлаго. Много ее портило и то, что она совсѣмъ не обращала вниманія на свои костюмы и давно уже не носила корсета. Изъ мудрой экономіи Ольга Сергѣевна перекрашивала и перешивала старыя платья. Ивана Павлыча больше всего возмущало въ женѣ то, что волосы у нея всегда были въ безпорядкѣ и висѣли некрасивыми прядями, какъ мочалки. Такъ было и сейчасъ. Онъ даже

брезгливо отвернулся, когда жена наклонилась такъ близко къ его лицу, что онъ почувствовалъ, какъ одна прядь жениныхъ волосъ щекочетъ его шею. А она смотрѣла на него такими любящими глазами. По слѣдамъ пудры на лицѣ, въ морщинкахъ около глазъ и около носа, онъ догадался, что Ольга Сергѣевна плакала и хотѣла скрыть слѣды слезъ.

— Скоро завтракъ?—спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да... А у тебя есть аппетитъ?—обрадовалась она.

— Почти... Докторъ совѣтуетъ «питаться».

Онъ поднялся и отвелъ ея руку, когда она хотѣла поддерживать его. Это движеніе раздражило его, и онъ плотно сжалъ губы.

— У насъ сегодня телячья грудинка...—говорила она.—Вѣдь ты любишь телячью грудинку? Потомъ будутъ блинчики съ вареньемъ, а для тебя простокваша...

— Ахъ, ужъ эта простокваша!...—ворчалъ Иванъ Павлычъ.—До чего она мнѣ надоѣла...

— Нельзя, докторъ совѣтуетъ непременно ѣсть простоквашу.

— Знаю, знаю... Вѣдь доктору нужно что-нибудь сказать, вотъ онъ и начиняетъ меня простоквашей.

Прокурорская квартира была не велика и не отличалась удобствами, но въ провинціальномъ городѣ трудно было найти другую. Собственно было всего двѣ комнаты — залъ и гостиная, а остальные—какія-то конурки. Маленькій кабинетъ, маленькая столовая, маленькая дѣтская, маленькая спальня — и только. Въ столовой всегда пахло чѣмъ-нибудь изъ кухни, а когда бывали гости и въ кухнѣ происходила усиленная работа, то этотъ кухонный запахъ доходилъ и до залы. Однимъ словомъ, скверная квартира. Обстановка вездѣ была самая скромная, чиновничья, и единственнымъ украшеніемъ служили цвѣты, которые Ольга Сергѣевна разводила съ какою-то страстью.

Дома Иванъ Павлычъ завтракалъ только по праздникамъ, когда дѣти были дома, и ему сейчасъ казалось страшнымъ, что онъ будетъ завтракать только вдвоемъ съ женой. Онъ занялъ свое мѣсто за столомъ, которое было какъ разъ противъ окна, выходившаго въ садъ. Бъартира была во второмъ этажѣ, и были видны только верхушки деревьевъ, а за ними смутно обрисовывался неуклюжій силуэтъ старинной колокольни. Падалъ мягкими хлопьями ноябрьскій снѣжокъ, и въ столовой не хватало свѣта.

— Гдѣ Маруся? — спросилъ Иванъ Павлычъ, когда горничная подала грудинку. — Впрочемъ, что же я спрашиваю, конечно, гимназіи. Мнѣ кажется, что она похудѣла за послѣднее время...

— Много занятій, — объяснила Ольга Сергѣевна. — А главное — это пятичасовое сидѣнье. Дѣвочка въ переходномъ возрастѣ, ей необходимы и воздухъ, и движеніе... Я, право, не знаю, что съ ней и дѣлать. Придетъ изъ своей гимназій усталая, ничего не вѣсть...

— Однако, другія дѣвочки здоровы? — сказалъ Иванъ Павлычъ, хотя внутренно былъ согласенъ съ мнѣніемъ жены.

Ольга Сергѣевна замолчала. Въ послѣднее время Иванъ Павлычъ раздражался изъ-за всякихъ пустяковъ, и она старалась ему не противорѣчить. Онъ чувствовалъ это снисходительное отношеніе и все-таки раздражался, какъ было и сейчасъ. А тутъ еще онъ замѣтилъ, что жена наблюдаетъ его своими любящими глазами, точно больного ребенка.

— Нѣтъ, не могу... — проговорилъ онъ, отодвигая свою порцію грудинки. — Это не грудинка, а камень...

Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и заперъ за собой дверь. Ольга Сергѣевна не посмѣла напомнить ему о простоквашѣ, чтобы не раздражать напрасно. У нея опять показались слезы на глазахъ, и она торопливо ушла въ свою комнату и тоже заперлась.

— За что? — шептала она, не вытирая слезъ. — Вѣдь живутъ же другіе... Господи, за что?...

У нея еще стояла въ ушахъ роковая фраза доктора Костецкаго, что нужно быть готовой ко всему. Господи, кажется, уже достаточно было испытаній... Бѣдная женщина съ чисто-женскимъ героизмомъ думала не о себѣ, а о своихъ дѣтихъ, которыя останутся сиротами именно въ томъ критическомъ возрастѣ, когда вліяніе отца особенно необходимо. И какой раздражительный сдѣлался Иванъ Павлычъ, особенно, когда оставался съ нею съ глазу-на-глазъ. Конечно, онъ больной человѣкъ, но все-таки обидно.

Это былъ, вообще, тяжелый и обидный день. Иванъ Павлычъ шагаль у себя по кабинету и упрекалъ самого себя, что совсѣмъ напрасно обидѣлъ жену. Вѣдь она всегда была такою доброй и любящей, можетъ быть даже излишне доброй. По настоящему слѣдовало бы сейчасъ же идти къ ней въ комнату и извиниться. Женщины любятъ, когда у нихъ просятъ прощенія. Но Иванъ Павлычъ чувствовалъ себя настолько разбитымъ, что не пошелъ, а прилегъ на диванъ и началъ опять думать о дѣлѣ мѣщанина Иванова. Мысли плохо вязались въ головѣ, потому что врывались совершенно постороннія соображенія, и Ивану Павлычу начало казаться, что теперь онъ уже не одинъ человѣкъ, а два. Ощущеніе крайне странное: одинъ Иванъ Павлычъ уходилъ куда-то далеко-далеко, это

тотъ Иванъ Павлычъ который сидѣлъ въ судѣ и вѣчно кого-нибудь обвинялъ, а другой Иванъ Павлычъ, теперешній, долженъ сидѣть дома и чего-то ждать. Именно, ждать... Что можетъ быть мучительнѣе?

— А вотъ я нарочно не буду думать о своей болѣзни, — рѣшилъ онъ. — Да, не буду... Доктора знаютъ только одну свою физиологію, да и то съ грѣхомъ пополамъ, а психологія — это дѣло пациента. Не нужно распускать себя и нервничать... Вѣдь въ свое время каждый человѣкъ долженъ умереть, зачѣмъ же еще мучить себя впередъ? Да и жить, если обсудить серьезно, рѣшительно не стоитъ...

Иванъ Павлычъ понималъ, что это самогипнозъ и все-таки повторялъ его. Что же, если умирать — такъ умирать. Вѣдь умирали же люди за идею на крестахъ, въ римскихъ циркахъ, на висѣлицахъ, на войнѣ — все дѣло въ настроеніи. Закрывъ глаза, онъ старался представить себѣ бараки съ пятью тысячами тифозныхъ подъ Шипкой, гдѣ некому было подать напитокъ умирающему и гдѣ геройски гибли одинъ за другимъ санитарные отряды, сестры милосердія и врачи. А тутъ смерть у себя дома, въ лучшей обстановкѣ, при помощи знакомыхъ врачей... Точно въ отвѣтъ на эти мысли рѣзко прозвучалъ въ передней звонокъ.

— Конечно, это Маруся, — разсердился Иванъ Павлычъ. — Ужъ сколько разъ ей говорено было, чтобы не звонила какъ на пожаръ... Чему только ихъ учатъ въ гимназіи.

Черезъ пять минутъ послышался осторожный стукъ въ двери кабинета.

— Папа, можно?

— Да...

Она какъ-то впорхнула въ кабинетъ, съ розовыми щеками отъ мороза, худенькая, стройная, съ пытливыми отцовскими глазами. Простенькій коричневый гимназическій костюмъ какъ-то особенно шелъ къ ней, вытѣняя и бѣлизну дѣвичьей кожи, и мягкій шелкъ волосъ.

— Папа, паночка... ты лежишь?

— Да, такъ... Прихворнулъ немного.

Дѣвушка посмотрѣла на него невѣрившими глазами и присѣла на диванъ. Она была такая свѣженькая, какъ только что пойманная рыбка. Отецъ нагнулъ ее голову и поцѣловалъ въ лобъ, — это было рѣдкое проявленіе родительской нѣжности, и дѣвушка покраснѣла. Иванъ Павлычъ въ своей семьѣ держалъ себя не то что строго, а просто не допускалъ нѣжностей, — послѣднее было не въ его чатурѣ. Дочь походила на него, какъ двѣ капли воды — то же стро-

гое лицо, тѣ же глаза, лобъ, улыбка и серьезность не по годамъ, и онъ ее любилъ какъ-то болѣзненно, хотя и не позволялъ себѣ проявлять этого чувства, какъ врагъ всякой аффектаціи.

— Какъ я рада, что ты сегодня не въ судѣ!—серьезнымъ тономъ проговорила Маруся, поправляя спутавшіяся на лбу пряди русыхъ волосъ.—Можно и отдохнуть одинъ денекъ...

Бѣдная дѣвочка попала въ самое больное мѣсто и не могла понять, почему отецъ нахмурился.

— Обѣдъ поданъ... — доложила въ пріотворенную дверь горничная.

Въ столовой уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ гимназистъ-подростокъ, толстый увалень, напоминавшій лицомъ мать. Онъ прокрался домой черезъ кухню. Это была одна изъ его дурныхъ привычекъ. Отецъ едва поздоровался съ нимъ и нахмурилъ брови.

«Вотъ этотъ негодяй будетъ радъ отъ чистаго сердца, когда я умру»,—подумалъ Иванъ Павлычъ, расправляя салфетку.

Сынъ Аркадій былъ изъ неудачниковъ. И дома онъ всегда былъ «историческимъ человѣкомъ», и въ гимназіи учился плохо, и, вообще, нигдѣ не пользовался вниманіемъ современниковъ. Отецъ невольно сравнивалъ его съ своею любимицей Марусей, и нелюбимый сынъ проигрывалъ каждый разъ все больше и больше. Если у Аркадія было достоинство, то это то, что онъ походилъ на мать, и Иванъ Павлычъ въ этомъ случайномъ обстоятельстве находилъ свое отцовское оправданіе. Иванъ Павлычъ, вообще, смотрѣлъ на міръ съ точки зрѣнія обвиненія и оправданія, точно весь земной шаръ вращался не по своей орбитѣ, а на скамьѣ подсудимыхъ.

Обѣдъ прошелъ вяло и скучно, несмотря на самыя трогательныя усилія Маруси оживить его послѣдними гимназическими новостями: классная дама поссорилась съ учителемъ географіи, у начальницы флюсъ, приготошки налили воды въ калоши учителю русскаго языка и т. д. Наблюдая дочь, Иванъ Павлычъ думалъ:

«А, вѣдь, она совсѣмъ большая... да...»

Онъ даже вздохнулъ при мысли, что, вѣроятно, не увидитъ ее совсѣмъ большой, когда она изъ личинки превратится въ настоящаго большого человѣка. Все время обѣда онъ чувствовалъ на себѣ наблюдающій взглядъ дочери и старался казаться бодрѣ. Зачѣмъ ей знать горькую истину раньше времени?...

III.

Наступилъ вечеръ. Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и занялись каждый своимъ дѣломъ. Одинъ хозяинъ шагаль по кабине-

ту безъ всякаго дѣла, прислушиваясь къ неровной работѣ своего сердца. Ему, вѣдь, былъ прописанъ безусловный отдыхъ, съ воспрещеніемъ всякихъ занятій. Но, вѣдь, такой отдыхъ хуже всякой самой изнурительной работы.

— Сегодня вечеромъ распорядительное засѣданіе, — соображалъ Иванъ Павлычъ, — его мысли возвращались къ суду, какъ къ центру. — Опять можетъ выйти скандалъ... Этотъ Игнатій Семенычъ — невозможный человѣкъ.

Игнатій Семенычъ, товарищъ прокурора, отличался нѣкоторой разсѣянностью, источникъ которой заключался въ неслужебныхъ причинахъ. Разъ онъ явился послѣ бессонной картежной ночи изъ клуба прямо въ судъ, на распорядительное засѣданіе, и на вопросъ предсѣдателя о его мнѣніи отвѣтилъ: «пасъ». Его такъ и звали: Игнатій Семенычъ Пасъ. Талантливый молодой человѣкъ, но положиться на него было нельзя, какъ на неуравновѣшенную натуру. А завтра будетъ разбираться дѣло, гдѣ защитникомъ адвокатъ Прибылевъ, личный врагъ Ивана Павлыча, съ которымъ у послѣдняго были давнишніе счеты. Опять Пасъ провалитъ дѣло, потому что не сумѣетъ повліять на присяжныхъ, а пустится изъ соперничества съ Прибылевымъ расточать цвѣты судебного краснорѣчія. Иванъ Павлычъ настолько сжился съ своимъ судомъ, что никакъ не могъ отдѣлать себя отъ него, какъ не отдѣляется улитка отъ своей раковины.

Дальше въ голову Ивана Павлыча неотвязно лѣзла мысль все о томъ же мѣщанинѣ Ивановѣ, и онъ никакъ не могъ отвязаться отъ нея, что начинало его раздражать. Почему именно Ивановъ, а не Петровъ, Сидоровъ и тысячи другихъ преступныхъ мѣщанъ?

Слишкомъ занятый въ судѣ, Иванъ Павлычъ за послѣдніе годы почти ничего «посторонняго» не читалъ, хотя по привычкѣ и выписывалъ *Вѣстникъ Европы* и одну «самую распространенную» газету. Въ послѣдней онъ пробѣгалъ телеграммы и разныя извѣстія по части перемѣщеній чиновъ судебного вѣдомства и наградъ, какъ заслуженныхъ по истеченіи времени, такъ особенно наградъ экстраординарныхъ. Петровъ-то какъ шагаетъ — всего сорокъ лѣтъ, а ужъ онъ членъ судебной палаты, а вѣдь вмѣстѣ учились въ университетѣ. Тоже вотъ идетъ въ гору Ковнацкій, — однимъ словомъ, везетъ людямъ, потому что на глазахъ у начальства. Иванъ Павлычъ не былъ завистливъ и просматривалъ свои судебныя извѣстія по обязанности. Сейчасъ онъ попробовалъ взять газету въ руки и бросилъ. Не все ли равно: будь ты хоть прокуроромъ палаты, а вотъ соберется консилиумъ врачей и осудитъ твое собственное сердце.

— Кажется, у меня одна рука холодитъ другой, — наблюдалъ за собой Иванъ Павлычъ. — А, все равно... Не нужно быть мнительнымъ, какъ нервная дама.

Онъ едва дотянулъ время до вечерняго чая, замѣнявшаго изъ экономіи и ужинъ. Ольга Сергѣевна вышла опять съ заплаканными глазами и слѣдами пудры около носа. Последнее обстоятельство опять разсердило Ивана Павлыча, и онъ сосредоточилъ все вниманіе на Марусѣ. Ему начало казаться, что онъ обращалъ до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія на своихъ дѣтей, и они росли какъ-то сами собой. Можетъ быть и неудачникъ Аркадій не такъ ужъ виноватъ, какъ жертва, принесенная Молоху судебной службы. Иванъ Павлычъ слишкомъ былъ занятъ, чтобы интересоваться маленькими злобами маленькаго дѣтскаго дня. А, вѣдь, у нихъ были и свои запросы, и свои маленькія сомнѣнія, и свой маленькій мірокъ. Потомъ, Ивану Павлычу въ первый разъ показалось, что дѣти какъ будто его боятся и въ его присутствіи перестаютъ быть самими собой. Даже Маруса и та инстинктивно, изъ женской подражательности, усваивала манеру держать себя у матери, и у нея на лицѣ появлялось какое-то скорбное и разбитое выраженіе.

Иванъ Павлычъ, чтобы поправить сдѣланный пробѣлъ, попробовалъ разговариваться съ дѣтьми, но изъ этой попытки ровно ничего не вышло. Аркадій показался отцу даже идиотомъ.

— Ахъ, Боже мой, — стоналъ Иванъ Павлычъ, закрывая глаза.

— Тебѣ опять неловко? — встревожилась Ольга Сергѣевна.

— Ахъ, не то, не то...

Дѣти притихли и испуганно переглядывались между собой. Маруса любила неудачника брата и пассивно защищала его при каждомъ удобномъ случаѣ. Сейчасъ она подумала, что отецъ разсердился именно на него, и проговорила:

— Папа, у Аркаши нѣтъ ни одной двойки по-латинскому языку... и по географіи тоже.

Это заступничество окончательно растрогало Ивана Павлыча, и онъ взглянулъ на сына почти ласково. Ольга Сергѣевна опустила глаза, глотая слезы.

Передъ сномъ Иванъ Павлычъ зашелъ въ дѣтскую къ Аркашѣ, чего давно не дѣлалъ, и даже посмотрѣлъ его тетрадки.

— Необходимо будетъ взять репетитора, — говорилъ онъ потомъ женѣ. — Конечно, Аркадій лѣнтяй, но я знаю случаи, когда дѣти исправлялись.

Потомъ Иванъ Павлычъ долго разговаривалъ съ Марусей, заглядывая къ ней въ глаза. Дѣвочка настолько приободрилась, что

даже засмѣялась, когда отецъ пошутилъ, припомнивъ какую-то школьную остроту.

— Тебѣ, папочка, не больно?—повторяла она, провожая его въ кабинетъ.—У моей подруги Шуры тоже отецъ былъ недавно боленъ, а теперь совсѣмъ, совсѣмъ поправился...

— Да?

— Лѣчилъ Бостецкій... Ты его не любишь, папочка?

— Всѣ доктора одинаковы...

— Нѣтъ...

Маруся не любила Чередова, потому что онъ былъ такой толстый и постоянно говорилъ: многоуважаемый.

— Ты очень любишь Аркашу?—спрашивалъ Иванъ Павлычъ, прощаясь.—Да?

— Очень...

— За что же ты его любишь?

— Вѣдь онъ мой родной братъ, папочка,—удивилась дѣвочка.

Бессонныя ночи случалось Ивану Павлычу переживать и раньше, особенно въ послѣднее время, но сегодняшняя ночь его измучила окончательно. Онъ ворочался на своемъ диванѣ съ боку на бокъ и никакъ не могъ заснуть. Два раза онъ зажигалъ и тушилъ свѣчу и, наконецъ, бросилъ попытку обмануть самого себя и просто лежалъ, стараясь принять положеніе поудобнѣе. На лѣвомъ боку онъ не могъ спать уже года два, а сейчасъ нужно было вымащивать подъ себя подушки повыше. Сердце билось медленно, точно его давила невѣдомая тяжелая рука.

«Все это отъ консилиума», думалъ онъ, припоминая давешнюю глупую сцену.

Мысль о смерти среди ночной тишины представлялась ему съ особенной рельефностью. Онъ видѣлъ, какъ умирали другіе и каждый годъ хоронилъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Еще въ прошломъ году онъ похоронилъ старика председателя суда, благодаря которому изъ членовъ гражданского отдѣленія попалъ прямо въ прокуратуру. Хорошій былъ старикъ... Иванъ Павлычъ видѣлъ и самого себя въ гробу, видѣлъ унылыя лица хорошихъ знакомыхъ, томившихся мыслью поскорѣе убраться отъ печальной картины и заняться своими дѣлами. Въ квартирѣ наберется масса неизвѣстныхъ людей, которыхъ можно встрѣтить только на похоронахъ, воздухъ будетъ пропитанъ тяжелымъ запахомъ ладана, вездѣ будетъ страшный беспорядокъ, безтолковая суeta, огни свѣчь, заплаканныя лица... Потомъ печальная процессія, дальше кто-нибудь изъ сослуживцевъ скажетъ надъ открытой могилой нѣсколько теплыхъ

словъ, а потомъ... потомъ будетъ вспоминать, можетъ быть, одинъ курьеръ Евграфъ.

Но сама по себѣ мысль о смерти не страшила Ивана Павлыча. Въдѣ все равно, когда-нибудь придется умирать, и только неисправимое человѣческое легкомысліе заставляетъ насъ думать, что безъ насъ будетъ чего-то не хватать и что насъ некому будетъ замѣнить. Нѣтъ, люди найдутся, и другой прокуроръ обрушитъ кару закона на голову мѣщанина Иванова. Ивана Павлыча тяготило и смущало другое обстоятельство, о которомъ онъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ.

Семейная жизнь Ивана Павлыча не сложилась, хотя ни онъ, ни жена не были ни въ чемъ виноваты. Они были даже счастливы и знакомые завидовали имъ, какъ счастливой парочкѣ. Ольга Сергѣевна была такая здоровая и жизнерадостная дѣвушка, когда онъ ее полюбилъ, а потомъ она сдѣлалась не менѣе милой женщиной. Родившаяся первенецъ дочь удвоила это счастье. Марусъ было уже шесть лѣтъ, когда родился Аркадій. Роды были трудные, былъ и консилиумъ, и жизнь Ольги Сергѣевны висѣла на волоскѣ.

— Лучше бы мнѣ умереть, — съ женскимъ героизмомъ заявила Ольга Сергѣевна, когда перенесла тяжелую операцію. — Зачѣмъ вы не дали мнѣ умереть?

По-своему она была права, потому что ей оставалось только одно названіе замужней женщины.

— У насъ есть дѣти, — утѣшалъ ее Иванъ Павлычъ. — Будемъ жить для нихъ...

Хотя произведенная операція и составляла профессиональную тайну, но всѣ знакомые скоро узнали, въ чемъ дѣло, и особенно жалѣли Ивана Павлыча, который сдѣлался содомненнымъ вдовцомъ. Дамы рѣшили, что онъ заведетъ себѣ вторую семью и впередъ его оправдывали. Конечно, Ольгу Сергѣевну жаль, но чѣмъ же Иванъ Павлычъ виноватъ? Онъ всегда былъ примѣрнымъ мужемъ и хорошимъ семьяниномъ, не въ примѣръ другимъ мужьямъ.

— Въ свое время, mesdames, все будетъ, — рѣшилъ вопросъ докторъ Костецкій, какъ специалистъ по женскому вопросу.

Самъ Иванъ Павлычъ никому и ничего не говорилъ, не жаловался на судьбу и продолжалъ вести прежній образъ жизни. Ольга Сергѣевна вся отдалась дѣтямъ и быстро подурнѣла — обрюзгла, осунулась, пожелтѣла и сдѣлалась неряхой.

Можетъ быть, такъ вся жизнь и сошла бы на нѣтъ и все «дѣло прекратилось бы за смертью истцовъ», какъ говорится въ судебныхъ протоколахъ. Но вышло иначе, и вышло совершенно нежи-

данно даже для самого Ивана Павлыча. Къ нимъ въ домъ время отъ времени приходила работать швея Настенька, дочь судейскаго курьера. Это была очень скромная дѣвушка, полненькая и застѣнчивая, почему-то боявшаяся Ивана Павлыча, какъ огня. Иванъ Павлычъ видѣлъ обыкновенно только затылокъ Настеньки, когда проходилъ черезъ ту комнату, гдѣ она работала, и вообще не обращалъ на нее никакого вниманія, какъ вообще на прислугу, которая на этомъ основаніи тоже боялась его, какъ Настенька.

Разъ, когда Иванъ Павлычъ уходилъ на службу, горничная была чѣмъ-то занята и ее замѣнила Настенька. Подавая шубу, она изъ излишняго усердія и страха запуталась въ калошахъ и повалилась прямо въ объятія къ Ивану Павлычу. Онъ видѣлъ въ первый разъ это дѣвичье лицо, такое красивое отъ испуга, и поцѣловалъ Настеньку прямо въ губы. Послѣ этого случая она еще больше стала бояться суроваго барина, а потомъ случилось то, что давно предсказывали проницательныя дамы и докторъ Костецкій.

Такимъ образомъ получилась вторая семья, и Настенька подарила Ивану Павлычу одного за другимъ трехъ дѣтей. Онъ устроилъ ее скромно, но прилично, и постоянно заботился. Настенька, очутившись въ положеніи полубарыни, какъ-то сразу измѣнилась и сдѣлалась неузнаваемой. Прежняго страха передъ Иваномъ Павлычемъ и тѣни не было, а потомъ явились и свои привычки. Настенька вымогала деньги, показывала необходимые расходы выше, а главное — свела знакомство съ разными очень подозрительными бабами и начала потихоньку попивать. Нашлась и компаньонка въ лицѣ какой-то спившейся съ кругу вдовы-дьяконицы. Иванъ Павлычъ подозрѣвалъ грустную истину, но ничего подѣлать не могъ, какъ не могъ обвинять Настеньку, жизнь которой все-таки была не красна — ни баба, ни дѣвка, ни солдатка.

IV.

Эта вторая семья сначала мучила Ивана Павлыча принципиально, какъ явленіе незаконномѣрное. Естественныя требованія природы сталкивались и съ строгою буквою закона, и съ общепринятою моралью. Впрочемъ, послѣдняя была податлива, и Иванъ Павлычъ зналъ, что его даже за глаза никто не обвиняетъ, а даже наоборотъ — всѣ на его сторонѣ. Съ одной стороны, маленькое нелегальное увлеченіе, а съ другой — законныя проявленія человѣческой природы. Но это внѣшнее оправданіе не дѣлало Ивана Павлыча счастливымъ, потому что былъ другой, строгій и нелицепріят-

ный судъ, который росъ въ его собственной семьѣ. По нѣкоторымъ признакамъ онъ зналъ, что жена скоро догадалась объ его отношеніяхъ къ Настенькѣ и по женской логикѣ была, кажется, довольна, что все свелось на такую комбинацію. Вѣдь было бы въ тысячу разъ хуже, если бы Иванъ Павлычъ сошелся съ какой-нибудь интеллигентною женщиной, у которой явились бы отъ него дѣти и которая потребовала бы развода на законномъ основаніи. Ольга Сергѣевна цѣплялась за призракъ семьи, щадя дѣтей. Но бѣда въ томъ, что дѣти подрастали и въ одно прекрасное утро могли сдѣлать пріятное открытіе о существованіи таинственныхъ братьевъ и сестрицъ. Ивану Павлычу показалось даже раза два, что Маруся какъ будто догадывается. Вѣдь дѣвочки развиваются гораздо раньше мальчиковъ, и только одни родители остаются въ счастливой увѣренности, что дѣти ничего не понимаютъ и не могутъ понимать, кромѣ того, что внушается имъ въ домѣ и въ школѣ.

Послѣдняя мысль просто убивала Ивана Павлыча, и онъ никакъ не могъ примириться съ ней. Что онъ скажетъ дочери? Конечно, она будетъ на сторонѣ матери, и онъ въ ея дѣтскихъ глазахъ потеряетъ все. Это послѣднее соображеніе заслоняло всѣ остальные. Какъ хотите, а, вѣдь, въ извѣстномъ возрастѣ весь фокусъ всей нашей жизни сосредоточивается именно въ дѣтяхъ, которые являются продолжателями и наслѣдниками всего нашего я. Дѣтскій судъ самый жестокій... Ивану Павлычу дѣлалось больно, когда его мысли направлялись по этому привычному, избитому руслу.

А тутъ еще случилось такое обстоятельство, которое окончательно убило Ивана Павлыча. Раньше была и логика, и оправданіе, а тутъ не оставалось уже ничего, кромѣ вопіющей несообразности. Дѣло заключалось въ переводѣ Ивана Павлыча изъ гражданскаго отдѣленія въ уголовное, да еще прокуроромъ суда. Устроилъ это помимо него его доброжелатель, покойный предсѣдатель суда, и въ первую минуту Иванъ Павлычъ даже не сообразилъ въ полномъ разиѣрѣ разверзавшуюся подъ его ногами пропасть. То, что нисколько не касалось его, какъ члена гражданскаго отдѣленія, вѣдающаго исключительно имущественными правонарушеніями, — именно *это* сейчасъ захватило его всего. Съ своей прокурорской каеодры Иванъ Павлычъ теперь долженъ былъ громить самого себя, какъ явнаго нарушителя святости семейнаго очага. А такихъ дѣлъ было не мало, и каждый разъ ему было какъ-то неловко обвинять самого себя.

На выручку къ Ивану Павлычу явилась привычка. Первое жу-

кое чувство постепенно ступевалось, смѣнившись какими-то полумыслями, вродѣ того, что, конечно, *это* не можетъ такъ оставаться, но пока ничего нельзя сдѣлать и т. д. Затѣмъ, человѣкъ такъ охотно извиняетъ себѣ личные недостатки, являясь лучшимъ адвокатомъ.

Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ. Иванъ Павлычъ не обращалъ никакого вниманія на начинавшееся недомоганье, сваливалъ его на переутомленіе. Другъ Чередовъ тоже не высказывался опредѣленно, а только мычалъ, стараясь уклониться отъ прямого отвѣта. Въ первый разъ онъ узналъ о грозившей ему опасности отъ Настеньки. Она встрѣтила его съ заплаканными глазами и долго не хотѣла объяснить, въ чемъ дѣло.

— Да что такое случилось? — началъ сердиться Иванъ Павлычъ.

Настенька окончательно расплакалась и, заливаясь слезами, наконецъ, объяснила.

— Скоро вы умрете, Иванъ Павлычъ, а какъ я-то останусь?

— Фу, какія глупости... Бто это вамъ сказалъ?

— Всѣ кулеры въ судѣ давно знаютъ, что вы скоро померете, и только скрывали отъ меня... Буда я-то дѣнусь?

Получилась самая безобразная сцена, начиная съ того, что Настенька думала только о себѣ и по отношенію къ Ивану Павлычу высказала самый откровенный эгоизмъ. Ни тѣни жалости или участія именно къ человѣку, который, по мнѣнію курьеровъ, долженъ скоро умереть. Иванъ Павлычъ настолько растерялся, что рѣшительно не зналъ, что ему отвѣчать этой безумной. Въ концѣ концовъ, онъ про себя оправдалъ ее, какъ женщину-мать, которая въ своемъ лицѣ заботится о судьбѣ дѣтей. Онъ уже давно самъ думалъ объ обезпеченіи своей второй семьи и все какъ-то откладывалъ день за днемъ. Да, онъ купить небольшой домикъ и положить въ банкъ на имя дѣтей обезпечивающій ихъ воспитаніе капиталъ.

— Дьяконица-то вотъ что говорить, — объясняла Настенька: — въ судѣ, говорить, надо подать, пока живъ, а какъ помереть, говорить, все законнымъ дѣтямъ и достанется. Ну, я-то не така чтобы на зло вамъ дѣлать.

Бъ довершенію картины отъ Настеньки пахло уже прямо вѣской, что было хуже всего.

— Зачѣмъ вы пьете, Настенька? — спрашивалъ Иванъ Павлычъ, стараясь придать мягкость своему голосу.

— Съ горя выпила рюмочку... Какая моя жисть, ежели ра

брать? Не въ людяхъ человѣкъ... А помрете, такъ я и на похороны-то не посмѣю прійти... Только себя и васъ срамить.

— Отъ кого же курьеры слышали, что я умру?

— Отъ вашего доктора Чередова... Онъ былъ вызванъ въ судъ и говорилъ въ судейской комнатѣ, а кулеры слушали.

— Все это глупости, а вотъ водку вы не должны пить.

— Скушно сдѣлается—вотъ и выпьемъ съ дьяконицей. Она-то такая же горюша, какъ и я.

Удивительнѣе всего то, что Настенька относилась къ Ольгѣ Сергѣевнѣ съ какой-то особенною ненавистью, точно она была главною виновницей ея неудачно сложившейся жизни. Эта несправедливость корбила Ивана Павлыча, но что онъ могъ отвѣтить Настенькѣ, когда чувствовалъ виноватымъ одного себя?

— За меня хорошій иконостасный столяръ сватался,—объясняла въ сотый разъ Настенька.—А я-то оказала себя совсѣмъ душой. Онъ женился на моей подругѣ, вотъ какъ хорошо сейчасъ живутъ... И домикъ свой, и лошадь держать, и все у нихъ есть.

Настенька опять была права... Конечно, ей лучше было выйти замужъ за столяра, она была бы въ своей средѣ и была бы счастлива, а сейчасъ походила на рыбу, которую вытащили изъ живой воды и посадили въ акваріумъ.

Что ожидало Настеньку, если предсказаніе курьеровъ сбудется? Иванъ Павлычъ думалъ объ этомъ съ ужасомъ. Нормальныхъ исходовъ было два: или она сохнетъ въ конецъ, или еще хуже—пойдетъ по торной дорожкѣ потерявшейся женщины. Положеніе во всякомъ случаѣ получалось безвыходное, и Ивану Павлычу дѣлалось жутко до озноба. Сколько онъ передумалъ на эту неразрѣшимую тему въ свои бессонныя ночи за послѣднее время!

Лежа сегодня съ открытыми глазами, Иванъ Павлычъ точно опускался на дно какой-то глубокой пропасти. Предъ нимъ во всей яркости выступалъ теперь вопросъ о его незаконныхъ дѣтяхъ. Что ихъ ждетъ, этихъ маленькихъ человѣчковъ, которые должны будутъ расплачиваться всю жизнь за чужую вину?.. У него, Ивана Павлыча, не хватало смѣлости даже на то, чтобы усыновить ихъ, потому что съ одной стороны связывало его служебное положеніе, а съ другой—страхъ и совѣсть предъ законною семьей. А, вѣдь, скоро наступитъ у нихъ тотъ возрастъ, когда самъ собой явится вопросъ объ отцѣ. Да, они, вотъ эти дѣти, произнесутъ роковое проклятiе надъ его могилой и будутъ совершенно правы.

— Боже мой, что же это такое?!—стоналъ Иванъ Павлычъ,

хватаясь за голову.—Вѣдь я же никому не желалъ зла... Все вышло какъ-то само собой.

Страстная жалость охватывала его именно по отношенію къ незаконной семьѣ, которая не имѣетъ права даже на официальное горе осиротѣвшихъ людей. Для этихъ несчастныхъ дѣтей онъ являлся только таинственнымъ дядей, который приходилъ къ нимъ періодически и старался заглушить неудержимое дѣтское любопытство игрушками или сладостями. Ихъ было трое: два старшихъ мальчика и младшая дѣвочка. Это были здоровенькія дѣти, въ которыхъ Иванъ Павлычъ напрасно искалъ самого себя, — они всѣ вышли и лицомъ, и здоровьемъ въ мать. Кто ихъ будетъ воспитывать, какіе люди будутъ имѣть на нихъ вліяніе, что будетъ ихъ интересовать? Являлась цѣлая масса неразрѣшимыхъ вопросовъ, отзывавшихся въ душѣ мучительною болью.

— Какъ я не подумалъ объ этомъ раньше?—удивлялся Иванъ Павлычъ, вызывая прошлое.—А, вѣдь, кажется, было достаточно времени для обдумыванья... У Маруси и Аркадія останется мать, которая сумѣетъ ихъ повести; наконецъ, они уже въ такомъ возрастѣ, что и сами найдутъ дорогу, а, вѣдь, эти совсѣмъ малыши... Господи, что съ ними будетъ? Отца они не узнаютъ, а мать—пьяница... Бѣдныя, бѣдныя, бѣдныя дѣти!...

Неотступная мысль о незаконныхъ дѣтяхъ приводила къ самымъ нелѣпымъ комбинаціямъ. Напримѣръ, докторъ Чередовъ—старый холостякъ, отчего бы ему не заняться ихъ воспитаніемъ? Вѣдь въ этомъ и смыслъ жизни, и опредѣленная цѣль, и счастье. Неужели лучше кончить безнадежнымъ клубнымъ завсегдатаемъ? Самому Ивану Павлычу, какъ имѣющему законную семью, это было неудобно выполнить, а Чередову буквально ничего не стоить, тѣмъ болѣе, что и общественное мнѣніе, и его служебное положеніе, и семейная обстановка—ничто ему не мѣшаетъ. Но все это была одна только фантазія человѣка, измученнаго бессонницей... А если бы, конечно, послѣ его смерти, занялась воспитаніемъ этихъ несчастныхъ дѣтей Ольга Сергѣевна? Вѣдь они до извѣстной степени не чужія ей, а общественное мнѣніе возело бы ее въ святая женщины...

— Ну, здѣсь уже окончательно ничего не выйдетъ,—опровергалъ самого себя Иванъ Павлычъ.—Женщины именно *этого* никогда не поймутъ.

У него являлось даже скрытое озлобленіе противъ жены. Ея жизнь, все равно, давно кончена, а остается, значить, жить только для другихъ. Какіе же «другіе» могутъ быть ближе, конечно, пос-

лѣ собственныхъ дѣтей? Выступало ничтожество женской души со всѣми ея характерными признаками. Вѣдь онъ будетъ покойникомъ, а къ покойникамъ не ревнуютъ... Иванъ Павлычъ отчетливо до послѣдней мелочи представлялъ себѣ объясненіе съ женой по этому щекотливому вопросу и впередъ видѣлъ куриное выраженіе ея лица и недоумѣвающій испугъ. Чѣмъ какая-нибудь Настенька хуже?

Перебирая возможныя комбинаціи, Иванъ Павлычъ въ концѣ концовъ остановился совершенно неожиданно на Марусѣ. Вѣдь она уже большая дѣвушка и пойметъ все. Затѣмъ, въ ней нѣтъ еще этихъ проклятыхъ бабьихъ мыслей, окрашенныхъ безнадежнымъ эгоизмомъ. Да, именно съ ней можно переговорить... Никто лучше не пойметъ его, какъ именно Маруся.

V.

Положеніе больного ухудшалось съ каждымъ днемъ. Болѣзнь быстро шла впередъ. Иванъ Павлычъ самъ понималъ, что все кончено и о службѣ нечего думать. Единственной живой связью съ судомъ у него являлся курьеръ Евграфъ, который аккуратно каждое утро являлся за приказаніями и сообщалъ послѣднія новости.

— Безъ васъ какъ безъ рукъ, ваше превосходительство, — объяснялъ старикъ солдатъ. — Можно такъ сказать, что никто и ничего не понимаетъ... Адвокаты совсѣмъ свободно себя понимаютъ, потому какъ не стало на нихъ грозы...

Евграфъ по-своему любилъ строгаго прокурора и не могъ себѣ представить, что будетъ въ судѣ безъ него. Какой же судъ безъ Ивана Павлыча! Въ болѣзнь его старикъ тоже не вѣрилъ и разъ по секрету сообщалъ:

— Вы, ваше превосходительство, не тово... Ничего они не понимаютъ, значить, доктора. Одинъ одно, другой — другое, третій — третье, а настоящаго-то и не понимаютъ.

Преданность Евграфа трогала Ивана Павлыча, и ему было итно, когда старикъ, вытянувшись въ струнку у дверей, разговаривалъ съ нимъ. Въ сущности раньше онъ почти не замѣчалъ. Мало ли курьеровъ въ судѣ. Часто, глядя на Евграфа, Иванъ Павлычъ думалъ:

— Вотъ онъ будетъ больше всѣхъ хлопотать на моихъ похоронахъ... Какъ это раньше я совсѣмъ не замѣчалъ его? Положи — хорошій человекъ...

Періодически, очевидно, соблюдая очередь, навѣщали больного свои судейскіе чины, причемъ всѣ старались показать, что считаютъ положеніе неопаснымъ и говорили о своихъ судейскихъ дѣлахъ. Всѣ они повторяли другъ друга и уходили съ особенной торопливостью, какъ люди, исполнившіе тяжелый христіанскій долгъ. Изъ врачей черезъ день пріѣзжали навѣстить больного одинъ Чередовъ.

— Ну, какъ дѣла, многоуважаемый?—спрашивалъ онъ каждый разъ, дѣлая внимательное и озабоченное лицо.

— Хорошаго немного...

Чередовъ усаживался на диванъ, закуривалъ сигару и сообщалъ послѣднія городскія новости. Въ манерѣ себя держать и въ каждомъ его движеніи чувствовалось что-то фальшивое и неестественное, что раздражало Ивана Павлыча. Разъ, когда Чередовъ сдѣлалъ попытку подробно выслушать больного, Иванъ Павлычъ вспылилъ.

— Сергѣй Матвѣичъ, я тебя уважаю, какъ умнаго человѣка, къ чему же еще продолжать эту глупую комедію?

— Многоуважаемый, у насъ есть свои обязанности...—бормоталъ врачъ-другъ.—Я уже говорилъ, что медицина можетъ ошибаться...

— Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ, ради Бога!...

— Все-таки, многоуважаемый...

Иванъ Павлычъ окончательно вспылилъ и даже закричалъ, такъ что пріѣхала перепуганная Ольга Сергѣевна.

— Нѣтъ, такъ...—успокаивалъ ее докторъ.—Мы немножко поссорились...

— Все онъ вретъ!—рѣзко оборвалъ Иванъ Павлычъ.—Ахъ, какъ они меня измучили... Не вѣрю я вашей наукѣ!... Бурьеръ Евграфъ знаетъ больше васъ всѣхъ... Да! Онъ недавно принесъ мнѣ просвиру, вынутую за здравіе, и мнѣ было лучше.

Въ передней Ольга Сергѣевна извинялась предъ докторомъ, а онъ поднималъ плечи и, отыскивая свою шапку, повторялъ:

— Бываетъ, многоуважаемая... Нашъ печальный долгъ заставляеть переносить все и не обижаться. Да, многоуважаемая То ли еще терпятъ ваши, дамскіе, врачи.

Много разъ Иванъ Павлычъ хотѣлъ переговорить съ женою серьезно о положеніи своей второй семьи. Теоретически, когда онъ обдумывалъ ходъ дѣла про себя, объясненіе было вполне возможно и естественно. Вѣдь они уже давнымъ-давно не мужъ и жена хорошіе знакомые, и могли, слѣдовательно, разговаривать, именн

какъ хорошіе знакомые. Кажется, просто и ясно, но стоило Ольгѣ Сергѣевнѣ войти въ кабинетъ, какъ Иванъ Павлычъ сразу понималъ всю нелѣпность своего плана. Легче было достать луну и положить ее въ карманъ... Бромѣ раздраженія ничего не получалась, а затѣмъ слѣдовало раскаяніе и самоѣдство.

— Неужели она сама не можетъ догадаться, о чемъ намъ необходимо переговорить?—возмущался Иванъ Павлычъ.—Вѣдь бѣдныя дѣти не виноваты...

Проектъ переговорить съ Марусей (тоже не приводилъ ни къ чему, и языкъ Ивана Павлыча прилипалъ самъ собой, когда дѣвушка входила къ нему въ кабинетъ и начинала къ нему ласкаться, какъ домашняя кошечка.

Впрочемъ, одинъ разъ Иванъ Павлычъ спросилъ дочь:

— Маруся, ты очень любишь Аркадія?

— Очень, папа...—отвѣтила она совсѣмъ просто, какъ-то по-дѣтски.

— А еслибъ у тебя были другіе братья и сестры, ты любила бы и ихъ, какъ Аркадія?

Дѣвушка замѣтно смутилась и даже покраснѣла, какъ смутился и самъ Иванъ Павлычъ. Конечно, Маруся что-то такое подозрѣвала и, конечно, впередъ была на сторонѣ матери. Еслибъ ей было года три больше, тогда можно было бы и поговорить, а теперь она, все равно, ничего не пойметъ. Виновато и глупое домашнее воспитаніе, и школа, которая даетъ какой-то соръ знанія, а не воспитываетъ главнаго—характера, воли, сознанія. Въ концѣ-концовъ, Маруся тоже начинала раздражать Ивана Павлыча, какъ органическое продолженіе Ольги Сергѣевны. Въ свое время она будетъ такой же корректной, безупречной и такой же недоступной для настоящихъ широкихъ общечеловѣческихъ чувствъ. Ивану Павлычу казалось, что у каждой женщины въ головѣ лежитъ какой-то камень, который давитъ ее мозгъ всю жизнь.

— Я не правъ...—тысячу разъ повторялъ Иванъ Павлычъ, взвѣсивая свои отношенія къ женѣ и къ дочери.—Да, не правъ, потому что боленъ, а болѣзнь нарушаетъ равновѣсіе физическое и кожное...

Даже покорность и желаніе ему угодить возмущали Ивана Павлыча, какъ милостыня, которая подается прогорѣвшему богачу. Къ ну еще эта комедія? Нужно умѣть уважать себя во всякомъ поведеніи.

Въ концѣ-концовъ самымъ близкимъ человѣкомъ оставался таин бурьеръ Евграфъ. Иванъ Павлычъ чувствовалъ себя

какъ-то спокойнѣе, когда онъ былъ гдѣ-нибудь близко, и выпросилъ у предсѣдателя позволенія оставить старика на время у себя. Евграфъ былъ средняго роста человѣкъ, сгорбленный, съ несоразмѣрно длинными руками и какой-то обтрепаной бородачкой. Онъ ни за что не соглашался сѣсть въ генеральскомъ кабинетѣ, а пристроилъ себѣ кухонную табуретку за дверьми.

— Рассказывай что-нибудь...—говорилъ ему Иванъ Павлычъ, лежа съ закрытыми глазами.

— Прикажете про войну? Очень вредное это дѣло... Мы Шипку заступили у турки. Какъ же... Ухъ, тяжело было!... Идетъ, идетъ солдатикъ, бывало, и падетъ, ей-Богу. Отощали, обезсилѣли, оскорбѣли... Въ лазаретъ-то близко пяти тыщъ тифозныхъ накопилось. Ну, и лежишь, а напиться подать некому... И дохтура, и милосердныя сестры тоже всѣ больные...

Бъ этой темѣ Евграфъ любилъ возвращаться, съ трудомъ вызывая въ памяти картины далекаго прошлаго. Иванъ Павлычъ отлично понималъ, къ чему онъ подводилъ рѣчь: вотъ вы, дескать, ваше превосходительство, лежите въ сухѣ и въ теплѣ, и всякій ухоть за вами, а тамъ напиться некому было подать. У каждаго несчастія есть еще болѣе несчастный двойникъ... Ивану Павлычу нравился самый тонъ, какимъ рассказывалъ Евграфъ,—спокойно, ровно, тягуче, совершенно равнодушнымъ тономъ, какъ рассказываютъ сказки. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, жизнь каждаго человѣка—сказка, интересная для него одного.

— Ну, а какъ турки, по-твоему?—спрашивалъ Иванъ Павлычъ, чтобы поддержать разговоръ.

— Что же турки, ваше превосходительство,—ничего, хорошій народъ. Озорники, конечно, а такъ ничего. Совсѣмъ хорошій народъ... Бывалъ я и въ ихнихъ деревняхъ. Ничего, хорошия деревни. Свой порядокъ вездѣ... У себя-то всякій будетъ хорошъ. Нѣтъ, ничего...

— А зачѣмъ они по нѣскольку женъ держатъ?

— Ну, это пустое совсѣмъ, ваше превосходительство... Такой, выходитъ, у нихъ законъ.

Бъ женщинамъ Евграфъ относился съ чисто-мужичьимъ презрѣніемъ и какъ-то стыдился даже говорить о нихъ.

— Конечно, жаль,—резонировалъ онъ по поводу турецкихъ бабъ.—Хоша она и турецкая, а все баба... Ребятишекъ это тѣщать, режутъ истошнымъ голосомъ, ну, и всякое прочее, что илагается бабѣ.

Иванъ Павлычъ иногда чувствовалъ на себѣ особенно вни

тельный взглядъ Евграфа, и ему казалось, что онъ чего-то не договариваетъ. Помнится, пошевелить даже губами и все-таки ничего не скажетъ. «Вѣроятно, ему хочется сказать, какъ Настенькѣ, — соображалъ Иванъ Павлычъ: — Помрете вы, молъ, скоро, ваше превосходительство»... Вѣдь настоящий, неиспорченный русскій человѣкъ относится къ смерти, какъ къ безразличному факту, въ чисто-философскомъ смыслѣ. И самому Ивану Павлычу хотѣлось откровенно разговориться съ Евграфомъ и это желаніе его одолевало все сильнѣе, — именно, съ Евграфомъ и ни съ кѣмъ больше. Умъ у него такой простой, ясный, какъ хорошая дорога, по которой не заблудишься.

Разъ Евграфъ особенно выразительно мялся въ дверяхъ, такъ что Иванъ Павлычъ невольно его спросилъ:

— Ты что-то хочешь, вѣроятно, сказать мнѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство...

Помявшись еще немного, Евграфъ на цыпочкахъ подошелъ къ дивану и подаль грязный конвертъ безъ всякаго адреса. Иванъ Павлычъ сразу догадался, отъ кого это посланіе.

— Какъ оно къ тебѣ попало, это письмо?

— А онѣ, значить, Настасья Гавриловна, приходили въ судъ и узнали, что я, значить, бываю у васъ. Ну, и того, просили передать безпремѣнно въ собственныя руки...

— Она могла послать по почтѣ...

— Опасаться...

Иванъ Павлычъ нахмурился. Письмо было написано безграмотно, и въ немъ повторялись уже извѣстныя жалобы. Для большаго впечатлѣнія Настенька прибавила, что надо бы благословить дѣтей, хотя они и незаконныя, а привести ихъ она не смѣетъ, да барыня ее и не пуститъ.

Какъ ни сдерживался Иванъ Павлычъ, но это письмо его сильно разстроило, и онъ принялъ двойную дозу какихъ-то успокаивающихъ капель. Евграфъ почтительно стоялъ въ дверяхъ, вытянувшись по-военному и какъ-то глупо моргая глазами. Иванъ Павлычъ прошелся по кабинету, потеръ лобъ и, остановившись передъ нимъ, проговорилъ въ упоръ:

— Ты понимаешь, въ чемъ тутъ дѣло?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство...

— Ну, такъ какъ ты думаешь?

— Что-же, дѣло обнаковенное, ваше превосходительство. Извѣстно, ежели, значить, дѣти... Тутъ ужъ баба кругомъ завязла и нѣтъ ей никакого ходу. Только эта бѣда вырастаетъ...

— Когда еще вырастетъ...

— Очень даже просто, ежели по нашему сословію. Не всѣмъ господами быть, да оно, пожалуй, и лучше, ежели попроче.

Видимо, Евграфъ уже разрѣшалъ про себя всѣ сомнѣнія, терзавшія Ивана Павлыча: вѣдь Настенька-то изъ простыхъ, «бульерская» дочь, — ну, и дѣти у Настеньки тоже должны идти по-простому. Иванъ Павлычъ медленно шагаль по кабинету, взвѣшивая про себя эту схему Евграфа: старшій сынъ — столяръ, второй — портняжка, а дочь — горничная или швейка... Очень недурно. А главное — онъ будетъ лежать въ могилѣ, безсильный и безвольный, чтобы сдѣлать что-нибудь.

Черезъ Евграфа Иванъ Павлычъ вступилъ въ переписку съ Настенькой, дѣлая послѣднія распоряженія на случай смерти.

VI.

Евграфъ окончательно поселился у Ивана Павлыча и день, и ночь дежурилъ около кабинета. Барину день ото дня дѣлалось хуже. Особенно плохо бывало по ночамъ, когда баринъ начиналъ тосковать. Пробовала дежурить около него Ольга Сергѣевна, но это только раздражало больного. Она слишкомъ старалась ему угодить и не понимала съ перваго взгляда, какъ Евграфъ. Маруся окончательно ничего не умѣла, хотя Иванъ Павлычъ и не могъ на нее сердиться. Обыкновенно Ольга Сергѣевна дежурила въ гостиной, прислушиваясь ко всему, что дѣлалось въ кабинетѣ. Она была рада и тому, что хоть Евграфъ можетъ угодить.

— Дѣло совсѣмъ плохо, многоуважаемая, — сообщилъ ей докторъ Чередовъ. — Болѣзнь идетъ быстрыми шагами..

— Никакой надежды?

— Единственная надежда на ошибку въ нашемъ діагнозѣ...

Иванъ Павлычъ уже не могъ спать у себя на диванѣ, а проводилъ ночи въ креслѣ, въ полусидячемъ положеніи. Онъ не спалъ, а только забывался на нѣкоторое время, погружаясь въ галлюцинаціи. Начали появляться припадки удушья, и онъ долженъ былъ подниматься, чтобы перевести духъ. Евграфъ и тутъ умѣлъ услужить и поднималъ барина своими длинными руками, крѣпкими, какъ дерево.

— Плохо, Евграфъ... — шепталъ Иванъ Павлычъ, когда не много приходилъ въ себя.

— Терпѣть надо, ваше превосходительство... Прежде смерти никто не помереть.

Послѣ каждаго припадка у Ивана Павлыча голова долго кружилась, руки дѣлались холодными, на лбу выступалъ холодный потъ. Ему все казалось, что онъ проваливается и летитъ въ какую-то бездну. Но вмѣстѣ съ этимъ наступали какія-то бодрья полосы, когда Иванъ Павлычъ почти забывалъ о своей болѣзни и начиналъ думать, какъ думаютъ здоровые люди. Всѣ его мысли опять сосредоточивались на судѣ и своей прокурорской дѣятельности. Вѣдь эта дурацкая болѣзнь только «перерывъ засѣданій», не больше того, а потомъ все пойдетъ по-старому. Вотъ и курьеръ Евграфъ, который опять будетъ таскать тяжелый прокурорскій портфель, набитый «дѣлами». Иванъ Павлычъ видѣлъ почти себя за прокурорскимъ пюльпитромъ, а кругомъ знакомыя лица членовъ суда, адвокатовъ, судебного пристава, секретаря.

— Вотъ и хорошо, Иванъ Павлычъ, что вы поправились,— повторяли голоса. — Пора и за работу...

— Да, я много пропустилъ, господа...

— Но, вѣдь, вы никогда не брали отпусковъ. Понемногу догоните...

Эта галлюцинація повторялась съ такою яркостью, что Иванъ Павлычъ чувствовалъ даже тотъ особенный воздухъ, который съиспоконъ вѣковъ утвердился во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. А потомъ весь судъ, со всею своею обстановкой точно таялъ и курьеръ Евграфъ являлся одной изъ тѣхъ соринокъ, какія неизбежно остаются послѣ великаго таянія.

Особенно ярко эти галлюцинаціи происходили ночью, и Иванъ Павлычъ не могъ ихъ разогнать. Почему-то опять выплывало на поверхность дѣло мѣщанина Иванова, и Иванъ Павлычъ стоялъ за прокурорскимъ пюльпитромъ, строгій, корректный, неумолимый.

— Вашескорodie, я больше не буду,— увѣрялъ со скамьи подсудимыхъ мѣщанинъ Ивановъ, воровато, не мигая глазами.

— Мѣщанинъ Ивановъ лгалъ всю жизнь,— говорилъ Иванъ Павлычъ, обращаясь къ присяжнымъ. — Да, лгалъ, и у насъ нѣтъ гарантіи, что онъ не будетъ лгать потомъ, если вы вынесете ему оправдательный вердиктъ... Законъ то же самое, какъ математическая формула и, какъ таковая, не можетъ быть ни строгимъ, ни лицепріятнымъ, а только справедливымъ.

— Именно, нелицепріятнымъ...— повторяетъ жиденькимъ теноркомъ мѣщанинъ Ивановъ и начинаетъ улыбаться.

Съ этого пункта началось самое удивительное превращеніе. Мѣщанинъ Ивановъ какъ-то исчезалъ, а его мѣсто занималъ самъ Иванъ Павлычъ,—одинъ Иванъ Павлычъ стоялъ за прокурорскимъ

пюльпитромъ, а другой Иванъ Павлычъ сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ.

— Ваше имя и званіе, подсудимый?—спрашивалъ Иванъ Павлычъ-прокуроръ.

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Павловъ Мухинъ,—не совѣмъ твердо отвѣчалъ Иванъ Павлычъ-подсудимый.

— Вамъ извѣстно, въ чемъ вы обвиняетесь, признаете ли вы себя виновнымъ?

Иванъ Павлычъ-подсудимый нѣсколько времени смотреть на Ивана Павлыча—прокурора и отвѣчаетъ:

— Я затрудняюсь отвѣчать категорически... Можетъ быть и виновенъ, а можетъ быть и нѣтъ.

Секретарь читаетъ обвинительный актъ, причемъ подробности дѣла излагаются съ протокольною точностью. Описывается женитьба Ивана Павлыча-подсудимаго, болѣзни жены и печальный финалъ, а потомъ является швея Настенька и всѣ послѣдствія ея появленія. Ивану Павлычу-подсудимому дѣлается жутко, когда передъ всѣми рассказываются его интимныя семейныя дѣла, онъ вскакиваетъ и заявляетъ:

— Вы видите, господа присяжные, что я не виновенъ... Если бы моя жена была здорова, то ничего бы не было. Да, я невиновенъ...

Иванъ Павлычъ-прокуроръ останавливаетъ его и начинаетъ громовую рѣчь:

— Гг. присяжные, передъ нами не обыкновенный преступникъ, а человѣкъ интеллигентный, занимавшій такое видное общественное положеніе. Да, онъ долженъ былъ служить живымъ примѣромъ для другихъ, какъ представитель закона, а вмѣсто этого мы видимъ грустную картину поруганія священнѣйшихъ основъ общежитія. Семья — всё, и все изъ семьи... Что же мы видимъ? Полное поруганіе этой семьи. Обратите вниманіе, гг. присяжные, что главное потерпѣвшее лицо этой драмы, жена подсудимаго, остается какъ будто въ сторонѣ и молча несетъ свой женскій крестъ, щадя призракъ семейнаго счастья и будущее своихъ дѣтей. Подсудимый заводитъ нелегальную семью, подсудимый дѣлается отцомъ троихъ незаконныхъ дѣтей, то-есть въ переводѣ это значитъ то, что онъ губитъ неопытную дѣвушку и губитъ троихъ малютокъ, которыя имѣли несчастіе имѣть его своимъ отцомъ. Милостивые государи, у каждого изъ насъ былъ отецъ, и вы припомните, сколько самага святого соединено съ этимъ словомъ... Кому отдаются и первая улыбка ребенка, и первый дѣтскій лепетъ, къ

тому тянутся за лаской доверчивыя и беззащитныя дѣтскія ручонки? Конечно, тяжелое преступленіе—лишить человѣка жизни, а еще тяжелѣе дать эту жизнь съ позорнымъ клеймомъ незаконнаго происхождения...

— Г. прокуроръ, вы забываете, что я тоже человѣкъ и, какъ человѣкъ, имѣлъ право быть имъ,—защищался Иванъ Павлычъ-подсудимый.— Вы забываете, г. прокуроръ, что сами обстоятельства складываются иногда такъ, что получается такъ называемое безвыходное положеніе. Въ данномъ случаѣ я, напримѣръ, имѣлъ право развестись съ женой, но не сдѣлалъ этого изъ сожалѣнія къ ней и законнымъ дѣтямъ. Съ формальной точки зрѣнія я виновенъ, но есть судъ совѣсти, оживляющій теплотой своего дыханія мертвую букву закона.

— Мнѣ особенно нравится эта ссылка на судъ совѣсти,—перебилъ Иванъ Павлычъ-прокуроръ.— Если мы такимъ образомъ будемъ оживлять мертвую букву закона, то всякій преступникъ найдетъ свое оправданіе. Я тоже взываю къ суду совѣсти и глубоко убѣжденъ, что именно этотъ судъ скажетъ: «да, виновенъ!» Въ сущности, все дѣло сводилось на выдержку характера, на тѣ нравственныя начала, которыхъ недоставало подсудимому...

Иванъ Павлычъ просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу и долго не могъ придти въ себя. Даже отерывши глаза, онъ не вѣрилъ, что все это была дикая галлюцинація.

— Евграфъ, ты здѣсь?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Подойди сюда... ближе... и что-нибудь говори...

— Прикажете про войну?... Значить, какъ тогда турокъ насѣлъ на насъ, а его было неочерпаемо,—ну, генералъ Радецкій и говоритъ: «Братцы, не поддавайся... Все равно помирать». Ну, идемъ, не то что идемъ, а просто царапаемся въ гору... Притопились, зачухли, а главное—пить охота до послѣдней смерти. Ну, а тутъ въ полугорѣ ключикъ... Только турокъ-то такъ ловко засѣлъ, что къ ключику приступу нѣтъ: кто изъ солдатиковъ бросится къ ключику и сейчасъ готовъ. Человѣкъ съ восемь такъ-то перебили... тутъ солдатики, которые уже изъ силы выбились: сидеть, а гать не можетъ. Тогда, что бы вы думали, выискался одинъ изъ анговыхъ и сейчасъ съ манеркой къ ключику... Вѣдь выворота пѣлехонекъ и воды принесъ. Только ругался, что сапогъ ему ецкой пулей распоролъ... Егоровымъ звали солдатака-то.

На больного дѣйствовалъ не столько самъ рассказъ, какъ эпитонъ голоса Евграфа. Иванъ Павлычъ по инерціи повторялъ

про себя отдѣльныя выраженія и начиналъ самъ карабкаться на шипикинскія кручи и видѣлъ своими глазами тотъ источникъ живой воды, доступъ къ которому былъ «загражденъ жаломъ смерти», выражаясь высокимъ языкомъ. Все-таки это было легче суда...

Кризисъ наступилъ совершенно неожиданно, подъ раннее утро, когда Евграфъ задремалъ, сидя на своей табуреткѣ. Этой слабости вѣрный старый слуга никогда не могъ себѣ простить и долго считалъ себя косвенной причиной смерти барина: ну, не задремли онъ,— баринъ, можетъ быть, остался бы и живъ.

Съ вечера Иванъ Павлычъ чувствовалъ себя какъ будто лучше и даже попросилъ чашку бульона. Потомъ Евграфъ растиралъ ему бока какой-то пахучей мазью, потомъ баринъ заставилъ его рассказывать про войну, потомъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Держи, Евграфъ...

Потомъ баринъ точно весь распустился и задремалъ. Евграфъ ушелъ на свой табуретъ и тоже прикурнулъ по-солдатски.

А Иванъ Павлычъ и не думалъ спать. Онъ опять видѣлъ себя въ судѣ и опять былъ подсудимымъ и прокуроромъ, но на этотъ разъ въ качествѣ потерпѣвшей стороны явились обѣ его семьи: и Ольга Сергѣевна съ заплаканными глазами, но молодая, и Настенька, и всѣ дѣти. Онъ, подсудимый, даже былъ радъ видѣть ихъ вмѣстѣ и только удерживался, чтобы не брignуть:

— Ахъ, какъ я виноватъ, но какъ я васъ всѣхъ люблю!...

Въ залѣ царилъ молчаніе, а потомъ судебный приставъ заученнымъ тономъ громко проговорилъ:

— Судъ идетъ!...

Именно этотъ моментъ Евграфъ и прокараулилъ, а когда проснулся—Иванъ Павлычъ лежалъ въ креслѣ мертвый.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

М О М Е Н Т Ъ.

Новелла Э. Ожешковой.

Переводъ съ рукописи).

Лѣтнее солнце заходило. На поляхъ, въ воздухѣ и на небѣ было совершенно тихо. Тихо отъ тучи, клубящейся на западѣ, отдѣлялись и плыли по голубому своду золотистыя и розовыя облачка, тихо на холмистомъ полѣ, среди темныхъ овсовъ, цвѣли огненные лупины и бѣлоснѣжная гречиха, тихій воздухъ расшивали то грубыми, то нѣжными нитями тоновъ жужжанье насѣкомыхъ и щебетъ птицъ, гнѣздящихся въ дикихъ заросляхъ и на мезахъ. Не слышно даже самаго отдаленнаго свистка локомотива, ни отголоска того грохота и шума, который, словно голосъ отдаленной бури, идетъ отъ большаго сборища людей, — на полѣ нѣтъ даже плуговъ и пахарей, потому что сегодня праздничный день. Пусто и тихо. Кромѣ природы, свѣжей, благоухающей, убаюканной спокойствіемъ прекраснаго вечера, — ничего. Блокъ земли, полный прелести, но безлюдный и дремлющій, глухой уголокъ міра, лежащій вдали отъ его шумныхъ и блестящихъ центровъ.

Но на полѣ, извиваясь посреди темныхъ и желтыхъ хлѣбовъ, бѣлѣлась дорога, ведущая... куда? — трудно отгадать; могло казаться, къ какому-нибудь концу свѣта, гдѣ уже нѣтъ человѣческой жизни. Но человѣческая жизнь иногда созидаетъ муравейники, настолько незамѣтные и такъ похожіе на кучу сора, что нужно подойти къ нимъ близко, чтобъ убѣдиться, что они существуютъ и что въ нихъ обитаютъ живыя существа. Въ такому-то муравейнику и вела бѣлая дорога, извивающаяся между холмовъ и полей. Тамъ, словно чистымъ и прозрачнымъ стекляннымъ копакомъ, окруженное тишиною поля, воздуха и неба, стояло маленькое, сѣренькое, низенькое мѣстечко, похожее на кучу сора.

Узкія улицы, низкіе, почернѣвшіе домики, съ рядомъ окошегъ, которыя изъ своихъ полусгнившихъ рамъ смотрѣли на свѣтъ Божій, точно помутившіеся глаза, открытыя ворота, показывающія дворы, откуда доносился спертый воздухъ жилища, голоса животныхъ и дѣтскій крикъ. По срединѣ улицъ тянется черная полоса грязи, высушенной лѣтнимъ зноемъ, а по ея бокамъ — тропинки, приводящія на память тѣ дорожки, по которымъ ходятъ горькая нужда и темное невѣжество. Кое-гдѣ, на сѣромъ фонѣ — новый заборъ, свѣтящійся своею яркою желтизною, береза, съ увядшими листьями, верба, съ уродливо-искривленными вѣтвями, или раскидистая груша. У подножія старыхъ, гниющихъ заборовъ — много бурьяна. Повсюду убогія хижинны, напоминающія своими торчащими наружу балками и нагими печными трубами какія-то обглоданныя кости. Людей мало; лишь изрѣдка какой-нибудь прохожій прошмыгнетъ по твердой тропинкѣ и скроется въ глубинѣ зловоннаго двора. Десятокъ худыхъ и печальныхъ собакъ лежатъ у заваленки или таскаются со двора на дворъ въ поискахъ за пищей. Голоса слышны, но только голоса дѣтей или домашней скотины, — развѣ кое-гдѣ раздастся голосъ птицы, пѣтуха или воробья, но разговора никакого не слышно. Можно подумать, что здѣсь никто не разговариваетъ. Огня домовъ, несмотря на то, что день былъ жаркій, а вечеръ очень свѣжій, — всѣ закрыты. Можно подумать, что здѣсь никто и никогда не открываетъ огня на свѣтъ Божій.

Грязно и тѣсно, зловонно и безлюдно. Тотіе призраки лѣтнихъ и болѣзненныхъ сновъ, кажется, такъ и плывутъ въ воздухѣ вдоль протоптанныхъ тропинокъ и цѣпляются за выдающіяся балки хижинъ. Только изъ печныхъ трубъ къ высокому небу поднимаются ленты дыма, такія же прозрачныя, какъ плывущія по небу розовыя и золотистыя облака. Эти воздушныя ленты можно принять за вздохъ, который человѣческая душа посылаетъ къ недоступнымъ высотамъ изъ жалкихъ логовищъ, гдѣ томится ея тѣло. На окраинахъ мѣстечка, у поля, стоятъ маленькіе домики, немного поновѣе, посвѣжѣе и повеселѣе, чѣмъ остальные. Изъ-за мелкихъ переплетовъ оконъ они улыбаются цвѣтущими пеларгоніями, а изъ-за плетней яркими лицами мальвъ и георгинъ. Деревья здѣсь насажены чаще, дворы тѣснѣе, человѣческіе голоса громче, собаки живѣе и не такія худыя, но въ одномъ мѣстѣ творится что-то странное. Огня одного изъ домиковъ, еще при неугасшемъ свѣтѣ дня, свергаютъ огоньками горящихъ свѣчей. Слышны отголоски басоваго, глубокаго пѣнія. Эти горящія свѣчи — погребальныя свѣчи, а пѣсни — молитвы надъ умершимъ. Слышны ры-

данія женщины, а въ саду на скамейкѣ сидитъ какой-то плечистый человекъ съ лицомъ, убитымъ настолько, что оно кажется барельефомъ, выточеннымъ на сѣромъ камнѣ. Брѣвно стиснутыя руки, также словно каменные, лежатъ на его колѣнахъ. Сюда, въ садикъ, полный мальвъ и георгинъ, обвѣянный благоуханнымъ дыханіемъ близкаго поля, залетѣла смерть.

Какъ грязные ручьи стекаются въ одинъ мутный прудъ, такъ всѣ улицы сбѣгались къ одной круглой и довольно большой площади, обстроенной домами, подражающими деревенскимъ домамъ, съ узорчатыми крыльцами, съ деревьями у балконовъ, съ цвѣтами на окнахъ, но только деревья и цвѣты имѣли чахлый видъ, а на крыльцахъ валялась помятая солома, клочки бумаги, тряпки, щепки, разные отбросы безъ формы и названія, выкинутые изъ домовъ, изъ телѣгъ, изъ коробовъ. Да и не на однихъ крыльцахъ. Эти отбросы устилали всю неровную поверхность рынка, если имъ не мѣшали лужи. Напрасно жаркій іюль, проходя по свѣту, испушалъ всѣ воды, — эти лужи не уступали его солнечному факелу и стояли безъ движенія, безъ блеска, похожія на плотно закрытыя окна домовъ, окружающихъ рынокъ. Зато на крыльцахъ этихъ домовъ, подъ шумъ разговоровъ, ссоръ, переторжекъ, толпились люди, плохо одѣтые, грубые, сѣрые, которые старались къ вечеру покончить свои грубыя и сѣрыя обыденныя дѣла. Было видно, что въ этомъ мѣстѣ пульсъ мѣстечка бился сильнѣе и разносилъ по организму сгустившуюся, нездоровую кровь. Какъ по улицамъ плывутъ и осѣдаютъ на балкахъ хижинъ призраки лѣнивыхъ и болѣзненныхъ сновъ, такъ здѣсь чувствуется присутствіе юркихъ, бойкихъ, болтливыхъ призраковъ нужды, заработка, жадности и желанія наживы.

Но по серединѣ рынка было нѣчто совершенно непохожее на окружающее: это — костѣль, небольшой, очень старый, даже почернѣвшій отъ старости, съ узкими окнами, въ которыхъ вечерняя заря зажигала рубиновые огоньки, съ изумрудною зеленью газона, съ снѣжной бѣлизной дорожекъ, съ прозрачной рѣшеткой, надъ которой вѣковыя липы разстилали свои широкія и сильныя вѣтви. Здѣсь царила незапятнанная чистота, разливалось спокойствіе широкихъ полей, ласково шумѣли листья деревьевъ, отъ земли струилось благоуханіе цвѣтовъ, прячущихся въ травѣ. Тамъ же, гдѣ старыя липы немного разступались, стоялъ одинокій крестъ, отдѣленный отъ костѣля всею шириной газона. Высокій и тонкій, онъ изящной и чистой линіей прорѣзывалъ пыльный воздухъ, отражаясь на розовомъ фонѣ заката. Нужно было сильно запрокинуть

голову, чтобы видѣть его вершину. Это былъ единственный высокій предметъ среди ничтожества, царствующаго вокругъ. Здѣсь же стоялъ единственный домъ съ голубыми стѣнами, со свѣжими цвѣтами въ садикѣ, съ открытыми окнами, изъ которыхъ доносились голоса дѣтей. Дѣти о чемъ-то болтали, твердили вслухъ уроки и вдругъ заговорили хоромъ. Съ вершины башни на мѣстечко полились звуки колокола, мягкіе, чистые, протяжные, и тотчасъ же къ этому звуку примѣшались дѣтскіе голоса, вылетающіе изъ оконъ церковнаго дома:

— Господень ангелъ возвѣститъ...

Въ эту минуту только въ этомъ домѣ человѣческія уста вспоминали вѣщанія ангела.

Церковный колоколь умолкъ, зато вдали раздался еще какой-то звукъ; онъ доносился изъ широкихъ полей и смѣшивался съ галдѣньемъ рынка, сначала робко, такъ что его можно было принять за мимолетный стонъ, но мало-по-малу приближался и становился все болѣе и болѣе яснымъ. На рынокъ стали прислушиваться. Почтовый колокольчикъ! Кто-то ѣдетъ на почтовыхъ! И дѣйствительно, на рынокъ вскорѣ показалась небольшая карета четверкой. На козлахъ, рядомъ съ почтальономъ, на груди котораго красовалась бляха, сидѣлъ ливрейный лакей. На рынокъ огромное впечатлѣніе. Кто это? Зачѣмъ? Остановится ли здѣсь и гдѣ именно остановится?

Мендель Шапиръ и Хаимъ Циглеръ, владѣльцы двухъ заѣзжихъ домовъ (больше ихъ не было), безпокойными глазами слѣдили за каретой съвозъ мутныя стекла оконъ. Конкуренція... притомъ, карета — такое рѣдкое явленіе! Шапиръ улыбнулся, — на козлахъ сидѣлъ его знакомый почтальонъ. Ужъ онъ непременно привезетъ къ нему. И онъ не ошибся, — карета остановилась у его дома. Лакей соскочилъ съ козелъ и распахнулъ дверцы, въ которыхъ показалась изящная женщина. Была ли она красива? На это трудно отвѣтить, — она казалась такой утомленной и страдающей. На ея блѣдномъ лицѣ, покрытомъ нѣжною кожей, изъ-подъ нахмуренныхъ бровей свѣтились большіе угасшіе, угрюмые глаза съ покраснѣвшими вѣками и, казалось, не видали того, на что смотреть. Она медленно поднялась на крыльцо, слегка шелестя шлейфомъ мягкаго платья, за которымъ съ противнымъ шуршаньемъ тащились пучки сухой соломы и измятые клочки бумаги. Почти машинальнымъ движеніемъ она слегка приподняла платье и обернулась назадъ, причемъ огромные брилліанты ея серегъ бросили снопомъ радужныхъ огней.

Щуплый и юркій Мендель Шапиръ, человѣчекъ съ нервнымъ лицомъ, тихо разспрашивалъ почтальона:

— Кто это?

— Не знаю. Она издалека ѣдетъ, — отвѣтилъ почтальонъ съ козель.

— Отчего вы не поѣхали на почтовую станцію?

— Она будетъ ночевать.

Тогда владѣтель заѣзжаго двора обратился къ своей женѣ, стоящей на крыльцѣ:

— Рухля! Она будетъ ночевать!

Рухля, въ свою очередь, посмотрѣла на кого-то, валяющагося на землѣ, и крикнула:

— Гитля, подмети гостиную!

Приказаніе это было исполнено въ одну минуту, потому что пріѣзжая встрѣтила въ сѣняхъ цѣлую тучу пыли, поднимающуюся изъ-подъ метлы, которою энергически дѣйствовала молоденькая дѣвочка, въ убогой одеждѣ, съ худымъ, смуглымъ лицомъ и огромною, черною косой за плечами. Она мела, съ пронзительнымъ шелестомъ парая по грубому полу, и поднимала все большія облака удушливой пыли, среди которой люди представлялись какими-то неясными видѣніями. Одно изъ этихъ видѣній промолвило слащавымъ голосомъ:

— Посидите, пани, на крыльцѣ, пока выметутъ комнату. Погода такая отличная!

Пріѣзжая отвѣтила:

— Позвольте мнѣ войти въ домъ. Комнату пускай оставятъ такъ, какъ она есть. Мнѣ все равно.

Изъ самаго звука ея голоса можно было догадаться, что ей дѣйствительно все равно. Она шла прямо на тучу пыли, давась ею, но не замѣчая ее. Рухля крикнула:

— Гитля, перестань подметать!

Огромная метла упала на полъ; Гитля остановилась у порога гостиной, словно выросла спиною въ стѣну. Эта бѣдная, худая, смуглая дѣвочка въ убогой одеждѣ обладала двумя особенностями: великолѣпными волосами, цвѣта воронова крыла и прекрасными глазами, съ черными, какъ ночь, зрачками на голубыхъ бѣлкахъ. Но эти глаза были пугливы и въ глубинѣ ихъ гнѣздилась неизмѣримая грусть. И этими грустными глазами она смотрѣла на пріѣзжую, которая въ туманѣ пыли, еще не успѣвшей осѣсть, снимала съ руки перчатку. Когда она сняла ее, Гитля прошептала:

— Ой, ой!

Рухля, стоящая въ дверяхъ, также повторила:

— Ой!

Бѣлая, худощавая, изящная рука пріѣзжей, оправляя прическу, какъ зеленымъ лучомъ, блеснула изумрудомъ кольца.

— Можетъ быть, пани угодно будетъ что-нибудь?— съ самою сладчайшею улыбкой спросила Рухля.

— Благодарю. Мнѣ ничего не нужно.

Рухля съ элегантнѣмъ поклономъ спросила еще:

— Можеть быть, вы заснете немного? Мнѣ кажется, что вы очень утомились.

— Мнѣ ничего не нужно,—повторила пріѣзжая.

Рухля шмыгнула въ дверь, но Гитля осталась. Ея черные, какъ ночь, напуганные глаза не отрывались отъ лица пріѣзжей, точно это явленіе очаровало ее и приковало къ мѣсту. Эти существа, настолько различныя, какъ будто родились на разныхъ планетахъ, тѣмъ не менѣе были объединены чѣмъ-то общимъ. Онѣ обѣ, хотя различнѣмъ образомъ, но были несчастны. Черезъ минуту изъ устъ Гитли вырвался хриплый, рѣзкій звукъ:

— Можеть быть, самоваръ принести?

Пріѣзжая отвѣтила:

— Благодарю. Мнѣ ничего не нужно.

Она сняла шляпу, изъ-подъ которой по ея плечамъ разлился потокъ блѣдно-золотистыхъ волосъ.

Гитля вышла и тихо затворила дверь. Въ сѣняхъ Мендель Шапиръ разспрашивалъ лакея:

— Кто эта барыня?

Лакей назвалъ имя, при звукѣ котораго столицы міра готовились къ рукоплесканіямъ и торопливо свивали лавровые вѣнки. Но Мендель Шапиръ слышалъ его въ первый разъ и переспросилъ:

— Она въ городѣ живетъ или въ деревнѣ? Что она дѣлаетъ?

— Она поетъ! — съ легкою насмѣшкой во взглядѣ отвѣтилъ ливрейный лакей.

Мендель удивился.

— Поетъ? Какъ это — поетъ? Все поетъ? Зачѣмъ же она поетъ?

Лакей, нагруженный разными корзинами, хотѣлъ идти дальше, но Мендель задержалъ его еще разъ.

— А куда она ѣдетъ?

— Въ свое имѣніе.

— А гдѣ ея имѣніе?

— Въ десяти миляхъ отсюда.

— Большое имѣніе?

— Большое.

Мендель Шапиръ подскочилъ къ одной изъ дверей, ведущихъ въ сѣни, просунулъ въ нихъ голову и крикнулъ:

— Рухля! Ша! Чтобы въ домѣ было тихо Большая пани! Можетъ быть, теперь она спить.

Но пани не спала. Своими изящными руками она скрутила свѣтло-русые волосы, которые волной разлились по ея плечамъ, и небрежнымъ узломъ связала ихъ на затылкѣ... все равно, какъ-нибудь, какъ-нибудь! Потомъ она подошла къ окну, распахнула его настежь и, жадно вдыхая воздухъ, который ворвался въ душную комнату, крѣпко стиснула руки и опустила ихъ на платье. Она смотрѣла въ пространство, но можно было догадаться, что ея глаза, истомленные долгою бессонницей и обрамленные покраснѣвшими вѣками, не видятъ ни земли, ни неба. Взглядъ ихъ былъ обращенъ внутрь и сосредоточился на созерцаніи какого-то великаго горя, которое, какъ каменное изваяніе саркофага, лежало на ея сердцѣ.

Гостиная Менделя Шапира, какъ и все это мѣстечко, была гола, грязна и бѣдна. Возлѣ порога кучки сору, не убраннаго метлою Гитли, на стѣнѣ нѣсколько картинъ, засиженныхъ мухами, на комодѣ, возлѣ лампы съ разбитымъ колпакомъ, букетъ бумажныхъ цвѣтовъ. Мебель изъ желтаго дерева, повсюду пятна, щели, паутина.

Женщина съ изящными бѣлыми руками, съ огромными брилліантами въ ушахъ не замѣчала ни пыли, ни пыленъ, ни желтой мебели, ни бумажныхъ цвѣтовъ, ни паутины. Ей было все равно. Она отвернулась отъ окна и медленно пошла по направленію къ дивану, стоящему у стѣны. Каковы бы ни были ея чувства, теперь ее всю охватило утомленіе, которое обыкновенно наступаетъ только послѣ тяжелой тѣлесной болѣзни и является слѣдствіемъ тяжелой болѣзни души. Но въ первомъ случаѣ глаза жадно и съ наслажденіемъ любятъ открывающуюся передъ ними картиною міра, а во второмъ, наоборотъ, стремятся къ тому, чтобы не видать ничего и заснуть... если бы было можно, навсегда. Долгая бессонница наложила на глаза проѣзжающей свое мглистое пятно.

Изъ обивки дивана выглядывали клочья грязнаго хлопка, окружающіе конвовую подушку, на которой была вышита роза чудовищной величины и цвѣта. Конечно, на этомъ убогомъ диванѣ никогда не покоилась фигура, полная такой прелести, къ этой подушкѣ не склонялось такое нѣжное лицо, на эти поручни не облакачивались руки такіа гибкія и такъ отчаянно стискивающія безконечно утомленную голову.

Прѣѣзжая, окутанная мягкими складками своего платья, лежала неподвижно, не призывая никого, не желая ничего. Ей ничего не было нужно. Рыночный шумъ началъ стихать, на небо выплылъ мѣсяцъ, въ открытое окно врывался запахъ резеды, которая какимъ-то чудомъ расплѣла на высохшей грядкѣ возлѣ дома Менделя Шапира.

Прѣѣзжая не слыхала, не видала, не чувствовала ничего. Ей было все равно.

Да и вообще на заѣѣзжемъ дворѣ Менделя Шапира никто не обращалъ вниманія на показавшійся мѣсяцъ. Юркій, нервный Мендель не имѣлъ ни минуты свободного времени для поѣтическихъ или астрономическихъ наблюденій; онъ замѣтилъ, что черезъ рынокъ проѣѣзжала бричка его знакомаго шляхтича, къ которому у него было важное дѣло, и во всю прыть помчался за нею съ крикомъ: «Стой, стой!» Но такъ какъ лошади шли довольно быстро, то Шапиръ, поднимая полы своей длинной одежды, бѣжалъ все скорѣе и кричалъ все громче, до тѣхъ поръ, пока его шапка не съѣхала на затылокъ, а на нервно подергивающемся лицѣ не выступили крупныя капли пота. У вѣѣзда въ одну изъ улицъ бричка, наконецъ, остановилась, и задыхающійся Мендель повелъ со шляхтичемъ длинную бесѣду о важномъ дѣлѣ.

Гдѣ же ему было замѣтить, свѣтитъ или не свѣтитъ мѣсяцъ на небѣ? Рухля, несмотря на всѣ свои многочисленныя хозяйственныя добродѣтели, обладала и порокомъ: она была страшно сварлива и криклива. Можетъ быть, этотъ порокъ въ ней породила излишняя заботливость объ интересахъ семьи. Бываетъ, что человѣческія добродѣтели обращаются въ недостатки. Какъ бы то ни было, но теперь, какъ это часто случалось, и въ двухъ комнатахъ, и въ сѣняхъ, и въ кухнѣ безраздѣльно царилъ все болѣе и болѣе усиливающийся крикъ Рухли. Разбился горшокъ. Рухля, входя въ сѣни, увидала на полу черепки разбитаго горшка. Кто былъ виновникомъ этого несчастья: ея дѣти или Гитля? Дѣти запирались, — конечно, Гитля, эта неуклюжая, глупая дѣвчонка, которая вѣчно что-нибудь напроказитъ въ домѣ. Несмотря на предостереженія Менделя, Рухля громко бранила и дѣтей, — каждаго въ отдѣльности, и Гитлю, и отсутствующаго мужа, который вѣчно гдѣ-то шатается и свою несчастную судьбу, которая сегодня отняла у нея самъ прекрасный горшокъ. Она громко кричала и такъ же громко ступала по полу башмаками, — Рухля была толстая, тяжелая женщина. Когда-то она была красива, — на ея толстомъ и вѣчно возбужденномъ

лицѣ еще видѣлись правильныя черты, а глаза еще не утратили своей сафировой окраски. Но, странное дѣло, несмотря на все раздраженіе, глаза эти были безжизненны, тусклы и только съ трудомъ можно было догадаться, что когда-то они были синяго цвѣта. Такіе глаза, въ исключительныя минуты, когда въ домѣ разобьется самый прекрасный горшокъ, никоимъ образомъ не могутъ созерцать луну. Гитля, обруганная и побитая, схватила ведро и побѣжала къ колодцу. Вскорѣ она уже возвращалась съ сосудомъ, полнымъ водою, отчего ея несформировавшаяся фигурка перегибалась въ правую сторону, а лѣвая рука, далеко протянутая въ пространство, размахивала лохмотьями разорванного рукава, какъ знаменемъ нищеты.

У Хаима Циглера и жены его, Малки, было гораздо тише, чѣмъ въ домѣ Менделя и Рухли, но, тѣмъ не менѣе, и тамъ никто не думалъ о созерцаніи луны. Напротивъ, въ комнатѣ, переполненной большими, меньшими и совсѣмъ маленькими дѣтскими кроватками, за которыми, въ сосѣдней каморкѣ, видѣлись еще двѣ люльки съ близнецами, при свѣтѣ лампы, Хаимъ и Малка низко склонились головой надъ счетной книгой. Видимо, то была согласная супружеская пара. И Хаимъ и Малка въ одинъ голосъ повторяли различныя цифры: zehn, zwanzig, hundert и т. д. То былъ хриплый дуэтъ, но ни разу онъ не дошелъ до ноты tausend. Несмотря на заѣзжіи домъ и лавочку съ колониальными товарами, Циглеры обладали гораздо большимъ количествомъ дѣтскихъ кроватокъ и люлекъ, чѣмъ денегъ. Это, вѣроятно, было причиною и рѣзкихъ, свистящихъ звуковъ, прорывающихся въ ихъ голосъ, и безпокойнаго блеска ихъ глазъ. Должно быть, поэтому Хаимъ гнѣвнымъ движеніемъ опустил руку на счетную книгу и сказалъ:

— Я больше ждать не буду! Не стану я давать поблажки этой Обуховской. Если черезъ недѣлю она не отдастъ деньги...

— Почему черезъ недѣлю? Зачѣмъ черезъ недѣлю? Завтра! Завтра утромъ! — запальчиво залепетала Малка.

— Черезъ недѣлю! — повторилъ мужъ.

Малка тотчасъ же согласилась.

— Пусть будетъ такъ. Ну, черезъ недѣлю.

— Я подамъ въ судъ, а потомъ возьму ея домъ...

— Что это за домъ! Хата!

— Пусть будетъ хата! Я ее съ барышомъ перепродамъ кому-нибудь. Я и давно бы сдѣлалъ это, еслибъ не ея бѣдность.

Малка опять разгорячилась:

— Если она бѣдная, зачѣмъ она пьетъ чай и варить кашу изъ лучшей крупы... а потомъ платить не можетъ!

— Ты права, Малка,—въ свою очередь согласился съ ней мужъ.—Черезъ недѣлю я подамъ на нее въ судъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возьму ее домъ.

— И возьми, и возьми!—закончила Малка и снова оба наклонили головы надъ большой счетной книгой, на страницы которой, испещренные мелкими цифрами, не спускался ни одинъ мѣсячный лучъ.

Тѣмъ не менѣе, мѣсяцъ все выше поднимался на небѣ и его свѣтъ, косвенно задѣвая землю, казался скорѣе серебристымъ туманомъ, чѣмъ свѣтомъ. Въ этомъ серебристомъ, но еще неясномъ туманѣ тихо стояли высокія мальвы и георгины сада, на скамьѣ котораго сидѣлъ человѣкъ, неподвижный, какъ барельефъ, высѣченный на сѣромъ камнѣ. Только отъ времени до времени онъ дѣлалъ странное движеніе: его большая, крѣпко стиснутая рука отрывалась отъ колѣна, дѣлала въ воздухѣ угрожающее движеніе и опять, съ тяжестью камня, падала на прежнее мѣсто. Лицо его въ серебристомъ туманѣ казалось такимъ же сѣрымъ, какъ придорожные камни, а дюжинныя черты этого лица настолько заостренными, какъ будто ихъ наскоро, стремительно обтесалъ рѣзецъ какаго-нибудь искуснаго ваятеля. То былъ рѣзецъ смерти, которая вошла въ его маленькій домикъ и убила его сына. У плетня сада собралась толпа тихо перешептывающихся женщинъ.

— Онъ сидитъ здѣсь какъ пень съ самаго утра, никому слова сказать не хочетъ!

— Я ужъ не одинъ разъ ходила туда, просила его, убѣждала, напоминала про волю Божию,—а онъ хоть бы что! Точно оглохъ и онѣмѣлъ. Смотритъ въ землю и тяжело дышитъ, точно до смерти заколоченная собака.

— Потерять такого сына—не шутка! Онъ ужъ помощникомъ его былъ и другомъ... А все-таки, еслибъ онъ помолился, съ добрыми людьми поговорилъ...

— Можетъ быть, у него рѣчь отшибло?

— А можетъ быть и умъ?

— Смотрите, только, миленькіе, какъ онъ кулакомъ грозитъ!... Совсѣмъ сумасшедшій!

— А ксѣндзъ пробошъ, когда уходилъ отсюда, сказалъ: «бѣдъ съ этимъ человѣкомъ! Если онъ не заплачетъ, то можетъ сойти съ ума!» Онъ долго говорилъ съ нимъ о разныхъ священныхъ вещахъ, читалъ молитвы, но за нимъ прибѣжали ѣхать къ бо-

ному. Онъ ушелъ и только мнѣ одной сказалъ: «бѣда съ этимъ человекомъ! Если онъ не заплачетъ и не будетъ молиться, то можетъ сойти съ ума!»

А тотъ, о которомъ шептали женщины, все сидѣлъ, словно камень, и только отъ времени до времени грозилъ кому-то кулакомъ. Онъ не обращалъ вниманія ни на мѣсяцъ, ни на крестъ, который, поднимаясь надъ кровлями окружающихъ домовъ, все ярче и ярче разгарался при мѣсячномъ туманѣ.

На этотъ крестъ также не смотрѣла, хотя и могла видѣть его въ маленькое окошко, женщина, лежащая въ тѣсной комнаткѣ, на бѣдной постели. Лучъ мѣсяца падалъ на густыя черныя косы ея головы, утопающей въ подушкѣ и обращенной лицомъ къ грубымъ балкамъ потолка, среди котораго цѣлыми роями гнѣздились пауки и мухи. На ея исхудаломъ, паралитическомъ лицѣ, на ея крѣпко сжатыхъ губахъ, въ глазахъ, свѣтящихся угрюмымъ огнемъ, отражались сдержанная злоба и отчаяніе. Вотъ ужъ два года она лежитъ въ этой комнатѣ изъ милости, всегда одна, требующая чего-то и ничего не имѣющая. Жестокія тѣлесныя боли меньше донимаютъ ее, чѣмъ та грызущая горечь, которою переполнены ея уста и сердце. Можетъ ли это быть, чтобы ее до такой степени оставили и забыли всѣ, которыхъ она любила и которымъ служила? Гдѣ же тѣ, добро которыхъ она стерегла, желанія которыхъ исполняла, за которыми ухаживала во время болѣзни, утраты которыхъ оплакивала, какъ свои собственныя? Любимыя лица исчезли, какъ тѣни, развѣянныя вѣтромъ, дружба рассыпалась, какъ прахъ, вѣра и надежда исчезли изъ души. Часто болятъ ея бездѣятельныя ноги, но еще чаще болитъ одинокое и обманутое сердце. По цѣлымъ днямъ и ночамъ она лежитъ одна, порою голодаетъ, вспоминаетъ, тоскуетъ и думаетъ: «Неужели на свѣтѣ нѣтъ добрыхъ людей? Неужели на небѣ нѣтъ Бога?» И въ одну ночь, еще болѣе страшную, чѣмъ всѣ предшествующія, она отвѣтила себѣ: «должно быть, что нѣтъ!»—и съ этой ночи злоба, до сихъ поръ незнакомая ей, змѣинымъ жаломъ вонзается въ ея сердце, и проклятія, которыхъ до сихъ поръ въ ней не было ни слѣда, какъ огненные гады выползаютъ изъ ея горла. Хотя бы ее, по крайней мѣрѣ, окружала тишина и спокойствіе,—куда тамъ! Вотъ и теперь, у самыхъ ея дверей хозяйка этой хаты поднимаетъ какую-то адскую ссору съ своей нищей жилицей. Онѣ обѣ нищія. У Обуховской есть хата, но вся обремененная долгами, у жилицы—двое дѣтей, но кормить ихъ нечѣмъ. Вотъ онѣ вѣчно и попрекаютъ другъ друга. «Еслибъ у меня была собственная хата, чего бы мнѣ было

нужно?»—говорить одна. «Еслибъ у меня были дѣти, чего бы мнѣ было нужно?»—отвѣчаетъ другая. «Такъ кормите и одѣвайте моихъ дѣтей!» «А вы заплатите мои долги!» И повторяется буквально одна и та же перебранка, какъ и въ эту минуту. Боже! какъ онѣ кричатъ и какими оскорбительными словами, словно грязнымъ градомъ, осыпаютъ другъ друга! И все это нужно слушать...

Въ головѣ, которая все глубже погружалась въ подушку, промелькнуло проклятіе, которое тихо повторили запекшіяся губы. А потомъ въ ней зародился вопросъ:

— Неужели на свѣтѣ нѣтъ добрыхъ людей? Неужели на небѣ нѣтъ Бога?

А угрюмая и смутная мысль, подавляющая, какъ тяжелая свинцовая туча, отвѣтила:

— Должно быть, что нѣтъ!

Эта мысль заслонила передъ больной очертанія креста, перерывающаго серебристый туманъ мѣсяца.

Мѣсяцъ показался изъ-за черной стѣны костѣла и медленно поплылъ къ вершинѣ его стройной башни. У церковной ограды, то исчезая въ тѣни деревьевъ, то выползая на освѣщенное мѣсто, мелькала очень маленькая и очень оригинальная фигура. Что это, карликъ, съ уродливо разросшимся туловищемъ, или горбунъ, ноги котораго съ трудомъ носятъ его тѣло? То былъ ребенокъ, съ огромнымъ мѣшкомъ картофеля на плечахъ. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ таща свою ношу, онъ скорѣе ползъ, чѣмъ шелъ, смотря себѣ подъ ноги и низко наклонивъ голову. Отъ времени до времени онъ тихо стоналъ и еще ниже склонялъ голову къ рукаву рубашки, которымъ отиралъ съ лица не то потъ, не то слезы. Ничтожное насекомое, несущее въ свое гнѣздо тяжесть, превышающую его тяжесть, маленькій Авель, на котораго какой-то Каинъ навалилъ непосильную ношу, — символъ человѣчества, подавленнаго бременемъ своей доли! Все болѣе и болѣе напрягая силы, все ниже и ниже склоняясь къ землѣ, ребенокъ, съ мѣшкомъ картофеля на плечахъ, переползъ открытое пространство рынка и какъ человѣкъ, подавленный бременемъ своей доли, пропадаетъ въ разверстой пасти гроба такъ и онъ исчезъ въ узкой и темной улицѣ.

Въ это время мѣсяцъ уже окружилъ вершину башни и съ зени та неба лилъ на землю потоки яснаго, чистаго, серебристаго, сладкаго сіянія.

Мѣсяцъ разостлалъ свой серебряный коверъ и серебристымъ каплями обрызгалъ темные углы гостиной заѣзжаго двора Мендел

Шапира, но ни однимъ лучомъ не коснулся женщины, которая лежала на желтомъ диванѣ съ лицомъ, скрытымъ въ подушки. Окутанная тѣнью, неподвижная, она погрузилась или въ сонъ, или въ такую бездну задумчивости, куда не проникають ни лучи свѣта, ни отголоски міра.

Но изъ міра, издали, до ея ушей все-таки долетѣлъ звукъ почтового колокольчика, сначала слабый, потомъ все болѣе и болѣе явственный. Кто-то ѣдетъ, по той же самой дорогѣ, бѣгущей по широкимъ полямъ, по которой и она ѣхала, но какое ей дѣло и до этого и до всего на свѣтѣ? Вдругъ ея сердце точно остріемъ стилета кольнула самая неожиданная мысль.

— Можетъ быть, это онъ...

Послѣднее слово этой мысли утонуло въ короткомъ, ироническомъ смѣхѣ, который, въ свою очередь, заглушила чудовищная роза, вышитая на старой подушкѣ. Эта иронія служила отвѣтомъ сердцу, которое могло отважиться на такую глупую, безумную надежду. Онъ ѣдетъ сюда? Зачѣмъ? Въ погоню за нимъ? Для этого нужно чудо.

Голосъ колокольчика становился все сильнѣй, приближался. Женщина подняла голову подъ вліяніемъ слабого, но неотразимаго шепота самой безумной изо-всѣхъ надеждъ.

— Можетъ быть...

А иронія снова засмѣялась прямо въ лицо надежды:

— Ананасы! Райскія птицы! поющія деревья и живая вода! Вздоръ! Онъ за тобою, сюда...

Звонъ колокольчика сдѣлался почти пронзительнымъ и оборвался у крыльца заѣзжаго дома Менделя Шапира. Женщина стремительнымъ движеніемъ вскочила съ дивана.

— Здѣсь!...

То былъ крикъ надежды, но иронія подавила его вопросомъ:

— Что такое? Что здѣсь, рай небесный, что ли? Опомнись! Это просто заѣзжій домъ! Нѣтъ, нѣтъ! Чьи-то шаги въ сѣняхъ... и голосъ! Чей? Боже! Его голосъ! Онъ произноситъ ея имя, спрашиваетъ о ней! Чудо совершилось!

Брѣвко сжимая край стола своими изящными руками, она вытиснула подъ мѣсячный лучъ свое лицо изъ окружающей ея тѣни.

— Вы... здѣсь?

Она сказала это, какъ человѣкъ, который видитъ, но глазами своимъ не вѣритъ. Однако, это была правда. Онъ быстро пошелъ къ ней по серебряному ковру, разостланному на полу, и схватилъ ея руку.

— Вы здѣсь? какимъ образомъ? зачѣмъ?

— Какимъ образомъ? Зачѣмъ?—повторилъ онъ голосомъ, который она никогда не надѣялась слышать больше, и засмѣялся смѣхомъ, за серебряные звуки котораго она съ радостью бы отдала встрѣчающія ее повсюду громкія рукоплесканія. Онъ сѣлъ и заговорилъ весело, свободно, съ радостью въ голосъ:

— Васъ удивляетъ, что я пріѣхалъ сюда? Чему вы удивляетесь? Это такъ просто! Я не нашелъ васъ тамъ, гдѣ оставилъ, и пустился въ погоню за бѣглянкой. Разспрашивая, допытываясь, я уѣхалъ бы далеко за границы міра, да и такъ, кажется, достигъ его конца. Но багажъ, который я везу съ собой, это—гнѣвъ, огорченіе, упреки...

Говоря о гнѣвѣ и упрекахъ, онъ мягко взялъ ея руку и прижалъ къ своимъ губамъ. Въ его низкомъ наклоненіи головы виднѣлось почтеніе, въ долгомъ поцѣлуѣ горячихъ устъ—любовь. Она почувствовала и то, и другое и, увидшая отъ пережитыхъ страданій, вновь расцвѣла румянцемъ и улыбкой, но, еще не опамятавшись отъ неожиданнаго перелома судьбы, сказала:

— Гнѣвъ! упреки! За что?

— За страшное безпокойство, за разочарованіе, за тоску, за горе...

— За чье горе?

— Вы не понимаете? не догадываетесь? не знаете?

— Догадки и предположенія и безъ того мучили меня въ теченіе всѣхъ дней долгихъ мѣсяцевъ и въ теченіе всѣхъ минутъ долгихъ дней...

— И меня также...—перебилъ онъ.

— Вы, значить, не сознавали этого?

— Утромъ я сознавалъ, а вечеромъ сомнѣвался. Каждая минута приносила мнѣ вопросъ: «возможно ли это?» а другая разъ отвѣчала: «это такъ и есть!» а десять разъ: «этого быть не можетъ!»

— И мои минуты вели между собой такую же бесѣду.

— Вы такъ знамениты!... а я—изъ роя насѣкомыхъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга.

— А вы стоите на такой высотѣ... я же—изъ стаи птицъ, которыхъ съ охотою слушаютъ, но съ которыми въ парѣ летѣть долго никто не захочетъ, можетъ быть потому, что полетъ ихъ чересчуръ возвышенъ...

— Я молчалъ потому, что думалъ: я не достоинъ! Въ моемъ смиреніи крылась гордость.

— А я думала, что меня не любить. Я тоже молчала. Я ждала слова.

— И никогда, никогда, въ теченіе этихъ долгихъ, дорогихъ, незабвенныхъ нашихъ бесѣдъ это слово не сорвалось ни съ вашихъ устъ, ни съ моихъ...

— И никогда, въ теченіе этихъ долгихъ, чудныхъ, драгоценнѣйшихъ годовъ, которые мы провели вмѣстѣ, не было минуты, когда бы «сердце говорило сердцу»...

— Поэтому вы и уѣхали... исчезли?

— О, нѣтъ! исчезъ—это мое слово! Это я съ утра до ночи повторяю въ теченіе многихъ дней: «исчезъ!» Когда вы поѣхали въ свои родные края и такъ безконечно долго не возвращались... что-жъ удивительнаго? драгоценнѣйшій брилліантъ этого высокаго гнѣзда! Прилетѣла вѣсть, что въ кольцо вашей жизни должна быть вскорѣ вставлена жемчужина...

— И вы повѣрили?

— Повѣрила. Развѣ это не правда?

— Правда, что на меня нашла минута сомнѣнія и сердечной муки, когда я сказалъ себѣ: довольно! нужно крѣпко схватиться за остріе, все глубже и глубже проникающее въ сердце, и вырвать его... Стану искать кого-нибудь другого, забуду прошлое. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, но острія я не вырвалъ, и ничего не забылъ. Я возвратился назадъ и то мѣсто, на которомъ оставилъ все дорогое, желанное, нашелъ пустымъ. Уѣхала! убѣжала! Еслибъ у меня были крылья, я полетѣлъ бы, но у меня, бѣднаго человѣка, крыльевъ не было, и я, ослѣпленный страхомъ, поспѣшно растаптывая встрѣчныхъ людей, ввалился въ вагонъ и полетѣлъ на крыльяхъ пара.

— А жемчужина?—несмѣло спросила женщина.

— Я оставилъ, чтобъ ее вставили въ кольцо жизни рядомъ съ брилліантомъ, болѣе дорогимъ, чѣмъ я.

— Да-а,—протяжно проговорила женщина.—Такъ вотъ что, а я думала...

Она вся застыла въ окутывающей ее тѣни и тихо закончила:

— ...Что та нить, на которой я основывала всю свою жизнь, та только паутина.

— И поэтому вы бросили все и собрались въ такое странное гешествіе! О, какъ вы мало добры, какъ недоувѣрчивы! Какъ малы придаете значенія своему очарованію и какъ легко довѣряете чужимъ нелѣпымъ слухамъ! Уѣхать! И куда же? Въ эту пустыча конецъ свѣта, въ этотъ безлюдный, скверный уголокъ!... Хо-

рошо это? Могутъ это позволять себѣ дѣлать люди, которыхъ мѣръ такъ цѣнить, а прежде всего такіе добрые... добрые...

Онъ осыпалъ ея руки поцѣлуями, а потомъ, оглядываясь вокругъ, весело воскликнулъ:

— Но этотъ уголокъ вовсе не такъ гадокъ! Напротивъ, это со-всѣмъ очарованное мѣсто! Его, должно быть, украшаетъ какая-нибудь добрая фея.

Добрая фея—это былъ мѣсяцъ, который заливалъ всю комнату своимъ сказочно-прозрачнымъ и яснымъ свѣтомъ и превращалъ всѣ грязныя пятна въ волшебныя украшенія. Полъ былъ устланъ ковромъ, сплетеннымъ изъ блѣдно-золотистыхъ ячеекъ, по стѣнамъ, какъ легкіе и игривые гномы, прыгали непосѣдливые огоньки и кружки, у порога пучки соломы горѣли, какъ слитки драгоценныхъ металловъ, выброшенные изъ баснословной сокровищницы, въ разбитомъ колпаѣ старой лампы пылалъ цѣлый костеръ разноцвѣтныхъ огней, а отъ его дрожащаго свѣта ожили лепестки бумажныхъ цвѣтовъ и также загорѣлись огненной желтизной и, казалось, точно дрожали подъ дуновеніемъ благоуханнаго вѣтра... Да, да, благоуханнаго, потому что въ окно, вмѣстѣ съ охлажденнымъ дыханіемъ вечера, врвался все болѣе и болѣе усиливающийся запахъ резеды. Доброй волшебницей, скрашивающей въ эту минуту неприглядную комнату, была и та необъятная радость, которая заливала его прекрасное, напоенное кипяткомъ жизни, лицо, которое любило смѣяться и не хотѣло страдать. Онъ нашелъ то, что считалъ пропавшимъ, хотѣлъ вновь связать то, что считалъ порваннымъ, и радость вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ окружили его ореоломъ съ бою взятаго рая. Но съ нею было не то. Больше, чѣмъ онъ, охваченная холодомъ жизни, она не такъ легко оттаивала при лучахъ восходящаго солнца, жестокое страданіе глубже вросло въ нее и первая минута счастья не могла вырвать его изъ ея души. И въ ея голосѣ не было улыбки, когда она заговорила изъ мрака, окутывающаго ее:

— Вы говорите: «въ такое странное путешествіе!» А это было единственное путешествіе, которое я могла предпринять. Вы знаете, что предо мною открыты всѣ дороги. Для птицы, которая высоко летаетъ и звонко поетъ, на всѣхъ дорогахъ нѣтъ недостатка въ кормѣ, всѣ ворота открыты. Но я не хотѣла уже ничего и ничего, кромѣ свободы для своихъ устъ, которыя болѣли отъ вынужденныхъ улыбокъ, и свободы для своего взгляда, который, смотря на жизнь, становился сѣрымъ и скучнымъ, по-

тому что и вся жизнь стала сѣрою и скучною съ той поры, когда вы исчезли изъ моего взгляда...

— Вы...—съ упрекомъ прошепталъ онъ.

— Это мѣстоименіе такъ долго стояло между нами, что сразу... я не могу... Я ѣхала туда, чтобъ какъ можно больше молчать и какъ можно меньше видѣть жизнь; клянусь Богомъ, я столько времени провела съ вами въ вашемъ кипятѣ, такъ страшно привыкла говорить себѣ обо всемъ видѣнномъ: это я покажу ему! обо всемъ слышанномъ: это я повторю ему! обо всемъ, непосильномъ для меня: это я сдѣлаю для него! обо всемъ отрадномъ: этимъ я подѣлюсь съ нимъ! о каждой пѣснѣ: это я спою ему! что... когда васъ не стало, я и сама не знала, что мнѣ дѣлать съ землею и небомъ, съ самою собою, съ своимъ сердцемъ, своею мыслью и пѣсней. Ахъ, зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ, что то была только репетиція разлуки навсегда? Я не говорила бы себѣ: больше никогда! Порою, въ мысли, я дѣлала тебѣ упреки: такъ войти въ чью-то жизнь, занять въ ней такое мѣсто и—исчезнуть! Такъ овладѣть чѣмъ-то взглядомъ, слухомъ, памятью, надеждою и—исчезнуть! Сдѣлать такъ, чтобъ кому-то уже ничего на свѣтѣ не могло понравиться, ничего бы не могло стать милымъ—и исчезнуть!... О, Боже! конечно, мнѣ не слѣдовало бы говорить это, но въ гробовомъ молчаніи во мнѣ такъ много накупѣло... а къ тому же ты пріѣхалъ ко мнѣ... за мною... возвратился... и я скажу! Ты былъ свѣтомъ моихъ очей, очарованіемъ сердца, улыбкой устъ, прелестью жизни, которую я перестала понимать безъ тебя. Ты былъ цѣлью, къ которой стремились мои мысли и мои часы, силою пѣсни, когда я пѣла, зарею радости, когда я привѣтствовала нарождающійся день, и послѣднимъ образомъ, который оставался въ моихъ глазахъ, когда я смыкала ихъ, отходя ко сну и зная, что онъ навѣтъ на меня свидѣнія о тебѣ! И вдругъ—нѣтъ тебя! Нигдѣ нѣтъ! Ты—сонъ, который окончился,—стихъ, который отзвучалъ,—миражъ, который пересѣкъ мою дорогу, для того, чтобы тотчасъ же разсѣяться и горькимъ прахомъ воспоминаній пасть на песокъ пустыни! Что дѣлать? Умереть? Ты знаешь, я вѣрю въ Бога, который далъ жизнь, зачѣмъ Онъ далъ ее? Спорить съ Нимъ не станешь! И, кромѣ того у меня мать, сестры... въ особенности мать. Такъ значить ты? Хорошо, но только тамъ, гдѣ дозволяется молчать, не улыбаясь, какъ можно меньше видѣть жизнь. Я и ѣхала въ родной мѣстечекъ, пустой, почти никому неизвѣстный, счастливая тѣмъ, что тамъ есть хоть это пристанище для сердца и мысли, которыя ни-

чего не могли чувствовать и сознавать, кромѣ трехъ короткихъ словъ: нѣтъ его! исчезъ!

Окутанная мракомъ, она разразилась громкимъ рыданіемъ, а онъ съ безграничною радостью заговорилъ:

— Я здѣсь, я здѣсь, возлѣ тебя! Усмири свое сердце, которое не можетъ перестать плакать. Можетъ ли быть? Можетъ ли быть, чтобы такъ... такъ сильно... въ самыхъ дерзкихъ своихъ мечтаніяхъ я не смѣлъ думать, чтобы такъ... О, безумный! Я сомнѣвался... я чуть было не впалъ въ окончательное отчаяніе. Въ моей гордости, въ робости передъ твоею чистотой чуть было не утонуло наше счастье! Да будетъ благословенна минута, когда я пустился въ погоню за тобою!

— Да будетъ благословенна каждая минута, которая приближала тебя ко мнѣ!

Потомъ онъ началъ умолять:

— Встань и выйди на свѣтъ. Ты погружена въ тѣнь и я не ясно вижу тебя. Такъ ли это, или отъ луннаго блеска ты кажешься мнѣ такою худою и блѣдною? Я никогда, никогда не уйду отъ тебя, чтобы цвѣтокъ мой не увялъ. Я такъ давно не видѣлъ тебя и не слышалъ твоего пѣнія. А твое пѣніе—это крылья, на которыхъ я взлеталъ надъ самимъ собою, чистый источникъ, вблизи котораго я чувствовалъ, что сердце мое становится лучшимъ, а душа болѣе здоровою. Можетъ быть, ты споешь мнѣ? То, что мнѣ нравится больше всего, знаешь? Помнишь? Пой!

— Хорошо,—отвѣтила она,—во мнѣ цѣлое море звуковъ и я хочу благодарить ими Бога, за то, что Онъ отдалъ мнѣ тебя, что ты не исчезъ!

Съ моремъ благодарственныхъ звуковъ въ груди и опираясь рукою на его руку, утопающая въ идилии мѣсячныхъ лучей, благоуханія резеды и своей счастливой любви, пошла она по направлению къ окну, въ которомъ видѣлся чистый и сіяющій сводъ небесъ.

Вдругъ надъ ея головой раздался грубый, хриплый голосъ:

— Можетъ, самоваръ принести?

Она испуганно подняла голову съ подушки. Какъ разъ надъ нею стояла Гитля въ короткой юбкѣ и дырявомъ кафтанѣ и, теребя руками конецъ длинной косы, повторила:

— Можетъ, самоваръ принести?

Съ ужасомъ, возрастающимъ съ каждой минутой, почти обезумѣвшая, она крикнула:

— Не хочу! Благодарю! Мнѣ ничего не нужно!

Дѣвчонка ушла, комната опустѣла. Въ ней остался лунный свѣтъ, благоуханіе резеды, пучки соломѣ, сверкающіе словно слитки серебра и золота,—но никакого другого человѣка не было.

Пріѣзжая спала и ей приснился сонъ.

А въ дѣйствительности оказалось то, что онъ исчезъ. Прекрасный, блестящій, краснорѣчивый и, конечно, веселый, онъ живетъ гдѣ-нибудь, но только не для нея. Люди умираютъ не только тѣлесной смертью, но и многими другими способами. Онъ живетъ гдѣ-то,—и конечно, счастливъ,—но для нея онъ умеръ и лишь съ того свѣта явился сказать ей: пой! Онъ страстно любилъ ея пѣніе и это, конечно, было главною причиною ея заблужденія, когда она мечтала о томъ, что онъ больше всего на свѣтѣ любитъ ее самою. Ея пѣніе было для нея неисчерпаемымъ сокровищемъ, путеводною звѣздой, которую Богъ возжегъ надъ ея головою, панциремъ, которымъ Онъ облекъ ея слабое сердце. Но когда онъ удался, она думала, что всѣ звуки и паренія, вдохновеніе и восторги также улетѣли отъ нея навсегда. Подъ гнетомъ великаго горя, которое, какъ каменное изваяніе саркофага налегло на ея сердце, въ ней все утихло, какъ въ пустомъ саркофагѣ. Ни эха какой-нибудь пѣсни, ни желанія вызвать его изъ душевной пустоты, для пустоты свѣта. И вдругъ онъ явился во снѣ и сказалъ: пой! и его просьба,—хотя это былъ только сонъ,—воскресила въ ея душѣ то, что она считала умершимъ. Она встала, и съ руками, повисшими вдоль платья, какъ лунатикъ, направилась къ окну, къ серебряному лунному щиту. Зачѣмъ Богъ, отнимая въ дѣйствительности самую лучшую усладу жизни, вновь показываетъ ее въ мимолетномъ снѣ? Можетъ быть, для того, чтобы мечъ, наточенный мечтою, побуждалъ пѣвцовъ къ тому, чтобы они пѣли громче.

Она стала у окна, окинула глазами небо и землю, крѣпко стиснула опущенныя руки и изъ ея груди вырвалась гигантская волна звуковъ. Пѣсня, словно красная, кипучая кровь, брызнула изъ ея сердечной раны, на которую не изливалась ни одна капля животворнаго бальзама. То былъ крикъ, но заключенный въ форму игокой красоты и каскадами своихъ звуковъ возвѣщающій міру наивысшую истину міра, которая именуется страданіемъ. Ибо : можетъ быть заблужденіемъ, мечтою, только оно—дѣйствительность, все можетъ обмануть, только оно одно не обманетъ, все пройдетъ, только оно существуетъ вѣчно, все имѣетъ свое мѣсто и время, только оно одно вездѣсуще. Пѣвица, рассказывая объ этихъ страданіяхъ, рассказывала и о самой себѣ; ея чистый, могучій

голосъ разливалъ въ серебряномъ воздухѣ всеобъемлющій трагизмъ существованія. Отъ него вѣяло угрозой и страданіемъ; изъ серебристыхъ пространствъ, среди которыхъ онъ взывалъ, безумствовалъ, предавался отчаянію, онъ глубокими тонами смерти падалъ на землю и извивался на ней, какъ на страдальческомъ ложѣ.

А на землѣ, на этой убогой юдоли, Рухля, которая бѣгала по комнатамъ и вела съ мужемъ ожесточенную борьбу, вдругъ остановилась и шепнула:

— Что это такое?

Мендель Шапиръ собирался было переступить порогъ комнаты, но тоже остановился и переспросилъ:

— Что это такое?

Съ минуту они слушали, потомъ Рухля тихо шепнула:

— Пойдемъ на крыльцо, Мендель, оттуда лучше слушать.

О, чудо! Рухля говоритъ такъ тихо и мягко! Они пошли на крыльцо, но въ темныхъ сѣняхъ, у закрытыхъ дверей гостиной что-то зашелестѣло и припало къ землѣ. То была Гитля, но ни Мендель, ни Рухля не замѣтили ее.

Мендель покачалъ головой.

— Такъ это она такъ поетъ!

— Хорошо поетъ! — шепнула Рухля и потомъ прибавила: — Вотъ счастливая! Такіе брилліанты и такія пѣсни!

Ея толстыя плечи подъ грязнымъ кафтаномъ задрожали, жирное лицо тоже дрогнуло. Она подняла глаза къ небу и тихо сказала:

— Видишь, Мендель, какой хорошій мѣсяцъ?

Мендель и безъ нея увидалъ мѣсяцъ и, несмотря на свою обычную вертлявость, стоялъ какъ окаменѣлый и слушалъ пѣніе.

А въ другомъ домѣ солидный Хаимъ Циглеръ и жена его, Малка, также подняли головы, склоненныя надъ большой счетной книгой, а такъ какъ они были согласными супругами, то также согласны и въ одно время произнесли:

— Кто-то очень хорошо поетъ!

Они хотѣли было считать дальше, но что-то имъ мѣшало, путало ихъ мысли и цифры. Они встали и вмѣстѣ вышли на крыльцо дома. Черезъ минуту Малка сказала:

— Я знаю, кто это такой, распросила. Это какая-то большая пѣвица, которой люди платятъ большія деньги за ея пѣніе. Такъ чудесно пѣть и еще за это получать большія деньги! Вотъ счастливая!

— А отчего она такъ грустно поетъ, коли она счастлива?— спросилъ Хаймъ.

Малка вздохнула.

— Меня это пѣніе трогаетъ за самое сердце!

— А мнѣ кажется, что оно достигаетъ до самаго неба. Малка, видишь какъ хорошо свѣтитъ мѣсяцъ.

Пѣніе вдругъ прекратилось; никто изъ слушателей не зналъ, что перерѣзало этотъ голосъ, какъ мечъ перерѣзываетъ тонкую нитку. То было рыданіе, — сердечный вопль, который заставилъ лицо пѣвицы низко склониться на руки. Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ она снова подняла его, все залитое ручьями слезъ.

Но, должно быть, въ этихъ слезахъ таяло ея сердце, до сихъ поръ стиснутое тяжелой скорбью, потому что когда пѣніе раздалось вновь, изъ голоса пѣвицы исчезъ трагизмъ мщенія и смѣнился широкою пѣсней лиры безконечно грустной, съ сотнею гибкихъ струнъ. Съ лицомъ, залитымъ слезами, въ которыхъ отражался мѣсяцъ, славная артистка и несчастная женщина пѣла о своемъ завѣтномъ снѣ, который далеко унесла коварная волна, о волшебномъ замкѣ, который обратился въ развалины, о миражѣ, который пересѣкъ дорогу ея жизни и тотчасъ же разсѣялся, о своемъ сердцѣ, которое долго колебалось на нитѣ паутины, оборвалось и теперь въ безбрежно-грустной пѣсни скорбѣло, что это была только паутина. Широкая и скорбная пѣснь слагалась не такъ, какъ прежде, изъ бурныхъ каскадовъ и отчаянныхъ криковъ, но изъ длинныхъ музыкальныхъ фразъ, изъ безконечныхъ соловьиныхъ трелей, изъ вопросовъ, обращенныхъ къ небу, изъ вздоховъ, улетающихъ въ пространство. Эта пѣсня текла рѣкой, въ которой отражался блескъ рая и сіяніе крыльевъ архангеловъ, стоящихъ на стражѣ у его воротъ. Архангелъ отгонялъ отъ замкнутыхъ воротъ бѣдное и слабое человѣческое сердце изъ котораго гений искусства извлекалъ пѣсню, полную тоски и горя, и пѣсня эта плыла надъ рынкомъ мѣстечка.

Рынокъ теперь былъ окруженъ вѣнцомъ красноватыхъ огоньковъ, вспыхнувшихъ въ окнахъ низенькихъ домиковъ. При серебряномъ свѣтѣ мѣсяца они казались сотнею мигающихъ заплаканныхъ, внимательныхъ глазъ, и эти глаза все болѣе и болѣе краснели отъ слезъ, которыми была преисполнена пѣснь. Такъ же внимательно къ ней прислушивались люди, высыпавшіе на крыльца и въ окна, неподвижные и темные на ясномъ фонѣ. Что-то взволнованно муравейникъ и выгоняло на вольное пространство изъ плотно

замкнутыхъ домовъ живущія въ немъ существа. А дальше, въ концѣ уединенной улицы, съ лицами, обращенными къ мѣсяцу, прямые и неподвижные, къ этой пѣснѣ прислушивались мальвы и георгины сада, въ которомъ сидѣлъ человѣкъ съ лицомъ, напоминающимъ барельефъ, высѣченный на сѣромъ камнѣ. Этотъ человѣкъ не сразу услышалъ пѣснь, но мало-по-малу началъ прислушиваться къ ней и черезъ нѣсколько минутъ закрылъ рукавомъ одежды лицо съ чертами, заостренными рѣзцомъ несчастія, и, какъ самый простой мужикъ, разразился горькими рыданіями.

Въ первый разъ онъ заплакалъ надъ блѣдной головой сына, который спокойно лежалъ въ гробу, и вмѣстѣ съ тѣмъ его глаза, устремленные вверхъ, встрѣтили темныя очертанія креста, который, возвышаясь надъ кровлями домовъ, вырисовывался на безоблачномъ небѣ.

Онъ смотрѣлъ на крестъ и слушалъ пѣсню, а женщины, стоящія вблизи и окутанныя тѣнью, падающею отъ деревьевъ, шепнули:

— Слава Богу! Заплакалъ! Теперь не сойдетъ съ ума!

Одна изъ женщинъ замѣтила:

— Это отъ пѣнія. Такое пѣніе все равно, что царская власть, — что хочешь, то и сдѣлаешь съ людьми. Вотъ счастливая!

И скорбныя уста парализованной женщины, лежащей на убогой постели въ тѣсной комнатѣ, также шептали:

— Счастливая!

Она немного больше, чѣмъ жители мѣстечка, была знакома со свѣтомъ, знала, чѣмъ были люди, владѣющіе пѣснью, шествующіе по жизненному пути подъ триумфальными арками, подъ аккомпаниментомъ рукоплесканій и дождемъ цвѣтовъ. Вѣроятно, она молода, — въ ея голосѣ такая свѣжесть и сила, — богата, знаменита... какъ она счастлива! Но, однако, почему она такъ грустно поетъ? Ея пѣніе убаюкиваетъ израненную душу, какъ мать убаюкиваетъ больного ребенка, и на своихъ звукахъ, какъ на любящихъ рукахъ, поднимаетъ ее все выше и выше...

Больная женщина свои глаза, давно горящіе гнѣвомъ и отчаяніемъ, поднимала все выше и выше и... какъ долго она не видала его! — встрѣтилась съ прямыми линіями креста, вырисовывающимися на безоблачномъ небѣ.

Въ это время пѣсня снова замолкла, вѣрнѣе — оборвалась на половинѣ тона. Въ серебристомъ воздухѣ воцарилась полная тишина. На крыльцахъ домиковъ тихо стояли темныя фигуры людей и только красноватые огоньки, окружающіе рынокъ, казалось зывали своимъ миганьемъ:

— Пой еще! Пой!

Пѣвица молчала. На половинѣ тона она подняла глаза вверх и увидала крестъ. Она долго молчала, думала; взгляды ея устремлялись все выше и выше, къ той точкѣ пространства, къ той границѣ, за которой человѣческій глазъ уже ничего не можетъ видѣть.

Туда, къ невѣдомому центру міра и непостижимому первоначалу его стремлений, къ той наивысшей скрижали закона, на которой длинные ряды вѣковъ и погребеній кровавыми буквами начертали покорныя, какъ немощь, слова: *да будетъ воля Твоя!*—она стремилась своею такою бѣдной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такою богатой душой. И когда она заплѣла снова,—въ серебристомъ воздухѣ зазвучала мольба, которая, казалось, охватываетъ всю ширь земли съ ея необъятнымъ страданіемъ и небо со всѣмъ величіемъ его бездонной глубины.

Тогда она почувствовала, что къ ея платью прикасаются чьи-то руки, а къ ея колѣнамъ склоняется чья-то голова. Она посмотрѣла внизъ и увидала какую-то маленькую фигурку, склонившуюся къ ея ногамъ. То была Гитля, которая тихо проскользнула въ гостиную и, какъ пугливый котенокъ, пробираясь вдоль стѣны, подползла къ ногамъ пѣвицы. Пѣвица посмотрѣла на нее и опустила свою бѣлую руку на чернокудрую голову дѣвочки. Ея изумрудное кольцо блеснуло, какъ зеленый огонекъ. Спустя минуту, съ земли къ небу раздалась еще болѣе могучая мольба объ исцѣленіи всѣхъ ранъ, о прощеніи всѣхъ прегрѣшеній, о просвѣщеніи темныхъ, о надеждѣ для отчаявшихся, о защитѣ угнетенныхъ и... о возможности жить и пѣть тѣмъ, уста которыхъ гнушаются произносимыми словами, болятъ отъ вынужденныхъ улыбокъ...

А на крыльцѣ Рухля тихо говорила своему мужу:

— Мендель, мнѣ хочется помириться съ тобой. Какъ можно грызться, когда міръ такъ хорошъ и когда на немъ есть такое хорошее пѣніе!

Мендель, съ нервно подергивающимся лицомъ, посмотрѣлъ на жену и удивился: глаза, которыми она глядѣла на него, снова стали такими же сафировыми, какъ будто ей было двадцать лѣтъ.

И солидный Хаимъ Циглеръ тоже сказалъ своей женѣ:

— Малка, а можетъ быть Обуховской дать не недѣлю, а мѣсяцъ сроку?

— Подожди два мѣсяца, Хаимъ, — отвѣтила Малка, а такъ какъ это была согласная чета, то они одновременно посмотрѣли на небо и въ одинъ голосъ шепнули:

— Великъ Господь Богъ!

Пѣвицѣ показалось, что подъ ладонью, покоящейся на волосахъ колѣнопреклоненной дѣвочки, она чувствуетъ бѣненіе ея сердца. Она опустила глаза внизъ. Что это? Что за метаморфоза? Гитля, все время стоявшая на колѣнахъ, выпрямилась, повернула лицо подъ лучъ мѣсячнаго свѣта и, съ райскимъ блаженствомъ въ глазахъ, съ восторженной улыбкой коралловыхъ губъ, казалась олицетвореніемъ духа экстаза, вселившагося въ прелестную дѣвочку. Пѣвица свела глаза съ лица своей слушательницы и осмотрѣлась вокругъ. На крыльцахъ домиковъ толпились темныя, нѣмыя, внимательно слушающія фигуры, а свѣтящіяся окна мигаютъ, точно хотятъ сказать:

— Пой! Пой еще!

И она запѣла. Ее охватило то чувство сознанія своей власти надъ человѣческими душами, которое художниковъ слова и звука изъ юдоли горя возноситъ на вершины, до сихъ поръ недоступныя для нихъ. Въ несчастной женщинѣ проснулась великая артистка и заиграла на нотахъ отваги и стойкости. Геній искусства схватилъ ея израненное сердце, безъ ея вѣдома окрылилъ его, и, распустивъ эти крылья, она вознеслась надъ своими слезами и страданіями, въ серебристое пространство, высоко паря надъ темнымъ муравейникомъ и разливая съ высоты пѣснь утѣшенія и силы.

Въ тѣсной и темной улицѣ, похожей на черную пасть гроба, прислонившись утомленными плечами къ полусгнившему плетню, сидѣлъ бѣдный ребенокъ, который только что свалилъ съ себя огромный мѣшокъ картофеля и подносилъ кусокъ чернаго хлѣба къ своимъ блѣднымъ губамъ. И вдругъ на его маленькомъ лицѣ расплѣлась рѣдкая гостья — улыбка. Онъ уже не ѣлъ хлѣбъ, хотя былъ голоденъ. Онъ все удивлялся, хотя и самъ не зналъ, чему удивляется. Такъ свѣтло на свѣтѣ, кто-то такъ громко поетъ, а высоко надъ сосѣдними кровлями виднѣется крестъ и горитъ, какъ серебряный. Маленькій символъ человѣчества, который на время сбросилъ съ своихъ плечъ непосильную ношу, пересталъ на время чувствовать, что плечи его болятъ, прислонился спиною къ полусгнившему плетню, поднялъ свое блѣдное лицо, по которому блуждалъ лучъ мѣсяца, улыбнулся и сталъ прислушиваться къ пѣснѣ.

А пѣвица пѣла...

В. Л.

ОТДЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Изъ недавняго прошлаго).

I.

„Не печитесь объ утрей, утренній бо собою
печется—довлѣтъ днѣи злоба его—не при-
мѣнимо къ современной жизни“.

Изъ одного дневника.

Я не стану вамъ рассказывать, кто авторъ дневника, изъ котораго взятъ вышеприведенный эпиграфъ, но скажу, что я совершенно съ нимъ согласенъ. Особенно ясно и глубоко я почувствовалъ истину этого положенія въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній вечеръ, когда лучи заходящаго солнца, проникая сквозь зеленую сѣть плюща, оплетаваша мою террасу съ колоннами, мягко освѣщали кипящій самоваръ, чайный сервизъ, серебряную корзинку съ хлѣбомъ и моего хорошаго знакомаго, Эраста Антоновича Морошкина, который, попробовавъ малиноваго варенья, сказалъ мнѣ, расправляя длинными пальцами свои черные усы:

— Вы покупаете варенье у Блинова?

— Да, у Блинова,—отвѣчалъ я съ легкимъ замираніемъ сердца,—я чувалъ, что подъ этимъ простымъ, повидимому, вопросомъ шевелится если не змѣя, то змѣенышъ,—и затѣмъ со всевозможнымъ равнодушіемъ прибавилъ: — А что? Плохое?

— Нѣтъ, вовсе не плохое,—отвѣчалъ Эрастъ Антоновичъ,—де домашняго приготвленія.

— А, разумѣется, — сказалъ я. — Съ домашнимъ приготвлѣнъ столько возни, что я довольствуюсь покупнымъ.

— Вы незапасливы.

— О, нѣтъ...

- Все это сводится къ той же безалаберности русскаго чело-
о которой мы только что съ вами толковали.

(Толки были именно прерваны вышеписаннымъ замѣчаніемъ моего собесѣдника о вареньѣ.)

— Пожалуй, что и такъ. Не хотите ли сливокъ?

— Благодарю, позвольте.

По тому, какъ этотъ человѣкъ болтаетъ чайной ложкой въ молочникѣ, я вижу, что у него готово другое непріятное замѣчаніе.

Такъ и есть!

— Сливки покупаете у Варварихи?

— У Варварихи, но я за ней строго наблюдаю и...

— А будь вы позапасливѣе, вѣдь вы бы могли давнымъ-давно имѣть свою корову!

Мучительное сознаніе, что дѣйствительно въ моемъ обладаніи могло бы давнымъ-давно находиться это полезное животное, еще прежде его словъ отравленной стрѣлой вонзилось въ мою душу и окончательно испортило мнѣ вкусъ «Индійской Розы», которую я завариваю пополамъ съ цвѣточнымъ «Чун-чу-фу». Но я, конечно, не показываю чувствъ и ограничиваюсь загадочной улыбкой, которую можете истолковать какъ угодно: и выраженіемъ презрѣнія къ вашему владѣнію рогатымъ скотомъ, и выраженіемъ скорби по поводу собственнаго неумѣнья извлечь сливки, откуда ихъ извлекаютъ другіе.

— Да, и вотъ такъ-то всегда! — продолжаетъ Эрастъ Антоновичъ. — Какой-нибудь Блиновъ, какая-нибудь Варвариха эксплуатируютъ насъ!

Мы еще долго бесѣдовали на эту тему, потомъ перешли къ другой, — къ темъ «борьба за существованіе».

Уже вечерняя заря погасла, уже отраженіе загорѣвшихъ въ небѣ звѣздъ трепетно двигалось и колебалось въ быстрыхъ струяхъ рѣки, протекающей подъ горою, когда мой собесѣдникъ окончательно прижалъ меня къ стѣнѣ аргументомъ:

— Нѣтъ, позвольте, позвольте! Вы мнѣ только скажите: если бы щука не пожирала мелкую рыбку, то мелкая рыбка не пожрала-ли бы щуку? Жестокій законъ, но законъ!

Можно ли было не согласиться, что, дѣйствительно, законъ жестокий, но законъ, а согласившись, можно ли было оставаться въ хорошемъ расположеніи духа?

Когда, наконецъ, Эрастъ Антоновичъ со мною распрощался и исчезъ со своимъ шарабанчикомъ за угломъ сосновой рощицы, я походилъ по террасѣ, потомъ поглядѣлъ на звѣзды, на окружившія тихія потемнѣвшія поля.

Да, жестокий законъ!

Эта мысль неотступно меня преслѣдовала...

Правда, промелькнула у меня другая, лично до меня касавшаяся, а именно: почему нѣтъ у меня такого шарабанчика, какъ у Эраста Антоновича, — но эта была мимолетная. Свергнула какъ молнія и пропала. Я еще молодъ, полонъ силъ и если только захочу, то...

Однимъ словомъ, мысль эта свергнула какъ молнія и пропала. Жестокій законъ!

Я сѣлъ въ кресло. Авдотья Степановна (моя домоправительница) внесла было лампу, но я довольно сурово замѣтилъ ей, что не слѣдуетъ никогда подавать огня, пока я не прикажу, и велѣлъ лампу погасить.

Не знаю, долго ли я сидѣлъ такимъ образомъ въ темнотѣ.

Мало-по-малу я впалъ въ какое-то странное состояніе, которое нельзя назвать ни сномъ, ни бдѣніемъ. Я сознавалъ, что я сижу въ креслѣ, я даже слышалъ, какъ за рѣкою звенѣла на фортепьяно музыкантша-сосѣдка, дѣвица, видѣвшая не одну весну, а весень десятка четыре слишкомъ, — я даже различалъ унылыя ноты ея любимаго «гимна природѣ», который она возносила непосредственно послѣ перепалки съ младшей сестрою, я улавливалъ глухой шумъ воды у мельницы, журчанье струй въ маленькомъ заливицкѣ, я разбиралъ шепотъ благочестивой Авдотьи Степановны, которая читала какъ разъ подъ террасою молитву на сонъ грядущій, я зналъ и помнилъ, кто я и гдѣ я, а вмѣстѣ съ тѣмъ меня душилъ какой-то кошмаръ. Мнѣ представлялись Блиновъ и Варвариха, но не въ естественномъ своемъ видѣ, а или въ образѣ зубастыхъ щукъ съ отверстой пастью, со сверкающими, круглыми, какъ кольца глазами, или въ образѣ переполошившихся пескарей, отчаянно пытающихся юркнуть куда-нибудь въ илъ, въ надежное мѣстечко. То я чувствовалъ себя жадною, громадною, самонадѣянною щукой, то смиреннымъ, ни въ чемъ неувѣреннымъ, маленькимъ пескаремъ.

— Письмо привезли.

— Что такое? — вскрикиваю я. — Что такое?

— Письмо привезли-съ. Отъ Анны Павловны-съ.

— Дайте огня, — говорю я, сообразивъ, наконецъ, что передо мною не щука и не пескаръ, а Авдотья Степановна, повязанная на сонъ грядущій бѣлымъ платкомъ, что, сказать встати, никогда особенно не возвышало ея природной красоты.

Свѣча принесена и я читаю письмо.

«Милый, неоцѣненный другъ.

«Сейчасъ узнала, что у Капитолины Ивановны поспѣла шпан-

ская и ананасная земляника и малина и спѣшу васъ увѣдомить объ этомъ съ нарочнымъ. Завтра же поѣзжайте къ ней пораньше, а то другіе непременно все перекупятъ. Ея ягоды всѣмъ извѣстны и всегда на-расхватъ. Мужъ Капитолины Ивановны, — я уже вамъ говорила, — непривлекателенъ, une nature mesquine, но сама Капитолина Ивановна — милая, добрая женщина и, я знаю, вы другъ друга оцѣните. Она тоже страдала. Пожалуйста, дорогой мой, не забудьте поѣхать и не опоздайте, иначе я на васъ серьезно разсержусь. Полноте, голубчикъ, жить на облакахъ. Надо же подумать и о землѣ. Зимой вы скажете мнѣ спасибо, когда будете кушать ваши любимые блинчики съ вареньемъ или малиновый кремъ. Непременно поѣзжайте къ Капитолинѣ Ивановнѣ. Скажите ей, что я васъ прислала и прошу ее дать вамъ самыхъ крупныхъ ягодъ.

«У насъ все то же; Мефа каждую минуту говоритъ мнѣ колкости и, какъ только заболитъ у меня голова, или я засну, начинаетъ бить по фортепьяно. Богъ съ ней!

«Когда же вы насъ провѣдаете, милый другъ? Я жду васъ всегда съ нетерпѣніемъ и съ вами только отвожу душу.

А. Колесова.

«P. S. Непременно поѣзжайте за ягодами сами. На Авдотью нельзя положиться. У меня мечта устроить васъ на новомъ мѣстѣ и окружить всѣмъ, что можетъ успокоить васъ, милый другъ. Довольно вы, бѣдненькій, пострадали, пора вамъ отдохнуть. Отдыхайте же, не упрямитесь, въ кругу людей, которые васъ умѣютъ цѣнить и отъ души любятъ. Да, не говоря уже обо мнѣ, всѣ наши васъ любятъ и всѣ желаютъ видѣть настоящимъ хозяиномъ».

Дѣйствительно, всѣ они, очевидно, меня любятъ (отчего же меня и не любить?) и всѣ желаютъ видѣть хозяиномъ. Добрѣйшія души! Нѣтъ, не перевелись еще на свѣтѣ сердечные, безкорыстные люди. Есть еще уголки на святой Руси, гдѣ васъ, кто бы вы ни были, чѣмъ бы ни занимались, накормятъ, напоятъ и пригрѣютъ, — разумѣется, если только вы будете смотрѣть не букой, не какимъ-нибудь Змѣемъ-Горынычемъ, если ваше горе, или ваша радость будутъ отличаться не отщепенскими свойствами, а общительными... Если, однимъ словомъ, вы явитесь не сорванцомъ, а съ извѣстной дозой почтительности... Говоря еще яснѣе, если вы не станете соваться со своими уставами въ чужіе монастыри и если вы хотя и будете быть по-своему, но тихонько, скромно, не мѣшая другимъ, а только пріятно разнообразя и тѣмъ оживляя прочіе голоса, и подавая нѣкоторую надежду запѣваламъ, что, современемъ, они могутъ присоединить васъ къ своему хору.

Что дѣлать! Какой-то мудрецъ (кажется, мудрецъ, впрочемъ, хотя бы онъ и не былъ признанъ, я признаю его таковымъ) сказалъ, что снисхожденіе — первое условіе для мирной спокойной жизни.

Когда я пріѣхалъ въ прекрасную мѣстность, гдѣ теперь нахожусь, я былъ снисходителенъ... Кто вамъ сказалъ, что я когда-нибудь находилъ Оому Оомича красавцемъ, или Клеопатру Гавриловну умницей? Но когда Прохоръ Прохоровичъ, за неосторожное выраженіе откровеннаго мнѣнія, пустилъ противъ васъ въ ходъ, что вы кушаете живьемъ младенцевъ, вдовъ и сиротъ, а Агнія Матвѣевна, летая по всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ вамъ угламъ и закоулкамъ, въ роли очевидицы этихъ кровожадныхъ трапезъ, пообщалась (а можетъ и попыталась) при встрѣчѣ выпарапать вамъ глаза, то надо умѣть сдерживать себя въ искреннихъ заявленіяхъ насчетъ ума и красоты своихъ ближнихъ, — если вы не безумецъ, жаждущій кутерьмы, а человѣкъ... дѣльный, взявшій нѣсколько солидныхъ уроковъ у жизни.

Я могу только поздравлять самого себя съ плодами благоразумія.

Съ тѣхъ поръ, какъ я нанялъ на нѣсколько лѣтъ каменное зданіе причудливой архитектуры, представляющее нѣчто вродѣ башни съ террасой, всѣ окрестные жители (разумѣется, дворянскаго происхожденія) окружили меня вниманіемъ, осыпали ласками, услугами, смородиной, совѣтами, сухариками, сочувствіемъ и проч., и проч.

Конечно, не безъ облачка и на моемъ деревенскомъ горизонтѣ, но облако еще не туча. Я вынужденъ былъ отступить отъ нѣкоторыхъ своихъ привычекъ, напримѣръ, отъ привычки сидѣть дома.

Всякій человѣкъ слабъ. Я тоже человѣкъ и, слѣдовательно, тоже слабъ. Я никогда не могъ устоять противъ добродушныхъ, чисто-сердечныхъ просьбъ пріѣхать провести денекъ и, хотя со вздохомъ, но сѣлся въ присланную коляску или шарабанъ. Я былъ безсиленъ противъ любезнаго, задушевнаго увѣдомленія, что меня тогда-то посѣтятъ жаждущіе со мною отвести душу гости, и встрѣчалъ этихъ гостей рукопожатіями. Поѣхалъ къ одному, нельзя не поѣхать къ другому, — за что же обижать людей, да еще обижать за ихъ милое вниманіе? Принялъ одного, необходимо, въ силу тѣхъ же соображеній, принять и другого.

И вотъ всѣ дни мои наполнены, я не успѣваю прочесть и странички изъ множества запасенныхъ книгъ и утвердительно улыбаюсь всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нашихъ уѣздныхъ говоритъ

заѣзшему изъ другихъ мѣстъ: о, мы не скучаемъ! У насъ вѣдь не то, что въ другихъ уѣздныхъ городахъ, — у насъ большой кругъ образованныхъ, развитыхъ людей. У насъ не коптителѣ неба, у насъ за всѣмъ слѣдятъ, работаютъ надъ разными вопросами...

Ванилевы сухарики, кормленныя орѣхами индѣйки, малиновые кремы тоже оказываютъ свое дѣйствіе. Когда теперь Авдотья Степановна ставить передо мной на столъ классическіе супъ и котлеты, я вынужденъ признаться, что произведенія поварского искусства рисуются мнѣ въ яркихъ, соблазнительныхъ чертахъ и я невольно вздыхаю и по нѣскольку разъ меланхолически тыкаю вилокъ или болтаю ложкой ея незатѣйливую стряпню.

Развѣ это такъ не понятно?

Если согрѣтый животворными лучами лѣтняго солнца, смягченный привольною деревенскою жизнью, я сталъ любовнѣе относиться къ жизненнымъ благамъ, какой кому отъ того вредъ? Что, на примѣръ, предосудительнаго въ томъ, что я желаю себѣ удобнаго шарабанчика, даже коляску?

— Будетъ отвѣтъ? — спрашиваетъ Авдотья Степановна, выставя свой бѣлый тюрбанъ изъ-за двери.

— Да, будетъ.

Я сажусь къ столу и пишу добрѣйшей сосѣдкѣ отвѣтъ, въ которомъ съ должнымъ чувствомъ выражаю свою глубокую признательность за ея милое вниманіе къ горькому бобылю.

Отвѣтъ написанъ и врученъ нарочному, парню Евстигнѣю, который лихо переправляется въ какой-то коробѣ черезъ быструю рѣку. Я задумчиво слѣжу за его плаваньемъ.

Какъ красивы эти брызги отъ весла, эта струя за челнокомъ, этотъ челночокъ, эти берега, этотъ домъ на горѣ, охваченный темною зеленью. Самъ парень Евстигнѣй, освѣщенный волшебнымъ свѣтомъ лѣтней ночи, кажется совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Честное слово, его теперь можно принять за рыцаря въ серебряныхъ латахъ. Что онъ теперь думаетъ? Ужъ, конечно, не ломаетъ голову надъ міровыми неурядицами. И благо ему!

Все кругомъ тихо, всѣ заняты своими дѣлами, у всѣхъ досягаемыя цѣли, осуществимыя желанія...

Не лучше ли жить, какъ живутъ эти добрые, окружающіе меня люди? Что за польза вышла мнѣ или другимъ, изъ всѣхъ моихъ высокихъ пареній? *Il n'y a de bonheur que dans les voies communes*, сказалъ кто-то, и сказалъ вѣрно. Не надо только понимать этого изреченія въ пошломъ смыслѣ. Здѣсь *voie commune* значитъ, по моему, не заносясь, идти однимъ путемъ со своими ближними, не-

виня ихъ слабости, цѣня ихъ добрыя качества, поддерживая ихъ въ испытаніяхъ...

На душѣ у меня становится легче. Щуки не представляются уже мнѣ такими алчными тварями, какъ прежде, пескари не кажутся особенно жалкими... и какое мнѣ дѣло до борьбы за существованіе? Развѣ я ее выдумалъ, скажите пожалуйста? Эта борьба вещь ужасная, но она существуетъ и... и всѣ борются.

Вы, читающій эти строки, развѣ вы желаете, чтобы васъ проглотила какая-нибудь щука?

А развѣ вы этого не желаете, вы стараетесь не быть пескаремъ!

Великій Боже! когда же, наконецъ, я покончу съ этими докучными мыслями о борьбахъ, щукахъ и пескаряхъ? Когда я окончательно истреблю эту привычку пытаться себя всякими неразрѣшимыми бесполезными задачами? О, безумныя мечты юности! или я навѣкъ отравленъ?

II.

Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы.

Кто лѣстится много взять, тотъ часто все теряетъ;

Одною скромностью желаній мы счастливы!

В. Жуковский.

На другой день, рано поутру, я поѣхалъ по узкой проселочной дорогѣ къ Бапитолинѣ, Ивановнѣ. Утро было восхитительно-ясное и свѣжее. Съ величайшимъ наслажденіемъ я слушалъ птичекъ и упивался благоуханіемъ цвѣтовъ и травъ.

Съ версту дорожка прихотливо извивалась по крутому берегу, который перегибался въ чистыхъ волнахъ рѣки со всѣми своими гудрявыми березами, темными соснами и елями.

Гнѣдая лошадка хозяина моей дачи, разумеется, не арабской породы, но она везетъ очень бодро и я съ удовольствіемъ слышу ея пофыркиванье.

О, ненасытный, легкомысленный, заносчивый человѣкъ, развѣ ты не могъ бы найти себѣ укромный уголокъ и мирно начать и окончить дни свои?

Нѣтъ, ты буйно стремишься на какой-то просторъ! Ты не довольствуешься плаваньемъ у спокойныхъ береговъ тихоструйной рѣчки, ты отваживаешься на своемъ утлѣ челнокъ въ безпредѣльное море! Сколько обломковъ твоей самонадѣянной предприимчивости качается на свирѣпыхъ волнахъ!

А между тѣмъ, не рвись ты на этотъ пагубный просторъ, ты не вѣдалъ бы битвъ, а съ ними неизбежно связанныхъ больныхъ

контузій и мучительныхъ ранъ; сонъ твой былъ бы миренъ, сердце открыто тихимъ радостямъ... Нѣтъ, ты все хочешь сокрушить адъ и устроить рай на землѣ! А если бы ты не уповалъ на этотъ невозможный рай, ты бы устроилъ себѣ сносное помѣщеніе, куда бы не доходило адское вытье...

Правду говорилъ Эрастъ Антоновичъ: безалаберенъ русскій человѣкъ и незапасливъ!

Я, напримѣръ, каждый разъ, какъ беру эту лошадку, плачу хозяину отъ тридцати копеекъ до рубля, и на прошлой недѣлѣ онъ мнѣ представилъ счетъ, незамѣтно дошедшій до десяти рублей. Мой хозяинъ — родной братъ добройшей Анны Павловны Колесовой, по чьему совѣту я спѣшилъ захватить ягоды на варенье, при первой нашей встрѣчѣ рекомендовался мнѣ какъ *gentilhomme*, такъ и сказалъ, шаркая уже не особенно твердыми, при такихъ эволюціяхъ, ногами, въ прюнелевыхъ ботинкахъ: *gentilhomme, Paul de Zvéreff*, давая понять, что обладаетъ благородствомъ и великодушіемъ этого сословія, но, въ сущности, онъ страшный крохоборъ: торгуетъ всякою всячиной, отъ пучка петрушки и фунта творога до оранжевыхъ персиковъ; у него можно нанять погодно, помѣсячно, по-денно и почасно телѣжку съ лошадыю, лодку, рыболовные снаряды, коптильню, взять на-прокатъ бочку для воды, флейту, лохань для стирки, соломенные шторы, соусникъ, драцены и латаніи, кочергу и проч., и проч. Будь я позапасливѣе, я могъ бы къ этимъ десяти прибавить еще десять и еще десять и приобрести лошадку въ собственность, что сократило бы расходы и доставило бы мнѣ невинное, никому не мѣшающее удовольствіе. Я могъ бы ее назвать Фифи, какъ называлъ свою буланую помѣщикъ баронъ Тирвальдъ, или Красоткой, какъ называлъ свою гнѣдую помѣщикъ Полотенцовъ. Она бы знала меня, подходила бы по моему зову. Анна Павловна, я увѣренъ, вышла бы на уголкъ чепрака мой вензель, — Анна Павловна отлично вышиваетъ, — а Мефа Павловна, хотя и зла, какъ старая голодная мордашка, но во-время сказанный комплиментъ ей уму, характеру или выразительности фізіономіи (смѣло нускайте: «надъ которою время не имѣло рѣшительно никакого разрушительнаго вліянія», — повѣрить!) дѣйствуетъ на нее лучше всякой мозговой кости и она связала бы мнѣ филейную попону изъ голубой шерсти съ шелкомъ.

Да, но я незапасливъ! Сначала горькія обстоятельства, потомъ безумное увлеченье разными неосуществимыми идеями...

Человѣкъ — жалкое животное и не сразу приходитъ въ «нормальное равновѣсіе», какъ выражается помѣщикъ Ферাপонтовъ,

который, по его словамъ, былъ другомъ корифеевъ сороковыхъ годовъ и даже чуть съ ними не породнился.

Ферапонтовъ во-время пришелъ въ нормальное равновѣсіе, поэтому у него есть, хотя нѣсколько грязноватая, но обширная наслѣдственная хоромы, гдѣ онъ хотъ каждый день можетъ собирать десятка два гостей, толковать съ ними о погибшихъ дорогихъ друзьяхъ своей юности и давать исключительно рецептъ сороковыхъ годовъ, значительно исправленный и дополненный, какъ лучше подвигать дѣло развитія и народнаго образованія.

Приду ли я когда-нибудь въ нормальное равновѣсіе?

Вотъ и село Благодатное, гдѣ жители слывуть ворами и пьяницами и гдѣ, въ числѣ другихъ шести владѣтелей, живетъ Капиталина Ивановна Бусова, къ которой я ѣду покупать ягоды.

Село Благодатное живописно раскинулось на противоположномъ берегу рѣки. Я приостанавливаю лошадь и люблюсь, — я очень люблю природу. Какъ красиво перекидываются въ водѣ сады и помѣщичьи усадьбы, и темныя мужичьи избытки, и барышня въ широкополой шляпѣ итальянской соломы, съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукѣ, и стадо овецъ, и тощая хромая лошаденка съ обрывкомъ на шеѣ! Самый знаменитый пейзажистъ не отказался бы перенести этотъ видъ на полотно.

Однако, пора.

— Скажи, пожалуйста, голубчикъ, гдѣ переправа? — кричу я какому-то оборванному, грязному мальчишкѣ.

— Не видишь, что ли, — отвѣчаетъ мальчишка, махая рукою внизъ по рѣкѣ, и идетъ далѣе.

Господи, какъ еще дикъ русскій народъ! Правду говоритъ Ферапонтовъ, русскому народу еще недоступны самыя элементарныя понятія о цивилизаціи. Даже шапки не снятъ, скотъ! Да-съ, я согласенъ, вполне согласенъ съ Ферапонтовымъ: русскому народу еще далеко до интеллектуальнаго развитія! Пожалуй, придется согласиться и съ тѣмъ, что его не слѣдуетъ слишкомъ... слишкомъ распускать. Дайте вы ножницы дикому ребенку, — говоритъ Ферапонтовъ, — и онъ выколетъ себѣ или своему брату глаза! Пустите вы необузданнаго младенца бѣгать по берегу глубокой рѣки и онъ или самъ въ ней утонетъ, или кого-нибудь утопитъ! Ферапонтовъ очень хорошо говоритъ. Хотя горько, но правды некуда дѣвать и, волей-неволей, надо придти къ заключенію, что лучше всего, надежнее всего для блага народа не пускать безъ себя этотъ народъ нигуда... То-есть, я не точно выразился: вести его подъ строгимъ присмотромъ, по пути развитія, дабы, такимъ образомъ проведен-

ный, онъ могъ современемъ занять достойное мѣсто, — не по обширности владѣній, а по нравственнымъ доблестямъ, — среди цивилизованныхъ націй.

Проѣхавъ еще шаговъ триста, я нахожу переправу, то-есть широкую старую плотину, осѣненную съ обѣихъ сторонъ кривыми растреснувшимися ивами, которыя издали представляются какими-то зелеными, волнующимися шатрами, повертываю на эту плотину, чуть не проваливаюсь на полпути, на что равнодушно смотритъ мельникъ съ порога мельницы, благополучно достигаю другого берега и, помня данныя доброжелательницею моею, Анной Павловной, инструкціи, повертываю налѣво, мимо помѣщичьихъ резиденцій, одной — съ бельведеромъ, другой — съ побитыми въ обнахъ стеклами, по отлоному берегу.

Вотъ и пять свѣтлыхъ окошечекъ, и рѣшетчатый палисадникъ, густо заросшій сиренью и жасминомъ, вотъ и садовая куща за уютнымъ домикомъ.

Создатель! Какая тутъ зелень, какія благоуханія цвѣтовъ! Какъ отрадно жить въ такомъ тѣнистомъ, свѣжемъ, тихомъ уголкѣ! Развѣ здѣсь нельзя быть честнымъ труженикомъ, полезнымъ членомъ великой человѣческой семьи? Развѣ здѣсь я бы не...

Внезапно раздался у самыхъ моихъ ногъ яростный собачій лай, что заставило меня подпрыгнуть и прекратило мой мысленный монологъ. Изъ конуры, скрытой за кустомъ, бѣшено рвалась цѣпная собака. Я счелъ за лучшее проворно взобраться назадъ въ телѣжку и, поглядывая привѣтливо по сторонамъ, съ улыбкой на устахъ, ждать появленія какого-нибудь мѣстнаго защитника отъ свирѣпой твари.

Ожидать пришлось недолго.

Въ одномъ свѣтломъ окошечкѣ мелькнула чья-то черноволосая глянцовитая голова, пытливые глаза и крупный носъ, затѣмъ послѣдовало какое-то смятеніе, выдавшееся быстро отворяемыми и затворяемыми дверями во внутренности жилища, а затѣмъ на крыльцѣ появилась, въ новомъ розовомъ ситцевомъ платьѣ, замѣчательно худая женщина, которая поклонилась и попросила пожаловать въ комнаты.

— Барыня сейчасъ выйдутъ, — прибавила она. — Прибжете отпрячь лошадку?

— Нѣтъ, нѣтъ, милая, я не надолго.

— Слушаю-съ. Пожалуйте.

Она распахнула дверь, и я вошелъ въ чистенькую переднюю, а

оттуда въ чистенькую гостиную съ балкономъ въ садъ, гдѣ и поѣстился, въ ожиданіи хозяйки, на маленькомъ диванчикѣ у окна.

Творецъ небесный! Что это за скромный, маленький эдемчикъ! Какъ здѣсь можно сладко успокоиться отъ всякихъ тревоженій, залѣчить всѣ булабочные уколы, которыми наградила васъ прекрасная Евпраксія или возвышенная Любовь, или свѣтлая Надежда, залѣчить даже глубокія раны, нанесенныя врагами, и еще глубочайшія, нанесенныя друзьями! Какъ бы я здѣсь отдохнулъ! Какъ бы прояснился духомъ!

Я бы не желалъ лучшаго укромнаго пріюта, я не желалъ бы гостиней роскошнѣе этой, я бы помирился съ этими желтыми стульями, со старомодными диванчиками. Мнѣ были бы милы и это зеркало съ парящей надъ золоченой рамкой сальфидой, и скромная столовая, часть которой я вижу въ открытую дверь, и ярко-желтый баранъ съ коричневыми рогами, выглядывающій изъ-за стекла буфета. Я бы...

Тихій шорохъ спугнулъ мои мечтанья. Полуотворенная дверь въ столовую какъ будто пріотворилась шире. Я весь просіялъ пріветомъ и съ улыбкою приготовился къ появленію хозяйки.

Но кто это выглянулъ изъ-за двери? Чьи это ввалившіеся глаза, испитое личико, жалкія лохмотья? Что это за изсохшая, хрупкая, какъ соломинка, ручка держится за окраину двери? Чьи блѣдныя, безцвѣтныя губы мнѣ улыбаются?

Я зажмуриваю глаза, затѣмъ вскакиваю.

Что это? Игра разстроеннаго воображенія, возбужденнаго мрачными представленіями упадка современнаго общества? Галлюцинація, вслѣдствіе ненормальной долгой экзальтаціи?

Никого нѣтъ. Дверь въ уютную столовую какъ будто плотнѣе притворена, но это могъ сдѣлать порывъ утренняго вѣтерка, или какая-нибудь кошка.

Такъ и есть! Дверь снова пріотворяется и оттуда выходитъ, потягиваясь и жмурясь, пестрая, ожирѣвшая, отяжелѣвшая свойственница тигра, и я ее не безъ удовольствія глажу по спинѣ, когда она съ мурлыканьемъ начинаетъ тереться у моихъ ногъ.

Царь небесный! До чего, однако, разстроено у меня воображеніе!

Откуда возьмется въ такой уютной столовой, такъ весело освѣщенной лучомъ утренняго солнца, гдѣ такъ хорошо цвѣтутъ благоухающіе цвѣты и прыгаетъ рѣзвая канарейка въ клѣткѣ, неумытое, оборванное существо? Какая чушь!

Во дни оны (годъ-два тому назадъ) я такъ много думалъ о современномъ упадкѣ общества, о страданіяхъ всѣхъ людей и наро-

довъ, о пролетаріатѣ, что до сихъ поръ, хотя я и начинаю уже приходить въ нормальное равновѣсіе, мнѣ еще являются разныя мрачныя картинки... а картинки пробуждаютъ рядъ болѣзненныхъ идей... Напримѣръ, оборванная, неумытая дѣвчонка вдругъ можетъ мнѣ представиться олицетвореніемъ страданія...

А, вотъ и хозяйка.

— Позвольте представиться, Капитолина Ивановна, — говорю я, расшаркиваясь, — Андріанъ Андреевичъ Полетаевъ. Я бы не осмѣлился явиться незваннымъ гостемъ, но Анна Павловна обнадежила меня...

— Очень пріятно познакомиться, Андріанъ Андреевичъ, — пріветливо отвѣчаетъ Капитолина Ивановна, — прошу садиться. Я много слыхала о васъ отъ Анны Павловны.

— Прекраснѣйшая женщина, Анна Павловна!

— Ахъ, какая добрая, милая, пріветливая!... Не угодно ли кофе, Андріанъ Андреевичъ?

— Благодарю, Капитолина Ивановна. Умоляю васъ, не беспокойтесь!

— Помилуйте, Андріанъ Андреевичъ, пріятное безпокойство: Наталья! Наталья!

Вошла высокая худая женщина, которая встрѣчала меня на крыльцѣ, получила надлежащія инструкціи и удалилась.

— Нравятся ли вамъ наши края, Андріанъ Андреевичъ?

— Прекрасные края, Капитолина Ивановна.

— Хорошо ли вы устроились на новомъ мѣстѣ?

— Очень хорошо, очень... Всѣ сосѣди такіе любезные, такіе...

Я, разумѣется, въ данную минуту интересуюсь больше покупкою ягодъ; Капитолину Ивановну, легко можетъ быть, больше занимаетъ вопросъ о продажѣ произведеній ея сада, но деликатность не позволяетъ ни мнѣ, ни ей прямо приступить къ главному предмету, и мы съ полчаса толкуемъ о краѣ и о сосѣдяхъ.

Капитолина Ивановна весьма крупная женщина, брюнетка, съ черными глянцевитыми волосами и свѣтло-сѣрыми быстрыми глазами. Весьма вѣроятно, что ни одному поэту не вздумалось бы воспѣвать что-либо въ ея лицѣ, но лицо это обращается ко мнѣ съ такою ласковою улыбкой, что я совершенно мирюсь и съ крутымъ лбомъ и съ острымъ подбородкомъ. Положимъ, лицо есть нѣкоторымъ образомъ зеркало души, но, во-первыхъ, только нѣкоторымъ образомъ, а во-вторыхъ, развѣ не бываетъ кривыхъ зеркалъ, и зеркалъ придающихъ бѣлизну, представляющихъ очертанія болѣе рѣзкими, или болѣе мягкими?

Изохшая Наталья приставляетъ къ огню столикъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью, и ставитъ чашки съ золотыми ободками, испещренныя яркими цвѣточками, стадами овечекъ и пастушками, желтаго барана, съ коричневыми рогами, молочникъ и кофейникъ, откуда тотчасъ же распространяется ароматный паръ.

— Не угодно ли, Андріанъ Андреевичъ?

— Сердечно благодарю васъ.

Пріятно выпить хорошаго кофе, когда аппетитъ разыгрался послѣ утренней прогулки, особенно, если къ кофе поданы густыя съ пѣнками сливки, тающія во рту, сдобныя лепешки, мягкія, какъ сердце впечатлительнаго юноши, булочки, сухарики съ ванилью и божественнаго вкуса свѣжее масло, если душистый вѣтерокъ, проникая въ открытыя окна изъ цвѣтущаго сада, ласкаетъ ваши щеки и васъ не беспокоятъ непріятныя призраки безумнаго прошлаго...

— Еще чашечку, Андріанъ Андреевичъ.

— Право, я не знаю...

— Пожалуйста, кушайте! Не угодно ли еще масла?

— Благодарю... Очень благодаренъ... Какая у васъ благодать здѣсь, Капитолина Ивановна! Какъ вы сумѣли устроить себѣ такой рай на землѣ?

— Ахъ, Андріанъ Андреевичъ, если бы вы только могли знать, сколько я горя перенесла, пока кое-какъ устроилась! Женщинѣ такъ трудно вести деревенское хозяйство! Къ тому же я совершенно не такъ была воспитана, отецъ мой былъ богатый человекъ и меня не пріучали ни къ какимъ счетамъ и расчетамъ. Здѣсь жилъ прежде нашъ управитель... Когда я переѣхала сюда, то нашла такой безпорядокъ, такое запустѣніе, что и сказать вамъ не могу. Страшно вспомнить!

Деликатность заставляетъ меня положить на краешекъ блюда лакомый кусочекъ лепешки съ масломъ, который я намѣревался препроводить въ ротъ, и выразить свое сочувствіе собесѣдницѣ поднятіемъ бровей, легкимъ склоненіемъ головы на бокъ и тихимъ вздохомъ.

— Папенька тогда скончался, — продолжаетъ Капитолина Ивановна, очевидно, увлекаясь воспоминаніями, — мужъ былъ при мерти...

(А, nature mesquine, вотъ онъ!)

— Ко всему этому имѣніе неправильно описали... Я не знаю какъ я съ ума не сошла, какъ пережила всѣ эти испытанія! А по-
чѣмъ какое во всемъ стѣсненіе, сколько хлопотъ, сколько оскорб-

лений, унижений... Да и теперь развѣ мы обезпечены? Миѣ съ утра до вечера некогда свободно вздохнуть, а что изъ этого? Впереди одинѣ заботы! А прежде...

По щекамъ Капитолины Ивановны текутъ слезы скорби о невозвратно утраченныхъ благахъ.

Я тронута. Я понимаю этотъ взрывъ печали. Бѣдная женщина! Сколько ты выказала мужества и энергіи! Какъ твердо ты, одинокая (я готовъ прозакладывать голову, что *nature mesquine* и тогда ни въ чемъ ей не помогала!) шла по стезѣ разв... Нѣтъ, не то... У меня, какъ видите, все еще остались въ головѣ стези и тому подобная дичь... Какъ твердо ты шла по скромной дорогѣ, какъ неутомимо работала для человѣч... то-есть какъ ты благородно умѣла обойтись одинѣми своими слезами!

Я съ чувствомъ выражаю свое удивленіе къ энергіи и терпѣнію Капитолины Ивановны.

— Если и были люди, — говорю я, — которые не сумѣли васъ оцѣнить (намекъ на *nature mesquine*), то ихъ слѣдуетъ только жалѣть, какъ неспособныхъ понять женское совершенство.

— Ахъ, Андріанъ Андреевичъ, каково это миѣ теперь торговать ягодами, фуфайками! Я къ этому не... не привыкла! Что же я теперь? Торговка!

— Помилуйте, Капитолина Ивановна, помилуйте...

Я хочу ее утѣшить примѣромъ поэта Горація, который садилъ капусту, но миѣ почему-то кажется, что упомянуть о мастерствѣ композитора Россини въ стряпнѣ макаронъ будетъ удачнѣе, и я трезвожу кости стараго итальянца.

— Вотъ и вы вѣдь пріѣхали ягоды покупать! — грустно говорить Капитолина Ивановна.

— Помилуйте, Капитолина Ивановна! Я давно желалъ просто имѣть удовольствіе съ вами познаком...

— Такъ вы не хотите покупать ягодъ? Какъ же меня Анна Ивановна увѣрила, что вы непременно купите, и я для васъ нарочно оставила! Я другимъ отказала! Отказала и Масловымъ, и Трегубовымъ! Вы передумали?

— Нисколько, Капитолина Ивановна, — спѣшу я возразить, — я съ величайшей готовностью, я съ радостью куплю ягоды.

— Такъ не хотите ли пройти въ огорождъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Ахъ, нѣтъ, погодите! Я прежде покажу вамъ свои работы. Но, можетъ быть, это скучно?

— Помилуйте...

— Ну, я сейчасъ вамъ покажу!

Капитолина Ивановна приближается къ комоду и вынимаетъ оттуда цѣлыя груды вязаныхъ фуфаякъ, чулокъ, носковъ, косынокъ, платковъ и проч., и развертываетъ ихъ передъ моими глазами, которые слѣдятъ за этими произведеніями искусства съ подобающимъ, лестнымъ для артистовъ, удивленіемъ.

— Поглядите на эти чулочки!—говоритъ Капитолина Ивановна.

И растягиваетъ передъ моимъ носомъ какую-то паутину изъ тончайшихъ нитокъ:

— Прелесть!

— Это заказные. Это Мефа Павловна заказала.

— Мефа Павловна?

— Да, она. Она любитъ, чтобы у нея чулки были самые тонкіе, рѣшетчатые... Выходить, знаете, точно кружево!

— А, чрезвычайно красиво!—отвѣчаю я, представляя себѣ, какъ изъ-за этого кружева будутъ темнѣть старыя цыплячьи лапки заказчицы.

— А вотъ шарфъ для осени. Попробуйте, какой теплый и мягкій.

— Это тоже на заказъ?

— Нѣтъ.

— Вы позволите мнѣ его приобрести?

— Я буду очень рада, что онъ вамъ достанется... Я его отложу. Однако, пойдемте же въ огородъ. Вотъ сюда, черезъ балконъ.

Мы сходимъ съ балкона, направляемся по цвѣтущему тѣнистому саду и достигаемъ въ концѣ его огорода, окруженного особымъ частоколомъ, съ калиткою на замкѣ.

— Сюда, Андріанъ Андреевичъ,—говоритъ Капитолина Ивановна, вынимая изъ кармана ключъ и отмыкая калитку.

Ангелы и серафимы! Что за огородъ! Ни на одной вывѣсѣ фруктовыхъ магазиновъ вы не увидите такихъ крупныхъ ягодъ! Ни одинъ «опытный садоводъ», жаждущій вамъ внушить мысль покупать у него сѣмена и отводки, не налитографируетъ до того отягченныхъ плодами кустовъ!

— Вамъ ананасной и шпанской, Андріанъ Андреевичъ?

— Сдѣлайте одолженіе, Капитолина Ивановна!

— Черной смородины тоже? И красной?

— Сдѣлайте одолженіе...

— А скороспѣлаго крыжовнику?

— Вы меня премного обяжете!

- Попробуйте... Какъ находите?
- Отмѣнно... Отмѣнные ягоды!
- Я сейчасъ же прикажу набрать въ корзины и пошлю...
- Я могу съ собою взять.
- Ахъ, нѣтъ, ягоды перемнутся! Ихъ надо перенести на рукахъ. Я вамъ ихъ пришлю, не беспокойтесь.
- Право, мнѣ совѣстно.
- Пожалуйста не церемоньтесь, Андрианъ Андреевичъ, что за счеты между сосѣдами? А, вотъ идетъ Гриша. Гриша, Гриша, поди сюда!

Высокій юноша въ русской рубашкѣ, парусиновыхъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ, смуглый, курчавый, съ блестящими, какъ горящія четвериковыя свѣчки, глазами, подошелъ къ частоколу, ограждавшему огородъ, и подошелъ, какъ мнѣ показалось, не особенно охотно.

— Позвольте вамъ представить племянника моего мужа, Андрианъ Андреевичъ, Гришу Иванова.

— Очень радъ!—отвѣчаю я съ пріятной улыбкой,—весьма радъ...

Гриша Ивановъ безъ особой горячности прикоснулся къ моей рукѣ, которую я ему просунулъ сквозь частоколъ, и безмолвно, безъ улыбки, поклонился.

Я въ тотъ же мигъ догадался, что это за птица! Были и мы, батюшка, когда-то отрицателями установившихся «нелѣпныхъ формъ обществѣ». Громили и мы, сударь, «тупые предрассудки и условные приемы»! Но мы, по крайней мѣрѣ, умѣли разбирать людей! Творецъ міровъ! До чего уморительны эти самонадѣянные, безмозглые мальчишки! Они воображаютъ, что подвинуть человѣчество впередъ, если стануть неприлично держать себя!

Пока все вышеизложенное молніей промелькнуло въ моемъ умѣ, Капитолина Ивановна приказала Гришѣ Иванову позвать Наталью съ корзинами, и Гриша Ивановъ удалился.

— Прекрасный юноша!—говорю я Капитолинѣ Ивановнѣ,—прекрасный... Но какъ серьезенъ!

— Не по лѣтамъ! Онъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ эту медицинскую академію!

— Да?

— Узнать нельзя! Былъ скромный, услужливый, а теперь забралъ себя въ голову...

— Не огорчайтесь, Капитолина Ивановна: все это пройдетъ! Извините за нескромный вопросъ.

— Ахъ, полноте, Андріанъ Андреевичъ!

— Я слышалъ, онъ влюбленъ въ Ольгу Чудову?

— Отъ кого вы слышали?

— Право, не припомню, кажется отъ Ферапонтова... Да, именно отъ Ферапонтова.

Здѣсь я встати замѣчу, что напрасно сѣтуютъ столичные жители на отсутствіе у насъ мѣстныхъ газетъ,—на что намъ газета? Пусть-ка попробуетъ любая столичная газета сравниться въ быстротѣ передаванія новостей, или въ умѣнїи округлить данныя свѣдѣнія, или въ искусствѣ поддержать друга, или очернить врага! Пусть-ка попробуетъ!

Вы скажете: у насъ все въ одномъ родѣ и направленіи?

Извините. У насъ существуетъ въ разныхъ родахъ и направленіяхъ! Ферапонтовъ, напримѣръ, развезетъ, вмѣстѣ съ общимъ извѣстіемъ о плѣненіи сердца Гриши Иванова, мысль о нормальномъ равновѣсіи и необходимости интеллектуальнаго развитія для народа; Заворыкинъ развезетъ, что пора отбросить всѣ «эти глупости», эти тамъ образованія и развитія,—что пора подумать о помѣщикахъ, которые разорены въ конецъ и которыхъ безсовѣстно надуваютъ грамотные старосты.

А наши телеграммы? Никакое телеграфное международное агентство съ нами не можетъ соперничать! Всякое Гавасъ передъ нами спасуетъ! Наши депеши не отрывочныя, въ нихъ не телеграфный стиль, а стиль—исполненный жизни и мельчайшихъ подробностей. Вы не только изъ нихъ узнаете, что у Татьяны Павловны родился сынъ, или у Серафимы Николаевны украли серьги, но вы узнаете, что при этомъ подумалъ Семенъ Матвѣевичъ, какъ это приняла Клавдія Михайловна, какъ огорченъ Дмитрій Прохоровичъ... Однимъ словомъ, вы получаете объясненія на всѣ «кто», «гдѣ», «почему», «когда» и даже объясненія когда, съ кѣмъ, гдѣ, почему, что будетъ дальше.

Это превосходство понятно: въ столицахъ работаютъ въ газетахъ по большей части изъ-за куска хлѣба, а у насъ работаютъ изъ любви къ искусству. Когда же наемникъ превосходилъ артиста?

Вы скажете, что артисты отличаются живой фантазіей и склонны къ неправильному взгляду на событія. Разумѣется, не безъ того. Случается, что вы ѣдете поздравлять Серафиму Николаевну съ чѣмъ, а оказывается, что у нея родилась дочь, а то, что и никто родился,—но развѣ не бываетъ подобныхъ недоразумѣній въ чихъ столичныхъ газетахъ и телеграммахъ?

— Такъ юноша влюбленъ?—продолжаю я.

— Влюбленъ! Я только удивляюсь ей, Андрианъ Андреевичъ!

— Ольгъ Чудовой?

— Да.

— Почему же вы ей удивляетесь, Капитолина Ивановна? Вы находите, что ей бы слѣдовало его удалить?

— По крайней мѣрѣ, хотя бы велѣла ему вести себя по-людски! У нея мать преглуная женщина и такую ей волю даетъ, что ни на что не похоже.

— То-есть какъ же это, Капитолина Ивановна? Вѣдь вы, я полагаю, не желаете видѣть стѣсненія личности?

Тонъ мой ласковъ, но внушительнъ. Я стою, разумѣется, не на одной доскѣ съ большинствомъ (я начинаю сливаться съ кругомъ Ферапонтова) и, конечно, умѣю, когда требуется, отстаивать свои убѣждения.

— Я не говорю: стѣснять ее, Андрианъ Андреевичъ, а такъ... только, не позволять дѣлать глупости.

— А! Это совсѣмъ дѣло другое!

— Развѣ Ольга Ивановна не могла бы повернуть Гришу по-своему? Когда мальчикъ влюбленъ, такъ съ нимъ однимъ взглядомъ можно все, что угодно, сдѣлать!

— Да, вліяніе женщины велико и оно должно...

У меня чуть не вырывается повторенье словъ Ферапонтова: «вліяніе женщины должно согрѣвать и растапливать, подобно солнечному лучу». Я нѣсколько конфужусь и дѣлаю диверсію въ сторону:

— Что-жъ, юноша вашъ черезчуръ...

Я не кончаю фразы, потому что въ огородную калитку входитъ, громко сморкаясь, тучный человѣкъ въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ.

— Позвольте познакомить, Андрианъ Андреевичъ, мой мужъ! (А! Nature mesquine!)

— Весьма пріятно-съ...—баситъ онъ.

— Я очень радъ,—улыбаюсь я.

— Какъ нравятся наши края?

— Я совершенно доволенъ.

— Не скучаете въ деревнѣ?

— О, нисколько!

— Лѣтомъ ничего, особливо, если погода хорошая.

— И зимою...

— Сегодня-то какъ печетъ!...

— Да, жарко.

— Не хотите ли погулять по саду, Андріанъ Андреевичъ?— говорить хозяйка. — Паша (къ мужу), поведи Андріана Андреевича. покажи ему садъ.

— Съ удовольствіемъ... Угодно?

— Очень радъ.

Я, предшествуемый Пашею, направляюсь за предѣлы частокла, но едва мы успѣваемъ ступить на садовую дорожку, раздается голосъ Капитолины Ивановны:

— Паша, Паша! вернись на минутку, дай мнѣ ключи.

Паша возвращается, а я, замѣтивъ, что вмѣсто врученія ключей, хозяйка начинаетъ тихо и поспѣшно снимать какой-то допросъ, или давать инструкціи, изъ деликатности направляюсь подалеже вглубь сада.

III.

Of all the numerous ills that hurt our peace,
That press the soul or wring the mind with anguish
Beyond comparison the worst are those
That to our folly or our guilt we owe.

Burns.

Очутившись послѣ палимаго солнцемъ огорода подъ тѣнистыми старыми грушами, я съ наслажденіемъ вздохнулъ полною грудью.

— Гдѣ вы?— раздался голосъ Паши.

Вмѣсто отвѣта я, по внезапному вдохновенію, поспѣшно скользнулъ въ густую липовую аллею и притаился.

Что за охота мнѣ гулять съ этимъ Пашей, съ этой nature mesquine? Гораздо пріятнѣй, не стѣсняясь поддерживаньемъ безсодержательнаго разговора, тихо подвигаться по этой зеленой, чуть шелестящей аллеѣ, и безъ помѣхи наслаждаться прогулкой.

Я могъ прослѣдить, какъ Паша, прокричавъ еще нѣсколько разъ «гдѣ вы?»—проворчалъ: «Чортъ бы тебя подралъ!» и быстро зашагалъ по обсаженной сиренью дорожкѣ въ противоположную отъ меня сторону.

Его: «Чортъ бы тебя подралъ», разумѣется, ничего во мнѣ не возбуждаетъ, кромѣ презрительной улыбки, и я съ удовольствіемъ иду дальше.

Какъ хорошо! Какъ вольно дышится!

Параллельно съ аллеей тянется по пологому берегу рѣки рядъ старыхъ ивъ. Между ихъ густыми, гибкими, купающимися въ водѣ вѣтвями, блестятъ, тамъ и сямъ, освѣщенные солнцемъ полоски синихъ струй. Только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ двѣ огромныя ивы свалились въ воду, открывается видъ на другой берегъ.

Какъ живописенъ этотъ другой берегъ! По его крутымъ обрывамъ висятъ разныя ползучія травы. Повилика, спустивъ свои зеленныя цѣпи въ самую воду, по нимъ же опять взбирается наверхъ и обвиваетъ брошенную тутъ лодку, которая уже до половины вросла въ землю и вся зацвѣла отъ сырости. Далѣе за рѣкою, которая въ этомъ мѣстѣ суживается, темнѣетъ опушка лѣса, виднѣется прихотливая тропинка, исчезающая въ чащѣ.

Я былъ выведенъ изъ упоенія природою, столкнувшись лицомъ въ лицу съ Гришей Ивановымъ.

Меня, признаюсь, покорило. Я люблю молодежь, сочувствую ей, но... не понимаю и ея недостатки, и ея слабости. Вслѣдствіе этого у меня къ ней теперь какое-то, какъ выражается Ферапонтовъ, двустихійное чувство,—я, при удобныхъ случаяхъ, защищаю ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчаясь съ ней, болѣзненно раздражаюсь и какъ-то глупо смущаюсь.

То же случилось и теперь.

Вмѣсто того, чтобы пройти равнодушно мимо, приподнявъ слегка и съ достоинствомъ шляпу, у меня, совершенно невольно и нечаянно вырывается глупая фраза:

— Чудесная погода!

Гриша Ивановъ приостанавливается какъ бы машинально и взглядываетъ на меня, какъ на совершенно незнакомаго ему человѣка.

Но на его молодомъ, поблѣднѣвшемъ лицѣ видна такая забота, его пламенные черные глаза такъ глубоко печальны, что я, вмѣсто негодованья, начинаю чувствовать къ нему нѣчто вродѣ нѣжности брата,—старшаго брата,—*entendons nous!*

— Какая красивая мѣстность!—продолжаю я, еще ласковѣе.

— Каково людямъ живется-то въ этой красивой мѣстности!—отвѣчаетъ онъ, и изъ глазъ его выпыхиваетъ цѣлый пукъ молній.

Эта выходка мнѣ не по душѣ. Къ чему приплетать всюду этотъ вопросъ: «каково живется?» Онъ хорошъ, когда онъ кстати. Все хорошо кстати. И какая польза въ томъ, чтобы тыкать его въ глаза человѣку, который и самъ понимаетъ вещи не хуже прочихъ? Что жъ прикажете мнѣ дѣлать? Удаться, что ли? Или утопиться? Или застрѣлиться?

Все вышеприведенное мелькаетъ у меня въ умѣ, но я продолжаю нейтральный разговоръ.

— Поглядите на этотъ камень,—говорю я,—онъ, кажется, держится только на оцѣпившихъ его гирляндахъ вьющихся растений. Какія кажется, непрочныя цѣпи, а держать.

Гриша Ивановъ пристально на меня глядитъ.

— Такъ и въ жизни, Григорій...?

— Петровичъ.

— Такъ и въ жизни, Григорій Петровичъ,—прибавляю я въ поясненіе:—человѣкъ, запутавшійся въ какія-нибудь сѣти какой-нибудь повилики, можетъ остановиться на пути, по которому стремится. Кто его осудить?

— Всѣ осудятъ. Человѣкъ вѣдь не камень.

Создатель, что за неистовый вопль! Я хотѣлъ собственно намекнуть, что понимаю положеніе человѣка, который любитъ избранную имъ особу,—то-есть, понимаю его, Григорія Иванова, положеніе—и что не осуждаю, если этою любовью онъ увлекается. Я, тронутый его печалью, желалъ сказать ему слово поддержки. И вдругъ онъ отъ этого слова вспыхиваетъ, какъ сосновыя стружки, краснѣетъ, блѣднѣетъ, вытаращиваетъ глаза.

Я невольно попятился.

— Вы меня не поняли, Григорій Петровичъ.

Но онъ уже въ пятидесяти шагахъ отъ меня, я только могу видѣть его кудрявую черную гриву, мелькающую въ зеленой листвѣ.

Это не человѣкъ, а какой-то зажигательный снарядъ, и такой еще снарядъ, который вспыхиваетъ не тогда, когда вамъ нужно и вы берете его въ руки, а въ карманѣ вашихъ панталонъ, когда вы этого вовсе не ожидаете.

Что-жъ мудренаго, что вы подскочите, каковы бы ни были ваше самообладаніе и удѣльный вѣсъ.

И какъ вамъ нравится это «всѣ осудятъ»? Покажите мнѣ этихъ «всѣхъ», ретивый Ринальдо Ринальдини! Сосчитай ихъ, надменный мальчижъ! Скажешь: Ферापонтовы? Сунься-ка, сунься! Ты думаешь онъ за тебя, или за кого-нибудь, или за что-нибудь на стѣну полѣзаетъ? Ха-ха-ха! Онъ лучше меня пришелъ въ нормальное равновѣсіе.

Въ волненіи чувствъ я началъ весьма быстро шагать по аллеѣ и скоро усталъ, какъ гончая, которая преслѣдовала, одного за другимъ, семь зайцевъ.

Этотъ молокососъ, этотъ Стенька Разинъ en herbe возмущилъ ясное расположеніе моего духа и испортилъ мнѣ чудеснѣйшую прогулку.

Я, наконецъ, оправился и, путаясь по дорожкамъ и цвѣтникамъ, достигъ увитаго зеленью балкона гостиной, гдѣ и помѣстился какъ нельзя уютнѣе въ ожиданіи прихода хозяевъ.

Охота же вамъ, Андріанъ Андреевичъ,—мысленно стыдилъ я самого себя, горячиться и кипятиться отъ какого-нибудь фырканы сумасброднаго, дикаго мальчишки! Охота вамъ связываться съ влюбленнымъ щенкомъ, который способенъ не узнать свой собственный хвостъ и залиться на него бѣшеннымъ лаемъ! Пора бы, кажется, отецъ мой, намъ съ вами поумнѣть и не соваться на всякій рожонъ! А все—слѣдствіе прошлаго безумія. Все отголоски старой, глупой, бессмысленной пѣсни. Вы такъ долго и такъ рьяно драли горло, распѣвая эту пѣсню, что теперь не въ состояніи затянуть другой безъ того, чтобы у васъ не проскочили—и какъ иногда не встать—старыя нотки. Вы слабый, ничтожный, неумѣющій справляться съ своею больною фантазіей, человекъ. Вы безхарактерны и легкомысленны, какъ юная пансіонерка, которая, уже убѣдившись на опытъ, какъ вредны для ея желудка сомнительные леденцы, продаваемые подъ воротами пансіона, все-таки покупаетъ ихъ и обжирается ими. Вы чувствительны, какъ плохой поэтъ, и на васъ «мечты юности», «золотыя иллюзіи», «свѣтлыя вѣрованья» и всякая дребедень дѣйствуетъ неотразимо.

Скажите, сдѣлайте милость, какое вамъ дѣло до этого Григорья Иванова? И до тысячи тысячъ другихъ Григорьевъ Ивановыхъ? Пусть себѣ стремятся, расшибаютъ лбы, падаютъ, кувыркаются и проч. Отчего васъ всегда подмываетъ ковылять за ними и волноваться ихъ курбетами? Вы вѣдь сознали, что вы безумны? Вы отреклись отъ этого безумія, вы желаете прійти въ нормальное равновѣсіе? Да, или нѣтъ? А если да, то чего же вы юлите? Отчего у васъ начинаетъ сосать подъ ложечкой всякій разъ, какъ вы увидите кого-нибудь изъ оставленнаго вами стана безумцевъ? Почему васъ мучитъ желанье заявить этому встрѣчному кому-нибудь, что и вы тѣшили себя несбыточными мечтами, что и вы ратовали зря, выходили сражаться съ мельницами и составляли цѣлительные балзамы? Зачѣмъ вамъ хочется увѣрить, что, сдѣлавшись умѣреннымъ, вы сдѣлались полезнымъ? Стыдитесь! Перестаньте, наконецъ, скоморошничать и будьте настоящимъ мужемъ. Откажитесь разъ навсегда отъ скачекъ съ препятствіями, перестаньте прыгать черезъ самыя легкіе барьеры, сидите смирно въ своемъ уголкѣ и, право, вы современемъ принесете отчизнѣ неизмѣримо больше пользы, чѣмъ всѣ эти мятушіеся борц...

Что это? Опять дверь въ уютную столовую какъ будто скрипнула и пріотворилась.

Я протираю глаза... Нѣтъ, это не призракъ разстроеннаго воображенія. Это просто живая дѣвочка... Откуда взялась эта

страшная дѣвочка? Зачѣмъ она выглядываетъ изъ двери и улыбается мнѣ? Что за ужасный взглядъ и что за ужасная улыбка.

Однако, что за малодушіе! Дѣвочка, какъ дѣвочка... Такихъ тысячи... Есть не въ примѣръ оборваннѣе и болѣзненнѣе.

— Подойди сюда, миленькая, не бойся... Не бойся же, подойди сюда, — говорю я.

Она робко, но съ видимымъ удовольствіемъ подходитъ ко мнѣ, не выпуская вязанья изъ прозрачныхъ, точно восковыхъ ручонокъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, миленькая?

— Вяжу чулки.

Нервы мои рѣшительно разстроены. Отъ звука этого голоса, слабого, надтреснутого, по мнѣ пробѣжали мурашки.

— Кому?

— Не знаю, заказаны барынѣ.

— И много ихъ вяжешь?

— Много.

— Какіе же ты вяжешь?

— Рѣшетчатые.

— Покажи-ка.

Она протягиваетъ мнѣ вязанье и я рассматриваю.

Это тотъ самый узоръ, которымъ я уже любовался въ чулкахъ, показанныхъ мнѣ Капитолиной Ивановной, тотъ самый, который, по ея словамъ, «выходитъ на ногѣ какъ кружево».

Глаза мои какъ-то невольно соскальзываютъ на ноги стоящей передо мной вязальщицы. Эти ноги босы и, очевидно, никогда не щеголяли въ узорчатыхъ чулкахъ...

Что же тутъ собственно ужаснаго? Развѣ мы не знаемъ, что много людей ходятъ босые, что босота эта вошла у насъ въ привычку, что они ею нисколько даже не тяготятся?

Безспорно, все это такъ, но бываютъ глупыя минуты, когда самыя простыя, обыденныя вещи вдругъ представляются въ самомъ зловѣщемъ, мрачномъ видѣ и когда вамъ, отроду не отнимавшему ни у кого чулокъ, а всегда покупавшему ихъ на наличныя деньги, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, до того сдѣлается совѣстно, словно вы украли много-много чулочныхъ паръ...

— Какъ тебя зовутъ, миленькая? — спрашиваю я.

— Марѣушка.

— Ты здѣшняя?

— Привезли.

— Откуда же тебя привезли?

— Не знаю.

- Давно?
- Давно.
- Ты, вѣрно, сиротка? У тебя никого... нѣтъ родни?
- Никого.
- Сколько тебѣ лѣтъ?
- Не знаю.
- Помнишь своихъ родныхъ?
- Помню.
- И что-жъ?... тебѣ... ты...

Языкъ у меня прилипааетъ къ гортани и я не могу продолжать. Я даже не могу смотрѣть на это безкровное, болѣзненное личико съ ласковыми, огромными, окруженными темной синевой глазами, хотя это личико не плачетъ, а улыбается.

- На тебѣ, Марѹша...

Она беретъ мелкія серебряныя монетки и начинаетъ ихъ разсматривать.

- Ты знаешь, какія это деньги?
- Знаю.
- У тебя есть деньги?
- Нѣтъ.
- А бывали?
- Нѣтъ.
- Никогда не бывали?
- Никогда.
- Ты недавно была больна?
- Нѣтъ.
- У тебя ничего не болитъ?
- Голова болитъ.
- Давно?
- Давно.

Я желалъ бы сказать ей что-нибудь ласковое, пріятное, что вызвало бы румянецъ на ея испитое личико, но ничего подходящаго прибрать не могу, снова прибѣгаю къ мелкой серебряной монетѣ и ограничиваюсь вопросомъ:

- Что ты себѣ купишь, миленькая? Ты ѣдишь въ городъ?
- Я никогда не ѣзжу. Я все тутъ сижу.
- Въ столовой, миленькая?
- Да, чтобы на глазахъ у барыни.
- А! Ну, когда ты поѣдешь потомъ въ городъ...
- Я не поѣду.
- Отчего-жъ?

— Не пускають.

— А! Ну, что-жъ... Это ничего... Главное... главное, чтобы... главное—хорошо работать, трудиться... Всѣ добрые, хорошіе люди трудятся... Ну, теперь поди, миленькая...

Она покорно удаляется. Я слѣжу за нею, заглядываю въ столовую, бросаю бѣглый взглядъ на узенькую нишу въ стѣнѣ, гдѣ она помѣщается на низенькой скамеечкѣ, слѣжу нѣсколько секундъ, какъ ея блѣдныя, тонкіе пальчики перебирають спицами, одобрительно улыбаюсь ей, киваю головою съ лукаво-веселымъ видомъ, говорящимъ: «увидишь, какъ хорошо тебѣ будетъ!» — выхожу въ гостиную и плотно притворяю за собою дверь.

О, сила прошлаго безумія! Я совершенно сознаю, что ажитироваться тутъ нечего, а между тѣмъ я въ ажитаци. Я долженъ вынуть платокъ изъ кармана и отереть лобъ, хотя и смѣюсь надъ своею способностью выискивать въ самыхъ простыхъ, обыденныхъ вещахъ трагическія стороны. Человѣкъ, менѣе пропитавшійся нелѣпыми бреднями, спокойнѣе бы посмотрѣлъ на самое душегубство. И что особенно плачевнаго въ этой дѣвочкѣ? Самая обыкновенная дѣвчонка. Такихъ полуидіотовъ встрѣчаешь сотнями... тысячами. И, очевидно, смѣлая... подошла ко мнѣ... Наконецъ, какое мнѣ дѣло? Развѣ я за всѣхъ и за все отвѣчаю? Я тутъ въ сторонѣ. Я ни причемъ. Я пріѣхалъ покупать ягоды и этимъ, надѣюсь, никому не повредилъ. Вотъ вамъ плоды прошлаго юродства: вы не можете отъ него излѣчиться. Оно, какъ жестокая зараза, вошло въ кровь и плоть ваши. Послѣдствія его губительны: оно отравило вамъ пищу, питье и сонъ. Оно...

Приходъ хозяйки прерываетъ мои размышленія.

— А, вы уже здѣсь, Андріанъ Андреевичъ,—говоритъ она,— а Паша васъ все ищетъ по саду. Какъ это вы разминулись?

— Не понимаю, Капитолина Ивановна, не понимаю... Я тоже долго искалъ Павла Петровича... У васъ такой огромный, чудесный садъ, что въ немъ не трудно заблудиться... Позвольте мнѣ проститься съ вами, Капитолина Ивановна, и отъ души поблагодарить вашъ радушный, любезный приѣмъ. Вѣрьте, я умѣю цѣнить...

— Оставляйтесь обѣдать, Андріанъ Андреевичъ.

— Сердечно благодарю васъ, Капитолина Ивановна, но, къ величайшему моему сожалѣнію, никакъ не могу остаться.

— Пожалуйста, оставайтесь.

— Не могу, Капитолина Ивановна, въ другой разъ съ душевнымъ удовольствіемъ...

— Такъ пріѣзжайте какъ-нибудь на этой недѣлѣ.

- Съ величайшимъ удовольствіемъ, Капитолина Ивановна...
- Когда же?
- Когда прикажете.
- Въ субботу.
- Съ большимъ удовольствіемъ...

— Да гдѣ же Паша? Онъ будетъ очень огорченъ, что съ вами не простился...

Капитолина Ивановна выходитъ на балконъ и кричить:

— Паша! Паша!

— Иду, иду, — отвѣчаетъ Паша, выходя изъ ближней бесѣдки и направляясь къ намъ.

— Вотъ Андріанъ Андреевичъ... онъ уѣзжаетъ...

— А я васъ искалъ, искалъ, Андріанъ Андреевичъ...

— Я тоже васъ искалъ, Павелъ Петровичъ...

— Какъ это мы потеряли другъ друга?

— Не понимаю. Впрочемъ, въ такомъ саду, какъ вашъ, не мудрено потеряться. Мое почтеніе!

— Мое почтеніе!

— Андріанъ Андреевичъ, не забудьте, что вы общали въ субботу къ намъ обѣдать!

— Помилуйте, Капитолина Ивановна, развѣ это возможно?!

— А вы безъ вучера?

— Безъ вучера.

— Совсѣмъ по-деревенски. Хе, хе, хе!

— Да... Хе, хе, хе!

— Мое почтеніе!

— Мое почтеніе!

— До свиданія!

— До пріятнаго свиданія!

IV.

*Negligens, ne qua populus laboret,
Parce privatus nimium cavere;
Dona praesentis cape laetus horae, et
Linguae severa.*

Horatius.

Пріятно войти въ обширную, прекрасную залу, когда зала снабжена соотвѣтствующею мебелью, хорошо освѣщенную, со вкусомъ убранную цвѣтами, когда въ растворенную дверь балкона врываются широкія волны напоеннаго ароматами вечерняго воздуха, когда, помѣстившись уютно, можно изъ любого угла лю

боваться кроткимъ сіяніемъ звѣздъ, разсуждать съ благовоспитанными знакомыми о какихъ угодно подвигахъ, пріятно возбуждать духъ свой и въ перспективѣ ожидать отлично сервированнаго чаю, ананаснаго мороженаго и великолѣпнаго ужина.

Я чувствовалъ такую пріятность, входя въ залу Елены Владимировны Чудовой, отъ которой наканунѣ получилъ приглашеніе провести вѣсть вечеръ, а потому не удивительно, что я вошелъ какъ-то особенно рѣзко (хотя, смѣю увѣрить, совершенно прилично) и особенно дружественно жалъ руки толпившимся тутъ знакомымъ. Да, я былъ пріятно возбужденъ и нисколько не стыжусь въ томъ признаться: человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чудно... Когда-то я безжалостно коверкалъ себя во имя идеала, — невозможнаго, неестественнаго идеала, — силился быть отщепенцемъ, отрекался отъ благъ и наслажденій жизни, сидѣлъ чуть не въ бочкѣ... Шутъ гороховый! Что-жъ изъ всего этого самобичеванія вышло, кому какая прибыль, польза или радость? Только себя лишилъ нѣсколькихъ сладкихъ капель на жизненномъ пирѣ (а этихъ капель и такъ мало!) и, быть можетъ, посократилъ свой вѣкъ никому не нужными жертвами.

Итакъ, я былъ пріятно возбужденъ, входя въ залу Елены Дмитриевны Чудовой.

Отелавившись хозяйкѣ, крошечной кроткой старушкѣ, съ величайшими глазами и микроскопическимъ ротикомъ, которая всегда принимаетъ радушно, постоянно изумляется: «какъ это на свѣтъ-то все мѣняется» и смиренно прибавляетъ: «видно воля Божія», я началъ отыскивать глазами ея дочь, Ольгу Чудову.

Эта дѣвушка начала меня интересоваться съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ о состояніи ея сердца. Первые волненія дѣвственной души меня всегда трогали. Теперь я понимаю, почему она такъ задумывалась, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ у Ферапонтовыхъ, почему глядѣла какъ-то неопредѣленно, въ даль, словно рвалась куда-то, гдѣ-то парила мыслью... Да, это несомнѣнно симптомы! И какъ она была мила въ тотъ вечеръ! Какъ мягко и таинственно свѣтились ея глубокіе глаза! Но, бѣдная, она не можетъ похвалиться своимъ сердечнымъ выборомъ. Развѣ этотъ сорванецъ, Григорій Ивановъ, способенъ когда-нибудь оцѣнить нѣжное чувство? Ему бы все рвать, да драть, да по вѣтру развѣвать... Это какой-то ястребенокъ... Какъ онъ, напримѣръ, со мной обошелся? И за что? За участіе, за сочувствіе...

— Здравствуйте! — вдругъ раздался около меня мягчайшій го-

лось. — Ну, какъ же я рада, что вы прѣѣхали, нашъ дорогой пустынникъ!

— Ахъ, Серафима Павловна! — восклицаю я, проворно обернувшись и увидавъ генеральшу Болотникову, сестру добрейшей Анны Павловны.

— Да, вотъ, кажется, и недавно знаю васъ, а точно цѣлые годы была съ вами знакома, цѣлые вѣка! — продолжаетъ она съ сердечною беззабвѣтностью.

— Ахъ, Серафима Павловна! — восклицаю я снова.

— Вся душа съ вами какъ - то нараспашку, что - то въ васъ есть родное... Я увѣрена, что мы съ вами встрѣчались прежде, знаете, гдѣ-нибудь, на какой-нибудь планетѣ были знакомы. Ей-Богу. Вѣдь, говорятъ, мы переходимъ съ планеты на планету... Да, я увѣрена, что мы давно съ вами на какой-нибудь планетѣ были знакомы!

Хотя мнѣ извѣстно, что генеральша Болотникова, при встрѣчѣ съ каждымъ малоизвѣстнымъ ей человѣкомъ, упоминаетъ о знакомствѣ съ нимъ когда-то на планетѣ и что слѣдственно рискуешь попасть въ весьма разнохарактерное общество, тѣмъ не менѣе я чувствую себя польщеннымъ.

Что дѣлать, не одна ворона заплатила за ласкающія слухъ рѣчи даже завѣтнымъ кускомъ сыра, а поклоны и улыбки — естественная, никому не убыточная дань, и я ее охотно приношу на алтарь общезитія.

— Ну, какъ же вы поживаете? Здоровы ли? — спрашиваетъ генеральша Болотникова. — Да сядемте... Вотъ тутъ, между цвѣтами, на балконѣ... Какъ чудно цвѣтутъ азалии!

— Прелестно, прелестно!... — вторю я, помѣщаясь рядомъ съ нею на чугунномъ диванчикѣ, подъ сѣнью пирамидокъ съ цвѣтами.

— Какъ милы эти диванчики *genre rustique*! Совершенно березовые сучья. Просто и мило.

— Чрезвычайно! — восклицаю я.

— Ахъ, дорогой мой Андрианъ Андреевичъ, если бы мы меньше удалялись отъ природы, и мы были бы проще и лучше. Намъ бы всѣмъ слѣдовало отбросить всякую искусственность и принять *genre rustique*...

— Совершенно справедливо, Серафима Павловна, совершенно справедливо, — вздыхаю я, внутренне прыская со смѣху при представленіи зрѣлища, которое явила бы собою моя собесѣдница, принявъ *genre rustique*. Вообразите гору клюквеннаго киселя, втиснутую въ форму сѣраго шелкового платья съ буфами, бантами и

бѣлыми кружевами, въ бѣлой кружевной нагольѣ съ лиловыми лентами, припудренную и въ локонахъ à la bombe шаман!

— Да, да, мы удалились отъ природы... Ну, что-жъ, перестали вы хандрить?

— Совершенно...

— Не скучаете въ нашей глуши?

— Возможно ли скучать, Серафима Павловна, когда я окружёнъ такими милыми сосѣдями!

— Да, да, вы вѣдь бѣжали отъ шума и суеты... Здѣсь у насъ глушь, но зато здѣсь ужъ вы не встрѣтите сердечнаго холода, зато здѣсь вы всегда найдете привѣтъ и искреннее теплое чувство.

— Повѣрьте, Серафима Павловна, я умѣю цѣнить...

— Да, впрочемъ, васъ вѣдь нельзя и не полюбить.

— Вы такъ добры...

— Нѣтъ, это вы такъ симпатичны... А вы какъ будто немножко поблѣднѣли за послѣднее время, а?

— Поблѣднѣлъ?

— Да... У насъ вѣдь прошелъ слухъ, что вы влюблены.

— Влюбленъ?

— Вѣдь вы знаете, у насъ никого не оставятъ въ покоѣ. Въ провинціи всегда такъ, всегда какія-нибудь комеражы... Не стоить обращать на нихъ вниманія!

— Кого же произвели въ предметъ моей страсти?

— Ольгу Чудову.

— Ха-ха-ха.

— Ха-ха-ха.

— На нее всегда нападаютъ. Милая дѣвушка, только, разумѣется, неосторожна: посылаетъ тамъ какого-то мальчишку за какими-то, будто бы, книгами... Ну, мальчишка и разболталъ все.

— Что же все?

— Конечно, перепуталъ, исказилъ, да вѣдь у насъ всему вѣрятъ! Говорятъ, будто бы перелѣзали тамъ черезъ какіе-то заборы ночью, будто бы сходились въ березовой рощѣ...

— Я?

— Нѣтъ, пріѣзжій молодой человѣкъ, вашъ счастливый соперникъ... Ха-ха-ха.

— Ха-ха-ха! Кто же этотъ пріѣзжій молодой человѣкъ?

— Племянникъ Бапитолины Ивановны Бусовой, студентъ. Знаете вы его? Онъ Маркъ Волоховъ.

— Видѣлъ, Серафима Павловна.

Я ничего къ этому не прибавляю, но Серафима Павловна,

съ двойственною ей проницательностью въ дѣлѣ всякихъ тоновъ и минъ, понимаетъ, что племянникъ Капитолины Ивановны Бусовой не олицетворяетъ для меня ничего похожаго на перлъ созданія.

— Какой-то странный этотъ молодой человекъ, — говорить она, — не правда ли?

— Д-да.

— Надменный какой-то... И съ чего такая надменность? Вѣдь не отъ Рюрика родъ свой ведетъ!

— Разумѣется, не отъ Рюрика... Но, Серафима Павловна, мое убѣжденіе такое, что знатность рода еще не даетъ права...

— Знаю, знаю, Андрианъ Андреевичъ. Конечно, всѣ мы люди и всѣ равны передъ Богомъ...

— Откуда бы онъ ни велъ родъ свой, Серафима Павловна, надменность его забавна...

— Онъ вродѣ Алеши Викулова... Помните? Виѣстъ бы имъ міръ передѣлывать... Хе-хе-хе!

— Хе-хе-хе!

— Все эти «новыя идеи». Вообразите, недавно пріѣзжаю я къ Настенькѣ Крамовой, — я ей крестная мать, ну, и люди они бѣдные, такъ я помогаю имъ понемножку, — и вижу, сидитъ вся взъерошенная, — ни воротничка, ни галстучка, корсажъ застегнуть на боги, — и пишетъ. Спрашиваю: что пишешь? «Ничего, ничего». Пошла она за дѣтьми въ садъ, я и посмотрѣла, что такое она строчила, — вѣдь я ей не чужая, — вижу на тетради: «Что дѣлать?» Я сѣла и тутъ же написала на поляхъ: «Учить Сашеньку молитвамъ и музыкѣ, не пускать Лиденьку бѣгать по солнцу, наблюдать за домашнимъ хозяйствомъ, за порядкомъ въ домѣ — вотъ что *дѣлать*».

— Гм... Ну, и что-жъ она?

— Обидѣлась. Какое вы, говорить, имѣете право? Слышите, я-то какое имѣю право! Я видѣла ее младенцемъ, я всегда ей помогала и вдругъ, какое я имѣю право?

— Молодость, Серафима Павловна; юношескій пылъ...

— Неблагодарность, милый Андрианъ Андреевичъ, вотъ что грустно! И мы были молоды, но мы чтитъ близкихъ людей, помнили добро...

— Я увѣренъ, Серафима Павловна, и она не могла забыть...

— Ахъ, дорогой мой, вы, какъ и я, все хотите перетолковать въ хорошую сторону! Къ несчастью, это не всегда возможно. Вообразите, недавно была седьмая годовщина моему Ираклію и она не пріѣхала. Это послѣ всѣхъ попеченій-то нашихъ! Богъ съ ней! Не въ первый разъ уже люди такъ платятъ мнѣ за все, что я для нихъ

дѣлала. Да вотъ не далеко искать — смотрите, входитъ Бородинская. Знаете ее?

Генеральша Болотникова, движеніемъ напудренного подбородка, указываетъ мнѣ на входящую даму высокаго роста, стройную, съ правильнымъ спокойнымъ лицомъ, не обремененную ни оборочками, ни бантиками, ни украшеніями.

— Я ее встрѣчалъ уже, — отвѣчаю я. — Англичанка по происхожденію, кажется?

— Да... Вѣдь была у меня гувернанткой. Мы ее пріютили, знаете, пригрѣли... Поступила къ намъ — ни платица порядочнаго, ни бѣлья... Я ей и то, и другое, и третье... Обращалась съ ней, знаете, просто, по-дружески. Бывало хоть и вижу, что не такъ — промолчу. Богъ съ ней, съ бѣдненькой, думаю, она на чужой сторонѣ, зачѣмъ ее огорчать... Мои Эльвира и Темира такія были понятливыя дѣвочки, что ихъ почти и учить было не надо: языки онѣ знали, можно сказать, съ пеленокъ... Она у меня почти ничего не дѣлала, — не трудилась, а отдыхала. И что-жъ вышло, какъ вы думаете?

— Не знаю, Серафима Павловна, — улыбаюсь я.

— Влюбилась въ моего покойнаго брата!

— Вотъ какъ!

— Я и тутъ къ ней не измѣнилась... Вы не подумайте, дорогой Андрианъ Андреевичъ, что я сколько-нибудь пристрастна къ знатности, къ чинамъ или къ богатству — о, нѣтъ! У меня родной племянникъ былъ влюбленъ въ простую крестьянку и я ему говорила: «ну, что-жъ, если ты ее любишь и прекрасно, и женись на ней!» Это была даже мечта моя. Но, къ несчастью, дѣвушка оказалась недостойною... Измѣнила ему, — ну, и разныя тамъ разности... Вѣдь даже и въ народѣ есть недостойные... Горько мнѣ было въ этомъ убѣдиться, а дѣлать нечего.

— Недостатокъ развитія, Серафима Павловна, — замѣчаю я.

— Да, да... Такъ вотъ она и влюбилась въ моего покойнаго брата, и началась трагикомедія. Всѣ на нее, конечно, напали ужасно... Сестры мои, вы знаете, милыя, добрыя, но съ предразсудками, особенно Нушенька... А я только сказала ей: «Кисинька!» — мы звали ее Кисинька, какъ она къ намъ поступила, мы ее сейчасъ и перекрестили: миссъ Кетъ, Катерина Николаевна — все такъ церемонно, такъ холодно, мы хотѣли ее пригрѣть, ободрить. Такъ я ей только сказала: «Кисинька, старайтесь побѣдить вашу любовь къ моему брату, эта любовь не дастъ вамъ счастья. Soyez courageuse, ma chère! le sentiment d'un devoir accompli nous élève

et nous transforme! А если вамъ грустно, тяжело, то выплачьте свое горе вотъ здѣсь (генеральша Болотникова треплетъ себя по кисельной горѣ, покрытой буфами сѣрой шелковой матеріи), у меня на груди...

— И что-жъ она?—спрашиваю я, всматриваясь въ строгій профиль предмета нашей бесѣды, помѣстившагося въ просвѣтъ балконныхъ дверей и съ спокойной улыбкой слушающаго какую-то голубую даму, которая сыплетъ словами какъ горохомъ изъ мѣшка, и не безъ злорадства, каюсъ въ томъ, помышляя: а, и ты, невзирая на твое британское достоинство, до того поддавалась очарованью русской широкой силы, что забыла всѣ свои островитянскія предубѣжденія!...

— Ну, конечно, она не изъ избранныхъ натуръ!—вздыхаетъ генеральша.—Бѣдный мой братъ опомнился первый и уѣхалъ въ Москву... Сколько я тутъ съ нею возилась! Сама, бывало, смачиваю ей голову винегромъ, уговариваю, убѣждаю, утѣшаю, плачу съ ней! Покою ее на груди своей!

— А говорятъ, англичанки такъ сдержанны,—замѣчаю я, все болѣе и болѣе усомняясь, чтобы рассматриваемый мною строгій профиль когда-либо прикасался къ возвышающимся предо мною сѣрымъ буфамъ.

— Мало ли что говорятъ, дорогой Андрианъ Андреевичъ,—отвѣчаетъ генеральша Болотникова.—Неужто вы полагаете, что тамъ у нихъ, въ Англіи, ничего подобнаго не бываетъ? И тамъ случается... *qu'on jette son bonnet par dessus les moulins*... Хе, хе, хе...

— Хе, хе, хе! Конечно, случается...

— А она—престрастная!—продолжаетъ генеральша Болотникова.—Вы не можете себѣ и представить, что она выдѣлывала... Не можете представить!...

Спокойное лицо, украдкой мною разглядываемое, случайно или привлеченное моимъ долгимъ упорнымъ взглядомъ, обращается въ нашу сторону, и я усматриваю въ немъ столько нелицемѣрной честности, что у меня вдругъ является вопросъ: какое право имѣю я столь нагло развѣдывать сокровенныя, личныя чужія дѣла?

Я невольно краснѣю, но не рѣшаюсь прервать мою собесѣдницу рѣзкимъ переходомъ къ другой матеріи, а съ подобающей деликатностью пытаюсь шутливо напомнить о снисхожденіи.

— Миръ прошлому!—говорю я съ улыбкой,—теперь она замужемъ и все...

— Да, къ несчастью замужемъ,—перебиваетъ меня генеральша Болотникова.—Не послушалась меня!

— Что-жъ, несчастлива?—спрашиваю я, проникаясь участіемъ къ островитянкѣ.

— Ахъ, и не говорите! Онъ пренепріятный человѣкъ. Безчувственный такой, алчный... И въ лицѣ у него *quelque chose de repoussant*... Прорывается, знаете, наружу... Неужто васъ его лицо не поразило непріятно? Вѣдь вы фізіономистъ...

— Я его не видалъ.

— Не видали? Вы часто бываете у Нушеньки, какъ же это его не встрѣчали? Онъ тамъ съ женой гостить ужъ недѣли три.

— Онъ не появлялся. Изъ разговора мадамъ Бородинской съ Мефой Павловной я могъ заключить, что онъ въ отсутствіи гдѣ-то, по дѣламъ, въ Тамбовской или Саратовской губерніи, не припомню хорошенько.

— Да, да, онъ вчера только возвратился... Ну, сегодня увидите, онъ здѣсь, я его встрѣтила въ цвѣтникѣ... Вотъ тоже отблагодарилъ насъ! Мой отецъ взялъ его въ домъ нищимъ, вывелъ въ люди... Мы отдали его въ университетъ, содержали тамъ... Бывало напишетъ: «умоляю васъ, вышлите денегъ», и мы сейчасъ же шлемъ... И что-жъ? Онъ начинаетъ сбивать съ толку мою племянницу, дочь моей старшей сестры (дѣвочка этакая, знаете, восторженная, энтузіастка, сумасбродка... Сестра странно ее воспитала и жестоко была за это наказана). Слава Богу, одинъ счастливый случай все намъ открылъ... Другія бы послѣ этого на глаза не пустили, но мы уже если кѣмъ увлекаемся, такъ все на свѣтъ готовы простись и извинить... Простили мы, извинили и еще пожалѣли... Ей-Богу. Вы не можете и вообразить, до чего мы слабы! И что-жъ? Онъ начинаетъ кружить голову другой моей племянницѣ. Я первая это замѣтила, говорю Нушенькѣ—не вѣрить! Еще на меня напала, —такъ онъ сумѣлъ ее обойти! Потомъ, наконецъ, влюбляется въ мою Эльвиру. Ну Эльвира, конечно, не могла отвѣчать ему и мы съ нею только надъ нимъ посмѣялись... Тутъ онъ видитъ, что его разгадали, и посватался за Екатерину Николаевну.

— И, наконецъ, остепенился?—улыбаюсь я.

— Вы думаете, онъ сдѣлалъ это безкорыстно? Ахъ, дорогой Андріанъ Андреевичъ, какъ вы ошибаетесь! Онъ зналъ, что мы ее не оставимъ, и на это рассчитывалъ. Мы, конечно, дали ей приданое... то-есть не приданое, не прямо, а такъ, какъ будто *cadeau de pose*... Потомъ я хлопотала о немъ, черезъ графа Сергѣя устроила ихъ... Графъ Сергѣй вѣдь отличный человѣкъ и ужъ такъ мнѣ преданъ! Съ дѣтства знаемъ другъ друга: у насъ нѣтъ другъ

отъ друга тайнъ... Онъ, знаете, такая страстная натура. Я ему часто говорю: право, Сергѣй, вы опасный, вы — *mauvais sujet*, съ вами не слѣдуетъ ни на минуту оставлять хорошенькихъ женщинъ, иначе онѣ пропади!... И увѣряю васъ, что это такъ, противъ него ни одна не устоитъ, до того онъ умѣетъ быть обаятельнымъ. Устояла бы развѣ одна моя Темира, но вѣдь она ужъ такая у меня пуританка! Вѣчно дома, вѣчно съ семьей возится, мы ее такъ и прозвали Пенелопой... Я васъ непременно съ нею познакомлю... Надѣюсь, вы къ намъ заглянете?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, Серафима Павловна.

— Ужъ она по моимъ рассказамъ васъ любитъ... Не вѣрите?

— Не смѣю вѣрить, Серафима Павловна.

— Да развѣ васъ можно не любить? Какъ мнѣ жаль, какъ досадно, что здѣсь теперь нѣтъ моей Эльвиры! Вы бы съ нею сошлись... Вы бы ее поняли! Какъ нарочно, на зло, всѣ мои разлетѣлись въ разныя стороны. Я ужъ писала имъ: спѣшите, у насъ теперь гостить сокровище.

— Серафима Павловна, вы меня ужасно смущаете, — улыбаюсь я: — еслибъ я не былъ увѣренъ въ вашей безконечной добротѣ, я бы заподозрилъ, что вы надо мной издѣваетесь.

— Такъ вы думаете, вы не сокровище? — улыбается генералъша Болотникова.

— Помилуйте...

— А я думаю, что сокровище. Это мое убѣжденіе.

— Помилуйте...

— Не спорьте, дорогой Андрианъ Андреевичъ, не спорьте. Развѣ вы забыли, что въ нашъ свободный вѣкъ всякій можетъ имѣть свои убѣжденія? Хе, хе, хе!

— Хе, хе, хе!... Однако...

— Безъ всякихъ однако! Серьезно говорю, милый мой Андрианъ Андреевичъ, я отъ всей души васъ полюбила съ перваго же раза, какъ только увидала. Какъ только на васъ взглянула, такъ почувствовала, что тутъ что-то точно родное... Право, я думаю, что мы прежде гдѣ-нибудь на планетѣ были знакомы! Я такъ и писала своему Коко... Онъ отвѣчаетъ, что ужъ заочно васъ любить.

— Боюсь, Серафима Павловна, что я не оправдаю столь лестнаго мнѣнія.

— Полноте, полноте! Я вѣдь не Нушенька и не Мефа, тѣ вѣчно разочаровываются, потому что увлекаются Богъ вѣсть

вѣмъ... А если и увлекутся по счастливому случаю хорошимъ человѣкомъ, то непременно запутаютъ его въ какую-нибудь исторію и перессорятся... Онѣ добрыя, милыя, благородныя, но ужъ такое ихъ счастье! Не наградила Господь Богъ постоянствомъ. Онѣ въ этомъ пошли въ нашего старшаго брата, въ Кирилла: тотъ всю жизнь глумилъ... связывался съ самыми недостойными людьми, съ самыми отчаянными кутилами... Сколько онъ вѣмъ намъ горя принесъ, такъ я вамъ и выразить не могу! Какихъ иногда креатуръ онъ въ домъ вводилъ! Пробовала я не разъ его образумить, но только получала за это оскорбленія... Ну, Богъ съ тобой!—сказала я ему въ послѣдній разъ:—самъ потомъ увидишь, что я тебѣ добра желала, самъ пожалѣешь! Теперь онъ и жалѣеть, да ужъ поздно: имѣнье разорено въ конецъ, не нынче-завтра и Каменку съ аукціоннаго торга продадутъ.

— Неужто?

— А вы приняли, что тамъ у нихъ благоденствуютъ? То-то и горе, что мы любимъ *jeter de la poudre aux yeux*! Это наша несчастная страсть! А пора бы, кажется, ужъ и за умъ взяться! Еще не дальше какъ вчера, въ Каменкѣ былъ купецъ Матюхинъ и угрожалъ подать ко взысканію... Я тоже поспѣшила туда,—сердце не вытерпѣло: свое все-таки, кровное! Что же ты, Кириллъ, думаешь дѣлать?—говорю. Фыркнулъ въ отвѣтъ. «Я прошу,—говорить,—не вѣшиваться въ мои дѣла». И опять запилъ горше прежняго... Ахъ, дорогой Андріанъ Андреевичъ, я съ вами откровенно говорю о самыхъ близкихъ дѣлахъ, не таю отъ васъ ничего... Къ чему таить отъ васъ? Вы вѣдь все поймете!

— Повѣрьте, Серафима Павловна, что я не способенъ злоупотреблять вашимъ довѣріемъ.

— Увѣрена, увѣрена, милый мой... Я рада съ вами облегчить душу... А вотъ и Нушенька! Къ намъ идетъ... Здравствуй, Нушенька, что ты такъ поздно?—обращается генеральша Болотникова къ приближающейся дамѣ.

Эта дама моя пріятельница, та самая Анна Павловна Колесова, которая пишетъ мнѣ милѣйшія письма, заботится о моемъ бобылевскомъ хозяйствѣ и рекомендовала Капитолинію Ивановну Бусовой,—но справедливость вынуждаетъ меня признаться, что она, одѣтая въ свѣтло-сѣрое платье и развѣвающуюся черную мантильку, издали чрезвычайно напоминаетъ ночную бабочку, а вблизи—мелкую хищную птичку, способную поплевать всѣхъ существующихъ ночныхъ и дневныхъ бабочекъ, если таковыя попа-

дутся... Но я уже, кажется, сказалъ, что наружность еще ничего не значить... обманчива.

— Здравствуй, Фима, милая! Здравствуйте, дорогой мой Андрианъ Андреевичъ!—привѣтствуетъ насъ Анна Павловна.—Вотъ вы какъ тутъ пріютились въ цвѣтахъ!

Я спѣшу уступить ей свое мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, голубчикъ,—отговаривается она,—ни за что! Я вотъ тутъ усядусь, въ этомъ уголкѣ.

Я настаиваю и заявляю непоколебимое намѣреніе стоять передъ нею, пока она не займетъ предлагаемаго мѣста.

— Ну, нечего съ вами дѣлать... Ну, хорошо, дорогой вы мой... добрый вы мой, несравненный!—сдается она, наконецъ.—Ну, какъ же вы поживаете? Какъ жарко сегодня! У меня голова разболѣлась, пока доѣхала.

— Да что ты такъ поздно, Нуша?—спрашиваетъ генеральша Болотникова.—Смотрю, смотрю, все тебя нѣтъ.

— Ждала Мефу,—отвѣчаетъ Анна Павловна,—ты вѣдь знаешь ея сборы!

— Еще бы!—улыбается генеральша Болотникова.—Да гдѣ-жъ она?

— Да я такъ и не дождалась: пріѣхалъ Ферапонтовъ и она повела его смотрѣть своихъ попугаевъ.

— Что-жъ она, не будетъ?

— Можетъ быть, виѣстѣ съ Ферапонтовымъ пріѣдетъ.

— А знаешь, Евгенийъ Ферапонтовъ здѣсь съ утра.

— Здѣсь? Ну, Богъ съ нимъ!

— Спрашивалъ о тебѣ,—продолжаетъ генеральша Болотникова и, обращаясь ко мнѣ, говорить:

— Это кузень Геннадія Ферапонтова, который вамъ такъ нравится... Вѣрно вы уже о немъ слышали?

— Да,—отвѣчалъ я,—слыхалъ, что весьма ученый, образованный человѣкъ.

— Такихъ ученыхъ слѣдовало бы въ кунсткамеру сажать!—смѣется Анна Павловна, причемъ ея блѣдно-голубые глаза поблескиваютъ, словно изъ нихъ выскакиваютъ тоненькія иголочки.

Я любезно недоумѣваю.

— Чудака-то онъ чудака, грѣха дѣвать некуда,—улыбается генеральша Болотникова.—Un peu toqué!...

— Неужто?—восклицаю я.

— Фима очень добра,—перебиваетъ Анна Павловна,—поэто-

му извиняетъ всякія безобразія, но я не могу не сказать, что чувствую... Я не поклонница Ферапонтова... Я предоставляю это Мефѣ... *P fait toujours l'important...* Вѣчно какія-то проповѣди и свысока... Я когда-нибудь скажу Геннадію, что я въ проповѣдникахъ не нуждаюсь и что лучше проповѣдей всякому смотрѣть за собою... Помнишь, Фима, что выдѣлывалъ Евгеній Ферапонтовъ, когда былъ влюбленъ въ Мефу?

— А помнишь, что за чудеса онъ говорилъ, когда былъ влюбленъ въ Воеводину?

— А когда таялъ по Пороховниковой?

— А когда млѣлъ у ногъ Арбузовой?

— Да это, вѣроятно, не тотъ Ферапонтовъ! — говорю я съ искреннимъ недоумѣніемъ, — это не тотъ ученый, серьезный человѣкъ, благородный уѣздный дѣятель, анахоретъ!

— Анахоретъ! — со смѣхомъ восклицаетъ генеральша Болотникова.

— Анахоретъ! — со смѣхомъ восклицаетъ Анна Павловна.

— Ахъ, дорогой Андрианъ Андреевичъ, — шутитъ генеральша Болотникова, — развѣ вы не знаете, не помните пословицу: *Quand le diable devient vieux, il se fait ermite.*

— Помню, Серафима Павловна, — отвѣчаю я съ улыбкой, — но я не прилагалъ этой пословицы въ данномъ случаѣ.

— Онъ у насъ ужасный ферлагуръ. Вѣдь мы его съ дѣтства знаемъ, вмѣстѣ росли. Онъ былъ очень недуренъ собою, носилъ волосы до плечъ и его всѣ звали Владиміромъ Ленскимъ... За него сестры Птицыны разъ подрались... Помнишь, Нуша? А помнишь, какъ онъ изъ-за Красноярской чуть не застрѣлился?

— Да, да, — подхватываетъ Анна Павловна, обращаясь ко мнѣ, — вообразите, голубчикъ, является съ пистолетомъ и говоритъ Красноярской: «Любите вы меня?» Та перепугалась. «Я люблю моего мужа!» — отвѣчаетъ. «А, если такъ, такъ я сейчасъ выстрѣлю себѣ въ животъ!» И *quelle idée!* — стрѣлять въ животъ! Вѣчный комедіантъ!

— И вѣдь выстрѣлилъ въ животъ! — прибавляетъ генеральша Болотникова. И смѣхъ такъ начинается ее всю колебать, что я готовъ опасаться, какъ бы она не выхлынула изъ своего шелковаго платья, какъ кисель изъ сосуда, и не затопила бы балкона. — Выстрѣлилъ!

— Однако, ужъ это не комедія! — замѣчаю я.

— Ахъ, мой дорогой, все комедія, — восклицаетъ Анна Павлов-

на,—онъ вѣдь такъ выстрѣлилъ, что ничего опаснаго быть не могло... Просто интересничалъ... Но Красноярская умная женщина и прогнала его... А теперь съ толку сбиль, погубилъ несчастную дѣвочку.

— Да, да, бѣдная Надя, жаль ее!—говорить генеральша Болотникова.—Это наша родственница,—поясняетъ она мнѣ,—совсѣмъ еще ребенокъ.

— Совсѣмъ ребенокъ!—подхватываетъ Анна Павловна.—И какая была милая, добрая. Вызвался ее учить и вдругъ ей говорить: «Можно васъ любить?» Каково это? Мать ничего не подозреваетъ, и вдругъ, какъ только ей исполнилось шестнадцать лѣтъ, она выходитъ за него замужъ! Какой ударъ для бѣдной матери!

— Но, значить, дѣвушка его любитъ?—замѣчаю я, въ видѣ скромнаго предположенія.

— Какое любить! Теперь сама изнываетъ съ тоски!

— Онъ мучить ее ревностью,—прибавляетъ генеральша Болотникова,—прячетъ ото всѣхъ! Даже къ роднымъ никуда не пускаетъ.

— Первую жену уморилъ,—перебиваетъ Анна Павловна,—и эту уморить... Онъ меня ненавидитъ за то, что я почти прямо сказала ему: «Не грѣхъ вамъ жениться въ ваши лѣта, съ вашими болѣзнями?» Вы только вообразите, дорогой мой, Андрианъ Андреевичъ, что онъ даже въ іюлѣ мѣсяцѣ не можетъ по утру ходить безъ чепца съ ушками!

— Да, да,—смѣется генеральша Болотникова,—въ послѣдній разъ пріѣзжаю къ нимъ, а онъ въ чепцѣ сидитъ, точно наша старая Анеиса...

— Ну, ужъ и Геннадій тоже позѣрь! Пріѣхалъ къ намъ, жалуется, что хвораетъ, что докторъ велитъ за границу. Отчего же вы, Геннадій, не ѣдете?—спрашиваю. «Собирался,—говоритъ,—да теперь ужъ не на что, всѣ деньги, какія были, роздалъ мужикамъ... Увидалъ,—говоритъ,—что мужички въ оспѣ домой ѣдутъ изъ Питера, побоялся, что заразить всѣ деревни, жаль стало, я и пристроилъ ихъ полѣчиться».

— А Мефа, я думаю, такъ и присядетъ отъ восхищенія?—улыбается генеральша Болотникова.

— Ужъ разумѣется...

— Однако,—замѣчаю я,—это все-таки ему дѣлаетъ честь. Во имя добраго дѣла простите ему, медамъ, маленькую слабость.

— Я сомнѣваюсь въ этихъ добрыхъ дѣлахъ, милый Андрианъ Андреевичъ,—возражаетъ Анна Павловна.—А ты, Фима, вѣришь?

— Грѣшный человѣкъ, не совсѣмъ... Геннадій всегда любилъ попозировать... А вотъ и онъ! Легко на поминѣ... Гдѣ же Мефа? Геннадій! Геннадій! Здравствуйте!

Геннадій Ферапонтовъ направляется въ нашу сторону и насъ привѣтствуетъ. Геннадій Ферапонтовъ высокій, чернотубый человѣкъ, съ желто-пепельными сѣдоватыми косичками на вискахъ, съ желто-пепельнымъ цвѣтомъ лица, жидко-волосый, жидко-бородый, небрежно одѣтый и неумытый. Голосъ его, необыкновенно мягкій, какой-то ободряющій, словно онъ видитъ кругомъ нищету, какъ духовную, такъ и матеріальную, но вращается среди нищенствующихъ милосердно, съ христіанскимъ смиреніемъ и кротостью. Общій видъ его почему-то всегда мнѣ приводитъ на память вылинявшіе пейзажи въ запыленныхъ рамкахъ, стершіеся образа, потухшіе очаги, выдохшіеся флаконы... А между тѣмъ, какъ онъ красно-рѣчивъ!

— Гдѣ вы дѣвали Мефу?—спрашиваетъ его генеральша Болотникова.

— Она здѣсь,—отвѣчаетъ Геннадій Ферапонтовъ,—остановилась въ цвѣтникѣ съ Евгеніемъ.

— Ну, присядьте около насъ, Геннадій,—продолжаетъ генеральша Болотникова,—сюда, поближе... Что васъ такъ рѣдко видно? Все сушите себя надъ книгами, надъ философіей? Вотъ удивительный человѣкъ, Андріанъ Андреевичъ, — обращается она ко мнѣ,—вѣкъ свой все думаетъ о другихъ! Помню, бывало, въ юности, другіе веселятся, танцуютъ, а его не вытянешь изъ-за письменнаго стола,—все читаетъ, да философствуетъ. Другіе, бывало, покупаютъ разные пустяки, ружья, брелоки, а онъ все отдаетъ бѣднымъ.

— Полноте вамъ, Серафима, перебирать мои кости,—говоритъ Геннадій Ферапонтовъ, но такъ ласково, что эта переборка костей ему, очевидно, не досадна,—онъ и безъ того у меня ноютъ.

Онъ при случаѣ подсмѣивался надъ легковѣрными людьми, поддающимися подъ очарованіе лъстивыхъ словъ, но, между нами будь сказано, я всегда былъ увѣренъ, что изъ его желтыхъ слобыхъ клыковъ сыръ гораздо легче выпадаетъ, чѣмъ изъ моего зубастаго рта.

— А отчего за границу не ѣдете?—съ укоромъ говоритъ Анна Павловна.—Грѣхъ такъ не беречь себя!

— Хотъ бы для друзей себя поберегли, Геннадій!—вздыхаетъ генеральша Болотникова.

— Совсѣмъ было собрался, — отвѣчаетъ Геннадій Ферапонтовъ, — да не удалось, подошли изъ Питера мужички, зараженные оспой, такъ ужъ не до за-границъ. Надо было ихъ пріютить, полѣчить, а то вѣдь они бы занесли заразу по всѣмъ окружнымъ деревнямъ... Ну, и не поѣхалъ за границу...

— Вотъ онъ всегда такъ, нашъ добрый Геннадій! — восклицаетъ генеральша Болотникова.

— Добрый, добрый Геннадій! — вторитъ ей Анна Павловна, бросивъ мнѣ знаменательный взглядъ. — Но все-таки надо и о себѣ подумать, не правда ли, Андріанъ Андреевичъ?

— Конечно, конечно, — соглашаюсь я, и вмѣсто того, чтобы потѣшаться, въ бѣшенствѣ своему чувству, что во мнѣ начинается разгораться негодованіе.

Все это, видите, старая отравѣ дѣйствуетъ. Я проникнуть ею и начинаю серьезно сомнѣваться, излѣчусь ли когда-нибудь.

Ну, какое мнѣ дѣло до этихъ двухъ старушенцій, до ихъ болтовни и сплетенъ, до Геннадія Ферапонтова и до его добрыхъ дѣлъ? А между тѣмъ я волнуюсь, мнѣ душно, я готовъ сорвать наколку съ Анны Павловны, опрокинуть горшокъ рододендроновъ на генеральшу Болотникову, сказать дерзость Геннадію Ферапонтову. Разумѣется, я себя сдерживаю...

— Теперь ужъ такихъ людей, какъ вы, Геннадій, нѣтъ, — продолжаетъ генеральша Болотникова. — Вы настоящій христіанинъ. Не даромъ васъ называютъ апостоломъ, не даромъ васъ...

— Да, угомонитесь же, Серафима! — перебиваетъ Геннадій Ферапонтовъ. — Лучше расскажите, о чемъ вы тутъ толковали...

— А вотъ я говорила Андріану Андреевичу, что мы вѣрно были съ нимъ знакомы прежде, на какой-нибудь планетѣ встрѣчались...

— Кто-жъ осмѣлится положительно утверждать противное? — спрашиваетъ Геннадій Ферапонтовъ. — Отрицатели неосозаемыхъ явленій, современные Ѳомы невѣрные, не могутъ представить никакихъ данныхъ, которыя бы убѣждали насъ въ невозможности существованія этихъ...

— Что съ вами, милый Андріанъ Андреевичъ? — вдругъ восклицаетъ Анна Павловна.

— Головокруженіе, — отвѣчаю я, поспѣшно вставая.

— Ахъ, Боже мой!

— Солей бы поскорѣй...

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь... я подверженъ голово-

бруженіямъ... Это пустяки!—слѣшу я увѣрить.—Стоить только походить немного по саду и я оправлюсь...

— Да солей бы!—поетъ въ слѣдъ мнѣ генеральша Болотникова.

— Ахъ, не бережете вы себя,—укоряетъ Анна Павловна.

Я спасаюсь въ глубь сада, въ густую липовую аллею, тутъ свободно вдыхаю и вслѣдъ за тѣмъ радостно ахаю: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на дерновой скамьѣ, сидитъ Ольга Чудова.

Ко мнѣ мгновенно возвращается хорошее расположеніе духа.

«Бѣжалъ отъ трехъ старыхъ грибовъ,—говорю я себѣ съ улыбкою,—и неожиданно попалъ на прелестнѣйшій цвѣтокъ».

Но Ольга меня не замѣчаетъ. Какъ она задумчива! Бѣдная! о чемъ эти думы?

Я подхожу къ ней и привѣтствую. Она слегка вздрагиваетъ, потомъ разсѣянно мнѣ улыбается и разсѣянно спрашиваетъ, какъ я поживаю.

— А вы какъ?—спрашиваю я въ свою очередь, садясь около нея на дерновой скамьѣ.

— Ничего... какъ всегда,—отвѣчаетъ она.

Въ аллеѣ зеленая тьма, и можетъ быть вслѣдствіе этого она кажется такою блѣдною, а глаза ея такими темными и блестящими.

— Я нарушилъ ваше уединеніе? Помѣшалъ вашимъ думамъ?—говорю я.

— Ничего,—отвѣчаетъ она.

— Еслибъ я посмѣлъ, я бы спросилъ: о чемъ эти думы?

— О многомъ... Напримѣръ, о томъ, неужто я цѣлый вѣкъ свой буду только сидѣть да раздумывать? О томъ, гдѣ, въ чемъ настоящая правда, настоящее добро, настоящая жизнь? О томъ, что здѣсь душно...

Я тотчасъ же соображаю, откуда вѣтеръ дуетъ!

— Вы еще не рѣшили этихъ вопросовъ, Ольга Николаевна?—спрашиваю я.—О, будьте осмотрительны при рѣшеніи! Мы часто плѣняемся миражами и затѣмъ горько раскаиваемся, дорого за это платимъ. Мы часто увлекаемся неосуществимыми мечтами...

Она пристально на меня глядитъ, какъ бы очнувшись, какъ бы только въ эту минуту увидавъ, кто передъ нею и, проговоривъ: «извините, меня ждутъ», исчезаетъ прежде, чѣмъ я успѣваю опомниться.

Повторяю: я жалкій, несчастный человек! Какое мнѣ, казалось бы, дѣло до этой глупенькой дѣвочки, а я самъ не свой! Я не могу переварить ея пренебреженія, я трясусь какъ въ жестокой лихорадкѣ и строю тысячи плановъ, какъ ей убѣдительно доказать, что я не таковъ, какъ она полагаетъ, не похожъ на тѣхъ, отъ кого ей душно...

Я, разумѣется, мало-по-малу успокоиваюсь, но благораствореніе воздуха, ароматъ цвѣтовъ, веселое общество, ужинъ—все для меня испорчено, все отравлено...

Я успокоиваюсь, но не въ силахъ отказаться отъ попытки объясниться съ Ольгой и отправляюсь ее отыскивать...

Марко Вовчокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

II.

Мацько готовился къ дорогѣ, а Ягенка не показывалась въ Богданецѣ два дня и все время проводила въ совѣщаніяхъ съ чехомъ. Старый рыцарь встрѣтилъ ее на третій день по дорогѣ къ костѣлу. Она ѣхала въ Бшесню съ братомъ и съ большимъ конвоемъ слугъ, — кто знаетъ, не выздоровѣли ли Чтанъ и Вильгъ и не учинять ли на нее какого-нибудь нападенія.

— Я и такъ хотѣла послѣ обѣдни заѣхать въ Богданецъ, — сказала она, поздоровавшись съ Мацькомъ, — у меня къ вамъ неотложное дѣло, но мы и теперь можемъ поговорить о немъ.

Она поѣхала впередъ, видимо не желая, чтобы слуги слышали ихъ разговоръ, а когда Мацько поровнялся съ нею, спросила:

— Такъ вы навѣрно ѣдете?

— Дастъ Богъ, завтра выѣду, не позже.

— И прямо въ Мальборгъ, а можетъ быть и нѣтъ?

— Буда придется.

— Такъ выслушайте теперь и меня. Я долго думала, что мнѣ дѣлать, а теперь хочу просить у васъ совѣта. Прежде, когда тятя былъ живъ, а аббатъ еще въ силѣ, дѣло было другое. Чтанъ и Вильгъ думали, что я выберу одного изъ нихъ, и грызлись другъ съ другомъ. Но теперь я остаюсь безъ всякой защиты и мнѣ придется или сидѣть въ Згожелицахъ за частоколомъ, какъ въ темницѣ, или они непремѣнно чѣмъ-нибудь изобидятъ меня. Какъ вы думаете, правду ли я говорю?

— Да, — сказалъ Мацько, — и я думалъ объ этомъ.

*) *Русская Мысль*, 98 г. кн. XII.

— И что же вы надумали?

— Я ничего не надумалъ, но долженъ тебѣ сказать, что наша земля все-таки польская, и что нашъ статутъ жестоко караетъ насиліе надъ дѣвушкой.

— Это хорошо, но отсюда до границы рукой подать. Я знаю, что и Силезія—польская страна, а однако князья тамъ ссорятся и нападаютъ другъ на друга. Еслибъ не то, тятя мой милый былъ бы живъ. Налетѣла туда цѣлая куча нѣмцевъ, буянить, разными несправедливостями дѣлають, а если кому нужно скрыться, тотъ и скроется. Конечно, я не далась бы ни Чтану, ни Вильку, но нужно подумать о моемъ братѣ. Если меня не будетъ здѣсь, въ Згожелицахъ все успокоится, а если я останусь здѣсь, Богъ вѣсть, что будетъ. Будутъ нападенія, побоища, а Яську уже четырнадцать лѣтъ и его не только я, но и никакая сила не удержитъ. Въ послѣдній разъ, когда вы пришли намъ на помощь, онъ уже рвался впередъ, и когда Чтанъ бросилъ въ моихъ людей свою булаву, то чуть было не попалъ Яську въ голову. Да, Яська уже говорить, что вызоветь и его, и Вилька драться на утоптанной землѣ. Не будетъ мнѣ, говорю я вамъ, ни дня покою, я боюсь, какъ бы и съ моими младшими братьями не случилось чего-нибудь дурного.

— Правильно... собачьи они сыны, и Чтанъ, и Вилькъ,—живо сказалъ Мацько,—но на дѣтей руки не поднимуть! Тыфу! На это развѣ одинъ крестоносецъ способенъ.

— На дѣтей они руки не поднимуть, но въ суматохѣ, или, упаси Богъ, при пожарѣ, мало ли что можетъ быть? Да что тутъ толковать! Сецехова любитъ моихъ мальчишекъ, какъ родныхъ дѣтей, и не перестанетъ заботиться о нихъ, только безъ меня все будетъ гораздо спокойнѣй, чѣмъ со мною.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Мацько.

Потомъ онъ проникательно посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Да ты чего хочешь?

Она понизила голосъ и тихо отвѣтила:

— Возьмите меня съ собой.

Хотя Мацьку не трудно было догадаться, чѣмъ окончится разговоръ, но онъ сильно изумился, задержалъ коня и крикнулъ:

— Побойся Бога, Ягенка!

Она опустила голову и несмѣло и грустно проговорила:

— Миленькій вы мой! Я ужъ лучше буду прямо говорить, ничего скрывать не стану. И Глава, и вы говорите, что Збышко никогда не найдетъ ту, а чехъ опасается еще худшаго. Богъ свидѣтель, что я не желаю ей никакого зла. Пускай Божія Мать сохра-

нить и спасетъ ее, бѣдняжку. Она Збышку милѣе, чѣмъ я,—ну, и что-жъ дѣлать, такова, видно, моя доля. Но видите, пока Збышко ее не найдетъ, или, какъ вы думаете, что не найдетъ совсѣмъ, то... то...

— То что?—спросилъ Мацько, видя, что дѣвушка начинаетъ все больше и больше путаться и смущаться.

— То я не хочу ни Чтана, ни Вилька... никого.

Мацько вздохнулъ съ облегченіемъ.

— А я думалъ, что ты уже присмотрѣла кого-нибудь, — сказалъ онъ.

Она отвѣтила еще грустнѣй:

— Эхъ!...

— Такъ чего-жъ ты хочешь? Какъ же я потащу тебя къ крестоносцамъ?

— Зачѣмъ же непременно къ крестоносцамъ? Я хотѣла бы поѣхать къ аббату, — онъ лежитъ больной въ Серадзѣ. При немъ нѣтъ ни одного близкаго человѣка, потому что шпильманы, вѣроятно, больше заботятся о жбанѣ, чѣмъ о немъ, а онъ все-таки мой крестный и благодѣтель. Но еслибъ онъ былъ и здоровъ, я все-таки искала бы его защиты, потому что люди боятся его.

— Съ этимъ я не буду спорить, — сказалъ Мацько. — Въ сущности, онъ былъ радъ намѣренію Ягенки и, зная крестоносцевъ, глубоко вѣрилъ, что Дануся не выйдетъ изъ ихъ рукъ живою. — Но я скажу тебѣ только, что ѣхать съ дѣвкой въ дальнюю дорогу — сущее Божеское наказаніе.

— Можетъ быть, съ какою-нибудь другой, только не со мною. Конечно, мнѣ до сихъ поръ не приходилось ни съ кѣмъ драться, но мнѣ не въ новинку и изъ лука стрѣлять, и переносить разныя неудобства. Коли придется, все выдержу. Надѣну Яськино платье, сѣтку на голову, прицѣплю бинжалъ и поѣду. Ясько, хоть и моложе меня, такого же точно роста и лицомъ такъ похожъ на меня, что когда, бывало, мы на святкахъ нарядимся, то и покойный тятя не могъ разобрать, кто онъ, и кто я... Вотъ вы увидите, что меня не узнаетъ ни аббатъ, ни кто-нибудь другой.

— И даже Збышко?

— Если только я увижу его.

Мацько на минуту задумался, потомъ вдругъ улыбнулся и сказалъ:

— А Вилькъ изъ Бжозовой и Чтанъ изъ Рогова вотъ взбѣлняются-то!

— Пусть ихъ. Хуже будетъ, если они поѣдутъ за нами.

— Ну, не бойся! Я старъ, но лучше не подвертываться ко мнѣ подъ руку. Да и ко всѣмъ Градамъ тоже!... Збышкинъ кулакъ они отвѣдали.

Разговаривая такъ, они доѣхали до Бшесни. Въ костѣль оказался старый Вилькъ изъ Бжозовой, который отъ времени до времени бросалъ на Мацька угрюмые взгляды, но Мацько не обращалъ на это вниманіе. Съ легкимъ сердцемъ онъ возвращался съ Ягенкой отъ обѣдни, но когда распрощался съ нею на перекресткѣ и очутился въ Богданецѣ одинъ, въ головѣ его зародились менѣе веселыя мысли. Онъ понималъ, что ни Згожелицамъ, ни родственникамъ Ягенки ничто не можетъ угрожать, если она уѣдетъ изъ дома. «Къ дѣвкѣ бы они приставали,—думалъ онъ,—это дѣло особаго рода, но на сиротъ или на ихъ достояніе руки не поднимутъ, потому что это покрыло бы ихъ страшнымъ срамомъ и всѣ напали бы на нихъ, какъ на настоящихъ волковъ. Но Богданецъ останется на волѣ Божіей... Границы запашутъ, стада заберутъ, людей перехватятъ!... Если Богъ дастъ, я возвращусь, то отобью свое, поташу въ судъ, потому что у насъ, кромѣ насилія, есть еще и законъ, но возвращусь ли я, и когда возвращусь? Они страшно злятся на меня, что я не подпускаю ихъ къ дѣвкѣ, а коли она поѣдетъ за мной, то разозлятся еще больше».

И его охватило страшное сожалѣніе. Онъ уже завелъ въ Богданецъ хозяйство, какое слѣдуетъ, а теперь былъ увѣренъ, что по приѣздѣ снова встрѣтитъ запустѣніе и разрушеніе.

«Нужно пускаться на какія-нибудь хитрости»,—подумалъ онъ.

И тотчасъ же послѣ обѣда онъ приказалъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ прямо въ Бжозову.

Прибылъ онъ туда уже въ сумерки. Старый Вилькъ сидѣлъ въ первой комнатѣ за жбаномъ меда, а молодой, израненный Чтаномъ, лежалъ на скамьѣ, покрытой звѣриными шкурами, и также пилъ. Мацько неожиданно вошелъ въ комнату и остановился на порогѣ, высокій, костлявый, съ суровымъ лицомъ, безъ латъ, но съ огромнымъ кинжаломъ у бока. Вильки тотчасъ же узнали его и въ первую минуту какъ отецъ, такъ и сынъ вскочили на ноги и схватили изъ оружія то, что имъ подвернулось подъ руку.

Но старый рыцарь, отлично знающій людей и ихъ обычаи, ничуть не смутился, не обнажилъ своего кинжала, только оперся рукою въ боги и сказалъ спокойнымъ голосомъ, въ которомъ звучала легкая насмѣшка:

— Какъ? Такимъ-то манеромъ принимаютъ гостей въ Бжозовой?

Вильки сразу опустили руки и стояли, глядя на Мацька изумленными и пристыженными глазами.

А онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Да будетъ благословенно имя Іисуса Христа!

— Во вѣки вѣковъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ по-сосѣдски, съ добрыми намѣреніями.

— Коли такъ, привѣтъ тебѣ. Гость — святая особа.

И только теперь старый Вилькъ подошелъ къ Мацьку, а за нимъ и молодой. Оба начали пожимать его руку и посадили за столъ на почетное мѣсто. Въ одинъ мигъ они подбросили дровъ въ каминъ, накрыли ковромъ столъ, поставили миски съ ѣдой, баклаги съ пивомъ, жбаны съ медомъ и начали ѣсть и пить. Молодой Вилькъ отъ времени до времени бросалъ на гостя странные взгляды, въ которыхъ уваженіе къ гостю боролось съ ненавистью къ человѣку, но, тѣмъ не менѣе, служилъ ему такъ усердно, что даже поблѣднѣлъ отъ изнуренія, потому что еще не оправился отъ ранъ. И отца, и сына разбирало любопытство, съ чѣмъ пріѣхалъ Мацько, но ни тотъ, ни другой не разспрашивали его и выжидали, пока онъ самъ заговорить.

А Мацько, какъ человѣкъ, знающій приличія, хвалилъ ѣду и напитки, благодарилъ за гостепріимство, и только когда совсѣмъ насытился, важно осмотрѣлся вокругъ и сказалъ:

— Людямъ часто приходится и ссориться, и даже драться другъ съ другомъ, но сосѣдскій миръ выше всего!

— Выше сосѣдскаго мира нѣтъ ничего на свѣтѣ, — такъ же важно сказалъ старый Вилькъ.

— Бываетъ такъ, — продолжалъ Мацько, — что человѣкъ, который собирается въ дальнюю дорогу, вспомнить о сосѣдѣ, съ которымъ жилъ въ непріязни, и ему станетъ жаль и захочется сказать передъ отъѣздомъ прощальное слово.

— Спасибо за доброе слово.

— Не за слово, а и за дѣло, потому что я пріѣхалъ.

— Мы душевно рады видѣть васъ. Милости просимъ хоть каждый день.

— И мнѣ хотѣлось, чтобы вы пожаловали въ Богданецъ, да я тороплюсь уѣзжать.

— На войну или на поклоненіе какой-нибудь святыни?

— Хорошо, если бы туда или сюда, а то хуже, — къ брестоносцамъ.

— Къ брестоносцамъ? — въ одинъ голосъ крикнули отецъ и сынъ.

— Да, — отвѣтилъ Мацько. — А кто ѣдетъ къ нимъ и не принадлежитъ къ числу ихъ друзей, тому лучше примириться и съ людьми, и съ Богомъ, чтобы не утратить не только жизнь, но и надежду на вѣчное спасеніе.

— Чудное это дѣло, — сказалъ старый Вилькъ. — Сколько я ни живу, а еще не видалъ человѣка, который бы столкнулся съ ними и не испыталъ бы какой-нибудь обиды или несправедливости.

— Такъ, какъ и все наше королевство, — добавилъ Мацько. — Ни Литва до своего святого крещенія, ни татары не приносили ему столько зла, сколько эти дьявольскіе монахи.

— Истинная правда, но знаете ли что: накоплялось это и накоплялось, пока не накопилось, а теперь пора бы и кончить, вотъ хотя бы такъ!

Старикъ слегка поплевалъ на обѣ руки, а молодой добавилъ:

— Иначе и быть не можетъ.

— И навѣрно будетъ, да когда? — не нашего ума это дѣло, а королевскаго. Можетъ быть скоро, а можетъ и не скоро... Одинъ Богъ знаетъ это, а пока мнѣ нужно ѣхать къ нимъ.

— Вы не Збышка выкупать ѣдете?

При упоминаніи о Збышкѣ лицо молодого Вилька въ одинъ мигъ поблѣднѣло отъ ненависти и приняло зловѣщее выраженіе.

Но Мацько спокойно отвѣтилъ:

— Можетъ быть и выкупать, только не Збышка.

Слова эти еще болѣе возбудили любопытство обоихъ владѣльцевъ Бжозовой. У старика не хватило силъ больше выдерживать и онъ спросилъ:

— Ваша воля говорить или не говорить, зачѣмъ вы ѣдете туда.

— Отчего не сказать! отчего не сказать! — проговорилъ Мацько и покачалъ головой. — Но раньше я вамъ скажу кое-что другое. Дѣло въ томъ, что послѣ моего отъѣзда Богданецъ останется безъ всякаго призора. Прежде, когда мы со Збышкомъ сражались подъ знаменами князя Витольда, за нашей худобишкой присматривалъ аббатъ, ну, отчасти и Зыхъ изъ Згожелицъ, а теперь и этого не будетъ. Мнѣ даже и думать не хочется, что я задаромъ работалъ и хлопоталъ... Вѣдь вы понимаете, какъ это бываетъ: людей моихъ переманять, границы запашутъ, изъ стада всякій урветъ, что можетъ, и хотя бы Господь Іисусъ дозволилъ мнѣ возвратиться благополучно, я попрежнему найду здѣсь запустѣніе... Есть одинъ только способъ и одно спасеніе: добрый сосѣдъ. Вотъ я и пріѣхалъ просить васъ по-сосѣдски, чтобы вы взяли Богданецъ подъ защиту и не дозволили бы его разграбить.

Услыхавъ эту просьбу, старый Вилькъ взглянулъ на молодого, а молодой на стараго и оба пришли въ неимовѣрное изумленіе, и такъ какъ ни одинъ не нашелся, что отвѣтить, то наступила минута молчанія. Мацько поднесъ къ губамъ чару меда, выпилъ, потомъ продолжалъ такъ спокойно и довѣрчиво, какъ будто разговаривалъ съ самыми близкими друзьями:

— Я ужъ вамъ откровенно скажу, отъ кого я жду большихъ бѣдъ. Не отъ кого другого, какъ отъ Чтана. Васъ, хотя бы мы разстались и во враждѣ, я не боялся бы по той причинѣ, что вы рыцари, а рыцарь сражается съ врагомъ лицомъ къ лицу, а за его спиною не станетъ ему мстить недостойнымъ образомъ. О, съ вами совоѣмъ дѣло другого рода!... Рыцарь рыцаремъ и будетъ, но Чтанъ человѣкъ происхожденія низкаго, а отъ такого человѣка на все разсчитывать можно, тѣмъ болѣе, что, какъ вамъ извѣстно, онъ страшно злится на меня, что я мѣшаю ему приступить къ Ягенкѣ Зыховнѣ.

— Вы ее бережете для своего племянника! — разразился молодой Вилькъ.

Мацько посмотрѣлъ на него и съ минуту продержалъ подъ своимъ холоднымъ взглядомъ, потомъ обратился къ старшему и попрежнему спокойно сказалъ:

— Вы знаете, мой племянникъ женился на одной мазовецкой наслѣдницѣ и взялъ большое приданое?

Наступило новое, еще болѣе глубокое молчаніе. Отецъ и сынъ долго, съ открытыми ртами, смотрѣли на Мацька, наконецъ старикъ отозвался:

— А... что вы?... а говорили... Ну, расскажите!...

Мацько, точно не обращая вниманія на вопросъ, продолжалъ:

— Поэтому-то собственно мнѣ и нужно ѣхать, поэтому я и прошу васъ: заглядывайте отъ времени до времени въ Богданецъ и не давайте его въ обиду, а въ особенности охраните мое добро отъ нападенія Чтана, какъ добрые и хорошіе сосѣди.

За это время молодой Вилькъ, человѣкъ не глупый, сообразилъ, что если Збышко женился, то Мацька лучше имѣть своимъ другомъ, потому что Ягенка полагалась на него и во всемъ готова была слѣдовать его совѣту. И вдругъ въ головѣ молодого забіяки мелькнуло: «Мало того, чтобы не спорить съ Мацькомъ, надо его еще и привлечь на свою сторону!» — сказалъ онъ самому себѣ. И хотя онъ былъ слегка выпивши, но протянулъ подъ столомъ руку, схватилъ отца за волѣно, чтобы онъ не сболтнулъ чего-нибудь ненужнаго, а самъ сказалъ:

— Вы Чтана не бойтесь! Ого! Пусть попробуетъ! Онъ немножко выпустилъ изъ меня крови, но и я такъ помялъ его волосатую морду, что его и родная мать не узнала. Не бойтесь ничего, поѣзжайте спокойно. Ни одна ворона не пропадетъ изъ вашего Богданца.

— Я и зналъ, что вы хорошіе люди. Блженетесь?

— Блженемся! — крикнули отецъ и сынъ.

— Рыцарскою честью?

— Рыцарскою честью! Да чего тамъ! Крестомъ святымъ блженемся! Какъ Богъ святъ!

Мацько довольно улыбнулся, а потомъ сказалъ:

— Я этого и ожидалъ отъ васъ. А коли такъ, я вамъ скажу еще вотъ что. Зыхъ, какъ вы знаете, своихъ дѣтей поручилъ мнѣ. Поэтому-то я мѣшалъ Чтану и тебѣ, молодець, когда вы хотѣли силою ворваться въ Згожелицы. Но теперь... какая это будетъ опека, коли я буду въ Мальборгѣ или Богъ знаетъ гдѣ... Правда, сиротъ охраняетъ самъ Богъ и тотъ, кто захотѣлъ бы обидѣть ее, не только будетъ обезглавленъ топоромъ палача, но и объявленъ лишеннымъ чести. А все-таки мнѣ грустно ѣхать. Ужасно грустно! Обѣщайте же мнѣ, что вы и Зыховыхъ сиротъ не только сами не обидите, но и никому другому обидѣть не дадите.

— Блженемся! блженемся!

— Рыцарскою честью?

— Рыцарскою честью!

— И святымъ крестомъ?

— И святымъ крестомъ!

— Богъ слышалъ. Аминь! — закончилъ Мацько.

И онъ глубоко вздохнулъ. Таковую клятву они не нарушатъ, хотя бы отъ злобы пообгрызли себѣ всѣ пальцы.

И онъ началъ прощаться, но его удержали чуть не силою. Мацько долженъ былъ пить, покумился со старымъ Вилькомъ, а молодой только страшно грозился Чтану, но зато за Мацькомъ ухаживалъ такъ, какъ будто завтра же долженъ былъ получить изъ его рукъ Ягенку. Но около полуночи онъ отъ чрезмѣрныхъ усилій упалъ въ обморокъ, а когда его привели въ чувства, тотчасъ же заснулъ каменнымъ сномъ. Старшій Вилькъ вскорѣ послѣдовалъ примѣру сына, такъ что Мацько оставилъ ихъ у стола, какъ два мертвыхъ тѣла.

Самъ онъ обладалъ необыкновенно крѣпкою головою и теперь былъ не пьянъ, а навеселѣ и, возвращаясь домой, съ радостью думалъ о томъ, что ему удалось сдѣлать.

— Ну, — говорилъ онъ себѣ, — Богданецъ въ безопасности и Згожелицы въ безопасности! Вzbьются они, когда узнаютъ, что Ягенка уѣхала, а добро наше стеречь будутъ, потому что должны. Господь Иисусъ не обдѣлилъ меня ловкостью... Гдѣ нельзя кулакомъ, нужно дѣйствовать умомъ. Когда я вернусь, старикъ непременно вызоветъ меня на поединокъ... ну, да это ничего... Далъ бы Богъ мнѣ и крестоносцевъ также изловить въ свои силки... Но съ ними дѣло труднѣе... Нашъ, — хотя порою натолкнешься и на собачьяго сына, — если поглянется рыцарскою честью, непременно сдержитъ свою клятву, а имъ поглядѣться то же самое, что плюнуть въ воду. Но, можетъ быть, Матерь Божія пошлетъ, что я сдѣлаю что-нибудь для Збышка, какъ сдѣлалъ кое-что для дѣтей Зыха и для Богданца.

Тутъ ему пришло въ голову, что Ягенка, собственно, могла бы и не ѣхать, потому что два Вилька будутъ оберегать ее, какъ зѣницу ока, но вскорѣ отвергъ эту мысль. «Вильки-то, правда, станутъ охранять ее, зато Чтанъ будетъ приставать еще больше. Богъ знаетъ, кто кого пересилить, а что стычки будутъ, это несомнѣнно, и нападенія, а отъ нихъ могутъ пострадать и Згожелицы, и Зыховы сироты, и сама Ягенка. Вилькамъ легче будетъ охранять одинъ Богданецъ, а для дѣвки во всякомъ случаѣ лучше, чтобъ она была подальше отъ этихъ обоихъ задирагъ и поближе къ богатому аббату». Мацько окончательно не вѣрилъ, чтобы Дануся могла живою выбраться изъ рукъ крестоносцевъ, и не потерялъ еще надежды, что когда Збышко возвратится вдовцомъ, то непременно почувствуетъ, что воля Божія влечетъ его къ союзу съ Ягенкой.

— Эхъ, Боже Ты мой милостивый! — говорилъ онъ себѣ. — Если бы къ Спыхову прибавить Мочидолы, да то, что Ягенка получить отъ аббата, я не пожалѣлъ бы цѣлаго круга воска на свѣчи!

Размышляя такимъ образомъ, онъ незамѣтно доѣхалъ до дома, но въ Богданецъ прибылъ уже поздней ночью и сильно удивился, замѣтивъ яркій огонь въ окнахъ. Слуги тоже не спали и навстрѣчу Мацьку тотчасъ же выбѣжалъ конюшій.

— Гости какіе-нибудь или еще что-такое? — спросилъ Мацько, слѣзая съ коня.

— Паничъ изъ Згожелицъ съ чехомъ, — отвѣтилъ конюшій.

Мацька это посѣщеніе удивило. Ягенка должна была пріѣхать завтра утромъ и вмѣстѣ съ нимъ пуститься въ путь. Чего же ради Ясько пріѣхалъ, да еще такъ поздно? Старый рыцарь подумалъ, что въ Згожелицахъ могло что-нибудь случиться и съ безпокойствомъ направился къ дому.

Но въ комнатѣ, въ большомъ глиняномъ каминѣ, который Мацьку замѣнилъ обыкновенный очагъ, находящійся посрединѣ комнаты, ясно и весело горѣли смолистыя полѣнья, а надъ столомъ горѣли два факела, при свѣтѣ которыхъ Мацько увидалъ Яська, чеха Главу и еще одного молодого, румянаго мальчика.

— Какъ поживаешь, Ясько? А что Ягенка?—спросилъ старый шляхтичъ.

— Ягенка приказала вамъ сказать, что раздумала и остается дома,—отвѣтилъ Ясько и поцѣловалъ у него руку.

— Побойся ты Бога! Что? какъ? что еще взбрело ей въ голову? Мальчикъ поднялъ на него свои голубые глаза и расхохотался.

— Чего ты ржешь?

Но въ эту минуту чехъ и другой мальчикъ также разразились смѣхомъ.

— Вотъ видите! — воскликнулъ предполагаемый мальчикъ. — Бѣто-жъ узнаетъ меня, коли и вы не узнали?

Мацько только теперь внимательнѣе присмотрѣлся къ прелестной фигуркѣ и воскликнулъ:

— Во имя Отца и Сына! Настоящія святки! Зачѣмъ ты сюда пріѣхала, егоза?

— Какъ зачѣмъ? Бѣто собирается въ дорогу, тому пора.

— Да вѣдь ты должна была пріѣхать завтра на разсвѣтѣ?

— Вотъ тебѣ! Завтра на разсвѣтѣ, чтобы всѣ видѣли! Завтра въ Згожелицахъ будутъ думать, что я у васъ въ гостяхъ, и не оглянутся до послѣзавтра. Сецехова и Ясько знаютъ, но Ясько поклялся рыцарскою честью, что скажетъ только тогда, когда всѣ начнутъ беспокоиться. А вѣдь вы не узнали меня, а?

Теперь наступила и Мацькина очередь смѣяться.

— Дай-ка получше присмотрѣться къ тебѣ... Хорошенькій мальчишка! И еслибъ я не былъ такъ старъ, то... Но я и такъ скажу тебѣ: берегись, дѣвка, юлить у меня передъ глазами... берегись!

И онъ, смѣясь, погрозилъ ей пальцемъ, не переставая съ восторгомъ смотрѣть на нее, потому что никогда въ жизни не видалъ такого мальчика. На головѣ у Ягенки была красная шелковая сѣтка, станъ обтянутъ зеленымъ суконнымъ кафтаномъ, на ногахъ штаны, широкіе у бедеръ, и узкіе внизу, причемъ одна штанина была красная, а другая—полосатая. Съ богатымъ кортикомъ у бока, съ лицомъ улыбающимся и яснымъ, какъ утренняя заря, она казалась такою прелестною, что отъ нея невозможно было оторвать глазъ.

— Боже ты мой!—говорилъ развеселившійся Мацько. — То ли какой-нибудь знатный паничъ, то ли цѣтокъ, то ли еще что!

Потомъ онъ обратился къ другому мальчику и спросилъ:

— А этоть?... Тоже, навѣрное, переряженный?

— Да это Сецеховна, — отвѣтила Ягенка. — Нескладно мнѣ было бы одной между вами, — а то вы какъ же думаете? Вотъ я и взяла съ собой Агульку, — вдвоемъ все-таки веселѣе, она мнѣ и услужить и поможетъ. Ее-то ужъ никто не узнаетъ.

— Вотъ тебѣ, тетка, забава! Мало было одной, будутъ двѣ.

— А вы не ворчите.

— Я не ворчу, но днемъ-то всякій узнаетъ и ее и тебя.

— Почему же узнаютъ?

— А потому, что ты все колѣна сдвигаешь и она тоже.

— Оставьте меня!

— Я-то тебя оставляю, — моя пора прошла, — а оставить ли тебя Чтанъ и Вилькъ, это одинъ Богъ знаетъ. Знаешь ли ты, егоза, откуда я возвратился? Изъ Бжозовой.

— Боже милосердый! Что это вы говорите?

— Правду говорю, какъ правда и то, что Вильки будутъ охранять отъ Чтана и Богданецъ, и Згожелицы. Вызвать врага и биться съ нимъ — легко, но обратить врага въ сторожа своего добра — это не всякій сдѣлаетъ.

Мацько началъ рассказывать о своемъ посѣщеніи Бжозовой, какъ онъ ихъ усмирилъ и подцѣпилъ на удочку. Ягенка слушала съ возрастающимъ изумленіемъ, а когда Мацько кончилъ, сказала:

— Господь Богъ не обдѣлилъ васъ хитростью и я думаю, что все будетъ такъ, какъ вы захотите.

Но Мацько печально покачалъ головой.

— Эхъ, дѣвушка! Если бы все было такъ, какъ я хочу, то ты давно уже была бы хозяйкой въ Богданьцѣ.

Ягенка съ минуту посмотрѣла на него своими голубыми глазами, потомъ приблизилась и еще разъ поцѣловала его руку.

— Чего ты меня чмокаешь? — спросилъ старикъ.

— Ничего, я только желаю вамъ доброй ночи. Поздно ужъ, а завтра намъ нужно рано вставать.

И, взявъ къ собой Сецеховну, она ушла, а Мацько провелъ чеха въ альковъ, гдѣ они вскорѣ и заснули на зубровыхъ шкурахъ крѣпкимъ сномъ.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Богда, какъ призраки, встають въ душѣ моей
Бессонной памятью подсказанныя муки,
Свожу я молча счеты съ совѣстью моей,
Молчать тогда стиха торжественные звуки
И въ скучныхъ празднествахъ, среди толпы чужой,
Напрасно я ищу забвенье и покой, —
Онъ не придетъ ко мнѣ. Заранѣ знаю я,
Что счастье сожжено тяжелыми годами,
Безплодно молодость угаснула моя,
Какъ пламя на степи, забытое косцами,
Ничей не радуя случайнымъ блескомъ взоръ
И не согрѣвъ степей безжизненный просторъ.
Но если хоть на мигъ, какъ кроткая звѣзда,
Надежда робкая въ душѣ моей проснется,
Бъ бумагъ я спѣшу, я счастливъ, и тогда
Мои грустный стихъ, кипя, неудержимо льется
И въ памяти встають забытыя мечты,
Печальной осени поблекшіе цвѣты!

Вл. Ладыженскій.

ЖЕННИ ТРЕЙБЕЛЬ.

Романъ Теодора Фонтана.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Скончавшійся въ сентябрѣ прошлаго года нѣмецкій писатель Теодоръ Фонтанъ (Fontane) родился въ прусскомъ городкѣ Нейгруппинѣ въ 1819 г. и почти всю свою долгую жизнь посвятилъ литературѣ. По отцу и матери Фонтанъ принадлежалъ къ колоніи французскихъ гугенотовъ, поселившихся въ Пруссіи послѣ отмѣны Нантскаго эдикта и довольно быстро онемечившихся. Фонтанъ уже настоящій нѣмецъ изъ сѣверной Германіи, и въ его характерѣ хорошо уживалась спокойная и трезвая наблюдательность съ нѣкоторою склонностью къ романтической поэзіи. Поступивши по окончаніи средней школы въ одну берлинскую аптеку, онъ посѣщалъ литературныя кружки и самъ пописывалъ стихи, сочиняя ихъ, по его собственному признанію, за варкою элексировъ и декоктовъ, что составляло его специальность въ аптекѣ. Съ 1839 года стали появляться его стихотворенія въ различныхъ листкахъ, но поэтъ продолжалъ заниматься практическою фармаціей и въ слѣдующемъ году отправился въ Лейпцигъ съ цѣлью углубить свои свѣдѣнія по химіи. Однако, химика изъ Фонтана не вышло: въ 1841 г. онъ поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся, получилъ на короткое время отпускъ въ Англію, а по возвращеніи оттуда и по окончаніи службы (1845 г.) поселился въ Берлинѣ и снова поступилъ въ аптеку. Между тѣмъ литературныя занятія шли своимъ чередомъ. Фонтанъ сдѣлался членомъ литературнаго кружка «Тунель черезъ Шпре», въ составъ котораго входили писатели и дилетанты, принадлежавшіе къ разнымъ слоямъ общества, и съ 1850 года окончательно оставилъ фармацію. Это десятилѣтіе первыхъ шаговъ литературной дѣятельности онъ описалъ въ своей автобіографіи, вышедшей незадолго до его смерти (*Von Zwanzig bis Dreissig. Autobiographisches*). За этотъ періодъ и много позже Фонтанъ считалъ себя поэтомъ по преимуществу. Въ 1849 году появилось первое собраніе его балладъ подъ заглавіемъ *Von der schönen Rosamunde*, а за нимъ послѣдовало еще нѣсколько стихотворныхъ сборниковъ. Но, какъ поэтъ, Фонтанъ, вопреки увѣреніямъ нѣмецкой критики, мало возвышался надъ по-

средственностью. Сначала онъ находился подъ влияніемъ англійской поэзіи, преимущественно Перси и Скотта, съ которыми онъ познакомился въ 1848 г. и которые, по его собственнымъ словамъ, «на цѣлые годы опредѣлили его вкусъ и направленіе»; позже, кромѣ стихотворныхъ обработокъ народныхъ сказаній и историческихъ событій, онъ прославлялъ стараго Вильгельма и Бисмарка, оплакивалъ безвременно умершаго императора Фридриха. Но ни по натурѣ, ни по основному характеру своего міросозерцанія Фонтанъ не былъ поэтомъ: для этого онъ былъ слишкомъ спокойный, слишкомъ трезвый буржуа, хотя и на философской подкладкѣ. Обладая тонкою наблюдательностью, Фонтанъ крѣпко вѣрилъ въ господство обычая, сложившагося порядка и относился съ ироніей, подчасъ грустной, ко всякой попыткѣ личности подняться надъ порядкомъ и вступить въ борьбу съ обычаемъ. Устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ *Irrungen-Wirungen* онъ такъ резонируетъ надъ могильнымъ памятникомъ убитаго на дуэли: «Что мнѣ проповѣдуетъ этотъ памятникъ? Во всякомъ случаѣ одно—именно, что обычай управляетъ нашими дѣйствіями. Кто ему повинуется, тотъ можетъ погибнуть, но онъ лучше погибаетъ, чѣмъ тотъ, кто ему противорѣчить». Старый Вильгельмъ и Бисмаркъ потому внушаютъ ему симпатію, что они являются борцами за жизненные интересы, вызванные потребностями государственнаго порядка. Но любовь къ порядку и преклоненіе передъ силою государства, его охраняющаго, независимо отъ той или другой политической формы, основывается у Фонтана на гуманномъ принципѣ, что прочный порядокъ лучше всего охраняетъ интересы большинства. Весьма характеренъ съ этой точки зрѣнія взглядъ Фонтана на геройство. Въ одномъ изъ его романовъ рассказанъ слѣдующій эпизодъ. Американскій изслѣдователь полярныхъ странъ, лейтенантъ Грилей, отдалился отъ корабля съ четырьмя товарищами. Провіанту у нихъ было такъ мало, что только при крайней экономіи они могли съ трудомъ продержаться съ нимъ до ближайшаго поселенія. Провіантъ несъ самый сильный изъ товарищей, и Грилей замѣтилъ, что запасы истощаются быстрѣе, чѣмъ было рассчитано, и что ими тайкомъ пользуется тотъ, который ихъ несъ. Между тѣмъ остальные трое были совершенно ослаблены голодомъ и не могли вступить въ открытую борьбу съ сытымъ и крѣпкимъ товарищемъ. Тогда Грилей, не подавая никакого вида, пустилъ его идти впередъ и затѣмъ сзади незамѣтно положилъ его на мѣстѣ мѣткимъ выстрѣломъ. Таковъ герой Фонтана.

Съ пятидесятихъ годовъ Фонтанъ дѣлается профессиональнымъ журналистомъ и въ качествѣ газетнаго корреспондента три раза и подолгу посѣщаетъ Англію, затѣмъ около 10 лѣтъ (1860—1870 г.) состоитъ членомъ редакціи *Крестовой Газеты*, гдѣ онъ помѣщаетъ, между прочимъ, корреспонденціи съ театра войны шлезвигъ-голштинской и потомъ австро-прусской. Въ качествѣ военнаго корреспондента участвовалъ Фонтанъ и въ франко-прусской войнѣ 1870 года, былъ захваченъ въ плѣнъ въ Домреми, въ домѣ Жанны д'Аркъ, и отправленъ на островъ Олеронъ, откуда былъ освобожденъ въ министерство Гамбетты и Кремье. По возвращеніи изъ плѣна онъ вошелъ въ составъ редакціи *Фоссовою Газеты* и около 20 лѣтъ велъ

тамъ театральный отдѣлъ. Какъ политикъ, Фонтанъ не могъ играть выдающейся роли. По своимъ основнымъ воззрѣнiямъ на задачи государства, онъ могъ спокойно проработать 10 лѣтъ въ консервативной газетѣ, а затѣмъ 20 лѣтъ въ либеральной. Онъ всегда стоялъ на сторонѣ той партiи, которая, по его мнѣнiю, лучше всего охраняла и болѣе всего заботилась объ интересахъ большинства, и сначала сочувствовалъ національ-либераламъ, а подъ старость все болѣе и болѣе склонялся къ демократической лѣвой. Главное достоинство Фонтана, какъ журналиста, заключалось въ его спокойной объективной наблюдательности. Фонтанъ относится съ необыкновеннымъ интересомъ ко всѣмъ явленiямъ жизни; одинъ изъ его критиковъ, Максъ Ленцъ, сравниваетъ его съ ребенкомъ по ненасытной жадѣ возможно больше видѣть и получать какъ можно больше новыхъ впечатлѣнiй, и эту способность Фонтанъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни. Вслѣдствiе этого его путевыя замѣтки по Англіи и очерки англійской жизни (*Ein Sommer in England 1854, Aus England 1860, Jenseit des Tweed 1860*) имѣютъ гораздо болѣе значенiя, чѣмъ обыкновенныя газетныя корреспонденціи. Еще болѣе интересъ представляютъ его *Странствованiя по Бранденбургу* (*Wanderungen durch die Mark Brandenburg 1861*), выдержавшія нѣсколько изданiй. По словамъ Эриха Шмидта, «никто лучше Фонтана не знаетъ Бранденбурга, никто глубже его не заглянулъ въ хорошія и дурныя стороны духовной жизни его населенiя». Къ этому можно прибавить, что Фонтанъ также хорошо знаетъ и прошлое своей новой родины, ея преданiя и сказанiя.

Но любовь къ впечатлѣнiямъ, свойственная молодости, у Фонтана не влечетъ за собою другого свойства этого возраста — жизнерадостнаго настроенiя и способности къ увлеченiю. Явленiя жизни никогда не вызываютъ у него энтузіазма и восторга, а чаще всего иронию, смѣсъ насмѣшки и состраданiя. Этимъ обуславливается его объективность. Поклонникъ Бисмарка въ своихъ военныхъ корреспонденціяхъ совершенно чуждъ воинственнаго пыла и героическихъ преувеличенiй; прусскій патріотъ въ своихъ *Странствованiяхъ по Бранденбургу* нисколько не скрываетъ темныхъ сторонъ мѣстной жизни и мѣстныхъ нравовъ. Полную объективность обнаруживаетъ Фонтанъ и въ своихъ театральныхъ рецензіяхъ, причемъ его неизмѣннымъ сочувствiемъ пользуется всякое сценическое произведеніе, въ которомъ съ художественною правдою воспроизводится живая жизнь.

Только въ 1878 г., почти 60 лѣтъ отъ роду, Фонтанъ впервые выступилъ романистомъ и весьма быстро занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. Превосходное знаніе жизни, приобретенное долготѣтнимъ и непрерывнымъ ея наблюденiемъ, живая, нисколько не пострадавшая отъ лѣтъ наблюдательность и спокойная объективность доставили Фонтану обильный матеріалъ для художественнаго творчества. Тѣмъ не менѣе онъ началъ съ историческаго романа. Его первое произведеніе въ новомъ родѣ *Vor dem Sturm* изображаетъ духовное движеніе, ватившее Германію въ концѣ 1812 и въ началѣ 1813 года, причемъ дѣйствіе происходитъ въ мелкихъ кругахъ среди маленькихъ людей. Романъ

Schach von Wuthenow рисуется въ довольно мрачныхъ чертахъ прусское общество передъ погромомъ 1806 года, а послѣдовавшая за нимъ новелла *Grete Minde* переноситъ дѣйствіе къ концу XVI и началу XVII вѣка, когда обострялась религіозная борьба и подготовлялась великая катастрофа, извѣстная подъ именемъ тридцатилѣтней войны. Всѣ эти историческіе романы носятъ на себѣ ясный отпечатокъ общаго міросозерцанія Фонтана. Изображая подготовленіе катастрофъ и переворотовъ, онъ ищетъ ихъ объясненія не въ содержаніи абстрактныхъ ученій и отвлеченныхъ идей, а въ живой конкретной дѣйствительности. Фонтанъ изучаетъ старину по хроникамъ и мемуарамъ, воспроизводитъ и пополняетъ ее художественною фантазіей, тщательно остерегаясь переносить въ прошлое современные чувства и понятія; но все отвлеченное его совѣтъ не интересуетъ: онъ не любитъ разсуждать о событіяхъ, не любитъ анализировать поведеніе дѣйствующихъ лицъ. Точно также ему чуждо все исключительное, героическое. Фонтанъ глубоко убѣжденъ, что въ исторіи, какъ и въ жизни, царитъ обыкновенное, повседневное, и что здѣсь слѣдуетъ искать объясненія катастрофъ и переворотовъ.

Такое же отношеніе къ жизни обнаруживается и въ романахъ Фонтана изъ современности. Первый романъ, въ которомъ изображены современные автору люди и событія (*Unwiederbringlich*), тѣмъ не менѣе имѣетъ характеръ историческаго романа. Дѣйствіе происходитъ въ 1859 году, и авторъ параллельно изображаетъ датское и нѣмецкое общество передъ катастрофой 1864 года. Объективность и здѣсь не измѣняетъ Фонтану, хотя въ этомъ романѣ онъ является болѣе прусскимъ патріотомъ, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ. Исходя изъ своего основнаго положенія, что основаніемъ побѣдъ и поражений служатъ общественные нравы, Фонтанъ изображаетъ тѣ стороны нѣмецкаго характера, которыя создали послѣдніе успѣхи Пруссіи и которыя сводятся къ строгому и неуклонному исполненію долга. Какъ въ романѣ *Schach von Wuthenow* Фонтанъ не падаетъ темныхъ красокъ для изображенія тогдашней Германіи, такъ въ этомъ романѣ онъ мастерски изображаетъ пустоту и легкомысліе копенгагенскаго общества.

Только съ 1882 года Фонтанъ окончательно переходитъ къ изображенію современности и становится правдивымъ и талантливымъ бытописателемъ новаго Берлина. Первымъ его романомъ изъ берлинской жизни была *L'Adultera*. Фабула романа простая, обыкновенная семейная исторія, но его художественную цѣну составляетъ вѣрная и правдивая картина жизни. «Полная объективность изображенія, — говоритъ по поводу этого романа новѣйшій историкъ современной нѣмецкой литературы, — препятствуетъ автору сосредоточить весь интересъ и все вниманіе только на одномъ лицѣ: нѣтъ ни одной стороны дѣйствія, нѣтъ ни одной фигуры среди массы дѣйствующихъ лицъ, которыя были бы менѣе тщательно изучены и менѣе художественно изображены». Такими же качествами отличаются повѣсти Фонтана *Cecile*, *Irrungen-Wirungen* и *Stine*, изъ которыхъ двѣ послѣднія, правдиво изображающія трогательную и самоотверженную любовь простыхъ дѣвушекъ къ представителямъ высшихъ классовъ, ясно показываютъ, какъ

много искреннего чувства и истинной гуманности скрывается подъ внѣшней объективностью и ироніей Фонтана.

Наиболѣе крупныя и характерныя произведенія Фонтана изъ современной ему дѣйствительности—два романа *Effi Briest* и *Frau Jenny Treibel*. Первый изъ нихъ—настоящая трагедія изъ аристократической жизни, дѣйствіе которой отчасти происходитъ въ барскомъ помѣстьѣ, отчасти въ Берлинѣ. Обычныя достоинства Фонтана обнаруживаются и въ этомъ романѣ: деревенская жизнь высшихъ слоевъ юнкерства изображена живо и ярко, но придворныя сферы берлинскаго общества (мужъ Эффи—министръ) менѣе извѣстны автору. Вслѣдствіе этого, какъ бытовой романъ, гораздо болѣе интереса представляетъ другое произведеніе Фонтана—*Frau Jenny Treibel*, которое мы и предлагаемъ вниманію читателей *Русской Мысли*. «Въ этомъ произведеніи, — говоритъ одинъ изъ историковъ нѣмецкой литературы, — реалистическій стиль доходить до своего наивысшаго пункта. Характеристика достигаетъ здѣсь такого развитія, что ей служить каждое предложеніе, что почти каждое слово носить на себѣ характерный отпечатокъ того лица, которое его произноситъ. Во всякомъ штрихѣ этой законченной картины виденъ мастеръ-виртуозъ, всякій штрихъ—живая дѣйствительность, причемъ даже самыя мелкія подробности романа подвигаютъ впередъ дѣйствіе и помогаютъ автору въ достиженіи его главной цѣли». По выраженію другого извѣстнаго писателя, Эриха Шмидта, дѣйствующія лица Фонтана «подлинны въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ». Но, оставаясь вѣрнымъ дѣйствительности, Фонтанъ далекъ отъ натурализма во французскомъ духѣ. Его романъ — широкая картина жизни берлинской и отчасти гамбургской буржуазіи, причемъ авторъ живо выставляетъ на видъ ея темныя стороны; но онъ не останавливаетъ исключительнаго вниманія только на внѣшней грязи и не протоколируетъ дѣйствительности, а создаетъ изъ нея художественные образы. Нельзя даже сказать, чтобы въ творчествѣ Фонтана совершенно отсутствовалъ субъективный элементъ. Правда, у него нѣтъ ни паэоса, ни пессимистической лирики; но отношеніе автора къ изображаемой жизни всегда чувствуется въ его произведеніяхъ, и основной тонъ этого отношенія—иронія.

Не задолго до смерти Фонтанъ написалъ романъ *Der Stechlin*, появившійся отдѣльною книгой уже послѣ кончины автора, и въ этомъ послѣднемъ произведеніи не замѣтно никакихъ проявленій старческой слабости. Восьмидесятилѣтній Фонтанъ умеръ при полной силѣ своего таланта.

I.

Въ одинъ изъ послѣднихъ майскихъ дней, когда погода стояла почти лѣтняя, изъ Курштрассе въ Адлерштрассе повернуло открытое ландо, въ которомъ сидѣли двѣ дамы съ болонкой. Экипажъ остановился передъ небольшимъ, старомоднымъ домомъ. Сидѣвшая слѣва дама, лѣтъ тридцати, повидимому гувернантка или компа-

ньонка, съ своего мѣста отворила дверцу ландо и помогла выйти другой, тщательно и со вкусомъ одѣтой и очень представительной дамѣ лѣтъ пятидесяти. Компаньонка снова сѣла на свое мѣсто, между тѣмъ какъ пожилая дама вошла въ подъѣздъ. Тамъ она съ доступной ей сложенію быстротой поднималась по ступенямъ деревянной, обшмыганной лѣстницы, довольно темной внизу и душной наверху. Лѣстница упиралась въ дверь, на которой была прибита старая жестяная пластинка съ едва замѣтной надписью: «Профессоръ Вилибальдъ Шмидтъ». Одышка заставила даму отдохнуть нѣсколько секундъ. «Постирушка», подумала она, вдыхая запахъ мыльнаго пара; въ эту минуту ей пришли на память далекія времена, когда она сама жила на Адлерштрассе, напротивъ, въ гастрономическомъ магазинѣ своего отца, помогала ему торговать и клеила на доскѣ, положенной на мѣшки съ кофе, большіе и маленькіе бумажные мѣшечки, за что получала «два пфеннига съ сотни». «Въ сущности это дорого, Женни,—говорилъ ей старикъ,—но ты должна привыкать обходиться съ деньгами». Да, были времена! Когда было двѣнадцать, всѣ шли къ столу; Женни сидѣла между приказчикомъ Мильке и ученикомъ Луи; у обоихъ, несмотря на ихъ полное несходство, были одинаковыя прически и мокрыя, холодныя руки. Луи восторженно взглядывалъ на нее, но каждый разъ смущенно потуплялся, когда встрѣчалъ ея взглядъ. Онъ былъ низкаго происхожденія—изъ овощной лавочки на Шпрэгассе. Все это всплыло со дна ея души, пока она стояла возлѣ двери. Дама дернула звонокъ, изогнутая проволочка завизжала, но звона не послѣдовало. Дама снова взялась за ручку и дернула сильнѣе. Изъ кухни донесся звонъ колокольчика; нѣсколько минутъ спустя съ шумомъ отодвинулась задвижка, и въ дверяхъ показалась худощавая женщина, лѣтъ сорока, съ высокимъ чепцомъ на головѣ, вся красная отъ плиты.

— Ахъ, м-ше Трейбель... коммерціи совѣтница... Какая честь!...

— Здравствуйте, милая Шмолька. Что подѣлываетъ профессоръ? Что м-ше Коринна? Барышня дома?

— Да, сударыня. Она только-что вернулась домой изъ Филармоніи. Какъ обрадуется!

Шмолька посторонилась, чтобы пропустить гостью. Но не успѣла еще коммерціи совѣтница войти въ прихожую, какъ навстрѣчу ей вышла Коринна и повела направо, въ гостиную.

Въ нарядной, высокой комнатѣ жалюзи были спущены и окна отворены внутрь; передъ ними помѣщались жардиньерки съ желто-

фіюлями и гіацинтами. На столѣ передъ диваномъ стояла ваза съ апельсинами; со стѣны смотрѣли портреты родителей профессора (старый бухгалтеръ изъ герольдической палаты, во фракѣ съ орденской лентой, и супруга его—дама съ широкими скулами и приплюснутымъ носомъ, что выдавало ея происхожденіе изъ Помераніи).

— Милая Коринна, какъ ты умѣешь все мило устроить и какъ у васъ вообще славно, прохладно и чисто, какіе прелестные гіацинты. Положимъ, ихъ запахъ не гармонируетъ съ апельсинами, но это такъ красиво... И ты такъ внимательна; кладешь мнѣ за спину подушечку! Но извини, я не люблю сидѣть на диванѣ, слишкомъ мягко, совсѣмъ утопаешь! Я лучше сяду на кресло и буду глядѣть на милыя, старыя лица. Что это былъ за человекъ, совершенно твой отецъ.

Съ этими словами коммерціи совѣтница сѣла въ высокое кресло и посмотрѣла въ лорнетъ на «милыя лица», о которыхъ такъ благосклонно вспоминала. Коринна спросила, не принести ли мозеля и сельтерской воды, чтобы прохладиться.

— Нѣтъ, Коринна, я только что съ lunch'a, притомъ сельтерская вода всегда ударяетъ мнѣ въ голову. Удивительно, я переноси шерри и старый портвейнъ, но мозель и сельтерская вода на меня плохо дѣйствуютъ... Да, дитя, я болѣе сорока лѣтъ знаю эту комнату, съ того времени, когда была еще подросткомъ, съ каштановыми локонами, которые моя мать, несмотря на массу работы, съ трогательной заботливостью завивала ежедневно. Въ тѣ времена, милая Коринна, рыжеватыя блондинки еще не были въ модѣ, предпочитались каштановые волосы и особенно локоны. На меня всѣ обращали вниманіе. И твой отецъ также. Онъ былъ тогда студентомъ и писалъ стихи. Ты не повѣришь, какъ это было восхитительно и трогательно; дѣти никогда не хотятъ вѣрить, что родители были также молоды, красивы и талантливы. Нѣкоторые стихи были посвящены мнѣ, а я сохранила ихъ до настоящаго времени, и, когда у меня тяжело на душѣ, я беру маленькую книжечку, которая первоначально была въ голубомъ переплетѣ (теперь я отдала ее переплестъ въ зеленый сафьянъ), сажусь къ окну, смотрю въ садъ и тихо плачу, совсѣмъ тихо, чтобы никто не слышалъ, особенно Трейбель или дѣти. О, юность! Милая Коринна, ты не знаешь, что за сокровище юность, а юныя чистыя чувства, не оскверненныя грубымъ дыханіемъ, всегда остаются нашимъ лучшимъ достояніемъ.

— Да, — засмѣялась Коринна, — юность хороша, но и «коммер-

ціи совѣтница» хороша, даже лучше. Я стою за ландо и виллу среди сада. Юность хороша, но юность въ довольствѣ, среди блестящаго общества.

— Мнѣ пріятно это слышать, Боринна, и именно теперь, такъ какъ я пріѣхала приглашать тебя на завтра; все устроилось такъ неожиданно. Въ Отто Трейбелю пріѣхалъ нѣкій молодой человѣкъ мистеръ Нельсонъ (онъ, впрочемъ, не живетъ у нихъ), одинъ изъ сыновей Nelson & Co въ Ливерпулѣ, съ которымъ у моего сына Отто главныя торговыя сношенія. Елена съ нимъ также знакома. Это совершенно гамбургская черта, они знаютъ всѣхъ англичанъ, а если не знаютъ, то дѣлаютъ видъ, что знаютъ. Не понимаю этой страсти. Итакъ, мистеръ Нельсонъ, который послѣзавтра уже уѣзжаетъ, въ немъ все дѣло, большой пріятель Отто и не пригласить его нельзя. Но дѣло не устроилось, потому что у Елены опять день глаженія, что, по ея мнѣнію, важнѣе всего, даже дѣловыхъ отношеній. Недавно, во время путешествія по Англіи, Отто нѣсколько недѣль гостилъ въ домѣ Нельсоновъ. Итакъ, ты видишь, въ чемъ дѣло и какъ мнѣ важно твое присутствіе. Ты говоришь по-англійски, все читала и въ прошломъ году видѣла Боота въ роли Гамлета. Я помню, какъ ты имъ восхищалась. А англійская политика, исторія—тебѣ это извѣстно. Не даромъ же ты дочь своего отца.

— Не очень-то я много знаю, такъ кое-что. Кое-чему, конечно, понаучилась.

— Да, милая Боринна, тебя хорошо учили, и всѣхъ теперь хорошо учать. А въ мое время было совсѣмъ иначе, и если бы небо не даровало мнѣ сердца, открытаго для повѣи, чего, разъ оно есть, не вытравить изъ человѣка, то я бы ничего не знала. Благодареніе Создателю, я образовалась на стихахъ и знаю ихъ такъ много наизусть, что можно сказать кое-что знаю. И этимъ я обязана послѣ Бога твоему отцу. Онъ вырастилъ цвѣтокъ, который иначе заглохъ бы среди прозаическихъ занятій и людей гастрономическаго магазина. Ты и представить себѣ не можешь, что за прозаическіе люди бываютъ на свѣтѣ. Какъ поживаетъ отецъ? Я его, должно быть, мѣсяца три не видала. Съ 14 февраля, рожденія Отто; онъ тогда рано ушелъ, потому что слишкомъ много пѣли.

— Да, онъ не охотникъ до пѣнія. По крайней мѣрѣ, тогда, когда пѣнія слишкомъ много. Это его слабость, которую многіе считаютъ неделикатностью.

— О, что ты, Боринна, зачѣмъ такъ говорить? Твой отецъ

просто оригиналь! Я огорчена, что его такъ рѣдко можно получить, я бы охотно пригласила его на завтра, но сомнѣваюсь, чтобы м-г Нельсонъ представлялъ для него интересъ, о другихъ и говорить нечего; нашъ другъ Крола, конечно, будетъ опять пѣть, ассессоръ Гольдамммеръ расскажетъ нѣсколько полицейскихъ скандаловъ и покажетъ фокусъ со шляпой и двумя талерами.

— Какъ я рада! Папа, правда, не любитъ никакихъ безпокойствъ: домашній комфортъ и трубка ему дороже молодого англичанина, который, можетъ быть, совершилъ не одно кругосвѣтное плаваніе. Папа добръ, но одностороненъ и упрямъ.

— Я съ этимъ не согласна, Боринна. Твой отецъ—алмазъ; я это знаю лучше другихъ.

— Онъ не цѣнитъ матеріальныхъ благъ, денегъ, собственности, всего что дѣлаетъ человѣка красивымъ.

— Не говори этого, Боринна. У него правильный взглядъ на жизнь; онъ знаетъ, что деньги—обуза, и счастье не въ нихъ. Она замолчала, затѣмъ, тихо вздохнувъ, продолжала:

— Повѣрь мнѣ, Боринна, только скромныя средства дѣлаютъ истинно счастливымъ.

Боринна улыбалась.

— Такъ говорить всѣ, незнакомые со скромными средствами.

— Я съ ними знакома, Боринна.

— Были раньше. Это такъ далеко, что или забыто, или скрашено. Въ сущности положеніе дѣлъ таково: всякій хочетъ быть богатымъ, и я за это никого не осуждаю. Правда, папа еще поклоняется верблюду и игольнымъ ушамъ, но молодое поколѣніе...

— ...Бѣ сожалѣнію, на него не похоже. Да, это правда. Но дѣла обстоятъ не такъ плохо, какъ ты думаешь. Слишкомъ было бы грустно, еслибъ утратилось стремленіе къ идеалу, особенно въ молодежи. Но оно живетъ въ ней. Возьмемъ, наприимѣръ, твоего кузена Марселя, котораго ты вѣсти завтра увидишь (онъ уже далъ согласіе), я, право, не знаю, въ чемъ бы его можно было упрекнуть: развѣ въ томъ, что онъ носитъ фамилію Веддеркопфъ. Какъ можетъ такой изящный мужчина носить такую неблагозвучную фамилію! Когда я его встрѣчаю у Отто, то такъ охотно разговариваю съ нимъ. А почему? Потому что у него симпатичное направленіе. Самъ нашъ добрыйшій Крола сказалъ мнѣ недавно, что Марсель—выходящая изъ ряда вонъ эстетическая натура, а онъ эстетику ставитъ выше нравственности; въ чемъ я, послѣ нѣкоторыхъ разъясненій съ его стороны, должна была съ нимъ согласиться. Нѣтъ, Боринна, не мѣняй того духа, который паритъ въ

высотѣ, на тотъ, который пресмыкается по землѣ и ждетъ тоже спасенія только выше. Мои два сына—люди дѣловые, идущіе по слѣдамъ отца, и я должна съ этимъ примириться. Но если бы Господь благословилъ меня дочерью, та была бы вполне моей, по плоти и духу, и еслибъ ей сердце почувствовало склонность къ бѣдному, но благородному человѣку, вроде Марселя Веддеркоппа...

— ... То вышла бы прекрасная парочка, — расхохоталась Боринна. — Бѣдный Марсель могъ бы быть очастливленнымъ на всю жизнь, а какъ разъ дочки-то и не хватаетъ!

Коммерціи совѣтница утвердительно кивнула головой.

— Жаль, вообще, что такъ рѣдко сходится подходящее, — продолжала Боринна. — Однако, благодаря Богу, у васъ остается еще младшій неженатый сынъ Леопольдъ, и такъ какъ вы имѣете надъ нимъ неограниченную власть, — такъ говорить онъ самъ, такъ говорить Отто, такъ говорить весь свѣтъ, — то вы могли бы, въ виду полной невозможности имѣть идеальнаго зятя, удовлетвориться идеальной невѣсткой, обворожительной молодой особой, можетъ, быть артисткой...

— Я не поклонница актрисъ...

— Или художницей, наконецъ, дочерью пастора или профессора...

Коммерціи совѣтница, въ безпокойствѣ, бросила бѣглый, но пронизательный взглядъ на Боринну. Видя, что послѣдняя по-прежнему весела и безпечна, она такъ же быстро успокоилась, какъ пришла въ волненіе.

— Да, правда, Леопольдъ еще въ моихъ рукахъ. Не Леопольдъ—дѣтя и до его брака еще далеко. Когда придетъ время... — И коммерціи совѣтница, повидимому, хотѣла серьезно предаться мечтамъ объ идеальной невѣсткѣ, но въ это время въ комнату вошелъ профессоръ и вѣжливо раскланялся съ пріятельницей.

— Я помѣшалъ?

— Въ вашемъ собственномъ домѣ? Нѣтъ, дорогой профессоръ, вы никогда не можете шѣшать. Вы вносите свѣтъ. Чѣмъ вы были въ молодости, тѣмъ остались и до сихъ поръ. Но я не довольна Боринной. Она увлеклась модными идеями и отрекается отъ отца, который всегда жилъ въ мірѣ идей...

— Такъ, такъ, — сказалъ профессоръ. — Допустимъ, но она еще вернется. Правда, одну современную черту она сохранить. Жаль. Во дни нашей юности было иначе, тогда жили поэзіей и поэтическимъ творчествомъ...

Онъ произнесъ послѣднія слова съ такимъ пафосомъ, точно хо-

тѣмъ убѣдить своихъ второкурсниковъ въ особенной прелести Горациа или Парсиваля (профессоръ былъ одновременно классикомъ и романтикомъ). Однако въ его пафосѣ было что-то театральное, съ тонкой примѣсью ироніи.

Коммерціи совѣтница была достаточно умна, чтобъ уловить ее. Она сдѣлала видъ, что принимаетъ слова профессора за чистую монету, кивнула головой и сказала: «Да, чудные, невозвратные дни молодости!»

— Нѣтъ, — сказалъ Вилибальдъ, входя въ роль, — они прошли, но надо жить дальше.

Наступило неловкое молчаніе. Только съ улицы доносился рѣзкій свистъ бича.

— Слышите, знакъ нетерпѣнія, — замѣтила коммерціи совѣтница, довольная перерывомъ разговора. — Ивану надоѣло ждать. У кого хватить духа разстаться съ такимъ властолюбивымъ человекомъ.

— Ни у кого, — подтвердилъ Шмидтъ. — Отъ хорошаго настроенія нашихъ слугъ зависитъ наше счастье; министръ имѣетъ для меня гораздо менѣе значенія, чѣмъ Шмольке...

— Справедливо, какъ всегда, дорогой другъ.

Съ этими словами совѣтница встала, поцѣловала Бюринну въ лобъ, и подала Вилибальду руку.

— Мы, дорогой профессоръ, остаемся неуклонно вѣрны старому.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, сопровождаемая Бюринной до экипажа.

— Неуклонно, — повторилъ Вилибальдъ... — Въ сущности моя пріятельница Женни все та же, что сорокъ лѣтъ назадъ, когда она потряхивала каштановыми локонами. Ей уже тогда нравилось все сентиментальное, хотя ухаживанью и битымъ сливкамъ она отдавала предпочтеніе. Теперь она пополнила и стала образованной, т.-е. приобрѣла такъ называемое образованіе; Адольфъ Брота поетъ у нея аріи изъ «Лоэнгрина» и «Тангейзера». Правильно разочла ее мать, добрейшая г-жа Бюрстенбиндеръ, наряжая свою Женни, какъ куклоку. Куклока обратилась въ коммерціи совѣтницу и можетъ толковать объ идеалахъ. Образцовый экземпляръ буржуазки.

Профессоръ подошелъ къ окну, приподнялъ слегка жалюзи и посмотрѣлъ, какъ Бюринна, закрывъ дверцу экипажа, обмѣнялась еще разъ поклономъ съ совѣтницей и компаньонкой, сдѣлавшей при этомъ кислосладкую мину. Затѣмъ, лошади тронулись.

Поднявшись наверхъ, Бюринна сказала:

— Папа, ты ничего не имѣешь противъ, я приглашена къ Трейбелямъ на обѣдъ? Марсель также будетъ тамъ, и кромѣ того молодой англичанинъ, съ громкимъ именемъ Нельсонъ.

— Я—противъ? Сохрани меня Богъ. Какъ я могу имѣть что-нибудь противъ того, чтобы ты веселилась? Я предполагаю, что ты будешь веселиться.

— Конечно. Вѣдь, это другой кругъ. Что скажутъ Дистелькампъ, Риндфлейшъ и маленькій Фридбергъ, я давно знаю наизусть. Но что скажетъ Нельсонъ,—подумай только!—Нельсонъ, этого я не знаю.

— Врядъ ли онъ скажетъ что-нибудь очень умное.

— Ничего. Я люблю иногда и неумное.

— Ты права, Боринна.

(Продолжете слѣдуетъ).

Современное психологическое движеніе *).

Часто приходится слышать, что мы живемъ въ эпоху анализа и рефлексіи. Современный человѣкъ, говорятъ, ничего не дѣлаетъ безъ того, чтобы не задать себѣ вопроса: «отчего и для чего?» Сознательность сопровождаетъ насъ всюду, она окрашиваетъ всѣ наши поступки; мы вносимъ ее въ самые ничтожные моменты нашей жизни и не можемъ отдѣлаться отъ нея даже тамъ, гдѣ она намъ явно вредитъ и мѣшаетъ спокойному и ровному теченію жизни. Какъ часто наши удовольствія отравляются этою горечью излишней сознательности, которая разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на наши искренніе чувства и заветныя мечты. Какъ холодная струя воздуха сразу разгоняетъ мягкій туманъ, окутывающій землю, такъ холодное прикосновеніе анализа моментально разгоняетъ облака мечтаній и тѣхъ чудныхъ образовъ, въ которыхъ мы, бѣдные реальнымъ счастьемъ, ищемъ и иногда находимъ временное утѣшеніе.

Понятное дѣло, что такой неотвязчивый анализъ составляетъ отличительную особенность интеллигентнаго человѣка. И хотя мы, русскіе, и приписываемъ себѣ почему-то особенную склонность къ анализу, однако же по справедливости нужно сказать, что мы еще къ счастью не заражены этою склонностью въ такой мѣрѣ, какъ западно-европейскій культурный человѣкъ. То, что у насъ составляетъ пока удѣлъ извѣстнаго кружка или немногихъ, въ Европѣ уже пустило гораздо болѣе глубокіе корни — охватило массы или, по крайней мѣрѣ, значительную часть культурнаго населенія.

Съ того момента, когда въ душѣ человѣка пробуждается склонность или потребность анализировать, эта стихійная работа мысли принимаетъ одно изъ двухъ главныхъ теченій: она или направляется внутрь, на свой личный, собственный міръ, — предъ нами «самоанализъ», раскапываніе своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, провѣрка своихъ стремленій и т. д.; или же, наоборотъ, критическая работа сознанія направляется въ другую

*) Настоящій этюдъ составляетъ введеніе къ ряду очерковъ по социальной психогіи.

сторону, стремясь как бы проникнуть въ души окружающих насъ людей; за каждымъ словомъ и поступкомъ нашихъ братьевъ намъ видѣются скрытые отъ насъ слои ихъ внутренней душевной жизни. Во всѣхъ внѣшнихъ дѣяніяхъ мы видимъ лишь барьеръ, отдѣляющій насъ отъ заманчиваго, загадочнаго внутренняго ихъ міра, въ которомъ мы ищемъ нѣчто намъ родственное.

Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ анализу какъ себя самого, такъ и окружающих насъ, было всегда присуще душѣ человѣка. Человѣкъ всегда, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія, былъ и есть существо сознательное, критикующее по преимуществу. Весь строй жизни, особенно общественной и семейной, всегда держался на умѣньхъ предугадывать не только поступки, но и ближайшіе помыслы окружающихъ. Проверка степени правдивости и искренности того, что дѣлается и говорится вокругъ, было всегда задачей, отъ точности рѣшенія которой въ значительной мѣрѣ зависитъ наше счастье, безопасность, а подчасъ и самая жизнь.

Нечего удивляться поэтому, что критическая наблюдательность составляла во всѣ времена одну изъ главныхъ принадлежностей того, кому приходилось быть во главѣ людей въ качествѣ мирнаго правителя, законодателя или военнаго руководителя. Высокая степень этой психологической наблюдательности составляетъ основу такъ называемаго политическаго генія.

Человѣкъ есть прежде всего существо психологическое: онъ не только мыслить, но прозрѣваетъ въ духовный міръ своихъ собратьевъ и отдаетъ себѣ самому отчетъ въ своей внутренней духовной жизни.

Есть ли, однако же, серьезное основаніе выдѣлять въ этомъ отношеніи нашу эпоху и приписывать современному культурному человѣку особенную склонность, или даже больше—особенную способность къ самопониманію и къ анализу жизни другихъ людей?

На этотъ вопросъ, оказывается, не такъ легко отвѣтить, какъ это могло бы показаться по первому впечатлѣнію.

Наше время отличается крайне богатою, кипучею и разностороннею умственною и физическою дѣятельностью. Духъ человѣческій, лежавшій вѣками подъ спудомъ, скованный раньше цѣпями всякаго рода, теперь, почувствовавъ свободу и почву подъ собою, съ такою напряженностью рвется во всѣ стороны, что куда бы мы ни взглянули, кажется, будто именно въ этомъ направленіи онъ движется съ наибольшею стремительностью. Стоитъ только вспомнить о великихъ завоеваніяхъ нашего вѣка въ области естествознанія и заглянуть въ тѣ тысячи лабораторій, гдѣ различныя области и уголки природы подвергаются упорному и пытливому изслѣдованію, и мы поддадимся непреодолимому убѣжденію, или вѣрнѣе—впечатлѣнію, что преобладающее направленіе современнаго ума есть именно испытаніе реальной природы, доискиваніе ея сокровенныхъ тайнъ. И трудно сказать, что больше привлекаетъ умственные силы современнаго человѣчества — общіе ли законы природы, изслѣдованіе порядка и строя ея явленій, или же практическая, прикладная сторона знанія.

Но лишь только мы обратимъ свой взоръ въ другую сторону душевной жизни человѣка,—наприм., на эстетическую сферу,—мы и тутъ поражаемся тѣмъ богатствомъ энергіи, какая проявляется въ этой области. Какого развитія достигли современная литература, живопись, музыка! Особенно послѣдняя сдѣлала такія обширныя завоеванія, что порою можно думать, что она едва ли не наиболѣе выдающійся факторъ душевной жизни современнаго европейца.

Прибавьте къ этому культъ туалета, путешествій, спорта, развлеченій и пр., и, право, становисья втупикъ предъ вопросомъ: какое направленіе человѣческаго духа наиболѣе характерно для нашего времени?

Вполнѣ естественно поэтому еще разъ спросить: да полно, дѣйствительно ли стремленіе къ психологическому анализу такъ рѣзко выдается рядомъ съ другими сторонами дѣятельности человѣческаго духа, что мы имѣемъ право говорить о какомъ-то вѣкѣ анализа, рефлексіи и сознательности *rag excellence*?

На помощь къ этому законному сомнѣнію являются еще и слѣдующія соображенія.

Прежде всего, не должны ли мы видѣть въ господствующемъ теперь увлеченіи психологическими вопросами нѣкоторой реакціи противъ недавно пережитаго всею мыслящею Европой періода крайняго поклоненія материализму?

Быть можетъ, мы переживаемъ лишь кратковременную модную полосу, которая не имѣетъ ни прочныхъ основъ, ни серьезнаго значенія для будущаго?

Не находится ли, наконецъ, современная интеллигенція или часть ея подъ временнымъ давленіемъ одного или двухъ мыслителей и писателей, дающихъ личную окраску своего индивидуальнаго психологическаго гения всей той полосѣ, въ которой мы теперь живемъ?

Требуется, стало быть, провѣрить какъ самый фактъ особенной склонности современнаго интеллигента къ сознательности и анализу, такъ и существованіе особенно выдающагося интереса къ явленіямъ духовнаго характера и къ изученію психологическихъ вопросовъ.

Къ счастью, имѣется цѣлый рядъ фактовъ, самымъ неоспоримымъ образомъ доказывающихъ и то, и другое.

Легко убѣдиться, что предъ нами не какое-нибудь случайное модное вѣяніе, а болѣе глубокое и обширное теченіе. И если вслѣдъ за констатированіемъ этихъ фактовъ мы еще познакомимся съ тѣми причинами или условіями, которымъ это теченіе обязано своимъ возникновеніемъ и своею интенсивностью, то мы придемъ къ заключенію, что это теченіе имѣетъ строго-историческое происхожденіе и общается все болѣе и болѣе разрастаться вширь и вглубь.

Обратимся же къ этимъ фактамъ.

Совершенно машинально, какъ бы помимо нашей воли, вниманіе наше устанавливается на современной литературѣ, вѣрнѣе—на беллетристикѣ и

драмъ. Стало ходячею фразой, что психологическій романъ и психологическая драма получали особенное значеніе и развитіе въ наши дни. Нѣтъ надобности называть имена: они у всѣхъ на виду. Особенно въ русской литературѣ эта форма заняла видное мѣсто въ рукахъ такихъ мастеровъ, какъ Толстой и Достоевскій.

Кстати сказать, русская литература породила совершенно своеобразное явленіе, единственное въ своемъ родѣ—психологическую сатиру Щедрина, гдѣ вся соль, весь ядъ ушли вглубь, въ психологическій анализъ.

Цѣлая плеяда французскихъ писателей: Гюи де Мопасанъ, Поль Бурже, Додэ и др.—являются также представителями психологическаго направленія.

Въ послѣднее время явилась мода на всякаго рода психологическіе этюды, анализы,—причемъ уже не нормальный человѣкъ, а разные нравственные уроды, умственные недоноски, искореженные, изломанные, «неуравновѣшенные» и т. п. привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе читающей публики и занимаютъ воображеніе писателей.

Не слѣдуетъ, однако же, увлекаться этимъ расцвѣтомъ психологической литературы и преувеличивать ея значеніе. Современная литература изобилуетъ самыми разнообразными теченіями, какъ реалистическое, историческое, бытовое, народное, описательное. Рядомъ съ психологическимъ романомъ пышно разрастается въ послѣднее время вѣтвь реалистической беллетристики (школа Золя), серьезно претендующая на господство.

Въ лицѣ Пьера Лоти мы имѣемъ творца совершенно новаго литературнаго направленія, которое можно назвать стихійнымъ и безсознательнымъ. Психологія почти совершенно отсутствуетъ въ произведеніяхъ этого оригинальнаго писателя, который не только не вдается въ анализъ души своихъ героевъ, но по временамъ даже не отдѣляетъ послѣднихъ отъ окружающей ихъ природы и житейской обстановки. Его герои нерѣдко сливаются въ одно безсознательное цѣлое то съ моремъ, то съ горами и вообще съ окружающей ихъ природою.

Огромный успѣхъ, выпавшій на долю Лоти, и энтузіазмъ, съ которымъ публика набрасывается на историческія произведенія Сенкевича, Эберса и др., доказываетъ, что страсть къ психологическому анализу не сдѣлалась преобладающею и что литературное творчество разливается широкими потоками по многимъ направленіямъ.

Литература, особенно беллетристика, наврядъ ли можетъ служить прямымъ и непосредственнымъ указателемъ преобладающаго направленія нашей эпохи. Нерѣдко въ теченіе извѣстнаго періода времени литература отражаетъ на себѣ совершенно случайные или посторонніе элементы; вліяніе одного народа на другой можетъ на нѣкоторое время вызвать у этого послѣдняго подражательное литературное движеніе, ничего общаго не имѣющее со всѣмъ строемъ его жизни. Такъ было одно время съ пессимистическимъ направленіемъ въ русской поэзіи и литературѣ подъ вліяніемъ Запада. Въ добавокъ, индивидуальное, т.-е. личное, вліяніе генія нигдѣ не оказываетъ такого подавляющаго вліянія, какъ въ области литературнаго

творчества. Въ Россіи, наприм., особенности чисто-психологическаго дарованія, даже еще больше направленія, чѣмъ дарованія у Достоевскаго, оказали огромное вліяніе и на публику, и на извѣстную группу молодых писателей.

Но, повидимому, это вліяніе уже падаетъ въ наши дни, и волна крайняго увлеченія одностороннимъ анализомъ, то, что можно назвать *surge-nage psychologique*, уже затихаетъ.

Надо думать, что намъ, стоящимъ въ центрѣ современнаго литературнаго теченія, трудно опредѣлить его истинный характеръ и только чрезъ нѣкоторое время, когда настоящее сдѣлается прошлымъ, когда мы отойдемъ отъ переживаемой эпохи, тогда по законамъ исторической перспективы самъ собою выяснится истинный смыслъ этого направленія. Пока же нѣтъ достаточнаго основанія считать нашу литературную эпоху почему-то болѣе психологической, чѣмъ были предшествующія эпохи.

Оставимъ поэтому въ сторонѣ литературу, которая лишь въ немногихъ случаяхъ играетъ роль вѣрнаго зеркала и рефлектора, а болѣею частью являетъ собою живую творческую силу, которая сама вліяетъ на общественную мысль и нерѣдко видоизмѣняетъ послѣднюю, внося въ нее плодъ индивидуальнаго творчества, не всегда даже родного.

Обратимся къ самой жизни и посмотримъ, нѣтъ ли въ ней такихъ характерныхъ постоянныхъ явленій, которыя бы указывали на то, что у современнаго культурнаго человѣка особенно развиты сознательность и склонность къ анализу.

Безспорно, одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ нашего времени состоитъ въ упадкѣ слѣпой вѣры въ авторитетъ и въ стремленіи критически провѣрять всѣ основы и найти для нихъ устои въ фактахъ и въ логикѣ.

Нѣтъ никакой надобности долго останавливаться на этомъ пунктѣ, такъ какъ онъ ясенъ для всѣхъ. Великіе авторитеты въ наукѣ, въ морали, въ религіи, авторитетъ закона, главы семьи и т. д.—все это теперь далеко не такъ незыблемо стоитъ, какъ было нѣкогда, всюду мы вносимъ свое «почему», вездѣ мы подводимъ новый фундаментъ изъ рационализма и опыта. Современный интеллигентъ страдаетъ даже избыткомъ этого критическаго духа, къ своему собственному ущербу онъ гораздо меньше пользуется опытомъ прошлаго и разумомъ другихъ, чѣмъ онъ могъ бы. Стремленіе лично все провѣрить *ab ovo*, пройти самому путь, уже давно пройденный другими, ведетъ нерѣдко къ бесполезной тратѣ времени и духовныхъ силъ.

Отрицаніе авторитета въ области идей и моральныхъ началъ было одно время характерной чертой молодежи, которая считала чуть ли не стыдомъ для себя пользоваться плодами умственнаго опыта своихъ родителей. Всѣ хотѣли начать жить сначала, какъ будто исторія родилась вмѣстѣ съ ними.

Ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ отрицать громаднаго значенія этого духа критики, которому наше время обязано столь блестящими побѣдами въ области науки и крупными открытіями въ сферѣ психологіи.

Нельзя однако же закрывать глаза на тѣневую сторону — на то, что по закону психической иррадіаціи критическое направленіе переносится нерѣдко въ такіа сферы, въ такіе вопросы, гдѣ, по крайней мѣрѣ, въ настоящій моментъ эта критика вмѣсто творчества вносить лишь анархію въ мысль и разладъ въ наши чувства.

Критика принимаетъ различное направленіе: въ области научныхъ вопросовъ она имѣетъ характеръ научно-объективный, она стремится замѣнить авторитетъ великихъ учителей личнымъ опытомъ и знаніемъ. Въ области моральныхъ вопросовъ, благодаря критикѣ, выдвигается на сцену новый факторъ — психологическій анализъ, стремящійся перенести центр тяжести изъ области правилъ и законовъ въ сферу человѣческой совѣсти, т.-е. поставить *личность* на мѣсто общества.

Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами. Понятіе о преступленіи всегда было однимъ изъ самыхъ устойчивыхъ и опредѣленныхъ въ ряду тѣхъ моральныхъ устоевъ, на которыхъ держалось общественное міросозерцаніе въ теченіе ряда вѣковъ. Эти устои казались незыблемыми. Зло и добро, порокъ и добродѣтель представлялись не одними лишь условными обобщеніями или эмпирическими границами, но чѣмъ-то вродѣ предустановленныхъ и навсегда незыблемыхъ столбовъ житейской мудрости. Но критическій духъ нашего времени коснулся самыхъ основъ этихъ столбовъ, совершенно распаталъ ихъ, можно сказать болѣе — вывернулъ ихъ наружу съ ихъ корнями. Современный человѣкъ сомнѣвается въ правильности самаго раздѣленія на добро и зло; поколеблено представленіе, искони установившееся о существованіи какихъ-то особыхъ людей — преступниковъ. До недавняго времени самый фактъ преступленія привлекалъ къ себѣ вниманіе мыслителей и толпы, личность же преступника какъ бы игнорировалась. Не трудно было даже подмѣтить нѣкоторое чувство инстинктивной вражды къ преступнику, — чувство, по всей вѣроятности, унаслѣдованное нами отъ низшихъ ступеней культуры.

На нашихъ глазахъ совершается поворотъ. Личность преступника дѣлается предметомъ интереса и притомъ не только въ научномъ смыслѣ, но сама по себѣ въ чисто-моральномъ и психологическомъ отношеніи. Мотивъ преступленія — вотъ что выдвинуто теперь на первый планъ, въ каждомъ сколько-нибудь тяжеломъ преступленіи фактическая сторона дѣла уже не поглощаетъ собою все. Изъ-за матеріальнаго содержанія преступленія выступаетъ новый факторъ — душевный міръ преступника, и для общественной совѣсти эта внутренняя психологическая подкладка преступленія пріобрѣтаетъ такое же первенствующее значеніе, какое для юристовъ имѣетъ самый фактъ преступленія. Никогда еще неразрывная связь между человѣческими поступками и его психическимъ міромъ не признавалась такою аксіомою и не проповѣдывалась съ судейской трибуны такъ убѣдительно, какъ въ наши дни. Тотъ, кто въ первый разъ попадаетъ въ залу суда во время разбора тяжкаго уголовного дѣла, можетъ подумать, что онъ попалъ на засѣданіе психологическаго общества, — то дѣяніе, оцѣнка котораго под-

лежить въ данномъ случаѣ суду, разсматривается не въ своей отдѣльности, какъ поступокъ или какъ общественное явленіе, а какъ часть всей личности подсудимаго. Вся послѣдняя, все прошлое преступника дѣлается истиннымъ объектомъ изслѣдованія и обсужденія.

И можно безъ преувеличенія сказать, что въ стѣнахъ суда психологическій анализъ приобрѣлъ въ наше время гораздо большее значеніе и вліяніе, чѣмъ въ литературѣ. И никто, разумѣется, не станетъ сомнѣваться, что этотъ поворотъ къ психологіи со стороны права и суда имѣетъ весьма серьезные корни во всемъ міросозерцаніи современнаго общества.

Не трудно убѣдиться, что судъ, вѣрнѣе—психологическое направленіе судебной совѣсти даетъ импульсы литературѣ, толкая ее по пути психологическаго анализа.

Остановимся нѣсколько на этомъ пунктѣ и спросимъ себя: какъ объяснить этотъ поворотъ отъ преступленія къ преступнику, отъ факта къ мотиву.

Конечно, прежде всего здѣсь сказывается вліяніе общаго прогресса гуманитарныхъ чувствъ, нарастаніе которыхъ безспорно составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ явленій нашего вѣка. Жалость къ преступнику и сочувствіе къ его судьбѣ замѣнили въ сердцѣ современнаго человѣка гнѣвъ и озлобленіе. Слѣдствіемъ этой перемѣны явилась возможность войти въ душу преступника, за которою впервые признано право на вниманіе. Можно сказать, душа преступника впервые уравнена въ своихъ правахъ на вниманіе.

Такова одна изъ вѣскихъ причинъ, почему психологическій анализъ проникъ въ это темное царство. Но, кромѣ этого общественнаго теченія, нѣкоторыя другія обстоятельства также содѣйствовали этому новому теченію.

Одно изъ такихъ обстоятельствъ заключается въ паденіи стараго ученія о «свободной волѣ». Ученіе это въ наши дни быстро падаетъ и, нужно сознаться, столько же вслѣдствіе общаго вымирания первобытныхъ воззрѣній, сколько, можетъ быть, еще больше подъ вліяніемъ нарастанія общественнаго опыта, который на каждомъ шагѣ убѣждаетъ насъ во всемогуществѣ условій жизни и окружающей обстановки. Здѣсь прогрессъ научныхъ идей, усовершенствованіе метода мышленія идутъ рука объ руку съ вліяніемъ жизни и все вмѣстѣ складывается въ одно цѣлое, сближая людей между собою, дѣлая ихъ въ одно и то же время и болѣе склонными, и болѣе способными вникать въ души другихъ и, наконецъ, болѣе свободными въ своей взаимной оцѣнкѣ отъ случайныхъ уклоненій и паденій.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ все болѣе возрастающаго давленія житейской обстановки современный человѣкъ лучше нашихъ предковъ въ состояніи оцѣнить, какъ великъ бываетъ гнетъ обстоятельствъ и какую роль въ нашихъ поступкахъ играютъ окружающіе насъ люди и событія, направляющіе нашу волю въ разныя стороны и въ различныхъ направленіяхъ.

Въ самомъ законодательствѣ мы находимъ отраженіе этой перемѣны, и здѣсь рядомъ съ закономъ, признававшимъ одни лишь факты, мы видимъ

теперь новое начало—общественную совесть, самое существование которой предполагает индивидуальную совесть, как критерій добра и зла. Личная совесть судьи, присяжного, разумѣется, не можетъ игнорировать родственную ей совесть преступника.

Такимъ образомъ подъ вліяніемъ цѣлаго ряда самыхъ различныхъ причинъ и условій психологія получила право гражданства въ судѣ и прочно заняла тамъ мѣсто рядомъ съ правомъ и закономъ. Такъ же радикально измѣнилось и отношеніе общественнаго сознанія къ наказанію. Юристы и философы пытаются одни найти объясненіе, другіе—оправданіе для этого учрежденія, но нельзя же закрыть глаза на то, что первоначальнымъ источникомъ наказанія служило съ одной стороны чувство возмездія, съ другой—стремленіе къ возмѣщенію вреда. Уже гораздо позже являются и идея справедливости, и исканіе безопасности для общества, и стремленіе внушить страхъ и этимъ удержать отъ преступленія. Наказаніе было долгое время фактомъ и только. Нельзя, конечно, сказать, чтобы люди встарину были лишены способности состраданія къ жертвѣ наказанія, хотя, къ стыду человечества, обычное стеченіе многотысячной толпы на мѣсто казни говоритъ скорѣе за полную безчувственность толпы, за ея неспособность переживать внутреннее состояніе и страданія наказываемаго. Первымъ признакомъ пробужденія этой способности переживать чужія страданія было народное протеста со стороны общественнаго мнѣнія противъ публичной казни. Разъ зрѣлище казни перестало доставлять толпѣ удовольствіе и вмѣсто послѣдняго явилось страданіе, тогда, по закону эгоизма, толпа потребовала, чтобы отъ нея прятали эти зрѣлища.

Конечно, и наука дѣлала свое, она доказывала и продолжаетъ доказывать бесполезность и вредъ смертной казни, но нѣтъ сомнѣнія, что не эта проповѣдь, идущая изъ кабинетовъ и доступная лишь горсти избранныхъ, а другое теченіе, чисто - житейское, волна проснувагося общественнаго чувства, вѣрнѣе говоря—подъемъ интереса человѣка къ человѣку, увеличеніе способности каждаго изъ нихъ входить въ душу другого—вотъ что больше всего подорвало сперва публичную, а затѣмъ и вообще смертную казнь.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ человѣкѣ на нашихъ глазахъ выросла и продолжаетъ расти новая способность отрѣшиться хоть на короткое время отъ своей личности, отъ своего счастья и своего горя и переживать чужое счастье и чужое горе. Не боясь быть дурно понятымъ, можно сказать, что духовная личность человѣка расширяется и сливается съ внутреннимъ міромъ другихъ людей. Стоитъ только прочесть *День приговореннаго къ смертной казни* В. Гюго, чтобы увидѣть въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ рассказѣ документъ, характеризующій нашу эпоху. Никогда еще до этого времени человѣкъ такъ не страдалъ за человѣка, не переживалъ его мученій и никогда прежде такой рассказъ не могъ бы такъ болѣзненно отозваться въ душахъ тысячи людей, какъ въ наше чуткое, воспримчивое время.

Еому приходилось въ качествѣ судьи, присяжнаго или эксперта часто бывать въ судѣ, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, что, обсуждая преступленіе и сознавая иногда разумность и справедливость наказанія, онъ подчасъ не можетъ вытѣснить изъ своей души этого процесса насильственного переживанія наказанія; эта картина неотвязчиво носится передъ его умственнымъ взоромъ и терроризуетъ его чувства и волю. Анализъ свилъ себѣ гнѣздо и психологія царить нерѣдко среди людей, которые даже не подозреваютъ самаго существованія психологіи.

Гуманитарная и альтруистическая наклонность нашего времени проявляется во многихъ фактахъ и формахъ, — въ отвращеніи къ убійству, къ войнѣ, къ истязанію животныхъ; но, быть можетъ, ни въ чемъ такъ рельефно не выступаетъ эта характерная черта нашей всеанализирующей эпохи, какъ во все болѣе и болѣе растущемъ протестѣ противъ убоины, т.-е. противъ избіенія животныхъ на чревоугодіе человѣка, царя земли. Можно, конечно, не мало шутить насчетъ вегетаріанизма, можно оспаривать его разумность и полезность, но нельзя отрицать одного, что на нашихъ глазахъ въ современномъ европейцѣ совершается какая-то внутренняя чисто-психологическая перемѣна; отвращеніе къ крови возрастаетъ, инстинктъ жестокости и силы блѣднѣетъ, а на его мѣсто нарастаетъ и становится новое начало — сближеніе души человѣческой со всѣмъ окружающимъ его міромъ, не только человѣческимъ, но и животнымъ. Человѣкъ и подѣ влияніемъ науки и подѣ давленіемъ жизни сближается съ животными, начинаетъ ихъ больше узнавать, понимать ихъ языкъ, мысли и чувства и опять — таки обнаруживаетъ стремленіе входить въ ихъ внутренній міръ. Мнѣ пришлось недавно видѣть одного высоко интеллигентнаго человѣка, который сразу сдѣлался вегетаріанцемъ послѣ того, какъ онъ побывалъ на бойнѣ. Конечно, любители дешеваго остроумія могутъ видѣть въ этомъ признакъ нервной слабости; но, во всякомъ случаѣ, если высшее назначеніе человѣчества есть всеобщая взаимная любовь и братское чувство между людьми, то можно только порадоваться, что такого рода «слабость» и воспріимчивость къ душевнымъ мукамъ животныхъ стала доступна душѣ человѣка. Кстати это упоминаемое мною лицо заявляетъ, что ему казалось, будто убиваемые быки имѣли видъ совершенно разумныхъ существъ, вполне сознающихъ, что ихъ ожидаетъ смерть, и на лицахъ ихъ былъ выражень чисто-человѣческій ужасъ.

Если въ отношеніяхъ современнаго человѣка къ своимъ ближнимъ вообще анализъ занимаетъ такое важное мѣсто, то понятно, что всего пынѣе анализъ развивается въ предѣлахъ семьи, гдѣ онъ разыгрывается на самыхъ тонкихъ и сложныхъ отношеніяхъ, какія только могутъ существовать между людьми.

Ето не замѣчаетъ прискорбнаго факта, что въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ въ послѣднее время анализъ занялъ слишкомъ большое мѣсто, вмѣсто тѣхъ, правда, черзчуръ элементарныхъ отношеній, какія существовали прежде. Стало педагогическою аксіомою, что дѣтская душа индиви-

дуальна, что родители и воспитатели должны считаться съ этою индивидуальностью, приспособляться къ ней, для чего прежде всего, конечно, нужны умѣнье и желаніе войти въ нее, понять ее. Вся система общественнаго и семейнаго воспитанія держалась въ продолженіе многихъ вѣковъ на чисто-формальной почвѣ, имѣла въ виду средняго ребенка и средняго человѣка. Теперь все это измѣнилось. Признаніе личности, т.-е. индивидуальности въ ребенкѣ, отодвинуло на задній планъ общія нормы и выдвинуло на первое мѣсто внутренній міръ ребенка и юноши. Естественно, что при этомъ не обходится безъ преувеличеній. Многіе педагоги и родители впадаютъ въ крайность и забываютъ, что все же существуютъ общіе законы душевнаго склада ребенка и что поэтому должны также существовать и общія нормы воспитанія. Увлекаясь въ сторону индивидуализма, педагоги и родители искусственно развиваютъ до крайнихъ размѣровъ и притомъ чересчуръ рано индивидуальную сторону дѣтской души, вѣроятно, нѣредко въ ущербъ его общему развитію.

Въ неразрывной связи съ этимъ возвышеніемъ индивидуальнаго міра дѣтской души находится и соотвѣтственное паденіе всякаго рода авторитета надъ дѣтьми. Кто стоитъ близко къ молодому поколѣнію, видитъ его въ семьѣ и въ школѣ, тотъ долженъ признать фактъ паденія всякаго авторитета къ глазамъ молодежи. Современный юноша, даже подростокъ, проницаетъ, хотя не всегда критикомъ, относится къ авторитету науки, обычая, родителей и, наконецъ, своихъ учителей. Мы здѣсь не касаемся вопроса, насколько это хорошо или дурно; по всей вѣроятности, въ этомъ есть и то и другое. Намъ въ данный моментъ интересуетъ другая сторона * его дѣла—найти источникъ, откуда это идетъ. И по нашему убѣжденію, причина этому не столько въ дѣтяхъ, сколько въ родителяхъ и въ педагогахъ. Послѣдніе сами дѣлаютъ все возможное, чтобы подорвать свой авторитетъ и кредитъ. И достигаютъ они этого тѣмъ, что на каждомъ шагѣ вносятъ анализъ и психологію въ свои отношенія къ юношеству. Вмѣсто того, чтобы руководить и указывать дорогу, они «доказываютъ» свои совѣты.

Да позволено намъ здѣсь будетъ высказать одно положеніе, которое на первый взглядъ можетъ показаться парадоксальнымъ. Казалось бы, что можетъ быть разумнѣе и цѣлесообразнѣе, какъ обставлять каждый совѣтъ доказательствами, къ каждому факту приклеивать въ видѣ хвоста его психологическое продолженіе—его анализъ. Это должно какъ будто болѣе прочно внѣдрить въ душу юноши впечатлѣніе отъ самаго факта, а совѣты, обставленные логическими мотивами, должны отъ этого глубже засясть. Въ дѣйствительности это не всегда такъ. Въ сферѣ моральнаго воздѣйствія и выработки идеаловъ главное—это несложность, такъ сказать, прямолинейность тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ держится міросозерцаніе юноши. Не такъ существенно всегда умѣть отличать бѣлое отъ чернаго, добро отъ зла, какъ твердое и опредѣленное отношеніе къ добру и злу, тяготѣніе къ первому и отвращеніе ко второму. Другими словами.

въ области нравственнаго развитія не столь важна аналитическая сторона, пониманіе, сколько отношеніе чувства, одобрительное и порицательное. Отъ этого послѣдняго зависитъ уже и направленіе воли—тяготѣніе къ добру или злу. А между тѣмъ, вся нынѣшняя система домашняго и общественнаго воспитанія ведется въ совершенно иномъ направленіи: на первомъ планѣ анализъ, дѣтей учатъ различать добро и зло, ничего не скрываютъ, предоставляя ребенку самому разбираться въ житейскомъ хаосѣ. На языкѣ многихъ родителей и педагоговъ это называется знакомить дѣтей съ жизнью.

Въ дѣйствительности однакожъ это знакомство не только недостаточно для выработки направленія, но оно даже подчасъ ведетъ къ противоположному—къ спутанности въ оцѣнѣхъ.

Доказывать добро и зло не всегда значить укрѣплять нравственное чувство. Это звучитъ нѣсколько странно, но не нужно забывать, что всякое подобное доказательство, т.-е. связываніе нравственнаго чувства съ определенными мотивами, имѣетъ ту слабую сторону, что связываетъ судьбу данныхъ чувствъ съ извѣстными мотивами. Этимъ, во-первыхъ, какъ бы отнимается самостоятельное значеніе у нравственныхъ чувствъ. И мы видимъ дѣйствительно, что юноша иногда не въ состояніи удовлетвориться однимъ голосомъ своей совѣсти и ищетъ опоры въ мотивахъ и доказательствахъ тамъ, гдѣ человекъ долженъ довольствоваться однимъ голосомъ своей совѣсти. А всегда ли намъ легко найти доказательство, что такой-то поступокъ хорошъ, а другой дуренъ? Пусть кто-нибудь изъ насъ подумаетъ объ этомъ, и онъ долженъ будетъ сознаться, что нерѣдко вся наша логика, и весь нашъ опытъ вмѣстѣ съ знаніемъ оказываются не въ силахъ помочь внутреннему чувству, оставляя послѣднее одинокимъ и безпомощнымъ. Предоставленное себѣ внутреннее чувство какъ бы парализовано, такъ какъ мы приучены во всемъ и всюду требовать доказательства. Кромѣ того, доказательства и мотивы не всегда достаточно устойчивы. Съ помощью софизмовъ можно иногда легко доказывать и опровергать одно и то же нравственное положеніе. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить судебныя дебаты, гдѣ защита и обвиненіе нерѣдко съ одинаковою какъ будто убѣдительною подбираютъ факты, мотивы и доказательства pro и contra.

Повторяемъ, излишнее стремленіе къ анализу и злоупотребленіе психологіею въ дѣлѣ воспитанія, вѣроятно, играетъ не малую роль въ той неустойчивости воли, которая безспорно встрѣчается теперь сравнительно часто, несмотря на общій прогрессъ опыта и умственнаго развитія молодежи. Повидимому, въ основѣ указанной педагогической тенденціи все доказывать и объяснять лежитъ не одно только преобладаніе психологій и анализа, но и отреченіе родителей и педагоговъ отъ своего нравственнаго авторитета. Прибѣгая на каждомъ шагѣ, въ своихъ сношеніяхъ съ молодымъ поколѣніемъ, къ доказательствамъ и мотивамъ, они этимъ самымъ какъ бы отрекаются отъ своего нравственнаго авторитета, и неудивительно по-

этому, что въ молодежи, такъ направляемой и воспитываемой, уже съ первыхъ годовъ жизни просыпается духъ недовѣрія къ авторитету.

Нетрудно было бы прослѣдить это чрезмѣрное развитіе психологическаго фактора во многихъ другихъ сторонахъ жизни. Ограничимся однакожь лишь указаніемъ на одну область, особенно близкую душѣ человѣка, область отношеній мужчины къ женщинѣ,—мы имѣемъ въ виду ту сложную группу психо-физиологическихъ явленій, которая извѣстна подъ собирательнымъ именемъ «любви».

Произнося эти слова, мы, признаемся, испытываемъ нѣкоторое смущеніе. Во всѣ времена многіе сильные умы и тонкіе наблюдатели, одни больше, другіе меньше,—удѣляли свое вниманіе этому жгучему вопросу.

Выступать поэтому съ какими-либо замѣчаніями относительно общаго характера любви въ наше время—дѣло весьма рискованное. Притомъ же чувство это во всѣ времена было психологическимъ *par excellence*, оно всегда приводитъ, какъ сильная пружина, въ движеніе всѣ фибры нашего духовнаго механизма, всѣ другія наши чувства, понятія, мысли, образы, планы и др.

Можно ли сказать, что оно бываетъ болѣе или менѣе психологическимъ, можно ли утверждать, что въ наши дни анализъ и разсудочность будто бы занимаютъ больше мѣста въ этомъ чувствѣ, чѣмъ это было раньше?

Уклоняясь отъ прямой атаки этого почти непреступнаго вопроса, мы попытаемся обойти его и воспользуемся тѣмъ общимъ его отраженіемъ, какое мы находимъ въ современной беллетристикѣ. Посмотримъ, какую является современная любовь въ литературныхъ картинахъ лучшихъ писателей-художниковъ нашего времени.

На первый взглядъ кажется, будто бы въ проявленіи этого чувства все обстоитъ въ наши дни точно такъ же, какъ было во всѣ времена. Любя, люди волнуются, то возбуждаются, то бываютъ подавлены; одни поддаются подвѣянью подвѣянью охватившаго ихъ чувства и тнутъ вверху въ небу, въ область правды, добра и истины, другіе, наоборотъ, смотря по своей натурѣ и предмету своей любви, падаютъ или опускаются ниже самихъ себя. Одни умнѣютъ, другіе глупѣютъ; одни дѣлаются чувствительны, добры, великодушны, другіе обрастаютъ своимъ чувствомъ, какъ скорлупою, которая ихъ отдѣляетъ отъ всего остального міра. У однихъ обнаруживается подъѣмъ творчества, у нихъ пробуждается небывалая энергія и стремленіе жить, воля напрягается съ небывалою до того силою; другіе, наоборотъ, распускаются, какъ говорятъ «раскисаютъ», впадаютъ въ апатію, дѣлаются вялыми и нерѣшительными, ихъ воля какъ бы парализуется, все ихъ духовное существо какъ бы поглощается предметомъ ихъ страсти. Одни дѣлаются властелинами предмета своей любви и господами своего чувства, которое увеличиваетъ, во всѣхъ направленіяхъ, какъ общій размѣръ ихъ нравственной личности, такъ и различныя стороны ихъ духовнаго міра. Другіе, наоборотъ, какъ бы поддаются подвѣянью подвѣянью власти того лица, которое они полюбили, они дѣлаются рабами послѣдняго и своего

собственного чувства, и этому рабству подпадает не только вся их личность, но и въ отдѣльности всѣ уголки ихъ внутренняго міра.

Таковы главные родовыя черты этой фізіологической, мучительной и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкой болѣзни, единственной болѣзни, которой всѣ люди въ извѣстную пору своей жизни жаждутъ и отъ которой ни одинъ больной не хочетъ выздоровѣть, какъ бы дорого она ему ни обходилась и чѣмъ бы она ему ни угрожала.

Есть ли что-нибудь особенно специфическое, характерное въ любви нашихъ современниковъ?

Повидимому есть, и вотъ въ чемъ. Во всѣ времена любовь измѣняла весь строй душевной жизни человѣка, отражалась на его мысли, чувствѣ и волѣ. Въ наше же время она всего менѣе задѣваетъ волю, слабѣе и поверхностнѣе прежняго задѣваетъ сферу чувствъ, но за то больше всего разыгрывается въ области мысли и анализа. Нашъ современникъ, влюбленный, очень много разсуждаетъ, говоритъ и даже пишетъ, но мало дѣйствуетъ, въ этомъ на нашъ взглядъ самая характерная особенность героя нашихъ дней. Время подвиговъ, самоотреченій, время рѣшительныхъ, хотя подчасъ и безумныхъ актовъ подъ вліяніемъ охватившей человѣка любви какъ будто миновало. Зато резонерство, пережевываніе малѣйшихъ фактовъ, раскапываніе прошлаго, заглядываніе въ далекое, быть можетъ, не имѣющее реальности будущее, анализъ возможнаго, а часто и невозможнаго, самообвиненіе и самоугрызненіе, доведеніе каждаго факта путемъ психологическаго его продолженія и анализа до самыхъ невѣроятныхъ его послѣдствій и несуществующихъ корней—вотъ что характеризуетъ чувство любви современнаго интеллигентнаго человѣка, конечно, извѣстнаго круга. Отсюда прежде всего крайнее, часто искусственное усложненіе тѣхъ отношеній, какія устанавливаются между лицами, захваченными этимъ чувствомъ. Иногда реальныя условія просты и опредѣленны, рѣшающіе факторы весьма немногочисленны, выходъ имѣется ясный и легкій, но, благодаря отсутствію рѣшимости, ослабленію воли, неустойчивости чувства, все поле битвы остается за анализомъ, который впутываетъ въ дѣло массу постороннихъ чувствъ, фактовъ и мотивовъ, затемняетъ воображеніе, смущаетъ чувство и еще болѣе колеблетъ волю. Влюбленные бьются въ заколдованномъ кругу образовъ, созданныхъ ихъ же собственнымъ нецѣлесообразнымъ анализомъ, который является не орудіемъ, а господиномъ, довлѣющимъ надъ душою своей жертвы.

Кто-то сказалъ: «отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ»—и эта пустая, лишенная всякаго смысла и правды фраза повторяется всѣми; а между тѣмъ истинно-великое никогда не можетъ быть смѣшнымъ.

Но въ любви современнаго человѣка замѣчаютъ нѣчто аналогичное, отъ серьезнаго до пустого одинъ шагъ, и этотъ шагъ дѣлаетъ анализъ. Влюбленные сплосъ и рядомъ смѣшиваютъ важныя факты съ самыми ничтожными, и это случается потому, что пониманіе факта, его истинная мѣрка теряется, рефлексія и анализъ отодвигаютъ самый фактъ на задній планъ

и на мѣста ихъ выдвигается тѣнь, отбрасываемая фактами на нашу душу, и облако изъ слишкомъ тонкихъ сужденій и соображеній.

Въ концѣ-концовъ, современные герои нерѣдко задыхаются въ паутинѣ собственнаго анализа, и нужно же сознаться, что многія неудачи или драматическіе исходы современныхъ любовныхъ эпопей имѣютъ искусственное происхожденіе и не случались бы, если бы современный культурный человѣкъ не слишкомъ уже мудрилъ въ тѣ моменты своей жизни, когда величайшая мудрость, быть можетъ, заключается въ прямотѣ мысли и простотѣ чувства.

Преобладаніе рефлексіи въ любви влечетъ за собою чрезмѣрное недо-вѣріе какъ къ своему собственному чувству, такъ и къ чувству близкаго лица. Мнительность является неизбежною съ того момента, какъ факты теряютъ свое реальное значеніе, а на ихъ мѣсто становятся продукты анализа. Отсюда то своеобразное отношеніе со стороны современнаго интеллигента къ факту измѣны. Бросаются въ глаза два крайніе полюса современнаго міросозерцанія. Съ одной стороны, въ глазахъ большинства интеллигентныхъ людей самый фактъ измѣны потерялъ свое значеніе. Люди уживаются въ наши дни съ самыми невозможными, грубыми фактами измѣны, все покрывается анализомъ. И, въ то же время, въ нѣкоторыхъ, къ счастью, исключительныхъ, случаяхъ наблюдается совершенно болѣзненная ревность, имѣющая характеръ чрезмѣрной мнительности. И тутъ мы находимъ ступеньки реальнаго фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрированный анализъ. Въ *Крейцеровой сонатѣ* мы видимъ типичный примѣръ современной ревности. Оставимъ въ сторонѣ мораль и религіозно-философскую подкладку *Крейцеровой сонаты* и возьмемъ одно лишь содержаніе этого своеобразнаго сочиненія. Въ исторіи злополучнаго Позднышева поражаетъ скудость фактовъ и богатство психологической паутины, сотканной рукою автора. Тѣ немногіе факты, которые выступаютъ въ этой исторіи, совершенно ступеньваются предъ размѣрами того процесса ихъ раскрытія, которому подвергаетъ ихъ авторъ рассказа. Ни одинъ фактъ не выступаетъ передъ читателемъ въ своей натуральной величинѣ и при своемъ естественномъ освѣщеніи. Весь рассказъ ведется такъ, точно читатель сидитъ въ темной комнатѣ, а чья-то невидимая рука внезапно выдвигаетъ различныя фигуры на экранѣ, ярко освѣщенномъ электрическимъ свѣтомъ. Эти фигуры, конечно, имѣютъ мало общаго съ дѣйствительными объектами, которые гораздо меньше и блѣднѣе. И самое впечатлѣніе получается, разумеется, совсѣмъ иное. Благодаря этому увеличенію и искусственному освѣщенію многія детали, обыкновенно совершенно ускользающія отъ нашего вниманія, тутъ выдѣляются въ качествѣ самостоятельныхъ факторовъ и могутъ даже завладѣть вниманіемъ больше, чѣмъ все цѣлое.

Я предвижу одно совершенно основательное, повидимому, возраженіе. Могутъ сказать, что исторія Позднышева не можетъ служить примѣромъ и типомъ того чрезмѣрнаго развитія анализа, который мы назвали «*supernatural psychologie*», что самъ Позднышевъ полубольной, во всякомъ

случаѣ болѣзненный человѣкъ съ измученными, раздраженными и чрезмерно возбужденными нервами. Врачъ-психіатръ можетъ отыскать въ личности этого героя многія черты того психопатическаго состоянія, которое описывается подъ именемъ ипохондріи. Это состояніе характеризуется крайней мнительностью, недовѣріемъ, болѣзненной чувствительностью и склонностью больного подпадать подъ власть тѣхъ образовъ или мыслей, которые всплываютъ въ его душѣ то самопроизвольно изъ глубины его безсознательной жизни, то подъ вліяніемъ вѣшнихъ поводовъ или впечатлѣній. Эти образы дѣлаются иногда неотвязчивыми и неотступно преслѣдуютъ такихъ несчастныхъ субъектовъ.

Соглашаясь до извѣстной степени съ такимъ взглядомъ на героя *Крейцеровой сонаты*, мы думаемъ, однако, что этимъ не устраняется тотъ фактъ, что въ этой исторіи ярко отражается характерная особенность современныхъ отношеній между полами — переоцѣнка мотивовъ и умаленіе фактовъ.

Болѣзненное душевное состояніе отражаетъ въ себѣ, хотя въ увеличенномъ и нѣсколько искаженномъ видѣ, тотъ матеріалъ, который болѣзнь находитъ въ душѣ здороваго человѣка данной эпохи и данной ступени культурнаго развитія. И если у Поздышева ипохондрическое душевное состояніе преимущественно питается психологическимъ анализомъ любовнаго и полового характера, то это, прежде всего, указываетъ на то, что корни и сѣмена этого полубреда составляютъ общее достояніе душевнаго склада современнаго культурнаго человѣка.

На изложенномъ можно остановиться; въ немъ мы нашли достаточно фактовъ и явленій въ различныхъ областяхъ современной жизни, гдѣ выступаетъ одна и та же общая или родовая черта образованнаго человѣка нашихъ дней — чрезмерное процвѣтаніе житейской психологіи и личной рефлексіи.

Литература, служащая вѣрнымъ зеркаломъ всѣхъ основныхъ теченій данной эпохи, отражаетъ въ себѣ и это психологическое теченіе, но, во всякомъ случаѣ, нельзя въ литературѣ видѣть причину и источникъ этого направленія.

Въ чемъ же корень и гдѣ источникъ этого новаго психологическаго и аналитическаго направленія нашего времени?

Къ этому вопросу мы теперь и переходимъ.

И. Оршанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческій очеркъ острова Крита.

„Nell mezzo'l mare siede un paese guasto,
Diss'egli allora che s'appella Creta“.

Dante.

„Среди морей лежитъ опустошенный островъ,—
Сказали намъ тогда, что онъ зовется Критъ“.

I.

Эти слова, еще въ четырнадцатомъ столѣтїи, сказалъ о Критѣ Дантъ. Нѣтъ на свѣтѣ судьбы болѣе трагичной, чѣмъ судьба этого острова. Природа одарила его самыми щедрыми дарами. Нигдѣ климатъ не способствуетъ лучше къ возникновенію сильнаго, разносторонне-развитого племени,—такъ какъ здѣсь есть и снѣжныя горы, гдѣ воздухъ всегда чистъ и укрѣпляюще дѣйствуетъ на организмъ; есть и теплыя долины, когда-то плодородныя, роскошныя, пока человѣкъ не разрушилъ ихъ первобытную прелесть; есть и чудныя побережья съ глубокими бухтами, какъ будто нарочно созданными для поощренія торговли и мореплаванія. Красота объемлетъ этотъ счастливый уголокъ міра яркостью красокъ, нѣгой абрисовъ горъ и далекихъ мысовъ, словно тающихъ въ сіяніи золотистаго, горячаго свѣта. Только бы жить людямъ въ этомъ земномъ раю, развиваться и благодарить Творца. Но дѣйствительность далеко не такова. Что сдѣлала съ этимъ островомъ злоба и несправедливость людская?... Какъ будто гонимъ зла нарочно обрушилъ всѣ бѣдствія и всѣ страданія на него, чтобъ омрачить твореніе свѣтлыхъ боговъ.

Вотъ ровно тысячу семьдесятъ четыре года, какъ Критъ въ первый разъ былъ опустошенъ арабами; вотъ около семи сотъ лѣтъ, какъ онъ непрерывно борется съ врагами, возстаетъ, воюетъ,—покоряемъ насиліемъ, терпитъ угнетенія и... снова возстаетъ! Какъ только солнце пригрѣетъ, снѣгъ въ горахъ растаетъ и пройдетъ пора дождей и безпутицы, Критъ готовъ на новую борьбу, и, вѣсто плодотворнаго, весенняго дождя, проливаетъ свою щедрую кровь на любимую землю. Если что-нибудь на свѣтѣ можно признать чудомъ, такъ это неимоверную живучесть и стойкость этого эллинскаго племени, которое, несмотря на всѣ завоеванія и

вліянія, не только осталось вѣрно эллинизму, но все, что до него прикасалось, превращало, усваивало и придавало всему свой самобытный колоритъ. Бритъ можно назвать колыбелью греческаго искусства и культуры древности. Интересно прослѣдить исторію Крита съ легендарныхъ временъ до нашихъ дней и, съ этой научной точки зрѣнія, вывести заключеніе.

Въ туманной дали мнѣстическихъ временъ мы можемъ прослѣдить, сквозь пестрое сплетеніе легендъ, нѣсколько дѣйствительныхъ фактовъ. Въ гомерическую эпоху Бритъ былъ центральной точкой міра тогда извѣстнаго. Онъ лежалъ на рубежѣ трехъ совершенно разныхъ цивилизацій и перенялъ всё знанія, какія только могли дать ему тогдашняя наука и промышленность.

Изъ пелазгическихъ странъ, изъ Азіи и изъ Египта, встрѣчались здѣсь вѣянія и вліянія. Первобытные критяне принадлежали сами къ эллинскому племени пелазговъ и ихъ называли: этео-критянами. Такое названіе даетъ имъ Гомеръ въ Одиссѣѣ *), гдѣ въ пѣснѣ девятнадцатой говоритъ, что въ Бритѣ жили: пелазги-этео-критяне, а также: кидонійцы, ахейцы и дорійцы.

Pottier увѣряетъ, что эти имена означаютъ слѣдующія одну за другой эпохи **). Онъ предполагаетъ, что сперва этотъ островъ населяли автохтоны-пелазги, тѣ же этео-критяне, потомъ кидонійцы,—до такой степени схожіе съ малоазійскимъ населеніемъ делеговъ и карійцевъ, что ихъ съ ними отождествляютъ ***), и Страбонъ дѣлаетъ сближеніе, сравнивая политическое учрежденіе критскихъ и карійскихъ городовъ.

Во времени троянскихъ войнъ, на Бритъ поселяются ахейцы, а позже всѣхъ, на Бритъ, какъ и въ Пелопонесъ, и какъ на прочіе острова вторгаются доріане-завоеватели. Итакъ, на Бритѣ мы, съ самаго начала, находимъ смѣшеніе двухъ совершенно разныхъ цивилизацій: пелазго-туранской и арійско-дорической.

Мы можемъ легко вообразить себѣ время, когда межъ полудикими пелазгами, жестокими и малопросвѣщенными, поселились финикійцы, завели свою торговлю, построили свои города и ввели свои обычаи. Финикійская торговля, главнымъ образомъ, состояла изъ торговли рабами, и финикійцы успѣшно занимались похищеніемъ молодыхъ дѣвицъ и юношей, которыхъ частью продавали, частью приносили въ жертву Молоху, запирая ихъ въ желѣзные, раскаленные объятія идола. Пиратство считалось настоящимъ промысломъ финикіянъ. Они также строили храмы Астартѣ богинѣ, о которой финикійская легенда гласила, что ея колесницу везутъ быки солнца. Почти всѣ имена городовъ указываютъ на финикійское происхожденіе: Итаносъ, Кносъ, Кайратъ, Кидонъ. Но ихъ угнетающему владычеству пришелъ конецъ, и тутъ во всей славѣ своей воздвигается полумифическая, полуйсторическая личность царя Миноса. Геродотъ ****) и

*) *Odysseia*, XIX, 172—179.

**) *Pottier*: „Catalogue des vases antiques. Musée du Louvre“, page 175.

***) Мильхоферъ, стр. 128.

****) Кн. I, стр. 171.

Θυκιδίδης *), думаютъ, что онъ жилъ до троянскихъ войнъ, и Геродотъ отлично описываетъ его дѣятельность. Онъ не только изгналъ пиратовъ и основалъ могущественную морскую державу, онъ не только воевалъ съ азіатами и удалилъ ихъ на азіатскій берегъ, но онъ былъ и примирителемъ двухъ расъ. Онъ взялъ много азіатовъ-карійцевъ и финикійцевъ къ себѣ на службу, такъ какъ они были искусными моряками; такимъ образомъ, въ Критѣ, подъ названіемъ «кидонійцевъ», осталась и часть азіатскаго населенія. Но самъ Миносъ ужъ совершенно эллинская личность. Курциусъ **) называетъ его первымъ греческимъ тиранномъ, βασιλεὺς βασιλευν, царемъ царей. При немъ создается сильное морское царство на островахъ Архипелага, и греческое вліяніе вытѣсняетъ финикійское. Вмѣсто похищеній и насилій грубаго быта морскихъ разбойниковъ, Миносъ вводитъ законодательство, которое, вѣроятно, его подданнымъ показалось великимъ благомъ, такъ какъ легенда вѣщаетъ, что онъ послѣ смерти удостоился стать судьей въ загробномъ мірѣ вмѣстѣ съ Радамантомъ и Эакомъ,—до того мудро умѣлъ онъ творить судъ. Мины также съ этого времени принимаютъ чисто-эллинскій колоритъ. На горѣ Идѣ происходитъ рожденіе Зевса, этого свѣтлаго эллинскаго бога. Тамъ, гдѣ появлялось поклоненіе Зевсу, оно всегда сопровождалось въ древнемъ мірѣ побѣдой просвѣщенія надъ дикостью. Этотъ могучій богъ, въ чьихъ рукахъ трепетали громъ и молнія, вокругъ чела котораго собирались тучи, не только представлялъ собою силу мысли и могущество ума, но онъ означалъ также водвореніе порядка во всемъ, правосудіа, человеколюбія, добрыхъ, дружескихъ отношеній: «Зевсъ филіосъ». На Критѣ родился онъ, какъ объ этомъ рассказываетъ Гезіодъ, и когда злой отецъ его, Хроносъ, означающій собой первобытный, грубый, временный порядокъ, хотѣлъ проглотить его, Зевса, это *тычное* начало, чтобы уничтожить его, мать Зевса Рея и земля «Гея» скрыли его на вершинѣ Иды, гдѣ коза его выкормила; а куреты и корибанты танцовали вокругъ него воинственный танецъ, ударяя мечами своими о щиты. Танецъ этотъ, извѣстный пиррическій танецъ, помнятъ до сихъ поръ на Критѣ. Очень вѣроятно, что эта торжественная пляска съ оружіемъ относится къ воспоминанію объ открытіи кованія металла и о радости, послѣдовавшей за этимъ важнымъ событіемъ.

Какъ бы то ни было, возникновеніе первой греческой державы, основаніе правосудія и торжество эллинизма надъ финикійцами, по историческимъ свѣдѣніямъ, отлично соотвѣтствуютъ легендарному рожденію Зевса. И другіе мины также принимаютъ эллинскій колоритъ. Астарта и ея быки превращаются въ сказаніе о дочери Кадма, о Европѣ, похищенной божественнымъ быкомъ, съ которой онъ доплываетъ до критскихъ береговъ, что можетъ служить символомъ о сліянніи Азіи съ Европой. О безчеловѣчномъ поклоненіи Молоху осталось преданіе въ сказкѣ о гигантѣ Талосѣ, ко-

*) Кн. I, стр. 4—8.

**) Курциусъ: „Греческая исторія“, стр. 84.

торыя въ желѣзныхъ объятіяхъ задавливалъ иностранцевъ, причаливавшихъ къ острову. О пиратскихъ похищеніяхъ и жертвоприношеніяхъ дѣвицъ и юношей есть отголосокъ въ легендѣ о Минотаврѣ. Но Тезей приплываетъ изъ Афинъ, убиваетъ чудовище и спасаетъ несчастную молодежь. Со сказаніемъ о Тезеѣ связано сказаніе объ Аріаднѣ, которую онъ увозитъ изъ Крита и бросаетъ на Наксосѣ, гдѣ божественный Діонисъ находитъ ее и вводитъ ее въ вѣчную, безсмертную жизнь, какъ свою возлюбленную. Съ этимъ повѣріемъ въ Критъ проникаетъ и поклоненіе Вакху—Діонису, и вмѣстѣ съ нимъ винодѣліе. Съ острова Пароса, вмѣстѣ съ поклоненіемъ богинѣ Деметрѣ, является и величайшее благодѣяніе—хлѣбопашество. Наконецъ, позже всего, съ острова Делоса переходитъ на Критъ поклоненіе дорическому богу—Аполлону.

Но одна изъ важнѣйшихъ критскихъ легендъ относится къ возникновенію искусства. На Критѣ жилъ Дедалъ—ваятель, о которомъ сказано, что онъ первый открылъ глаза статуямъ, отдѣливъ ихъ ноги одну отъ другой, такъ, что, по древнему выраженію, «заставилъ ихъ ходить», а руки—отвязалъ отъ туловища и придалъ истуканамъ жизнь и движеніе. Павсаній даже прибавляетъ, что хотя его творенія не заманчивы на видъ, но въ нихъ проглядываетъ что-то божественное. Дедалъ жилъ во времена Миноса, и при немъ строилъ знаменитый лабиринтъ. Вѣроятно, Дедалъ—олицетвореніе цѣлой школы художниковъ; но интересно и важно то, что художество считало своей колыбелью именно островъ Критъ. Первыхъ художниковъ, работавшихъ въ Пелопонесѣ, Скилоса и Дипина, звали *критянами*, сыновьями Дедала. Итакъ, понятіе о правосудіи и пластическое искусство возникли на этомъ островѣ. Кромѣ того, если принять во вниманіе, что эпоха морского владычества Миноса какъ разъ совпадаетъ съ эпохой самаго блестящаго процвѣтанія, такъ называемаго, микенскаго искусства, которое можно болѣе правильно назвать эгейскимъ, такъ какъ оно отнюдь не принадлежало однимъ Микенамъ, а было распространено по всѣмъ островамъ Эгейскаго моря, то легко придти къ тому самому заключенію, къ какому приходятъ Rottier, Мильхгоферъ, Гомоль и Эвансъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Критъ былъ центромъ этого своеобразнаго искусства. Эвансъ, послѣдній кто посѣщалъ островъ съ археологической цѣлью и изучалъ тамошніе гравированные камни, увѣряетъ, что критянамъ принадлежитъ слава выдумки звукового алфавита, какимъ мы пользуемся, и что финикійцы только усовершенствовали его. Во всякомъ случаѣ, для исторіи искусства Критъ представляетъ громадный интересъ. Онъ еще скрываетъ многое въ нѣдрахъ своихъ, но ужъ и теперь подарилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ археологическихъ памятниковъ. Въ немъ найдены такіе же куполообразныя могилы, какъ и въ Микенахъ, бронзы и глиняныя издѣлія древнѣйшихъ временъ, гравированные камни первобытнаго стиля, урны, множество микенскихъ вазъ. Болѣе новыя бронзы найдены на горѣ Идѣ, гдѣ вмѣстѣ съ исто-греческимъ стилемъ соединены и ассирійскіе и египетскіе узоры, начесть, статуя, одна изъ самыхъ неоцѣнимыхъ для изученія первоначальной

греческой пластики. Итакъ, мы можемъ представить себѣ Критъ, въ эпоху до троянскихъ войнъ, какъ цвѣтущій центръ греческой культуры; когда могучій флотъ василевса Миноса царилъ во всемъ величїи, ограждая острова и побережья отъ пиратовъ,—когда впервые творились судъ и правда, когда Греція воспринимала и финикійскую, и египетскую, и азіатскую промышленность, но сама, гениемъ своимъ, перерождала ее въ болѣе возвышенное бытіе и облакала въ форму искусства; когда, вмѣстѣ съ пластикой, возникали и танцы, священные танцы,—источники музыки и драматическаго искусства,—установленные впервые на площади Кносса тѣмъ же мнѣческимъ Дедаломъ.

Далѣе о Критѣ мало говорится въ древней исторїи. Это былъ богатѣйшій островъ, прекрасно обработанный, славившійся своимъ виномъ, своей торговлей, плодоносный, цвѣтущій. Населеніе было столь многочисленное, что на Критѣ процвѣтало сто городовъ, соперничавшихъ между собой и иногда ведшихъ междоусобныя войны. Критъ имѣлъ хорошій флотъ. Во время персидскихъ и пелопонесскихъ войнъ, Критъ былъ союзникомъ Аѳинъ, но въ блестящую эпоху греческой исторїи никакихъ выдающихся фактовъ на Критѣ мы не встрѣчаемъ. Когда Римъ сталъ вездѣ расширять свои завоеванія, Критъ посылалъ своихъ знаменитыхъ стрѣлковъ во всѣ страны, ведшія борьбу со всемірнымъ государствомъ. Римляне встрѣчали этихъ критянъ-наемниковъ и съ Антіохомъ, и съ Митридатомъ и, наконецъ, когда рѣшились завоевать этотъ островъ, нашли тамъ суровый и долгій отпоръ; первая римская армія въ семьдесятъ седьмомъ году до Р. Х. была поражена, и только въ 66 году, когда Мумій завоевалъ Грецію послѣ трехлѣтней войны, Цецилій Метеллъ, по прозванію *Критскій*, взялъ Критъ. Однако подъ римскимъ владычествомъ островъ благоденствовалъ и, вмѣстѣ съ Сициліей, снабжалъ Римъ хлѣбомъ и прекраснымъ виномъ. Когда Римская имперія раздѣлилась на восточную и западную, Критъ вмѣстѣ съ Греціей отошелъ къ восточной или Византійской имперїи. Христіанство не успѣло еще установиться въ Критѣ, также какъ и въ южной части Пелопонесса, какъ въ началѣ девятаго столѣтія *) на Критъ напали арабы. Это воинственное и сильное племя, подстрекаемое фанатизмомъ магометанской вѣры, овладѣло островомъ, разрушило города, причемъ было разбито и уничтожено множество статуй и художественныхъ произведеній; казалось, ураганъ прошелъ надъ Бритомъ и все опустошилъ. Послѣ этого Критъ пришелъ въ совершенный упадокъ, одичалъ и сталъ притономъ морскихъ разбойниковъ, наводящихъ ужасъ на жителей острововъ Средиземнаго моря. Опять, какъ въ древнѣйшія времена, на немъ царили насиліе и жестокость; въ его глубокихъ бухтахъ укрывались корабли пиратовъ, а громадныя пещеры въ Гортинѣ служили складами для награбленныхъ богатствъ. Арабы перебили большую часть жителей, другую—перевели въ магометанство, и Критъ былъ бы навсегда потерянъ для Греціи и для христіанства, еслибъ

*) Въ 824 году.

не византійскій императоръ Никифоръ Фока. Онъ отвоевалъ Критъ у арабовъ, переселилъ туда грековъ изъ христіанскихъ странъ, и послалъ проповѣдниковъ, чтобы одолѣть магометанское вліяніе. Эта побѣда была одной изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ Никифора, и византійцы радовались ей не даромъ, такъ какъ взятіе Крита значило избавленіе Эгейскаго моря отъ могучей шайки пиратовъ. Христіанство пріобрѣло важный оплотъ въ критскомъ населеніи при Никифорѣ. Оно не только было всемі и въездъ проповѣдано, но, съ этого времени можно считать, что оно впервые твердо укоренилось на Критѣ, и вся дальнѣйшая исторія Крита основана на его непоколебимой вѣрности православію и своей греческой народности.

Никифоръ отнялъ Критъ у арабовъ въ девятьсотъ шестьдесятъ первомъ году. Но не долго пользовался островъ роднымъ управленіемъ. Случилось бѣдствіе, о которомъ нельзя вспоминать безъ негодованія.

Есть въ исторіи нѣкоторые предрасудки, противъ которыхъ трудно идти. Такой предрасудокъ—увлеченіе пресловутыми средними вѣками и рыцарствомъ. Если взглянуть въ страницы средневѣковыхъ хроникъ, не будучи подъ вліяніемъ романтиковъ, видѣвшихъ въ этихъ варварскихъ временахъ то, чего въ нихъ вовсе не было, то содрогнешься отъ ужаса, когда предстанетъ картина насилія, безправія, непроглядной темноты тѣхъ временъ. Нравственное чувство огрубѣло до того, что даже такая могучая сила, какъ христіанство, не могла воздѣйствовать на нравы; совершенно утратилось духовное пониманіе евангельской проповѣди и вся религія была сведена къ формализму, къ торгу съ божествомъ, къ уродливой борьбѣ съ разумомъ и природою, и, въ особенности, къ совершенной уtratѣ христіанской любви и терпимости. Христіанство,—это ученіе о милосердіи и кротости,—превратилось въ какой-то бичъ, карающій смертію и мученіемъ всѣхъ, кто, какъ евреи или альбигойцы, не раздѣлялъ этого вѣроисповѣданія. Но, сквозь религіозную нетерпимость, проглядываетъ почти всегда желаніе наживы, и, большею частью, фанатическія движенія противъ невѣрныхъ, или такъ называемыхъ еретиковъ, имѣли тайнымъ побужденіемъ корыстолюбіе. Точно также и крестовые походы, главнымъ образомъ, имѣли такое могучее притяженіе изъ-за любви къ насилію и къ легкой наживѣ. Если и пламенѣла религіозная идея въ проповѣдяхъ Петра Пустынника и подобныхъ ему восторженныхъ аскетовъ, если вначалѣ и вспыхнулъ священный огонь энтузіазма, то скорѣ уступилъ мѣсто чисто - корыстнымъ соображеніямъ. Богатый Востокъ съ его древней цивилизаціей и его роскошью мерещился рыцарямъ-варварамъ, какъ когда-то мерещилось аргонавтамъ золотое руно. Далеко не религіозный подъѣмъ духа руководилъ ими, хотя насъ почему-то до сихъ поръ увѣряютъ, что они восторженно шли воевать за вѣру, и доказательствомъ моихъ словъ служатъ нѣсколько фактовъ, которые я приведу.

Въ вѣка порабощенія свободы совѣсти, когда каждый долженъ быть подъ угрозой казни вѣрить въ религію, представляющую Бога въ видѣ жестокаго тирана, котораго можно было умиловать притворной набожностью, подарками и лестью, и который пребывалъ въ вѣчной мелкой

ссорѣ съ дьяволомъ, владыкой ада, и воображенія всѣхъ живущихъ, грезившихъ о вѣчномъ пламени, о скелетахъ и гробахъ,—въ эти дни торжества инквизиціи и жи одинъ практичный, умный и живой народъ смѣлъ не подчиняться этому духовному игу. Народъ этотъ былъ венеціанцы. Они не боялись угрозъ, касающихся загробной жизни, и откровенно предпочитали выгоды и благоденствія земныя. Но все-таки они, по благоразумію своему, считались съ властью папы и почти всегда были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Однако духовенству не давали они у себя много свободы. Вообще венеціанцы жили слишкомъ полной, дѣятельной жизнью, всегда озабоченные торговыми дѣлами или управленіемъ республикой, чтобы предаваться мистицизму и заботиться о томъ, что ихъ ожидаетъ послѣ смерти, по словамъ патеровъ. Они говорили: «прежде всего мы — венеціанцы, а потомъ—христіане».

Крестоносцы-рыцари встрѣтили въ нихъ поддержку, когда венеціанцы открыто поняли, что крестовые походы превратились въ предлогъ для обогащенія. Венеціанцы давно съ завистью смотрѣли на богатый Константинополь, который получалъ громадныя доходы и на Востокъ былъ могучимъ соперникомъ Венеціи. Византія славилась своею неслыханною роскошью. Она представляла желательную добычу для ея западныхъ соперницъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Византія получала около трехъ милліардовъ франковъ доходу; это громадная сумма, если принять во вниманіе, что въ наши дни богатая Англія получаетъ въ хорошіе годы два милліарда. Путешественники, посѣщавшіе Константинополь, не могли надивиться роскоши и красотѣ. Особенно восторгался еврей Веніаминъ Тюдоль, бывшій тамъ въ XII вѣкѣ и описавшій этотъ городъ въ волшебныхъ краскахъ. Его поразили колонны изъ литого золота и серебра въ храмѣ Св. Софіи, — богатая парчевая и шелковая одежда жителей, ихъ драгоцѣнности. Черезъ Константинополь шелъ путь въ Индію; и весь Востокъ привозилъ туда свои сокровища, драгоцѣнные камни, жемчугъ, ковры, ткани, кожи, ароматы, вина, масла, — все, что только производили южныя страны. Понятно, что торговая итальянская республика завидовала такому благосостоянію и скоро стали опасными соперницами. Константинополь былъ также центромъ тогдашней цивилизаціи. Нѣтъ болѣе несправедливаго сужденія, какъ то, какимъ западные историки наградили Византійскую имперію. Слово «византіецъ» ужъ одно означаетъ человѣка лукаваго, льстиваго, коварнаго, пустословнаго. Опять-таки это предразсудокъ, который слѣдуетъ разсѣять серьезнымъ и безпристрастнымъ изслѣдователямъ. Конечно, исторія Византіи представляетъ мрачныя страницы, — мы видимъ нескончаемыя интриги вокругъ царскаго престола, бурныя низверженія, заговоры. Религія вдалась въ формальности, духовенство и общество заняты безконечными и ни къ чему не ведущими спорами о разныхъ обрядахъ, о символахъ, о тайнахъ, никому непостижимыхъ *). Между царедворцами, какъ и вездѣ, развивается

*) *Bihélas*: Le concile de Bâle.

ся гнусная лезть и, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, — трусость и хитрость, такъ какъ положеніе ихъ всегда было шатко между враждующими партіями.

Вотъ темныя стороны Византіи. Но взглянемъ и на другія. Во-первыхъ, византіянамъ никто не можетъ отказать въ мужествѣ. Они стояли, какъ оплотъ цивилизаціи, противъ восточныхъ народовъ и сѣверныхъ варваровъ, — противъ готовъ, гуновъ, персовъ, аваровъ, славянъ, но, главное, противъ арабовъ. Не будь ихъ сильной защиты, — арабы проникли бы въ Европу съ Востока, встрѣтились бы съ маврами запада, и тогда исламъ восторжествовалъ бы надъ христіанствомъ. Законодательство Византіи было гораздо возвышеннѣе законодательства западныхъ государствъ, и до сихъ поръ книги Юстиніана и Василія Македонянина служатъ краеугольнымъ камнемъ законовѣдѣнія. Религія хотя и не отличалась духомъ истинной христіанской терпимости, хотя духовныя лица и предавали другъ друга анаемѣ и учреждали гоненія на секты, — но никогда дѣло до инквизиціи не доходило, какъ это случилось въ Западной Европѣ. Византія можетъ гордиться тѣмъ, что она не запятнала православія кровью, что она не произвела ни инквизиторовъ, ни іезуитовъ. Возьмемъ любую исторію западныхъ среднихъ вѣковъ и сравнимъ съ исторіей Византіи. Если только мы не станемъ ослѣплять себя фальшивымъ взглядомъ самихъ историковъ, а будемъ глядѣть прямо на факты и сравнивать документы, — Византія покажется намъ тѣмъ, чѣмъ она была, то-есть самымъ просвѣщеннымъ центромъ того времени. Византія сохранила древнюю науку, и если она не была въ состояніи постичь глубину внутренняго смысла древняго міросозерцанія и искусства, — она передала намъ по крайней мѣрѣ изящную форму. Мозаики Византіи — подражаніе древнѣйшимъ іоническимъ узорамъ; архитектура отчасти истекаетъ изъ древне-восточной, отчасти, есть повтореніе классической, литература содержитъ много прелестныхъ подражаній классикамъ, но ей принадлежитъ также совершенно самобытный источникъ — творенія такихъ вдохновенныхъ поэтовъ и мыслителей, какъ Іоаннъ Златоустъ, св. Романъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Василій Великій и многіе другіе отцы церкви. Лучшее образованіе также встрѣчалось въ Константинополѣ. Изъ другихъ странъ присылали государи въ Константинополь за придворными дамами, которымъ вручали воспитаніе своихъ дѣтей. Женщины пользовались наукой свободой и болѣе обширными правами, чѣмъ во всей Западной Европѣ; ихъ современники представляютъ намъ ихъ вліяніе въ самомъ неприглядномъ видѣ; однако, не забудемъ, что историки были монахи, глядѣвшіе на женщинъ, какъ на воплощеніе сатаны; но свѣтлые образы такихъ императрицъ, какъ Пульхерія и Евдокія, все-таки остаются на высокой ступени. Безъ Византіи, Западная Европа совершенно утратила бы понятіе о древности, а искусство, какъ готическое, такъ и романское и даже мавританское, потеряло бы богатый источникъ, въ которомъ оно черпало множество изящныхъ формъ.

Ожесточеніе историковъ противъ Византійской имперіи лежитъ, главнымъ образомъ, въ римско-католической точкѣ зрѣнія. Римско-католикамъ,

латинянамъ, было очень завидно и обидно видѣть православное могущественное государство, этихъ процвѣтавшихъ схизматиковъ, сохранившихъ утонченное эллинское образованіе. Какъ ни старались папы и пропагандой, и общаніями, — имъ не удавалось склонить византійскихъ грековъ къ униі. Оттуда и главная причина западной неприязни къ Византіи, пережившей даже самую имперію и имѣющую доннынѣ отголосокъ въ предрасудкахъ и клеветахъ на византійскую цивилизацію.

Однако, надо отдать справедливость папѣ Иннокентію III; когда крестоносцы, послѣ долгой осады, взяли Константинополь, убили несчастнаго императора Алексѣя V, сбросивъ его внизъ съ колонны Тавра, — когда они сожгли библіотеку, гдѣ погибло множество незамѣнимыхъ книгъ древности, и этимъ, можно сказать, навѣки сокрыли отъ насъ свѣтлые источники древней науки, — когда въ пламени погибли памятники искусства и, между ними, Зевсъ олимпійскій Фидія, — когда весь городъ былъ преданъ грабежу и разбою, папа Иннокентій послалъ грубымъ рыцарямъ свое неблаговоленіе. Онъ не могъ не жалѣть жителей опустошенной столицы и съ негодованіемъ порицалъ убійства женщинъ и дѣтей, неистовый развратъ, которому предавались варвары на развалинахъ и среди убитыхъ. Населеніе, въ ужасѣ успѣвшее покинуть городъ, бродило по берегу моря, и беззащитные бѣдняки бросались къ ногамъ рыцарей, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы увѣрить ихъ, что они тоже христіане *). Но рыцари на это не обращали вниманія; ихъ всецѣло поглощала страсть къ добычѣ. Странное зрѣлище представляла собой кража разныхъ святынь, которыя потомъ продавались за большія деньги **).

Папа писалъ Балдуину Фландрскому, что такое нечестіе и разбой — непростительны, но, что разъ Константинополь взять, — крестоносцы обязаны позаботиться о душахъ греческаго населенія и присоединить ихъ къ католичеству. Венеціанцевъ онъ отлучилъ отъ церкви, за то, что ихъ дожъ Дандоло помогъ крестоносцамъ переправиться въ Константинополь на венеціанскихъ корабляхъ. Но мало заботились о религіи упоенные побѣдой рыцари. Какъ ястребы, слетѣвшіеся съ запада, они только и были заняты тѣмъ, кому достанется лучшая часть добычи. Маркизу Монфератскому выпалъ жребій получить островъ Критъ. Но венеціанской державѣ болѣе всѣхъ желательно было завладѣть всѣми островами Архипелага; Критъ они купили у маркиза за десять тысячъ серебряныхъ марокъ. Другіе острова они прямо взяли себѣ правомъ сильного, и до сихъ поръ еще на многихъ изъ нихъ видны развалины венеціанскихъ крѣпостей и стѣнъ. До чего дошла алчность разрушителей Византійской имперіи и до чего простиралось ихъ кощунственное отношеніе къ религіи, можетъ служить примѣромъ тотъ фактъ, что царствовавшій въ Константинополѣ Балдуинъ

*) Описаніе взятія Константинополя у Гиббона и у Darn: „Histoire de Venise“ Livre IV.

**) Тамъ же, Livre IV.

де-Куртенъ заложилъ венеціанскимъ купцамъ, давшимъ въ долгъ деньги баронамъ, — терновый вѣнецъ Иисуса Христа *). Эту святыню выкупилъ французскій король, Людовикъ Святой.

Франки легко подчинили себѣ Пелопонесъ, но не такъ-то легко далось венеціанцамъ управленіе Критомъ. Этотъ доблестный народъ не хотѣлъ поддаваться чужеземному игу и возставалъ за свою свободу. Яковъ Тіэполо былъ первымъ назначенъ герцогомъ Кандіи **), какъ венеціанцы звали Критъ. Приобрѣли они островъ 12 августа 1204 года, и съ тѣхъ поръ идуть сто шестьдесятъ лѣтъ почти непрерывныя возстанія. Ни силой, ни лаской не могла Венеція усмирить критянъ, — во все время своего владычества, — пока сами критяне не замѣтили, что у нихъ болѣе опасный врагъ, заразъ грозящій и имъ, и республикѣ. Только это обстоятельство заставило ихъ сплотиться съ венеціанцами и за одно съ ними защищаться отъ общей имъ бѣды — отъ турокъ.

Критскимъ возстаніямъ помогали также и генуэзцы, — эти соперники Венеціи, — иногда даже подстрекали къ возстаніямъ. Такъ, благодаря ихъ интригамъ во главѣ критянъ возсталъ сперва герцогъ Мальтійскій, а потомъ герцогъ Наксосскій. Венеціанцы положили конецъ этому бунту тѣмъ, что отняли имущества у критянъ и послали на островъ венеціанскихъ колонистовъ. Нельзя сказать, чтобы подобныя мѣры могли привязать народъ къ своимъ владѣтелямъ. Критяне только и думали объ освобожденіи и выжидали удобнаго случая. Онъ скоро представился. Послѣ паденія Константинополя въ руки франковъ, зять императора Алексѣя III Теодоръ I Ласкарисъ основалъ въ Никей греческое государство; и пріемники его старались создать сильное войско и флотъ, чтобы современемъ опять отвоевать Константинополь у франковъ, что имъ и удалось въ 1261 году, при Михаилѣ Палеологѣ. Наслѣдникъ Ласкариса, Іоаннъ Ватасъ, замыслилъ освободить Критъ, послалъ туда армию и побудилъ народъ къ возстанію. Однако, когда Венеція собрала новыя силы и отправила ихъ въ Кандію, армія императора бросила островъ и ушла. Понятно, венеціанцы не любили такихъ непокойныхъ подданныхъ и распространяли о нихъ самыя безсозвѣстныя клеветы. По ихъ словамъ, критяне были лжецы, ненадежны, неблагодарны. Особенно наивно, со стороны всѣхъ притѣснителей и побѣдителей, простодушное удивленіе, что «облагодѣтельствованные» ими народы терпѣть не могутъ ихъ «благодѣяній» и отплачиваютъ за нихъ черной неблагодарностью. Сисмондо Сисмонди, однако, возражаетъ, что тѣ пороки, — которыхъ венеціанцы упрекаютъ критянъ, скорѣе можно назвать догониствами. Видно, критянамъ издавна не могли простить ихъ любовь къ независимости, и до сихъ поръ о нихъ идетъ дурная слава; понятно, они —

*) *Daru*: „Histoire de Venise“. Livre V, p. 270.

**) Отъ имени главнаго города Кандіи, названнаго такимъ именемъ арабами, онъ слова „кандакъ“ — ровъ, такъ какъ онъ былъ окруженъ ровомъ. Настоящее древняго этого города Геракліонъ, какъ его зовутъ до сихъ поръ. Онъ же — Мегалотро.

не смирные домашніе скоты, привыкшіе къ ярму, о которыхъ Пушкинъ такъ картинно сказалъ:

Паситесь, мирные народы!
Васъ не пробудитъ чести кличъ.
Наслѣдье вамъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ...

«Чести кличъ» снова пробудилъ критянъ въ 1241 году. Они снова бунтуютъ и убиваютъ венеціанскаго правителя. Одинъ изъ самыхъ энергичныхъ, Алексѣй Калергисъ, стоялъ во главѣ и четыре года упрямо боролся противъ чужеземнаго ига. Венеціанское правительство, видя, что за сорокъ лѣтъ оно не добилось усмирить свои владѣнія силой, перешло на шоровку. Оно пошло на соглашенія съ Калергисомъ и возвысило его до чина венеціанскаго патриція. Былъ заключенъ миръ, и въ 1245 году венеціанцы основали городъ Канею на мѣстѣ древне-финикійской Кидоніи. Тутъ завели они правленіе совершенно схожее съ правленіемъ дожей, и Золотую Книгу, въ которую вписали самые доблестные роды, такимъ образомъ создавъ изъ нихъ венеціанскихъ патриціевъ. Островъ раздѣлили на три части; одна принадлежала республикѣ, другая—церкви, третья—колонистамъ. Однако, несмотря на всѣ старанія, Венеція никогда не могла рассчитывать на доходы, изъ-за частыхъ возстаній. Кромѣ того и генуэзцы, каждый разъ, когда воевали съ Венеціей, грабили островъ. Въ 1324 году—снова возстаніе. Въ этотъ разъ, главный вождь польстился примѣромъ Калергиса и, надѣясь, что съ нимъ такъ же поступятъ, какъ съ его предшественникомъ, сдался венеціанскому правителю. Но его схватили и утопили въ морѣ.

Критяне все время слѣдили за политикой республики. Какъ только они замѣтили, что ея могущество слабѣетъ, что она принуждена подписать невыгодныя условія съ венгерскимъ королемъ и съ Генуей, они опять готовятся къ освобожденію. Замѣчательно, что критскій элементъ до того силенъ, что вмѣсто того, чтобы подпасть подъ вліяніе своихъ владѣтелей и богатыхъ католическихъ монастырей, которые при венеціанцахъ утвердились въ Критѣ, они воздѣйствуютъ на венеціанцевъ, а свою вѣру не измѣняютъ. Колонисты мало-по-малу сами превращаются въ критянъ и принимаютъ православіе. До сихъ поръ еще между критянами много осталось венеціанскихъ древнихъ фамилій, которыя совершенно огречились. Кромѣ того, венеціанскіе колонисты въ Кандіи были обижены тѣмъ, что республика ни одного изъ нихъ не призвала, въ Венецію, не давала ни одному мѣста во главѣ управленія и, казалось, совсѣмъ забыла ихъ на окраинѣ государства. Когда, въ 1360 году, они просили, чтобы двадцать старѣйшинъ представляли ихъ интересы въ венеціанскомъ совѣтѣ,—управитель имъ отвѣтилъ: «да развѣ есть между вами двадцать умныхъ головъ?» Этотъ отвѣтъ привелъ въ такое негодованіе кандійскихъ колонистовъ, что они захотѣли совсѣмъ отдѣлиться отъ метрополи, и не только стали перехо-

дѣть въ православіе, но даже выбрали себѣ другого покровителя изъ святыхъ,—вмѣсто св. Марка, покровителя республики, они стали чтить св. Тита.

Критскіе возстанцы соединились съ ними. Но Венеція послала противъ нихъ сильное войско наемщиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ вождь Дель Верме. Онъ погасилъ возстаніе въ три дня. Но пять лѣтъ спустя опять вспыхнуло возстаніе, подъ предводительствомъ трехъ братьевъ Каленги. Въ этотъ разъ борьба длилась еще дольше и упорнѣе. Это была партизанская война; каждая горсть людей, каждый укрѣпленный замокъ, каждая фортификація держалась сама по себѣ и отчаянно отбивалась. Долго не было возможности ихъ покорить; наконецъ, при дожѣ Марко Корнаро венеціанское войско положило конецъ всѣмъ этимъ войнамъ. Главные зачинщики, которыхъ удалось схватить, сложили головы на плахахъ. Мщеніе было суровое, и много замковъ и даже селеній венеціанцы стерли съ лица критской земли. Послѣ этой жестокой расправы Критъ нѣкоторое время былъ совершенно ослабленъ и волей-неволей народу пришлось примириться съ безвыходнымъ положеніемъ. Приведемъ примѣры того, какъ жестоко и надменно обращались венеціанцы со своими греческими подданными.

Въ началѣ шестнадцатаго вѣка греки составили союзъ, въ который входили и Сфанія и Салино *), подъ предѣлательствомъ ректора, такъ что въ Критѣ было одновременно два отдѣльных правительства: мѣстное и венеціанское. Ректоръ Гадганоль просилъ для своего сына руку дочери венеціанскаго благороднаго жителя Канеи, Франческа Молини. Молини согласился, и свадьба была сыграна, среди увеселеній и общей радости о примиреніи двухъ враждебныхъ стихій. Но къ вечеру военный отрядъ неожиданно напалъ на гостей грековъ, присутствующихъ на свадьбѣ, и связалъ ихъ. Потомъ утромъ Молини присутствовалъ при повѣшеніи жениха, отца его—ректора и младшаго брата. Самыхъ важныхъ гостей разстрѣляли или продали въ рабство, остальныхъ повѣсили, однихъ — у воротъ Канеи, другихъ у замка Апокоронны. Вся эта страшная комедія, въ которой такъ и просвѣчиваетъ средневѣковое итальянское вѣроломство и коварство, была разыграна съ разрѣшенія венеціанскаго губернатора, съ которымъ Молини рѣшилъ такимъ образомъ наказать дерзость грека, который посмѣлъ просить руку венеціанской благородной дамы **).

Нѣсколько времени спустя, сенатъ послалъ противъ мятежниковъ-грековъ проводителя Кавалии, который себя тѣмъ ознаменовалъ, что напалъ ночью на деревушку Фонтиньяко; главныхъ обитателей онъ повѣсилъ, четырехъ беременнымъ женщинамъ распоролъ животы,—и этотъ поступокъ, по словамъ хроникъ, наполнилъ ужасомъ все населеніе. Всѣхъ жителей, — около четырехсотъ человекъ,—венеціанцы или избили, или увезли на чужбину, а деревню разрушили до тла.

*) Горныя области Крита, гдѣ народъ очень храбръ, настоящія орлиныя гнѣзда.

**) Іезуитъ фра Паоло Сарини совѣтовалъ венеціанскому сенату поступать съ греческими островитянами сурово, какъ съ хищными звѣрями; его проповѣдь—верхъ жестокости, макиавелизма и презрѣнія къ схиматикамъ.

Когда Критъ сталъ снова замышлять борьбу, обстоятельства до того перемѣнились, что критянамъ пришлось измѣнить свои планы на освобожденіе. Константинополь былъ взятъ еще въ 1453 году турками. Имъ тоже грозили все болѣе и болѣе сильные и расширяющіе свои владѣнія турки. Критяне поняли опасность долго до паденія острова Кипра, который сдался послѣ отчаянной борьбы. Этотъ врагъ былъ страшнѣе венеціанцевъ, онъ все уничтожалъ на пути своемъ, безжалостно убивалъ жителей; входить съ нимъ въ соглашеніе не было возможности: онъ никогда не сдерживалъ даннаго слова, примѣръ тому—предательская смерть кипрскаго коменданта. Все-таки, владычество венеціанцевъ, хотя и очень жестокое, не было все-разрушительнымъ. Островъ все еще могъ заниматься земледѣліемъ, венеціанцы проводили дороги, строили крѣпости. Итакъ, какъ ни горько иго чужестранцевъ для независимаго народа, привязаннаго къ своему отечеству, критяне согласились скорѣе переносить власть венеціанцевъ, чѣмъ подпасть подъ гнетъ дикихъ турокъ. Тогда-то положеніе республики стало менѣе шаткимъ на островѣ Критѣ; до тѣхъ поръ онъ возставалъ двадцать разъ и стоилъ ей громадныхъ денегъ и потоковъ крови. Но зато все опаснѣе становилось положеніе республики въ виду турокъ, которые укрѣплялись въ Византіи и уже простирали виды свои на всѣ окружающія земли,—на Элладу, на Италію, на Венгрію и на южную Россію. Не разъ пришлось венеціанцамъ жалѣть, что они переправили въ своихъ ладьяхъ первыя войска турокъ, идущихъ на Византію.

Когда упалъ съ мечомъ въ рукахъ послѣдній императоръ, Константинъ XII, западные европейцы не понимали еще, что Византія служила имъ валомъ, о который дробились волны нахлынувшихъ восточныхъ ордъ. Иначе, въ своемъ собственномъ интересѣ, они не отказали бы въ помощи, о которой византійцы ихъ просили. Теперь было поздно, и борьба съ турками стоила разоренія цѣлыхъ странъ и вела за собой цѣлые вѣка усилій и бѣдствій.

Единственный разъ помощь съ Запада была искренно предложена со стороны папы Александра V въ 1409 году. Онъ самъ былъ родомъ критянинъ. Разъ францисканскій монахъ пріютилъ маленькаго сироту-бѣдняка. Мальчикъ, какъ только выросъ, самъ поступилъ въ монахи, учился въ университетахъ Падуи, Оксфорда и Парижа; позже онъ сталъ капелланомъ въ семьѣ ломбардскихъ герцоговъ Висконти, былъ выбранъ въ архіепископы города Виченцы, потомъ Новары, наконецъ Милана, и вскорѣ произведенъ въ кардиналы. Въ 1409 году пизанскій соборъ избралъ его папой. Это было трудное время, когда католическая церковь распалась на двѣ партіи, каждая изъ которыхъ признавала своего папу и враждовала съ соперницей. Александръ V, въ короткое время своего царствованія, не только сумѣлъ умиротворить дѣла западной церкви, но, будучи грѣкомъ и не забывая своей родины, онъ намѣревался работать для соединенія обѣихъ церквей. Онъ видѣлъ византійскаго императора Мануила въ Италиі и мысль о помощи своимъ соотечественникамъ глубоко его волновала. Въ виду всего

этого, онъ посылаетъ къ европейскимъ державамъ своихъ пословъ, стараясь ихъ склонить къ новому крестовому походу на помощь Византіи, и работаетъ вмѣстѣ съ де-Нальякомъ, главой ордена св. Іоанна Родосскаго, чтобы составить на Западѣ союзъ противъ турокъ, подобный тому, какой былъ уже организованъ имъ на Востокѣ. Съ восточною церковью онъ возобновляетъ переговоры насчетъ воссоединенія и сталъ уже готовить вселенскій соборъ, но, къ несчастію, смерть не дала ему завершить это дѣло. Преемники его отнеслись къ его начинанію совѣтъ съ другими намѣреніями, и послѣдующіе соборы въ Базелѣ и во Флоренціи ни къ чему не привели.

Какъ ни возмутительно поступили франки, разрушивъ Восточную имперію и тѣмъ подготовивъ ея паденіе въ руки турокъ, но ихъ владычество на островахъ Архипелага имѣло какую-то своеобразную поэзію. Среди классическихъ развалинъ, среди цвѣтущихъ острововъ, ихъ средневѣковые замки, зубчатая стѣны и башни, не имѣютъ такого угрюмаго вида, какъ среди сѣверныхъ лѣсовъ. Отъ нихъ вѣетъ скорѣе чѣмъ-то сказочнымъ. Не обузданные характеры и неукрашенные страсти рыцарей немного смягчаются среди этой южной, улыбающейся природы, и даютъ поводъ къ романтическимъ приключеніямъ, которыя переплетаются съ исторіей, какъ это случается, на примѣръ, въ исторіи Кипра, гдѣ встрѣчаешь и коварныхъ королевъ, достигающихъ величія посредствомъ яда, и пылкихъ юношей, влюбляющихся въ портреты далекой красавицы Катаринны Корнаро... Богатые корабли генуэзскихъ и венеціанскихъ купцовъ оживляютъ теплыя, сіяющія моря; но среди ночей имъ приходится считаться съ пиратами, подлетающими къ нимъ на черныхъ парусахъ, какъ большія хищныя птицы; можетъ быть, перо Байрона, въ такихъ поемахъ какъ «Корсаръ», лучше всего даетъ намъ понятіе о пестрой жизни, которая развертывалась подъ золотистымъ небомъ Архипелага, въ это фантастическое время, когда такъ странно переплетались средневѣковые титулы съ классическими именами, какъ, на примѣръ: *герцогъ Наксосскій*! Можетъ быть сказки-комедіи Шекспира, вроде «Бури», не нашли бы себѣ болѣе подходящихъ декораций. Это не была стройная эллинская эпоха процвѣтанія искусства, — но все же это была жизнь. Мало-по-малу на эти чудныя страны, какъ всеобъемлющая туча, надвигалась смертная тѣнь. Не довольно того, что турки рѣзали, убивали большую часть жителей; они искажали, на сколько могли, и природу. Гдѣ они прошли, тамъ исчезла, или сожженная, растительность, изсякли ручьи; мраморные остатки статуй и колоннъ истолчены и превращены въ известь, — тамъ пустыня и «мерзость запустенія», по словамъ пророка.

Наконецъ, въ 1571 году, видя, что опасность отъ турокъ грозитъ даже всей Италіи, Венеціанская республика имѣла удовольствованіе получить себѣ подмогу въ лицахъ папы и Филиппа II Испанскаго. Соединенные флоты встрѣтили турецкій флотъ около Наупакта или Лепанта, какъ звали эту мѣстность въ Коринфскомъ заливѣ. Тутъ, въ самомъ величественномъ мѣ-

стоположеніи въ мірѣ, въ глубокой лазурной бухтѣ у подножіи снѣжнаго «многовершиннаго» Парнаса, произошло знаменитое морское сраженіе. Турки были совсѣмъ разбиты *). Но, къ несчастію, эта блестящая побѣда не имѣла такихъ важныхъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать. У турокъ были тогда неистощимыя средства и имъ не долго стоило создать себѣ новый флотъ.

Какъ только Кипръ попалъ въ ихъ власть, республика послала пятьдесятъ галеръ на стражу Крита. И вскорѣ турки появились въ виду Кандіи, въ 1644 году спустили нѣсколько тысячъ человѣкъ на берегъ, разрушили и разграбили городъ Ретимно. Но ихъ встрѣтило войско изъ Канен, и совершенно разбило, а сильная буря заставила турецкаго адмирала удалиться отъ критскихъ береговъ.

Однако, турки намѣтили островъ себѣ въ добычу; когда галеры, принадлежащія Мальтійскому ордену, взяли въ плѣнъ турецкій корабль и увезли находившуюся на немъ султаншу съ ея сыномъ, турки воспользовались этимъ предлогомъ, чтобы вновь угрожать Криту. На немъ не было хорошихъ укрѣпленій, кромѣ города Кандіи, и венеціанцы наскоро стали работать. У нихъ было всего тридцать кораблей подъ предводительствомъ Андрея Капелло и двадцать три галеры, а также мѣстное войско, въ довольно плохомъ видѣ. Турки же шли съ тремястами сорока восьмью галерами и, кромѣ того, они напали врасплохъ на островъ, не объявивъ войны, и вышли изъ Константинополя подъ предлогомъ идти на Мальту.

24 іюня 1645 года они высадили на берегъ около крѣпости Св. Θεодора пятьдесятъ тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ Юссуфа-паши. Командантъ, Блэзъ Юліани, не будучи въ состояніи бороться съ такою силой, взорвалъ фортъ на воздухъ и погибъ. Канея имѣла всего двѣ или три тысячи солдатъ и плохое укрѣпленіе. Венеціанскій флотъ не могъ помогать, онъ стоялъ на стражѣ, ограждая Судскую бухту. Въ такомъ опасномъ положеніи Венеція обратилась за помощью къ Европѣ, но никто, кромѣ итальянскихъ государствъ, не откликнулся. Италия прислала двадцать галеръ. Несмотря на малочисленность защитниковъ, Канея держалась 57 дней; все населеніе и священники и женщины принимали участіе въ битвахъ. Двадцать тысячъ турокъ было перебито. Главнымъ образомъ, защищались посредствомъ подкоповъ и взрывовъ, которые подъ развалинами погребали много непріятелей. Но турки съ своей стороны подкапывались подъ городъ. 17 августа турецкая мина взлетѣла и разнесла валъ. Критяне и венеціанцы упорно заграждали входъ въ городъ, однако, послѣ семичасоваго жаркаго боя, крѣпость была вынуждена сдаться. Гарнизонъ со всѣми военными почестями вышелъ и направился въ Суду. Часть жителей за нимъ послѣдовала; тѣ же, кто остались, были перебиты турками, несмотря на обѣщаніе пощады. Венеція обратилась опять къ Европѣ. Въ этотъ разъ, нѣсколько государствъ послали своихъ добровольцевъ; тутъ встрѣ-

*) *Daru* захватывающе описываетъ лепантское морское сраженіе въ *Histoire de Venise*, chapitre XXVII.

тились и французы, и нѣмцы, и испанцы. Однако, они мало помогали изъ-за ихъ малочисленности и плохой дисциплины. Взявъ Канею, турецкій флотъ пошелъ на Судскую бухту. Тутъ произошло страшное морское сраженіе; турки построили двѣ пирамиды изъ череповъ у входа въ заливъ *). Но пораженіе было почти что обоюдное, туркамъ пришлось возвратиться въ Константинополь, чтобы поправлять свои корабли. Между тѣмъ, венеціанскіе адмиралы то и дѣло преслѣдовали ихъ на морѣ. Они побѣдили турокъ при Смирнѣ, около Дарданелъ, въ Безигской бухтѣ, но эти блестящія побѣды все-таки не истощили силы Турокъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ они вновь явились въ Критъ и осадили городъ Кандію. Благодаря храбрости одного изъ генераловъ, Алоизія Мочениго, городъ держался 28 лѣтъ **). Когда турки брали его приступомъ, онъ сдѣлалъ вылазку и такъ отчаянно поколотилъ непріятеля, что турки были увѣрены въ несмѣтномъ числѣ своихъ противниковъ. Въ эти 28 лѣтъ прославилось нѣсколько полководцевъ, изъ рода Мочениго и изъ рода Морозини.

Однако, долгая война съ Турціей не могла не ослабить республику и не истощить ея сокровищъ. Францискъ Морозини, который защищалъ Кандію въ 1669 г., видя, что врагъ слишкомъ сильный и что Кандію нельзя спасти, вошелъ въ переговоры съ турками. Онъ взялъ на себя смѣлость заключить миръ, по которому Критъ былъ уступленъ туркамъ, кромѣ: Судской бухты, Спина-Лонги и маленькихъ острововъ—Грабузъ. Другого исхода не оставалось и надо еще удивляться дипломатической ловкости Морозини и его престижу, что онъ могъ выговорить эти привилегіи, когда весь островъ уже былъ въ рукахъ турокъ и оставалась одна полуразрушенная крѣпость Кандія.

Чтобы загладить эту потерю, на слѣдующій годъ Морозини взялъ у турокъ почти весь Пелопонесъ и не прекращалъ поражать ихъ. Его слава была до того велика, что республика при жизни поставила ему статую и дала ему наименование: «Пелопонесскій». Такихъ почестей никому не оказывали въ Венеціи, гдѣ было столько завистниковъ у великихъ людей и гдѣ,—какъ это часто встрѣчается въ республикахъ,—возвеличеніе человѣка надъ другими подвергало его преслѣдованіямъ. И Морозини перенесъ гоненіе, и не былъ лишенъ недоброжелателей. Мнѣ пришлось видѣть во дворцѣ Морозини въ Венеціи часословъ героя; съ одной стороны, листы бумаги, съ другой—незамѣтно вдѣланный въ книгу ящичекъ съ пистолетомъ. Морозини ни на минуту не оставался безъ оружія. Однако, его неоспоримая доблесть положила конецъ враждѣ и онъ былъ выбранъ дожемъ. Во время пелопонесской войны случилось обстоятельство, которое мы не можемъ довольно оплакивать. При осадѣ Аѣинъ венеціанцами въ 1670 г. турки укрѣпились на Акрополѣ и устроили въ Паренонѣ складъ пороха. Бомба съ венеціанскихъ кораблей попала какъ разъ въ храмъ, произвела трывъ и разрушила дотолѣ цѣлый и хорошо сохранившійся Паренонъ.

*) Galland: „Traduction des Annales turques“.

**) Daru: „Histoire de Venise“, chapitre XXXIII.

Алчность венеціанцевъ довершила остальное. Какъ только городъ былъ въ ихъ рукахъ, они ограбили множество памятниковъ, статуй, и, въ слѣпкѣ своей, стараясь отдѣлить группы статуй отъ восточнаго фронтона, въ камни котораго онѣ были вдѣланы желѣзными крюками, уронили ихъ и разбили въ дребезги; куски исчезли, невѣдомо куда, — вѣроятно, были разграблены. Эта неудача ихъ отчаяла въ дальнѣйшихъ попыткахъ разрушать фронтоны и статуи остались тамъ, пока позже не ограбила Паренонъ Англія, въ лицѣ лорда Эльджина. Венеція украсилась классическими памятниками. На храмѣ св. Марка до сихъ поръ красуются великолѣпные кони, стоявшіе у входа въ Пропилеи. Вообще, Европа самымъ незаконнымъ образомъ разрушала всѣ сокровища Греціи. Не довольствуясь тѣмъ, что изъ лона Эллады вышли всѣ ученые, всѣ художники, всѣ тѣ, которые послѣ пораженія Константинополя отправились въ Западную Европу и тамъ пролили свѣтъ, ими хранимый, и до того яркій, что въ Италіи загорѣлся новый очагъ прекраснаго и наступила эпоха возрожденія, — не довольствуясь этими щедрыми дарами, Европа, гдѣ только могла, обирала Грецію, вплоть до временъ короля Оттона, когда въ Мюнхенѣ были отправлены архаическія группы фронтоновъ Эгинскаго храма. Что дала Европа взамѣнъ? Какое-то презрительное отношеніе къ народу, изнемогавшему подъ игомъ, ею же самой на него навлеченному, и послѣ того, какъ почти вся нація была измучена, — позднюю помощь, освободившую только треть греческой земли. Да и то Англія и Австрія торговались и препирались за каждую пядь освобожденной земли, стоя всецѣло за мнимые турецкіе интересы, видя въ нихъ свои собственныя выгоды.

Послѣ смерти Франческо Морозини, Венеціанская республика стала приходить въ упадокъ, несмотря на блескъ и славу, на вершину которыхъ поднялъ ее знаменитый полководецъ. Въ городѣ все больше развивается роскошь, все меньше поддерживается чувство патріотизма, прежде столько разъ направлявшее частныя богатства въ сокровищницу государства, для поддержки войскъ. Мало-по-малу отпадаетъ весь Пелопонесъ, кромѣ Іоническихъ острововъ, гдѣ турки никогда не царили, и которые изъ всѣхъ острововъ Эллады до сихъ поръ отличаются своими лѣсами, зеленью и земледѣліемъ; ихъ не коснулась всеразрушающая рука хищниковъ.

Въ 1715 году послѣднія венеціанскія укрѣпленія на Бритѣ были взяты турками, и несчастный островъ безъ всякой защиты подпалъ подъ гнетъ, отъ котораго такъ упорно отбивался.

II.

Когда вы встрѣтите невѣрныхъ, — избежите ихъ, чтобы избѣіе было великое; и тѣснѣе сжимайте оковы вашихъ узниковъ.

Коранъ. Кн. XLVII, стр. 4.

Вторая часть исторіи острова Брита есть упрекъ и пораженіе гордости нашей европейской цивилизаціи. Мы думаемъ, что мы дошли до иде-

гуманности, прогресса и т. д., между тѣмъ цѣлая вереница грубыхъ фактовъ, которыхъ мы не можемъ ни изгладить, ни смягчить, намъ прямо говорятъ, что намъ еще далеко до настоящей цивилизаціи, признающей право на жизнь и свободу всѣхъ членовъ нашей человѣческой семьи. Положимъ, что Бритъ очень маленькая частица этой семьи; но почему же возмущаемся мы, когда при насъ истязаютъ ребенка, а когда истязаютъ цѣлыми столѣтіями народъ, даже не большой,—мы въ продолженіе долгихъ лѣтъ отвертываемся, остаемся совершенно безучастными, если не хуже? Цивилизованные люди нашего вѣка, которые у себя не терпятъ притѣсненій, о рабствѣ выражаются какъ о злѣ и стыдѣ предшествующихъ временъ,—терпятъ, чтобы на ихъ глазахъ народъ истекалъ кровію и переживалъ, почти непрерывно, всѣ ужасы военного времени, смуты, голодъ, всякое насиліе,—и не только терпятъ, но часто случается слышать какъ говорятъ: турки симпатичнѣе этихъ мятежниковъ критянъ; они въ своихъ правахъ. До чего довели насъ извращенія самыхъ ясныхъ понятій о правѣ! «Ты мнѣ принадлежишь, я завоевалъ тебя, потому что сильнѣе и имѣю право тебя эксплуатировать, мучить, отнимать у тебя твою собственность и даже убивать тебя». Вотъ прекрасное понятіе о *правѣ*. Найдутся люди, которые даже признаютъ это право священнымъ; а если ты возмудишься,—тебя же сочтутъ мятежникомъ и общее мнѣніе будетъ на моей сторонѣ. Да, вотъ это хуже всего,—общее мнѣніе на сторонѣ сильныхъ. Происходить это отъ того, что тѣ, кто думалъ, кто учился, не дошелъ все-таки до ясныхъ взглядовъ, до прочныхъ уставовъ, которыми могъ бы руководиться въ жизни и въ мнѣніяхъ. Каждая эпоха имѣла какой-нибудь свой критеріумъ, или религіозный, или свободно-философскій, а наша не имѣетъ ничего,—ни устава, ни лозунга. Мы даже потеряли смыслъ правды; насъ не трогаетъ примѣръ людей, безнадежно, упорно борющихся за свою независимость и не унывающихъ цѣлыми вѣками.

Не завидно жилось критскимъ грекамъ при венеціанцахъ; но даже такіе факты, какъ смерть Гадганола и разореніе села Фонтиньяко, блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что пришлось имъ переносить отъ новыхъ завоевателей. Однако, мнѣніе народа раздѣлялось.

Презрѣніе, съ которымъ относились къ своимъ православнымъ подданнымъ венеціанскіе католики, возмущало не только самихъ грековъ, но и путешественниковъ, которые болѣе или менѣе безпристрастно относились къ религіи, какъ, напримѣръ, Belou и Tournepfort.

Жестокія расправы венеціанцевъ не могли не оставаться въ народной памяти, и вотъ отчего, когда на венеціанцевъ напали турки, часть населенія, болѣе легкомысленная,—отнеслась къ нимъ не такъ враждебно, какъ можно было бы ожидать, съ надеждою, что турки,—какъ говорятъ Перрѣ,—будутъ болѣе лѣнныя, болѣе небрежныя владѣтели острова, чѣмъ венеціанцы, съ ихъ жестокой, но хорошо организованной администраціей; они могли также скрыть нѣкоторую радость при мысли, что на ихъ жестокихъ притѣснителей находятъ сильные враги.

Но вожди народа, и люди болѣе дальновидные, понимали страшную опасность подпасть подъ гнетъ турокъ, которые успѣли навѣять ужасъ на весь ими покоренный Востокъ. Храбрые сфакіоты болѣе всѣхъ помогали венеціанцамъ въ ихъ оборонѣ противъ турокъ и, забывъ всѣ междоусобія, и простивъ всѣ обиды,—слились въ одно съ своими бывшими врагами для долгой и славной защиты, которую мы описывали.

Когда Бритъ подпалъ подъ турецкое иго, на него обрушилась еще худшая участь. Всего не описать, но вотъ главныя обстоятельства, которыя дѣлали жизнь христіанъ невыносимой и которыя легли на народъ еще гораздо тяжелѣе, чѣмъ венеціанскія жестокости. Съ начала завоеванія, за всѣ эти двѣсти лѣтъ турецкаго владычества, не прекращается притѣсненіе самаго сокровеннаго, что имѣетъ критскій народъ, то-есть православной вѣры. Исламъ проповѣдывается казнями, мечомъ и самыми невѣроятными истязаніями. Эта мѣра и до нашихъ дней практиковалась, и только за послѣдніе мѣсяцы подъ временнымъ занятіемъ острова соединенными европейскими войсками фанатизмъ притаялся. Другія двѣ мѣры, которыя оставили въ сердцѣ критянъ неизгладимую вражду противъ турокъ,—были отмѣнены въ теченіе нынѣшняго столѣтія, это—подать на дѣтей и харачъ. Но эти притѣсненія накопили такое озлобленіе въ памяти народа, что оно впиталось въ плоть и кровь его, и онъ не можетъ простить, не можетъ снести ненавистное иго. Эта подать на дѣтей самое суровое изобрѣтеніе, которое могло прійти на мысль врагамъ человѣчества. Всѣхъ сильныхъ и здоровыхъ мальчиковъ Греціи и Брита отнимали съ малыхъ лѣтъ у родителей, и это было гораздо хуже смерти. Итакъ, тотъ самый младенецъ, котораго мать съ любовью вскармливала своимъ молокомъ, въ которомъ могли бы видѣть надежду будущаго освобожденія, защитника родной вѣры и страны отцовъ,—былъ оторванъ отъ родимаго гнѣзда и хуже чѣмъ потерянь: его обрекали на мусульманство, невинную душу затемняло ученіе лже-пророка, ребенокъ забывалъ откуда онъ, кто его мать, гдѣ родина,—и становился непримиримымъ врагомъ своихъ же кровныхъ; его учили разнымъ военнымъ упражненіямъ, внушали ему безстрашность, фанатизмъ, ожесточеніе,—и изъ этихъ дѣтей, исторгнутыхъ изъ родной имъ обстановки, составляли войско янычаровъ, этихъ безшабашныхъ, полудивныхъ удалцовъ, которые своими неистовствами заставляли трепетать не только христіанъ, но и мусульманъ. Можетъ ли воображеніе представить современному человѣку весь трагизмъ положенія родителей,—матери, которая, вмѣсто радости, должна была испытывать ужасъ передъ своимъ собственнымъ ребенкомъ, котораго ей приходилось родить, кормить и лелѣть: чтобы современемъ онъ сталъ палачомъ своего же народа!

Но есть въ мірѣ законъ, выше нашей воли и могущества, въ силу котораго зло само въ себѣ несетъ причину своего собственнаго истребленія. Такъ и это безчеловѣчное учрежденіе янычаровъ кончилось тѣмъ, что само себя погубило. Какъ тотъ, кто питалъ своихъ лошадей человѣческимъ мясомъ, самъ былъ ими растерзанъ, такъ и турецкое правительство уви

дѣло, что *очакъ*, или «оджакъ», янычаровъ сталъ вреднымъ очагомъ неурядицы и смуты для Порты, и, наконецъ, это мятежное учрежденіе дошло до открытаго возмущенія, которое и было задушено султаномъ Махмудомъ въ пламени и крови. Послѣ этой расправы, въ 1826 году, былъ положенъ конецъ ужасной подати на дѣтей, въ сравненіи съ которой даже избіеніе младенцевъ Иродомъ казалось гуманной мѣрой, и которая грозила совершеннымъ истребленіемъ греческаго народа, или, по крайней мѣрѣ, его самыхъ цвѣтущихъ силъ. Въмѣсто побора въ «янычары, мальчиковъ-островитянъ стали брать на морскую службу въ турецкій флотъ, но ихъ уже не переводили въ мусульманство.

Еще другая мѣра, введенная послѣ завоеванія, — поголовная подать, *харачъ*, — существовала до 1858 года, когда критяне, послѣ долгаго возстанія, съ мечомъ въ рукахъ, добились ея отмены. Эта мѣра не могла не быть тяжела для чувства самодостойнства каждаго христіанина, который принужденъ былъ платить подать «харачъ», съ шестилѣтняго возраста, за право нести голову на плечахъ. Эта позорная подать, до сихъ поръ, существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, подвластныхъ Турціи, напримѣръ въ злополучномъ Эпирѣ, который, послѣ нашей побѣдоносной войны и по Берлинскому договору, считается независимымъ отъ Турціи! Понятно, эта статья никогда не была въ дѣйствительности исполнена. Такъ-то на Востоку уважаютъ договоры!

Со всѣми этими униженіями и крутыми мѣрами, участь критянъ при туркахъ стала еще невыносимѣе, чѣмъ при венеціанцахъ. На островѣ, кромѣ жителей Абадіи, — горной деревушки, гдѣ населеніе еще со временъ арабовъ сохранило магометанство, — вовсе не было мусульманъ. Туркамъ было удобнѣе переводить жителей въ мусульманство, чѣмъ переселять на далекій Бритъ военныя колоніи. Сперва они прибѣгли къ понудительнымъ административнымъ мѣрамъ, стараясь всяческими средствами поощрять переходящихъ въ исламъ христіанъ разными правами и преимуществами, между прочимъ — надѣлами земли. Для христіанъ же не существовало никакого фактическаго закона или правосудія, ни собственность ихъ не была ничѣмъ обезпечена. Весь законъ состоялъ въ Коранѣ, вовсе не признающимъ существованіе христіанъ, считающимъ ихъ «невѣрными». Все правосудіе сосредоточивалось въ рукахъ аги — полноправнаго, любостяжательнаго, подкупнаго и не имѣющаго другого интереса, кромѣ быстрой наживы. Ага, или подвластный ему каади, и судилъ, и исполнялъ свой приговоръ; при немъ неизмѣнно состоялъ палачъ.

Однако, несмотря на всѣ преимущества, заслуживаемыя тѣми, кто рѣшался переимѣнить религію, — дѣло не особенно успѣшно подвигалось. Скорѣй всѣхъ другихъ мѣняли вѣру практичныя венеціанцы, поселившіеся на Бритѣ и желавшіе сохранить свои большія владѣнія. Свидѣтельство объ этой измѣнѣ своей религіи венеціанцами еще до сихъ поръ существуетъ: на многихъ, и до нынѣ не развалившихся, замкахъ и башняхъ на Бритѣ красуются надъ венеціанскими гербами тексты изъ Корана. Иногда

эти новообращенные въ магометанство впадали въ крайній фанатизмъ, и отъ нихъ приходилось христіанскому населенію хуже, чѣмъ отъ настоящихъ турокъ. Послѣ взятія Спина-Донги, все тамошнее населеніе, состоявшее изъ венеціанцевъ, приняло магометанство, и до сихъ поръ тамошніе мусульмане гордятся венеціанскимъ происхожденіемъ *).

Когда начались гоненія за вѣру, когда стали мучить и убивать христіанъ, чтобъ ихъ принудить къ принятію ислама, многіе рѣшились на мученическую смерть; но другіе, чтобъ избѣгнуть гоненія, дѣлались магометанами. Однако, часто случалось, что эти боязливые измѣнники, въ душѣ оставались христіанами, и только на видъ исповѣдывали новую религію. Они даже въ тайнѣ крестили дѣтей своихъ; и тотъ же самый человекъ, котораго звали въ семьѣ Иваномъ или Дмитріемъ, официально носилъ имя Гуссейна или Измаила. Наконецъ, въ 1856 году, когда критяне получили обѣщаніе въ терпимости къ христіанской религіи, такое множество мнимыхъ мусульманъ открыто признали себя христіанами, что турки испугались и взяли назадъ свое слово. Итакъ, вотъ каково было положеніе на островѣ въ первыя пятьдесятъ лѣтъ турецкаго владычества: города стали крѣпостями турецкихъ войскъ; лучшія земли достояніемъ перешедшихъ въ мусульманство венеціанцевъ и критянъ; а горы остались христіанамъ, населенію бѣдному, обижаемому пашами и фактически безправному, такъ какъ паша могъ требовать какихъ ему было угодно податей, отбирать все, что ему нравилось, распоряжаться совершенно самоуправно. Христіанину ничего не оставалось, кромѣ повиновенія или возстанія, такъ какъ некому было жаловаться; судъ и исполнительная власть были сосредоточены въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ каади, т.-е. мусульманскаго судьи, подвластнаго тому же пашѣ или агѣ. Не только собственность, но и семья, и честь христіанина были въ рукахъ турокъ.

Путешественникъ Пашлэ, которому французскій консулъ въ Канеѣ, Фабрегетъ, позволилъ прочесть архивы консульства, а также переписку австрійскаго консула съ константинопольскимъ интернунціемъ, — рассказываетъ, что, по свидѣтельству французскаго консула, каждый янычаръ могъ требовать отъ христіанина денегъ, сколько ему надобилось и когда ему было угодно. Для этого ему стоило только послать тому лицу, у котораго хотѣлъ взять деньги, пулю, завернутую въ бумажку, на которой писалась цифра желаемой суммы. Если почему-либо получившій это краснорѣчивое посланіе не могъ тотчасъ удовлетворить янычара, слѣдовала неминуемая смерть.

Гуляя по городскимъ валамъ, янычары, по свидѣтельству того же Пашлэ, часто занимались слѣдующимъ невиннымъ препровожденіемъ времени: они стрѣляли въ перваго встрѣчнаго прохожаго христіанина и бились между собой о закладъ, на лѣвую или правую сторону упадетъ жертва; выигравшій выпивалъ на счетъ товарищей боу вина **).

*) Crete and Greece, 18 p.

**) Въ окѣ—около трехъ фунтовъ.

Говоря о томъ, какъ была поругана честь христіанскихъ домовъ, Пашлэ отказывается описывать эту смѣсь самаго жестокаго звѣрства съ самымъ отвратительнымъ и мерзкимъ развратомъ, до какого только можетъ пасть человѣческая природа. Другой англичанинъ, Стилманъ *), говоритъ: Если какой-нибудь ага бросалъ свой выборъ на чью-нибудь жену или дочь, онъ являлся въ домъ *райи* (т.-е. подданнаго христіанина) и обезчещивалъ женщинъ; а если отецъ или мужъ сопротивлялся, слуги аги его убивали на мѣстѣ. Если христіанинъ справлялъ свадьбу съ красивой дѣвушкой, ага посылалъ ему пулю, завернутую въ платокъ, и тогда оставалось только спасать красавицу и убѣгать куда-нибудь въ горы; красивѣйшихъ женщинъ приходилось почти всѣхъ усылать въ горы, это вѣроятно и способствовало тому, что раса женщинъ, встрѣчающихся въ горахъ, гораздо красивѣе, чѣмъ населяющая города.

Наушники аги извѣщали его о мѣстныхъ красавицахъ. Тогда ага весьма любезно приглашалъ къ себѣ отца съ дѣвушкой. Если отецъ не являлся, за ослушаніе участь его была рѣшена. Если онъ приходилъ, его ловко устранили, а дѣвушку отводили въ кофейню, гдѣ подъ звуки музыки ее заставляли плясать съ обнаженной грудью. Ага и его товарищи, сидя кругомъ на диванахъ и куры чубуки, наслаждались зрѣлищемъ. Тотъ, кого пляска болѣе всѣхъ увлекала, подавалъ знакъ. Рыдающую дѣвушку уносили насильно; родители болѣе никогда не выдали ее **).

Французскій адмиралъ Pargseval Deschênes свидѣтельствуетъ о томъ же самомъ; онъ, въ началѣ этого столѣтія, гостилъ въ одной семьѣ, въ Каней, женскіе члены которой не выходили изъ дому лѣтъ восемнадцать, изъ боязни попасть на примѣту турокъ. George Perrot ***) приводитъ два слѣдующихъ факта. Около Каней, въ Халепѣ, жилъ одинъ бей, который очень часто предавался пьянству, и будучи довольно добродушнымъ отъ природы, становился наглымъ въ пьяномъ видѣ. Разъ, подъ такимъ вліяніемъ, онъ узнаетъ, что одна христіанка, одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ мѣстечка, выходитъ замужъ за молодого грека, считавшагося лучшимъ, сильнѣйшимъ и самымъ храбрымъ. Бей тотчасъ посылаетъ за невѣстой и ея отцомъ, говоря, что хочетъ поздравить ихъ со свадьбой. Пришлось послушаться: жениха, который могъ бы заступиться, не было дома,—онъ уѣхалъ въ городъ за подарками. Бѣдняги являются дрожа передъ беємъ. Тотъ говоритъ дѣвушкѣ грубые комплименты, которые ее обижаютъ,—она краснѣетъ, смущается; и это еще болѣе нравится бею, который приказываетъ своимъ слугамъ увести отца. Эти сильные грубіяны набрасываются на старика и выталиваютъ его вонъ, полумертваго отъ побоевъ. Послѣ того, какъ бей обезчестилъ молодую гречанку, онъ отпра-

*) Cretan Insurrectio of 1866—68, p. 28.

**) L. Thénon: „Une Insurrection en Crète“, citation de Jean Psichari, *Revue Bleue*, mars 1879.

***) „L'Île de Crète“, стр. 164 и слѣдующія.

вился верхомъ со своими приближенными, по дорогѣ, ведущей изъ Халепы въ Канею, и, встрѣтивъ тамъ жениха, мирно возвращавшагося изъ города съ подарками, выстрѣлилъ въ него въ упоръ и повалилъ его мертвымъ на мѣстѣ. Эти преступленія остались безнаказанными, такъ какъ правосудія не было; и безчеловѣчный бей былъ убитъ только нѣсколько лѣтъ спустя, во время войны за освобожденіе.

Второй фактъ, рассказанный тѣмъ же Регготъ: жилъ въ Канеѣ булочникъ христіанинъ, умѣвшій особенно хорошо печь пирожное. Говорили тоже, что у него была красавица-жена, но никто изъ турокъ не выдалъ ее, такъ какъ она, по осторожности, не выходила изъ дому. Разъ утромъ, въ булочную зашелъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ беевъ и заказалъ пироги. «Сегодня ночью,—прибавилъ онъ,—я приду съ моими друзьями, приготовь намъ столъ, хорошаго вина и коньякъ, заплачу тебѣ какъ слѣдуетъ». Булочникъ не нашелъ ничего страннаго въ этомъ заказѣ, такъ какъ многіе мусульмане, не желая предаваться пьянству на глазахъ своихъ женъ и прислуги, имѣютъ обыкновеніе тайно устраивать себѣ подобныя попойки ночью, въ какой-нибудь одинокой кофейнѣ, съ закрытыми ставнями. Бѣдный булочникъ даже обрадовался, что такіе важные господа посѣтятъ его скромную лавку. Онъ все приготовилъ, какъ было условлено. Но когда ночью явился бей со своими друзьями, онъ вдругъ потребовалъ: «Пришли намъ жену твою, чтобъ она намъ служила». Тогда бѣдняга понялъ, въ чемъ дѣло и сталъ увѣрять, что жены его нѣтъ дома. «Все равно, мы обыщемъ домъ,—сказали бей,—а тебя уьемъ, приведи ее, и мы ни тебя, ни ее не тронемъ». Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь. Булочникъ бросился отворять. На него накинuloся нѣсколько челоуѣкъ; проткнули его кинжалами и оставили его мертвымъ на улицѣ. Бей вытащили изъ сосѣднихъ комнатъ его жену и тутъ началась страшная оргія, продолжавшаяся до самаго утра.

Такія, часто повторявшіяся, пасилія не могли не скоплять въ сердцахъ народа цѣлое сокровище ненависти и мщенія. И, кромѣ этихъ вопіющихъ злодѣяній на каждомъ шагѣ, подвластный, или *райя*, былъ подвергнутъ разнымъ мелкимъ униженіямъ, которыя только оживляли ежеминутно и безъ того не дремлющую злобу. Напримѣръ, они не имѣли права окрашивать дома свои тѣмъ же цвѣтомъ, какъ турки; должны были носить одежду особеннаго цвѣта и каждая національность райевъ: армяне, греки, евреи, носила особый цвѣтъ. До сихъ поръ греческое духовенство носить особыя высокія шляпы безъ полей: это старая привычка, такъ какъ турки запрещали имъ носить широкія поля. Не позволялось строить новыхъ церквей и только съ трудомъ, за большія деньги, можно было добиться позволенія поддерживать старыя; колокола были запрещены, какъ это и теперь водится во многихъ подвластныхъ Турціи мѣстахъ. Каждый христіанинъ, ѣхавшій верхомъ, долженъ былъ сходить съ лошади при видѣ турка и, вообще, вѣзжая въ городъ. Разъ, въ 1780 году, епископъ Каней вѣхалъ

верхомъ въ городъ *). Янычары, охранявшіе городскія ворота, нашли, что это неслыханная обида. На другой день они возмутили солдатъ, чтобы сжечь домъ епископа, но, къ счастью, паша, узнавъ объ этомъ, запретилъ такую расправу, и чтобы усмирить бунтъ, объявилъ фирманомъ запрещеніе грекамъ спать въ городѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ пришлось мужскому населенію выходить на ночь за городъ, и такая неліпость продолжалась, пока щедрый подкупъ не повліялъ на прекращеніе этого приказа. Итакъ, не было произвола, жестокости, насилія, которому не подлежали бы несчастные критяне, подъ гнѣтомъ этого рабства, свирѣпаго и тупого.

Инна Капнисть.

(Ожиданіе слѣдуетъ.)

---

*) Викалъсъ, Perrot.

Второй съездъ представителей обществъ взаимной помощи.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ впервые возникли общества взаимнаго вспоможенія. Много горестей пережили они и не мало труда было положено ими на разрѣшеніе и практическое примѣненіе того или иного вопроса; медленно, робко шли впередъ и развивались эти общества.

И вотъ, наконецъ, совершилось важное явленіе въ жизни этихъ полезныхъ учреждений: 26 августа 1896 года въ г. Нижнемъ-Новгородѣ состоялся первый всероссійскій съездъ представителей этихъ обществъ. Инициатива этого съезда и вся организационная работа принадлежала нижегородскому обществу вспоможенія частному служебному труду. Программа вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе съезда, была очень обширна, но, по недостатку времени на разсылку приглашеній *), а вслѣдствіе этого и на подготовительныя работы обществъ и делегатовъ съезда,—большинство этихъ вопросовъ не было достаточно разработано. Въ силу этой причины, работа 1-го съезда имѣла характеръ подготовительный, и дальнѣйшее обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ было отложено до второго съезда, который состоялся въ Москвѣ 1 іюля 1898 года.

Изъ принципиальныхъ вопросовъ, разрѣшенныхъ на 1-мъ съездѣ и приведенныхъ болѣе или менѣе къ конечнымъ результатамъ, надо указать на вопросы объ установленіи праздничнаго и воскреснаго отдыха и объ ограниченіи часовъ торговли въ будни. По прочтеніи и обсужденіи доклада с.-петербургскаго общества приказчиковъ «о воскресномъ отдыхѣ въ связи съ самообразованіемъ приказчиковъ и коммерческихъ служащихъ» и двухъ докладовъ г. Курнина «о необходимости воскреснаго отдыха и ограниченія часовъ торговли въ будни для лицъ служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ», въ которыхъ докладчикъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, далъ подробную характеристику непригляднаго положенія приказ-

---

*) Просьба о разрѣшеніи съезда была возбуждена передъ мѣстной администраціей еще въ апрѣлѣ, а разрѣшеніе отъ мин. внутреннихъ дѣлъ послѣдовало только 10 августа.

чиковъ и мальчиковъ-учениковъ, съездъ, по второму вопросу, постановилъ ходатайствовать объ ограниченіи часовъ торговли въ будни до нормы, какую правительство найдетъ возможнымъ, а по первому — принять следующую резолюцію, предложенную с.-петербургскимъ обществомъ:

1. Ходатайствовать передъ правительствомъ о прекращеніи торговли въ воскресные дни и главнѣйшіе праздники.

2. Если не будетъ признано возможнымъ прекратить въ установленные дни всякую торговлю, то ходатайствовать о производствѣ въ эти дни торговли лишь съѣстными припасами, въ опредѣленные, сообразно мѣстнымъ условіямъ, часы, не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки.

3. Если не будетъ признано удобнымъ закрыть ту или иную торговлю на весь день, то ходатайствовать о производствѣ въ установленные дни торговли лишь въ теченіе 4-хъ часовъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Приступая къ изложенію работы 2-го съезда, начну съ одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, касающихся способовъ улучшенія быта служащаго люда, именно: вопроса объ обезпеченіи на случай болѣзни, старости и смерти.

«Вопросъ объ обезпеченіи лицъ, занимающихся частнымъ служебнымъ трудомъ, на случай болѣзни, старости и смерти, представляется однимъ изъ самыхъ важныхъ для группы этого рода работниковъ, единственнымъ средствомъ существованія которыхъ является вознагражденіе за трудъ, а поѣтому потеря работоспособности и преждевременная смерть лишаютъ въ первомъ случаѣ — самого работника и его близкихъ, а въ послѣднемъ — его семью всякихъ средствъ къ жизни». Такъ начинается свой докладъ г. Курнинъ и разсматриваетъ далѣе тяжелое положеніе и условія труда торгово-служащихъ въ Россіи, останавливаясь на ихъ заболѣваемости въ зависимости отъ разныхъ неблагопріятныхъ условій ихъ жизни, чтобы показать тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе взаимнаго обезпеченія, и что именно необходимо устроить для достиженія этого обезпеченія. Г. Курнинъ описываетъ жизнь рядового приказчика въ дѣтствѣ, когда онъ былъ еще торговымъ ученикомъ. «Обыкновенно, — говоритъ докладчикъ, — торговый мальчикъ только считается «ученикомъ», на самомъ же дѣлѣ онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, вопреки требованіямъ закона, по которому мальчикъ долженъ быть обучаемъ торговому дѣлу, справляетъ должность бесплатнаго чернорабочаго, — съ ранняго утра, часто съ 4¹/₂—5¹/₂ часовъ и до открытія магазина исполняя всякія черныя работы по дому хозяина. Ложатся они въ 11—12 часовъ. Такимъ образомъ, рабочій день мальчиковъ продолжается 16—17 часовъ, тогда какъ продолжительность рабочаго дня для взрослыхъ бываетъ отъ 11¹/₂ до 17 часовъ». То же подтверждаетъ самарское общество приказчиковъ въ докладѣ «объ улучшеніи положенія торговыхъ мальчиковъ», прибавляя при этомъ, что нерѣдко мальчикъ даже и не видитъ магазина или лавки, куда отданъ для обученія торговому дѣлу: онъ неотлучно находится на кухнѣ хозяина для исполненія лакейскихъ и другихъ обязанностей и для посылокъ по личнымъ дѣ-

ламъ хозяина или его домочадцевъ. «Къ сожалѣнію, нельзя не признать того факта, что надежда, возлагаемая родителями или воспитателями мальчиковъ, отдаваемыхъ въ магазины или лавки для пріученія къ торговому дѣлу,—на то, что эти дѣти впослѣдствіи сдѣлаются людьми,—не всегда оправдывается. Конечно, бываютъ и исключенія: бываютъ случаи, что хозяева заботятся о мальчикахъ по-отечески и дѣйствительно пріучаютъ ихъ къ торговому дѣлу, но такіа счастливыя исключенія очень рѣдки». Поэтому самарское общество проситъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы коммерсантъ, принимая мальчика для обученія торговому дѣлу, дѣйствительно пріучалъ его къ этому дѣлу, но не «прикомандировывалъ» въ кухню для исполненія обязанностей, не имѣющихъ ничего общаго съ коммерціей; чтобы съ мальчикомъ обращались гуманно и отводили для ночлега отдѣльное мѣсто, внѣ хозяйской кухни или передней; чтобы не заставляли его переносить тяжести не по силамъ; чтобы, принимая мальчика съ условіемъ экипировать его на свой счетъ, коммерсантъ одѣвалъ и обувалъ его прилично, а въ зимнее время снабжалъ бы его теплымъ платьемъ; чтобы, по окончаніи срока ученія, мальчику производился экзаменъ при обществѣ приказчиковъ, съ выдачей ему свидѣтельства, и чтобы хозяину мальчика, сдавшего экзаменъ, выдавалась письменная благодарность отъ мѣстнаго общества приказчиковъ.

«Жизнь мальчиковъ-учениковъ,—говоритъ г. Курнинъ,—продолжается 3—4 года, а иногда 5—6 лѣтъ, послѣ чего, въ лучшемъ случаѣ, онъ можетъ рассчитывать на 5—8 рублей въ мѣсяцъ жалованья, въ худшемъ же—хозяинъ увольняетъ его, такъ какъ платный служащій ему не нуженъ.

Будучи подростками, они остаются почти при тѣхъ же неблагоприятныхъ условіяхъ: ихъ скудное жалованье тратится на одежду и обувь. Взрослые приказчики претерпѣваютъ крайнюю нужду при незначительномъ жалованьи и содержаніи многочисленной семьи или родственниковъ. Чаше всего они получаютъ 30—35 руб. жалованья, но нерѣдко и меньше, даже до 10 руб. Особенно обременительнымъ является содержаніе квартиръ для семейныхъ; зачастую имъ приходится жить на окраинахъ города, и вслѣдствіе этого вставать въ 5½ часовъ утра, чтобы поспѣть на службу, возвращаться же домой въ 9—11 ч. вечера. Отдыхать въ теченіе дня вовсе не приходится; въ значительной части случаевъ даже не полагается опредѣленнаго времени на обѣдъ. Для пополненія знаній путемъ самообразованія у приказчиковъ нѣтъ ни времени, ни приспособленныхъ библіотекъ и курсовъ, исключая таковыхъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Театры и концерты посѣщаются очень рѣдко, по праздникамъ, а на публичныхъ чтеніяхъ бывать не приходится. Вообще, духовныя потребности торгово-служащихъ удовлетворяются въ незначительной степени, благодаря чрезвычайной продолжительности торговаго дня и скудости матеріальныхъ средствъ.

Такой неблагоприятно сложившійся строй жизни приказчиковъ разрушительно дѣйствуетъ на духовную и физическую стороны организма, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ разсмотрѣнія заболеваемости служащихъ.

Преобладающими болѣзнями являются: ревматизмъ, болѣзни дыхательныхъ органовъ, катарръ желудка и нервное разстройство. Процентъ болѣзней этими четырьмя болѣзнями составляетъ около 70%. Общимъ условіемъ для этихъ болѣзней является тяжелый трудъ, продолжающійся въ среднемъ 15 часовъ съ колебаніями отъ 12 до 19 час. въ сутки, неудовлетворительное питаніе и антисанитарная обстановка. Заболѣваемость ревматизмомъ и болѣзни дыхательныхъ органовъ объясняются неблагоустроенностью торговыхъ помѣщеній и различными недостатками въ дешевыхъ квартирахъ. Заболѣванія катарромъ желудка обуславливаются дурнымъ питаніемъ. Чрезвычайно, утомительная продолжительность рабочаго дня, отсутствіе перерыва для дневного отдыха, недостатокъ времени для сна, характеръ труда, требующій поддержанія хорошихъ отношеній съ покупателями, зависимость отъ хозяина, скудное вознагражденіе, полная необеспеченность на случай болѣзни, старости и безработицы, — все это подтачиваетъ здоровье, разматываетъ нервную систему и вслѣдствіе этого даетъ большой процентъ нервного разстройства у торгово-служащихъ.

Отсюда не трудно понять, какъ великъ вредъ отъ ненормальнаго положенія торговыхъ служащихъ для всего общества и для развитія торговли. Напримѣръ, усиленная заболѣваемость дыхательныхъ органовъ (чахотка) можетъ отразиться и на покупателяхъ. Кромѣ того, огромный %, инвалидовъ изъ среды этого класса ляжетъ тяжелымъ бременемъ на государство и общество. Слѣдовательно, необходимо серьезно озаботиться устраненіемъ причинъ, создающихъ такое ужасающее явленіе и изысканіемъ мѣропріятій къ обезпеченію этихъ работниковъ на случай болѣзни, старости и смерти. О сбереженіяхъ говорить нечего: заработокъ въ большинствѣ случаевъ такъ незначителенъ, что никакихъ остатковъ не бываетъ; у весьма многихъ имѣются даже постоянные долги, а обезпеченія со стороны хозяина встрѣчаются крайне рѣдко».

Для нѣкотораго упорядоченія быта и установленія отчасти правильнаго трудового дня торгово-служащихъ, г. Курнинъ предлагаетъ слѣдующія мѣры:

- 1) Установленіе отпуска торгово-служащихъ въ теченіе дня (между 12 и 4 час. пополудни) для обѣда не менѣе, какъ на 1½ часа; 2) установленіе ежегодныхъ отпусковъ не менѣе, какъ на 1 мѣсяць съ сохраненіемъ полнаго вознагражденія; 3) установленіе нормальныхъ условій въ торгово-промышленныхъ помѣщеніяхъ и жилищахъ для служащихъ, живущихъ на хозяйскихъ квартирахъ; 4) испрошеніе долгосрочной ссуды у правительства, общественныхъ самоуправленій и проч. обществамъ взаимопомощи для устройства дешевыхъ и благоустроенныхъ жилищъ для служащихъ, живущихъ на своихъ квартирахъ.

Коснувшись взаимнаго страхованія, какъ способа обезпеченія служащихъ на случай болѣзни, старости и смерти, г. Курнинъ находитъ, что этотъ способъ обезпеченія возможенъ только для нѣкоторыхъ категорій служащихъ, поставленныхъ въ лучшія экономическія условія; для огромнаго же большинства торгово-служащихъ, при нынѣ суще-

Существующихъ условіяхъ, онъ невозможенъ. Единственнымъ выходомъ онъ считаетъ перенесеніе затратъ, необходимыхъ на страхованіе служащихъ, на счетъ предпріятій, гдѣ они служатъ. Но, въ такомъ случаѣ, необходимо изыскать способъ вѣрнаго по идеѣ страхованія служащихъ на случай болѣзни, старости и смерти, что потребуетъ предварительной разработки специально собранныхъ для этого матеріаловъ; а затѣмъ необходимо сосредоточить весь разработанный матеріалъ въ бюро, устроенное съѣздомъ или же, если такового не будетъ, при московскомъ обществѣ приказчиковъ.

Отмѣтимъ также обширный докладъ вольнаго штурмана г. Соколова «объ учрежденіи при обществахъ взаимопомощи сберегательно-вспомогательно-пенсіонныхъ кассъ», въ которомъ, развивъ въ достаточной степени необходимость и полезность учрежденія кассъ при матеріальномъ участіи служащихъ и владѣльцевъ торгово-промышленныхъ предпріятій, городскихъ и другихъ общественныхъ учреждений, г. Соколовъ предлагаетъ учредить сберегательно-вспомогательно-пенсіонную кассу и выясняетъ ея основныя положенія. Даетъ онъ этой кассѣ такое названіе, такъ какъ въ ней должны функционировать три фонда: сберегательный, вспомогательный и пенсіонный.

Первый образуется изъ обязательныхъ взносовъ служащихъ: а) 6% получаемаго ежемѣсячнаго жалованья; если же служащій, кромѣ жалованья, получаетъ квартиру и столъ, то къ суммѣ взноса добавляется 25%; если столовые и квартирные получаютъ деньгами, то съ нихъ также вносятся 6%; б) 10% изъ получаемыхъ наградъ, вносимыхъ по полученіи оныхъ; в) изъ взносовъ-прибавокъ жалованья, въ размѣрѣ двухмѣсячной разницы между вновь назначеннымъ и прежнимъ окладомъ; деньги эти вносятся въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ; г) изъ получаемыхъ % на сберегательный капиталъ. Второй фондъ—вспомогательный, образуется: а) изъ взносовъ владѣльцевъ торгово-промышленныхъ предпріятій, городскихъ и другихъ общественныхъ учреждений въ размѣрѣ 4% съ суммы выплачиваемаго ими участникамъ кассы жалованья, квартирнаго и столоваго содержанія съ прибавленіемъ еще 25% за тѣхъ участниковъ кассы, кои получаютъ столъ и квартиру натурой; б) изъ взносовъ служащихъ, которые состоятъ на службѣ у фирмъ, не пожелавшихъ дѣлать взносы во вспомогательный капиталъ, и дабы увеличить права свои они обязаны вносить добавочные 4% изъ тѣхъ полученій, изъ которыхъ они вносятъ по 6% въ сберегательный капиталъ; в) изъ получаемыхъ % на вспомогательный капиталъ.

Въ виду того, что не всѣ владѣльцы фирмъ и учреждений пожелаютъ быть участниками кассы, и что достигнуть этого законодательнымъ, принудительнымъ путемъ возможно только въ отдаленномъ будущемъ, г. Соколовъ предлагаетъ обществамъ всѣми средствами стремиться къ привлеченію возможно большаго числа плательщиковъ во вспомогательный капиталъ. Пенсіонный капиталъ образуется: а) изъ % со сберегательнаго капитала, оставшихся невыданными участникамъ кассы, выбывшимъ изъ нея при жизни прежде истеченія 4 лѣтъ участія въ кассѣ; б) изъ суммъ вспомогательнаго капитала, остающихся невыданными участникамъ кассы, выбывающимъ при жизни, ранѣе выслуги правъ на пенсію, т.-е. 15 лѣтъ; в) изъ всѣхъ суммъ, состоявшихся на лицевомъ счетѣ участниковъ кассы, какъ по сберегательному, такъ и по вспомогательному капиталамъ, при назначеніи участнику кассы или его семейству пенсіи; г) изъ всѣхъ суммъ, оставшихся невыданными по сберегательному и вспомогательному капиталамъ, какъ за отсутствіемъ лицъ, имѣющихъ право на полученіе таковыхъ, такъ и неистребованныхъ по истеченіи установленнаго срока; д) изъ прибылей при выходѣ процентныхъ бумагъ въ тиражъ, отъ обмѣна сихъ бумагъ и выигрышей, могущихъ пасть на выигрышные билеты, въ случаѣ приобрѣтенія тако-

выхъ; е) изъ процентовъ на пенсионный капиталъ; ж) изъ пожертвованій, не имѣющихъ specialнаго назначенія, и всякихъ случайныхъ поступленій; з) изъ суммъ, желательныхъ и могущихъ быть отчисляемыми обществами взаимопомощи. Участниками кассы могутъ быть лица обоюго пола, достигшія совершеннолѣтія; при этомъ вступленіе въ кассу и выходъ изъ нея должны быть добровольными. Каждому участнику открывается лицевой счетъ подъ двумя рубриками: въ одну записываются взносы его въ сберегательный капиталъ и $\frac{1}{2}\%$ на этотъ капиталъ, а въ другую—взносы фирмъ и учрежденій, дѣлаемыхъ на его имя, во вспомогательный капиталъ и $\frac{1}{2}\%$ на этотъ капиталъ. Выбывшій изъ кассы ранѣе 4 лѣтъ участія получаетъ сдѣланные имъ взносы безъ $\frac{1}{2}\%$, а если имъ дѣлались добавочные $\frac{4}{10}\%$ взносы въ вспомогательный капиталъ, то и эти взносы также безъ $\frac{1}{2}\%$.

Участникъ кассы, пробывшій 4 года, получаетъ кромѣ перечисленныхъ суммъ и $\frac{1}{2}\%$ наросшіе на эти суммы, а пробывшій 5 лѣтъ и болѣе получаетъ, кромѣ вышеуказанныхъ суммъ, за каждый полный годъ участія въ кассѣ по истеченіи 5 лѣтъ по $\frac{5}{10}\%$ изъ суммъ, записанныхъ на его имя по вспомогательному капиталу и $\frac{1}{2}\%$ наросшихъ на эти суммы. Такъ, наприм., за полныхъ 5 лѣтъ участія въ кассѣ—

6	"	"	"	"	—10 $\frac{0}{10}\%$
10	"	"	"	"	—30 $\frac{0}{10}\%$
12	"	"	"	"	—40 $\frac{0}{10}\%$
14	"	"	"	"	—50 $\frac{0}{10}\%$

за 15 лѣтъ и болѣе назначается пенсія, которая не капитализируется. Въ случаѣ выйдія изъ кассы по неспособности къ труду или смерти, въ первомъ случаѣ участнику кассы, а въ последнемъ наследникамъ умершаго выдаются всѣ суммы съ $\frac{1}{2}\%$, какія будутъ состоять ко дню выйдія его изъ кассы, какъ по сберегательному, такъ и по вспомогательному капиталамъ. Право на пенсію получаютъ участники кассы достигшіе 50-ти лѣтняго возраста, выбывшіе изъ кассы за невозможностью заниматься служебнымъ трудомъ и которые во время нахожденія на службѣ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и разныхъ учрежденіяхъ дѣлали установленные взносы въ сберегательный капиталъ въ теченіе 15 лѣтъ. Права участниковъ на пенсію послѣ 15 лѣтъ увеличиваются до достиженія полного размѣра пенсія за 25 лѣтъ участія въ кассѣ. При дальнѣйшемъ участіи въ кассѣ пенсія не повышается.

Полныя права на пенсію предоставляются тѣмъ участникамъ, которые, приобрѣта права на пенсію, выйдутъ изъ кассы, не достигнувъ 50-тилѣтняго возраста по болѣзни и другимъ причинамъ, дѣлающимъ ихъ неспособными къ труду. За смертью участника кассы, права на пенсію получаютъ: жена, дѣти, родители, братья и сестры въ слѣдующемъ размѣрѣ: жена $\frac{1}{2}$ пенсіи пожизненно или до выхода замужъ; при этомъ она пользуется также правомъ пожизненной пенсіи, приобретенной ея личною службой и участіемъ въ кассѣ; дѣти—если ихъ не болѣе двухъ— $\frac{1}{4}$ пенсіи отца или матери каждому, если ихъ болѣе— $\frac{1}{2}$ пенсіи отца или матери на всѣхъ; круглыя сироты—если ихъ не болѣе трехъ— $\frac{1}{3}$ пенсіи отца или матери; если же ихъ болѣе—полная пенсія отца или матери на всѣхъ. Если отецъ и мать состояли участниками кассы, то круглымъ сиротамъ назначается высшая пенсія, которая причиталась бы имъ за службу отца или матери.

Выдача пенсій дѣтямъ, братьямъ, сестрамъ прекращается: а) смертью, б) съ замужествомъ; в) достиженіемъ 18-тилѣтняго возраста. Если же дѣти обучаются, то выдача пенсій продолжается до окончанія курса оныхъ.

Родителямъ пожизненно $\frac{1}{2}$ пенсіи сына или дочери. Братьямъ и сестрамъ—на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и дѣтямъ пенсионеровъ.

При переходѣ на службу въ другой городъ, участникъ кассы можетъ продолжать состоять участникомъ этой кассы или просить о переводѣ всѣхъ суммъ съ наросшими $\frac{1}{2}\%$ въ другую кассу, если таковая имѣется въ мѣстѣ его службы.

Участникъ, открывшій собственное торгово-промышленное предпріятіе, лишается права на полученіе пособій изъ вспомогательнаго капитала и пенсій, но можетъ полу-

чить всё сдѣланные имъ взносы безъ $\frac{1}{1000}$. Права его восстанавливаются, если, въ силу сложившихся обстоятельствъ, онъ вновь обратится къ служебному труду и сдѣлается участникомъ кассы. Ко времени истеченія 15 лѣтъ существованія кассы, т.-е. срока назначеннаго на приобрѣтеніе правъ на пенсію, должны быть составлены на предстоящее пятилѣтіе таблицы пенсіоннаго вознагражденія въ зависимости отъ приобрѣтенныхъ правъ участниками кассы и денежныхъ средствъ ея. При этомъ пенсіи должны назначаться въ процентахъ средняго оклада жалованья, полученнаго за время участія въ кассѣ. Но если средній окладъ жалованья превышаетъ 4,000 р., то пенсія выплачивается только съ этой суммы. Затѣмъ размѣръ пенсій долженъ быть увеличенъ для лицъ, получавшихъ небольшіе оклады, дабы такимъ увеличеніемъ дать возможность хотя скромнаго существованія на получаемую пенсію.

Размѣръ пенсій долженъ быть въ зависимости отъ количества платныхъ лѣтъ по вспомогательному капиталу, такъ что у пенсіонеровъ, съ одинаковымъ среднимъ окладомъ, пенсіи должны получаться разныя. Окладъ пенсії уменьшается съ уменьшеніемъ оплаченныхъ лѣтъ по вспомогательному капиталу. Составители таблицъ должны до крайней возможности повысить права лицъ, у коихъ совсѣмъ нѣтъ оплаченныхъ лѣтъ по вспомогательному капиталу, такъ какъ взносы въ этотъ капиталъ дѣлаются для поощренія тружениковъ, и всё не выданныя суммы по вспомогательному капиталу, неустойчивому элементу служащихъ, поступаютъ въ пенсіонный капиталъ, значительно повышая его.

Для большей наглядности, г. Соколовъ приводитъ примѣрные таблицы пенсіоннаго вознагражденія, принявъ размѣръ вознагражденія для небольшихъ окладовъ до 60% и для крупныхъ, понижая до 30% и установивъ наивысшую пенсію съ оклада въ 4,000 р. Докладчикъ говоритъ при этомъ, что по этимъ таблицамъ онъ будетъ близокъ къ истинѣ, такъ какъ опасные для кассы элементы были предусмотрены, а благоприятные повышены. Они суть слѣдующіе: недопущенъ выходъ на пенсію въ молодыхъ годахъ и поставленъ минимальный возрастъ пенсіонера въ 50 лѣтъ; максимальная пенсія назначена за 25 лѣтъ и далѣе не повышается; молодымъ участникамъ кассы допускается освобожденіе отъ платъ только по истеченіи 35 лѣтъ участія въ кассѣ. Наивысшій размѣръ пенсій назначается въ 1,200 руб., т.-е. съ средняго оклада жалованья въ 4,000 р.; между тѣмъ, несомнѣнно, не мало будетъ участниковъ кассы, получающихъ гораздо большіе оклады и, слѣдовательно, дѣлающихъ взносы въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ требуется для обезпеченія ихъ правъ,—что повыситъ доходность кассы. Значительные капиталы должны образоваться отъ вспомогательнаго капитала, такъ какъ даже отъ участниковъ, выбывшихъ послѣ участія около 15 лѣтъ въ кассѣ, 50% вспомогательнаго капитала переходятъ въ пенсіонный капиталъ, и отъ лицъ, пробывшихъ до 5 лѣтъ въ кассѣ, весь вспомогательный капиталъ переходитъ въ пенсіонный.

Дѣлами кассы завѣдуетъ комитетъ, состоящій изъ 7 лицъ: предсѣдателя совѣта и правленія обществъ взаимопомощи, при коихъ учреждена касса; двухъ лицъ изъ представителей торгово-промышленныхъ фирмъ и учреждений, дѣлающихъ взносы во вспомогательный капиталъ, и трехъ лицъ—участниковъ кассы.

Комитетъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя.

Для ревизіи дѣлъ избирается ревизіонная коммиссія изъ трехъ лицъ.

При отсутствіи предсѣдателя совѣта и правленія обществъ взаимопомощи, въ засѣданіяхъ комитета обязанности ихъ исполняютъ замѣщающія ихъ лица, а для замѣны остальныхъ членовъ избираются кандидаты.

Выборы членовъ комитета ревизіонной коммиссіи и кандидатовъ производятся участниками кассы закрытою баллотировкой.

Всѣ заявленія должны подаваться на имя комитета, который рѣшаетъ дѣла, на основаніи устава кассы; въ случаѣ же, если комитетъ не признаетъ возможнымъ рѣшить какое-либо дѣло, или если рѣшеніемъ комитета остаются недовольны участ-

ники кассы, то вопросы для рѣшенія вносятся въ обыкновенныя или экстренныя общія собранія.

Счетоводство и дѣлопроизводство ведется при обществахъ взаимопомощи подъ наблюдениемъ комитета кассы. Закрѣтѣ кассы допускается только при закрытіи общества взаимопомощи, при коемъ она состояла, и то лишь въ томъ случаѣ, если участники кассы и пенсіонеры не пожелаютъ сохранить кассу.

Въ случаѣ закрытія кассы, капиталы реализуются по слѣдующему расчету: участники кассы, не выслужившіе правъ на пенсію, удовлетворяются, какъ выбывающіе добровольно. Участники, выслужившіе права на пенсію, раздѣляютъ между собою оставшіеся капиталы (за удовлетвореніемъ лицъ, имѣвшихъ право на единовременное пособие) пропорціонально ихъ пенсіонному окладу; причемъ пенсіонные оклады участниковъ, не вышедшихъ изъ кассы до закрытія ея, помножаются на 20, т.-е. среднее число лѣтъ жизни пенсіонера съ семействомъ.

Пенсіонные оклады всѣхъ бывшихъ участниками менѣе 15 лѣтъ помножаются на разницу между 20 и числомъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ они состояли пенсіонерами, и, наконецъ, пенсіонные оклады всѣхъ, бывшихъ болѣе 15 лѣтъ участниками кассы, помножаются на 5.

На суммы, полученныя при такомъ подсчетѣ, распределяются, въ строгой пропорціональности, остающіеся капиталы, и, такимъ образомъ, опредѣляется сумма, подлежащая выдачѣ участникамъ и пенсіонерамъ бывшей кассы.

Правленіе с.-петербургскаго общества въ своемъ докладѣ, представленномъ на 1-й съездъ, описавъ необезпеченность приказчиковъ и торговослужащихъ на случай болѣзни, старости и смерти, предложило на обсужденіе нѣкоторые краткіе тезисы, въ которыхъ высказало желаніе учрежденія общедоступнаго взаимнаго, а не акціонернаго страхованія членовъ обществъ, съ центральнымъ правленіемъ въ одномъ какомъ-либо городѣ и отдѣленіями въ другихъ городахъ, при этомъ производить это страхованіе въ своемъ специальномъ обществѣ приказчиковъ, взаимнаго вспоможенія и другихъ, однородныхъ по идеѣ и цѣли, и предоставить страхованіе только членамъ этихъ обществъ. По обсужденіи этого доклада, а также нѣсколькихъ докладовъ другихъ обществъ, 1-й съездъ просилъ с.-петербургское общество составить проектъ устава «Общества взаимнаго страхованія лицъ частнаго служебнаго труда», на основаніи предварительно собраннаго фактическаго матеріала о размѣрахъ всѣхъ существующихъ въ Россіи обществъ взаимопомощи и представить этотъ проектъ второму съезду представителей обществъ взаимнаго вспоможенія частному служебному труду, что и было имъ исполнено.

При составленіи «проекта устава взаимной сберегательно-страховой кассы приказчиковъ и другихъ коммерческихъ служащихъ на случай неспособности къ труду, старости и смерти», былъ взятъ дѣйствующій уставъ пенсіонной кассы служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ основу внутренней сути проекта положено два принципа: принципъ сберегательной кассы и принципъ страхованія. При проектѣ приложены таблицы убывающихъ и прибывающихъ членовъ, прихода и расхода кассы, которыя временно могутъ служить руководствомъ для устанавливающагося новаго дѣла, а также табели выслуги по пенсіямъ, наглядно поясняющія планъ дѣйствія кассы общества.

При составлении таблицъ принимали за несмѣнную единицу 1,000 человекъ членовъ, и по статистикѣ принято, что смертность за нѣсколько лѣтъ даетъ въ среднемъ вѣрную цифру ежегодной убыли изъ числа членовъ: съ 1,000 человекъ средняя убыль 32 человека въ годъ, если нѣтъ эпидемическихъ болѣзней, при этомъ не опредѣляли, конечно, ни пола, ни возраста состава членовъ кассы. Взаимная сберегательно-страховая касса приказчиковъ и другихъ коммерческихъ служащихъ предназначается для выдачи пенсій и единовременныхъ выдачъ участникамъ ея и ихъ семействамъ, при этомъ членами могутъ быть лица обоего пола, входящія въ составъ дѣйствительныхъ членовъ взаимопомощи, не моложе 15 и не старше 60 лѣтъ *).

*) По проекту устава взаимной сберегательно - страховой кассы приказчиковъ, она составитъ изъ трехъ отдѣловъ: капиталъ А—изъ ежемѣсячныхъ взносовъ по 3 р. въ продолженіе 2 лѣтъ; капиталъ Б—изъ внесенія 10% съ получаемого содержанія и согласно съ пенсіонной выдачей; капиталъ В—изъ взносовъ и вкладовъ гг. учредителей кассы. По уплатѣ взноса въ капиталъ А членъ общества считается дѣйствительнымъ. Съ 0% капитала А на случай болѣзни смерти, выдаются пособія (2/3 взноса) въ продолженіе 3 лѣтъ съ начала взноса 10% съ содержанія, и полного взноса съ 5-лѣтняго взноса 10%. Слѣдовательно, средства кассы составляютъ: а) обязательные взносы участниковъ кассы; б) доходы отъ капиталовъ и другихъ имуществъ кассы; в) пожертвованія и иныя могущія быть поступления. Остатокъ отъ выдачъ и расходовъ кассы присоединяется, за опредѣленнымъ отчисленіемъ въ запасный капиталъ, къ капиталамъ кассы.

Свободныя суммы обращаются въ государственныя процентныя бумаги, вкладныя листы частныхъ земельныхъ банковъ, въ облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ и другія, гарантированныя правительствомъ.

Участіе въ кассѣ прекращается въ случаяхъ: 1) болѣзни или увѣчья, дѣлающихъ участника неспособнымъ продолжать службу приказчика, 2) смерти и 3) съ достиженіемъ 60-лѣтняго возраста, если данное лицо было не менѣе 15 лѣтъ членомъ кассы, такъ что пенсія и единовременныя выдачи назначаются по прибытіи членомъ кассы не менѣе 15 лѣтъ и лишь по прекращеніи участія въ кассѣ. Потеря способности къ труду удостовѣряется мѣстнымъ комитетомъ въ присутствіи не менѣе двухъ врачей. Размѣръ пенсій опредѣляется въ зависимости отъ суммы ежегодныхъ обязательныхъ взносовъ по слѣдующимъ разрядамъ: 1) 120 руб., 2) 180 руб., 3) 240 руб., 4) 300 руб., 5) 360 руб., 6) 580 руб., 7) 600 руб. При этомъ участникъ, по своему желанію, можетъ выговорить права на пенсію: а) только себѣ; б) съ продолженіемъ пенсій женѣ до смерти; в) женѣ до ея смерти и дѣтямъ до совершеннолѣтія; г) кому-либо одному изъ близкихъ. Сообразно съ этимъ и дѣлается расчетъ его обязательныхъ взносовъ.

Выбывающимъ изъ кассы до истеченія 15-лѣтняго срока выдаются единовременно слѣдующія суммы: а) пробывшимъ въ кассѣ менѣе 5 лѣтъ—въ размѣрѣ 2/3 сдѣланныхъ ими взносовъ; б) пробывшимъ болѣе 5 лѣтъ, но менѣе 15 л., выдается вся сумма сдѣланныхъ ими взносовъ.

Главный комитетъ кассы имѣетъ право, не чаще одного раза въ годъ, подвергать лицъ, пользующихся пенсіями, при потерѣ способности къ труду вслѣдствіе болѣзни, переосвидѣтельствованію на мѣстѣ жительства. Въ случаѣ минованія болѣзни, вопросъ о прекращеніи пенсій рѣшается главнымъ комитетомъ большинствомъ не менѣе 2/3 всѣхъ его членовъ.

Высшій надзоръ за дѣйствіями взаимной сберегательно-страховой кассы принад-

Работа с.-петербургскаго общества основана на математическихъ началахъ и представляетъ изъ себя цѣнный трудъ, но у него ошибочна только исходная точка: система проекта требуетъ громадныхъ ежегодныхъ взносовъ, которые непосильны приказчикамъ, ставки слишкомъ велики. Наприм., чтобы черезъ 15 лѣтъ получить сумму въ 120 р., въ первый годъ вносится 132 р., что составитъ 11 р. въ мѣсяцъ, и хотя потомъ взносы понижаются, но все-таки они очень значительны и превышаютъ преміи частныхъ страховыхъ обществъ.

Далѣе, выбывающіе изъ кассы до истеченія 15-лѣтняго срока получаютъ одновременно $\frac{2}{3}$ сдѣланныхъ ими взносовъ, если пробыли въ кассѣ менѣе 5 лѣтъ, если же болѣе, но менѣе 15 лѣтъ, то получаютъ всѣ сдѣланные ими взносы.

Проектъ же сберегательно-вспомогательной кассы г. Соколова вполне осуществимъ и возможенъ для примѣненія, какъ способъ обезпеченія торговыхъ служащихъ. Здѣсь служащему, со среднимъ окладомъ жалованья, придется вносить максимумъ 45—55 р. въ годъ.

Выбывшій при жизни до истеченія 4 лѣтъ участія получаетъ всѣ сдѣланные имъ взносы въ сберегательный капиталъ безъ $\frac{1}{100}$, пробывшій 4 года всѣ взносы съ наросшими на нихъ $\frac{1}{100}$, и 5 лѣтъ и болѣе—получаетъ вышеуказанныя суммы и, кромѣ того, за каждый полный годъ участія въ кассѣ, по истеченіи первыхъ 5 лѣтъ, по 5% изъ суммъ записанныхъ на его имя во вспомогательный капиталъ и $\frac{1}{100}$ наросшіе на эти суммы.

Какъ средство обезпеченія торговыхъ служащихъ предлагалось, въ краткихъ чертахъ, учрежденіе всероссійскаго союзнаго банка обществъ взаимопомощи *) съ центральнымъ правленіемъ въ Москвѣ и отдѣленіями во всѣхъ городахъ имперіи, гдѣ есть общества взаимопомощи. Для организаціи этого учрежденія коммерческаго характера, для котораго общества должны отдѣлить отъ своихъ капиталовъ извѣстную часть, обществамъ не желательно **), чтобы основной капиталъ, такъ называемый «железный фондъ», употреблялся на какое-либо спекулятивное дѣло, такъ какъ онъ не долженъ подвергаться риску. Кромѣ того, этотъ путь обезпеченія является доступнымъ только наиболѣе обезпеченнымъ членамъ обществъ взаимопомощи.

ложить общему собранію членовъ кассы или съѣзду уполномоченныхъ отъ мѣстныхъ отдѣленій кассъ, которому главный комитетъ представляетъ ежегодно подробный отчетъ о результатахъ дѣятельности кассы. Если касса будетъ имѣть нѣсколько отдѣленій, такъ что общее собраніе окажется неудобнымъ, то общія собранія кассы замѣняются съѣздами уполномоченныхъ отъ мѣстныхъ отдѣленій, избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ мѣстныхъ отдѣленій. Порядокъ выборовъ уполномоченныхъ и другія подробности о созывѣ членовъ вырабатываются главнымъ комитетомъ и, послѣ обсужденія съ мѣстными комитетами, утверждаются общимъ собраніемъ членовъ кассы.

*) Докладъ делегата отъ нижегородскаго общества г. Лелькова.

**) Привожу мнѣнія делегатовъ и постановленіе комиссіи, которая, по просьбѣ съѣзда, рассмотрѣла доклады по вопросу объ обезпеченіи торговыхъ служащихъ на случай болѣзни, старости и смерти.

Къ способамъ улучшенія быта служащихъ должно отнести также и вопросъ объ обязательномъ установленіи для всѣхъ безъ исключенія служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ расчетныхъ книжекъ или иного вида документовъ.

По этому вопросу было представлено два доклада: 1) гг. Бурнина и 2) Дуновича. Первый, говоря о печальныхъ послѣдствіяхъ отъ не-установленія опредѣленныхъ расчетныхъ книжекъ между владельцами торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и служащими, когда имѣется поводъ къ возможнымъ злоупотребленіямъ и несправедливостямъ съ обѣихъ сторонъ, какъ-то: помимо служебныхъ занятій исполнять разныя другія, по усмотрѣнію хозяина, работы, за неопредѣленіемъ точнаго часа открытія магазина, при преждевременномъ приходѣ на службу, дожидаться прибытія хозяина или его довѣреннаго и проч., предлагаетъ слѣдующее: 1) ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы владельцы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій имѣли для всѣхъ служащихъ расчетныя книжки, въ которыхъ должно быть указано: а) на какія работы по торговымъ и промышленнымъ операціямъ служащій нанимается; б) на какой срокъ, при хозяйскихъ харчахъ и квартирѣ или безъ оныхъ; в) часъ начала и окончанія занятій и время назначенное для обѣда; г) размѣръ уплачиваемаго служащему ежемѣсячнаго вознагражденія и срокъ уплаты его.

Выдача вознагражденія должна производиться не рѣже чѣмъ ежемѣсячно и не позднѣе 1 числа мѣсяца, слѣдующаго за прослуженнымъ. Въ случаѣ призыва въ учебные сборы, служащій сохраняетъ за собою мѣсто.

При ликвидаціи дѣлъ, владелецъ предпріятія обязанъ выдать вознагражденіе въ размѣрѣ не менѣе мѣсячнаго оклада тѣмъ изъ служащихъ, кто прослужитъ не менѣе года, и въ размѣрѣ не менѣе двухмѣсячнаго жалованья прослужившимъ годъ и болѣе.

Личное соглашеніе владельца предпріятія со служащими, не соответствующее условіямъ, приведеннымъ выше, не допускается и считается незаконнымъ.

Второй докладчикъ, какъ представитель лодзинскаго общества, указываетъ на мѣстныя особенности вопроса о положеніи приказчиковъ вообще и праздничномъ отдыхѣ въ частности въ Привислянскомъ краѣ, который лишенъ благъ городского самоуправленія. Въ то время, какъ приказчики имперіи имѣютъ возможность добиться праздничнаго отдыха, дѣйствуя черезъ своихъ хозяевъ, какъ представителей думъ, управъ и т. п., коимъ, согласно городовому положенію, разрѣшено входить къ высшей власти съ ходатайствами о нуждахъ обывателей и издавать, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ или губернатора, «обязательныя постановленія», вызываемыя настоятельными потребностями обывателей, въ Царствѣ Польскомъ приказчики лишены этой возможности. Почти вездѣ въ Западномъ краѣ распоряженіемъ администраціи воспрещено торговать по воскреснымъ днямъ до 1 часу, но тутъ, благодаря разнообразію племеннаго состава населенія, царствуетъ полный произволъ, поддерживаемый соображеніями конкуренціи,

національной вражды и т. п. Поэтому г. Дуновичъ находитъ существеннымъ включить праздничный отдыхъ въ число условій, заключенныхъ между хозяиномъ и служащимъ, и предлагаетъ войти съ ходатайствомъ въ подлежащія правительственныя сферы о включеніи въ расчетныя книжки статьи о праздничномъ отдыхѣ, причемъ должны быть точно установлены дни и часы отдыха.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшей работы съезда, я разсмотрю вкратцѣ, что даютъ общества взаимопомощи и насколько обезпечиваютъ они своихъ членовъ, такъ какъ вопросъ обезпеченія всею тяжестью расходовъ ложится на эти учрежденія.

На случай старости, въ нѣкоторыхъ обществахъ существуютъ пенсіи, открываются богадѣльни, правда, не въ большомъ размѣрѣ и далеко не всѣмъ, такъ что приходится дожидаться вакансіи; у большинства обществъ не хватаетъ на это средствъ. На случай болѣзни, почти во всѣхъ обществахъ есть врачи, дается иногда ссуда, а иногда пособія на лѣченіе. На случай смерти выдается извѣстная сумма на похороны и нѣкоторое время помогается семьѣ. Какъ ни значительна эта помощь, но все-таки полнаго обезпеченія она не даетъ. Всякому понятно, что этого недостаточно, и приходится ожидать разрѣшенія этого назрѣвшаго вопроса отъ государственнаго страхованія или взаимнаго. Последнее, несомнѣнно, скорѣе осуществимо, но оно возможно только въ томъ случаѣ, когда обществъ взаимопомощи будетъ больше и число членовъ достигнетъ большого количества. Кромѣ этого, необходимо, чтобы такія общества привлекли насколько возможно больше другихъ профессій, кромѣ лицъ торгово-промышленнаго труда, такъ какъ заботѣваемость среди торговаго класса очень велика. Все это предусмотрѣлъ 1-й съездъ и задался мыслью выработать нормальный уставъ для обществъ взаимопомощи въ видахъ объединенія дѣйствій этихъ обществъ. Несомнѣнно, появленіе этого нормальнаго устава вызвало бы появленіе обществъ взаимопомощи, и это значительно подвинуло бы дѣло впередъ. Московское вспомогательное общество купеческихъ приказчиковъ, которому 1-ый съездъ поручилъ выработку проекта нормальнаго устава, не поняло этой задачи; оно сузило ее и вслѣдствіе этого далеко отодвинуло намѣченную цѣль 1-го съезда. Прежде всего, проектъ этого устава ограничиваетъ составъ обществъ только лицами торгово-промышленнаго труда, что показываетъ само заглавіе: «проектъ нормальнаго устава обществъ взаимопомощи лицъ торгово-промышленнаго труда», между тѣмъ среди участвовавшихъ обществъ на 1-мъ съездѣ были такія, въ составъ которыхъ входятъ лица не только промышленнаго труда, но и труда другихъ профессій*), и потому уставъ не удовлетворяетъ цѣли объединенія дѣйствій обществъ и не соотвѣтствуетъ программѣ съезда. Кромѣ того, по основнымъ положеніямъ проекта, общество, имѣя цѣлю улучшеніе быта членовъ и ихъ семействъ и для достиженія этой цѣли — стремленіе къ поднятію ма-

*) Изъ докладной записки делегата бакинскаго общ. г. Миронова.

теріальныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ своихъ членовъ посредствомъ распространенія между ними полезныхъ знаній, прискиванія занятій, выдачи пособій, заботы о семействахъ умершихъ членовъ и т. п., по § 3 допускаетъ въ число членовъ лицъ обоого пола, служащихъ по найму въ частныхъ, общественныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ, не опороченныхъ по суду и не состоящихъ на степени рабочаго, что представляетъ крайнее несоотвѣтствіе съ заглавіемъ.

Одну изъ слабыхъ сторонъ дѣятельности обществъ взаимопомощи затрогиваетъ вопросъ объ организаціи справочнаго бюро для прискиванія и рекомендаціи занятій членамъ. Г. Кармановъ, дѣйствительный членъ московскаго вспомогательнаго общества приказчиковъ, въ своемъ докладѣ говорить:

«Дѣло рекомендацій и помѣщеній торговыхъ служащихъ на мѣста есть дѣло не легкое. Годовые отчеты многихъ обществъ взаимопомощи ежегодно констатируютъ слабую успѣшность этого дѣла. Въ отчетѣ московскаго общества за 1895 г. говорится, что «прискиваніе хорошаго мѣста является самымъ лучшимъ пособіемъ для членовъ, но, къ сожалѣнію, въ этой важнѣйшей отрасли дѣятельности общества нельзя отнѣтитъ почти никакого прогресса.

Дѣло помѣщенія торговыхъ служащихъ на мѣста можетъ идти болѣе или менѣе успѣшно только при личномъ, активномъ участіи свѣдущихъ въ торговомъ дѣлѣ третьихъ лицъ, принимающихъ на себя посредническую роль между служащими и нанимателями, такъ какъ разновидность и разнообразность торговыхъ дѣлъ и предпріятій создали массу торговыхъ специальностей, совершенно не схожихъ одна съ другой, вслѣдствіе чего и требованія, предъявляемыя при наймѣ торгово-служащихъ, также разнообразны. Для того, чтобы взять къ себѣ на службу даже второстепеннаго служащаго, торговой фирмѣ необходимы основательныя и подробныя свѣдѣнія какъ о специальности, такъ и о служебномъ прошломъ служащаго. Личныя способности торгово-служащихъ, знаніе ими своего дѣла нерѣдко обуславливаютъ тотъ или иной успѣхъ торговой фирмы. Въ этомъ дѣлѣ большую пользу можетъ принести бюро, въ которомъ дѣломъ рекомендацій служащихъ будутъ завѣдывать лица, болѣе или менѣе знакомыя съ различными условіями торговыхъ специальностей».

Далѣе докладчикъ говоритъ о необходимости сближенія между собою обществъ взаимопомощи торговыхъ служащихъ, чтобы «на почвѣ общихъ интересовъ, сообща, дружище работать на общую пользу. Нельзя не согласиться, — говоритъ г. Кармановъ, — что въ настоящее время мы разрознены, что дѣятельность каждаго общества взаимопомощи обособлена, что всѣ мы, несмотря на однородность интересовъ, идемъ вразбродъ. Часто въ одномъ обществѣ ломаютъ голову надъ тѣмъ вопросомъ, который давнымъ-давно рѣшенъ въ другомъ. Если и существуетъ обмѣнъ отчетовъ, то послѣдніе, большей частью, покоятся подъ спудомъ въ канцеляріяхъ обществъ оставаясь невѣдомыми для большинства членовъ.

На основаніи вышеизложеннаго, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что весьма полезно и желательно учредить въ г. Москвѣ центральное бюро по дѣламъ обществъ взаимопомощи, а также для содѣйствія членамъ сихъ обществъ, въ присканіи занятій и сосредоточенія всякаго рода справокъ и свѣдѣній, касающихся дѣятельности этихъ обществъ.

По проекту, приложенному къ докладу, бюро основывается на взаимномъ согласіи обществъ; цѣль его — содѣйствовать сближенію существующихъ обществъ взаимопомощи, а для достиженія этой цѣли бюро представляется:

а) Собираніе и сосредоточеніе свѣдѣній о существующихъ и вновь возникающихъ обществахъ взаимопомощи, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а равно и свѣдѣній о бытѣ лицъ, занятыхъ частнымъ служебнымъ трудомъ.

б) Распространеніе въ публикѣ правильныхъ взглядовъ на задачи взаимопомощи, путемъ помѣщенія въ газетахъ и журналахъ статей и замѣтокъ, а также устройства, съ надлежащаго разрѣшенія, лекцій и чтеній и изданіе брошюръ, книгъ и прочихъ произведеній печати, касающихся круга дѣятельности обществъ взаимопомощи.

в) Обсужденіе, разрѣшеніе и направленіе различныхъ вопросовъ, возникающихъ въ дѣятельности обществъ взаимопомощи.

г) Исходатайствованіе передъ правительствомъ созыва періодическихъ съездовъ представителей обществъ взаимопомощи частному служебному труду и другихъ, однородныхъ по идеѣ и цѣли.

д) Сосредоточеніе и собираніе черезъ посредство правленій обществъ и другимъ путемъ свѣдѣній о свободныхъ мѣстахъ, а также о членахъ обществъ, лишившихся и ищущихъ занятій или желающихъ перемѣнить мѣста; давать таковымъ лицамъ справки и указанія объ имѣющихся мѣстахъ и вообще способствовать присканію для нихъ занятій.

е) Изданіе печатнаго органа, преслѣдующаго интересы обществъ взаимопомощи частному служебному труду и другихъ, однородныхъ по идеѣ и цѣли.

Средства бюро составляютъ: 1) ежегодные взносы отъ обществъ, входящихъ въ составъ бюро, 2) доходы бюро отъ капиталовъ и другихъ имуществъ и 3) пожертвованія и могущія быть поступленія. Размѣръ взносов опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ обществъ, входящихъ въ составъ бюро.

Какъ способъ объединенія дѣятельности существующихъ обществъ взаимопомощи, для наиболѣе успѣшнаго и полнаго удовлетворенія нуждъ торгово-служащихъ, томскимъ обществомъ приказчиковъ предлагается учрежденіе «союза обществъ взаимопомощи приказчиковъ и вообще представителей частнаго служебнаго труда». Союзъ долженъ имѣть уставъ, составленный настолько широко, чтобы въ него могло войти каждое общество, не нарушая своихъ мѣстныхъ интересовъ, такъ что каждое общество, вошедшее въ составъ союза, вполне сохраняетъ свою самостоятельность и свой уставъ и въ союзной организаціи равноправно съ другими союзными

обществами. Далѣе, союзъ долженъ организовать и упрочить тѣсную связь между обществами, основывать и поддерживать общепользные учрежденія, которыя не подѣ силу одному обществу. Такимъ образомъ, все то, что предлагается въ видѣ проекта отдѣльныхъ учреждений: различныя кассы, страхованія и проч.,—будутъ уже прямыми функціями союзной организаціи, которой не понадобится возбуждать отдѣльныхъ ходатайствъ о правѣ обсуждать тотъ или иной вопросъ, открывать то или иное учрежденіе. Это право будетъ основываться на уставѣ.

Каждое общество, пожелавшее присоединиться къ союзу, должно дѣлать опредѣленные взносы въ союзную кассу; норма этихъ взносовъ можетъ быть разнообразна: а) можно дѣлать опредѣленные процентныя отчисленія отъ членскихъ взносовъ, взимаемыхъ каждымъ обществомъ въ отдѣльности; б) можно каждому обществу предоставить право сообразно со своими нуждами и средствами опредѣлить размѣры своего участія въ общихъ доходахъ и расходахъ, путемъ ли назначенія извѣстнаго капитала, съ котораго будетъ производиться процентный расчетъ платежа, или же путемъ назначенія опредѣленной ежегодной суммы къ платежу и пр. Пользованіе учрежденіями союзной организаціи можетъ быть или по мѣрѣ нужды каждого общества, или пропорціонально взносамъ въ союзную кассу.

Наконецъ, въспомъ объединенія дѣятельности, сношеній и обмѣна мыслей между обществами взаимопомощи съ цѣлью улучшенія быта труженниковъ, является изданіе періодическаго органа «Взаимопомощь», главной задачей котораго должна быть разработка вопроса о нуждахъ, касающихся обществъ взаимопомощи, а также доставленіе подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности этихъ послѣднихъ, что можетъ оказать имъ большую услугу. Кромѣ того, у приказчиковъ и у всѣхъ лицъ, занимающихся частнымъ служебнымъ трудомъ, есть также свои интересы, и между ними найдутся лица, способныя и желающія подѣлиться своими мыслями и знаніями съ остальными сотоварищами.

Коммиссія, избранная съѣздомъ для разработки этого вопроса, руководствуясь нѣкоторыми предложеніями и указаціями представителей печати, подробно изложила смѣту расходовъ и доходовъ по изданію журнала и предложила съѣзду слѣдующую программу: 1) Указанія и распоряженія правительства; 2) статьи по вопросамъ, касающимся быта и жизни лицъ, занимающихся частнымъ служебнымъ трудомъ; 3) корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 4) извлеченія изъ газетъ и журналовъ; 5) свѣдѣнія и отчеты о дѣятельности обществъ взаимопомощи; 6) очерки, рассказы, повѣсти, романы, стихотворенія и проч.; 7) популярно-научныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія; 8) разныя извѣстія; 9) критика и библіографія; 10) судебная хроника; 11) торговый отдѣлъ: биржевыя бюллетени и биржевая хроника, справочныя цѣны на товары; 12) справочный отдѣлъ: заявленія о спросѣ и предложеніи на трудъ лицъ, занимающихся частнымъ служебнымъ трудомъ; 13) объявленія; 14) рисунки къ тексту по всѣмъ отдѣламъ программы и 15) почтовый ящикъ. Въ этому дѣлу всѣ

члены съезда отнеслись очень сочувственно, и многіе изъ нихъ вполне увѣрены, что газета эта появится, и ждутъ отъ нея огромной пользы. При закрытіи съезда, одинъ изъ делегатовъ обратился къ представителямъ печати, присутствовавшимъ на съездѣ, съ рѣчью, въ которой въ теплыхъ выраженіяхъ просилъ ихъ принять дорогой для всѣхъ обществъ взаимопомощи органъ въ литературную семью и оказать ему свою мощную поддержку.

Одного только нельзя поставить въ заслугу съезду, это вялаго отношенія къ вопросу объ образовательныхъ нуждахъ служащаго люда. Необходимость и польза коммерческаго образованія признаются всѣми, потому о важности и значеніи его для развитія промышленности и торговли говорить не приходится, между тѣмъ этотъ принципиальный вопросъ, слабо затронутый на 1-мъ съездѣ, мало подвинулся впередъ и на второмъ. «Въ западныхъ государствахъ существуютъ спеціальныя коммерческія учебныя заведенія, курсы и т. п., гдѣ желающіе получаютъ необходимыя свѣдѣнія по коммерческому дѣлу, у насъ же, хотя и есть училища коммерческаго типа, но (говорить въ своемъ докладѣ коммиссія при нижегородскомъ обществѣ) они находятся преимущественно въ столицѣ, и обученіе въ нихъ дѣтей стоитъ дорого, большинство же членовъ обществъ взаимопомощи, имѣя ограниченныя средства, лишено возможности пользоваться услугами такихъ учебныхъ заведеній. Большая часть обществъ взаимопомощи не обладаетъ достаточными средствами, чтобы каждое въ отдѣльности могло открывать спеціальныя учебныя заведенія; потому остается одинъ путь—соединиться и на общія средства открывать подобныя заведенія, распредѣляя мѣстонахожденіе ихъ сообразно потребностямъ извѣстной группы обществъ. Одного коммерческаго образованія, безъ общаго, мало. Коммерческія училища съ семикласснымъ курсомъ хотя и даютъ общее образованіе, но содержаніе ихъ стоитъ дорого, а коммерческія училища съ трехкласснымъ курсомъ общаго образованія не даютъ; для поступленія въ нихъ необходимо окончить курсъ четырехъ классовъ гимназій или реальныхъ училищъ и выдержать дополнительное испытаніе изъ новыхъ языковъ. Какъ то, такъ и другое составитъ большое затрудненіе для многихъ членовъ; потому наиболѣе желательнымъ типомъ коммерческаго училища коммиссія считаетъ торговую школу по программѣ министерства финансовъ съ трехкласснымъ курсомъ и съ подраздѣленіемъ послѣдняго класса на два отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ главное вниманіе направлено было бы на изученіе бухгалтеріи, а въ другомъ—товаровѣднія. Плата за право ученія дѣтей членовъ союзныхъ обществъ должна быть назначена, по возможности, самая малая».

Далѣе, коммиссія признаетъ весьма полезнымъ введеніе коммерческаго образованія въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ при городскихъ четырехклассныхъ и уѣздныхъ училищахъ и, на основаніи имѣющихся у нея данныхъ, утверждаетъ, что со стороны министерства народнаго просвѣщенія, существуетъ полная готовность ввести на средства общества вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ городскомъ

4-хъ классномъ училищѣ, преподаваніе бухгалтеріи, торговаго законовѣдѣнія, корреспонденціи и нѣмецкаго языка *).

Второй докладъ по этому вопросу былъ представленъ делегатомъ бакинскаго общества г. Мироновымъ, который, нарисовавъ картину развитія и воспитанія провинціального приказчика розничной торговли, предлагаетъ устройство вечернихъ школъ для торговыхъ мальчиковъ, что возможно, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если мальчики будутъ имѣть время для ихъ посѣщенія, и устройство чтеній, лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ и вечернихъ курсовъ по предметамъ коммерческаго образованія для взрослыхъ. При этомъ сношеніе съ обществами по вопросамъ о выполненіи данныхъ имъ программъ, выработку программъ чтеній, лекцій и проч. и исполненіе всякихъ требованій и запросовъ обществъ по образовательнымъ вопросамъ докладчикъ возлагаетъ на особый отдѣлъ по образованію при центральномъ бюро, до устройства котораго отдѣлъ этотъ долженъ будетъ находиться въ вѣдѣніи временной комиссіи при московскомъ обществѣ купеческихъ приказчиковъ.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о работѣ подкомиссіи московскаго общества приказчиковъ, которая представила составленныя специалистами программы для систематическихъ курсовъ по русской и всеобщей исторіи, исторіи русской и всеобщей литературы, законовѣдѣнію и политической экономіи. Обширность этихъ программъ требуетъ наличности ученыхъ силъ; поэтому примѣненіе ихъ возможно только для обществъ взаимопомощи, находящихся въ университетскихъ городахъ. На основаніи этого, г. Курпинъ предложилъ устроить передвижные курсы, т.-е. круговую поездку лекторовъ въ продолженіе года по цѣлому ряду городовъ, на что не потребовалось бы большихъ денежныхъ средствъ, между тѣмъ эти курсы могли бы явиться серьезной помощью для лицъ, желающихъ продолжить свое образованіе.

Вотъ и вся крупная работа съѣзда, а въ заключеніе надо сказать, что, несмотря на обширный матеріалъ, имѣющійся теперь въ литературѣ, все-таки еще не исчерпаны всѣ неурядицы трудовой жизни членовъ обществъ взаимопомощи; не приведена въ извѣстность и не подвергнута критикѣ та масса матеріала, которая накопилась за 30-лѣтнюю дѣятельность этихъ обществъ. Поэтому, несомнѣнно, требуется еще длинный рядъ такихъ съѣздовъ, чтобы закончить начатую грандіозную работу. Но, во всякомъ случаѣ, и два бывшихъ съѣзда представляютъ изъ себя крупное общественное явленіе: они положили прочное основаніе будущей литературѣ и намѣтили опредѣленный путь, по которому возможно будетъ коренное улучшеніе трудовой жизни лицъ, состоящихъ на частной службѣ.

О. Кацаурова.

*) При докладѣ прилагаются сборникъ узаконеній и распоряженій правительства съ подробной программой коммерч. учебн. зав. и программа дополнительныхъ предметовъ коммерческаго образованія, на основаніи которой мин. нар. просв. имѣетъ ввести преподаваніе коммерч. наукъ въ городск. 4-хъ клас. училищахъ.

Кіевскій Политехническій Институтъ Императора Александра II.

1898 годъ составитъ, безъ сомнѣнія, памятную и свѣтлую страницу въ исторіи высшего техническаго образованія въ Россіи. Въ теченіе полутора года (съ конца 1896 г.) были подготовлены средства, выработаны уставы, разрѣшены и открыты два политехническихъ института, въ Кіевѣ съ четырьмя отдѣленіями (химическимъ, механическимъ, инженернымъ и сельско-хозяйственнымъ) и въ Варшавѣ съ тремя отдѣленіями (химическимъ, механическимъ и инженерно-строительнымъ). Правда, пришлось открыть ихъ въ наемныхъ, неприспособленныхъ помѣщеніяхъ, но планы зданій изготовлены, начата даже постройка и черезъ годъ Кіевскій институтъ перейдетъ въ собственное помѣщеніе, проектированное широко, удобно, съ учебно-вспомогательными учрежденіями, щедро оборудованными и надѣленными средствами. Если мы вспомнимъ при этомъ, что въ теченіе всего 19 вѣка успѣли учредить лишь 5—6 высшихъ техническихъ спеціальныхъ заведеній (технологическіе институты Петербургскій и Харьковскій съ двумя отдѣленіями, Рижскій политехническій съ 5-ю отдѣленіями, Институтъ путей сообщенія, Лѣсной, Сельскаго хозяйства въ Москвѣ и Александрія и высшее Московское техническое училище съ двумя отдѣленіями) и что въ послѣднія 25 лѣтъ наплывъ въ эти заведенія слушателей былъ такъ великъ, что вынуждены были отказывать въ приѣмѣ половинѣ желающихъ, а въ 1896 г. отказано 1,733 лицамъ, выдержавшимъ испытанія, то важность одновременнаго учрежденія двухъ новыхъ обширныхъ институтовъ окажется еще яснѣе и убѣдительнѣе: они открыли доступъ для 2,000 воспитанниковъ и могутъ выпускать ежегодно по 200 человекъ научно-подготовленныхъ техниковъ.

Учрежденіе двухъ высшихъ учебныхъ заведеній важно не только само по себѣ, но и по той общественной инициативѣ, которая вызвала ихъ къ жизни. Правительство лишь пошло навстрѣчу общественной потребности, одобрило выработанные обществомъ проекты, приняло учрежденіе подъ свое высшее руководство и снабдило ихъ постояннымъ текущимъ содержаніемъ.

Въ числѣ многихъ другихъ мнѣ самому довелось участвовать въ первоначальной обработкѣ проектовъ учрежденія въ Кіевѣ Политехническаго института, и мнѣ кажется полезнымъ напомнить, въ какой степени важно сознаніе общества своихъ потребностей, энергія и готовность его принести трудъ и средства для ихъ удовлетворенія. Поучительно и своевременно ознакомиться также съ воззрѣніями и желаніями, высказанными обществомъ относительно основаній, задачъ и характера устройства высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ данномъ случаѣ мы будемъ говорить главнымъ образомъ объ институтѣ Кіевскомъ, такъ какъ основная мысль и разработка ея возникли въ Кіевѣ. Варшавскій институтъ былъ какъ бы продолженіемъ дѣла; самый уставъ послѣдняго былъ взятъ почти цѣликомъ изъ кіевского проекта.

Исторія учрежденія въ Кіевѣ политехническаго института весьма краткая.

Когда послѣ паденія крѣпостного права свекло-сахарное производство въ юго-западномъ краѣ получило въ 70-хъ годахъ значительное развитіе, тотчасъ обнаружилась потребность въ сколько-либо подготовленныхъ техникахъ; нужда чувствовалась особенно сильно въ наблюдателяхъ и исполнителяхъ, такъ какъ высшее руководство и управленіе заводами большею частью принадлежало, въ это время, иностранцамъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ 17 февраля 1880 г., въ ознаменованіе 25-лѣтняго царствованія Императора Александра II, мѣстное биржевое купечество и сахаровары постановили открыть подписку для пожертвованій на устройство въ Кіевѣ средняго технического учебнаго заведенія. Подписка эта принесла 43,000 рублей. На этомъ сборѣ дѣло пока остановилось; въ теченіе 17 лѣтъ капиталъ увеличивался лишь нарастаніемъ %, и достигъ въ 1897 г. 72,000 рублей.

Мысль однако о необходимости для Юго-Западнаго края технического училища не угасала. Она возбуждалась неоднократно въ мѣстныхъ кружкахъ и въ мѣстныхъ газетахъ; въ 1895 г., по почину биржевого комитета, состоялась даже коммиссія для предварительной разработки вопроса. Съ особенною опредѣленностью и авторитетомъ мысль эта была высказана во время празднованія 25-лѣтія (18 февраля 1896 г.) существованія кіевского отдѣла Императорскаго технического общества; здѣсь было указано, что въ теченіе послѣднихъ 17 лѣтъ (съ 1880 г.) обстоятельства и потребности Юго-Западнаго края въ многомъ измѣнились: усовершенствовалось сахарное производство, развились и другія отрасли фабричныя и заводскія, равно замѣтны улучшенія и въ земледѣліи, устроены образцовыя хозяйства, съ примѣненіемъ высшихъ пріемовъ и орудій, поэтому для дальнѣйшихъ успѣховъ мѣстной производительности и въ виду крайняго недостатка въ Россіи вообще научно-образованныхъ техниковъ, необходимо устройство въ Кіевѣ высшаго технического заведенія. Пріѣздъ г. министра финансовъ въ Кіевъ въ началѣ 1896 г. особенно оживилъ этотъ вопросъ въ городской думѣ и въ биржевомъ комитетѣ.

Однако самыя горячія желанія не могли бы скоро осуществить задуманное.

манное дѣло, если бы представители кіевской думы, биржевого купечества, сахарнаго производства и сельскаго хозяйства не явились на помощь и не перешли отъ словъ къ дѣлу. По приглашенію городского головы С. М. Сольскаго и Л. И. Бродскаго состоялось въ домѣ послѣдняго частное собраніе изъ лицъ финансоваго, ученаго, земледѣльческаго и техническаго міра для обсужденія вопросовъ, въ какомъ учебномъ заведеніи наиболѣе нуждается мѣстное общество, какія могутъ быть предложены для него средства и какіе избрать пути и способы для скорѣйшаго исполненія задачи. Первое частное совѣщаніе, состоявшееся 25 ноября 1896 г., можно считать и первымъ реальнымъ актомъ задуманнаго дѣла.

Вопросы настолько уяснились и созрѣли, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ совѣщаніе установило всѣ главнѣйшія черты, которыя послужили основаніемъ для будущаго института. Для учебнаго заведенія былъ принять типъ политехникума съ отдѣленіями химическимъ, механическимъ и сельско-хозяйственнымъ; сдѣланъ былъ примѣрный расчетъ суммъ потребныхъ для постройки зданія и оборудованія учебно-вспомогательныхъ учрежденій (800,000 р.), опредѣленно указаны источники, изъ которыхъ могъ составиться требуемый капиталъ; причемъ представители думы рѣшились просить думу пожертвовать для этого 300,000 руб. и отвести для зданій соотвѣтственное усадебное мѣсто (пожертвованіе думы состоялось, равно отведено прекрасное свободное мѣсто въ 38 дес., хотя нѣсколько и удаленное отъ центра города). Въ томъ же совѣщаніи было постановлено ходатайствовать (согласно заявленію биржевого комитета) о присвоеніи институту имени Императора Александра II и подчиненіи его вѣдомству министерства финансовъ. Принявъ такія основанія, частное совѣщаніе рѣшило просить генераль-губернатора не отказать въ своемъ покровительствѣ и содѣйствіи.

18 января 1897 г. генераль-губернаторъ, графъ Игнатьевъ, признавъ, что стремленія общества соотвѣтствуютъ назрѣвшей потребности края и что общественный починъ, столь единодушный и щедрый, заслуживаетъ поддержки и поощренія правительства, принявъ все дѣло подъ свое непосредственное руководство и образовалъ подъ своимъ предсѣдательствомъ комитетъ, куда вошли всѣ члены частнаго совѣщанія и многія другія лица (до 70 человекъ). Вскорѣ было получено увѣдомленіе, что министръ финансовъ отнесся къ учрежденію въ Кіевѣ политехническаго института съ полнымъ участіемъ и нашелъ возможнымъ изыскать средства для постояннаго содержанія его. При такихъ счастливыхъ условіяхъ 14 марта 1897 года, по всеподданнѣйшему докладу генераль-губернатора, представленному министромъ финансовъ, Государю Императору благоугодно было повелѣть: образовать въ Кіевѣ подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора комитетъ для принятія пожертвованій на устройство политехническаго института и возведенія необходимыхъ зданій и сооружений и возложить на министра финансовъ представить въ законодательномъ порядкѣ уставъ и штаты этого высшаго учебнаго техническаго заведенія.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ столь желаемое и важное разрѣшеніе вопроса, пожертвованія стали прибывать быстро отъ учреждений и частныхъ лицъ (въ настоящее время заявлено до 1.000,000 р. и сверхъ того поступило отъ разныхъ лицъ болѣе 60,000 р. на учрежденіе стипендій) и вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ, раздѣленный по специальностямъ на отдѣленія, горячо взялся за обработку проекта устава института, какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ. Между тѣмъ было получено указаніе отъ министра финансовъ, что желательно учредить въ Кіевскомъ институтѣ еще отдѣленіе инженерное и что министерство готово оказать свое содѣйствіе, если бы мѣстныя средства оказались для того недостаточными; конечно, комитетъ принялъ съ признательностью указаніе министерства и немедленно былъ разработанъ проектъ 4-го, инженернаго отдѣленія.

Къ осени 1897 г. проектъ устава и штатовъ института, съ учебными планами и объясненіями, былъ готовъ и переданъ графомъ Игнатьевымъ директору департамента мануфактуръ и торговли В. И. Ковалевскому, который при этомъ высказалъ въ общемъ собраніи, что кіевскій комитетъ исполнилъ свою работу въ такой полнотѣ, что можно считать все дѣло совершенно готовымъ.

Въ концѣ декабря мѣсяца кіевскіе проекты поступили на обсужденіе въ особое совѣщаніе, образованное при министерствѣ финансовъ, при участіи товарища министра путей сообщенія, изъ наиболѣе извѣстныхъ специалистовъ и профессоровъ университетовъ Петербургскаго, Кіевского, высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній и друг. свѣдущихъ лицъ. Особое совѣщаніе одобрило и приняло почти всѣ главныя основанія и черты кіевского проекта, сократило лишь учебный курсъ института съ 5 на 4 года и предпочло конкурсный порядокъ приѣма студентовъ. Признаніе кіевского проекта со стороны официальнаго и высоко-компетентнаго собранія было весьма важно и утѣшительно: оно указывало, что основанія и порядокъ устройства, положенные въ уставъ университетовъ 1884 г. и перенесенные оттуда въ уставы технологическихъ институтовъ Харьковскаго (1885 г.), Петербургскаго (1887 г.), сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Александріи, высшаго Московскаго техническаго училища и въ друг., признаны, послѣ 15-лѣтняго опыта, неудовлетворительными и требующими существенныхъ измѣненій.

Одобренный особымъ совѣщаніемъ кіевскій проектъ устава былъ затѣмъ окончательно редактированъ при департаментѣ мануфактуръ и торговли; причѣмъ сдѣланы въ немъ нѣкоторыя измѣненія и самый *Уставъ* былъ сокращенъ и получилъ наименованіе *Положенія*. Въ свою очередь при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта положенія также были внесены нѣкоторыя измѣненія. 8 іюня 1898 г. Положеніе и штаты Кіевского политехническаго института Императора Александра II были высочайше утверждены; 30 августа совершился первый торжественный актъ открытія его, а 4 сентября начато чтеніе лекцій, пока въ наемномъ зданіи, для студентовъ перваго курса.

Передъ нами три редакціи Положенія о Кіевскомъ политехническомъ институтѣ, въ различныхъ фазисахъ его развитія: Проектъ устава института, выработанный кіевскимъ комитетомъ, проектъ положенія, выработанный при департаментѣ мануфактуръ и торговли, и, наконецъ, высочайше утвержденное 8 іюня Положеніе о Кіевскомъ политехническомъ институтѣ.

Проектъ кіевского комитета, почти вполне одобренный особымъ совѣщаніемъ и послужившій главнымъ основаніемъ самого Положенія, отличался отъ уставовъ нашихъ высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній во многихъ чертахъ, особенно въ постановкѣ основныхъ предметовъ, уравновѣшеніи обученія теоретическаго и практическаго, въ условіяхъ и порядкѣ назначенія профессоровъ, введеніи ученой степени адъюнкта, званія доцента, должностей декановъ, въ порядкѣ управленія институтомъ, приѣма студентовъ, въ образованіи специальныхъ суммъ института, въ опредѣленіи окладовъ профессоровъ и вообще положенія учебнаго персонала. Черты эти такъ существенны, въ такой степени опредѣляютъ характеръ учебнаго заведенія, что далеко не излишне ознакомиться съ ними ближе.

1. Кіевскій комитетъ, имѣя въ виду, что высшія учебныя заведенія, какъ по своимъ задачамъ, такъ и по свойству большинства преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, должны давать не только теоретическое знаніе, но и готовить своихъ воспитанниковъ къ самостоятельной технической дѣятельности, стремились поставить широко и прочно основные предметы, сократить по возможности число часовъ пассивнаго слушанія лекцій, особенно по прикладнымъ отдѣламъ, и оставить достаточно времени для практическихъ занятій и самостоятельныхъ работъ. Въ этихъ видахъ кіевскій комитетъ придерживался 5-лѣтняго курса, существующаго въ другихъ нашихъ технологическихъ заведеніяхъ, и уравновѣсилъ въ своихъ учебныхъ планахъ число часовъ теоретическихъ и практическихъ.

Особое совѣщаніе при министерствѣ финансовъ признало однако возможнымъ принять для Кіевского института 4-лѣтній курсъ обученія, подобно многимъ другимъ высшимъ техническимъ училищамъ Западной Европы и Сѣверной Америки. «Этотъ выигрышъ во времени,—говоритъ докладная записка, представленная въ государственный совѣтъ выѣстѣ съ проектомъ положенія,—позволяетъ выпустить на службу техниковъ въ болѣе молодомъ возрастѣ, что весьма важно, ибо питомцы техническихъ учебныхъ заведеній должны еще долгое время дополнять практикою то образованіе, которое они получили въ училищахъ, пока изъ нихъ не выработаются инженеры, вполне способные къ самостоятельной технической дѣятельности» (стр. 70). Весьма естественно, однако, что сокращеніе курса на 1 годъ, при сохраненіи и даже увеличеніи числа предметовъ сравнительно съ учебными планами кіевского комитета, должно было повести къ увеличенію числа недѣльныхъ часовъ преподаванія, что и замѣчается при сличеніи учебныхъ плановъ, особенно по отдѣленію химическому.

Докладная записка департамента надѣется устранить ущербъ отъ излишества числа часовъ лекцій «сокращеніемъ времени, употребляемаго въ дру-

гихъ подобныхъ заведеніяхъ на многочисленныя испытанія и экзамены (до 2 мѣсяцевъ), усиленіемъ, продленіемъ и даже непрерывностію въ теченіе цѣлаго года практическихъ занятій, сопровождающихъ теоретическія лекціи». «Непрерывное общеніе, — говоритъ записка, — профессоровъ и преподавателей со студентами откроетъ возможность учебному персоналу оцѣнить степень познаній каждаго студента, сдѣлаетъ совершенно излишними экзамены по большинству предметовъ, для другихъ же предметовъ достаточно будетъ кратковременной повѣрки усвоемаго студентами знанія. Такимъ образомъ возможно продолжать лекціи и другія занятія до 10 мая и начинать ихъ раньше общепринятыхъ сроковъ» (стр. 80).

Другое средство для возмѣщенія излишества лекцій, докладная записка находила въ спеціализаціи изученія: «При современномъ развитіи техники невозможно изучать въ школѣ всѣ отрасли ея; вслѣдствіе этого въ Киевскомъ политехническомъ институтѣ, при обиліи преподаваемыхъ въ каждомъ отдѣленіи спеціальностей, предположено не требовать отъ каждаго студента изученія всѣхъ ихъ, а предоставить ему ограничиться лишь нѣкоторыми. Въ этомъ заключается единственная правильная постановка технического образованія, и она принята въ большинствѣ германскихъ школъ. Число кафедръ, доцентуръ, спеціальныхъ предметовъ въ нѣмецкихъ политехникумахъ иногда очень значительно; но каждый студентъ слушаетъ лишь ограниченное число лекцій, сохраняя время для практическихъ работъ и самостоятельныхъ занятій» (стр. 84).

Признавая принципиальную основательность воззрѣній докладной записки, мы не увѣрены въ успѣшномъ примѣненіи ихъ на дѣлѣ. При недостаткѣ нашихъ ученыхъ силъ, при отсутствіи приготовленныхъ опытныхъ лаборантовъ (которое будетъ продолжаться еще долго, благодаря скуднымъ окладамъ, назначеннымъ для нихъ), при утвердившихся обычаяхъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мы не раздѣляемъ надеждъ на значительное удлиненіе періода чтенія лекцій и учебныхъ занятій, равно и на серьезное сокращеніе періода экзаменовъ; даже ограничиваясь испытаніемъ только по нѣкоторымъ предметамъ, трудно въ теченіе 18 дней оцѣнить серьезно знанія 200—300 человекъ. Мы также мало вѣримъ въ идеализацію непрерывнаго общенія и руководства профессоровъ, лаборантовъ со студентами; оно можетъ быть доступно для болѣе даровитыхъ и усердныхъ, но не для массы. Да и возможно ли иначе, если преподаватели и лаборанты вынуждены дополнять свои скудные оклады работами и уроками въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ? Нельзя не указать также на значительную бѣдность нашихъ студентовъ, сравнительно съ молодежью техническихъ училищъ Западной Европы. Вѣдь половина, если не болѣе, нашихъ воспитанниковъ должна одновременно учиться и добывать себѣ средства къ жизни уроками, переводами и т. п. Возможно ли исполнить это, если студенты-техники должны работать въ заведеніи по 8—10 часовъ въ день?

Предположенная спеціализація въ занятіяхъ студентовъ — мысль вѣрная.

Но она можетъ относиться только къ прикладнымъ отраслямъ наукъ, а не къ основнымъ, математикѣ, химіи, физикѣ, механикѣ и друг., и притомъ ее можно осуществить только на старшихъ курсахъ. Изученіе же основныхъ предметовъ и спеціальныя занятія по прикладнымъ отдѣламъ едва ли могутъ быть успѣшно закончены при 4-лѣтнемъ курсѣ. Въ этомъ случаѣ намъ кажется болѣе предпочтительнымъ сократить въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 8 классовъ. Вѣдь извѣстно, что въ 8 классовъ гимназій почти нѣтъ изученія новыхъ предметовъ, ученики теряютъ напрасно время на бесполезныя повторенія пройденнаго и являются въ высшія учебныя заведенія перерзѣлыми, съ ослабѣвшими силами и охотою работать; по отчету Кіевскаго учебнаго округа за 1897 г. 50%, оканчивающихъ гимназій имѣютъ не менѣе 20 лѣтъ, а 29%, достигаютъ 26 л. Позволяемъ себѣ думать, что и члены особаго совѣщанія не отвергли бы такой постановки дѣла и охотно предпочли сокращеніе обученія въ гимназіяхъ и прибавку года въ политехникумѣ; но такая замѣна потребовала бы продолжительныхъ сношеній, совѣщаній и могла замедлить вопросъ о скорѣйшемъ открытіи кіевскаго политехническаго института.

Докладная записка департамента мануфактуръ и торговли, возлагая надежды на спеціализацію изученія, говорить, что «въ основаніе техническаго образованія въ Кіевскомъ политехническомъ институтѣ должно быть положено солидное изученіе теоретическихъ предметовъ, математики, физики, химіи и др. Теоретическія знанія научныхъ законовъ, всегда неизмѣнныхъ, даютъ силу инженеру при разработкѣ всякаго новаго дѣла или производства, тогда какъ практическія, чисто-техническія свѣдѣнія имѣютъ лишь временное значеніе, а съ измѣненіемъ техники могутъ оказаться совершенно непригодными» (стр. 83).

Къ сожалѣнію, не всѣ статьи Положенія соотвѣтствуютъ высказаннымъ взглядамъ, сравнительно съ кіевскимъ проектомъ; сокращено именно число кафедръ по основнымъ предметамъ: такъ въ 1-мъ положено было 6 кафедръ по математикѣ, 8—по механикѣ, 2—по физикѣ; въ Положеніи же определено для математики—2, механики—5, физики—1. Трудно даже представить себѣ, какимъ образомъ можетъ управиться 1 профессоръ физики съ преподаваніемъ предмета по всѣмъ 4 отдѣленіямъ, если имѣть въ виду практическія упражненія и «непрерывность общенія его со студентами».

Взамѣнъ того расширено преподаваніе прикладныхъ предметовъ: для механической технологіи назначено 4 кафедры, для строительнаго искусства и архитектуры 6 (въ кіевскомъ проектѣ — 3) профессоровъ. Сверхъ того, расширенъ классъ преподавателей для отдѣльныхъ отраслей, вполнѣ входящихъ въ кругъ предметовъ, для которыхъ назначены кафедры: такова, наприм., теорія упругости, механическая теорія теплоты, механическая технологія, сельско-хозяйственное строительное искусство, сельско-хозяйственная технологія и др. (см. докладную записку IX, стр. 67). Развитіе преподаванія отдѣльныхъ спеціальныхъ отраслей и передача его въ руки людей, не заявившихъ себя научною подготовкой, можетъ повести именно

къ тому, чего опасается докладная записка, т.-е. «къ образованію практическихъ специалистовъ, но не людей, обладающихъ знаніемъ научныхъ законовъ, которые даютъ инженеру силу при разработкѣ каждаго новаго дѣла».

Наконецъ, въ кругъ преподаванія введены такіе предметы, значеніе которыхъ для политехническаго института трудно объяснить, наприм., строительное законодательство и гигиена. Во-первыхъ, почему строительное законодательство и гигиена полагаются нужными для одного инженернаго отдѣленія, когда и окончившимъ курсъ по отдѣленіямъ механическому, химическому предоставляется равное право производить всякаго рода строительныя работы, а сверхъ того завѣдывать фабриками и заводами? И какая можетъ быть научная гигиена для людей, незнакомыхъ съ физиологіей, терапіей, патологіей? Очевидно, это будутъ самыя поверхностныя свѣдѣнія, которыя каждый можетъ найти въ любомъ популярномъ лѣчебникѣ и для которыхъ не стоить тратить и 1 часа преподаванія.

Въ особенности странно предпочтеніе, оказанное строительному законодательству, вѣдь все оно состоитъ изъ незначительнаго строительнаго устава, самаго краткаго и простаго изъ всѣхъ уставовъ благоустройства, вполне понятнаго каждому технику безъ всякихъ лекцій. Уже если нужно особое изученіе строительнаго устава для инженеровъ, то съ гораздо большимъ основаніемъ слѣдовало бы предложить технологамъ и механикамъ законодательство фабричное, а агрономамъ—уставы сельскаго хозяйства и мѣстнаго управленія. Безъ сомнѣнія, законодательство фабричное и сельско-хозяйственное несравненно сложнее, разнообразнѣе устава строительнаго.

Конечно, знаніе чего бы то ни было не можетъ быть вредно, но въ такомъ случаѣ нѣтъ границъ для введенія разнообразныхъ побочныхъ дисциплинъ. Система наукъ каждаго учебнаго заведенія должна отличаться не случайнымъ собраніемъ разныхъ любопытныхъ свѣдѣній, а обдуманымъ выборомъ лишь тѣхъ предметовъ, которые служатъ главной задачѣ заведенія и могутъ быть оправданы научными основаніями.

2. Условія и порядокъ назначенія профессоровъ въ политехническомъ институтѣ. Въ уставахъ технологическихъ институтовъ Петербургскаго, Харьковскаго, Московскаго сельско-хозяйственнаго и др. подобныхъ для занятія каведры требуется ученая степень лишь отъ профессоровъ химіи и физики; для профессоровъ прочихъ предметовъ признается достаточнымъ успѣшное окончаніе соответствующаго высшаго учебнаго заведенія, «рекомендуется только дѣлать выборъ изъ лицъ извѣстныхъ трудами по своей специальности и обладающихъ даромъ преподаванія».

Само собою, что такое положеніе низводитъ профессоровъ высшаго спеціального института на уровень среднихъ учебныхъ заведеній и не даетъ гарантій въ достаточной-спеціальной подготовкѣ назначаемыхъ преподавателей, и опытъ подтверждаетъ это указаніе. Въ виду этого составители кievскаго проекта устава внесли въ него требованіе (§§ 7 — 8), чтобы преподаваніе всѣхъ теоретическихъ предметовъ было поручаемо лицамъ

приобрѣвшимъ ученія степени, для техническихъ же предметовъ, которые не преподаются въ университетахъ, предположено установить ученую степень адъюнкта института, приобретаемую на основаніи особаго испытанія и представленія ученой работы по избранной спеціальности съ публичною защитою ея, подобно удостоенію ученой университетской степени магистра. Только изъ среды такихъ адъюнктовъ должны быть избираемы профессеры техническихъ предметовъ института (§ 19).

Сверхъ того, кіевскій проектъ вводить званіе доцента (§ 10) для лицъ, выдержавшихъ испытаніе на степень магистра или адъюнкта, но еще не представившихъ и не защитившихъ требуемой диссертациі; такихъ лицъ кіевскій проектъ допускалъ къ временному преподаванію по вакантнымъ кафедрамъ, но съ тѣмъ, чтобы такое преподаваніе продолжалось не долѣе 3 лѣтъ. Одно успѣшное окончаніе соответственнаго высшаго учебнаго заведенія, безъ особаго испытанія, требовалось только отъ лаборантовъ, ассистентовъ, наблюдателя-метеоролога, преподавателя ветеринаріи и лѣсоводства (§ 12).

Бывшее при министерствѣ финансовъ особое совѣщаніе признало совершенно справедливымъ требованіе отъ профессора института ученой университетской степени, или ученой степени адъюнкта; равно признало полезнымъ установленіе званія доцента на указанныхъ выше условіяхъ. Но при окончательной редакціи проекта Устава при департаментѣ мануфактуръ и торговли внесены въ него измѣненія, которыя могутъ имѣть значительное вліяніе на ученый составъ института и серьезно ослабить требованіе спеціальныхъ испытаній на степень адъюнкта.

Измѣненіе это заключается въ томъ, что вмѣсто званія доцента введена должность преподавателя (§ 5) не только для счетоводства, черченія, рисованія, ветеринаріи, лѣсоводства, садоводства, но и для чтенія лекцій (а не однихъ практическихъ упражненій и руководства занятіями студентовъ) по многимъ отраслямъ основныхъ предметовъ: теоріи упругости, механической теоріи теплоты, проективной и начертательной геометріи, математики, теоретической механики, механической технологіи, физики, почвовѣднія и др. (Докладная записка, распредѣленіе преподавателей по числу часовъ ихъ занятій, IX, стр. 67). Сверхъ того, преподавателямъ предоставлено временное преподаваніе по предметамъ, для которыхъ учреждены кафедры, если онѣ свободны, причемъ устраненъ срокъ этой временности (§§ 5, 21), такъ что преподаватель, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, можетъ занимать кафедру въ теченіе многихъ лѣтъ и выслужить даже пенсію.

Трудно объяснить себѣ, для чего потребовалось подобное отступленіе отъ основнаго начала, одобреннаго и особымъ совѣщаніемъ, требующаго отъ профессоровъ и доцентовъ ученыхъ степеней или, по крайней мѣрѣ, особаго спеціальнаго испытанія? Если редакторы послѣдняго проекта Положенія опасались, что при открытіи института можетъ оказаться недостатокъ въ лицахъ подготовленныхъ, обладающихъ учеными степенями и званіями адъюнктовъ, то кіевскій проектъ отырывалъ вполне удобный и обез-

печенный выходъ: онъ предоставлялъ на первое время назначать доцентовъ изъ лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ соотвѣтственныя высшія учебныя заведенія, но съ обязательствомъ выдержать въ теченіе трехъ лѣтъ требуемое специальное испытаніе и защитить диссертацию (примѣч. § 19). Съ другой стороны, столь важное отступленіе естественно можетъ повести къ преобладанію въ учебномъ персоналѣ института лицъ, не подвергавшихся специальнымъ испытаніямъ и не заявившихъ себя учеными трудами, что и замѣчается въ технологическихъ институтахъ Петербургскомъ, Харьковскомъ, сѣльского хозяйства въ Нов. Александріи, Московскомъ и др.

Кіевскій проектъ устава, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ положеній и уставовъ нашихъ высшихъ техническихъ заведеній, вводилъ конкурсный порядокъ назначенія профессоровъ, какъ наиболѣе вѣрный способъ замѣщенія кафедръ достойнѣйшими кандидатами. На основаніи §§ 20 и 22 проекта Устава, «послѣ перваго замѣщенія должностей, при дальнѣйшемъ открытіи вакансіи профессора, совѣтъ института доносить о томъ министру и объявлять конкурсъ для соискателей; затѣмъ обсудивъ всѣ мнѣнія подлежащаго отдѣленія о достоинствахъ кандидатовъ, совѣтъ подвергаетъ ихъ баллотировкѣ и результаты выборовъ, со всѣми заявленными мнѣніями, представляетъ на усмотрѣніе министра». Притомъ проектъ Устава опредѣлялъ срокъ для занятія кафедры каждымъ профессоромъ 30-лѣтній и въ исключительныхъ случаяхъ (§§ 28—29) 35 лѣтъ.

Предложенный порядокъ принять и Положеніемъ Кіевского института (§§ 18—20); министръ оставилъ за собою право назначенія профессоровъ, по собственному усмотрѣнію, лишь въ томъ случаѣ, если въ теченіе года кафедра останется не замѣщенной (§ 22). Нельзя не принести благодарности министру финансовъ за рѣшимость его принять въ подвѣдомые ему политехническіе институты конкурсный порядокъ, практиковавшійся съ успѣхомъ въ нашихъ университетахъ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ и въ общемъ оправдавшій себя результатами болѣе всѣхъ другихъ способовъ.

Къ сожалѣнію, при окончательномъ обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ сдѣланы нѣкоторые измѣненія и пропуски, которые значительно могутъ ослабить конкурсное начало, а именно: исключено изъ проекта кіевского (§ 28) и департамента мануфактуръ и торговли (§ 24) требованіе, чтобы профессоръ, по истеченіи 25-лѣтней службы, могъ быть оставляемъ на новыя пятилѣтія лишь по предварительному обсужденію и баллотировкѣ въ совѣтѣ. Продолженіе службы послѣ 25 лѣтъ принадлежить, по Положенію, усмотрѣнію министра и, притомъ, не только до 30 и 35 лѣтъ, но безсрочно (Полож. § 24). Въ докладной запискѣ департамента пояснено, что «у насъ и за границей многіе достойные ученые съ успѣхомъ продолжаютъ преподаваніе значительное время послѣ 30 лѣтъ и лишеніе ихъ кафедръ часто составляло бы крупную потерю для учебнаго заведенія». Замѣчаніе вполнѣ справедливое, но оно нисколько не противорѣчитъ предположенному обсужденію и баллотировкѣ совѣта.

§ 21 Положенія устанавливаетъ, что преподаваніе предмета по вакантной кафедрѣ можетъ быть поручаемо одному изъ наличныхъ профессоровъ, съ вознагражденіемъ его половиною оклада ординарнаго профессора. Подобное правило, какъ необходимое на практикѣ, было принято и въ проектахъ кievскомъ и департамента мануфактуръ и торговли (§ 21), но съ оговоркою, чтобы временное исправленіе должности продолжалось не болѣе одного года. Оговорка эта опущена въ Положеніи и, какъ показываетъ опытъ другихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, опущеніе это можетъ повести къ ущербу преподаванія вообще и въ частности успѣхамъ конкурса на вакантные должности.

3. Вопросъ объ условіяхъ пріема воспитанниковъ въ Кіевскій политехническій институтъ, если число желающихъ поступать въ него превышаетъ установленный комплектъ, былъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ кievскомъ комитетѣ. Въ виду общезвѣстной тягости, случайности и малоуспѣшности конкурсной системы пріема воспитанниковъ, большинство членовъ кievскаго комитета остановилось на пріемѣ ихъ по старшинству средняго вывода отбѣтокъ въ аттестатахъ. Особое совѣщаніе при министерствѣ финансовъ отклонило это предположеніе, удержавъ общій конкурсный порядокъ, который и принять въ Положеніи. Трудно рѣшить вопросъ, который изъ порядковъ имѣетъ рѣшительныя преимущества. Если пріемъ по среднему выводу отбѣтокъ вводитъ формальный способъ оцѣнки, устраняетъ соревнованіе конкурентовъ, то, съ другой стороны, конкурсная система была бы безспорно лучшею лишь въ томъ случаѣ, еслибъ она служила свободнымъ поприщемъ для людей, желающихъ и способныхъ испытать свои силы. Но въ дѣлѣ пріема конкурсъ является невольнымъ путемъ для всѣхъ юношей, которые ни по возрасту, ни по характеру и навыку не могли пріобрѣсти способность и увѣренность, необходимыя для публичной борьбы изъ-за права на ученіе. Къ тому же удостовѣрено, что конкурсъ для неопытныхъ юношей, въ новой обстановкѣ, среди чуждыхъ людей, при крайнемъ напряженіи силъ и тревогъ, исполненъ случайностей и нисколько не обезпечиваетъ достойнѣйшихъ. Безъ сомнѣнія, споръ о преимуществахъ той или другой системы пріема нашелъ бы наилучшее разрѣшеніе, если бы всѣ желающіе и окончившіе среднія учебныя заведенія могли найти доступъ въ высшія учебныя заведенія.

4. Въ положеніе института внесены также нѣкоторые измѣненія сравнительно съ кievскимъ проектомъ въ отдѣлѣ порядка управленія институтомъ. Въ кievскомъ проектѣ было предположено, чтобы директоръ института назначался министромъ изъ состава профессоровъ, такъ какъ такое лицо можетъ ближе и полнѣе разумѣть задачи и средства института, нежели лицо постороннее. Но для избѣжанія возможныхъ въ этомъ случаѣ ошибокъ и недоразумѣній кievскій проектъ признавалъ полезнымъ, чтобы директоръ назначался на 4 года и чтобы по истеченіи четырехлѣтія онъ могъ быть оставляемъ на слѣдующіе сроки. Положеніе устраняетъ какъ назначеніе директора изъ состава профессоровъ, такъ и срочность самаго назначенія.

Можно быть увѣреннымъ, что, на практикѣ, министерство всегда предпочтетъ назначеніе директора изъ профессоровъ института; что же касается введенія безсрочности назначенія, то едва ли въ данномъ случаѣ министерство не лишило себя удобнаго и безобиднаго способа исправить неудачное назначеніе.

Далѣе, составители кіевскаго проекта, имѣя въ виду, что Кіевскій политехническій институтъ будетъ подчиненъ непосредственно министру финансовъ, безъ средней инстанціи попечителя учебнаго округа, существующей по отношенію къ университетамъ, предоставили директору института достаточную степень власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ считали нужнымъ и полезнымъ установить нѣкоторыя мѣры, ограждающія самостоятельность коллегіи, въ лицѣ декановъ, избираемыхъ отдѣленіями института. Особое совѣщаніе при министерствѣ финансовъ и редакція проекта, установленная при департаментѣ мануфактуръ и торговли (§ 47) одобрили эту мысль, но въ государственномъ совѣтѣ она была отклонена и по § 47 Положенія деканы отдѣленій назначаются на 4 года министромъ финансовъ, по представленію директора изъ состава профессоровъ. Едва ли въ данномъ случаѣ не нарушено должное равновѣсіе между различными органами управленія и не сосредоточено въ рукахъ директора власти болѣе, нежели сколько нужно для равномѣрнаго теченія всѣхъ отраслей учебной жизни института. Если мы при этомъ вспомнимъ, что повышеніе профессоровъ экстра-ординарныхъ въ ординарные (обусловленное проектами кіевскимъ § 26 и департамента м. и т. § 23 старшинствомъ службы) и оставленіе профессоровъ для продолженія службы на слѣдующія пятилѣтія (обусловленные выше указанными проектами §§ 28, 24 выборомъ и представленіемъ совѣта), предоставлено министру (§ 24), конечно, также по представленію директора, то нельзя не признать, что для профессоровъ института не сохранена должная личная независимость и что учебный персоналъ института поставленъ въ слишкомъ большую подчиненность по отношенію къ директору.

Весьма жаль также, что устраниено предложенное кіевскимъ проектомъ распредѣленіе дѣлъ, подлежащихъ совѣту и собраніямъ отдѣленій, и такимъ образомъ ослаблена опредѣленность обязанностей отдѣленій и данъ перевѣсъ совѣту. Точное перечисленіе дѣлъ, подлежащихъ собраніямъ отдѣленій и совѣту, замѣнено въ проектѣ департамента и затѣмъ въ самомъ Положеніи странною и неясною редакціей § 50, который гласитъ, что «собраніямъ отдѣленій подлежитъ окончательное рѣшеніе по вопросамъ, касающимся одного отдѣленія», между тѣмъ какъ въ § 52 перечисленъ цѣлый рядъ дѣлъ, подлежащихъ окончательному рѣшенію совѣта, хотя эти дѣла касаются именно одного изъ отдѣленій, наприм.: отдѣлъ I, пп. г, д, е, отдѣлъ II, пп. а, в, г и др.

Если бы даже и предполагалось установить впоследствии, путемъ инструкцій и уставовъ, болѣе точное распредѣленіе занятій совѣта и отдѣленій собранія, то это не восполнить твердаго и постояннаго разграниченія вѣдомствъ и порядка дѣлопроизводства, опредѣленнаго законодательнымъ актомъ.

5. По кіевскому проекту Устава (§§ 92, 93) спеціальныя суммы признавались неотъемлемою собственностью института (подобно порядку университетовъ) и составлялись главнымъ образомъ изъ платы студентовъ за ученіе, которая поступала непосредственно въ кассу института и расходовалась сообразно смѣтамъ, утвержденнымъ министерствомъ финансовъ. По проекту же департамента (§§ 2—3) и утвержденному Положенію института (§§ 2—3) сборъ за ученіе поступаетъ въ государственное казначейство, которое, по истеченіи каждаго года, открываетъ институту кредитъ въ размѣрѣ собранной суммы, на дополненіе тѣхъ же учебныхъ и хозяйственныхъ потребностей института. Указанное измѣненіе введено, вѣроятно, въ видахъ единства государственной кассы, но едва ли оно много приблизитъ къ такой цѣли, потому что у насъ, кромѣ университетовъ, имѣютъ свои спеціальныя капиталы и сборы и другія учрежденія, наприм. вѣдомство Императрицы Маріи, свят. синодъ.

Конечно, указанное измѣненіе не наноситъ институту денежнаго ущерба, такъ какъ черезъ годъ онъ получаетъ на свои нужды причитающуюся ему сумму сбора. Однако, нельзя не замѣтить, что коль скоро сумма поступаетъ изъ государственнаго казначейства, то порядокъ и условія ея расходванія подлежатъ общему порядку, установленному для штатныхъ назначеній, который представляетъ неудобства и затрудненія.

6. Перехожу теперь къ вопросу объ окладахъ профессоровъ.

Кіевскій комитетъ помѣстилъ въ проектированныхъ имъ штатахъ два рода профессорскихъ окладовъ: по одному назначено ординарному профессору 5,000 р., экстра-ординарному—3,000 р.; по другому назначено ординарному профессору—3,000 р. и экстра-ординарному—2,000 р.; принятіе послѣднихъ окладовъ сокращало расходы въ годъ на 48,000 р. При этомъ кіевскій комитетъ, состоявшій подъ предѣлательствомъ генералъ-губернатора изъ лицъ разнообразныхъ положеній, вѣдомствъ, профессій, единодушно призналъ и выразилъ въ объяснительной запискѣ, что «оклады профессоровъ въ 3,000 и 2,000 р. совершенно недостаточны и что они неизбежно поведутъ къ пониженію уровня учебнаго персонала института. Извѣстно, что служба техниковъ, въ которыхъ такъ нуждается наше отечество, оплачивается не только въ частныхъ заводахъ и фабрикахъ, но и въ правительственной желѣзнодорожной службѣ несравненно выше профессорскихъ окладовъ; извѣстно и то, что профессорскіе оклады въ 3 и 2 тысячи, установленные штатами университетовъ въ началѣ 60-хъ годовъ, вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій и общаго вздорожанія предметовъ первой необходимости, не соотвѣтствуютъ нынѣ своей цѣли и не даютъ средствъ удовлетворять самыя насущныя потребности скромной жизни образованнаго человѣка. Поэтому можно опасаться, что лучшія научныя силы техниковъ, отъ участія которыхъ зависитъ успѣшное развитіе политехническаго института въ Кіевѣ, будутъ уклоняться отъ поступленія на службу въ институтъ».

Несмотря, однако, на приведенные доводы, министерство финансовъ

остановилось на низших окладах, установленных 35 лѣтъ назадъ. Если бы такое рѣшеніе состоялось въ виду недостатка средствъ казначейства, то оставалось бы только пожалѣть о такихъ печальныхъ условіяхъ. Но оказывается, что въ штаты института введена крупная сумма 62,500 р., большая часть которой не требовалась кievскимъ проектомъ штатовъ. Сверхъ того, введены 4 кaeedры по предметамъ дополнительнымъ, преподаваніе которыхъ можетъ быть ограничено 3—4 часами въ недѣлю и для которыхъ вполне удобно имѣть преподавателей изъ состава университета за половинное вознагражденіе (какъ и было предположено въ кievскомъ проектѣ относительно ботаники, зоологіи, минералогіи и геологіи, политической экономіи); это дало бы сокращеніе расходовъ на 6,000 р.

Добавочное назначеніе 62,500 и 6,000 р. показываетъ, что средства имѣлись даже въ большемъ размѣрѣ: для возвышенія окладовъ профессоровъ до 5,000 и 3,000 р. требовалось всего 48,000 р.

Крупная сумма 62,500 р. предназначена для развитія состава преподавателей вообще и въ особенности для усиленія практическихъ занятій студентовъ.

Кievскій комитетъ рѣшительно высказался противъ порученія преподаванія специальныхъ техническихъ предметовъ лицамъ, не заявившимъ своей подготовки учеными трудами или степенями, или особыми испытаніями, и совѣщаніе, бывшее при министерствѣ финансовъ, одобрило этотъ взглядъ. Что же касается развитія и усиленія практическихъ занятій и самостоятельныхъ работъ студентовъ, то въ составѣ кievскаго комитета было достаточно лицъ, вполне знакомыхъ съ задачами и условіями высшаго технического образованія какъ въ Россіи, такъ и за границею; они особенно стремились не обременять студентовъ теоретическимъ преподаваніемъ, назначили достаточное число часовъ для практическихъ упражненій, сосредоточили ихъ въ лабораторіяхъ и кабинетахъ химическихъ, механическихъ и физическихъ, а не мастерскихъ (для послѣднихъ назначено было всего 3,000 р.); и, тѣмъ не менѣе, они не считали нужнымъ требовать для преподавателей и для практическихъ занятій 62,500 р. Они рассчитывали, конечно, что съ развитіемъ института и увеличеніемъ въ немъ числа студентовъ придется увеличивать число лаборантовъ, ассистентовъ, руководителей черченія и рисованія и т. п.; но они имѣли въ виду сборъ за ученіе, который предназначался преимущественно для указанной цѣли. Сборъ этотъ, при 1,000 студентахъ, легко могъ дать 60—75 т. и при достаточномъ обезпеченіи содержанія профессоровъ большая часть его могла быть обращена на это дѣло.

По всей вѣроятности, вопросъ объ увеличенныхъ окладахъ профессоровъ получилъ отрицательное разрѣшеніе въ виду того, что прямое и непосредственное принатіе нормы 5,000 и 3,000 р. могло оказать серьезное вліяніе на поднятіе жалованья профессорамъ и въ другихъ высшихъ техническихъ институтахъ и университетахъ. Но вѣдь это поднятіе неотвратимо по силѣ вещей. Едва ли правильно отказывать профессорамъ, т.-е.

главной силѣ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній,—въ назначеніи имъ заслуженнаго содержанія и въ то же время содержать безполезные и даже тягостные лица въ Петербургѣ, Москвѣ, Нѣжинѣ и др. (при почти полномъ отсутствіи студентовъ на филологическихъ факультетахъ университетовъ). Вѣдъ такимъ образомъ произойдетъ неизбежно: или запустѣніе кафедръ, или замѣщеніе ихъ лицами, не обладающими даже средними научными данными.

Независимо отъ принципиальнаго нашего несогласія на назначеніе 62,500 р., вмѣсто увеличенія окладовъ профессоровъ на 48,000 р., мы находимъ серьезный недостатокъ въ самой неопредѣленности и сбивчивости порядка расходванія этой суммы. § 5 Положенія говоритъ, что сумма эта предназначена для преподавателей предметовъ, не имѣющихъ кафедръ, на вознагражденіе за практическія занятія и контроль за работами студентовъ и за временное преподаваніе (срокъ котораго не опредѣленъ) предметовъ, по которымъ есть кафедры, но нѣтъ профессоровъ; при этомъ § 13 поясняетъ, что число преподавателей штатомъ не опредѣляется, и что вознагражденіе назначается имъ по числу часовъ занятій, согласно нормамъ, установленнымъ совѣтомъ и утвержденнымъ министромъ финансовъ.

Очевидно, здѣсь смѣшано въ одну категорію: преподаваніе, практическія занятія и даже временное замѣщеніе кафедръ. Такое смѣшеніе можетъ повести или къ развитію упражненій за счетъ преподаванія, или преподаваніе будетъ поглощать практическія упражненія, или еще скорѣе—къ увеличенію содержанія профессоровъ за добавочные часы лекцій и практическихъ занятій. Мы ничего не имѣемъ противъ увеличенія содержанія профессоровъ за ихъ сверхштатные труды, но весьма важно, чтобъ оно основывалось на твердыхъ законодательныхъ началахъ, а не на измѣнчивыхъ взглядахъ и настроеніяхъ совѣта.

Правда, въ докладной запискѣ департамента мануфактуръ и торговли помѣщено примѣрное распредѣленіе 62,500 р. (стр. 67), но это служило поясненіемъ для членовъ государственнаго совѣта, не внесено ни въ положеніе института, ни въ штаты его и, конечно, не можетъ имѣть значенія постояннаго правила. Притомъ же, распредѣленіе департамента вызываетъ невольное недоразумѣніе и даже сомнѣніе; оно предназначаетъ эту сумму, между прочимъ, преподавателямъ по механическому и инженерному отдѣленіямъ: теоріи упругости, теоріи теплоты, начертательной геометріи, графической статикѣ, электротехникѣ; по отдѣленію химическому: математикѣ, теоретической и прикладной механикѣ, механической технологіи, электротехникѣ; по сельско-хозяйственному отдѣленію: ученію о сельско-хозяйственныхъ машинахъ, сельско-хозяйственной технологіи и строительнаго сельско-хозяйственнаго искусства. Во-первыхъ, по всѣмъ этимъ предметамъ имѣются кафедры; если ихъ казалось недостаточно, то было гораздо вѣрнѣе и соотвѣтственнѣе высшему учебному заведенію прибавить трехъ или четырехъ профессоровъ. Во-вторыхъ, если здѣсь разумѣлось преподаваніе какихъ-либо особыхъ специальныхъ курсовъ (наприм., теорія теплоты,

теорія упругости), то почему изложеніе ихъ поручается лицамъ, не доказавшимъ своихъ правъ на самостоятельное преподаваніе?

Нельзя не указать также на крайнюю неравномѣрность департаментскаго распредѣленія 62,500 между отдѣленіями института; именно на отдѣленія механическое и инженерное назначено 47,900 р., на химическое—7,000 р., а на сельско-хозяйственное всего 6,200 р.; особенно обдѣлено последнее, такъ какъ въ штатахъ института упразднено 9 ассистентовъ, полагавшихся въ кievскомъ проектѣ для агрономической лабораторіи и для кабинетовъ земледѣлія, зоотехніи, зоологіи, ботаники, геологіи и минералогіи.

7. Законодательный актъ, которымъ Высочайше учрежденъ въ Кіевѣ политехническій институтъ Императора Александра II наименованъ Положеніемъ о Кіевскомъ политехническомъ институтѣ; причемъ въ примѣчаніи къ § 1 сказано, что «подробный уставъ института утверждается министромъ финансовъ». Такимъ образомъ устанавливается различіе между положеніемъ и уставомъ института.

Сколько намъ извѣстно, подобное различіе между положеніемъ и уставомъ введено министерствомъ народнаго просвѣщенія при выработкѣ положеній для институтотвъ: Харьковскаго (16 апрѣля 1885 г.), Петербургскаго (23 марта 1887 г.), сельско-хозяйственнаго въ Александріи (17 апрѣля 1893 г.), политехническаго Рижскаго (6 мая 1896 г.) и друг. Вслѣдъ за Высочайшимъ утвержденіемъ указанныхъ положеній министерство народнаго просвѣщенія составило и утвердило уставы этихъ высшихъ учебныхъ заведеній (*Сборникъ Минист. Народ. Просв.*, 1895 г., вып. 1, ч. II, стр. 213). Изданіе этихъ уставовъ не устранило, однако, надобности въ составленіи особыхъ правилъ, инструкцій, утвержденныхъ также министромъ, по разнымъ частнымъ предметамъ, наприм., правила объ испытаніяхъ, о платѣ за ученіе, о стипендіяхъ, объ учебныхъ программахъ, о взысканіяхъ со студентовъ и т. п. (помѣщены въ томъ же сборникѣ).

Составленіе для одного и того же заведенія положенія и устава представляется отступленіемъ отъ давно принятаго въ нашей законодательной практикѣ и терминологіи различія между актами законодательной и правительственной власти (*Гр. Сперанскій: «Руководство къ познанію законовъ»*, 1845 г.).

Еще въ періодъ обработки нашего свода законовъ подѣ положеніемъ разумѣлась совокупность узаконеній, опредѣляющихъ во всей полнотѣ права и обязанности сословій, обществъ, разрядовъ лицъ, таковы положенія объ инородцахъ, о крестьянахъ (19 февраля 1861 г.), положеніе городное, земское, чиншное и др. Уставами у насъ называются узаконенія, опредѣляющія организацію и порядокъ дѣятельности какой-либо особой части государственнаго управленія, учрежденія, таковы уставы благоустройства, горный, сельскаго управленія, университетовъ, гимназій. Дѣятельность министровъ обнаруживается въ формѣ распоряженій, приказовъ, правилъ, циркуляровъ и т. п.

Одновременное дѣйствіе въ высшемъ учебномъ заведеніи положенія и устава едва ли можетъ быть оправдано какою-либо надобностью и во всякомъ случаѣ можетъ подать поводъ къ разногласію, запутанности и недоразумѣніямъ. Если уставъ заключаетъ въ себѣ только развитіе подробностей Положенія, то онъ неизбѣжно долженъ быть отрывочнымъ, такъ какъ не всѣ §§ положенія требуютъ развитія подробностей; если же уставъ поставитъ свою задачей систематическое изложеніе всего порядка, установленнаго для института, то произойдетъ смѣшеніе Высочайше утвержденнаго Положенія и правилъ, утвержденныхъ министромъ. Последнее именно случилось съ уставами министерства народнаго просвѣщенія (для институтовъ Харьковскаго, Петербургскаго, Рижскаго и др.), которые производятъ странное впечатлѣніе по одному внѣшнему своему виду: во главѣ ихъ напечатано обычное: «утверждаю», министръ народнаго просвѣщенія,—между тѣмъ какъ половина §§ устава состоятъ изъ статей положенія, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ Высочайшею властью; подстрочныя ссылки на положеніе не измѣняютъ впечатлѣнія. Обращаясь затѣмъ къ существу, нельзя не замѣтить, что указанные уставы опредѣляютъ не только подробности, но и служебное положеніе, права и обязанности служебнаго персонала, отношенія органовъ управленія, наприм., о порядкѣ назначенія профессоровъ на вакантныя кафедры (§ 60), о правѣ голоса членовъ учебнаго комитета (§§ 70—74), о порядкѣ представленія профессоровъ къ наградамъ (§ 42), о нормахъ преподаванія (§ 62) и мног. друг.

Изданіе уставовъ, сверхъ положеній, могло быть вызвано желаніемъ освободить высшее законодательное учрежденіе отъ обсужденія объемистыхъ правилъ, касающихся внутренняго распорядка дѣлъ, имѣющихъ второстепенное, подчиненное значеніе. Но при сличеніи §§ положеній и уставовъ министерства народнаго просвѣщенія оказывается, что объемъ последнихъ немногимъ превышаетъ первые: въ положеніи 45 §, а въ уставѣ—99 §, включая сюда и 45 § положенія. Трудно согласиться, чтобы прибавка 40—50 §§, т.-е. 3—4 стр. могла затруднить обсужденіе столь важнаго предмета. Едва ли также можно думать, чтобы законодательное учрежденіе, разрѣшая общія основанія, не пожелало установить и тѣ частности, отъ послѣдовательнаго развитія которыхъ зависитъ твердое примѣненіе общихъ началъ, и которыя опредѣляютъ характеръ устройства всего заведенія.

Конечно, въ законодательномъ актѣ нѣтъ ни возможности, ни надобности устанавливать второстепенный внутренній распорядокъ дѣлъ и зачатій учебнаго заведенія, развивать подробности специальныхъ отношеній (наприм., правила пользованія библіотекою, лабораторіей, правила о стипендіяхъ, объ инспекціи), но для нихъ мѣсто не въ уставахъ, а въ широко и вліятельномъ дѣйствіи инструкцій, правилъ, циркуляровъ министерства, а также въ извѣстномъ кругѣ автономіи учебнаго заведенія. какъ и принято въ уставахъ университетовъ, гимназій и друг., гдѣ въ самомъ законодательномъ актѣ обозначено, по какимъ предметамъ и во-

просамъ предоставляется министру устанавливать свои особые правила, инструкции или утверждать представляемые ему совѣтами университетовъ.

Позволимъ себѣ указать еще на странную редакцію § 3 Положенія, въ которомъ между прочимъ сказано, что спеціальныя средства института могутъ быть употребляемы «на пособія учащимся и служащимъ въ институтѣ, а также семействамъ этихъ лицъ». По точному смыслу этихъ строкъ Кіевскій и Варшавскій (§ 3) политехническіе институты будутъ едва ли не единственными учебными заведеніями, открывающими свою кассу для помощи не только своимъ ученикамъ, но и ихъ родителямъ, братьямъ, сестрамъ. Если же это редакціонная обмолвка, желательно знать, какимъ порядкомъ слѣдуетъ ее исправить?

Рѣшаясь предложить наши замѣчанія на Положеніе о Кіевскомъ политехническомъ институтѣ Императора Александра II, мы руководились сколько интересомъ дѣла вообще, столько стремленіемъ уяснить взгляды, назрѣвшіе въ образованномъ мѣстномъ обществѣ на условія и задачи устройства высшихъ учебныхъ заведеній. Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, нѣкоторыя изъ этихъ воззрѣній были отклонены при окончательномъ обсужденіи вопроса.

Далекіе отъ самоувѣренности и предубѣжденія, мы надѣемся, что и въ данномъ видѣ Кіевскій политехническій институтъ принесетъ богатые и достойные плоды. Лишь въ двухъ пунктахъ остаемся въ неизмѣнномъ убѣжденіи: во-первыхъ, въ необходимости для высшаго учебнаго заведенія высшихъ ученыхъ силъ и опасности расширенія разряда преподавателей, не прошедшихъ искуса ученыхъ испытаній и работъ; во-вторыхъ, въ неотложности увеличить штатные оклады профессоровъ. Сила и будущее учебныхъ заведеній заключаются не въ роскошныхъ зданіяхъ, не въ обширныхъ и богатыхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, а въ высотѣ личнаго учебнаго состава; невозможно же привлекать способныхъ и подготовленныхъ людей перспективою нужды и личной зависимости.

Безъ сомнѣнія, время и жизнь освѣтять дѣло еще болѣе и совершать необходимыя исправленія и улучшенія. Самое главное—назрѣвшая потребность общества въ учрежденіи для Россіи высшихъ техническихъ заведеній осуществилась; и относительно Кіевского института нельзя не признать важной заслуги графа А. П. Игнатъева, который открылъ путь общественнымъ начинаніямъ, принималъ дѣятельное участіе въ мѣстной разработкѣ вопроса и далъ первый officialный толчокъ движенію вопроса; равнымъ образомъ нельзя не высказать глубокой и долговѣчной благодарности г. министру финансовъ С. Ю. Витте, безъ просвѣщеннаго и энергическаго содѣйствія котораго это великое мѣстное дѣло не могло бы осуществиться столь быстро и широко.

Ник. Ренненкамппъ.

Къ вопросу объ Августинѣ и Григоріи VII.

Отвѣтъ профессору Герье.

I.

Въ августовской книжкѣ *Вѣстника Европы* помѣщена обширная критическая статья профессора Герье, *Григорій VII и Августинъ*,—посвященная разбору нѣкоторыхъ тезисовъ моей докторской диссертациі *Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ*. Нельзя не считаться съ возраженіями уважаемаго историка, по праву занимающаго видное и почетное мѣсто въ русской наукѣ. Къ сожалѣнію, однако, сложные и интересные вопросы, затронутые въ названной статьѣ, не могутъ быть исчерпаны въ предѣлахъ журнальной полемики, а потому въ моемъ отвѣтѣ мнѣ придется ограничиться тѣмъ, что умѣщается въ тѣсныя рамки небольшой журнальной статьи.

Прежде всего мнѣ приходится установить здѣсь, что главное возраженіе В. И. Герье основывается на недоразумѣніи. Онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я «отождествляю» божеское царство въ твореніяхъ Григорія VII съ «божескимъ царствомъ въ августиновскомъ смыслѣ этого слова» (стр. 514, 531). По его словамъ, я «не отличилъ идеала XI вѣка отъ Божьяго царства Августина». Однако уважаемый критикъ не приводитъ, да и не можетъ привести изъ моей книги ни одной цитаты, которая доказывала бы приписываемое мнѣ отождествленіе. Онъ ссылается, правда, на одно мѣсто моего сочиненія, гдѣ я говорю, что «августиновское пониманіе Божьяго царства господствуетъ въ средніе вѣка». Но изъ сопоставленія множества другихъ мѣстъ моей книги видно, что указанное мною господство Августиновскаго пониманія «божескаго царства» слѣдуетъ понимать въ ограниченномъ смыслѣ, а что я признаю въ этомъ отношеніи въ высшей степени важныя различія между Августиномъ и его преемниками.

Правда, я говорю, что августиновскія начала входятъ въ составъ папской теоріи Григорія VII, но тутъ же объясняю, что это—«августинизмъ, ограниченный въ своемъ примѣненіи» (стр. 277), что августинизмъ въ папской теоріи парализуется тенденціей рѣзко противоположнаго свойства,

которую я бы назвал пелагианскою (стр. 279, 281, 352—355); я прямо указываю на *«капитальное отличие»* учения Григорія VII отъ августинизма, заключающееся въ неодинаковомъ пониманіи папою и Августинѣмъ *«благодатнаго царства»* (стр. 280). Указанныя отличія касаются не того или другого второстепеннаго пункта учения Григорія, а того самаго учения о св. Петрѣ, которое по смыслу девятаго тезиса моей диссертации составляетъ *«ключъ къ пониманію»* всей церковно-политической теоріи папы; не то ли же самое говорить и проф. Герье, когда онъ утверждаетъ, что отличіе между августиновскимъ и грегорианскимъ понятіемъ о церкви *«ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ ярко, какъ въ представленіи о св. Петрѣ у Григорія VII»* *)! Вообще какъ въ приведенной критикѣ выдержкѣ, такъ и во всей моей книгѣ я имѣю въ виду *не полное, а частичное усвоеніе* воззрѣній Августина Григоріемъ VII; это ускользнуло отъ вниманія В. И. Герье, вслѣдствіе чего онъ и усматриваетъ *«недоразумѣніе и анахронизмъ»* въ руководящей мысли моей книги. Если бы я дѣйствительно отождествлялъ идеалъ XI вѣка съ идеаломъ Августина, это было бы, конечно, важной и даже непростительной ошибкой; но, какъ видно изъ вышеизложеннаго, недоразумѣніе содержится не въ моей книгѣ, а въ критической статьѣ, противъ нея направленной.

Этимъ я могъ бы ограничиться въ моемъ отвѣтѣ на главное возраженіе проф. Герье, если бы онъ въ своей статьѣ не проводилъ такихъ воззрѣній на отношеніе Григорія VII къ Августину, съ которыми я по многимъ основаніямъ рѣшительно не могу согласиться. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что между идеей *«Божескаго царства»* Августина и Божескимъ царствомъ Григорія VII существуетъ *«тѣсная связь, связь исторической преемственности. Одно царство явилось послѣ другого, развилось изъ него»* (стр. 529); подъ этими словами я охотно бы подписался, такъ какъ они вполне согласны съ воззрѣніями, проводимыми въ моей книгѣ; съ другой стороны, тотъ же авторъ находитъ, что Григорій VII *«ни по натурѣ своей, ни по культурѣ той эпохи, сыномъ которой онъ былъ, не могъ вдохновляться Августиновой идеей Божескаго царства»* (В. Е., стр. 522), что *«идеаль Августина былъ въ данномъ случаѣ непонятенъ и чуждъ»* Григорію VII и его современникамъ. Я рѣшительно не вижу возможности согласовать этихъ противоположныхъ утвержденій: одно изъ двухъ, или между пониманіемъ идеи *«Божескаго царства»* у Августина и людей XI вѣка нѣтъ никакой связи исторической преемственности, или же такая преемственность существуетъ, и въ такомъ случаѣ Григорій и его современники что-нибудь въ этомъ отношеніи приняли отъ Августина и, слѣдовательно, идеалъ послѣдняго не былъ имъ непонятенъ и чуждъ.

Дѣло въ томъ, что проф. Герье придаетъ преувеличенное значеніе тому обстоятельству, что Августинѣмъ терминъ *Civitas Dei* (*«градъ Божій или*

*) Нѣкоторыя изъ отличій между Августинѣмъ и Григоріемъ, на которыхъ указываетъ проф. Герье, тождественны съ тѣми, на которыя я указываю, что видно изъ сопоставленія стр. 520, 521 приведенной статьи хотя бы съ одной стр. 280 моей книги.

«Божеское царство») не встрѣчается ни въ одномъ изъ писемъ Григорія VII: изъ наведенной критикомъ справки оказывается, что этотъ терминъ вообще встрѣчается не у сторонниковъ Григорія, а только у одного изъ его противниковъ—Вальрама Наумбургскаго *); этимъ и обуславливается отмѣченное мною колебаніе проф. Герье въ оцѣнкѣ отношенія Григорія VII къ Августину: изъ отсутствія августиновскаго термина онъ выводитъ заключеніе объ отсутствіи у папы и его современниковъ соответствующей идеи.

Неосновательность такого заключенія доказывается какъ разъ той статьей Бернгейма, на которую ссылается проф. Герье въ подтвержденіе защищаемой имъ мысли **). Бернгеймъ тщательно изслѣдовалъ вліяніе идей и выраженій Августина на Григорія VII и не нашелъ въ перепискѣ папы пресловутаго термина *Civitas Dei*; но ему удалось доказать, что Григорій заимствовалъ у Августина цѣлый рядъ такихъ понятій, какъ «правда, миръ, послушаніе, гордость, праведный царь, тираннъ» (*justitia, pax, obediencia, superbia, rex justus, tyrannus*). При этомъ Бернгеймъ прямо говоритъ (стр. 8), что ключъ къ уразумѣнію понятія о *мирѣ*, одного изъ основныхъ понятій Григорія и полемистовъ XI вѣка, заключается въ Августиновскомъ различеніи «Божескаго царства» и «царства діавола» (стр. 5), что всѣ указанныя имъ заимствованія связуются во едино идеей «Божескаго царства», «царства правды и мира» (стр. 22), что вообще Григорій, «борецъ за Божеское царство» (стр. 9), «стоитъ всецѣло на почвѣ Августиновскихъ воззрѣній» (стр. 8), которыя въ то время были «достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей» (стр. 8).

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно доказать, что Августиновская идея «Божескаго царства» составляетъ предположеніе, общій смыслъ всѣхъ перечисленныхъ понятій, заимствованіе коихъ Григоріемъ признается, повидимому, и проф. Герье. Какъ я сказалъ уже въ другомъ мѣстѣ ***), съ точки зрѣнія Августина Божеское царство есть *правда* человѣческаго общества и всего существующаго, *истинный миръ* вселенной; въ порядкѣ человѣческихъ отношеній оно сказывается какъ *послушаніе*, упорядоченное въ вѣрѣ подл Божескимъ закономъ; *истинный царь*, въ противоположность тиранну, есть прежде всего орудіе *Божескаго царства* на землѣ: *истиннымъ царемъ* долженъ почитаться тотъ, кто царствуетъ не для себя, а для Бога; наконецъ, *тиранническая спесь, непослушаніе и гордость* составляютъ общія качества всѣхъ враговъ Божескаго царства. Однимъ словомъ, мы можемъ говорить о заимствованіи Григоріемъ перечисленныхъ Бернгеймомъ понятій только въ томъ предположеніи, что папа усвоилъ себѣ ихъ *августиновскій смыслъ*—идею *Божескаго царства*.

*) Справка эта не совсѣмъ точна, такъ какъ именно сторонникъ Григорія—публицистъ Манегольдъ Лаутенбахскій говоритъ о *duae civitates* въ августиновскомъ смыслѣ I. M. G., De I., т. I, стр. 306—307; ср. мое соч., стр. 343).

**) Politische Begriffe d. Mittelalters im Lichte der Anschauungen Augustins deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, I Jahrg., 1896—97).

***). См. мой отвѣтъ проф. Визингу въ *Ж. М. Нар. Пр.*, декабрь 1897 годъ, р. 502—503.

Въ числѣ заимствованныхъ у Августина представлений, кромѣ отмѣченныхъ Бернгеймомъ, находится еще и идея *единства*, руководящее начало всей литературной и практической дѣятельности Григорія, основной принципъ всей публицистики его времени. Отличая это понятіе отъ понятія «Божескаго царства», проф. Герье видитъ въ немъ «другую», хотя и Августиновскую идею (стр. 542—543). Уважаемый историкъ упустилъ изъ виду, что именно *единство*, по Августину, есть основное опредѣленіе, основной признакъ «Божескаго царства». Для Августина весь міръ есть царство единого Бога, единая Божественная монархія; онъ понимаетъ Божеское царство какъ *единство мірового порядка*, единство всего существующаго *). Проф. Герье прекрасно знаетъ, что такое же пониманіе единства, такое же пониманіе міра, какъ Божественной монархіи, господствуетъ въ публицистикѣ XI вѣка. Также точно и Григорій VII видитъ въ единоначаліи, единствѣ, тотъ принципъ, на которомъ утверждается строй вселенной: папская монархія представляется ему отраженіемъ мірового, Божественнаго царства; признаками божественнаго устройства вселенной и богоустроенной организациіи человѣческаго общества онъ, помимо единства, считаетъ «миръ», «порядокъ» и «согласіе людей въ Богѣ **); это тѣ самые признаки, которые, по Августину, составляютъ существенныя опредѣленія града Божія ***). Не все ли равно, употребляютъ или не употребляютъ Григорій и современные ему публицисты августиновскій терминъ *Civitas Dei*, — ясное дѣло, что они, хотя бы и съ нѣкоторыми измѣненіями, усвоили себѣ августиновскую идею «Божескаго царства».

Говоря, что «божеское царство» для Августина есть *царство правды*, я имѣлъ въ виду его пространную полемику противъ Цицерона, въ которой онъ доказываетъ, что вѣтъ церкви — Божескаго царства — нѣтъ справедливости, нѣтъ правды въ истинномъ смыслѣ этого слова; для Августина эти два царства совпадаютъ. Профессоръ Герье знаетъ, что слово «правда» (*justitia*) «не сходило съ устъ Григорія VII», и что это понятіе употреблялось имъ въ *августиновскомъ смыслѣ* (цит. статья, стр. 513). Какъ же это было бы возможно, если бы Григорій не воспринялъ въ свое ученіе нѣкоторые элементы августиновскаго «Божескаго царства»? Между тѣмъ изъ этого пониманія правды вытекаетъ та оцѣнка свѣтскаго государства и свѣтскихъ властей, которую Григорій VII заимствуетъ у Августина. Когда Григорій ведетъ генеалогію царей отъ разбойниковъ, онъ вдохновляется Августиномъ, который училъ, что государства, вѣшнія и чуждыя церкви, суть разбойничьи общества въ большомъ размѣрѣ; идетъ ли рѣчь о томъ, что царская власть есть плодъ нечестивой узурпаціи, папа прямо ссылается на Августина и приводитъ соответствующій текстъ отца церкви

*) См. всю 2-ю главу моей книги *Религ.-общ. ид. в V в.*, въ особенности стр. 55—70, 105—106; ср. гл. V, стр. 232—234.

**) M. Gr. VI, 35, стр. 372—373; мое соч., стр. 267—268.

***). De C. D., l. XIX, c. 17, ср. тексты с. 18, полностью приведенные у Бернгейма, цит. статья, стр. 4; ср. мое соч. *Религ.-общ. ид. в V в.* стр. 230, 232.

(М. Gr. VIII, 21, стр. 459); такая оцѣнка свѣтской власти возможна только съ точки зрѣнія идеи «Божескаго царства»; земные властители, царствующіе внѣ церкви, могутъ быть для Григорія, какъ и для Августина, узурпаторами и разбойниками, лишь поскольку для обоихъ названныхъ святителей церковь одна есть *царство* въ истинномъ смыслѣ слова, т.-е. царство Божеское.

Профессоръ Герье знаетъ, что Григорій VII понимаетъ видимую, земную церковь какъ «Божеское царство» (*regnum Dei*) и даже прямо называетъ ее этими словами; напрасно только критикъ придаетъ значеніе тому обстоятельству, что это выраженіе рѣдко встрѣчается въ перепискѣ Григорія; важно то, что у Григорія есть соответствующее представленіе, и что это представленіе лежитъ въ основѣ всего его пониманія церкви и папской власти: если бы папы не понимали земную церковь какъ царство самого Бога на землѣ, они не могли бы называть себя «намѣстниками Христовыми», «викаріями Божиими». Да и самый терминъ *regnum Dei*, встрѣчающійся у Григорія въ примѣненіи къ земной церкви, есть терминъ августиновскій *).

Какъ для Григорія, такъ и для Августина видимая церковь есть земное воплощеніе «Божескаго царства». Противопоставляя Григорія VII Августину, В. И. Герье говоритъ, что для послѣдняго «божеское царство» есть «образъ церкви въ ея неземномъ, спиритуалистическомъ представленіи». «Пуніецъ Августинъ,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—семитическій пророкъ, вдохновеннымъ взоромъ узрѣвшій надъ міромъ, внѣ пространства и времени, идеальный градъ Божій и туда призывающій человечество». Если бы эта характеристика исчерпывала собою ученіе Августина о Божескомъ царствѣ, то въ самомъ дѣлѣ трудно было бы говорить о сродствѣ его воззрѣній съ воззрѣніями Григорія. Но уважаемый критикъ забылъ, что градъ Божій Августина не есть только загробный, спиритуалистическій идеалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и конкретная земная величина: онъ наполняетъ собою исторію, составляетъ ея цѣль и содержаніе, онъ является въ такихъ историческихъ образахъ, какъ ветхозавѣтное Израильское царство, патріархи, пророки. Въ современной ему видимой церкви Августинъ видитъ осуществленіе пророчества Апокалипсиса о тысячелѣтнемъ царствѣи Христовомъ, и въ этомъ смыслѣ прямо говоритъ: «*церковь и теперь есть царствіе* (*regnum*) *Христово и царствіе небесное* **». Вообще, во всѣ вѣка своего историческаго существованія, Божеское царство является, по Августину, какъ видимая земная церковь.

По словамъ В. И. Герье «Августинъ—пророкъ неземной церкви съ ея

*) Онъ встрѣчается какъ разъ въ томъ текстѣ А., который служитъ эпиграфомъ моей магистерской диссертации. Ср. вообще „Религ.-общ. ид. въ V в.“, гл. V, § V, гдѣ указаны мѣста А., гдѣ онъ примѣняетъ выраженіе *regnum Dei* къ видимой церкви.

**) De C. D., I, XX, с. 9, § 11. О такихъ же хилиастическихъ воззрѣніяхъ у писателей XI в. и у самого Григорія, см. мое соч., стр. 344—346, 332—340

идеаломъ отреченія отъ міра, Григорій VII—вождь мірской воинствующей церкви, ведущій ее къ власти надъ міромъ». Чтобы убѣдиться въ односторонности этого противоположенія, достаточно вспомнить, что по Августину государство должно «рабствовать» церкви, относиться къ ней какъ Агарь къ Саррѣ *), что цари должны «служить» церкви, сокрушая идоловъ и издавая законы противъ нечестія **); когда дѣло идетъ о принудительныхъ мѣрахъ противъ еретиковъ, Августинъ считаетъ себя вправѣ давать *приказанія* трибунамъ и проконсуламъ. Этотъ же Августинъ, опредѣлявшій земную церковь, какъ «царство воинствующее» ***), высказалъ ту теорію преслѣдованія еретиковъ (*compelle intrare*), которая впоследствии послужила лозунгомъ инквизиціи. Число тѣхъ мѣстъ, гдѣ Августинъ говоритъ о царственной роли церкви въ мірѣ, можетъ быть до чрезвычайности умножено, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что онъ не былъ *только* проповѣдникомъ отреченія церкви отъ міра. Въ ученіи этого святителя уже ясно сказываются тѣ двѣ черты, которыя, согласно вѣрной характеристикѣ Эйкена, выражаютъ собою сущность средневѣкового міровоззрѣнія—проповѣдь отреченія личности отъ міра и стремленіе церкви къ господству надъ міромъ.

Оба эти элемента средневѣковаго міровоззрѣнія неразрывно связаны между собой: церковь можетъ господствовать надъ міромъ лишь при томъ условіи, если человекъ жертвуетъ ей всѣмъ, отрекается ради нея отъ міра. Аскетическій подвигъ личности обуславливаетъ собой торжество іерархін; вотъ почему, вопреки профессору Герье аскетизмъ присутствуетъ какъ необходимая составная часть и въ іерократическомъ міросозерцаніи Григорія: именно этотъ папа болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, стремился подчинить монастырской дисциплинѣ всю жизнь бѣлаго духовенства; онъ былъ главнымъ виновникомъ проведенія въ католической церкви аскетическаго начала безбрачія клира; въ многочисленныхъ своихъ обращеніяхъ къ духовенству, государямъ и простымъ мірянамъ, онъ требуетъ отъ всѣхъ главнымъ образомъ одного: пожертвованія земными благами ради церкви, которая одна можетъ дать небесныя сокровища. Допустимъ, что Григорій, какъ думаетъ В. И. Герье, не былъ аскетомъ по своимъ личнымъ наклонностямъ; онъ тѣмъ не менѣе во всѣхъ дѣлахъ своихъ долженъ былъ платить дань аскетическому началу именно потому, что оно обуславливало собою господство церкви надъ міромъ.

Изъ предшествовавшаго изложенія видно, что Григорій VII усвоилъ себѣ множество элементовъ Августиновой идеи «Божескаго царства»; изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы онъ цѣликомъ заимствовалъ всѣ тѣ опредѣленія, какія далъ Августинъ этой идее. Последнее было бы невозможнымъ не только вслѣдствіе различія тѣхъ культурно-историческихъ

*) De C. D., l. XV, c. 2; ср. мое соч. объ Августинѣ, стр. 254.

**) Contra Petilianum, l. II, c. 92, § 210.

***) De C. D., l. XX, c. 9, § 2.

эпохъ, конхъ оба великіе святителя были представителями, но также и потому, что ученіе Августина о «Божескомъ царствѣ» богато противорѣчіями, которыя я отмѣтилъ уже въ моемъ изслѣдованіи объ Августинѣ на-ряду съ идеями, которыя дѣлають его родоначальникомъ средневѣковаго католицизма, въ его ученіи есть элементы «анти-іерархическіе», благодаря которымъ онъ справедливо признается предшественникомъ Лютера и вообще протестантовъ. Съ одной стороны Августинъ опредѣляетъ видимую земную церковь какъ «Божеское царство»; это опредѣленіе переходитъ въ сознаніе средневѣковья и цѣликомъ усвоится Григоріемъ. Съ другой стороны, для того же Августина «благодатный порядокъ уже здѣсь на землѣ не совпадаетъ съ видимой церковью и ея учрежденіями»; церковь не исчерпываетъ собою земныхъ явленій земного царства, и въ этомъ, какъ я уже сказалъ въ моей книгѣ (стр. 280), заключается капитальное отличіе ученія Августина отъ католическаго ученія, представляемаго Григоріемъ. Словомъ, въ ученіи Августина есть какъ бы два противорѣчащихъ другъ другу ряда мыслей, изъ конхъ одинъ былъ усвоенъ, другой же былъ забытъ и отброшенъ позднѣйшими учителями средневѣковаго католицизма, въ томъ числѣ и Григоріемъ VII.

При этомъ подверглась переработкѣ и самая терминологія великаго отца церкви. Григорій, какъ и вообще люди XI вѣка, повидимому, не былъ непосредственно знакомъ съ произведеніями самого Августина *): онъ познакомился съ его ученіями въ переработкѣ своего предшественника по кафедрѣ Григорія I. Поэтому, усвоивъ себѣ тѣ или другія воззрѣнія отца церкви, онъ нерѣдко употребляетъ чуждые ему термины. Но этимъ нисколько не умаляется значеніе сказаннаго о вліяніи Августина на величайшаго изъ папъ XI вѣка. Григорій VII унаслѣдовалъ отъ Августина не термины, а воззрѣнія, не слова, а идеи.

II.

Въ моей книгѣ я говорю о теократическомъ характерѣ священной римской имперіи и рассматриваю борьбу папства и имперіи какъ борьбу двухъ пониманій, двухъ формъ теократіи. Возраженія профессора Герье противъ этой моей мысли неубѣдительны, потому что они исходятъ изъ слишкомъ узкаго опредѣленія теократіи.

Въ качествѣ типа теократіи по преимуществу уважаемый профессоръ совершенно произвольно беретъ одну лишь ея разновидность—первоначальный исламъ—и затѣмъ, путемъ анализа одного этого образца, выводитъ опредѣленіе теократіи вообще, т.-е. общаго родового ея понятія: «Исходя

*) Какъ удалось доказать Мирбту („Die Stellung Augustins in d. Publicistik d. Gregorianischen Kirchenstreits“), люди XI вѣка знакомились съ мыслями Августина частью изъ ходившихъ въ то время сборниковъ, заключавшихъ въ себѣ пространныя извлеченія изъ твореній отца церкви, частью изъ сочиненій другихъ авторовъ, усвоившихъ себѣ августиновскія начала.

изъ этого образчика теократіи,—говоритъ онъ,—мы можемъ установить ея существенный признакъ: божественность земного правителя или,—въ болѣе высокихъ культурныхъ формахъ,—*божественное откровеніе*, какъ источникъ и принципъ власти и законодательства». Однако, существенные признаки теократіи для критика не исчерпываются даже и этимъ: о теократіи, по его мнѣнію, можно говорить только тамъ, гдѣ правитель обладаетъ «монополіей говорить съ людьми именемъ Божества, гдѣ его миссіей регулируется *вся* жизнь подвластныхъ ему людей. Изъ сопоставленія ислама съ христіанствомъ, которое, по мнѣнію г. Герье, «не благопріятствовало развитію теократіи на его почвѣ», критикъ выводитъ еще слѣдующіе признаки, опредѣляющіе понятіе теократіи: божественность (?) правителя, божественность закона, божественность цѣли, преслѣдуемой государствомъ (стр. 537). Словомъ, профессоръ Герье соединяетъ въ одно опредѣленіе не только общіе родовые признаки, свойственные всѣмъ теократіямъ, но и признаки видовые, присущіе нѣкоторымъ только теократіямъ и съ этой точки зрѣнія формулируетъ свои возраженія: такъ какъ императоры священной римской имперіи никогда не присвоивали себѣ «монополіи говорить съ людьми именемъ Божества», такъ какъ религіозною миссіей императора, очевидно, не регулировалась *вся* жизнь подвластныхъ ему людей, такъ какъ въ священной римской имперіи среднихъ вѣковъ отсутствуютъ многіе характерные признаки ислама, то уважаемому историку легко доказывать, что она и вовсе не была теократіей.

Общій недостатокъ всѣхъ слишкомъ узкихъ опредѣленій заключается въ томъ, что они доказываютъ слишкомъ много; врядъ ли можно найти много формъ политическаго и общественнаго устройства, которыя соответствовали бы формулированному профессоромъ Герье опредѣленію теократіи; съ точки зрѣнія этого опредѣленія можно успѣшно доказывать, наприм., что ветхозавѣтный Израиль не былъ теократіей ни въ эпоху царей, ни въ эпоху судей, такъ какъ правители израильскаго народа никогда не присвоивали себѣ «монополіи» говорить съ людьми именемъ Божества; къ тому же, въ ветхозавѣтномъ Израилѣ на-ряду съ властью духовною существовала власть свѣтская; священство здѣсь не поглотило царства, а «при такомъ дуализмѣ,—по мнѣнію профессора Герье,—не можетъ быть настоящей теократіи». Съ этой точки зрѣнія критикъ не можетъ признавать «настоящей теократіей» даже и то, что подавляющимъ большинствомъ историковъ принято называть этимъ названіемъ—средневѣковое папство (В. Е., стр. 535).

Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ и самый споръ между нами утрачиваетъ почву: я никогда не думалъ утверждать, что въ Западной Европѣ въ средніе вѣка существовало что-либо подобное тому, что проф. Герье называетъ теократіей. Говоря о теократическомъ характерѣ средневѣковой имперіи, я разумѣлъ подъ теократіей «общественное устройство, въ которомъ религія владычествуетъ въ гражданской области»; это—то самое опредѣленіе, которое можно найти, наприм., въ *Курсѣ государственной науки*

Чичерина (стр. 122); мнѣ казалось излишнимъ приводить его въ моей книгѣ, потому что я считалъ его ходячимъ, а потому не думалъ, что терминъ «теократія» вызоветъ недоразумѣнія. Данное Чичеринымъ опредѣленіе выведено на основаніи сопоставленія множества конкретныхъ формъ теократіи; оно заключаетъ въ себѣ одни только общіе родовые признаки, свойственные всѣмъ этимъ формамъ и потому представляется методологически правильнымъ; высказанное профессоромъ Герье опредѣленіе не является результатомъ такого сопоставленія, а потому какъ опредѣленіе, такъ и вытекающія изъ него выраженія составляютъ плодъ методологической ошибки.

Тотъ дуализмъ средневѣковаго строя, на который указываетъ профессоръ Герье, вовсе не исключаетъ возможности владычества религіи въ гражданской сферѣ; поэтому господствовавшее въ средніе вѣка раздѣленіе святительской и царской власти не можетъ служить доказательствомъ отсутствія въ средневѣковой Европѣ теократическаго начала. Одинъ изъ лучшихъ государствовѣдовъ XIX столѣтія—Робертъ Мольтке—прямо говоритъ о существованіи теократіи *дуалистическми или смѣшанными*, гдѣ есть «особое мірское правительство для мірскихъ дѣлъ и особое управленіе религіозными дѣлами»; о теократіи въ этомъ смыслѣ, по мнѣнію того же ученаго, можно говорить при томъ условіи, если «обѣ власти соединены однимъ и тѣмъ же божественнымъ закономъ и обѣ основаны на томъ же божественномъ авторитетѣ» (*Робертъ Мольтке: Энциклопедія государственныхъ наукъ*, пер. Попова, стр. 76). Въ этомъ смыслѣ Мольтке говоритъ о христіанской теократіи (стр. 249). По мнѣнію профессора Герье, «католицизмъ и папство представляютъ собою скорѣе *іерократію*, чѣмъ теократію, владычество духовенства надъ мірянами, а не единого боговластія въ мірѣ». Я ничего не имѣю противъ термина «іерократія» въ примѣненіи къ средневѣковому папству; ясно, однако, что іерократія—не болѣе какъ разновидность теократіи: ибо духовенство можетъ господствовать надъ мірянами только во имя той религіозной идеи, которую оно представляетъ; папы считали себя управомоченными владычествовать надъ міромъ въ качествѣ представителей Бога на землѣ. Въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, іерократія представляетъ собою тотъ видъ теократіи, гдѣ *религіозная идея владычествуетъ надъ міромъ черезъ іерархію*. По мнѣнію профессора Герье, теократія вообще не мирится съ духомъ христіанскаго ученія, такъ какъ Христосъ училъ, что «царство Его не отъ міра сего». Вопросъ о вѣрности такого пониманія христіанства не можетъ быть разсмотрѣнъ въ предѣлахъ краткой журнальной статьи; но, во всякомъ случаѣ, если оно даже и вѣрно,—оно нисколько не предрѣшаетъ въ вопросѣ о теократическомъ характерѣ папства и имперіи среднихъ вѣковъ, такъ какъ между ученіемъ Христа и средневѣковымъ католицизмомъ есть глубокія, существенныя различія.

Мнѣ нѣтъ надобности разсматривать всѣхъ тѣхъ доводовъ, которыми профессоръ Герье доказываетъ, что священная римская имперія среднихъ вѣковъ не была теократіей; все то, что онъ говоритъ по этому поводу, истекаетъ изъ слишкомъ узкаго опредѣленія этого понятія, въ силу коего

о существованіи «настоящей теократіи» въ средневѣковой Европѣ вообще *речи быть не можетъ*: разъ мы устранили это опредѣленіе, которое составляетъ основное предположеніе всей аргументаціи уважаемаго критика, дальнѣйшій споръ между нами становится безпредметнымъ.

Изъ всѣхъ возраженій профессора Герье мнѣ остается только отвѣтить на упрекъ въ несправедливой оцѣнкѣ западной исторіографіи. При этомъ случаѣ я не могу не пожалѣть о томъ, что для характеристики моей оцѣнки западной исторіографіи г. Герье воспользовался только двумя страницами моего предисловія, между тѣмъ какъ указанія на крупныя заслуги такихъ изслѣдователей, какъ Гаукъ, Мирбоъ, Гизебрехтъ, Мейеръ фонъ-Кюнау, Брайсъ, Эйкенъ и множество другихъ, разсыяны въ изобиліи во множествѣ мѣстъ моей книги. Я позволилъ себѣ сказать, что, несмотря на эти почтенныя заслуги, интересы вѣроисповѣдныя и національныя оказали свое вліяніе на оцѣнку основъ папства и имперіи западными изслѣдователями, вслѣдствіе чего эта оцѣнка не можетъ быть цѣликомъ принята. Отсюда далеко до приписываемой мнѣ мысли, будто «нѣмцы не дошли до пониманія историческаго величія папства». Вообще мнѣ чуждо то высокомѣрное отношеніе къ западной исторической литературѣ, въ которомъ упрекаетъ меня уважаемый критикъ; въ частности мнѣ никогда не приходила въ голову мысль, будто вся германская историческая литература состояла изъ произведеній тенденціозныхъ; вѣдь вліяніе интересовъ вѣроисповѣдныхъ и патріотическихъ можетъ сказаться даже на трудахъ историковъ, которые всячески стараются избѣгнуть этого вліянія и быть виѣспартійными. Къ счастью, мнѣ въ данномъ случаѣ и не нужно доказывать высказаннаго мною, такъ какъ это уже раньше меня сдѣлано другимъ русскимъ изслѣдователемъ *). Вести этотъ споръ въ настоящее время представляется нецѣлесообразнымъ еще и по другой причинѣ: вопросъ о недостаткахъ западной исторіографіи играетъ въ моей книгѣ самую второстепенную роль, а въ интересахъ защищаемыхъ мною положеній я долженъ, напротивъ того, выдвинуть на первый планъ заслуги такихъ изслѣдователей, какъ, наприм., Бернгеймъ, коего статья о вліяніи Августина на политическое міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ представляетъ солидную опору для высказаннаго мною по этому предмету.

Точно также было бы нецѣлесообразно и несправедливо умалчивать здѣсь о заслугахъ моихъ русскихъ предшественниковъ, въ числѣ коихъ профессоръ Герье занимаетъ видное мѣсто: нѣсколько лѣтъ тому назадъ уважаемый историкъ напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* рядъ прекрасныхъ статей о средневѣковомъ міровоззрѣніи, въ коихъ онъ проводилъ воззрѣнія диаметрально противоположныя тѣмъ, которыя высказываются имъ въ настоящее время. Въ 1891 году онъ называлъ средневѣковыхъ папъ и монаховъ «великими зодчими средневѣковой теократіи» (*Вѣстн. Евр.*, январь

*) См. прекрасную характеристику западной исторіографіи въ трудѣ г. Вязигина. *Личность и значеніе Григорія VII въ западной исторической литературѣ*. П., 1892 г. На это сочиненіе я ссылаюсь въ предисловіи къ моей диссертаціи, стр. VI—VII.

1891 г., стр. 177), видѣлъ въ теократіи ту цѣль, къ которой стремились «поборники аскетизма и іерархіи» (тамъ же, стр. 175); двѣ его статьи объ Иннокентіи III носятъ характерное заглавіе — *Торжество теократическаго начала на Западѣ* (В. Е., январь и февраль 1892 г.); теперь, напротивъ, говоря о дуализмѣ средневѣкового строя, тотъ же авторъ находитъ, что «при такомъ дуализмѣ не могло быть настоящей теократіи»; стало быть о «торжествѣ» теократическаго начала на Западѣ уже не можетъ быть и рѣчи. Въ 1891 году В. И. Герье пишетъ о той колоссальной борьбѣ, «которую ведутъ въ мірѣ поборники аскетизма и іерархіи, чтобы общими силами установить надъ нимъ торжество теократіи и подчинить средневѣковому міровоззрѣнію всѣ области духа и жизни — государство, общественное устройство, семью, право, экономическую жизнь, литературу и науку» (В. Е., янв. 1891 г., стр. 175); теперь онъ думаетъ, что папы «никогда не требовали подчиненія всей гражданской и политической жизни церковному началу» (В. Е., августъ 1898 г., стр. 535).

Раньше профессоръ Герье утверждалъ, что идея «божескаго царства» лежитъ въ основѣ средневѣкового міровоззрѣнія, что эта идея составляетъ тотъ источникъ, изъ котораго вытекаетъ какъ аскетическій идеалъ, такъ и стремленіе папъ къ міровому владычеству (В. Е., январь 1891 г., стр. 174, 175, 177; январь 1892 г., стр. 29, 30), онъ думалъ, что эта идея, которая была «душою монашества и папства» (В. Е., февраль 1891 г., стр. 751), впервые получила свое логическое развитіе и «теоретическую формулу» въ трактатѣ Августина—«*De Civitate Dei*» (В. Е., янв. 1891 г., стр. 177). Теперь, когда я высказалъ въ моемъ сочиненіи, что этою идеей вдохновлялся одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ папъ, профессоръ Герье находитъ на этомъ основаніи «анахронизмъ и недоразумѣніе» въ основной мысли моей книги.

Сущность средневѣковаго міровоззрѣнія и политическаго строя осталась въ 1898 году таковою же, какою она была и въ 1891 г. За то въ воззрѣніяхъ профессора Герье совершился полный переломъ: полемизируя противъ основныхъ положеній моей книги, онъ оказался вынужденнымъ отречься отъ тѣхъ самыхъ началъ, которыя онъ раньше проводилъ и высказывалъ въ качествѣ историка средневѣковаго міровоззрѣнія; какъ критикъ, онъ является въ роли моего литературнаго противника; за то, какъ историкъ, онъ служитъ мнѣ надежнымъ и цѣннымъ союзникомъ.

Кн. Евгеній Грубецкой.

Чего недостаетъ нашей благотворительности?

I.

Весьма многого, конечно, но прежде всего самого главнаго—тѣснаго *непосредственную* и братскаго общенія между помогающимъ и вспомошествоемымъ. Только въ немъ, въ этомъ тѣсномъ непосредственномъ и братскомъ общеніи загорается очагъ, согревающий сердца и мощнымъ пламенемъ истребляющій холодъ, рутину, равнодушіе, бюрократизмъ и тому подобные бичи и тормозы благотворенія. «Посѣтитель бѣдныхъ,—говорилось въ отчетѣ о международномъ благотворительномъ конгрессѣ 1889 г. въ Парижѣ,—есть необходимый и въ то же время *самый чувствительный* органъ благотворенія». Надо *видѣть* страданіе во-очію, влагать персты свои въ открытыя язвы, чтобы проникнуться тою благословенною жалостью, изъ которой рождается всемогущая, спасительная, дѣятельная любовь. «Всякая психическая дѣятельность, какова бы она ни была, вызывается какимъ-либо возбужденіемъ,—говоритъ Кавелинъ въ «Задачахъ этики». Чтобы сдѣлать добро, надо полюбить; чтобы полюбить, надо сжалиться; чтобы сжалиться, надо *увидѣть*. Вотъ лѣстница, ступени которой сложены природою человѣка и такъ высоки, что нельзя шагнуть на послѣднюю, верхнюю, минуя три первыхъ внизъ. Организация современной благотворительности полагаетъ это возможнымъ, а потому—

„Намъ суждены лишь благіе порывы,
Но свершить ничего не дано“...

Одно дѣло—выслушать, украдкой взглядывая на часы, монотонный докладъ комитетскаго секретаря о бѣдственномъ положеніи семьи NN, и совсѣмъ другое дѣло—навѣстить этого NN, разбитаго параличомъ, окруженнаго голодающею семьей, въ нетопленномъ и грязномъ подвалѣ. Одно дѣло—проставить цифру и свою фамилію на подписномъ листѣ Краснаго Креста, напริมѣръ, справившись лишь о томъ, сколько подписали А или Б («меньше дать неловко»), и совсѣмъ другое дѣло—отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, видѣть страданія и болѣзнь на-лицо, утѣлять ихъ и ловить благодарную улыбку на поблекшихъ устахъ. Въ первыхъ

случаяхъ стимулируетъ чувство долга, холодное и сухое, да и то рѣдко; обыкновенно здѣсь орудуютъ декорумъ, обычай, тщеславіе, расчетъ—это, такъ сказать, *заочная* благотворительность, безличная и безцвѣтная. А она-то у насъ и главенствуетъ.

Мы видимъ роскошныя образцовыя больницы, пріюты-дворцы, общества съ громкими цѣлями въ своихъ уставахъ и съ громкими именами въ своихъ членскихъ спискахъ, но мы почти не видимъ между ними «добраго самарянина», и лишь съ вдохновенныхъ страницъ Новаго Завѣта, да въ години тяжкихъ народныхъ испытаній рисуется нашему оку его животворяще-трогательный образъ. Только въ самое послѣднее время въ организуемыхъ кое-гдѣ участковыхъ попечительствахъ о бѣдныхъ и обществахъ защиты дѣтей мы встрѣчаемся съ благотворительностью иного типа,—съ благотворительностью добраго самарянина, или, вѣрнѣе, приближаемся къ ней.

А между тѣмъ этотъ возрождающійся типъ благотворенія обладаетъ большими преимуществами, не требуетъ крупныхъ денежныхъ жертвъ и главною своею задачею ставить *личную* помощь бѣднымъ *на дому*. Въ отчетѣ Пречистенскаго попечительства за 1890 г. мы находимъ въ этомъ отношеніи слѣдующія указанія: «Съ самаго открытія Пречистенскаго городского попечительства, дѣятельность его главнымъ образомъ направлялась на оказаніе помощи нуждающимся на дому. Такъ было до возникновенія въ попечительствѣ учреждений *)», о которыхъ только что говорилось, такъ продолжалось дѣло и послѣ возникновенія учреждений, хотя, благодаря имъ, помощь на дому нѣсколько и сократилась. Попечительство имѣетъ въ виду и дальнѣйшее развитіе вышеназванныхъ учреждений, но несомнѣнно, что и въ будущемъ *самою значительною, наиболее важной по сущности и наиболее характерной* отраслью ея дѣятельности должна остаться постоянная и временная помощь бѣднымъ на дому. На этого рода помощь направлены усилія всѣхъ заведующихъ участками и многочисленныхъ сотрудниковъ попечительства».

II.

Было время сравнительно не очень далекое, когда судили и осуждали человѣка, знакомились со свидѣтельскими показаніями и иными доказательствами, въ глаза не видавши ни подсудимаго, ни свидѣтелей, ни иныхъ доказательствъ. Передъ судьями лежали груды исписанныхъ бумагъ, разсматриваемыхъ при запертыхъ дверяхъ. Ни защитника, ни присяжныхъ представителей общественной совѣсти не существовало, и судьбой дѣла распоряжался лихоимецъ-секретарь. Все живое, все человеческое останавливалось у порога этихъ навсегда и для всего замкнутыхъ дверей, а если иногда случайно и проникало далѣе, то для того лишь, чтобы замереть

*) Общественнаго призрѣнія.

въ «особомъ мнѣніи» на этомъ кладбищѣ «правды и милости». Но насталъ день, когда «правда и милость» были призваны «царствовать въ судахъ», и теперь были времена кажутся намъ страшнымъ, подавляющимъ кошмаромъ.

Актъ общественнаго благотворенія—тотъ же судебный актъ: мы выслушиваемъ жалобу, провѣряемъ ее дознаніемъ и взвѣшиваемъ всѣ обстоятельства дѣла на судѣ, гдѣ защитникомъ является сердце, а разумъ «по убѣжденію совѣсти» постановляетъ приговоръ—удовлетворить ли жалобу, или отказать истцу милосердія. Какъ и въ судебномъ дѣлѣ, тутъ необходимы «правда и милость»—эти первые и великіе моторы рѣшенія. Необходимы устность и гласность—его надежнѣйшія орудія; необходима наличность подсудимаго, и нетерпимы заочная канцелярщина и убивающій жизнь бюрократизмъ.

Наше благотворительное законодательство въ настоящее время пересматривается, и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ законопроектъ объ организаціи общественнаго призрѣнія, главная роль въ которомъ предназначается земскому и городскому самоуправленію. Это обстоятельство въ связи съ часто повторяющимися за послѣднее время голодовками, безработицей и быстро растущимъ вслѣдствіе того нищенствомъ—явленіями, сопутствуемыми съ другой стороны послѣдовательнымъ оскудѣніемъ пожертвованій, вещественныхъ и неимущественныхъ,—выдвигаетъ вопросъ о той или иной организаціи благотворенія на первый планъ и невольно обращаетъ мысль не только къ устраненію недостатковъ въ существующей системѣ и формахъ дѣла, но и къ оживленію и развитію его *основного фактора*—альтруистическихъ чувствъ и этическихъ началъ въ дѣятеляхъ благотворенія—началь, живыхъ пока въ исчезающемъ старомъ поколѣніи и оскудѣвающихъ или ниспровергаемыхъ въ молодомъ.

Пожелаемъ же, чтобы гуманные и жизненные принципы, руководившіе незабвенныхъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, легли въ основу предстоящаго пересмотра,—желаніе легко исполнимое какъ въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, такъ и въ дѣлѣ личнаго непосредственнаго благотворенія, законы котораго, разъ навсегда данные природою человѣка и начертанные не въ уставѣ, а въ сердцѣ его, нуждаются не въ пересмотрѣ, а въ *распространеніи* ихъ живительнаго воздѣйствія съ одной стороны и ихъ возможнаго *единенія* со сферой общественнаго призрѣнія—съ другой.

III.

И въ жизни, и въ отражающей ее литературѣ мы находимъ не мало примѣровъ такого живительнаго воздѣйствія. Въ нихъ первымъ условіемъ успѣха является, такъ сказать, осязаемость чужого горя.

«Добрый самарянинъ» спасъ умирающаго, ограбленнаго и израненнаго

разбойниками путника, потому что *увидалъ и сжался*, какъ учить насъ евангельское о немъ сказаніе.

Докторъ Гаазъ былъ постояннымъ и желаннымъ гостемъ въ больницахъ, тюрьмахъ и жилищахъ, наполненныхъ горемъ, болѣзнями и нищетой. Тамъ черпалъ онъ ту святую, небывалую энергію, которая помогала ему бороться съ чиновниками въ разныхъ комитетахъ и комиссіяхъ и склоняла его старческія колѣна передъ сильными міра сего въ молебъ за несчастныхъ и забытыхъ братьевъ своихъ.

Сколько хватающихъ за душу картинъ, образовъ и положеній далъ читателю Л. Н. Толстой, *самолучно* помогавшій голодающимъ и участвовавшій въ переписи народонаселенія Москвы. Онъ самъ, по собственному признанію, «заражался любовью» и заразилъ ею другихъ, собравъ вокругъ своего дѣла цѣлую армію послѣдователей и богатую казну денежныхъ жертвъ изъ Европы и Америки. Но и великій писатель, обладающій великою душою, нуждался, однако, во внѣшнемъ впечатлѣніи, вызывающемъ дѣятельность добра. Въ книгѣ о немъ, составленной А. Серонъ, проживавшей въ семействѣ графа и, по ея словамъ, «цѣлые годы съ интересомъ и любовью слѣдившей за нимъ», приведенъ, между прочимъ, слѣдующій случай: «Однажды кто-то разсказалъ о томъ, что въ больницѣ умеръ одинокій, покинутый мальчикъ, который передъ смертью просилъ больничнаго сторожа поцѣловать его. Это потрясло графа и его лицо выразило страданіе. Вообще,—продолжаетъ г-жа Серонъ,—у него бывали минуты, когда онъ, повидимому, близко принималъ къ сердцу всѣ людскія горести и страданія, *но всегда это являлось послѣдствіемъ какого-нибудь личнаго впечатлѣнія*» (стр. 193).

Знаменитая эльберфельдская система служить образцомъ благотворительной организаціи потому, что основую ея является принципъ индивидуализаціи, непосредственного общенія, и каждый изъ ея дѣателей всесторонне и наперечетъ *знаетъ* всѣхъ своихъ кліентовъ.

Въ этомъ общемъ законѣ, какъ и всюду, встрѣчаются исключенія, но они въ счетъ не идутъ, потому что въ данномъ вопросѣ благотворительность достигаетъ цѣли, отправляясь не отъ центра къ окружности, а наоборотъ—отъ окружности къ центру, и потому нуждается въ очень широкомъ контингентѣ дѣателей съ наивозможно меньшими подвѣдомственными районами.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ фактическихъ примѣрахъ рѣзко отражается та существенная грань, которая отдѣляетъ область личнаго благотворенія отъ области общественнаго призрѣнія и напоминаетъ собою ту разницу, которая существуетъ между винограднымъ виномъ, разбавленнымъ водою, но предлагаемымъ цѣлой толпѣ жаждущихъ, и чистымъ, безъ всякой примѣси, винограднымъ сокомъ, собраннымъ самимъ хозяиномъ и распиваемымъ имъ лишь съ нѣсколькими друзьями.

IV.

Да не подумаетъ читатель, что, говоря такъ, я исключительно ратую за патріархальную, стародавнюю форму личной милостыни и отрицаю или нетвердо вѣрую въ насущность и цѣлесообразность общественнаго призрѣнія, хотя бы и въ государственной его организаціи. Далеко нѣтъ: я хочу только указать, что въ переходной эволюціи отъ этой примитивной библейской формы благотворенія къ ея теперешней государственной и общественной организаціи мало-по-малу утрачивался тотъ жизненный и естественный элементъ личнаго благотворенія, о которомъ говорено было выше. Кавелинъ въ «задачахъ этики» между прочимъ отмѣчаетъ, что развитіе объективной общественной дѣятельности совершалось въ ущербъ развитію субъективной (нравственной) личности отдѣльнаго человѣка. Тотъ же самый процессъ наблюдается и въ переходной эволюціи благотворенія отъ ея первичной формы къ формѣ общественнаго призрѣнія.

Въ этой эволюціи остывало и черствѣло сердце человѣка. Помогавшій все дальше и дальше отодвигался отъ вспомоствуемаго, и теперь между ними, рядомъ послѣдовательныхъ наслоеній, взгромоздилась глухая стѣна изъ комитетовъ, приказовъ, протоколовъ, лоттерей, базаровъ, гуляній и тому подобныхъ неизбѣжныхъ аксессуаровъ современной благотворительности. Благотворитель надѣлъ мундиръ, обвѣшался знаками отличія и, вдали отъ страждущихъ братьевъ о Христѣ, дремлетъ въ спокойныхъ креслахъ роскошной залы благотворительныхъ засѣданій.

Благотворительность дамъ-патронессъ, благотворительность «высшаго круга», вообще, ограничивается обыкновенно членскими взносами и мимо-летними посѣщеніями пріутовъ, богадѣленъ и засѣданій. Цѣлый рядъ тѣхъ или иныхъ посредниковъ стоитъ между благотворящимъ и вспомоствуемымъ. Они не видятъ другъ друга, даже не знаютъ другъ друга. Невѣдомый благотворительницѣ ребенокъ принимается въ пріютъ не потому, что онъ безпріютенъ, а потому, что за него просятъ князь Н. или графиня Т.; а между тѣмъ у невѣдомой патронессѣ «бѣдной» вдовы, матери принятаго ребенка, изрядный капитадецъ на текущемъ счету въ банкѣ, да дочь въ ресторанномъ хорѣ, благотворящая какимъ-нибудь любителемъ пѣнія. И только въ средѣ интеллигентнаго труженичества на пользу народа, да между крестьянами захолустныхъ деревень можно наблюдать примитивную форму личнаго благотворенія. Сельская учительница покормитъ своихъ наголодавшихся дома учениковъ и пригрѣетъ ихъ въ своей нетопленной каморкѣ нѣжной материнской лаской. Крестьянинъ пришлетъ дровъ или молока сосѣдней семьѣ, гдѣ мужъ «помутился въ разсудкѣ», баба хорошая, но хворая, много ребятъ и ни одной коровы. Онъ поможетъ ей въ покосъ или въ страдную пору, приславъ своего парня или молодуху; онъ отрѣжетъ ломоть отъ иногда послѣдняго въ домѣ хлѣба нищенкѣ, робко постучавшейся у окна. Онъ поступаетъ такъ, пока не разбогатѣетъ и не превратится въ кулака-мироѣда, обособившись отъ міра въ своихъ новыхъ

хоромахъ подъ жалѣзною крышей съ флюгерками. Впрочемъ, и здѣсь бываютъ исключенія: я зналъ, напримѣръ, одного крестьянина изъ бѣдной малоземельной деревни, способнаго и трудолюбиваго. Онъ переселился въ городъ, скопилъ тамъ деньги, завелъ собственную фабрику и разбогатѣлъ; но не забылъ своихъ, утѣсненныхъ на «нищенскомъ надѣлѣ», однодеревенцевъ: скупилъ сосѣднія земли, выстроилъ школу и подарилъ все это родной деревнѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, сохранившихъ добрыя традиціи бывшихъ временъ, и благотворитель, и благотворимый—близкіе другъ другу люди; помощь здѣсь идетъ прямо къ цѣли, никогда не ошибается и никогда не забывается.

У.

Жизнь съ ея задачами и запросами до безконечности разнообразна,—это знаетъ и понимаетъ каждый, но лишь немногіе сознаютъ, что втискивать ее въ тѣ или инныя формы и гнать вонъ изъ другихъ—дѣло пустое и опасное. Развѣ дѣло личнаго непосредственнаго благотворенія, напримѣръ, можетъ чѣмъ-нибудь мѣшать дѣлу общественнаго призрѣнія? Оно будетъ, положимъ, мозолить глазъ прямолинейнаго организатора, дѣйствующаго по окаменѣлымъ параграфамъ регламента, по отмежеваннымъ рубрикамъ и разграфленнымъ таблицамъ, но зато человѣкъ, не застывшій еще въ этихъ рубрикахъ и таблицахъ, очистится въ немъ и облагородится самъ, и плодотворна будетъ жертва его, потому что только тотъ, повторяю, кто видѣлъ горе и нищету, можетъ бороться съ ними не картоннымъ, а настоящимъ, острымъ мечомъ,—бороться и въ одиночку, и въ коопераціи. Между тѣмъ въ этой коопераціи пока такъ много, къ сожалѣнію, разновидностей, для идеи задачи совершенно неожиданныхъ: благотворители-карьеристы, благотворители-гешефтиахеры, благотворители-«нараву морю не препятствуй» и даже благотворители, предусмотренные Уложеніемъ о наказаніяхъ (игуменья Митрофанія, Наталья Булахъ, городской голова Рыковъ и другіе). Всѣ такіе благотворители живутъ въ холѣ и довольствѣ, чужой бѣды и чужого горя и въ глаза не видали, и благотворятъ-то они единственно для собственного благополучія. Дѣло же личнаго благотворенія, истинное, сердечное, ради самого себя избранное, тѣмъ въ особенности и дорого, что благотворить не одному только вспомошествовавшему, нравственно воскрешая угнетенный духъ его, но и самому благотворящему: оно расширяетъ его умственный кругозоръ, знакомя съ изнанкою социальнаго быта; оно размягчаетъ его сердце, даритъ высшею наградою—счастьемъ за чужое счастье, имъ самимъ созданное, сладкимъ сознаніемъ плодотворно-исполненнаго долга и воспитываетъ въ немъ гражданина въ высшемъ, человѣчнѣйшемъ значеніи этого слова. Здѣсь, и только здѣсь, въ этомъ nobisъ созданномъ и человѣку указанномъ общеніи растетъ, ширится и крѣпнеть сила, подобно вѣрѣ «сдвигающая горы»,—благодатная

сила сердца человеческого. Значеніе личнаго благотворенія превосходно выяснено въ книгѣ барона де-Жерандо *Посѣтитель бѣдныхъ*, изданной во Франціи еще въ 1820 году, обратившей на себя всеобщее вниманіе и во многомъ измѣнившей существовавшій взглядъ на благотворительность. Это сочиненіе было написано на тему, заданную лондонской академіей: «указывать средства къ распознаванію дѣйствительной нищеты и путь, по которому должна слѣдовать благотворительность, чтобы оказываемая помощь принесла пользу тѣмъ, кому она оказывается, а также и тѣмъ, кто ее даетъ». Авторъ приходитъ къ выводу, что «благотворители должны лично изслѣдовать положеніе нуждающихся: «единственное средство отличить дѣйствительную нужду отъ кажущейся,—это свой глазъ, который видитъ, и доброе сердце, которое подсказываетъ рѣшеніе и направляетъ руку». Кромѣ первоначальнаго ознакомленія съ бѣдными, де-Жерандо требуетъ отъ посѣтителя бѣдныхъ постоянного активнаго участія въ жизни тѣхъ бѣдныхъ людей, которые взяты имъ подъ свою опеку. «Бѣдные не просятъ у васъ милостыни,—говоритъ намъ авторъ,—но дѣятельнаго и дѣйствительнаго участія и попеченія о нихъ. Они вовсе не желаютъ получать отъ васъ небрежныя подачки, но трогательно обращаются къ вашему личному участію, становясь подъ ваше покровительство. Если каждому изъ добровольныхъ опекуновъ сямъ удастся выполнить свою роль и честно исполнить свои обязанности относительно этой семьи, въ той скромной сферѣ, въ которой онъ призванъ работать, мы можемъ считать, что цѣль наша достигнута. Но если богатые могутъ быть столь полезны бѣднымъ, то эти же богатые, въ свою очередь, могутъ иногда заимствовать нѣчто и поучиться чему-нибудь у бѣдняковъ: часто подъ лохмотьями нищеты можно встрѣтить болѣе дѣйствительной добродѣтели, нежели та, которую восхваляютъ свѣтъ. Во всякомъ случаѣ бѣдняки часто могутъ дать намъ великій урокъ въ жизни. Мы можемъ поучиться у нихъ умѣнью терпѣть, страдать и умирать».

Развѣ такое дѣло можетъ мѣшать дѣлу общественнаго призрѣнія, или вообще чему-либо, или кому-либо?!... А, между тѣмъ, сколько препонъ, безконечныхъ проволочекъ и сторожевыхъ шлагбаумовъ, иногда совершенно неодолимыхъ, разставлено на этомъ, и безъ того усеянномъ терніями, пути, сколько погубило добрыхъ начинаній, сколько дѣятелей устраниено отъ дѣла!

Много уже лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда московское общество попеченія о немущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ возбудило ходатайство о выдачѣ членамъ его открытыхъ листовъ для посѣщенія мѣстныхъ ремесленныхъ заведеній, въ которыхъ работаютъ малолѣтніе ученики. Сначала обществу было поставлено на видъ, что подобное посѣщеніе нежелательно, такъ какъ при этомъ могутъ возникнуть столкновенія съ фабричной инспекціей. На это общество отвѣтило, что фабричной инспекціи подчинены лишь нѣкоторые и очень немногія заведенія, а 'о какихъ-либо столкновеніяхъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ по уставу чле-

ны общества *лишь сообщаютъ* подлежащимъ властямъ объ обнаруженной ими незаконной эксплуатаціи дѣтей, не предпринимая сами никакихъ самостоятельныхъ мѣръ. Тогдашняя фабричная инспекція очень сочувственно отнеслась къ этому почину, видя въ немъ прекрасное содѣйствіе къ исполненію своихъ обязанностей; точно такъ же отнесся къ дѣлу мѣстный прокурорскій надзоръ, и лишь *Московскія Вѣдомости* усмотрѣли въ починѣ общества неблагонамѣренное колебаніе основъ. И, несмотря на все это, разрѣшеніе получилось лишь въ маѣ текущаго года, а между тѣмъ въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ ожиданія, громадный контингентъ страдающаго, и нравственно и физически, дѣтства изнурялся противозаконно долгою работою, развращался, избивался и оставался безъ всякой защиты, безъ всякаго надзора, причѣмъ общество до сихъ поръ было лишено возможности осуществить самое главное и самое симпатичное изъ предоставленныхъ ему уставомъ правъ. Въ книгѣ извѣстнаго защитника дѣтства И. М. Радецаго *За дѣтей* (сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ призрѣнія и защиты молодого поколѣнія), мы, между прочимъ, знакомимся съ слѣдующимъ возмутительнымъ фактомъ. Обозрѣвая мѣстные ночлежные пріюты и разнаго рода притоны въ городѣ Одессѣ съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ брошенныхъ и находящихся въ нихъ дѣтей, г. Радецкій обнаружилъ при одномъ ночлежномъ домѣ притонъ воровской школы. «На чердакѣ, въ небольшой, въ два съ половиною аршина вышины, почти совершенно темной, грязной, холодной конурѣ, на гнилой соломѣ и такихъ же тѣфякахъ, лежали, въ день перваго посѣщенія, тридцать два изможденныхъ, холодныхъ, голодныхъ существа, отъ 6 до 16-лѣтняго возраста. Большинство изъ нихъ оказалось буквально голыми (безъ рубашекъ и брюкъ), нѣкоторые были въ однихъ рубашкахъ, другіе въ однихъ штанишкахъ, а нѣкоторые въ страшно-грязныхъ рубашкахъ. Вся эта неимоверная картина освѣщалась слабымъ свѣтомъ маленькой, коптѣвшей лампочки. Въ тущобѣ положительно невозможно было дышать». Г. Радецкій тотчасъ же накормилъ истощенныхъ продолжительнымъ голоданіемъ ребятъ, разиѣстилъ ихъ, гдѣ и какъ могъ, одѣлъ и, пригласивъ знакомаго фотографа, снялъ всю группу. Я видѣлъ эту фотографію: она производитъ потрясающее впечатлѣніе, наглядно свидѣтельствуя о всемъ ужасѣ вырожденія, заброшенности и испорченности, запечатлѣнныхъ на лицахъ и фигурахъ этихъ полудѣтей-полузвѣрей. Громче и убѣдительнѣе любой проповѣди зоветь она зрителя на борьбу со злѣйшимъ изъ общественныхъ недуговъ—гибелью будущихъ поколѣній, зоветь не на помощь только, а на спасеніе погибающаго дѣтства, и г. Радецкій поступилъ вполне дѣлесообразно, предъявляя эту фотографію на своихъ публичныхъ лекціяхъ. И что же? Первымъ возсталъ противъ этого прекраснаго приѣма одинъ изъ видныхъ мѣстныхъ дѣятелей благотворенія, усмотрѣвъ въ данномъ случаѣ недостойную дѣла рекламу, а мѣстная полиція поспѣшила конфисковать негативы, снимки и прочіе слѣды работы. Хозяину же фотографіи, снимавшему группу, пришлось испытать много непріятностей...

Съ тѣмъ же г. Радецкимъ былъ еще болѣе замѣчательный случай. «Въ 1875 году,—пишетъ онъ въ своей книгѣ,—будучи 22-лѣтнимъ, здоровымъ юношей, я былъ насильно, коварнымъ образомъ, заключенъ въ домъ умалишенныхъ (въ которомъ пробылъ около трехъ недѣль) за то, что защищалъ открыто и энергично беззащитныхъ дѣтей и выѣшивался въ дѣйствія полицейскихъ чиновъ, обижавшихъ несчастныхъ. Полиція неоднократно привлекала меня къ ответственности у мировыхъ судей «за вмѣшательство», но мировые судьи всегда оправдывали меня, почему и было рѣшено схватить меня ночью на улицѣ и заключить въ психіатрическую больницу... Полицейскіе *отомстили* мнѣ жестоко».

Аналогичный инцидентъ имѣлъ мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ одно чело-вѣколюбивое семейство было привлечено къ уголовной ответственности только за то, что прикрѣвало въ своей квартирѣ бродячихъ, безпріютныхъ, съ улицы поднятыхъ дѣтей. Читатель, вѣроятно, помнитъ этотъ единственный въ своемъ родѣ процессъ, комментированный во всѣхъ журналахъ и газетахъ.

Трудно дѣйствовать личной благотворительности въ средѣ, гдѣ милосердіе, сумасшествіе и преступленіе—синонимы.

Сколько затѣмъ мытарствъ стоятъ на пути открытія народныхъ библиотекъ и бесплатныхъ чталенъ, сколько справедливыхъ и неудовлетворенныхъ сѣтованій и жалобъ приходится читать и выслушивать отъ самоотверженныхъ подвижниковъ народнаго просвѣщенія—этихъ первыхъ благотворителей народа. Но этого мало: для того, напримѣръ, чтобы открыть столовую и *накормить* *голодныхъ* требуется «разрѣшеніе», т.-е. неоднократное хожденіе по разнымъ инстанціямъ, чтобы «выправить бумагу»... а затѣмъ?—вѣдь неблагонамѣренныя щи или каша, колеблющая основы, могутъ существовать лишь въ самомъ пылкомъ и напуганномъ воображеніи.

Сколько, наконецъ, аналогичныхъ случаевъ остаются въ неизвѣстности, какъ «дѣла, гласа о себѣ не имѣющія».

Рядомъ съ этими непостижимымъ преслѣдованіемъ извнѣ идетъ и домашняя междоусобица внутри.

Я не могу понять, напримѣръ, чего ради съ давнихъ поръ ведется споръ между сторонниками двухъ системъ призрѣнія покинутыхъ дѣтей: 1) въ общественныхъ пріютахъ и 2) въ добропорядочныхъ частныхъ семьяхъ. Обѣ системы хороши, если поставлены правильно и добросовѣстно исполняются, каждая имѣетъ свои достоинства и свои недостатки, высказаться безусловно за предпочтеніе одной изъ двухъ невозможно: въ иныхъ мѣстностяхъ успѣшно дѣйствуетъ пріютское призрѣніе, и мало добропорядочныхъ обывателей, готовыхъ принять ребенка на воспитаніе; въ другихъ нѣтъ достаточныхъ средствъ для правильной организаціи пріюта, но много добропорядочныхъ семей, охотно принимающихъ питомцевъ; въ третьихъ обѣ системы могутъ функционировать вмѣстѣ и т. д. Затѣмъ же заводить споръ, который никогда и ничѣмъ, очевидно, кончиться не можетъ; затѣмъ тѣснить

и обособлять жизнь всегда условную, всегда движущуюся, всегда разнообразную, ради той или иной излюбленной теоріи; зачѣмъ тратить время и силы на рѣшеніе несомнѣнно празднаго вопроса; зачѣмъ *ломать* тамъ, гдѣ нужно только *приспособляться*? Вѣдь чѣмъ больше будетъ оборонительныхъ средствъ въ борьбѣ съ горемъ и нуждой, чѣмъ соответственнѣе будутъ эти средства жизненнымъ требованіямъ, чѣмъ разнообразнѣе будетъ выборъ ихъ, тѣмъ лучше, конечно, тѣмъ большая территория зла будетъ отвоевана добромъ. Въ сраженіяхъ нужны и дальнобойныя орудія и карманные револьверы, нужны соменутыя колонны и разсыпной строй, подземныя мины и воздушныя шары, и если мы будемъ палить изъ пушекъ по воздуху и штурмовать крѣпость аэростатами, то толку отъ этого будетъ немного. Здѣсь хорошо одно, тамъ другое, хорошо вмѣстѣ, хорошо и въ разбивку, хорошо и въ тѣхъ или иныхъ сочетаніяхъ: «довлѣетъ дневи злоба его».

Всѣ типы и формы благотворенія такъ тѣсно, такъ органически связаны другъ съ другомъ, что разъединять ихъ, провозглашать тѣ или другія панацеи будетъ дѣломъ по меньшей мѣрѣ непрактичнымъ. Если вы приучите празднующагося попрошайку къ труду, разовьете въ немъ даже трудолюбіе, но не будетъ возможности приложить эти способности къ дѣлу,—всѣ заботы ваши пропадутъ даромъ, и вашъ кліентъ вернется къ тунеядству или сопьется съ кругу; но развѣ это обстоятельство можетъ быть поставлено въ вину системѣ домовъ трудолюбія? Если, не разбирая причинъ обѣднѣнія, обходя нравственное воздѣйствіе на духовную природу просителя, вы снабдите его какими угодно благами, то онъ пропьетъ или промотаетъ полученное, или приучится жить подачками. Слѣдовательно, дѣятельность дома трудолюбія, напримѣръ, не можетъ быть обособлена отъ пріисканія заработка, отъ наблюденія за дальнѣйшимъ существованіемъ выпущенника; общественное и денежное пособіе не можетъ быть обособлено отъ непосредственной личной, не матеріальной уже помощи и т. д. Въ дѣлѣ благотворенія нужно быть, такъ сказать, космополитомъ, не увлекаться теоретическими построеніями, а ближе и внимательнѣе приглядываться къ условіямъ и требованіямъ живой дѣйствительности, и любить свое родимое дѣтище не больше чужого. Къ сожалѣнію, антагонизмъ и легкомысленное соревнованіе не исчезаютъ изъ нашей благотворительной практики, нерѣдко забывающей или превратно толкующей свой основной девизъ: «въ единеніи сила». Да, въ единеніи, но въ единеніи не внѣшнемъ, формальномъ и бюрократическомъ, поглощающемъ свободу личной инициативы (нерѣдко многіе трагично полезные дѣлу люди покидаютъ его только потому, что во главѣ его стоитъ лицо, къ которому они не могутъ относиться съ уваженіемъ и симпатіей), а въ единеніи духовномъ, внутреннемъ, въ единеніи мысли и сердца.

VI.

Я покончилъ съ изложеніемъ враждебныхъ дѣлу благотворительности *внѣшнихъ* условій, но кромѣ нихъ у него имѣются и враги *внутренніе*,

слѣдовательно, еще болѣе страшные, еще труднѣе удалимые. Они завладѣли сердцемъ современнаго человѣка и создали новое міросозерцаніе въ умахъ нашей молодежи. Въ разсмотрѣнію этой скорбной категоріи и переходу теперь.

Начнемъ съ сердца, какъ первоисточника благотворенія.

Каждый органъ человѣческаго тѣла для того, чтобы функционировать правильно, нуждается въ извѣстныхъ упражненіяхъ, разумныхъ, цѣлесообразныхъ и природѣ его соответствующихъ. Пребывая въ покоѣ, или утомляясь нерациональной гимнастикой, органъ перестаетъ функционировать нормально, атрофируется.

Тотъ же законъ природы наблюдается и въ сферахъ ума и чувства. Неработающая или переутомленная голова тупѣетъ, спокойное или порочно волнуемое сердце черствѣетъ и замираетъ, перестаетъ отзываться на тѣ требованія, для которыхъ существуетъ.

Если мы, отправляясь отъ этихъ общихъ началъ, взглянемъ на тѣ условія, среди которыхъ развивается, живетъ и дѣйствуетъ сердце современнаго человѣка, то придемъ къ убѣжденію, что эти условія диаметрально противоположны первѣйшимъ интересамъ благотворенія, главнымъ и естественнымъ двигателемъ котораго и является это сердце.

Кому не извѣстно, что воспитаніе нашего юношества, нагромождая умъ, вѣрнѣе память, знаніями, зачастую ни къ чему не пригодными, совершенно оставляетъ въ сторонѣ сердце. Въ послѣднее время обращено вниманіе на физическое развитіе воспитанниковъ и сокращеніе съ этою цѣлью урочныхъ занятій. Это прекрасно, но, кромѣ здороваго и сильнаго тѣла, міру—«юдоли скорби и плача» нужны еще и отзывчивое сердце, и живая душа, а они въ дѣлѣ воспитанія, попрежнему, остаются въ сторонѣ.

Жизнь послѣ школы еще менѣе благоприятствуетъ ихъ развитію.

Какія дѣла, занятія, помыслы и цѣли наиболѣе и наиглубже владѣютъ теперь большинствомъ нашей досужей интеллигенціи, среди которой благотворительности всего легче и свойственнѣе вербовать своихъ дѣятелей?—Биржа, спортъ, карты и «заботы суетнаго свѣта».

Одинъ съ утра до ночи носится съ своими акціями по конторамъ и маклерамъ. Другой, весь, съ душой и тѣломъ, ушелъ въ свой велосипедъ. Третій день и ночь за картами. Четвертый завелъ такой кругъ знакомства, что на посѣщеніе однихъ только тому или иному «нужныхъ людей», на развозъ карточекъ тамъ, гдѣ «господа не принимаютъ», и пустопорожнюю болтовню тамъ, гдѣ «господа принимаютъ», уходитъ все утро, или, вѣрнѣе, весь день, потому что, возвратясь въ 8 час. вечера, онъ обѣдаетъ, а тамъ—въ клубъ, за желанный зеленый столъ. Пятый, единственный идеалъ котораго въ цирковомъ атлетизмѣ, развилъ свои мускулы до безобразія, больше мычить, чѣмъ говорить, глаза на выкатъ, но обличаютъ лишь отсутствіе какихъ-либо думъ въ наголо выстриженной головѣ и какихъ-либо чувствъ въ колесомъ вынеченной груди. Онъ производитъ странное, жуткое и отталкивающее впечатлѣніе самодвижущагося, лишеннаго души, тѣла, чего-то

вродѣ новомоднаго автомобиля съ смраднымъ керосиновымъ двигателемъ вмѣсто живыхъ коней.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Эти дѣла и заботы, всецѣло поработившія все существо современнаго, «укороченнаго», по мѣткому выраженію А. Ө. Конн, челоуѣка, заслоняютъ ему весь міръ, всю вселенную. Къ тому же и самъ онъ старательно помогаетъ этому процессу, ревниво оберегая себя ото всего, что только можетъ затруднить его голову, разстроить пищевареніе или испортить расположеніе духа. Съ этою цѣлью онъ избѣгаетъ разговоровъ обо всемъ, что не касается его «спеціальности», а того паче—о предметахъ отвлеченныхъ, общественныхъ или «чувствительныхъ», не читаетъ никакихъ извѣстій, трактующихъ о голодѣ, переселенческихъ бѣдствіяхъ, о нуждахъ деревенскаго люда и т. п. (Отчеты о скачкахъ, биржевая хроника, скандалы и сплетни—вотъ все, что ему въ газетѣ нужно). Вѣроятно, приравниваясь къ такому запросу, наша охранительная пресса печатаетъ только благополучныя извѣстія, о неблагополучныхъ же обязательно умалчиваетъ, почему и болѣе любознательные читатели пребываютъ въ блаженномъ, пожалуй, но подложномъ невѣдѣніи. Онъ бѣжитъ прочь отъ всякой чужой бѣды, отъ всякаго чужого горя, если случайно наталкивается на нихъ,—бѣжитъ не потому, что у него отъ этого болитъ сердце, а потому, что подобная встрѣча можетъ испортить ему аппетитъ къ предстоящему вкусноу обѣду. Создавая такимъ режимомъ искусственный покой своему сердцу («нервамъ», какъ любятъ эти господа оправдываться), онъ безжалостно терзаетъ его въ тотализаторѣ или на биржѣ, слѣдя за скачкой «своей» лошади, не поспѣвающей къ старту, или за паденіемъ акцій, которыми набиты его карманы. Высшій даръ Божій, сокровище страждущихъ и обездоленныхъ—сердце челоуѣческое, онъ расходуетъ на скачкахъ, за картами, на биржѣ!

О «душевномъ челоуѣкѣ», о «прекрасной душѣ», объ «отзывчивомъ сердцѣ» говорятъ у насъ какъ объ явленіи исключительномъ, необыкновенно свѣтломъ и отрадномъ, да и говорятъ такъ большею частью надъ могилами, или пишутъ въ некрологахъ, тогда какъ эти свойства должны быть нормой, тогда какъ при жизни покойникъ вѣчно чувствовалъ себя какъ бы въ осадномъ положеніи и трактовался какъ челоуѣкъ «невозможный», «беспокойный», а то и «неблагодѣтельный»!...

Глядя на этихъ «спокойныхъ» людей, нельзя, однако, не изумляться той массѣ энергіи, усидчиваго труда, сердечныхъ эмоцій, терпѣнія и храбрости, какую затрачиваютъ они, совершеннѣйшіе дули въ задачахъ и интересахъ челоуѣчности, для того только, чтобы выиграть сегодня то, что будетъ проиграно завтра, сломать себѣ шею, перескакивая черезъ барьеръ, взять рекордъ, или добиться приглашенія на великосвѣтскій раутъ, гдѣ декоративированныя въ пользу бѣдныхъ дамы и дѣвицы, подъ изящными шатрами, будутъ продавать шампанское по 10 р. за бокалъ,—все, на что можетъ рассчитывать благотворительность въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, обижаться и роптать тутъ не на что: несравненно пріятнѣе,

выгоднее и эффективнее вручить эту десятирублевку хорошенькой продавщице, въ залитой электричествомъ залѣ, среди тропическихъ пальмъ и благовонныхъ фонтановъ, нежели израсходовать ее самолично, незамѣтно, а следовательно и безцѣльно, въ темной и вонючей конурѣ на покупку дровъ, хлѣба и лѣкарства изнывающимъ въ холодѣ, голодѣ и болѣзняхъ, никому неизвѣстнымъ, никому ненужнымъ бѣднякамъ, причѣмъ весьма не мудро и заразиться—не любовью къ страдальцамъ, какъ утверждаетъ Л. Н. Толстой (въ этомъ отношеніи нашъ молодой человѣкъ обладаетъ полнымъ иммунитетомъ), а плебейскимъ тифомъ или всесословнымъ дифтеритомъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ поражаетъ одно и тоже явленіе, дикое и расточительное: приготовленный паръ, вмѣсто того, чтобы двигать поѣздъ, молотъ муку или отоплять жилища, выбрасывается въ пространство, и безъ того задернутое сплошнымъ туманомъ...

Отсюда понятно, почему отъ этихъ «трезвенно-практичныхъ» молодыхъ людей вы никогда не услышите живого слова и не подмѣтите «искры Божіей» на выхоленной физиономіи; съ полнѣйшимъ равнодушіемъ они относятся къ самымъ жгучимъ вопросамъ, и чуть начата при нихъ бесѣда переходитъ на шекотливую тему, тотчасъ же задаютъ стрекача. Въ своихъ отзывахъ о «дѣяніяхъ» того или иного лица они руководятся табелью о рангахъ, откровенно высказываются лишь объ оберъ-офицерскихъ чинахъ, о штабъ-офицерахъ выражаются въ сдержанномъ тонѣ, а о неудобовосхваляемыхъ генералахъ и совсѣмъ умалчиваютъ. Та же градація соблюдается ими и при обсужденіи тѣхъ или иныхъ событій: они экспансивны только въ заурядныхъ мелочахъ. Вообще же они говорятъ тамъ, гдѣ нужно молчать, и молчатъ тамъ, гдѣ нужно говорить.

Здѣсь мнѣ невольно вспоминается анекдотъ, приведенный въ запискахъ моего покойнаго отца о крымской кампаніи (*Русскій Архивъ*, 1891 г., кн. 3):

«Стоялъ на Дунаѣ въ аванъ-постахъ нашъ часовой, и былъ онъ холохъ, и долго всматривался онъ въ часового турецкаго на томъ берегу; наконецъ, вырубилъ огня, закурилъ трубку и такъ адресовался къ нему «Господинъ турка, а чи вы разуміете по-руську?» «Еге»,—отвѣчалъ Некрасовецъ. «А коли знаете, то можно съ вами и побесѣдовать?»—«А шо?»—«Почему вы, господинъ турка, не покоряетесь нашему Великому Государю?»—«Намъ и у султана хорошо».—«Та не все же тамъ хорошо, коли у вашего солтана турецкаго вся его туретчина, извините господинъ турка, съ овчинку супротивъ нашей великой Россіи видъ Билаго моря до Чирнаго, видъ Каспійскаго до Нѣмецкаго; и вся та земля населенная народа ми разной віры и разныхъ языцевъ; и вси эти языци молчатъ—бо благодѣствуютъ»...—«Бо вси такіе же дурни, якъ и ты», сказалъ турецкій часовой и зашагалъ въ сторону».

Ревнителямъ благотворенія придется серьезно подумать о воспитаніи и развитіи сердца въ будущихъ дѣятеляхъ своихъ, иначе придется имъ

биться съ врагомъ безъ главнаго оружія и строить свои крѣпости на зыбкомъ пескѣ.

УІІ.

Недавно Москва—«сердце Россіи»—торжественно чествовала блаженную память Царя-Освободителя. Чему главнымъ образомъ обязана Россія великими освободительными реформами минувшаго царствованія? Любвеобильному, прекрасно воспитанному сердцу покойнаго императора. Отмѣчая эту черту, великій князь Константинъ Николаевичъ въ письмѣ къ А. В. Головинну писалъ между прочимъ слѣдующее: «у покойнаго брата внимательность ко всѣмъ развита была въ сильнѣйшей степени съ самой ранней его молодости; никто въ мірѣ не обладалъ въ такой степени, какъ онъ, тѣмъ, что называется *les attentions du coeur* и потому-то былъ всѣми такъ любимъ!» Да, *внимательное сердце*—вотъ чего именно недостаетъ нашей общественной дѣятельности вообще и благотворительной въ частности. Онъ *не могъ* выносить рабства, неправосудія, произвола чиновниковъ, гнета тогдашней военной службы и звѣрскихъ уголовныхъ наказаній,—*не могъ* и потому искоренилъ ихъ, несмотря на свою извѣстную слабохарактерность, несмотря на упорный антагонизмъ крѣпостниковъ и бюрократовъ, неумышленно мѣтко окрестившихъ слѣдующую затѣмъ эпоху *диктатурой сердца*, не подозревая, сколько глубокаго и обаятельнаго смысла заключено въ этомъ намѣренно глумливомъ прозвищѣ.

Могучій сердечный импульсъ незабвеннаго инициатора открылъ небывалый дотолѣ просторъ общественной, одушевленной гуманными стремленіями дѣятельности; вчерашній рабъ сталъ властителемъ думъ: «все для народа и все посредствомъ народа»... Но скоро перестали биться возрожденные великою эпохой сердца: кто сошелъ въ могилу, кто оказался не у дѣль, и понадобилась особенная интенсивность народнаго бѣдствія—голодь, моръ, война, чтобы расшевелить энергію альтруизма въ послѣдующемъ поколѣніи и двинуть ее на спасеніе погибающихъ.

Цѣлый рой свѣтлыхъ воспоминаній, цѣлый рядъ возвышающихъ душу картинъ сохранила намъ исторія этихъ скорбныхъ годовъ тяжкаго испытанія.

Свѣтскія барышни, которыхъ прежде одинъ запахъ смазныхъ сапоговъ повергаль въ ужасъ, перевязывали и обмывали гнойныя раны въ размоченныхъ дождемъ и срываемыхъ вѣтромъ палаткахъ, биткомъ набитыхъ ранеными и тифозными, среди невыносимой вони, грязи и кровавыхъ лужъ. Холодные скептики и пессимисты превращались въ подвижниковъ «не отъ міра сего», выбивались изъ силъ въ уходѣ за страдальцами, болѣли и умирали. Народныя столовыя вырастали по селамъ и деревнямъ, какъ грибы послѣ дождя; «благорожденные» помѣщичьи готовили обѣдъ и сами разносили его «сиволапому мужичью».

Чѣмъ же объясняются эти изумительныя, сказочныя превращенія, эта внезапно явившаяся сила, надѣлившая человѣка способностью легко и ра-

достно переносить жертвы и лишения, о которыхъ въ «благополучное время» страшно было и подумать?

Тѣмъ, главнымъ образомъ, что создала ихъ сфера, въ которой помогающій сталъ въ непосредственное общеніе съ вспомоствуемымъ, облегчалъ его страданія, утолялъ его голодъ, видѣлъ и его муки, и его блаженство, когда муки эти исчезали. Не будь этого тѣснаго, непосредственного общенія, въ которомъ страданіе и помощь, горе и радость стоятъ рядомъ лицомъ къ лицу, сливаясь въ дивный гармоническій аккордъ, не было бы и этихъ изумительныхъ превращеній, пересоздававшихъ и возвышавшихъ какъ того, кто страдалъ, такъ и того, кто ему помогалъ; не было бы и всей той массы добра, ниспадавшей, какъ манна небесная, на страждущую, окривленную или голодающую землю.

Но вотъ завершилась великая освободительная эпоха, окончилась война, прекратилась холера, голодъ назвался «недородомъ»,—и уже нѣтъ того сердобольнаго общенія, которое помогало такъ мужественно бороться съ ними. А вѣдь оно, это общеніе, необходимо и внѣ этихъ кризисовъ, необходимо потому, что пережѣна произошла скорѣе качественная, чѣмъ количественная: недоѣдаетъ народъ если не отъ голода, то отъ истощенной почвы и малоземелья; вмѣсто ранъ тѣлесныхъ остаются раны духовныя отъ темноты и невѣжества и раны экономическія отъ быстро растущаго военного бюджета, и если смерть и нищета работаютъ не такъ быстро, какъ въ бывшее время, то уносятъ не меньшую добычу путемъ осѣдлыхъ тифовъ, дифтеритовъ, переселенческихъ скитаній, фабричныхъ производствъ, на половину сокращающихъ жизнь рабочаго и т. п., не столь замѣтныхъ, но не менѣе основательныхъ орудій. Нужда и горе сняли свой праздничный, сверкающій блестящими нарядами и скрылись подъ обычными повседневными лохмотьями, но попрежнему ищутъ выхода, вопіютъ о помощи *). Положеніе получилось, пожалуй, горше прежняго, какъ это бываетъ, когда острый недугъ больного, созывающій консилиумъ знаменитыхъ врачей, переходитъ въ хроническій, и больной оставляется на произволъ своихъ собственныхъ силъ.

VIII.

Наступила иная эра, появились иные люди.

Появленіе этихъ новыхъ людей впервые, сколько мнѣ помнится, было замѣчено Б. Д. Кавелинымъ. «Посвятивъ всѣ свои силы и всю дѣятельность,—писалъ онъ,—внѣшнему окружающему міру, люди оставляютъ внутреннюю психическую жизнь безъ всякаго ухода и развитія, вследствие чего она гложетъ и атрофируется. Человѣкъ, до виртуозности выработав-

*) См., наприм., «Статистическія данныя о страшно прогрессирующемъ объединеніи народной массы въ ст. г. Тернера (*Вѣстн. Евр.* 1898 г. № 7), въ *С.-Петерб. Вѣд.* 1898 г., № 136, въ V выпускѣ «Сельско-хозяйственныхъ и статист. свѣдѣній» г. Короленка, въ *Русск. Вѣд.* 1894 г., № 187.

ный и выдрессированный съ виду для жизни въ обществѣ, можетъ оказаться, въ то же время, презрѣннѣйшимъ негодяемъ и мерзавцемъ въ нравственномъ отношеніи, или, что чаще всего встрѣчается, быть, при большомъ знаніи и замѣчательномъ художественномъ развитіи, ничтожнымъ въ нравственномъ смыслѣ, — куклою, не имѣющей: элементарныхъ нравственныхъ понятій. Быстро увеличивается число такихъ людей во во всякъхъ слояхъ общества, въ Западной Европѣ, Америкѣ и у насъ; рядомъ съ тѣмъ идетъ и оскуднѣе выдающихся талантовъ, упадокъ нравовъ и творчества. Это наглядно показываетъ, что развитіе объективной стороны безъ соотвѣстнаго развитія этической жизни отдѣльныхъ лицъ недостаточно и не достигаетъ цѣли. Центръ тяжести всего развитія, всякаго успѣха человѣческихъ обществъ и народовъ, стержень, на которомъ вертится все общественное зданіе и все поступательное движеніе человѣческаго рода, есть нравственная личность» (*Задачи этики*, стр. 86 и 87).

Затѣмъ, чѣмъ дальше—тѣмъ чаще, эти новые люди, но уже безъ всякихъ искупяющихъ данныхъ, стали фигурировать въ повѣстяхъ, романахъ и иныхъ литературныхъ воспроизведеніяхъ жизни.

Такъ, въ іюльской книжкѣ *Русскаго Богатства* за прошлый 1897 г. г. Боронинъ въ «Задворкахъ фабрики», описывая мѣстную интеллигенцію, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Высшій слой фабрики составляли, — какъ я уже говорилъ, — всевозможные директора-техники. Я долго наблюдалъ ихъ. При всѣхъ индивидуальных различіяхъ, — общій типъ у нихъ, за рѣдкими исключеніями, былъ до тошноты одинъ и тотъ же. Одни избѣгали вина и картъ, другіе любили и повинтить, и выпить; но общій всѣмъ какой-то *холодный цинизмъ* такъ и сквозилъ изъ ихъ *денежной дълговитости*. Никогда не забуду одного счастливаго юношу. Это былъ плотный, здоровенный малый; розовыя толстыя щеки его тряслись отъ безпрестанныхъ взрывовъ смѣха, которыми онъ поощрялъ свои собственные изреченія, произносимыя съ необыкновеннымъ апломбомъ и опредѣленностью. «Ну-съ, — обратился онъ съ полной развязностью ко мнѣ, вскорѣ послѣ нашего знакомства, — какъ хозяйничаете? Какъ ваши достопочтенные фел-а-хи преуспѣваютъ? Поди, все чешутъ кое-гдѣ?» — онъ выразился, конечно, съ самой пѣвнотой простотой и точностью. — Какіе феллахи? — спросилъ я. — «Ха, ха, ха! — залился онъ. — Не знаете развѣ?... А *меньшіе-то братья наши*? Эти великоруссы, бѣлоруссы и всякіе руссы (такъ-то ихъ); я, вѣдь, ихъ феллахами зову». — Почему же это? — «А потому, что *скоты они*, батюшка, безнадѣжные!... Дурь и скоты!... То затылки себѣ чешутъ, то прутъ все, что на нихъ не навалитъ, то нальются, какъ полуштофы, до самаго горлышка, своимъ патріотическимъ зельемъ и только глаза пучать, да сквернословятъ... Ну, какъ же не фел-а-лахи?... Истинные!... *Жарить, жарить ихъ хорошенъко надо!*» — добавилъ онъ одобрительно, — а то у нихъ *кожа толста*, у (такихъ-то) дѣтей!...» — Гдѣ это вы такой опытности набрались, — спрашивалъ я, оглядывая его вѣрно сбитую фигуру, — и въ такіа,

можно сказать, еще цвѣтущія лѣта?...— «Да вѣдь я *слоней-то никогда не выпускалъ, глядя на этихъ чудовищъ допотопныхъ*. Никогда!»—отскакиваетъ онъ, закуривъ руки въ карманы и поигрывая своими жирными плечами.—Словомъ, дѣло рѣшенное и хлопотать больше нечего!—усмѣхнулся я.—*Ужъ это вы не на счетъ ли поднятія и просвѣщенія ихъ изволите пронизировать?*—гоготалъ юноша.—Да что вы, батенька, да вѣдь эти фелла-ла-хи въ школахъ только весь воздухъ испортятъ!...»—и щеки его тряслись при этомъ отъ громогласнаго и самаго жизнерадостнаго смѣха. Мнѣ оставалось только любоваться этой непосредственной натурой, точно цвѣтокъ, распустившейся на почвѣ русской фабричной техники». «Послѣ долгихъ наблюденій надъ фабричною интеллигенціей, когда уже мнѣ до тошноты стала извѣстна вся фабричная жизнь и не въ-моготу становилось отъ откровеннаго ея цинизма, я имѣлъ глупость какъ-то высказать кой-кому изъ ея представителей свои мысли объ этомъ предметѣ. Знаете, что я скажу вамъ, милостивые государи? Вотъ смотрю я на васъ и вижу: народъ вы все, кажется, молодой; *учились въ высшихъ заведеніяхъ*. Судя по времени, кажется, тогда ни винтомъ не увлекались, ни клубника не процвѣтала, да и о капиталчикахъ молодежь не мечтала. Скажите мнѣ пожалуйста, если вы только принадлежали къ той же средѣ, куда же дѣлось все ваше свѣжее и молодое? Рѣшать самъ не берусь; но откровенно скажу вамъ, господа, не интересные вы люди и скучно съ вами до тошноты» (стр. 105—108).

Знакомыя рѣчи! Онъ переноситъ меня въ далекое прошлое, когда въ началѣ 60-хъ годовъ я, мировымъ посредникомъ, вводилъ уставныя грамоты и выслушивалъ то же самое, что говорить молодой техники, отъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и лихихъ становыхъ николаевскаго времени. Но, въ чести ихъ, не могу не замѣтить, что, несмотря на то, что первые теряли своихъ крѣпостныхъ, а вторые—насиженное значное мѣсто, ихъ «скрежетъ зубовой» не отличался тою прямолинейною наглостью, какою отмѣчены рѣчи «новаго человѣка», ничего не теряющаго, а, напротивъ того, много приобретающаго.

Подобныя же воззрѣнія, хотя и не въ столь циничной формѣ, высказываетъ и молодой студентъ Владиміръ Демиръ въ новомъ романѣ Лугового *Возвратъ* (Русская Мысль, августъ 1898 г.). О міросозерцаніи этого новаго человѣка авторъ говоритъ слѣдующее:

«Общая жизнь темной народной массы со всѣмъ ея вѣковымъ укладомъ, съ ея вѣрованіями, радостями и печалями *совершенно не трогала ни его ума, ни его сердца*, и представляла для него интересъ только въ томъ отношеніи, въ какомъ она служила почвой, *питающей ростъ и развитіе нашей интеллигенціи*.

«— Не находите ли вы,—говоритъ онъ однажды своему знакомому Андрею Петровичу, отставному педагогу и помѣщику,—не находите ли вы что требованія, которыя въ западныхъ государствахъ фабричный пролетаріатъ предъявляетъ къ интеллигенціи, чрезмѣрно и несправедливы? Вѣ,

какъ Божій день ясно, что тамъ-то народъ уже навѣрное пропасть бы безъ интеллигенціи. Теперь,—за нѣкоторыми исключеніями, которыя должны быть устранены, а устраненіе ихъ только вопросъ времени,—теперь тамошній пролетаріатъ сытъ, одѣтъ, попиваетъ вино, живетъ въ жилищахъ, за рациональное устройство которыхъ ратуетъ со знаменемъ въ рукахъ все та же интеллигенція. Но ему всего этого мало. Является уже претензія подчинить себѣ интеллигенцію, отнять у нея всё орудія производства, благодаря которымъ этотъ пролетаріатъ кормится, отнять пути сообщенія, корабли, пароходы и т. д., и изъ хозяйки превратить ее въ рабу или, въ лучшемъ случаѣ, въ наемницу грубой физической силы. И еще при этомъ кричать о справедливости!» Андрею Петровичу казалось страннымъ слышать такіа рѣчи въ устахъ молодого человѣка. Это звучало для него чѣмъ-то новымъ—не по существу, а по тону. Стоявшій передъ нимъ юноша, только-что перешедшій на второй курсъ, *былъ такъ мало похожъ на большинство молодежи, съ которой Роичеву приходилось имѣть дѣло во времяна его директорства. Тутъ нѣтъ ни дѣтской наивности, ни идеальной восторженности возвышеннаго энтузіазма,—тутъ какая-то холодная рассудительность, до которой и самъ-то онъ дошелъ уже только когда удался на покой...*

Очевидно, что говорить такъ можетъ лишь человѣкъ, во-первыхъ, съ совершенно атрофированнымъ сердцемъ, и во-вторыхъ, съ совершенно превратнымъ представленіемъ объ отношеніяхъ между пролетаріатомъ и интеллигенціей въ Западной Европѣ. Благоденствующій пролетаріатъ и бѣдная, обиженная имъ, интеллигенція,—что за чепуха! Молодому студенту, очевидно, неизвѣстно такъ недавно еще раскрытые ужасы нищеты въ предмѣстьяхъ Лондона, гдѣ въ одинъ годъ умираетъ съ голоду 41 человѣкъ и около 20 тысячъ не имѣютъ иного жилища, кромѣ улицы и ночлежныхъ домовъ; очевидно, онъ ничего не знаетъ о тенденціяхъ германскихъ юнкеровъ и аграріевъ, о массовыхъ переселеніяхъ въ Америку и Бразилію, о французской Панамѣ и ирландскихъ фермерахъ. Если же, тамъ, въ Западной Европѣ, кто и стоитъ за право и справедливость, то никакъ не интеллигенція, наслѣдственная и привилегированная, вся поглощенная культамъ собственной личности, а интеллигенція, вышедшая изъ нѣдръ того же народа и собственными силами отвоевавшая себѣ вліятельное и благотворное положеніе.

Страшно подумать, что усвоившіе себѣ такіе взгляды и ими руководящіеся въ жизни—не исключенія, а большинство, не феномены, а типы; а между тѣмъ это такъ: самоувѣренное, развязно-доктринерствующее невѣжество, безсердечное отношеніе къ народу, поправіе общественныхъ и алыструистическихъ идеаловъ главенствуютъ въ настроеніи современной молодежи.

Къ вышеразсмотрѣннымъ бичамъ и тормозамъ благотворенія въ послѣднее время прибавился еще новый, всего менѣе ожидаемый: возродившійся архаическій фатализмъ въ проповѣдяхъ нашихъ философовъ съ громкими, гипнотизирующими читателя, именами.

«Все прекрасно и все разумно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Слезы, кровь, горе, страданія человѣческія—все это есть и *пусть себѣ будетъ*, потому что *все къ лучшему*. *Необходимы*, плодотворны эти страданія—и прежде всего для самихъ страдальцевъ». Такъ резюмируетъ эту философію г. Протопоповъ въ своей статьѣ: *Два міросозерцанія (Русская Мысль, іюль 1898 г., стр. 158)*.

Невознаградимой жертвой гнусной интриги, въ расцвѣтъ силъ, погибаетъ отъ предательской пули великій поэтъ—«справедливо, разумно, и своевременно»: радуйтесь и веселитесь!

Трудолюбивый кормилецъ цѣлой семьи умираетъ, изувѣченный машиной безъ надлежащихъ охранительныхъ приспособленій. Пьяница истязуетъ жену, бьетъ дѣтей и тащить изъ дому послѣднее добро. Богатая экономія отравляетъ рабочихъ гнилою пищей. Умирающій съ голоду просить хлѣба и т. д. Не возмущайтесь, не зовите къ суду скареднаго хозяина фабрики, не хлопчите о лѣчебницахъ для алкоголиковъ, не давайте голодающему хлѣба,—все это «къ лучшему», «справедливо и разумно, необходимо и плодотворно» и «прежде всего для самихъ страдальцевъ».

Эта изумительная, діаметрально-противоположная ученію Христа и вѣрующими христіанами проповѣдуемая мораль прекрасно гармонируетъ съ «трезвою практичностью» и спокойнымъ эгоизмомъ нашей молодежи, убавливаетъ совѣсть, подавляетъ альтруистическія чувства въ самомъ ихъ зародышѣ и въ такомъ союзѣ является опаснѣйшимъ врагомъ для насущнѣйшихъ интересовъ благотворенія

IX.

Отовсюду ползутъ и надвигаются тучи, лишь кое-гдѣ виднѣются еще незахваченные ими клочки яснаго неба; общественная атмосфера все гуще и гуще насыщается вредными испареніями, и въ послѣднемъ произведеніи А. П. Чехова *Крыжовникъ* (*Русская Мысль*, августъ 1898 г., стр. 151) мы слышимъ уже отчаянный вопль, вырвавшійся изъ наболѣвшей, но еще живой души современнаго человѣка:

«Вы взгляните на эту жизнь: *малость и праздность сильныхъ*, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, *кругомъ бѣдность невозможная*, тѣснота, *вырожденіе*, пьянство, *лицемѣріе, вранье*... Между тѣмъ, во всѣхъ домахъ и на улицахъ *тишина, спокойствіе*; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ *ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмущился*. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; *но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ идъ-то за кулисами*. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, оче-

видно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго и счастливаго человѣка, стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, страдется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину — и все обстоитъ благополучно».

Такъ говоритъ герой разсказа Иванъ Ивановичъ и, схвативъ своего собесѣдника за обѣ руки, умоляющимъ голосомъ продолжаетъ:

«— Павелъ Константиновичъ! *Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя, дѣлайте добро!* Пока молоды, сильны, бодры, *не уставайте дѣлать добро!* Счастья нѣтъ и не должно быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть нравственный законъ, высшій для насъ законъ... Дѣлайте добро!...»

Паденіе сердечной отзывчивости, охлажденіе *общественнаго сердца*, если можно такъ выразиться, и водворенная ими «тишина и спокойствіе» съ особенною рельефностью сказались въ извѣстномъ недавнемъ дѣлѣ объ отобраніи дѣтей у сектантовъ на югѣ Россіи. Это громко вопиющее къ гуманности, правосудію и общественной совѣсти дѣло вызвало лишь нѣсколько журнальных и газетныхъ статей, хотя и исполненныхъ благороднаго и горячаго негодованія, но оставшихся безъ надлежащаго отклика и очень скоро позабытыхъ, несмотря на то, что обществу и ходъ дѣла былъ и продолжаетъ быть совершенно неизвѣстнымъ, несмотря на то, что «молоточекъ» стучалъ на этотъ разъ очень громко:

«Во дворѣ сельскаго правленія села Екатериновки, — писалъ корреспондентъ *Приазовскаго Края*, — собралось по требованію начальства до 30-ти семействъ сектантовъ-шелапутовъ, два священника и засѣдатель. Послѣдній прочиталъ циркулярное распоряженіе объ отобраніи дѣтей въ возрастѣ отъ 2—11 лѣтъ у сектантовъ, завѣдомо вреднаго толка и объ отдачѣ ихъ на воспитаніе благонадежнымъ жителямъ села. Слушатели были, какъ говорится, ни живы, ни мертвы; на лицахъ у всѣхъ замерло выраженіе безысходнаго горькаго горя. Вдругъ среди мертвой тишины раздались раздражающіе душу крики женщинъ, которымъ материнское чувство подсказало угрожающую опасность. Къ нимъ присоединился плачь дѣтей. Когда былъ отобранъ сотскимъ первый по списку 6—7-лѣтній мальчикъ А., толпа совершенно забыла свои непріязненные чувства къ шелапутамъ и плакала за-одно съ ними навзрыдь. Дѣтей отбирали сотскіе и передавали ихъ желающимъ взять на воспитаніе. Родители окончательно обезумѣли, цѣловали полы одежды у духовенства, обнимали ноги засѣдателя. Когда сотскіе си-

люю вырвали изъ рукъ крестьянина вдовца К—го его единственную дочь, дѣвочку 5—7 лѣтъ, онъ грохнулся, какъ подкошенный, безъ чувствъ на землю. Всѣхъ это какъ-то передернуло, потрясло, но ретивый блюститель закона ударилъ его ногой, проговоривъ: «Вотъ, скотина, притворяется!»... Воспроизводя эту поразительную картину въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, князь Трубецкой говорилъ: «Всякій вѣрующій и просвѣщенный русскій человѣкъ, всякій отецъ содрогнется отъ боли и обиды при одной мысли, что подобныя вещи относятся не къ отдаленнымъ временамъ, а совершаются и теперь...»

И дѣйствительно, здѣсь, въ этомъ непостижимомъ произволѣ страдали дѣти, страдали родители, страдали не единично и случайно, а огульно и систематически, по «циркулярному распоряженію»; страдало семейное начало, страдалъ законъ, и Божескій и человѣческій, страдалъ авторитетъ центральной власти, — вѣдь, это цѣлый, изъ колючихъ терніевъ сплетенный вѣнецъ страданій, способныхъ не только расшевелить, но и перевернуть сердце живого человѣка! И между тѣмъ за пострадавшихъ вступился одинъ только графъ Л. Н. Толстой, да и то безъ успѣха, потому что, не будучи юристомъ, направилъ свои хлопоты не туда, куда слѣдовало. Само собою разумѣется, что подобная инициатива, помимо того или иного исхода, дѣлаетъ лишь величайшую честь инициатору. Печать въ свою очередь честно исполнила свою задачу, огласивъ и заклеивши позоромъ несомнѣнные, никѣмъ и ничѣмъ не опровергнутые факты. Но дѣло требовало болѣе активнаго и непосредственнаго вмѣшательства для фактической защиты уголовно-пострадавшихъ и для восстановленія ихъ поправленныхъ гражданскихъ правъ.

Недавно были у насъ открыты «фабрики ангеловъ», теперь одна за другою открывались фабрики искусственныхъ сиротъ... если и правъ профессоръ Сбруевъ въ романѣ Станюковича: *Жрецы*, говоря, что «мы даже собственной тѣни боимся, а не то, что защищать другихъ», то все-таки передъ такими фактами нельзя было сидѣть, сложа руки, и спокойно ждать сторонняго рѣшенія. Пока одни утверждали, что отобраніе дѣтей совершалось на основаніи закона, а другіе говорили, что такого закона нѣтъ, тамъ, на далекой южной окраинѣ, невозбранно, насильственно и безпрепятственно творилось явное беззаконіе. Пока мы разсуждали, писали и печаловались, оторванные отъ семьи дѣти томились по чужимъ людямъ, на чужомъ, омоченномъ слезами, хлѣбѣ; какъ хотѣлось имъ поскорѣ домой, подъ родной кровъ, къ материнской ласкѣ, къ милой, обезумѣвшей отъ горя бабушкѣ; сколько отцовъ и матерей оплакивали своихъ малютокъ, вернувшись въ хаты, гдѣ вдругъ стало такъ тихо и пусто... а тѣмъ временемъ «ретивый засѣдатель» съ своимъ циркуляромъ, словно легендарный «Kindersfresser» въ нѣмецкой сказкѣ, переѣзжалъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, плодя горе и ужасъ по своимъ слѣдамъ.

Мы «молчали».

Молчала адвокатура передъ заманчивою въ ея выспихъ и симпатичнѣйшихъ интересахъ задачей. Можно было пойти на встрѣчу вопіющей

потребности, взять отъ обездоленныхъ родителей довѣренности и черезъ подлежащій судъ возвратить отнятыхъ у нихъ дѣтей. Дѣло могло быть рассмотрѣно какъ въ порядкѣ гражданскаго суда (возстановленіе нарушенныхъ правъ родительской власти), такъ и въ порядкѣ суда уголовнаго (превышеніе власти, исполненное съ насиліемъ, побоями и оскорбленіемъ).

Молчали общества попеченія о нуждающихся въ помощи и защитѣ дѣтяхъ, между тѣмъ какъ въ петербургскомъ отдѣлѣ защиты дѣтей уже имѣлся прецедентъ ходатайства объ ограниченіи злоупотребленій родительскою властью, — ходатайства, по слухамъ, имѣющаго всѣ шансы на успѣхъ. Необходимо, конечно, оградить ребенка отъ злоупотребленій, но еще того необходимое возвратитъ насильственно отнятое дитя его честной и добропорядочной семьѣ.

Молчали и юридическія общества, которымъ такъ легко было возстановить смыслъ и предѣлы превратно истолкованнаго закона.

Еслибъ и не каждый изъ этихъ намѣченныхъ путей привелъ къ желанной цѣли, то во всякомъ случаѣ эти начинанія успокоили бы возмущенную совѣсть, образовали бы въ своей совокупности надежный противовѣсъ ходатайствамъ иного свойства и дали бы надежду на лучшіе дни.

Благодаря вѣншательству центральной власти, дѣло окончилось благополучно для лицъ въ немъ пострадавшихъ, — благополучно для нихъ, но не для общества: оно вскрыло его равнодушіе къ чужому горю, къ поправленію праву и къ своему конечному исходу, котораго съ такимъ трепетомъ должно было бы ожидать всякое живое сердце.

Х.

Мы прослѣдили двойную эволюцію, вѣншнюю и внутреннюю, сквозь искъ которой пришлось пройти нашей благотворительности рука объ руку съ изсякновеніемъ альтруистическихъ началъ въ обществѣ. Мы наблюдали при этомъ изумительное стеченіе нравственнаго оскудѣнія, прогрессивный параличъ души человѣческой. Все это совершалось на нашихъ глазахъ сравнительно въ очень недолгій промежутокъ времени. Анализъ и генезисъ этой роковой эволюціи будетъ дѣломъ историка, и я отмѣчаю явленіе лишь настолько, насколько его тупая сокрушающая сила направлена противъ первѣйшихъ интересовъ благотворенія, поражая ихъ въ самомъ центрѣ ея задачъ и способностей.

Мы видѣли, что на досужую интеллигенцію личная активная благотворительность пока разсчитывать не можетъ (долго ли продолжится это пока — одному Богу извѣстно); въ этомъ отношеніи ей остается лишь вспомнить надпись на вратахъ Дантова ада и обратиться въ другую сторону, но куда? Люди службы и науки заняты своимъ дѣломъ; адвокаты и врачи — своею практикой; коммерческая интеллигенція, какъ мы видѣли, «слиней не распускаетъ». Остаются учителя и учительницы народныхъ школъ, курсистки да студенты, — молодежь главнымъ образомъ (ими преимущественно и ком-

плектуется составъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ, лично и непосредственно благотворящихъ нуждающимся, а за послѣднее время, судя по отчетамъ, и ихъ начинаетъ замѣтно убывать). Вотъ почему въ особенности нельзя равнодушно относиться къ господствующимъ въ этомъ *постыдномъ и единственномъ ресурсѣ* антисоціальнымъ взглядамъ и настроеніямъ, о которыхъ говорено было выше: «гдѣ тонко, тамъ и рвется», какъ говоритъ пословица!... А вѣдь это не только единственный контингентъ, на который можетъ рассчитывать наша активная, непосредственная и личная благотворительность, но и лучшая школа ума и сердца, такъ необходимая нашей молодежи. Кто ее пройдетъ, тотъ не подастъ уже голоса за сокращеніе ассигнованной продовольственной ссуды, не воспротивится отнѣнтію розогъ и не назначитъ уголовного наказанія отвѣтчику по гражданскому иску, и, если это нарождающееся дѣло пойдетъ успѣшно впередъ, то братское общеніе между горемъ и помощью, которое вызывалось пока благотатными или бѣдственными кризисами и съ ними же исчезало, станетъ постояннымъ и надежнымъ возбуждателемъ и воспитателемъ сердца — источника благотворенія.

Недавніе конгрессы естествоиспытателей въ Англіи и Германіи констатировали два очень грозныхъ явленія: сокращеніе площади питающихъ человека и животныхъ злаковъ и постепенную убыль кислорода въ воздухѣ, предсказывая близкое наступленіе эпохи, въ которую нечего будетъ ѣсть и нечѣмъ будетъ дышать. Но химики и физиологи виѣстѣ съ этимъ указывали и на средства къ возможному удаленію такой ликвидаціонной эпохи, — средства, которыя изобрѣтеть къ той порѣ химія, создавъ суррогаты для пищи и дыханія. Но, кромѣ сокращенія площади злаковъ и убыли кислорода, наблюдается, какъ это мы видѣли, тотъ же скорбный процессъ въ душѣ человека, убыль которой была подмѣчена еще Д. С. Миллемъ въ его знаменитомъ трактатѣ «о свободѣ». Въ этомъ случаѣ химія уже не спасетъ, и суррогата души свѣтъ не увидитъ. Гдѣ же спасеніе, гдѣ же выходъ?

Къ счастью, на этотъ разъ ни химіи, ни суррогатовъ не понадобится; ни изобрѣтать, ни творить не придется. Періоды упадка и возрожденія чередуются въ историческомъ движеніи человѣчества, и въ опытѣ прошлаго свѣтится намъ надежда на будущее. Но это будущее не свалится съ неба, конечно, а явится плодомъ рукъ человѣческихъ, такимъ же точно плодомъ, какой наблюдается теперь нами, свидѣтелями духовнаго оскуднѣнія. «Не угашайте духа», сказалъ Христосъ. Не угашайте духа небреженіемъ о его воспитаніи и житейскою пошлостью, освободите его отъ растлѣвающихъ теорій, напрасныхъ подозрѣній и запретовъ, — верните ему его естественныя права, смягчите *чувствомъ жалости, внутренне уравновѣшивающимъ насъ съ другими* (по прекрасному выраженію г. Влад. Соловьева въ его «Оправданіи добра»), — экономическую и культурную рознь и дайте всѣмъ этимъ здоровую пищу голодающему въ нихъ сердцу, не забывая что людямъ кромѣ свѣта нужна еще и теплота, — и теперешніе горькіе плоды рукъ вашихъ замѣнятся сладкими.

Такимъ образомъ, въ общемъ, дѣло сводится лишь къ *устраненію* отрицательныхъ явленій, а когда это будетъ исполнено, освобожденная отъ нихъ гнета *vis medicatrix naturae* создастъ и положительные.

Среди этихъ послѣднихъ особенно желательными окажутся 1) развитіе системы участковыхъ попечительствъ, зиждущейся на плодотворной почвѣ личного активнаго и непосредственнаго благотворенія и 2) распространеніе этой системы на села и деревни, за рѣдкими исключеніями, не вспомоществуемыя пока никакимъ изъ видовъ сконцентрировавшейся въ городахъ благотворительности.

Особенно цѣлесообразной въ этой сферѣ окажется индивидуализація трудовой помощи. Въ статьѣ своей о значеніи этой помощи, какъ общественнаго корректива (*Трудовая Помощь*, № V), я, между прочимъ, указывалъ, насколько важно приспособленіе той или иной формы труда къ личнымъ свойствамъ труженника. Вѣрное рѣшеніе этой задачи возможно лишь при непосредственномъ тѣсномъ общеніи между дѣятелемъ добра и нуждающимся въ немъ. Это очень кропотливая работа—нѣчто вроде мелкой мозаики или плетенія тончайшихъ кружевъ крѣпостными дѣвушками въ былые времена, съ тою лишь разницей, что за тою работою слѣпили, а за этой *прозрачаютъ*. Здѣсь—широкое поле и легкая возможность для успѣшности дѣла: ободрить трудящагося, дать ему добрый совѣтъ, приохотить къ дѣлу, купить кому ворову, кому сѣмена для посѣва, кому швейную машину, кому прислать сбытъ произведеній и т. д. и сдѣлать все это, не отрывая человека отъ домашняго очага и семьи. Какая великая и вѣстѣ съ тѣмъ дешевая подмога, какая радость въ захудаломъ хозяйствѣ и какая не сказанная отрада тому, кто во-очію, тутъ же убѣждается въ благодати совершеннаго дѣла, видитъ оживленныя, повеселѣвшія, вчера еще убитыя горемъ, лица и слышитъ дрогнувшій, изъ глубины благодарнаго сердца идущій голосъ: «Спаси тебя Христосъ!»

Эти свѣтлые моменты наблюдаются *и теперь*, хотя свѣтятся они кроткимъ свѣтомъ, незамѣтнымъ среди окружающаго сплошнаго мрака. Но если они, все-таки и несмотря ни на что, *существуютъ въ дѣйствительности*, то значитъ, что они *возможны*, что это не сладкая мечта чувствительнаго сердца, а *осуществившійся идеалъ, конкретно* указанная цѣль, къ которой *можно идти* съ несокрушимой вѣрой и безъ риска разочарованій.

Пока—это исключенія; длиненъ и тернистъ путь, выводящій эти исключенія въ правило; но что же можетъ быть на свѣтѣ заманчивѣе таковаго пути?

Такими свѣтлыми моментами былъ особенно богатъ первый голодный годъ, и тогда, если не ошибаюсь, кѣмъ-то изъ мѣстныхъ дѣятелей или корреспондентовъ было высказано пожеланіе, чтобы участковыя попечительства, открытыя для снабженія голодающаго населенія хлѣбомъ, кормомъ для скота, топливомъ, одеждою и т. п. воспомощеніями и съ такимъ успѣхомъ дѣйствовавшія, сохранили свою организацію и по минованіи остраго періода народной нужды. Было ли такое пожеланіе высказано

или нѣтъ, но подобная организація составляетъ одну изъ насущнѣйшихъ задачъ нашей, игнорирующей деревню, общественной благотворительности.

Наше деревенское нищенство распадается на двѣ группы—бродячую и осѣдлую. Первая является въ большинствѣ случаевъ лишь эксплуататоромъ второй, обездоливая ее не хуже мѣроѣдовъ и кулаковъ. Нищенствующій мѣроѣдъ нерѣдко очень состоятельный мужикъ, лѣнивый, привыкшій жить на подавня и даже на нихъ наживающійся. Онъ грубъ, нахаленъ и нечистъ на руку, онъ готовъ обокрасть хозяевъ, пріютившихъ его у себя. Пьяница и развратникъ, онъ подъ личиною «божьего человѣка» эксплуатируетъ христіанскія чувства своихъ благотворителей, убѣжденныхъ, что, подавая ему, они подаютъ Христу. Совсѣмъ обратное представляетъ собою вторая группа—осѣдлое нищенство. Оно страдаетъ и терпитъ молча, лишь изрѣдка принимая, но не выпрашивая помощь сѣрдобольнаго сосѣда. Деревенской благотворительности предстоитъ поэтому, кромѣ помощи дѣйствительно нуждающейся осѣдлой группѣ, еще другая задача: избавить населеніе отъ бродячаго, преступнаго нищенства, преслѣдуя его исправительными, а гдѣ это невозможно, и карательными мѣрами.

Въ этомъ отношеніи очень любопытное указаніе находимъ мы въ статьѣ г. Недоходовскаго «О сельскомъ нищенствѣ въ Калужской губерніи (*Трудовая Помощь*, іунь 1898 г.). Собирая статистическія свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія, авторъ былъ пораженъ громадностью расхода на нищихъ. По его вычисленіямъ оказалось, что на этотъ предметъ крестьянскимъ населеніемъ добровольно выплачивается ежегодно болѣе 2 р. съ души. Огромный налогъ этотъ ничѣмъ не регулированъ, никому неизвѣстенъ и приноситъ лишь вредъ, превращая, благодаря щедрости крестьянъ, нищенство въ очень выгодный промыселъ и поощряя такимъ образомъ лѣнь и тунеядство. Милостыню подаютъ не только многосемейные, владѣющіе землей на 3, 4 и 5 душъ, но даже одиночки, и нерѣдко сами побирающіеся, подаютъ, невзирая на то, что получившіе ихъ тутъ же, на глазахъ благотворителей, пропиваютъ подавня съ своими любовницами въ кабакахъ и трактирахъ. Авторъ пытался разъяснять крестьянамъ развращающее вліяніе подобной милостыни, но вездѣ получался одинъ отвѣтъ: «Какъ же не подавать нищему Христа ради? Самъ Христосъ велѣлъ послѣднимъ дѣлиться». Путемъ своихъ наблюденій въ массѣ деревенскихъ хозяйствъ, г. Недоховскій пришелъ къ заключенію, что «съ нашимъ народомъ легко можно устроить дѣло правильного общественнаго призрѣнія, стоить лишь взяться за дѣло толково и путемъ широкаго разъясненія населенію правильныхъ понятій о милостынѣ, что лежитъ на прямой обязанности духовенства, школы и администраціи. Естественное и вполне правильное удовлетвореніе христіанскаго милосердія должно выразиться въ разумной и существенной помощи ближнему по примѣру первыхъ христіанъ и въ общественной помощи, органомъ которой должны явиться приходскія попечительства.

Ближайшее попеченіе о страждущихъ, немущихъ, болящихъ и сирот-

ствующихъ возложено юридически на сельское общество, а фактически на кого; помощь добрыхъ людей, о которой я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, очень существенна и трогательна, но частична, случайна и временна и, какъ таковая, можетъ имѣть лишь значеніе добраго ободряющаго примѣра; сельское общество, и безъ того отягощенное всяческими данями, рѣшительно безсильно въ задачѣ общественнаго призрѣнія, а ее, однако, судя по газетнымъ извѣстіямъ о пересмотрѣ устава общественнаго призрѣнія, предполагается сохранить за нимъ и на будущее время. Счастливейшіе изъ членовъ этого общества сами еле перебиваются изо дня въ день; остальные—безземельные, безлошадные и безработные—хирѣютъ и задыхаются въ когтяхъ мѣстнаго хищника и на фабрикахъ, или бродятъ по всей Россіи, Европейской и Азіатской, отыскивая свободную земельку или грошевый заработокъ, и ни съ чѣмъ возвращаются домой, гдѣ все уже распродано и разорено. Гдѣ же тутъ заботиться о другихъ, когда сами неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ? Надъ сельскимъ обществомъ стоитъ земство, но... мы знаемъ очень много хорошаго о его дѣятельности по народному образованію и по врачебной части, но почти ничего не знаемъ по дѣлу общественнаго призрѣнія.

Такимъ образомъ, вышеизложеннымъ всестороннимъ путемъ мы приходимъ къ заключенію, что самымъ подходящимъ органомъ сельской благотворительности, и общественной и личной, окажутся участковыя попечительства по образцу существовавшихъ въ первый голодный годъ и существующихъ нынѣ въ Москвѣ (для уѣзда одинъ участковый попечитель съ сотрудниками, по одному на каждое сельское общество, и въ губернскихъ городахъ—періодическіе съѣзды участковыхъ попечителей и совѣтъ попечительства; функціи думы и городской управы могутъ быть возложены на земское и городское самоуправленіе). Трудно будетъ, разумѣется, подыскать на мѣстѣ лицъ, готовыхъ принять на себя новую задачу и исполнить ее, какъ слѣдуетъ,—трудно, но не невозможно. Трудность эта, во-первыхъ, обнаружится лишь мѣстами и на первое время; во-вторыхъ, мы имѣемъ уже многообѣщающій опытъ въ дѣятельности попечительства, дѣйствовавшихъ въ голодный годъ, и такой же примѣръ въ образцовой дѣятельности московскаго участковаго попечительства о бѣдныхъ; въ-третьихъ, «сохраняется дольше въ глуши первоначальная ясность души», и потому современная деревня не только свободна отъ биржи, спорта и картъ, заполняющихъ досугъ городской интеллигенціи, и отъ трезвой практичности и фатализма, обездоливающихъ бѣдняковъ, но съ недавняго времени даетъ о себѣ положительно отрадные вѣсти: она организуетъ земледѣльческія артели, открываетъ школы, читальни и библіотеки, закрываетъ кабаки и трактиры, зачитывается книгами, а среди женскаго врачебнаго и учительскаго персонала наблюдается порою прямо-таки геройское подвижничество. Это—факты, имѣющіеся уже на-лицо и хорошо извѣстные всякому, слѣдившему за хроникой провинціальной жизни въ журналахъ и газетахъ. Имѣются факты, имѣются, значитъ, и люди, ихъ создающіе, а это даетъ основательный по-

воду уповать, что дѣло благотворенія, такъ нещадно тормозимое въ душ-ныхъ и пыльных городахъ, пойдетъ легче и успѣшнѣе на вольномъ воз-духѣ деревенскихъ полей и лѣсовъ.

XI.

Пора подвести итогъ всему предшествовавшему изложенію.

Дѣло благотворенія не можетъ идти хорошо, скажемъ болѣе—не можетъ существовать въ своемъ истинномъ практическомъ значеніи тамъ, гдѣ школа, и низшая, и средняя, и высшая, не обращаетъ никакого вниманія на развитіе сердечныхъ способностей человѣка, гдѣ бытовые условія рѣзкою гранью разъединяютъ довольство отъ нищеты, счастливыхъ отъ несчастныхъ, сильныхъ отъ слабыхъ; гдѣ, словно растеніе отъ мороза, прячется горе людское отъ холодныхъ очей, гдѣ молодыми умами руководятъ себялюбивыя мировоззрѣнія, считающіяся «новыми», а въ сущности представляющія лишь причудливо-смѣшанный продуктъ переживанія давно миновавшихъ эпохъ: феодальной, романтической и нашей родной—крѣпостной.

При подобныхъ условіяхъ благотворительность будетъ, пожалуй, существовать *de jure*, но это будетъ благотворительность номинальная, развѣнчанная, такъ сказать, лишенная своего существеннаго элемента—любви.

«Высшій идеалъ отношеній человѣка къ другимъ людямъ есть любовь,—говоритъ Кавелинъ въ цитированной уже выше книгѣ своей,—она ошибочно истолкована, искажена отвлеченной логикой и, благодаря этому, *отвергнута и забыта*. Пора возстановить настоящій ея смыслъ. Любовь въ этическомъ смыслѣ не есть ни половое влеченіе, ни дружба и привязанность къ тому или другому лицу, ни восторженное созерцаніе отвлеченной идеи человѣка, которое, подъ названіемъ любви къ человѣчеству, такъ часто смѣшивается съ этической любовью. Этика учитъ любить въ каждомъ живомъ человѣкѣ, будь онъ личный врагъ или послѣдній изъ глубоководныхъ людей, не то, что онъ есть въ дѣйствительности или по отношенію къ намъ, а то, чѣмъ бы онъ могъ и долженъ былъ быть въ качествѣ человѣка. Въ этическомъ смыслѣ каждый человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, по существу своему, по своей природѣ, есть живое воплощеніе идеи нормальнаго, идеальнаго человѣка, и если онъ въ дѣйствительности почему-либо уклонился отъ этого своего типа, то все же послѣдній въ немъ живетъ, и его мы должны помнить, признавать и любить, подавляя въ своей душѣ отвращеніе, враждебность и гадливость, которыя въ насъ невольно возбуждаются уклоненіями дѣйствительнаго человѣка отъ живущаго въ немъ, но скрытаго, за-таеннаго и обезображеннаго свѣтлаго и чистаго человѣческаго идеала. Сказаннымъ объясняются характеристическія черты любви, которую этика ставитъ людямъ какъ руководство и идеалъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Незлобивость, прощеніе обидъ, *состраданіе*, *милосердіе*, *самоотверженіе на пользу другихъ*, терпѣніе и кротость, снисходительность, *готовность помочь и утѣшить*—суть лишь проявленія и при-

жѣненія любви. Она идеальна, но не даетъ человеку оторваться отъ дѣйствительности, искать успокоенія и утѣшенія отъ ея тревоженій и до-
кукъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, къ чему всѣ мы такъ склонны. Этиче-
ская любовь *критично приковываетъ насъ къ жизни*, заставляетъ постоянно
и усиленно работать надъ собой, чтобы выучиться въ единичномъ видѣть
общее, идеальное, съ высоты идеала взвѣшивать и оцѣнивать дѣйстви-
тельныхъ людей, не теряясь въ индивидуальных особенностяхъ и не уходя
въ отвлеченности. *Упражненіе въ этической любви есть потому высшая*
школа нравственной жизни, самая трудная, но зато самая плодородная
по своимъ послѣдствіямъ для нравственнаго воспитанія и жизни. Не да-
ромъ любовь называется высшею изъ всѣхъ добродѣтелей».

Чѣмъ холоднѣе становится сердце людское, чѣмъ больше изсякаетъ эта
любовь, чѣмъ чаще благотворитель руководится цѣлями, благотворенію со-
вершенно сторонними, и направляетъ свою жертву не туда, гдѣ она не-
обходима, а туда, гдѣ она угодна, — тѣмъ настойчивѣе встаетъ вопросъ о
подходящемъ налогѣ въ пользу бѣдныхъ и о расходованіи его на мѣстахъ
не циркулярами изъ центра, а живыми людьми, сердечными и участливыми,
близко стоящими къ бѣдствующему населенію и способными помочь ему
не одними только матеріальными средствами, но и нравственной поддержкой.
Такой налогъ въ связи со всѣми вышепредложенными мѣрами, общими и
частными, отвлеченными и конкретными, можетъ дать дѣлу благотворенія,
изувѣченному и обезсиленному въ своихъ стимулахъ, принципахъ и
факторахъ, и дѣйствующему въ крайне неблагоприятныхъ бытовыхъ усло-
віяхъ, новую прочную основу и новыя свѣжія силы. Но при этомъ
отнюдь, конечно, не слѣдуетъ забывать, что благотворительность — не
универсальная панацея, а только временный палліативъ, теряющій свое
значеніе по мѣрѣ улучшенія общихъ коренныхъ условій соціального строя
страны и ея экономического быта, и что, слѣдовательно, какъ бы совер-
шенна ни была организація благотворительности, какъ бы высоко ни стояли
ея дѣятели, на этомъ нельзя остановиться, успокоиться, примириться и
сложить руки передъ иною, вышею, исконною задачей, стремящейся не
только къ помощи нуждающемуся, но и къ искорененію самой нужды.

П. Обнинскій.

Еще о г. Южаковѣ и русскомъ языкѣ въ средней школѣ.

Въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* за 1898 г. г. Южаковъ отвѣчалъ на мою статью: «Г. Южаковъ и русскій языкъ въ средней школѣ» и оказалъ мнѣ, такъ сказать, тройную честь. Онъ постарался подсчитать число своихъ ошибокъ, которыя я указалъ ему не перечисляя, изъ чего слѣдуетъ, что онъ призналъ за ними значеніе; далѣе, мою статью, заключающую въ себѣ 17 страницъ, онъ разобралъ на цѣлыхъ 10 страницахъ, что, очевидно, доказываетъ цѣнность моей статьи въ его глазахъ, и, наконецъ, онъ отождествилъ меня со всей редакціей *Русской Мысли*, такъ какъ отвѣчаетъ не мнѣ одному, а всей *Русской Мысли*. Конечно, все это продолжалъ г. Южаковъ съ цѣлью уличить и уничтожить меня и оправдать себя, но фактъ остается фактомъ: въ своемъ увлеченіи г. Южаковъ выпустилъ изъ виду, что для меня его «Отвѣтъ» представляетъ собой нѣчто весьма лестное, и я оказался бы неблагодарнымъ, если бы вовсе умолчалъ объ этомъ. Впрочемъ, чтобы было ясно, честь или посрамленіе получилъ я отъ г. Южакова, на нижеслѣдующихъ строчкахъ я подвергну его «Отвѣтъ» нѣкоторому разсмотрѣнію.

Г. Южаковъ два раза, въ началѣ и въ концѣ своего «Отвѣта», пронизываетъ надъ моей медлительностью. Вотъ относящаяся къ этому пункту мѣста разсматриваемаго «Отвѣта»: «Г-нъ И. К. отыликнулся на мою статью, появившуюся, однако, *два съ половиною года* тому назадъ. Нѣсколько долго собирался въ походъ почтенный авторъ, но тѣмъ основательнѣе, конечно, къ походу можно было изготавиться и тѣмъ вѣрнѣе одержать побѣду. А въ данномъ случаѣ вопросъ идетъ о столь важныхъ культурныхъ интересахъ, что можно только радоваться такому основательному, такому неспѣшному изученію важнаго вопроса» (*Русск. Богат.* № 11 1898 г., стр. 19). Въ концѣ статьи г. Южаковъ говоритъ: «Таковы ті ошибки, въ коихъ я уличаюсь критикомъ *Русской Мысли*... Правда, это только примѣры, а всѣхъ моихъ промаховъ и ошибокъ «все равно не перечеислишь», но если и остальные не старше чиномъ, то я могу не тре

житься сою тайной уважаемой редакціи, и буду терпѣливо ждать, когда *юдика черезъ три* она опять соберется оною тайной подѣлиться съ читающею публикой» (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 29). Итакъ, все то, что я говорилъ во вступленіи къ своей статьѣ о своемъ недосугѣ и о другихъ обстоятельствахъ, въ силу которыхъ я молчалъ раньше, г. Южакову кажется неубѣдительнымъ: онъ просто не вѣритъ мнѣ и считаетъ возможнымъ издѣваться,—это, конечно, его дѣло. Любопытно другое: вѣдь «вопросъ идетъ о важныхъ культурныхъ интересахъ», какъ заявляетъ г. Южаковъ, и онъ же нѣсколько ниже утверждаетъ, что этотъ вопросъ «не можетъ не интересоватъ всего образованнаго общества» (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 19). При такихъ условіяхъ, какъ кажется, не только черезъ *два съ половиной*, но и черезъ пять лѣтъ не поздно говорить о томъ, о чемъ впервые заговорилъ г. Южаковъ. Затѣмъ же тутъ упрекъ, что я пишу не ранѣе, какъ черезъ два съ половиною года, и предположеніе, что соберусь писать дальше о томъ же годика черезъ три? Затѣмъ, очевидно, что г. Южаковъ, какъ ни велико значеніе вопроса, считаетъ свою статью устарѣлой и удивляется, какъ не замѣтилъ я этого. Признаюсь, однако, что подобный взглядъ автора выяснился для меня только послѣ его «Отвѣта» и ранѣе я его предвидѣть не могъ. Съ другой стороны, у г. Южакова свой счетъ годамъ. Его статья объ учебникахъ русскаго языка напечатана впервые въ *Русскомъ Богатствѣ* въ апрѣльской книжкѣ 1897 г., а повторена въ отдѣльной книгѣ *Вопросы просвѣщенія* гораздо позднѣе, мой же разборъ писался въ іюль 1898 г., а напечатанъ въ сентябрѣ. Такимъ образомъ, болѣе полутора года никакъ не выходитъ, и г. Южаковъ годикъ накинулъ на всякій случай, что заставляетъ меня сдѣлать правильный подсчетъ существованію его статьи на свѣтѣ.

Перехожу теперь къ тому, о чемъ писалъ г. Южаковъ въ апрѣлѣ 1897 года. Говоря о предметѣ своей статьи объ учебникахъ въ «Отвѣтѣ» *Русской Мысли*, г. Южаковъ совершенно неожиданно смѣшиваетъ себя со страусомъ, или, по крайней мѣрѣ,—спрашиваетъ, отчего я, разбирая его статью, «не помѣстилъ диссертациі» о страусѣ (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 21). Странная, можно сказать, претензія, впрочемъ, все бываетъ на свѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, постараюсь показать, что между г. Южаковымъ и страусомъ я не безъ причинъ не видалъ ничего общаго, когда писалъ свою статью. «Скромная» задача г. Южакова опредѣляется, по его словамъ въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* за 1898 г. (стр. 21), такъ: онъ только хочетъ показать, что для преподаванія грамматики «необходимы ясныя и правильныя учебники», а „разобранныя имъ учебники не ясны и неправильны“. Къ вопросу же объ изученіи русскаго языка въ средней школѣ г. Южаковъ не подходитъ, по его увѣренію, ни съ какой стороны (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 20). «Нѣсколько разъ,—прибавляетъ онъ,—я вскользь коснулся того обстоятельства, что преподаваніе русскаго языка ограничено тремя низшими классами и не выразилъ этому сочувствія» (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 21).

Такимъ образомъ задача г. Южакова, повидимому, дѣйствительно, очень «скромна». Между тѣмъ я позволилъ себѣ, сверхъ того, говорить еще о *методѣ* изученія русскаго языка, пропагандируемомъ г. Южаковымъ въ той же статьѣ его объ учебникахъ, и въ этихъ-то рѣчахъ моихъ онъ усмотрѣлъ нѣчто, напоминающее рѣчи о страусѣ. По всей справедливости, уморительное недоразумѣніе! Посмотримъ же, въ чемъ дѣло. На стр. 67 *Русской Мысли* за сентябрь 1898 года я собралъ цѣлый рядъ замѣчаній г. Южакова, которыя, — онъ не станетъ этого отрицать, — принадлежать ему и всѣ касаются именно *метода* обученія русскому языку въ средней школѣ. Повторять эти замѣчанія здѣсь не стоитъ, потому что всякій желающій можетъ сдѣлать справку; приведу только одно изъ нихъ, заключающее собой всю статью объ учебникахъ: *благодаря совершенной непригодности учебниковъ русскаго языка, — читаемъ мы здѣсь, — „школа разучиваетъ русскіхъ дѣтей родному языку и отучаетъ ихъ отъ правильного пользованія богатыми и разнообразными средствами родной рѣчи. По тому языку, которымъ пишутся многія произведенія прессы, читатели уже могутъ судить объ упадкѣ знанія русскаго языка“* и т. д. и т. д. Заключение, какъ всѣмъ извѣстно, и какъ, можетъ быть, признастъ и г. Южаковъ, резюмируетъ весь смыслъ и значеніе статьи, а смыслъ и значеніе только что приведеннаго заключенія ясенъ: въ немъ рѣчь идетъ о *методѣ*, откуда же взялся страусъ? И г. Южаковъ думаетъ еще, что я упрекаю его «за отсутствіе въ его статьѣ вопроса о методахъ преподаванія русскаго языка» (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 21). Нужно не умиѣть читать, чтобы вычитать что-либо подобное изъ моей статьи, потому что его-то статья вся полна замѣчаніями именно о *методѣ* изученія русскаго языка въ средней школѣ. Я не виноватъ, что г. Южаковъ просто забылъ то, о чемъ онъ писалъ, почему и приравниваетъ мои разсужденія о его *методѣ* изученія русскаго языка къ диссертациі о страусѣ. Сколько бы ни удивлялся г. Южаковъ, какъ бы ни восклицалъ онъ, вродѣ: *ою! и: опять?* (*Русск. Богат.* № 11, 1898 г., стр. 20), я все-таки скажу: г. Южаковъ настаиваетъ на *методѣ*, основанномъ на грамматикѣ.

Съ другой стороны, г. Южаковъ, какъ выше было показано, склоненъ считать предметъ своей статьи вопросомъ о «высшихъ культурныхъ интересахъ», который «не можетъ не интересоватъ всего образованнаго общества». Въ чемъ же однако заключается *высшій* культурный интересъ въ предметѣ статьи г. Южакова, если онъ только указываетъ «неясность и неправильность» учебниковъ. Неужели когда кто-либо указываетъ, что такіе-то учебники плохи, онъ служитъ *высшимъ* культурнымъ интересамъ? Съ этимъ согласиться, конечно, невозможно, и если бы я видѣлъ въ статьѣ г. Южакова лишь разборъ плохихъ учебниковъ, я бы не вступалъ съ нимъ ни въ какія пререканія.

Но кромѣ того, что г. Южаковъ неправильно считаетъ количествъ лѣтъ со времени появленія его статьи и отличается, когда ему выгодно забывчивостью, онъ обнаруживаетъ временами нежеланіе различать сами

простыя понятія, такъ что *грамматика*, напримѣръ, и *учебникъ грамматики*, по его мнѣнію, совсѣмъ одно и то же, а глаголь *повторять* имѣть одинаковое значеніе съ глаголомъ *соотвѣтствовать*. Выписывая мои слова: «положительно обидно за русскій языкъ въ средней школѣ: г. Южаковъ настойчиво требуетъ той самой русской грамматики, отъ которой русскій языкъ и сейчасъ страдаетъ здѣсь въ значительной степени»,—г. Южаковъ восклищаетъ: «я настойчиво требую «той самой» русской грамматики, «отъ которой русскій языкъ и сейчасъ страдаетъ» и которую я самъ призналъ никуда негодною!» Это вѣдь уже просто хуже компрачикоса какаго-то...» (*Рус. Бюет.* № 11, 1898 г., стр. 20) «Та самая грамматика» очень нравится г. Южакову, потому что о ней онъ повторяетъ нѣсколько разъ и, повидимому, думаетъ, что этимъ, какъ онъ говоритъ, «компрачикосомъ» онъ меня совсѣмъ уничтожаетъ, но я еще живъ и не могу не заявить, что творцомъ «компрачикоса» слѣдуетъ считать не меня, а г. Южакова. Я говорю о грамматикѣ, какъ объ учебномъ предметѣ, а онъ считаетъ негодными учебники грамматики. Пусть г. Южаковъ не оправдывается, будто я неясно выразился: тамъ, гдѣ стоитъ у меня вышеприведенная фраза, объ учебникахъ рѣчи нѣтъ, и мое слово *грамматика* иначе, какъ въ смыслѣ учебнаго предмета, понять безпристрастному читателю нельзя. Не менѣе развязно г. Южаковъ слово *повторять* отождествляетъ со словомъ *соотвѣтствовать*. По поводу опредѣленія совершеннаго вида глагола, созданнаго г. Южаковымъ, я говорю, что нельзя назвать несбивчивымъ и яснымъ опредѣленіе, въ которомъ понятія опредѣляющее и опредѣляемое *повторяютъ* другъ друга, а г. Южаковъ тутъ же весьма скромно, конечно, заявляетъ: «Я ни мало не желаю себѣ присваивать чести этого яснаго опредѣленія, хотя въ немъ и заключается этотъ ужасный грѣхъ, что опредѣляемому *соотвѣтствуетъ* опредѣляющее» (*Рус. Бюет.* № 11, 1898 г., стр. 24). Какъ видитъ читатель, мое сказуемое: *повторяютъ*, словно по шучьему велѣнію, превратилось въ новое: *соотвѣтствуетъ*. Кстати сказать: напрасно г. Южаковъ киваетъ здѣсь на Буслаева: не я, молъ, а Буслаевъ; въ своей статьѣ я имѣлъ въ виду передѣлку опредѣленія Буслаева, принадлежащую г. Южакову, и продолжаю настаивать на сбивчивости и неясности ея.

Но я подошелъ теперь къ ошибкамъ г. Южакова, которыхъ, вслѣдствіе моихъ указаній, онъ насчитываетъ у себя 8 и, занумеровывая каждую изъ нихъ, толкуетъ о нихъ настолько обстоятельно, какъ будто дѣйствительно чувствуетъ свою неправоту. Что въ статьѣ г. Южакова ошибокъ гораздо больше, это несомнѣнно, и я готовъ повторить здѣсь еще разъ: «Всѣхъ ошибокъ и промаховъ г. Южакова все равно не перечислишь» (*Рус. М.* № 9, 1898 г., стр. 62); если же всѣ эти остальные ошибки я не указывалъ ранѣе, не собираюсь указывать и сейчасъ, то на это у меня есть серьезныя основанія, о которыхъ я и сказалъ уже отчасти въ своей статьѣ. Тамъ я говорю: «Продолжать это занятіе (т.-е. перечисленіе ошибокъ г. Южакова) было бы безцѣльно, потому что читатель видѣлъ уже, что

и г. Южаковъ не безъ грѣха», и далѣе: «да и помимо безцѣльности, дальнѣйшее разоблаченіе незнакомства г. Южакова съ русскимъ языкомъ является чрезвычайно скучнымъ какъ для читателя, такъ и для меня» (*Р. М.* № 9, 1898 г., стр. 62). Сверхъ того,—и это самое главное—я находилъ и нахожу совершенно неумѣстнымъ разбираться въ ошибкахъ г. Южакова на страницахъ такого журнала, каковъ *Русская Мысль*, въ задачи котораго никогда не входило печатаніе специальныхъ филологическихъ изслѣдованій. Я писалъ о статьѣ г. Южакова, такъ какъ видѣлъ въ ней интересъ общаго свойства, и мнѣ необходимо было привести лишь нѣкоторыя ошибки автора, чтобы показать, что тотъ авторитетный тонъ, который онъ принимаетъ, совсѣмъ ему не къ лицу.

Что же однако сказать по поводу оцѣнки г. Южаковымъ его же собственныхъ 8 ошибокъ? Думаю, что распространяться на этотъ счетъ едва ли стоить. Передержки и мнимыя оправданія здѣсь встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Г. Южакову ничего не стоить учинять изъ моихъ словъ «компрачикосы» какіе-то, изворачиваться относительно выдуманнаго имъ глагола *ставать* (*Р. Б.* № 11, 1898 г., стр. 25), вывертываться по поводу его правилъ объ образованіи видовъ глагола (*ibidem*, стр. 26), или по поводу формы *ндя* отъ глагола *нхатъ*, которую придумалъ онъ самъ, такъ какъ и сейчасъ не можетъ сослаться ни на одинъ учебникъ (*ibidem*, стр. 27). Вообще ни одно изъ возраженій г. Южакова я не могъ бы оставить, конечно, божь своихъ возраженій, но въ виду тѣхъ пріемовъ, которые онъ употребляетъ для своей защиты, считаю это занятіе безсмысленнымъ. Пускай себѣ утѣшается, если находитъ возможнымъ, и считаетъ себя правымъ, а меня уничтоженнымъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: чѣмъ шатче положеніе г. Южакова, тѣмъ менѣе совѣстится онъ упрекать меня въ недобросовѣстности.

Что касается до апломба г. Южакова, то онъ остается въ «Отвѣтѣ» *Русской Мысли* такимъ же, каковымъ былъ въ статьѣ почтеннаго автора объ учебникахъ; правда, въ этомъ «Отвѣтѣ» нѣтъ словъ вроде «чепуха», «путаница», «сумбуръ», «абсурдъ» и проч., уснащающихъ обильно самую статью, зато здѣсь есть «компрачикосъ», «страусъ», которые будутъ по-сильнѣе «чепухи», «сумбура» и т. п. Интересно, что приводя мои слова: «пора кончить съ выясненіемъ тѣхъ свойствъ его (т.-е. г. Южакова), которыя не подозрѣвая въ себѣ, онъ съ такою развязностью находитъ у различныхъ составителей грамматики», авторъ «Отвѣта» послѣ словъ: «свойствъ его» задаетъ вопросъ: *т.-е. даже моей личности?* Рѣшаю этотъ вопросъ: да, личности, потому что невѣжество и апломбъ составляютъ принадлежность личности.

Еще одно послѣднее замѣчаніе относительно примѣчанія г. Южакова о будто бы чинимомъ ему съ моей стороны допросѣ, почему онъ цитируетъ Буслаева, почему не ссылается на Востокова, почему не цитируетъ Потебни и проч. (*Р. Б.* № 11, 1898 г., стр. 29). Г. Южаковъ называетъ этотъ, будто бы чинимый мною допросъ празднымъ и говорить, что я выхожу

«изъ рамокъ литературной полемики». Но вѣдь никакого вопроса я г. Южакову не чинилъ, и онъ опять не хочетъ понять меня, желая показать читателю, какой я недобросовѣстный критикъ. Всякій, кто, какъ г. Южаковъ, разсуждаетъ отъ науки, обязанъ знать современное ея состояніе. Неужели это является открытіемъ для г. Южакова? Неужели если г. Южаковъ цитируетъ одного Буслаева, то я, чтобы не выходить изъ рамокъ литературной полемики, уже не имѣю права указать ему на Потебню, который весьма основательно обнаруживаетъ несостоятельность многихъ взглядовъ Буслаева? Разумѣется, если принять во вниманіе, что статья г. Южакова въ корнѣ устарѣлая, то, можетъ быть, онъ и правъ; но объ этомъ, какъ я уже говорилъ, я ранѣе не догадывался.

Итакъ, въ «Отвѣтъ» *Русской Мысли* г. Южаковъ ведетъ неправильный счетъ времени существованія его статьи, забываетъ, чего забыть нельзя, обнаруживаетъ нежеланіе понять, что понятно всякому, извращаетъ мои слова и дѣлаетъ передержки большія, среднія и малыя. Я вполне увѣренъ, что читатель согласится во всемъ этомъ со мной, если прочтетъ не только статью г. Южакова и его «Отвѣтъ», но и мою статью. Что бы однако еще ни наговорить на меня г. Южаковъ, а наговорить человѣкъ съ такимъ апломбомъ, какъ онъ, можетъ много, я не нарушу молчанія и считаю свой обмѣнъ мыслей съ г. Южаковымъ для себя оконченнымъ.

М. Н.

Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ по произведеніямъ А. Н. Островскаго.

Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ
XIX вѣкѣ.

I.

„Комедіи Островскаго это — пьесы жизни“.
Добролюбовъ.

Почти любая изъ комедій Островскаго, будь она даже единственнымъ произведеніемъ автора, сдѣлала бы его знаменитымъ писателемъ, и мы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ наслаждались бы прекраснѣйшей картинкой нравовъ или русскаго купечества или русскаго чиновничества. Приблизительно таковъ и былъ отзывъ объ одномъ изъ первыхъ произведеній нашего драматурга, высказанный кн. Одоевскимъ, который, признавая въ русской драматической литературѣ только три произведенія («Недоросль», «Горе отъ ума» и «Ревизоръ»), сказалъ, что онъ поставилъ бы номеръ четвертый на комедію Островскаго «Свои люди — сочтемся». Но, какъ всѣмъ намъ извѣстно, Островскій оставилъ не одну комедію, а громадное, неоцѣнимое наслѣдство въ видѣ цѣлой галлерей самыхъ разнообразныхъ художественныхъ драматическихъ произведеній, которыя создали ему славу великаго драматурга, равнаго своимъ великимъ предшественникамъ Гоголю и Грибоедову. Эта галлерей состоитъ приблизительно изъ пятидесяти картинъ *), то ярко-комическихъ, то глубоко-драматическихъ. При этомъ надо замѣтить, что въ произведеніяхъ Островскаго заключается гораздо больше матеріала, чѣмъ на эти пятьдесятъ комедій, драмъ, хроникъ и сценъ; изъ многихъ тамъ и сямъ разбросанныхъ мыслей, фактовъ и дѣйствующихъ лицъ, болѣе практичному драматургу смѣло можно было бы скроить еще не одно, не менѣе цѣльное и прекрасное, драматическое произведеніе.

*) Оригинальныхъ и самостоятельныхъ—47; въ сотрудничествѣ съ другими лицами—5; и кромѣ того переводныхъ и передѣланныхъ—12. Всего—64 произведенія.

Достоинства произведеній Островскаго многочисленны и неоднократно указывались и оспаривались критикой; въ нашу задачу не входитъ критическій анализъ самихъ произведеній Островскаго и потому мы укажемъ только на нѣкоторыя отличительныя черты ихъ, на тѣ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашей темѣ.

Въ произведеніяхъ Островскаго всѣ дѣйствующія лица—типы въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, а всѣ событія—обыденныя стеченія обстоятельствъ при обыкновенномъ же положеніи вещей и дѣлъ. Очень рѣдко только встрѣчаются исключительныя личности и выходящіе изъ ряда вонъ факты. Героевъ слова или дѣла нѣтъ въ этой средней во всѣхъ отношеніяхъ средѣ, и потому ни дурные люди не совершаютъ у него эффектно скверныхъ поступковъ, ни добродѣтельные не отличаются какими бы то ни было громкими дѣлами или выдающейся дѣятельностью на какомъ-либо поприщѣ. А въ русской художественной литературѣ до и во времена Островскаго, можетъ быть, даже болѣе чѣмъ во всякой другой литературѣ, обыкновенно были выводимы или особенно порочныя, или односторонніе характеры, или же сравнительно идеальныя, но во всякомъ случаѣ выдающіеся типы. У Островскаго же взята та сѣрая, будничная жизнь, которая и составляетъ настоящую жизнь народа безъ всякихъ прикрасъ и подчеркиваній.

Что касается вообще содержанія произведеній Островскаго, то мы должны указать на извѣстную деликатность художника въ этой драматической живописи; надо замѣтить, что у него семейныя отношенія всегда на первомъ планѣ, и такъ какъ внѣсемейныя отношенія онъ не вводитъ въ свою задачу, то у него почти нѣтъ ни описанія кутежей и мотовства, ни тѣмъ болѣе специальныхъ характеристикъ любовниковъ и любовницъ въ видѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ являются они на сцену, для того, чтобы такъ или иначе освѣтить семейныя отношенія.

Далѣе, всѣ бытовыя сочиненія Островскаго, съ одной стороны, а историческія, съ другой, указываютъ на непосредственную связь и послѣдовательность въ развитіи русскаго быта за послѣднія два-три столѣтія.

Затѣмъ очень важно отмѣтить единство или цѣльность сочиненій Островскаго во всей ихъ совокупности, состоящую въ томъ, что нашъ художникъ не разбрасывается въ своихъ сочиненіяхъ по разнымъ, не имѣющимъ между собою связи, вопросамъ, не перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, а постепенно (хотя и не соблюдая какого-либо особеннаго плана, что собственно и невозможно въ художественномъ творчествѣ), захватываетъ одну извѣстную тему съ различныхъ сторонъ, разрабатываетъ то однѣ, то другія детали, не отклоняясь въ стороны и не увлекаясь иногда очень соблазнительными, но неимѣющими съ основной идеей связи, вопросами. Это очень важное достоинство и очень немногіе драматурги, не только русскіе, но и иностранные, написавшіе даже не такъ много произведеній, были настолько вѣрны этому единству темы затронутыхъ вопросовъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, какъ Александръ Николаевичъ

Островскій. Эту одну общую для всѣхъ произведеній Островскаго тему можно формулировать приблизительно такъ: «характеристика быта русскаго среднего класса въ его обыденной жизни въ срединѣ XIX вѣка».

Вѣдь нашъ средний классъ играетъ въ текущемъ столѣтіи очень важную роль въ развитіи русскаго народа. Низшіе классы и до сихъ поръ еще почти не образованы, мало развиты, грубы и не отесаны, какъ гранитныя скалы Финляндіи, и потому долго еще придется ждать ихъ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ дѣлѣ прогресса. Высшіе классы, какъ и вездѣ, слишкомъ нѣжной организаціи для тернистаго пути къ достиженію идеаловъ. Центръ тяжести силы народной лежитъ въ среднемъ классѣ, который, какъ среднее ариметическое, даетъ наиболѣе точную характеристику портрета народа во весь его ростъ. Это очевидно ясно представилъ себѣ и Островскій, когда онъ посвятилъ всю свою дѣятельность художественному изображенію этого класса, изрѣдка только обращаясь къ высшему и низшему классамъ, если того требовала полнота изображаемой имъ картины, и указывая этимъ самымъ на непосредственную связь всѣхъ классовъ между собою.

Нельзя не замѣтить, что большинство нашихъ писателей касались чаще всего, такъ сказать, наносныхъ чертъ нашего характера, временно возникшихъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ литературныхъ, политическихъ, общественныхъ или философскихъ теченій на Западѣ и касающихся главнымъ образомъ интеллигентнаго класса: таковы сочиненія Лермонтова, Тургенева, Писемскаго и друг.; или же писатели наши обращали свое вниманіе на какія-нибудь отдѣльныя мѣстности, классы или слои общества: таковы Грибоѣдовъ, Печерскій, Успенскій и друг. У Островскаго же нѣтъ ни высшей аристократіи, ни мужичка-крестьянина, но зато средний классъ схваченъ во всей его полнотѣ и разнообразіи: есть у него и чиновникъ, начинающій съ писаришки, макающаго изъ помадной банки и бѣгающаго какъ мальчишка-подмастерье за водкой и квасомъ и, кончая важнымъ превосходительнымъ генераломъ; есть у него и купецъ, начинающій отъ мелкаго лавочника и трактирщика и кончая первогильдейнымъ «самимъ», ворочающимъ капиталами, фабриками и заводами; есть у него и мѣщанинъ-бѣднякъ, и помѣщикъ, и учащій, и учащійся, выучившіеся и недоучившіеся и т. д. Всѣ они проходятъ передъ нами, какъ живые, какъ будто въ эдиссоновскомъ кинематографѣ.

Указанное единство темы во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго, какъ бы само собой, вызвало еще одно важное достоинство — полноту и рельефность исполненія этой темы, которая благодаря рѣдкому таланту автора не получила какой-либо односторонней или спеціальной окраски, а напротивъ отличается глубиной мысли, правильностью постановки вопроса и точки зрѣнія автора и замѣчательною жизненностью.

Вотъ почему до сихъ поръ мы съ такой охотой идемъ въ театръ на пьесы Островскаго, хотя бы и видѣли ихъ не одинъ разъ. И потому же до сихъ поръ ни одна новая пьеса изъ всей массы пьесъ, поставляемой

новыми драматургами и драматическихъ дѣлъ мастерами, не могла замѣнить намъ комедій Островскаго. И если когда-либо въ далекомъ будущемъ его произведенія утратятъ интересъ современности, то за ними навсегда останется интересъ исторически-бытовой. Общая картина нравовъ и состоянія общественнаго развитія XIX-го вѣка, какъ она нарисована Островскимъ, всегда будетъ лучшимъ художественнымъ украшеніемъ исторіи этого періода. И можно быть увѣреннымъ, что каждый изъ нашихъ потомковъ XX столѣтія, читая или смотря на сценѣ драматическія произведенія Островскаго, также какъ и мы, почувствуетъ въ нихъ что-то очень близкое и родное.

Но кромѣ общей картины «характеристики быта русскаго средняго класса въ его обыденной жизни въ срединѣ XIX вѣка, на которую критики обратили уже вниманіе, мы находимъ во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго еще одну обширную тему, которая неразрывно связана съ первой и во всѣхъ произведеніяхъ переплетается съ ней какъ древній русскій орнаментъ въ его безконечныхъ изгибахъ и связяхъ,—это тѣ или другія черты *положенія русской женщины въ семьѣ и обществѣ*. На этотъ вопросъ критиками Островскаго было обращено сравнительно мало вниманія и никѣмъ этотъ вопросъ не былъ разработанъ во всемъ объемѣ богатаго матеріала, предложеннаго намъ великимъ драматургомъ. Въ настоящей статьѣ мы постараемся дать возможно цѣльный очеркъ этого вопроса, который въ переживаемое нами время, въ виду все усиливающагося движенія въ защиту женщины какъ за границей, такъ и у насъ, представляетъ, можно сказать, насущный интересъ.

Наконецъ, во внѣшней, такъ и во внутренней художественной обработкѣ произведеній Островскаго главные достоинства это — простота, естественность и жизненность, въ одно и то же время фотографически-точные и художественно-рельефныя; достоинства, непоколебленныя ни жестокимъ временемъ, ни придирчивой критикой. Очень остроумно выразился по этому поводу одинъ изъ историковъ литературы; по его словамъ, Островскій «какъ будто только всего и сдѣлалъ, что сломалъ стѣнку передъ чужой квартирой и предоставилъ вамъ смотрѣть, что въ этой квартирѣ дѣлается *).

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ достоинствъ произведеній нашего драматурга, есть еще одно важное обстоятельство, благодаря которому, если мы интересуемся успѣшнымъ развитіемъ женскаго вопроса мы должны отдать предпочтеніе именно произведеніямъ Островскаго. Имъ затронуты такія глубокія основы русской жизни и такіе слои еѣ, которые сложились вѣками исторической жизни и не зависятъ отъ чьихъ-либо прихотей и которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могутъ исчезнуть не только теперь, но и не исчезнуть еще и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. И поэтому ко всему тому, про что мы, подразумѣвая періодъ полувѣковой дѣятельности Островскаго въ срединѣ текущаго столѣтія, говоримъ: «было и случалось», мы

*) Скабичевскій: „Исторія новѣйшей литературы“, стр. 428.

смѣло можемъ и теперь ж, вѣроятно, еще довольно долго прибавлять: «это есть и случается и по настоящее время» *).

И вотъ когда всѣ герои этихъ «пьесъ жизни» проходятъ передъ нами со всѣми своими чадами и домочадцами, среди которыхъ авторомъ особенное вниманіе удѣлено матерямъ, женамъ и дочерямъ, то у насъ является невольное непреодолимое желаніе познакомиться съ ихъ житьемъ-бытьемъ. А узнавъ, какъ сложились условія ихъ быта, что сдѣлали жизнь и исторія съ нашими героинями, мы увидимъ, какой матеріалъ, по мнѣнію нашего драматурга, можетъ быть въ распоряженіи нашего и будущихъ поколѣній.

Вмѣстѣ съ Островскимъ намъ приходится обратиться къ русской старинѣ. Имъ самимъ, очевидно, съ глубоко-обдуманной цѣлью—мы знаемъ, что онъ специально занимался **) изученіемъ русской исторіи и старины,—было написано нѣсколько историческихъ произведеній. Въ нихъ, отчасти на основаніи историческихъ данныхъ, отчасти благодаря своей художественной проницательности и чутью, онъ болѣе или менѣе вѣрно возстановилъ предъ нами въ яркихъ образахъ бытъ древней Руси, лежащій въ основѣ формъ существующихъ въ настоящее время.

Итакъ, обратимся къ XVI и XVII вѣкамъ. Тогда Русь была еще такой страной, къ которой безъ малѣйшаго преувеличенія можно отнести характеристику Замоскворѣчья въ текущемъ столѣтіи, сдѣланную чиновникомъ Василиемъ Дмитріевичемъ Досужевымъ въ комедіи «Тяжелые дни». По его словамъ, это такая страна, гдѣ «дни раздѣляются на легкіе и тяжелые; гдѣ люди твердо увѣрены, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, и что, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, одна начинаетъ шевелиться: значить, плохо дѣло,—гдѣ заболѣваютъ отъ дурного глаза, а лѣчатся симпатіями; гдѣ есть свои астрономы, которые наблюдаютъ за кометами и рассматриваютъ двухъ человѣкъ на лунѣ; гдѣ своя политика, и тоже получаютъ депеши, но только все больше изъ Бѣлой Арапіи и странъ, къ ней прилегающихъ» (т. III, стр. 293) ***).

А въ комедіи «Коміеъ XVII столѣтія» мы видимъ умилительную сцену, какъ старикъ подьячій, сидя въ чистой избѣ на деревянной лавкѣ, читаетъ рукопись Домостроя:

„А дѣти еще небрегомы будутъ,
Въ ненаказаніи отцовъ живы,
Что согрѣшатъ нѣ злое что содѣютъ,

*) На этомъ основаніи мы, между прочимъ, рѣшили не слѣдовать хронологическому порядку въ группировкѣ произведеній Островскаго, а разсматривать ихъ какъ нѣчто болѣе или менѣе цѣлое, характеризующее нравы и жизнь всего XIX в. Поэтому же на-ряду со ссылками на позднѣйшія произведенія, встрѣтятся ссылки и на произведенія изъ перваго періода дѣятельности нашего драматурга.

**) Въ письмѣ къ Бурдину 27 сент. 1866 г. Островскій пишетъ: „Я уже давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвятить себя исключительно ей; буду писать хроники, но не для театра“.

***) При ссылкѣ на сочиненія Островскаго мы пользовались изданіемъ 9-мъ (Москва, 1890 г.).

Отцамъ и матерямъ отъ Бога грѣхъ,
 А отъ людей укоръ и поношеніе,
 Въ дому тѣта и скорби, и убытки,
 А отъ судей сорамота, продажа".
 Премудрыя слова отца Сильвестра,
 А дагѣе читаемъ: „Како дѣти
 Спасати страхомъ...", „Не ослабѣвай,
 Віа младенца. Аще бо желомъ
 Віешъ его, на здравіе бываетъ;
 Казни измлада сына своего
 И ребра сокрушай, покуда малъ;
 А вырастетъ—не дастся". Это правда,
 Великій былъ мудрецъ отецъ Сильвестръ!"

(т. VIII, стр. 162).

Старый служака съ чувствомъ наслаждается тѣмъ, что составляетъ для него единственный «словесный медъ и пищу для души». И хотя онъ знаетъ, что питается «премудростью чужой», но эта премудрость приплась ему по душѣ и онъ, не смущаясь ничѣмъ, проводить ее въ свою среду и передать ее своимъ сынамъ и внукамъ въ назиданіе и безпрекословное исполненіе. Сыны же и внуки, не просвѣщенные еще, подобно намъ, ни образованіемъ, ни критикой, ни анализомъ, какъ бы по инерціи слѣдуютъ завѣтамъ отцовъ и оказываются особенно консервативными въ томъ именно вопросѣ, который не только не менѣе, но болѣе всѣхъ другихъ требовалъ обновленія и кореннаго измѣненія. Это—въ вопросѣ о положеніи женщины, изъ котораго непосредственно вытекаютъ два другіе вопроса: о семьѣ и отношеніяхъ общественныхъ. Конечно, нельзя утверждать, что только идеи Домостроя являются главной причиной застоя и отсталости нашей общественной жизни. Виѣсть съ нимъ и не менѣе его виноваты подготовившія ему для прививки плодотворную почву татарщина со всѣми ея послѣдствіями антикультурнаго нашествія, а еще раньше Византія, которая принесла съ собой въ молодую русскую жизнь нравственный упадокъ и развратъ, господствовавшій въ этомъ блестящемъ, но вымиравшемъ парствѣ роскоши и пресыщенія. Какъ бы то ни было, но намъ приходится считаться съ результатами всѣхъ этихъ историческихъ наслѣдствъ, которыя, судя справедливо и безпристрастно, оказали вообще довольно печальное вліяніе на всю русскую жизнь, а въ частности приостановили и исказили нормальное развитіе русской женщины, которая, попавъ въ тяжелыя условія существованія, не могла сдѣлаться, подобно тому, какъ это было у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ, нравственнымъ центромъ семьи и общества.

II.

Прежде чѣмъ познакомиться съ изображеніемъ положенія самой женщины, необходимо обратить вниманіе на тѣхъ, отъ кого она всецѣло зависѣла и получала то или другое направленіе на жизненномъ пути,—это именно на

старшее поколѣніе, или, выражаясь по Тургеневу, на «отцовъ». Мы должны замѣтить, что подъ понятіемъ «старшаго поколѣнія» и «отцовъ» мы одинаково подразумѣваемъ вообще главу семьи, т.-е. включая сюда, кромѣ отцовъ и дѣдовъ, еще и матерей и бабушекъ, такъ какъ и тѣ, и другія въ случаѣ своей самостоятельности ни въ чемъ не уступаютъ своимъ супругамъ, а въ случаѣ несамостоятельности онѣ совершенно безсильны и не могутъ протестовать противъ власти главы семьи. Мы, поколѣніе конца XIX вѣка, въ этомъ отношеніи ушли, пожалуй, нѣсколько впередъ и находимся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ поколѣнія предшествовавшія намъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, т.-е. наши отцы и дѣды. Современное намъ старшее поколѣніе, даже и въ мелкомъ купечествѣ и мѣщанствѣ, стало если не образованнѣе, то во всякомъ случаѣ цивилизованнѣе, и навѣрно, вмѣстѣ съ нами посмѣется надъ портретами своихъ прототиповъ, написанныхъ Островскимъ, и, пожалуй, скажетъ: «да, были же такіе самодуры и изверги, какъ Гордѣй Карпычъ или Ермилъ Зотычъ Аховъ». Современные «отцы», пожалуй, не замѣтятъ, что во многомъ они стали только болѣе утонченными и болѣе приличными самодурами и извергами.

Основной чертой характера старшаго поколѣнія является замѣчательно высоко развитое самомнѣніе—до крайности преувеличенное представленіе о собственномъ превосходствѣ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Изъ этого самомнѣнія вытекаютъ другія главныя черты характера и мотивы дѣйствій «отцовъ»: деспотизмъ, самодурство, принципъ управленія и воспитанія посредствомъ «страха» и пр. Это самомнѣніе имѣетъ за собой собственно только два основанія: или богатство, или же старшинство, т.-е. большую продолжительность жизни, сравнительно съ младшимъ поколѣніемъ; другихъ болѣе серьезныхъ основаній нѣтъ никакихъ, но для «отцовъ» и этого достаточно, чтобы считать за собой неотъемлемымъ правомъ полный деспотизмъ въ семейной и общественной жизни. Какія бы «гнилыя фантазіи», выражаясь ихъ собственными словами, ни приходили бы имъ въ голову, они считаютъ эти фантазіи чуть ли не безспорными истинами, обязательными для всѣхъ, находящихся въ зависимости отъ нихъ и стоящихъ ниже по своему общественному или матеріальному положенію. Въ этомъ отцы полагаютъ свою гордость и превозносятся ей.

Вотъ, напримѣръ, какъ говорить купецъ Аховъ небогатой вдовѣ Дарьѣ Федосѣевнѣ Кругловой: «Богатый человекъ, ну, гордись, превознось собой, а твое дѣло—только кланяться и за все кланяться, что-нибудь и выкланяешь, да и глядѣть-то на тебя всякому пріятнѣе» (т. VII, стр. 40).

Или далѣе тотъ же богатъ Аховъ похваляется:

«Была у васъ честь, да отошла. Дѣлалъ я вамъ честь, бывалъ у васъ такъ у васъ въ комнатахъ-то было свѣтлѣй отъ того только, что я тутъ. Была бы вамъ честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Я брошу васъ и опять въ потемкахъ жить будете» (т. VII, стр. 74).

А глава семьи Барбашевыхъ Мавра Тарасовна въ комедіи «Правда хороша, а счастье лучше», такъ говоритъ своей внучкѣ:

«Для меня резоновъ нѣтъ. Меня не то, что уговорить, въ ступѣ утолчѣ невозможно. Не знаю, какъ другіе, а я своимъ характеромъ очень довольна» (т. IX, стр. 362).

А за ней, кромѣ старшинства, да того, что она умна потому, что, какъ выдаетъ ся тайну старая нянька Фелицата, «съ дураками во всякомъ серьезномъ дѣлѣ совѣтуется», другихъ достоинствъ нѣтъ.

Между тѣмъ, это самоиѣніе или, какъ выражаются герои произведеній Островскаго, гордость служить главнымъ мотивомъ для претензій старшаго поколѣнія на право въ высшей степени деспотическаго главенства въ семьѣ и обществѣ.

Особенной тяжестью ложится это на всѣхъ членовъ семьи, изъ числа которыхъ дѣти и внуки, какъ младшіе, совершенно лишены возможности болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія и проявленія своей личности. Въ основу отношеній воспитывающихъ къ воспитываемымъ ложатся весьма своеобразные мотивы, попавшіе, между прочимъ, и въ народныя пословицы, что указываетъ на распространенность этихъ принциповъ во всемъ русскомъ народѣ, это: «выше лба глаза не растутъ» и «курицу яйца не учать», а непосредственный выводъ изъ этого, по словамъ жены Тита Титыча, тотъ, что дѣти не могутъ и не должны быть «умнѣй отца съ матерью» (т. II, стр. 143).

Самое проявленіе воспитательныхъ отношеній старшаго поколѣнія къ младшему весьма разнообразно и зависитъ, конечно, отъ степени развитія среды. Нельзя сказать, чтобы въ помѣщичьей или чиновничьей средѣ эти отношенія были бы много мягче, чѣмъ въ мѣщанской или купеческой, но въ послѣдней онѣ выражаются въ особенно рѣзкой формѣ. На этомъ вопросѣ мы остановимся подробнѣе нѣсколько далѣе, а пока познакомимся съ другими чертами характера старшаго поколѣнія, на которыхъ обращаетъ вниманіе нашъ бытописатель.

Непосредственно изъ самоиѣнія вытекаютъ: во-первыхъ, самодурство—какъ потребность удовлетворенія невѣжественныхъ причудъ личнаго я, и, во-вторыхъ, склонность къ правоучительству—какъ возможность насладиться на чувствахъ окружающихъ сознаніемъ собственнаго превосходства. Примѣровъ самодурства въ комедіяхъ Островскаго не мало и они всѣмъ намъ хорошо извѣстны. Мы позволимъ себѣ только напомнить читателю о двухъ наиболѣе характерныхъ эпизодахъ: одномъ изъ комедіи «Не все коту масленица», когда Ермакъ Зотычъ Аховъ для удовлетворенія оскорбленнаго чувства, вслѣдствіе отказа бѣдной купеческой дочери Кругловой выйти за него—богача замужъ предлагаетъ своимъ молодымъ — племяннику Ипполиту съ молодой женой по пріѣздѣ отъ вѣнца вымести дворъ на глазахъ у родныхъ, гостей и публики, и другой изъ комедіи «Горячее сердце», когда богатый подрядчикъ Хлыновъ своимъ самодурствомъ, не имѣющимъ предѣловъ, нарушаетъ покой цѣлаго города.

Что же касается до правоучительства, то благодаря крайнему невѣжеству съ одной стороны, и полной неспособности, вслѣдствіе самообольще-

нія, войти въ положеніе субъекта правоученія и снизойти до его интересовъ, съ другой стороны, у нашихъ отцовъ практикуются свои педагогика и методика, завѣщанныя отцомъ Сильвестромъ, именно—внушеніе страха. И въ этомъ отношеніи мы отличаемся поразительнымъ постоянствомъ. Какъ подъячій XVII вѣка Бочетовъ доволенъ своими воспитательными методами:

„Для сына, говорить онъ, я не покажѣлъ жезла
И выросли стыдливыя дѣвцы:
Какъ рыба нѣмъ, предъ старшимъ пребываетъ,
Родителя приказъ принимаетъ
Отъ молчанія, отъ поклономъ исполняетъ.
На праздничныхъ пирушкахъ у родныхъ,
Склоня главу, сидитъ, а очи долу
Опущены имѣть. Глумотворства,
Веселія бѣжить“, и т. д. (т. VIII, стр. 162).—

такъ и купецъ XIX вѣка, хоть и добродушно, но серьезно жалѣетъ, что современную молодежь «бить некому. А то-то бы учить надо... Охо-хо, палка-то по нихъ плачетъ» (т. I, стр. 306). Или же какъ въ исторической хроникѣ Островскаго «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» Дмитрій упрекаетъ бояръ и князей XVII столѣтія, что

„... Править
Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
Вездѣ во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы жень своихъ любить васъ приучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ“ (т. V, стр. 167).—

такъ и въ XIX вѣкѣ достойный выученикъ своего начальства, чиновникъ Бѣлогубовъ, говоритъ: «Какая же польза отъ ученія, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакого трепету передъ начальствомъ» (т. II, стр. 162).

Въ нашемъ специальномъ вопросѣ мы должны обратить особенное вниманіе на отношенія родителей и дѣдовъ къ дочерямъ и внучкамъ,—отношенія, на которыя и авторъ русской бытовой комедіи обратилъ особенное вниманіе, посвятивъ характеристикѣ этихъ отношеній много прекраснѣйшихъ сценъ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ прежде всего и болѣе всего характеризуются тѣмъ, что мы называемъ образованіемъ и воспитаніемъ. Эти два весьма различныхъ по своему значенію понятія обыкновенно употребляются вмѣстѣ и далеко не всегда отдѣляются одно отъ другого и не совсѣмъ различаются не только той массой среднего сословія, о которой у насъ идетъ рѣчь, но и самими руководителями образованія и воспитанія молодого поколѣнія—педагогами.

Кромѣ того, образованію всегда отдается предпочтеніе и заботы всехъ наставниковъ молодежи обыкновенно направлены на то, чтобы наполнить голову учащагося возможно большимъ количествомъ разнообразныхъ программъ и курсовъ. А основная идея воспитательнаго значенія наукъ

искусствѣ въ дѣлѣ полного умственнаго и нравственнаго развитія человека, которая должна была бы создавать полную гармонію, подобно тому, какъ это дѣлаетъ съ оркестромъ, хоромъ и пѣвцами хорошій капельмейстеръ, эта идея остается на заднемъ планѣ, какъ безмолвный, скучающій у заднихъ декораций, статистъ.

А воспитаніе и до сихъ поръ находится въ загонѣ на томъ основаніи, что это будто бы дѣло только одной семьи. Но такъ какъ семья въ громадномъ большинствѣ случаевъ не умѣетъ даже приняться за воспитаніе, то смѣло можно сказать, что болѣе или менѣе нормальное воспитаніе у насъ отсутствуетъ, а вмѣсто него существуетъ цѣлый рядъ системъ и способовъ нравственнаго истязанія и глумленія надъ человѣческимъ достоинствомъ подросткающаго поколѣнія. Не далеко, напримѣръ, ушли впередъ отъ педагогическихъ теорій г-жи Простаковой и г. Скотинина разсужденія купчихъ Настасьи Панкратьевны и Ненилы Сидоровны въ комедіи «Въ чужомъ дому похмѣлье».

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЪЕВНА.

«Что же, мы развѣ его не учили? И рихметикѣ, и грамматикѣ гимназистъ училъ. На что ему много-то знать. И такъ баетъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ,—хоть изъ дому бѣги».

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

«Да, вотъ насчетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ и глазъ выкололъ» (т. II, стр. 140).

Такъ какъ мы взяли уже однимъ примѣромъ образованіе и воспитаніе мальчика и такъ какъ этотъ вопросъ находится въ близкомъ отношеніи съ нашею темой, то нельзя не упомянуть еще объ одномъ въ высшей степени интересномъ образцѣ примѣненія воспитательныхъ теорій. Мы говоримъ о Леонидѣ Уланбековѣ. Въ немногихъ простыхъ, но достаточно выразительныхъ словахъ стараго дворецкаго Потапыча мы можемъ познакомиться, съ одной стороны, со взглядами на воспитаніе богатой помѣщицы, съ другой стороны—съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣли на воспитаніе юноши его товарищи, среда и даже слуги. Потапычъ такъ разсказываетъ своему молодому барину про взгляды его матери старухи Уланбековой:

«Потому самому, какъ вы еще въ малолѣтствѣ, такъ барыня хотѣла васъ соблюсти, какъ должно, ну, и ихъ (дѣвушекъ) тоже соблюдаютъ».

«... Вы какъ есть ребенокъ, все равно что голубь, ну, а дѣвки глупы» (*Молчаніе.*)

«Да, что-жъ, сударь, маменька ваша обыкновенно должны строгость наблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ что на нихъ смотрѣть! Вы сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужъ вамъ порядка этого терять не должно. Что же вамъ отъ другихъ-то отста- вать! Это будетъ къ стыду вашему» (т. III, стр. 170).

Чего же послѣ такихъ примѣровъ можно ожидать въ дѣлѣ образованія и воспитанія женщины!

Нашъ талантливый художникъ съ чуткою проникательностью опытнаго наблюдателя и въ уста самой женщины влагасть сознание своихъ недостатковъ и жалобу на причину ихъ—плохое воспитаніе—и въ отдѣльныхъ сценахъ рисуетъ различные періоды образованія и нравственнаго развитія женщины, начиная отъ дѣвочки ребенка, до дѣвушки и замужней женщины включительно.

Молодая женщина Анна Павловна Вишневская въ комедіи «Доходное мѣсто» жалуется, что «у насъ очень дурно воспитываютъ молодыхъ дѣвушекъ. Вы, молодые люди, представляете насъ ангелами, а повѣрьте, что мы хуже мужчины. Мы корыстныѣ, пристрастныѣ. Что дѣлать? Нужно сознаться: въ насъ чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что еще въ насъ не хорошо, такъ это недостатокъ деликатности. Женщина способна упрекнуть, что рѣдкій развитой мужчина позволитъ себѣ. Самые обидныя колкости нерѣдки между короткими пріятельницами» (т. II, стр. 166). Такъ жалуется жена чиновника, принадлежавшая по своему происхожденію къ небогатой семьѣ. А другая, родившаяся въ богатой семьѣ въ бесѣдѣ со своею молодою подругой по неволѣ (въ комедіи «Невольницы») по тому же вопросу высказывается слѣдующимъ образомъ, выясняя послѣдней ея положеніе:

«Васъ до двадцати пяти лѣтъ держали взаперти, въ полномъ невѣдѣніи, васъ изуродовали глупымъ воспитаніемъ. Знанія людей и жизни у васъ нѣтъ никакого, душа впечатлительная, жажда любви сильная; ну, понятное дѣло, какъ только васъ выпустили на волю, первый встрѣчный мужчина и долженъ вамъ показаться идеальнымъ существомъ» (т. X, стр. 237).

Эти жалобы касаются вообще того поверхностнаго образованія, о которомъ мы уже упоминали, и отсутствія воспитанія какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ. Но и то, и другое вѣдь существовало и существуетъ не только въ теоріи, но и на самомъ дѣлѣ. Но въ этомъ именно и заключается вся печальная сущность дѣла; лучше, пожалуй, было бы, еслибъ ихъ вовсе не было на дѣлѣ. Для подтвержденія этой слишкомъ, какъ навѣрно покажется читателю, смѣлой мысли, мы, вернувшись снова въ художественную галерею нашего драматурга, обратимъ вниманіе на бесѣду двухъ сестеръ, Поленьки и Юленьки Кукушкиныхъ, объ ихъ жизни въ пансіонѣ, гдѣ, какъ и въ современныхъ намъ институтахъ и въ пансіонахъ, были въ большемъ ходу кодексы книгъ, запрещенныхъ специально для дѣвицъ. Полинѣ и Юленькѣ, какъ и всѣмъ пансіонеркамъ, не выдавали нѣкоторыхъ книгъ. Это дало имъ поводъ, благодаря ихъ простотѣ и наивности, предполагать, что въ этихъ-то книгахъ и скрыта вся премудрость, которую злые педагоги хотятъ отъ нихъ утаить. Поэтому ко всему малопонятному для нихъ онѣ относятся съ недоумѣніемъ, недоувѣріемъ и даже страхомъ. Разъ, когда рѣчь зашла о какихъ-то «мудреныхъ» словахъ, сказанныхъ одной изъ с

стерѣ, Полинѣ, ея женихѣ—молодымъ мечтателемъ и развивателемъ, то она въ смущеніи говорить другой сестрѣ:

П о л и н а.

«Ужъ, право, Юленька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, можетъ быть, вспомню, только какъ бы не засмѣяться, слова такіа смѣшныя! Постой, постой, вспомнила. (*Передразнивая.*) Какое назначеніе женщины въ обществѣ? Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говорилъ. Я ужъ не знаю, что такое. Насъ вѣдь этому не учили?»

Ю л е н ь к а.

«Нѣтъ не учили».

П о л и н а.

«Онъ, должно быть, въ тѣхъ книгахъ читать, которыхъ намъ не давали. Помнишь... въ пансіонѣ?» (т. II, стр. 179).

Понятно, что эти административно-педагогическія запрещенія могли имѣть два результата: сильныя и любознательныя натуры, не останавливаясь ни передъ какими строгостями и посредствомъ хитростей и обмановъ, добивались тайны запрещеннаго плода, а среднія и слабыя натуры, съ одной стороны изъ боязни наказанія, съ другой стороны, изъ присущей имъ вялости и апатіи совсѣмъ отказывались отъ чтенія. Названныя нами героини Полина и Юленька принадлежали, очевидно, къ послѣдней категоріи и первая въ той же бесѣдѣ съ сестрой заявляетъ относительно чтенія книгъ откровенно: «Да мы, правда, никакихъ не читали». На что Юленька отвѣчаетъ: «Есть о чемъ жалѣть—и безъ нихъ тоска смертельная! Вотъ бы на гулянье или въ театръ—другое дѣло» (т. II, стр. 180).

И какъ мы видимъ въ заключительныхъ словахъ Юленьки, для любознательности такихъ натуръ указывается новый исходъ, направляющій инстинкты молодого поколѣнія къ другимъ образовательно-воспитательнымъ средствамъ—къ развлечениямъ. И хорошо, если этими средствами являются развлечения изъ области искусства. Этому можно было бы только радоваться. Но дѣло въ томъ, что большей частью и до нашихъ дней средній классъ долженъ былъ довольствоваться развлечениями въ видѣ такъ называемыхъ «гуляній», хорошо извѣстныхъ до сихъ поръ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ провинціи. Эти «гулянья» представляютъ изъ себя нѣчто замѣчательное по своей наивности, безсодержательности. А между тѣмъ какъ и встарину, такъ и по настоящее время, они привлекаютъ къ себѣ тысячи людей, тратящихъ свое время вопреки всякому здравому смыслу. А до чего эта страсть къ различнымъ гуляньямъ сильно привилась въ среднемъ классѣ, можно судить по тому, что имъ приносились въ жертву даже религіозныя чувства. Марья Антиповна въ комедіи «Семейная картина», протестуя противъ насилія, не задумываясь, объявляетъ:

«Что же, пожалуй, не пускайте! запирайте на замки! тиранствуйте! А мы съ сестрицей отпросимся ко всеошной въ монастырь, разодѣнемся, а

сами въ паркѣ отличимся, либо въ Сокольники. Надо какъ-нибудь на хитрости подниматься...» (т. I, стр. 1).

Хитрость, обманъ, даже нѣсколько легкомысленное отношеніе къ религіи — вотъ, слѣдовательно, первые плоды образовательно-воспитательныхъ теорій временъ Островскаго, съ которыми намъ пришлось познакомиться по первымъ немногимъ примѣрамъ. Послѣдующіе примѣры выяснятъ еще болѣе вопросъ и приведутъ насъ къ главному источнику всѣхъ этихъ ненормальностей — царству страха и въ дѣлѣ воспитанія, образованія и въ дѣлѣ домашняго управленія, а пока мы обратимъ вниманіе на теоріи маменьки тѣхъ двухъ сестрицъ, о которыхъ у насъ недавно шла рѣчь. Это небогатая вдова чиновника Фелицата Сергѣевна Кукушкина — типичная представительница чиновничей среды и образцовая по своему положенію и по своимъ матеріальнымъ средствамъ воспитательница. Вы ее и сейчасъ еще встрѣтите въ каждомъ провинціальномъ городѣ въ десяткахъ экземпляровъ. Она прекрасно сознаетъ достоинство своихъ практически-воспитательныхъ теорій и съ гордостью хвалится, что ея дочери — невѣсты, несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ, жили у нея какъ «герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню не знали; не знали изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговорами о чувствахъ и предметахъ самыхъ благоуженныхъ» (т. II, стр. 224).

Какіе же благородные разговоры въ этомъ кругу, намъ сейчасъ скажетъ Устинька изъ пьесы «Праздничный сонъ до обѣда»:

«Вотъ два самые благородные разговора — говоритъ она: что лучше мужчина или женщина?... Пускай мужчина защищаетъ свое званіе, а женщина — свое, — вотъ и пойдетъ разговоръ. А другой разговоръ еще интереснѣе. Что тяжелѣ: ждать и не дожидаться, или имѣть и потерять» (т. II, стр. 287). Не правда ли, читатель, вѣдь нельзя не согласиться съ присутствовавшимъ при этомъ знаменитымъ Мишей Бальзаминовымъ, что «это самый пріятный для общества разговоръ» и во всякомъ случаѣ болѣе интересный, чѣмъ всѣ современные намъ разговоры о погодѣ въ нашихъ китайскихъ гостиныхъ, будуарахъ въ стилѣ рококо, за чашкой чая, во время бала и даже за общимъ ужиномъ на любомъ журфиксѣ...

Читатель, можетъ быть, захочетъ обидѣться сравненіемъ съ бальзаминовскими родственниками и знакомыми, но мы напомнимъ, что у Островскаго есть указаніе на тѣ же интересные разговоры и въ интеллигентной средѣ. Настя въ комедіи «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», воспитывавшаяся въ очень богатой семьѣ рассказываетъ, что «у маменьки крестной ни о чемъ другомъ въ домѣ и разговору не было. Только про любовь и говорили — и гости всѣ, и она сама, и дочери» (т. VIII, стр. 29). И позже, когда судьба бросаетъ эту дѣвушку въ нищету, она оказывается совершенно безпомощной и на совѣтъ трудиться или давать уроки она только и можетъ отвѣтить:

«Чему? Я сама ничего не знаю. Вы видѣли, какъ меня воспитывали. Меня учили только тѣшить гостей, чтобы всѣ смѣялись каждому моему

слову; меня учили быть милой, да наивной,—ну, я и старалась» (т. VIII, стр. 46).

Такимъ образомъ и дома въ семьѣ, и въ средѣ родныхъ, и въ обществѣ знакомыхъ продолжалось воспитаніе и образованіе при помощи одного изъ лучшихъ средствъ развитія—разговоровъ, которые, однако, какъ мы видѣли, по приведеннымъ примѣрамъ, къ сожалѣнію, были такъ далеки отъ ихъ назначенія и здраваго смысла вообще. И неудивительно поэтому слова молодого милаго, неуходившагося еще, горячки Жалова, который, видя плоды такого развитія, восклицаетъ: «Да, такого глубокаго разврата, какъ въ нашемъ семействѣ, я не видывалъ» (т. II, стр. 225). А семейство это, какъ мы видѣли, очень велико: начиная отъ бѣдной чиновницы или заходистой мѣшанки, до богатой семьи фабриканта или генерала.

Рѣдко кому приходилось быть въ такой сравнительно благопріятной, естественной обстановкѣ, въ какой провела свое дѣтство Катерина, жена Тихона Кабанова:

«Я жила,—разсказываетъ она,—ни о чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала меня какъ куклу, работать не принуждала,—что хочу, бывало, то и дѣлаю... Встану, я бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключикъ, умоюсь, принесу съ собой водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полюю. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы,—у насъ полонъ домъ былъ странницъ, да богомолекъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы стануть разсказывать: гдѣ онѣ были, что видѣли, житія разныя, либо стихи поють. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснутъ лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было... И до смерти я любила въ церковь ходить! Точно, бывало, я въ рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно какъ все это въ одну секунду было... А знаешь: въ солнечный день изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поють. А то, бывало, ночью встану,—у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли,—да гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра. Или рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко выходитъ, упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю о чемъ молюсь и о чемъ плачу... и о чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно...» (т. III, стр. 232). Этою большою выдержкой мы хотѣли подтвердить то мнѣніе, на которое раньше мы указали мимоходомъ, замѣтивъ, что лучше совсѣмъ не надо воспитанія и образованія, чѣмъ выдавать за нихъ поверхностное образованіе, внѣшній лоскъ и нравственное безсиліе. Вполнѣ безыскусственное воспитаніе Катерины, если не считать небольшой излишекъ мистицизма, развившагося подъ влияніемъ окружавшихъ ее странницъ и богомолекъ, служить прекраснымъ подтвержденіемъ нашей мысли. Простая, естественная жизнь,

безъ всякихъ стѣсненій и условныхъ правилъ и законовъ создаетъ изъ ребенка нравственно-чистаго, безусловно честнаго человѣка, который такъ далекъ отъ того искусственнаго созданія педагогиі XIX вѣка, какъ даже какія-нибудь лучшія химическія краски отъ цвѣтовъ радуги въ водяныхъ парахъ атмосферы. Мы сейчасъ ничего не скажемъ относительно печальнаго конца Катерины, такъ какъ дальше вернемся еще разъ къ этому интересному характеру. И если такое воспитаніе, какъ воспитаніе Катерины, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще оставляетъ желать многого, то во всякомъ случаѣ какой рѣзкій контрастъ представляетъ оно съ той общей картиной воспитанія, въ которой все сводилось къ господству страха—къ семейной тираніи.

Не даромъ Островскій вложилъ въ уста доморощеннаго философа Кулигина слѣдующія глубоко правдивыя и глубоко печальныя слова, относящіяся къ главнымъ руководителямъ воспитанія—родителямъ и другимъ главамъ семейства:

«Вы думаете они дѣло дѣлаютъ или Богу молятся? Нѣтъ, сударь. И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ ѣдятъ поѣдомъ, да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами невидимыхъ и неслышимыхъ» (т. III, стр. 259).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Памяти Мицкевича.

(1798—1855).

I.

«Премудраго человѣка весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучший способъ: допускали ихъ умереть въ нуждахъ, въ гоненіи и презрѣніи,—спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто говорили имъ похвальные рѣчи».

Много горькой ироніи и глубокаго жизненнаго смысла въ этихъ сильныхъ словахъ юноши—Крылова *), позднѣе одного изъ «друзей-москалей» Мицкевича, несмотря на полный контрастъ характеровъ, которые, при сопоставленіи, такъ прекрасно освѣщаютъ другъ друга... Эти слова сорвались съ его устъ въ тяжелую минуту, когда его молодой идеализмъ былъ въ корнѣ подорванъ репрессіями екатерининской реакціи, тупымъ равнодушіемъ русскаго общества къ самымъ насущнымъ вопросамъ своей собственной жизни и, главнымъ образомъ, тою страшною особенностью нашей дѣйствительности, которая позднѣе нашла себѣ яркое и выразительное опредѣленіе въ *Дневникѣ* Никитенка **) и была основною причиною грубой неблагодарности общества по отношенію къ своимъ лучшимъ представителямъ: «проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, officialная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды, гдѣ общество возлагаетъ на васъ обязанности, которыя само презираетъ».

На собственномъ горькомъ опытѣ Крыловъ долженъ былъ убѣдиться, что гений — очень опасный и тяжкій даръ судьбы, печать проклятія и источникъ страданія,—и изъ пылаго друга Радищева, идейнаго преемника Новикова, страстнаго и убѣжденнаго защитника народа, народности и національной самобытности незамѣтно превратился въ «лукаваго дѣдушку»,

*) Соч. (1859 г.), т. I, стр. 336.

**) Т. I, стр. 423—4.

ловко скрывавшаго за двусмысленной прибауткой баснописца (вѣдь «истина сносите вполоткрыта») безысходный развѣдающій скептицизмъ, ядовитую иронию, презрѣніе къ людямъ и возведенный въ систему эгоизмъ:

Лукавый дѣлушка съ гранитной высоты
Глядитъ, какъ рѣзвятся вокругъ него ребята,
И думаетъ себѣ: о, милые звѣрята,
Какіе, выросши, вы будете скоты *)!

Ловко лавируя между Сциллой и Харибдой, между либерализмомъ и реакціей, романтизмомъ и классицизмомъ, все болѣе и болѣе замыкался въ себѣ, въ своей лѣни и распущенности, онъ искусно парировалъ удары судьбы, сумѣлъ отклонить отъ себя печальную необходимость «умереть въ нуждахъ, въ гоненіи и презрѣніи» и при жизни досыта наслушался «похвальныхъ рѣчей».

Но не всѣ обладаютъ такимъ могучимъ инстинктомъ самосохраненія и блистательной способностью приспособленія: большинство гениевъ—сродни Прометею, для нихъ невозможно примиреніе съ капризной тираніей судьбы и пошлостью общественной жизни, они борются, а не приспособляются, глубоко залѣзая въ свою скорлупу, — и имъ всегда достается на долю «лучшій способъ», т.-е. «нужда, гоненіе и презрѣніе».

Таковъ былъ Мицкевичъ съ его страстнымъ, искреннимъ, но не всегда удачнымъ исканіемъ правды и мученической судьбой...

II.

Новѣйшія изслѣдованія глубоко вскрыли тяжелую трагедію этой подавленной жизни. Безсмысленные удары жестокаго рока падали на необыкновенно тонкую, нѣжную и хрупкую душевную организацію; тяжкія муки сердца перерождались въ чистые перлы мысли, чувства и фантазій; перегорая въ горнилѣ страданія, гений поэта часто подымался высоко къ недосягаемой области идеала, и, прислушиваясь съ восторгомъ къ его дивнымъ и величавымъ пѣснямъ, мы обыкновенно забываемъ, чего онъ стоили творцу...

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомой силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порою
Неблагодарною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
„Тѣмъ лучше, — говорятъ любители искусствъ: —
Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно **)...

*) *Шумахеръ*: „Шутки послѣднихъ лѣтъ“, стр. 11. Къ памятнику Крылова.

**) *Пушкинъ*: „Отвѣтъ анониму“ (1830 г.).

Люди и жизнь стремились принизить великаго поэта къ землѣ, но съ дѣтства въ его душу запахло страстное стремленіе къ горнему міру, которое еще больше разгоралось послѣ краткихъ мгновений «паденія».

Лети! Остатокъ силъ спасень для поворота.
Лети! Но съ этихъ поръ не понижай полета *).

Муза несла ему чаще всего «мучительные вымыслы», и въ минуту горькаго раздумья поэтъ обращается къ нимъ съ протестующимъ запросомъ:

Не вы ли
Меня къ заоблачнымъ предѣламъ унесли,
И крылья думъ моихъ такъ кверху заломили,
Что я уже не могъ спустить ихъ до земли **).

Мицкевичъ принадлежалъ къ тому несчастному поколѣнію, которое было

тоской омрачено:
Проклятыяи дышать и жить могло оно,
И въ сферу, страшную и для орловъ, не смѣла
Мысль проникать, и рѣчь людей нѣмѣла ***).

И ему въ слишкомъ частые «дни невзгодъ», почти всю жизнь, приходилось испытывать

„МУКИ
Такия, что, о нихъ припомнивъ иногда,
Отвага съ ужасомъ свои ломаетъ руки“ ****)

и «среди ближнихъ» извлекать изъ глубины души «гласъ страшнѣе вопля страданія.—гласъ, вѣчно гремящій среди адскихъ мукъ» *****).

Gdym w obec bliźnich dobył z głębi duszy
Głos przeraźliwszy niżli jęk cierpienia,
Głos wiecznie grzmiący w piekielnej katuszy,—
Cichy na ziemi głos złego sumienia:
Sędzio straszliwy! tyś ognie rozdmuchał
Sumieniu złemu—a tyś mnie wysłuchał.

Его юность была омрачена несчастною любовью. Когда его дорогую «Марылю» (Верещаку) выдали замужъ за болѣе богатаго и знатнаго, но ординарнаго и пошловатаго претендента, онъ чуть съ ума не сошелъ отъ горя. Съ страшною памятью сердца, свойственною гениальнымъ натурамъ, онъ часто и потомъ терзалъ свою никогда не закрывавшуюся душевную рану, снова переживалъ всѣ унижительныя перипетіи своего юношескаго романа. На вершинахъ Альпъ онъ писалъ о своей Марылѣ: «Никогда и нигдѣ съ тобою разстаться я не въ силахъ, ты неразлучна со мною: плыву ли по

*) *Спасовичъ*, соч. т. II, стр. 198; т. VIII, стр. 117.

**) *Ibid.*, т. II, стр. 188.

***) *Мицкевичъ*, соч. (подъ ред. Полевара), т. IV, стр. 4. Собственно (Chmielowsky, *Poezye A. Mickiewicza*, III, 2): „pokolenia żałobami czarne, powietrze tyłą klątwami ciężarne, tam myśl nie śmiała zwrócić swoich lotów, w sferę, okropną nawet ptakom grzmotów“.

****) *Полсовый*, *Ibid.* Собственно (Chmielowsky, *Ibid.*): „katuszy, że, kiedy zwróci wzrok ku jego ręce, nawet odwaga załamuje ręce“.

*****) *Спасовичъ*, соч. т. VIII, стр. 143:

морю, или странствую по сушѣ; на льдинахъ Альпійскихъ горъ виднѣются мнѣ слѣды твоей стопы, и въ шумѣ альпійскаго водопада слышится мнѣ твой голосъ; волосы поднимаются дыбомъ, когда озираюсь кругомъ, боюсь и вмѣстѣ съ тѣмъ желаю увидѣть твой ликъ. На вершинахъ горъ, касающихся облаковъ, при видѣ бездны, которая готова меня поглотить, весь облитый влагою повисшихъ надо мною тучъ, протираю глаза и ищу сѣверной звѣзды, Литвы, домика твоего и тебя» *).

Въ періодъ передъ арестомъ по дѣлу тайныхъ университетскихъ обществъ (филоматы, филареты и лучистые или лучезарные), въ 1822—23 гг., онъ всецѣло охваченъ острыми и ядовитыми чувствами любовной неудачи, припадками безудержной тоски, безумной ревности, оскорбленнаго самолюбія и поруганнаго человѣческаго достоинства; его гнететъ сознаніе полнаго одиночества,—терзаетъ то, что Байронъ называлъ «ржавчиной жизни» и «демономъ—мыслью».

Любящая, открытая, кроткая душа поэта переполняется горькимъ сарказмомъ, онъ пробуетъ втиснуть себя въ узкія рамки байроновскаго героя и прикрыть распаленную страстность напускнымъ холодомъ разочарованія **).

... царствуетъ въ душѣ какой то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

Но далеко не всегда удавалось справиться съ подспудными силами острой романтической скорби, и при чтеніи, наприм., своего перевода изъ Байрона: «czegoż tam rakać, za kim i po kim, kiedy nikt po mnie nie rąca» — Мицкевичъ блѣднѣетъ, какъ смерть, и безъ чувствъ падаетъ на землю ***).

Позднѣе ему придется повторить эту унижительную любовную драму, созданную сословными предразсудками и низменными расчетами,—съ графинею Анквичъ. Обѣ драмы оставили въ душѣ поэта горькій и ядовитый осадокъ, который давалъ себя знать даже тогда, когда онъ, замученный тоскою эмиграціи и одиночества, неожиданно для всѣхъ женился на Целинѣ Шимановской.

Арестъ, допросы и ссылка разбудили дремавшее до сихъ поръ патріотическое чувство и политическое чутье, но они дали много унижительныхъ и тягостныхъ впечатлѣній, и Мицкевичъ вынесъ на всю жизнь изъ мѣста своего заключенія ненависть къ тому режиму, вѣрные слуги котораго удовлетворили его страстное стремленіе вырваться на свободу только подъ усло-

*) Несмуговскій: „Мицкевичъ въ Россіи“. *Ист. Вѣст.*, 1880 г., т. V, стр. 45.

**) См., наприм., письмо 1822 г. (Książka zbiorowa ku uczczeniu pamięci A. Mickiewicza, W., 1898, 3): „mało piszę, mało czytam, bez pieniędzy nie nam interesu grać w karty; Byrona tylko czytam,—książkę, gdzie w innym duchu pisało, rzucam, bo kłamstwa nie lubię; widok małżeństw, dzieci—jest to jedyna moja an-typuś“.

***) Ibidem.

Вісмъ полного отреченія отъ юношескихъ идеалистическихъ увлеченій *)— и формальнаго обязательства **): «не только самъ я не буду принадлежать къ какому бы то ни было обществу, образованному безъ разрѣшенія правительства, но и сообщать буду, кому слѣдуетъ, согласно присягѣ вѣрноподданнаго, лишь только узнаю о существованіи такого общества».

Понятно, какъ тяжелы были всѣ эти впечатлѣнія для Мицкевича, который, подобно большинству романтиковъ, былъ тогда всецѣло проникнутъ культомъ свободы, повышеннымъ индивидуализмомъ, безграничной вѣрой во всемогущество человѣческой воли:

Кто гихру убилъ въ колыбели, какъ гада,
Тотъ, юный, кентавра задушить потомъ,
Безтрепетно вырветъ добычу у ада,
Взойдетъ въ небеса за лавровымъ вѣнцомъ...
Гдѣ разумъ холодный исполненъ безсилъ,
Ты въ край досягнешь, что незримъ для очей!
О, юность! Ты носишь орлиныя крылья,
Перуны въ десницѣ твоей!...
Давайте же руки! Въ насъ дружная сила...
Мы цѣпью весь міръ опояшемъ кругомъ...
Сольемъ наши мысли въ святое горнило
И души затеплимъ единымъ огнемъ!
Очистите землю отъ праха и тлѣнья
Для новыхъ, невѣдомыхъ въ жизни путей!
Да свергнется ржавая плѣсень косненья
И радость весны да заблещетъ надъ ней! ***)

Рѣзкое противорѣчіе между мечтой и дѣйствительностью приводитъ къ жгучему желанію мести, которое питалось воспоминаніями о старыхъ и новыхъ грѣхахъ, обидахъ, недоразумѣніяхъ—и которое на время затуманило необыкновенно ясное сознаніе и благородное, гуманное сердце великаго поэта: «Местъ врагамъ съ Богомъ или хотя бы и помимо Бога»— вотъ какъ формулируетъ онъ позднѣе свое тогдашнее настроеніе.

Это настроеніе создало образъ паломника, безсильнаго и безпомощнаго, изнывающаго отъ неудовлетвореннаго стремленія къ мести. Онъ видитъ, «какъ у его товарищей опускаются руки среди исполинскаго каменнаго города при одной мысли, что человѣкъ его разрушить не въ силахъ: одинъ онъ... злобно засмѣялся, поднялъ руку, сжалъ ее и ударилъ въ камень, какъ бы угрожая этому каменному граду, потомъ вонзилъ два взора, точно два ножа, въ великолѣпный дворецъ» ****). Какъ будто бы полное безсиліе... Но у паломника есть въ запасѣ гордый девизъ *****):

*) О чистотѣ и возвышенности этихъ увлеченій можно судить по фактамъ, сообщаемымъ Неслуховскимъ («Мицкевичъ въ Россіи», *Ист. Вѣст.*, 1880 г., т. IV, стр. 719 и 723) и Вержбовскимъ (*Вѣстникъ Европы*, 1888 г., сент., стр. 123—125).

**) Вержбовскій: «Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ», стр. 142.

***) Переводъ Л. И. Пальмина, *Русская Мысль*, 1888 г., кн. I.

****) Спасоювичъ: соч. VIII, 98.

*****) А. Michiewicz: „Urociniek jubileuszowy „Biesiady Literackiej“, W., 1896, 13.

«mierz siłę na zamiaru, a nie zamiar podług siły», сообразуй свои силы съ замыслами, а не замыслы съ силами...

Паломникъ—нѣсколько сродни Конраду Валленроду; оба они—подведенные позднѣе итоги виленскихъ главнымъ образомъ впечатлѣній.

Глубокій замыселъ Валленрода, этого центрального типа Мицкевича, далеко не исчерпывается безграничнымъ, самоотверженнымъ патріотизмомъ и, тѣмъ менѣе, мстью или измѣной, какъ орудіемъ патріотической борьбы *). Въ немъ есть устойчивыя байроническія черты—рѣзкій разрывъ съ традиціонной моралью, могучія страсти, титанизмъ. Теоретическимъ путемъ доходить онъ до ужаснаго рѣшенія, которое претитъ его затаенному, интимному нравственному чувству. Эта душевная «разорванность», если можно такъ выразиться, прекрасно выяснена г. Спасовичемъ **). «Конрадъ знаетъ, что ему нѣтъ отпущенія ни въ сей жизни, ни въ будущей: «хочу я знать впередъ, что ждетъ меня въ аду». Онъ самъ себѣ гадокъ и чувствуетъ свою противную человѣческой природѣ смертоносность. Съ омерзѣніемъ вспоминаетъ онъ, что плакалъ лишь затѣмъ, чтобы умерщвлять. Съ омерзѣніемъ водворяется онъ у враговъ—«въ краю обмана и разбоя». Хотя онъ почти что дошелъ до цѣли, но само дѣло до того противно его натурѣ, что онъ не въ состояніи оторваться отъ башни отшельницы (любимой имъ женщины), и что необходимо вышательство Гальбана, чтобы раздувать тухнущее пламя мести. Вернувшись изъ рокового похода, Валленродъ тѣшится, какъ юноша, и радъ не тому, что насладился мщеніемъ, но что уже не приходится убивать: «Страшнѣй тѣхъ извъ, что я умѣлъ нанести, и самый адъ не могъ бы изобрѣсть. Такого мщенія для меня довольно: я человѣкъ. Ахъ! мнѣ и вспомнить больно, какъ молодость провелъ я: вѣдь разбой подъ маскою—тогдашній промыслъ мой. Теперь я старъ, не для моей ужъ груди военный пылъ, не прежній я боецъ. Мстить, измѣнять, не полно-ль, наконецъ? Всему есть мѣра. Нѣмцы тоже люди».

Поставленная Мицкевичемъ въ Валленродѣ психологическая проблема напоминаетъ отчасти психологію Раскольникова и Бориса Годунова—по замыслу гр. А. Толстого. Дорого досталось всѣмъ имъ дерзкое поправленіе извѣчнаго нравственнаго закона, сдѣланное во имя высокой цѣли...

Наконецъ, для вѣрнаго пониманія типа Валленрода нужно принять къ свѣдѣнію и архаистическій колоритъ, свойственный вообще романтизму

*) Это странное мнѣніе отстаиваетъ г. Франко (Поэтъ измѣны. Варшава, 1897) и, по его слѣдамъ, г. Волковъ (Мицкевичъ и его произведенія. В., 1897). Сводя все поему къ мотиву измѣны, г. Франко дѣлаетъ и дальше большія подтасовки и натяжки: валить въ одну кучу измѣну политическую и любовную,—измѣну любовниковъ, слугъ, друзей и супруговъ, обольщеніе, самоотверженную защиту отечества, мнимое оправданіе и прямое обвиненіе измѣны и т. д. Такими же приемами когда то доказывали безнравственность Пушкина и Гоголя, „разбойническій“ характеръ поэзіи Лермонтова и т. д.

**) Энциклот. Словарь, XXXVIII, 504; соч. II, 214—6; VIII, 138—140.

любившему рисовать цѣльныя монументальныя фигуры далекаго прошлаго, со всею ихъ первобытною непосредственностью и дикою силой страстности. Съ этой стороны Валленродъ—сродни Тарасу Бульбѣ Гоголя, Оршѣ, Измаилу-Бѣю и Кирибѣвичу Лермонтова, въ особенности же тѣмъ псевдо-историческимъ героямъ европейскаго романтизма, которые «въ законъ себѣ вмѣняли страстей единый произволъ».

Все это выношено было Мицкевичемъ въ Вильнѣ, но окончательно кристаллизировалось и отлилось въ опредѣленныя формы въ эпоху ссылки.

До времени въ его душѣ дремлютъ ирраціональныя, подспудныя силы, которыя позднѣе пришли на подмогу чувству мести, неудовлетвореннымъ титаническимъ порывамъ и замысламъ; изрѣдка всплываетъ на поверхность сознанія склонность къ мистическому созерцанію и экстазу, предчувствіямъ и пророчествамъ; боязливо и напряженно прислушивается онъ къ тихому и таинственному пока внутреннему голосу *). Титаническіе порывы борются съ традиціонною вѣрой, вынесенной изъ домашняго гнѣзда, поддержанной философскимъ идеалистическимъ броженіемъ и консерватизмомъ общественной среды съ ея отстоявшимся въ теченіе многихъ вѣковъ повышеннымъ благочестіемъ; самыя безумныя надежды и вспышки вѣры чередуются съ припадками холоднаго отчаянія и разочарованія.

Въ «домашнемъ, старомъ спорѣ, ужъ взвѣшенномъ судьбою»,—многовѣковымъ спорѣ разума и вѣры, симпатіи юнаго романтика все болѣе и болѣе склоняются въ сторону вѣры **):

Преждъ окоу разума кругъ мутенъ и великъ,
Но малъ и асенъ онъ—передъ очами вѣры.
И васъ я изучалъ, земные мудрецы:
Какъ прахъ, васъ гонитъ вихрь; возрѣнья ваши узки,—
Изъ раковинъ своихъ вы можете-ль, моллюски,
Міръ Божій оглянуть во всѣ его концы?

.....
Умъ человѣскій! Тебѣ-ль съ Творцомъ тягаться?
Ты въ дѣлѣ Божества имѣешь каплѣ видѣ.

.....
Межъ тѣмъ, какъ вѣры свѣтъ, слетая съ высоты,
Способенъ растопить льдяныя града зерна
И воды озарить спокойно, благотворно...
Ахъ, разумъ, былъ ли бы безъ вѣры видимъ ты?

Точный научный методъ—совсѣмъ не въ его характерѣ, зато интуиція, дивинація, безудержному фантазированію открыть самый широкій просторъ. Въ творческой фантазіи Мицкевича слагаются за это время яркіе образы, которымъ нельзя отказать въ удивительной силѣ и красотѣ. Изъ нихъ, между прочимъ, возникла позднѣе фантастическая «исторія временъ грядущихъ», находящаяся въ несомнѣнной связи съ виленьскими произведеніями

*) *Щепки*: „А. Мицкевичъ“, Русск. Вид. 1898, № 232.

**) Соч. (Полевой), I, 187—9.

(наприм., «Тостами») и отличающаяся изумительною прозорливостью. Мы о ней знаем мало—со словъ Одынца *).

«Излагать все содержаніе этого сочиненія я не стану, потому что не скоро пришлось бы окончить письмо, скажу только, что во всемъ написанномъ такъ много поэзіи, фантазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ истины, изложенной просто, наглядно, что желаешь вѣрить всему, какъ несомнѣнной дѣйствительности. Поражаешься картиной будущихъ открытій и изобрѣтеній. Настанетъ время, когда обитатели земного шара достигнутъ другихъ планетъ на воздушныхъ шарахъ, которые съ помощью придѣланныхъ крыльевъ понесутся въ атмосферѣ, какъ корабли по океану; желѣзныя дороги, которыя теперь проводятся только въ Америкѣ и въ Англіи, изрѣжутъ весь земной шаръ и окажутъ громадное вліяніе на судьбу человѣчества. Подвижные дома и магазины, сдѣланные изъ металловъ, понесутся на колесахъ со всѣхъ концовъ міра на всемірную ярмарку въ Лиссабонъ; на корабляхъ придутъ произведенія съ острововъ океана и съ западнаго полушарія. На двухъ концахъ отдаленной мѣстности будутъ уставлены зеркала, въ которыхъ обрисуются слова огненными буквами; телескопы достигнутъ такого совершенства, что съ воздушнаго шара можно будетъ осмотрѣть весь земной шаръ, и съ земли свободно обозрѣвать отдаленныя созвѣздія и планеты; посредствомъ акустическихъ машинъ можно будетъ, сидя покойно у камина въ своемъ кабинетѣ, слышать концерты артистовъ и лекціи ученыхъ профессоровъ, читанныя въ отдаленныхъ углахъ земного шара».

Какъ извѣстно, въ періодъ эмиграціи Мипкевичу пришлось быть профессоромъ въ Лозаннѣ и Парижѣ, но профессура ему не удалась такъ же, какъ и Гоголю—главнымъ образомъ благодаря слишкомъ сильному преобладанію синтеза, фантазіи и чувства надъ анализомъ и разсудочною способностью—и, конечно, неподготовленности.

Всю жизнь ему органически былъ противенъ голосъ дешеваго скептицизма, который, опираясь на «пошлый опытъ—умъ глупцовъ», пытается разрушить наивную и свѣжую вѣру народа, всю непосредственность его чувства:

Правду мертвую зная, но хуло
Съ правдой внутренней жизни знакомъ,
Никогда не увидишь ты чуда:
Чудеса скрыты въ сердцѣ людскомъ **).

Что по-польски звучитъ гораздо сильнѣе ***):

Martwe znasz prawdy, nieznanie dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdéj gwiazd iskierce;
Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu!
„Miej serce i ; atrzaj w serce!
Имѣй сердце и гляди въ сердце!“

*) Несмуговскій, т. V, стр. 41—2.

**) Соч. (Полевой), т. I, стр. 7.

***) Соч. (Chmielowsky): т. I, стр. 7.

Философское и поэтическое брожение осложняется брожением политическимъ. Репрессии, находившіяся въ слишкомъ рѣзкомъ и грубомъ противорѣчій съ тѣми фактами юныхъ идеалистическихъ увлеченій, противъ которыхъ онъ были направлены,—вызывали въ Мицкевичѣ глухой, сосредоточенный протестъ и заставляли забывать боль эгоистическихъ любовныхъ страданій. Его горизонтъ расширяется, впереди грезится иногда побѣдоносная борьба титанической личности съ государственнымъ колоссомъ; минутами онъ испытываетъ приливы горделивой бодрости и энергіи, на время свѣжеть душой и безъ особой боязни думаетъ о будущемъ, хотя оно пока общается ему только ссылку.

III.

Съ жаднымъ любопытствомъ начинаетъ онъ вглядываться въ ту новую обстановку, куда забросила его судьба—Одессу, Крымъ, потомъ Москву и Петербургъ.

Сначала для изгнанника «Москва» и «москали» сливаются и сплываются въ общій, крайне неопредѣленный, безжизненный, но враждебный и отталкивающий образъ. Приглядѣвшись ближе и пристальнѣе, онъ начинаетъ различать сложный составъ русскаго государственнаго и общественнаго организма; ему полюбили русскій народъ и русская интеллигенція. Подводя въслѣдствіи итоги впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Россіи, Мицкевичъ сказалъ: «Край этотъ пустъ, бѣдъ и открытъ, какъ листъ бумаги для письма. Будетъ ли Богъ по ней писать перстомъ? Напишетъ ли Онъ буквами — добрыми людьми—*святую правду, что родомъ людскимъ управляетъ любовь*, и что трофеи міра—жертвы?... Тѣ люди сѣвера здоровые и крѣпкіе, но ничего не выражаютъ лицами, потому что огонь ихъ сердца кроется точно въ подземныхъ вулканахъ, не перешелъ на лица, не играетъ на распаленныхъ устахъ, не застываетъ въ морщинахъ чела, какъ на лицахъ другихъ народностей востока и запада, черезъ которыя прошло столько преданій и событій, скорбей и надеждъ, что каждое лицо стало памятникомъ цѣлаго народа *)».

Въ теченіе всей своей жизни Мицкевичу приходилось отстаивать противъ соотечественниковъ свое право на національную терпимость и выслушивать горькіе упреки за «москвофильство».

Прекрасно знавшій Мицкевича Соболевскій утверждалъ, что «Мицкевичъ всю жизнь любилъ русскій народъ и отзывался о немъ сочувственно»**). Въ своихъ парижскихъ лекціяхъ Мицкевичъ, между прочимъ, говорилъ о великоруссахъ: «это люди высокаго роста, сильные, крѣпкіе, способности изумительныя; это, можетъ быть, самый способный народъ Европы» ***). Когда русскіе слушатели Мицкевича упрекнули его въ письмѣ за тенденці-

*) Спасовичъ: „Ист. слав. лит.“, стр. 647.

**) Рус. Архивъ 1871 г., стр. 170.

***) Беръ: „Замѣтка о Мицкевичѣ“. Рус. Архивъ 1872 г., стр. 433.

озное освѣщеніе русской исторіи, онъ отвѣтилъ имъ во время лекцій: «торжественно протестую противъ того, что цѣль моихъ лекцій — питать и усиливать ненависть поляковъ къ русскимъ... Въ публичныхъ листахъ (поляки) упрекаютъ меня въ совершенно противномъ стремленіи *)».

По словамъ г. Спасовича **), «въ позднѣйшемъ своемъ стихѣ «Къ друзьямъ-москалямъ», Мицкевичъ откровенно сознается, что онъ скрытно-чалъ передъ правительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне искренно утверждаетъ, что по отношенію къ друзьямъ своимъ русскимъ онъ всегда хранилъ голубиную чистоту». Доказывая несостоятельность упрековъ товарищей за излишнюю терпимость къ «москалямъ» ***), онъ рисуетъ въ лицѣ Рыкова лучшія стороны русскаго характера ****) и настойчиво проводитъ среди поляковъ ту мысль, что «прежнимъ духомъ ненависти нельзя по-дѣйствовать на Россію, что нужно измѣнить тактику по отношенію къ ней, проникнуться братскою любовью къ русскимъ» *). «Возвысившись надъ своими національными чувствами до болѣе общей точки зрѣнія, онъ отлично понималъ столь чуждый вообще поляку героизмъ слѣпого, почти невольническаго послушанія» — и пожалѣлъ русскій народъ *): «ach! żal mi ciebie, biedny ślawianinie! Biedny narodzie, żal mi twoje doli: jeden znasz tylko heroizm—niewolil!»...

IV.

Среди лучшихъ представителей русской интеллигенціи Мицкевичъ нашелъ—на время—сравнительный душевный покой, вѣрные нравственные связи, которыя устояли даже предъ грозой 1830 года, — вѣрныхъ, благородныхъ друзей, память о которыхъ всю жизнь согрѣвала его наболѣвшее сердце.

Пять лѣтъ жизни въ Россіи (1824—9) были бы самымъ счастливымъ періодомъ въ его жизни ***), если бы не разгаравшаяся все болѣе и болѣе тоска по родинѣ.

Ему невольно будетъ напрашиваться сравненіе отчизны со здоровьемъ: ихъ научаешься цѣнить только тогда, когда потеряешь:

*) Чумиковъ: „О руссофильствѣ Мицкевича“, ib., стр. 427.

**) Соч., т. II, стр. 195.

***) Ib., стр. 196.

****) Этого положенія не опровергаютъ натяжки г. Волкова (*Мицкевичъ*, В., 1897 г., стр. 59—60).

*) *Мякотинъ*, стр. 84.

**) *Спасовичъ*, соч., т. II, стр. 287—8.

***) См. *Неслуховскій*, *Ист. Вост.* 1880 г., кн. IV, стр. 713—731, и кн. V, стр. 24—46; *Мякотинъ*, стр. 34—46; „Мицкевичъ и Сенковский“, *Рус. Архивъ* 1873 г., стр. 632—8; *Ципринусъ*: „Калейдоскопъ воспоминаній“, *Рус. Архивъ* 1872 г., стр. 1887—1954; „Ришельевскій лицей и Новорос. ун-въ“, сборникъ, т. I, стр. 85—8; *Спасовичъ*: „Ист. слав. лит.“, стр. 646—653, и „Энцикл. Словарь“, т. XXXVIII, стр. 504—5; *A. Mickiewicz*: „*Rus biograficzny*“, Wiedeń, 1863 г., стр. 76—84 и т. д.

Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie!
 Nie cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
 Kto cię stracił (?)...

Увлеченіе невиданнымъ доселѣ «уголкомъ восточной природы», Крымомъ, сильное и стремительно налетѣвшее, не могло, конечно, заглушить у Мицкевича острыхъ и болевыхъ воспоминаній о дорогой Литвѣ:

У ногъ моихъ страна избытка и красоты,
 Надъ головою блистать на небѣ лучъ денницы,
 А подлѣ—чуждыя, плѣнительныя лица.
 Зачѣмъ же сердце вдаль, къ минувшему влечетъ?
 Литва! Твой мрачный лѣсъ отрадѣ поетъ,
 Чѣмъ соловьи Байдаръ, Салгирскія дѣвицы!
 И ананасъ златой, рубины шелковицы
 Не замѣняютъ твоей трясины и болотъ.
 Въ разлукѣ, далеко я истомленъ тоскою!... **)

Всѣ попытки возвратиться на родину окончились полной неудачей, тоска росла, все болѣе и болѣе развивалась, благодаря внутреннему безпокойству, «охота къ переменѣ мѣстъ». Западъ обѣщалъ разсѣяніе, обиліе свѣжихъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній,—и Мицкевичъ стремится туда съ возбужденнымъ любопытствомъ и грустнымъ предчувствіемъ — что навѣки уже сдѣлается бездомнымъ эмигрантомъ.

«Друзья-москальи» провожаютъ его благословеніями и искренними пожеланіями.

Благородный Кирѣевскій сулитъ на прощанье путнику несбыточную надежду:

Не вѣкъ же будетъ спутникъ твой страданье,—
 Быть-можетъ, сердце радость оживитъ
 Въ чужбинѣ ***).

Предчувствіе обмануло друзей: сердце Мицкевича почти не видѣло съ этихъ поръ радости,—отраженные волны «повстанья», мутный и бурный потокъ эмиграціи далеко отнесли поэта отъ нихъ, и много горя принесла ему новая тревожная и мятежная жизнь...

Ближе къ истинѣ былъ многозначительный призывъ Баратынскаго ****):

Не подражай: своеобразенъ геній
 И собственнымъ величіемъ великъ;
 Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
 Досаженъ ты: не любятъ повтореній.
 Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
 Да не творить себѣ кумира онъ!
 Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
 Я застаю у байроновыхъ ногъ,
 Я думаю: поклонникъ униженный!
 Возстань, возстань, и вспомни: самъ ты богъ!

*) Соч. (Chmielowsky), т. III, стр. 7.

**) Полеской, соч., т. II, стр. 162.

***) Рус. Архивъ 1874 г., т. II, стр. 223.

****) Стихотв. Баратынскаго, 1829 г.

За границей Мицкевичъ окончательно всталъ на ноги, эмансипировался отъ вліянія Байрона, объединилъ въ высшемъ синтезѣ своей поэзіи черты старины и народности, романтизмъ и реализмъ, жизненность и идеализацию, національное и общечеловѣческое. мистицизмъ и тонкое чутье дѣйствительности...

У.

О корбленная народная гордость, трагическое крушеніе самыхъ дорогихъ и задушевныхъ стремленій, душная обстановка жизни эмиграціи подымали на поверхность всё тѣ иррациональные элементы, которые таились за порогомъ сознанія и у самого Мицкевича, и у его товарищей по несчастью. Раньше, когда богато одаренный мистикъ Олешкевичъ затронулъ въ Петербургѣ интимную мистическую струну его сердца, Мицкевичъ напряженнымъ усиленіемъ воли сумѣлъ справиться съ наступающими подспудными силами; теперь даже ограниченный фанатикъ Товянскій находить въ его душѣ подготовленную для себя почву.

Въ третьей части «Дзядовъ» можно найти яркіе слѣды этого душевнаго переворота, своеобразный спай виленскихъ воспоминаній и новыхъ впечатлѣній—эмиграціи. «Вся картина нарисована въ томъ мрачномъ и нездоровомъ стилѣ, который вообще свойственъ литературѣ эмигрантства: въ полумракѣ и туманѣ всё образы теряютъ реальность, принимая преувеличенный, часто ужасный или отталкивающий характеръ. Центральной фигурой является одинъ изъ заключенныхъ—Конрадъ. Глубочайшіе порывы юной души поэта воплотились въ этомъ образѣ: пламенный инстинктъ національности, безграничная вѣра въ мощь человѣческаго чувства и настойчивое требованіе призванія свыше. Покорность волѣ Провидѣнія, примиренная мистическая вѣра въ будущее, вновь возникавшія въ душѣ поэта въ его зрѣломъ возрастѣ, воплощены въ лицѣ смиреннаго монаха: ему дана власть надъ душами зла, его духовнымъ очамъ открыто будущее. Знаменитая «импровизація», или монологъ Конрада, въ которой поэтъ требуетъ непосредственной власти надъ душами, по силѣ и по смыслу своей идеи справедливо сравнивается съ Іовомъ, Прометеемъ и Манфредомъ. Пріемъ, оказанный драмѣ, показалъ, что Мицкевичъ въ данный моментъ былъ выразителемъ чувствъ всего народа. Для самого поэта всего болѣе характерна борьба двухъ началъ, коллизія которыхъ представлена въ драмѣ. Въ душѣ его *начало протеста* явно подчинялось *началу покорности*—окончаніемъ этого духовнаго процесса наполнился остатокъ его дней» *).

Глубокая пропасть между идеалами и дѣйствительностью заполняется иллюзіями, навѣянными самымъ разнузданнымъ мистицизмомъ; души возбуждаются острою и ядовитою смѣсью экстатического мессіанизма, культа Польши и новыхъ пророковъ, наполеоновской идеи, ограниченнаго сектанта-

*) Щепкинъ, Рус. Вѣдом. 1898 г., № 293.

«тва «товянчиковъ», проповѣдывавшихъ «оглупѣніе ради Христа», запутавшихся въ вопросѣ о личномъ нравственномъ совершенствованіи и политическомъ мессіанизмѣ, мечтавшихъ о привлеченіи на свою сторону Николая I, папы и Ротшильда *),— и высокихъ, но часто слишкомъ далекихъ отъ дѣйствительности порывовъ Мицкевича.

Еще и раньше кружкомъ молодежи, въ которомъ начало слагаться мировоззрѣніе Мицкевича, «*правда поэтическая*» разсматривалась тодько какъ одно изъ средствъ *правды моральной*, которой міръ жаждетъ и къ которой онъ прокладываетъ себѣ дорогу чрезъ искусство, но не искусство отжившее, придворное, манерное, подражательное, а чрезъ извлеченіе изъ дѣйствительности новыхъ эстетическихъ формъ, искомыхъ въ простонародной поэзіи, въ которой натура всегда преобладаетъ надъ искусствомъ» **). Интересы «поэтической правды» ставятся въ этотъ періодъ очень высоко юными романтиками. Поэтическая мысль оплодотворяется стариной и народностью, «народною былью»:

О былъ народная! Ковчегъ завѣта тѣ,
Давно минувшаго съ живымъ ты единенье.
Въ тебя кладетъ народъ бойна вооруженье —
И пряди думъ своихъ, и чувствъ своихъ цвѣты ***).

Живой нервъ поэзіи—правда психологическая, жизненная, бытовая,—реализмъ. Байронъ влечетъ Мицкевича болѣе всего могучею правдивостью своей «интимной лирики». Для нашего поэта «источники поэзіи: дѣйствительность и правда. Поэзія рождается, когда поэтъ прочувствовалъ и полюбилъ *свое собственное, т.-е. народное*» ****). Онъ самъ заявляетъ: «никогда я не думалъ, чтобы въ мелочахъ обыденной жизни могло заключаться столько сокровищъ поэзіи» *****), и умѣло пользуется этими сокровищами...

Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше «правда поэтическая» подчиняется своеобразно понятой «правдѣ моральной»; намѣчается рѣзкій конфликтъ между элементами этическими и эстетическими, романтическими и реалистическими, патриотическими и общечеловѣческими,— между стремленіями національнаго пророка и требованіями прирожденной поэтической организаціи.

Начинается медленная, прерванная «Паномъ Тадеушемъ», ужасная агонія творческой способности, разлагающейся среди наплывавшей отовсюду мглы изувѣрнаго мистицизма.

На Мицкевичѣ этого періода лежитъ такой же трагическій отсвѣтъ, какой окутывалъ въ то же самое время Гоголя.

*) Спасовичъ: „Ист. слав. лит.“, стр. 671; „Энцикл. Словарь“, т. XXXVIII, стр. 506—7; Микотинъ, стр. 70—77.

**) Спасовичъ: „Ист. слав. лит.“, стр. 637.

***) Спасовичъ, соч., т. II, стр. 206.

****) Спасовичъ: „Ист. слав. лит.“, стр. 637.

*****) Несмужовскій, т. IV, стр. 724.

«Наша дѣятельность религіозно-политическая, нашъ тонъ христово-наполеоновскій», пишетъ онъ Гошинскому *), и при чтеніи этихъ словъ невольно вспоминаются многія страницы «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями»...

Крайняя идеализація польскаго прошлаго идетъ теперь объ руку съ повышенной мистической вѣрой въ высшее призваніе польскаго народа.

«Смыслъ исторіи опредѣляется въ видѣ борьбы между христіанскою идеей свободы и братства народовъ и языческимъ поклоненіемъ идолю интереса, изобрѣтенному европейскими монархами. Выходъ изъ этой борьбы предусматривается только одинъ: ломка утвердившагося въ Европѣ порядка и возстановленіе Польши, которая, при полной ея идеализаціи, дѣлается главнымъ представителемъ христіанской идеи, народомъ-Мессією. Такъ какъ между этимъ идеаломъ и дѣйствительностью—непроходимая бездна, то несбыточные мечтанія дополняются вѣрою въ чудесное и ожиданіемъ появленія великаго человѣка, въ которомъ идея будущаго найдетъ свое воплощеніе» **).

На европейскія правительства было мало надежды: безнадежность и разочарованія только усиливали и безъ того пылкое религіозное чувство. Теперь начинаютъ ждать непосредственной помощи отъ Бога—черезъ возрожденный католицизмъ, секту Товянскаго или орденъ «мартыро-хвстанцевъ», ищутъ чудесъ и вдохновеній. Неудача «повстанія» объясняется слишкомъ большою высотой поставленныхъ цѣлей и нравственною несостоятельностью взявшихся за святое дѣло—грязными руками. Міръ жаждетъ «евангелія народности, нравственности и религіи»: нравственно обновленная и примирившаяся съ Богомъ Польша дастъ ему это евангеліе...

Мы какъ будто бы слышимъ голосъ наиболѣе рьяныхъ славянофиловъ: таково вліяніе общихъ посылокъ и сходныхъ условій развитія. Въ число этихъ сходныхъ условій нужно включить, кажется, и вліяніе нѣмецкой идеалистической философіи: Мицкевичъ мало ее изучалъ, но польская интеллигенція страстно увлекалась идеями Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, и великому поэту пришлось отвѣчать на поставленные ею вопросы, проникнуться ея общимъ духомъ, воспользоваться ея данными для своихъ мистико-политическихъ построений.

«Оторванные отъ почвы дѣйствительной жизни, эмигранты жили мечтами, и тѣмъ мрачнѣе и непригляднѣе была дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась ихъ фантазія, жадно воспринимавшая самыя неясныя и неопредѣленныя надежды» ***).

Страстная мечтательность такимъ образомъ сливается съ повышеннымъ религіознымъ мистицизмомъ и ultra-романтическимъ пониманіемъ народности,

*) Соч. (Полевой), т. II, стр. 369.

**) *Спасовичъ*, „Энцикл. словарь“, стр. 505.

***) *Мякотинъ*, стр. 56. Любопытно, что при первыхъ слухахъ о „повстаніи“, дѣшавшихъ до Мицкевича за границей, онъ отнесся къ нему крайне скептически: повидѣ онъ горячо отстаивалъ болѣе утопическія надежды.

ея провиденціального значенія; рядомъ съ этимъ намѣчается огульное отрицаніе европейской науки и цивилизаціи, будто бы созданныхъ узкимъ эгоизмомъ: вѣдь онѣ дерзко растоптали чистое и святое религіозное чувство народа. Польскій народъ, сохранившій его вопреки стараніямъ цивилизаторовъ, обновить имъ все человечество...

VI.

А пока пророку новой религіи живется очень тяжело. Онъ разочаровывается въ личности Товянскаго, хотя продолжаетъ глубоко вѣрить въ его ученіе. Одни изъ эмигрантовъ, охваченные тою же болѣзнью, поддерживаютъ въ своемъ энтузіастъ-пророкѣ его повышенное и ненормальное настроеніе; другіе терзаютъ болѣзненно-чуткій слухъ поэта «хаосомъ проклятій, лжи, заносчивыхъ стремленій, предательствъ, смуть и позднихъ сожалѣній» *).

Вотъ въ кругу какихъ впечатлѣній и воспоминаній онъ, добровольный и вѣковѣчный изгнанникъ, живетъ:

О, горе, горе намъ, изгнанникамъ, сюда
Бѣжавшимъ съ трепетомъ въ тяжелые года!
Гдѣ шли мы, тамъ за нами шла тревога,
Нашъ стерегли враги у каждого порога,
И въ тѣсный кругъ цѣпей былъ заключенъ нашъ духъ,
Чтобъ мы, какъ всѣ рабы, не смѣли думать вслухъ.
Когда вкругъ бѣглецовъ всѣ равнодушно-глухи,
Когда изъ Польши къ нимъ приходять только слухи
Одни печальные, какъ погребальный звонъ,
Когда враги давно ждутъ дня ихъ похоронъ
И, какъ могильщики, ихъ манятъ издалека;
Когда и въ небесахъ для нихъ надежды нѣтъ,—
Не диво, что они, измучены жестоко,
Плюютъ какъ на себя, такъ и на цѣлый свѣтъ,
И, разумъ потерявъ отъ мукъ и отъ позора,
Другъ друга истребятъ въ безумномъ гнѣвѣ скоро **).

Между несчастными «рефюжее» кипитъ мелкая, ожесточенная, ужасная по своимъ подробностямъ борьба. Особенно тяжело приходится отъ нея чуткому, экстаичному, слишкомъ высоко настроенному поэту. Его упрекаютъ, въ порывѣ раздраженія, за неучастіе въ «повстаніи», трусость — и безумную дерзость, демократизмъ — и аристократизмъ, слишкомъ сильную — и слишкомъ слабую религіозность, сектантство — и общеніе съ ксендзами, ненависть къ русскимъ — и москвофильство...

Въ письмахъ Мицкевича разсѣяно много характерныхъ подробностей подобнаго свойства.

«Можешь себѣ представить, какъ наши удивляются, видя, что меня ставятъ такъ высоко, — пишетъ онъ Домейку ***) по поводу сдѣланнаго

*) Соч. (Полевой), т. IV, стр. 8.

**) Ibid., т. IV, стр. 3—4.

***) Ibid., т. II, стр. 343.

Жоржъ-Зандъ сопоставленія «Фауста», «Манфреда» и «Дядювъ». — «Здѣсь французамъ приходится защищать меня противъ соотечественниковъ, которые провозгласили меня еретикомъ (благочестивые!) и москалемъ. Но наступитъ время, и скоро, когда и у соотечественниковъ откроются глаза», — горько жалуется онъ брату *). — «Эмиграція бѣдна и довольно глупа: слѣдовательно, мало расположена наслаждаться пѣснями. Я не признаю тебя поэтомъ эмиграціи, и ты имъ не будешь. Ея поэтъ родится въ ней самой, а мы этого не дождемся. *Пиши для народа*», совѣтуетъ онъ Богдану Залѣсскому **).

Но ему самому приходится пока только мечтать о томъ блаженномъ времени, когда его сочиненія попадутъ подъ сельскую кровлю:

O, gdybym kiedyś dożył tej pociechy,
Żeby te księgi zbłądziły pod strzechy ***).

Еъ народу мудрено было пробраться изъ «прекраснаго далека», эмиграція затагивала незамѣтно, какъ тина, — Мицкевичъ не могъ не отражать ея настроенія, и отражалъ глубоко, сильно, своеобразно...

VII.

Одинъ только моментъ пробуетъ онъ уйти отъ мукъ настоящаго въ сумракъ идеализированнаго прошлаго. Реализмъ торжествовалъ свою наиболѣе блистательную, но послѣднюю побѣду, чтобы окончательно исчезнуть подъ напоромъ подспудныхъ силъ романтическаго мистицизма. Это была яркая вспышка передъ угасаніемъ. Изумительная аналогія съ Гоголемъ и судьбою его «Мертвыхъ Душъ»!...

По таинственному закону жизни изъ глубины романтической почвы съ ея историческимъ и мѣстнымъ колоритомъ, стремленіемъ и способностью вживаться въ старину и народность, культомъ чувства и душевной цѣльности, — вырастаетъ реализмъ. Реалистъ Гоголь всю жизнь былъ типическимъ романтикомъ по настроенію; «Записки охотника», «Бѣдные люди», «Пѣсня про купца Балашникова», думы Кольцова — реалистическіе побѣги романтическаго «голубого цвѣтка».

Вѣнецъ творчества Мицкевича, «Панъ Тадеушъ», въ которомъ такъ много яркаго юмору ****) и сильнаго, свѣжаго реализма, возникъ изъ глубины наболѣвшей и измученной романтической души великаго поэта, изъ его тоски по родинѣ и замѣны жизни мечтательнымъ пластическимъ воспоминаніемъ.

Какъ птичка робкая, я радъ бы избѣжать
Послѣдствій грозныхъ буръ и для себя искать

*) Ibid, стр. 380.

**) Ibid., стр. 349.

***) Соч. (Chmielowsky), т. III, стр. 4.

****) См. *Zgliński*: „Humor w Panu Tadeuszu“. W., 1898.

Затишья мирнаго надъ (?) яснымъ небосводомъ,
 Вернуться мысленно къ отраднмъ дѣтскимъ годамъ *).
 Какъ счастливъ тотъ, кто могъ въ годину темныхъ бѣдъ,
 Въ кругу друзей своихъ у камелька забыться,
 Отъ европейскаго волненья отрѣшиться
 И, вспоминая жизнь счастливыхъ прежнихъ лѣтъ,
 Отчизнѣ посылать свой дружескій привѣтъ.
 . . . . .
 А нынче... у всѣхъ насъ, непрошенныхъ гостей
 Земли, среди ея волненій и страстей,
 Одинъ есть уголокъ, есть область дорогая,
 Гдѣ отдыхаемъ мы, отъ горя убѣгая.
 То—область дѣтскихъ лѣтъ. Всегда для насъ она,
 Какъ первая любовь, чиста, не смущена
 Воспоминаньями о прошлыхъ заблужденьяхъ,
 Обманутыхъ мечтахъ, и не омрачена,
 Какъ небо ясное, ничѣмъ и въ сновидѣньяхъ **).

Такъ создавалась польская Иліада, широкая, гениально-простая и много-значительная картина польскаго прошлаго, отошедшаго уже «въ тьму вѣковъ»,—шляхетскій «Тарасъ Бульба»...

VIII.

Но остановиться на такомъ мысленномъ переживаніи прошлаго надолго было нельзя: возстановленное на минуту *въ мечтѣ* душевное равновѣсіе должно было скоро нарушиться отъ *впечатлительной действительности*, какъ только процессъ творчества кончился, и вызванное имъ глубокое наслажденіе улеглось.

Душная и безъ того послѣ 1830 года атмосфера эмиграціи еще болѣе спирается отъ потрясающаго разочарованія июльской революціи, обманутыхъ надеждъ на «преступленіе» Наполеоновской реставраціи и европейскую войну. Надежды на революцію, европейскій парламентаризмъ, крестовый походъ противъ «москалей» рухнули, и польская эмиграція, взволнованная, глубоко оскорбленная, видящая свою близкую, неизбѣжную гибель и все-таки пытающаяся ея избѣжать,—судорожно отдается безграничному и безудержному полету экстатического благочестія и уродливаго подчасъ мистицизма.

Геній великаго поэта все болѣе и болѣе омрачается и завлакивается большими мечтами о «дѣланіи поэзіи». Онъ пишетъ Ходзьку ***): «Есть чему поэзія? Должна ли эта поэзія оставаться только въ книгахъ, а въ насъ самихъ становиться только прозой? Должны ли мы, какъ статуя Мемнона,

*) Собственно (Соч. Chmielowsky, т. III, стр. 2): „Chciałem pominąć, ptak małego lotu, pominąć strefy ulew i grzmotu, i szukać tylko cienia i pogody: wieki dzieciństwa, domowe zagrody...”

**) Соч. (Полевой), т. IV, стр. 4—5.

***) *Спасошчы*, Соч., т. VIII, стр. 102—103.

издавать звуки при восхождении солнца, не въдая, почему мы издаемъ эти звуки? Изображать жизнь въ твореніяхъ, исполненныхъ красоты, а самимъ быть повапленными гробницами, которыя наполнены истлѣвшими костями? Пора, мой братъ, *дѣлать поэзію*. Думаешь ли ты, что бѣдный Байронъ написалъ бы столько великихъ строфъ, еслибъ онъ не былъ готовъ покинуть санъ лорда и Лондонъ и пойти помогать грекамъ? Въ этой готовности его души и была вся тайна его писательской силы, которую другіе писатели хотѣли бы извлечь не изъ его души, а изъ его писаній. Предъ нами, мой Олесь, большій подвигъ, чѣмъ война за грековъ, а міръ побольше байроновскаго, вотъ почему намъ и труднѣе почерпнуть достаточную силу, а почерпнуть ее мы можемъ только изъ себя самихъ».

Взгляды его на главное дѣло своей жизни значительно мѣняются.

Раньше онъ думалъ, что «стремленіе къ истинѣ и простотѣ *) ведетъ поэзію къ воспроизведенію новыхъ формъ, заимствуемыхъ отчасти изъ простонародной поэзіи, въ которой правда изображенія всегда стояла на первомъ планѣ, и народный духъ отразился съ наибольшою силой; но простонародная поэзія, благодаря узости круга своихъ понятій, не можетъ сдѣлаться единственнымъ источникомъ современнаго творчества, и другимъ такимъ источникомъ, болѣе возвышеннымъ, является религіозное чувство. Поэтическое вдохновеніе почти совпадаетъ съ религіознымъ одушевленіемъ, и истинными поэтами, — согласно мнѣнію Мицкевича, — были только пророки **).

Теперь, въ 1835 г., онъ пишетъ одному изъ пріятелей ***): «истинная поэзія нашего времени, можетъ быть, еще не народилась; видны только симптомы ея появленія... Мнѣ кажется, что вернутся такія времена, когда нужно будетъ быть святымъ, чтобы быть поэтомъ, — что нужны будутъ вдохновеніе и свѣдѣнія (откровеніе?) свыше о вещахъ, которыхъ разумъ не можетъ сообщить, — чтобы пробудить въ людяхъ уваженіе къ искусству, слишкомъ долго бывшему актрисой, распутницей или политической газетой. Эти мысли часто пробуждаютъ во мнѣ сожалѣніе и едва не тоску: мнѣ часто кажется, что я вижу обѣтованную землю поэзіи, какъ Моисей, съ горы, но я чувствую, что недостойнъ вступить въ нее».

Такимъ образомъ «покорность Провидѣнію» окончательно уничтожила титаническій протестъ, и религіозный элементъ захватилъ все поле художественнаго созерцанія... Это досталось, конечно, Мицкевичу не безъ сильной борьбы съ самимъ собой, съ врожденными особенностями своей натуры. Въ результатъ страшная жизненная усталость и, минутиами, даже сознаніе ошибочности цѣлой жизни: «мы съ тобою, братъ, — пишетъ онъ брату Франциску, — ужъ состарились, жизнь прошла, какъ мигъ, и вско-

*) Ср. *A. Mickiewicz, Rys biograficzny*, стр. 27. „*Pojęcie o prawdzie w poezji albo raczej o poezji w prawdzie*“.

**) *Мякотинъ*, стр. 45—6.

***) *Ibid.* стр. 65.

рѣ придется дать отчетъ въ томъ, какъ воспользовались ею на благо ближняго и отечества» *).

Чувство естественнаго самосохраненія не позволяло однако прочесть самому себя смертный приговоръ, изъ области безсознательнаго опять, какъ фениксъ изъ пепла, возраждалась надежда, — туманная, безформенная, мистическая. Прихотливы были переlivы чувства и пестры узоры фантазій; все чаще и чаще припадки отчаянія чередовались со страстными порывами вѣры. Много разъ во время экстаза казалось близкою цѣлю, — «чтобы Литва была не московскою, а нашею» — до новаго, и болѣе горькаго пробужденія. Да, дѣйствительно «Провидѣніе обходилось» съ великимъ, поэтомъ «сурово, иногда такъ сурово, что становилось почти не вмоготу» **)...

Одинъ изъ этихъ моментовъ отчаянія съ дивною пластичностью запечатлѣвъ въ «Быломъ и Думахъ»: «Много думъ и страданій сквозило на его лицѣ, скорѣе литовскомъ, чѣмъ польскомъ. Общее впечатлѣніе его фигуры, головы съ пышными сѣдыми волосами и усталымъ взглядомъ выражало пережитое несчастіе, знакомство съ внутреннею болью, экзальтацию горести. Это былъ пластическій образъ судебъ Польши».

Разрывъ съ землею и «экзальтациа горести» окончательно подорвали поэтический гений; самая высота мистическаго созерцанія исключала творчество. Собственно говоря, константинопольская холера (1855 г.) подкосила Мицкевича тогда, когда онъ уже давно умеръ для поэзіи.

IX.

Мицкевичъ со всѣмъ глубокимъ трагизмомъ его жизни — итогъ всей польской исторіи, «пластическій образъ» ея судебъ; въ немъ, какъ въ фокусѣ, пересекаются лучи всего умственнаго и нравственнаго развитія польскаго общества, всего идейнаго роста польской литературы; въ немъ одинъ изъ главныхъ источниковъ ихъ послѣдующихъ судебъ.

Велико было обаяніе его нравственной личности.

«Не знаешь ты меня, — упрекали онъ близкаго человѣка: — такъ страсть меня измѣла...»

Нѣтъ, въ глубь души моею ты загляни сначала;
На днѣ ея найдешь не мало перловъ ты;
Тамъ есть чувствительность, тамъ много доброты
И той фантазій, съ которой передъ нами
Тернистый путь покрытъ роскошными цвѣтами ***).

Его заглядывалъ, какъ Красинскій, въ глубину этой великой души, тотъ выносилъ на всю жизнь неизгладимыя впечатлѣнія ****): «Я научился отъ него хладнокровію и безпристрастію понимать дѣла этого свѣта, из-

*) Соч. (Полевой), т. II, стр. 879.

**) Ibidem, стр. 341.

***) Соч. (Полевой), I, стр. 273; срв. Спасовичъ, соч., т. VIII, стр. 110.

****) Мякотинъ, стр. 52. Дальше слова Красинскаго.

бавился отъ многихъ предубѣжденій, предрасудковъ и ложныхъ представлений. Это—человѣкъ, стоящій совершенно на уровнѣ европейской цивилизаціи, умѣющій удивительно соглашать сухой реализмъ жизни съ самыми возвышенными мыслями поэзіи и идеальной философіи, человѣкъ чистѣйшихъ намѣреній и желаній, обладающій вмѣстѣ съ тѣмъ обширнымъ умомъ, обнимающимъ всё науки и искусства. Его сужденія о политическихъ и научныхъ вопросахъ крайне цѣнны, разсудокъ непоколебимъ въ дѣлахъ обыденной жизни; видно, что онъ прошелъ *школу несчастья*. Онъ вполне убѣдилъ меня, что всякая шумиха, какъ въ дѣйствіи, такъ и въ рѣчахъ, и въ писаніи—глупость, что истина, и одна только истина, можетъ быть прекрасна и привлекательна въ нашемъ вѣкѣ, что всё украшенія и цвѣты стиля—ничто, *когда нѣтъ мысли*; что все заключается въ этой мысли и что, желая быть теперь чѣмъ-нибудь, нужно учиться и учиться и искать истину вездѣ, не давая обмануть себя блескомъ, свѣтащимся нѣкоторое время, подобно свѣтлякамъ въ травѣ, а потомъ гаснущимъ навѣки. Встрѣча съ нимъ принесла мнѣ много добра и несомнѣнно будетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую мою жизнь,—вліяніе доброе и благородное.

Тотъ же Красинскій сказалъ про Мицкевича, когда нѣсколько поулеглось слишкомъ страстное юношеское преклоненіе передъ великимъ поэтомъ: «Онъ былъ для моего поколѣнія молоко и медъ, желчь и кровь; мы отъ него всё приходимъ. Онъ насъ поднялъ на высокой волнѣ вдохновенія и бросилъ въ свѣтъ» *).

Это лучшая формулировка значенія Мицкевича для одного изъ самыхъ даровитыхъ поколѣній польской молодежи и для всего польскаго общества, а въ этомъ значеніи, какъ зерно въ скорлупѣ, заключается и міровое значеніе «пѣвца Литвы...»

Помянемъ же добрымъ словомъ великаго поэта въ торжественный день столѣтія его рожденія, воскресимъ въ своей памяти его страдальческую, глубоко-поучительную жизнь, чтобы лучше запомнить ея основной святой завѣтъ: **).

Что золотая цѣпь сочувственной природы
Связала, разорвутъ враждой своей народы.
Народы разорвутъ, но любящихъ сердца
Вновь сочтаетъ пѣсонь народнаго пѣвца...

Не забудемъ и того, что именно съ Пушкинымъ ***) и своими «друзьями-москалями»

Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся...

В. Напалашъ.

Москва, 24 декабря 1898 г.

*) Спасовичъ, соч., т. II, стр. 181.

**) Ibidem, стр. 173; т. VIII, стр. 119.

***) Соч. Пушкина, 1834 г.

1898 годъ въ политическомъ отношеніи.

Смутно окончился 1898 годъ. Во многихъ пунктахъ земного шара международное соперничество приняло очень опасный характеръ. Разгромъ Испаніи Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами приобрѣлъ большое мировое значеніе. Присоединеніе къ великой заатлантической республикѣ Кубы, Порто-Рико, и въ особенности острововъ, лежащихъ въ предѣлахъ Азін, Филиппинъ, вводитъ Соединенные Штаты въ далеко не дружно живущую семью великихъ военныхъ державъ. Захватъ испанскихъ колоній произведенъ не на основаніи европейскаго международнаго права, безъ опроса мѣстнаго населенія, желаетъ ли оно превратиться въ гражданъ первенствующей американской республики. Положимъ, производить такого рода плебисцитъ среди разноплеменнаго и многоязычнаго населенія Филиппинскихъ острововъ было бы дѣломъ невозможнымъ, но считаться съ вождями туземнаго возстанія противъ испанцевъ слѣдовало бы. Правительство, которое организовалось теперь на Люпонѣ, настаиваетъ на независимости острова, и американцамъ придется прибѣгнуть къ военной силѣ, чтобы добиться подчиненія.

Успѣхи Соединенныхъ Штатовъ и побѣда Бичинера подъ Омдурманомъ роковымъ образомъ повліяли на международную политику Великобританіи. Заговорили и расовая гордость, и шовинизмъ, и безцеремонная корысть. Рѣзко и грубо потребовало англійское правительство отъ французскаго очищенія Фашоды, угрожая войною. Франція должна была уступить. Годъ кончился новыми враждебными заявленіями со стороны Англіи по поводу французскихъ притязаній въ Китаѣ. И въ этомъ случаѣ побѣду одерживаетъ британская дипломатія, за которой недвусмысленно стоятъ пушки ея броненосцевъ.

Между двумя націями растетъ озлобленіе, и вся вина въ данномъ случаѣ падаетъ на Великобританію. Нѣтъ сомнѣнія, что при нынѣшнихъ условіяхъ одной Франціи не по силамъ вести морскую войну съ англичанами, а на сухомъ пути ихъ французамъ негдѣ уязвить. Вѣроятная въ случаѣ войны потеря многихъ доходныхъ колоній и другіе печальные результаты возможнаго пораженія очень тревожатъ французское правительство и французское общественное мнѣніе. Въ печати высказываются какъ эти опасе-

нія, такъ и разнообразные планы предупрежденія грозящей опасности. Такъ П. Леруа-Болье настаиваетъ въ *Journal des Débats* на необходимости желѣзной дороги черезъ Сахару, которая связала бы Алжиръ съ французскими владѣніями на берегахъ Нигера. Но если даже и предположить, что эта стратегическая дорога обезопасила бы положеніе французовъ въ Африкѣ, — на ея постройку нужно нѣсколько лѣтъ, а опасность со стороны Англіи существуетъ въ настоящее время.

Нѣмецкая печать хвалить мудрую уступчивость французскаго правительства въ вопросѣ о Фашодѣ. *National-Zeitung* говоритъ, что французскій парламентъ и французская печать обнаружили въ данномъ случаѣ рѣдкій тактъ и достойную сдержанность передъ назойливымъ противникомъ, который искалъ случая вызвать войну при крайне благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. *National-Zeitung* не безъ злорадства отмѣчаетъ дипломатическія пораженія Французской республики и указываетъ, что ея правительство сдѣлало большую ошибку, отказавшись отъ предложенія Англіи участвовать въ протекторатѣ надъ Египтомъ. Теперь англичане крѣпко держать его въ своихъ рукахъ.

Раздраженіе противъ Великобританіи доходитъ въ настоящее время до того, что во Франціи начинаютъ серьезно говорить о возможности сближенія съ Германіей. Эту мысль защищаетъ одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ французскихъ шовинистовъ, Поль Кассаньякъ. *Frankfurter-Zeitung* замѣчаетъ по этому поводу, что нѣмцамъ пріятенъ такой поворотъ во французскомъ общественномъ мнѣніи. Газета говоритъ, что Германія давно уже доказываетъ западной сосѣдкѣ свою готовность къ примиренію. *Frankfurter-Zeitung* повторяетъ при этомъ выраженіе сожалѣнія, что двѣ націи, которыя призваны вмѣстѣ стоять на высотѣ культуры и обезопасить человѣчеству благодатный миръ, съ головы до ногъ вооружаются другъ противъ друга. Но, — прибавляетъ демократическая газета, — для Германіи не существуетъ эльзасъ-лотарингскаго вопроса и о какихъ-либо уступкахъ французамъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи.

Парижскій корреспондентъ *Daily-News* приводитъ интересныя, — если только они достовѣрны, — свѣдѣнія о планахъ сближенія съ Германіей, которые имѣли Гамбетта и Жюль Ферри. Гамбетта будто бы за возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи предлагалъ содѣйствіе Франціи для присоединенія къ Германіи Австріи (нѣмецкой). Габсбургскую династію предполагалось вознаградить въ Турціи. Если у Гамбетты дѣйствительно былъ такой планъ, то нельзя не подивиться его легкомыслію. Что же французскій государственный человѣкъ предполагалъ сдѣлать съ числейтанскими чехами, поляками, итальянцами? О мадьярахъ мы не говоримъ потому, что планъ, очевидно, имѣлъ въ виду ихъ полную независимость подъ габсбургскою короною.

Корреспондентъ *Daily News*, напоминая о поѣздѣ Гамбетты въ Варцинь, говорилъ, что Бисмаркъ не принялъ его по болѣзни и предложилъ вѣять на память ножъ, сдѣланный изъ варцинскаго дерева. Раздосадован

ный Гамбетта взялъ ножъ, поѣхалъ въ Дрезденъ, встрѣтился тамъ со Скобелевымъ и положилъ основаніе франко-русскому сближенію, въ послѣдствіи союзу.

Frankfurter-Zeitung съ своей стороны замѣчаетъ, что самъ Бисмаркъ подтверждалъ существованіе другого плана, принадлежавшаго Жюлю Ферри: онъ предлагалъ присоединить къ Франціи французскіе, а къ Германіи нѣмецкіе кантоны Швейцаріи. Тоже мысль, поражающая своею несправедливостью и несерьезностью.

Frankfurter-Zeitung осуждаетъ, конечно, такіа наполеоновскія затѣи дѣленія земель и народовъ. Теперешнее теченіе среди нѣкоторой части французскаго общества не связано съ подобными планами, но вопросъ, не существующій для Германіи, до сихъ поръ составляетъ большое мѣсто Франціи, и мы не вѣримъ, чтобы въ настоящее время возможно было искреннее и прочное сближеніе между этими двумя государствами.

Усиленію шовинизма въ политикѣ торійскаго кабинета, въ которомъ такую видную роль играетъ бывшій радикалъ Чемберленъ, много содѣйствуетъ кризисъ, переживаемый англійскою либеральною партіей. Съ кончиною Гладстона изъ ея программы исчезъ и ирландскій гомъ-руль, и борьба противъ палаты лордовъ. Широкой программы экономическихъ реформъ также нѣтъ у партіи. Нѣтъ у нея и признаннаго авторитетнаго вождя, некому остановить призывомъ къ справедливости, къ лучшимъ завѣтамъ великаго историческаго народа разыгравшіеся инстинкты національнаго тщеславія и купческаго своекорыстія.

Въ международномъ отношеніи указаные факты составляютъ главную особенность истекшаго года. Поѣздка императора Вильгельма II въ гости къ турецкому султану и потомъ въ Палестину едва ли будетъ имѣть серьезное значеніе. Германія получить, вѣроятно, нѣкоторыя торговыя выгоды въ Малой Азіи, но на общемъ положеніи дѣлъ едва ли это можетъ отразиться.

Что касается до внутренняго положенія гогенцоллернской имперіи, то его нельзя назвать удовлетворительнымъ. Правительство требуетъ отъ парламента новаго и тяжкаго возвышенія налоговъ для усиленія арміи и флота. Католическій центръ склоненъ, повидимому, поддержать эти требованія, разумѣется, не безкорыстно. Новый шагъ впередъ милитаризма, какъ и слѣдовало ожидать, параллеленъ усиленію реакціоннаго теченія. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ этого теченія служитъ возбужденіе дисциплинарнаго преслѣдованія противъ профессора Дельбрюка за статью, напечатанную имъ въ *Preussischen Jahrbücher*. Дельбрюкъ рѣзко осуждаетъ въ этой статьѣ административныя высылки датчанъ изъ Шлезвига и поляковъ (австрійскихъ подданныхъ) изъ Силезіи. Высылки эти безспорно свидѣтельствуютъ о томъ, что прусское правительство въ настоящее время мало обеспокоено заботами о гуманности и справедливости. Государство имѣетъ, конечно, право изгонять съ своей территоріи иностранцевъ, но для этого необходимо, чтобы они совершили какой-либо проступокъ. Международная

обязанность требуетъ, чтобы государство обращалось съ иностранцами не какъ съ врагами и произвольно не запрещало имъ пребываніе въ странѣ.

Но внутреннее состояніе Германіи — верхъ благополучія по сравненію съ Австро-Венгріей. Кризисъ охватилъ обѣ половины имперіи. Въ Цислейтаніи господствуетъ непримиримая національная вражда. Обструкція нѣмцевъ-централистовъ дѣлаетъ невозможною сколько-нибудь правильную парламентскую дѣятельность. Славяно-клерикальное большинство сдѣлано искусственно, такъ какъ прогрессивная программа младо-чешской партіи не можетъ допустить сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ клерикальной реакціи, въ дѣлѣ народной школы, на примѣръ. Правительство, на основаніи 14 параграфа конституціи, управляетъ теперь Цислейтаніей императорскими указами и министерскими распоряженіями. Еслибъ нынѣшнее германское правительство имѣло въ виду осуществить вышеупомянутый планъ Гамбетты, упрямое ослѣпленіе австрійскихъ нѣмцевъ-централистовъ можно было бы понять; но при существующихъ международныхъ отношеніяхъ, при высокомъ развитіи національнаго самосознанія у чеховъ и поляковъ, стремленіе австрійскихъ нѣмцевъ господствовать въ Цислейтаніи лишено и справедливости, и политическаго смысла.

Много еще бѣдъ принесетъ человѣчеству національная вражда. Многовѣковой примѣръ Швейцаріи, гдѣ французы, нѣмцы и итальянцы въ государственномъ отношеніи представляютъ единое цѣлое, еще не убѣждаетъ европейское человѣчество въ благодѣтельности такого порядка вещей.

Въ Транслейтаніи кризисъ носитъ другой характеръ. Крайняя національная партія, которая стремится къ полной самостоятельности, ведетъ отчаянную борьбу съ нынѣшнимъ кабинетомъ. Особенною ненавистью пользуется глава кабинета, баронъ Банфи. За нимъ до сихъ поръ еще стояло парламентское большинство, а обструкція оппозиціи и здѣсь сдѣлала невозможною правильную конституціонную жизнь. Парламентъ распущенъ, но кризисъ этимъ, конечно, вовсе не разрѣшенъ.

Тяжелый годъ пережила и Италія. Послѣ сурово усмиренного возстанія доведеннаго до нищеты населенія въ сѣверныхъ провинціяхъ, вспыхивали по тѣмъ же основаніямъ бунты во многихъ мѣстностяхъ королевства. Манія государственнаго величія и милитаризмъ принесли свои горькіе плоды. Король издалъ широкую амнистію, министерство генерала Пеллу выработало нѣсколько полезныхъ экономическихъ законопроектовъ, но парламентская жизнь все еще идетъ неправильно и неустойчиво.

Торговый договоръ, который Италія заключила съ Франціей, является несомнѣнною побѣдой здраваго смысла и свидѣтельствуетъ о весьма значительномъ улучшеніи отношеній двухъ сосѣдокъ, которыхъ такъ перессорилъ злой геній Италіи, бывшій гарибальдеецъ Криспи.

Франція перешла въ новый годъ съ дѣломъ Дрейфуса-Шиккара. Справедливость, повидимому, медленно, но неуклонно пробиваетъ себѣ дорогу. Общественное мнѣніе и университетская молодежь, сбитыя было съ толку

патріотами своего отечества, шовинистами, клерикалами, антисемитами, возвращаются на вѣрную дорогу. Десятки тысячъ подписей лучшихъ людей Франціи покрываютъ требованіе освободить Пиккара. Студенты восторженно рукоплещутъ лекціи одного изъ благороднѣйшихъ сторонниковъ пересмотра дѣла Дрейфуса, Бюссона, который говорилъ о воспитаніи воли въ чловѣкѣ и въ націи, призывая молодежь къ подчиненію и любви къ справедливости.

Но зловѣщіе признаки далеко не исчезли, католическое духовенство и военные не отказались отъ своихъ замысловъ, и претенденты выжидаютъ благоприятнаго момента, чтобы попытаться совершить государственный переворотъ. Естественно, что глубокій раздоръ во французскомъ обществѣ ослабляетъ международное значеніе государства и задерживаетъ законодательное и культурное развитіе страны.

На двухъ свѣтлыхъ пунктахъ политической жизни прошлаго года нельзя не остановиться: на освобожденіи Крита отъ турецкаго ига, — это фактическая побѣда гуманности и справедливости, — и на приглашеніи Государя Императора къ борьбѣ противъ непомерной тягости вооруженій, — благотворная побѣда мысли.

Прусскій генералъ Богуславскій продолжаетъ въ *Deutsche Rundschau* и въ *National-Zeitung* воспѣвать прелести войны; но великодушная идея Императора Николая II встрѣтила горячее сочувствіе въ лучшей части западно-европейскаго общества. Правительства отнеслись къ созыву конференціи сочувственно, друзья мира, ободренные призывомъ, который раздался съ высоты трона могущественнаго военного государства, дѣятельнѣе прежняго принялись за пропаганду разоруженія и третейскаго суда по спорнымъ между державами вопросамъ. Одна изъ провинціальныхъ англійскихъ газетъ, *Newcastle Leader*, говоритъ, что Царь призвалъ Европу къ размышленію и высказался за господство разума надъ страстями. Онъ нанесъ этимъ мощный ударъ варварскимъ представленіямъ о сущности національнаго величія. Но многія англійскія газеты относятся къ русскому предложенію или иронически, или озлобленно. *Петербургскія Вѣдомости* приводятъ негодующій протестъ противъ такого отношенія, напечатанный въ газетѣ *Shipping World*: «Безостановочная злобная критика, — говоритъ эта газета, — которой подвергается Царскій мирный манифестъ, этотъ великій государственный документъ, величайшій со времени прокламаціи Линкольна объ эмансипаціи негровъ, — эта непріязненная критика составляетъ позоръ для британской журналистики. Въ сущности, тѣ, кто занимался измышленіемъ циничныхъ комментарій къ этому манифесту, оказались несправедливы, главнымъ образомъ, къ самимъ себѣ и первые принуждены будутъ сожалѣть о своей прошлой печальной дѣятельности. Мы, съ своей стороны, всѣмъ сердцемъ присоединяемся къ словамъ Джона Морлея: «никогда не представлялось болѣе подходящаго момента, чтобы пробудить разумъ и чувство просвѣщенныхъ людей противъ без-

разсуднаго соревнованія въ прогрессивно увеличивающихся вооруженіяхъ». Съ истинно геройскимъ порывомъ громогласно заявилъ молодой Императоръ Свой протестъ противъ международной скачки въ погонѣ за банкротствомъ и конечной общей рѣзней. Да поддержитъ Его руку съ протестующимъ жествомъ всякій мужественный и искренній человѣкъ!».

Всѣ серьезные органы западно-европейской печати посвятили нотѣ, которую 12 августа графъ Муравьевъ вручилъ представителямъ иностранныхъ державъ въ Петербургѣ, обширныя и серьезные статьи. Шарль Саролеа обсуждаетъ ее въ *Revue Française d'Edinbourg*.

Пресса почти всего міра, — говоритъ онъ, — отнеслась съ пылкимъ энтузіазмомъ къ благородному воззванію и великодушной инициативѣ молодого Русскаго Царя, предложившаго разоруженіе народовъ и собраніе международной конференціи съ цѣлью изученія практическихъ средствъ для осуществленія этого разоруженія и гарантіи мира для вселенной. Но, читая между строкъ, нельзя не замѣтить, что императорская нота вызвала въ прессѣ не столько восхищеніе, сколько удивленіе. Поразила Европу не только нота сама по себѣ, не только моментъ ея появленія, но главнымъ образомъ авторъ этой ноты. Человѣкъ, предлагающій разоруженіе, не старый государственный дѣятель, утомленный бурями и жаждущій покоя, не глава конституціонной монархіи или демократической республики, это не Гладстонъ, не бельгійскій король, не президентъ швейцарской конфедераціи, — нѣтъ, это самодержецъ, достигшій пылкаго возраста, въ которомъ мечтаютъ о битвѣ и славѣ, и, что болѣе того, это русскій, это Борусъ, это глава воинственной имперіи, не принадлежащей Европѣ и XIX вѣку. И вотъ этотъ-то Царь предлагаетъ разоруженіе, между тѣмъ какъ по ту сторону океана президентъ демократической республики объявляетъ войну. Вотъ въ чемъ историческій парадоксъ и иронія.

Но если взглянуть повнимательнѣе въ положеніе вещей, — говоритъ Саролеа, — то дѣлается очевиднымъ, что нѣтъ ничего парадоксальнаго въ томъ, что идея разоруженія приходитъ къ намъ съ береговъ Невы. Люди, удивляющіеся, что подобная мысль можетъ исходить отъ Николая II, не знаютъ ни характера, ни новыхъ стремленій русскихъ императоровъ, ни мирныхъ истиннотъ, свойственныхъ русскому народу, ни, въ особенности, безотлагательныхъ нуждъ Имперіи. Что касается до русскаго народа, то, конечно, изъ него выходятъ неподобные солдаты, неподобные по дисциплинѣ и въ особенности по необыкновенной способности къ перенесенію всевозможныхъ лишеній и страданій, но по своей натурѣ русскій народъ мирнаго характера. Русскіе такъ же естественно мирны, какъ французы естественно воинственны. Тотъ, кто читалъ великихъ національныхъ писателей, невольно поражается этою чертой народнаго характера. Религія русскихъ естественно сводится къ мистицизму, а мистицизмъ — къ квіетизму. Русскіе, болѣе чѣмъ какая другая нація, народъ *евангельскій* по преимуществу, и его идеаль въполнѣ выражается заповѣдами Нагорной проповѣди. Это

русское евангеліе вы найдете въ романахъ и послѣднихъ произведеніяхъ Толстого, а эти произведенія и воззваніе Николая II, поразившія Европу, въ сущности только выраженіе народныхъ стремленій и инстинктовъ. Нота русскаго императора вызвана, кромѣ того, настоятельными нуждами его огромной имперіи. Конечно, всѣ народы страдаютъ отъ этого мира, болѣе разрушительнаго, чѣмъ война, но ни одинъ народъ не страдаетъ такъ, какъ русскій, и ни одинъ народъ не выигралъ бы столько отъ настоящаго мира. Россія — это новъ, которая современемъ дастъ роскошную жатву. Тѣ, кому извѣстны выдающіяся достоинства, вѣра и стремленія русскаго народа, кому извѣстны, какъ проявили уже себя русскіе въ искусствѣ, литературѣ и наукѣ, тѣ знаютъ, что предназначено совершить современемъ этому избранному народу. Мое глубокое убѣжденіе, — говоритъ Саролеа, — основанное на изученіи различныхъ проявленій русскаго современнаго генія, что этотъ народъ варваровъ и татаръ призванъ замѣстить въ дѣлѣ цивилизаціи англо-саксовъ и германцевъ, какъ англо-саксы и германцы замѣстили римлянъ, какъ римляне замѣстили грековъ, а греки — восточные народы. Эти варвары обновятъ, а можетъ быть и спасутъ истощенную западную цивилизацію. Но этотъ день, который вовсе не такъ далекъ, какъ это думаютъ въ Европѣ, еще не пришелъ. Девять десятыхъ низшихъ классовъ въ Россіи еще погружены во мракъ невѣжества или грубыхъ инстинктовъ, средніе классы еще только начинаютъ организовываться, высшіе еще сильно заражены пороками, которыми страдаютъ вездѣ новички въ цивилизаціи, а національныя богатства, матеріальныя, интеллектуальныя и моральныя, еще ждутъ удара лопаты піонеровъ, который заставитъ ихъ брызгнуть изъ земли.

Такимъ образомъ для того, чтобы источниками національныхъ богатствъ могли разрабатываться, для того, чтобы средній классъ, третье сословіе, могло организоваться и расти, для того, чтобы даже земледѣліе могло развиваться въ связи съ успѣхами торговли и промышленности, Россіи нуженъ капиталъ и организаторскій трудъ. Нужны капиталы и предприимчивые люди для увеличенія путей сообщенія, для окончанія большихъ начатыхъ предпріятій, какъ, на примѣръ, великой сибирской дороги, для эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ и проведенія необходимыхъ реформъ. Съ экономической точки зрѣнія въ Россіи все нужно только создавать, создавать или развивать. Если обратить вниманіе на то, что сдѣлали въ Польшѣ и въ бассейнѣ Донца нѣсколько лѣтъ промышленной дѣятельности, на то, что одного производства свекловицы было достаточно для хозяйственнаго преобразованія цѣлыхъ губерній, то можно себѣ представить экономическую и социальную эволюцію, которая совершится въ слѣдующемъ столѣтіи.

Итакъ, Россія нуждается въ большомъ капиталѣ, а какъ разъ его-то у нея и нѣтъ. Ея доходы увеличиваются въ арифметической пропорціи, а военные расходы въ геометрической. Какъ замѣтилъ Анатолий Леруа Болье,

Россия — жертва своей территориальной величины; ее политическое расширение превышает ее экономическое развитие, потому что тяжесть вооруженного мира заставляет ее истощать средства, которые цѣликомъ должны были бы идти на развитие торговли и национальной промышленности.

Теперь остается уяснить себѣ, будетъ ли услышанъ этотъ царскій голосъ, раздающійся отъ имени 135 милл. людей. По моему мнѣнію, — говорить Саролеа, — нѣтъ. Воззваніе Николая II представляется французскому писателю мечтой молодого коронованнаго утописта, ясно выдашаго нужды и страданія своихъ подданныхъ, желающаго облегчить ихъ. Конференція, которая соберется по этому поводу, предстоить: или найти разрѣшеніе разнообразныхъ международныхъ вопросовъ, заставлявшихъ до сихъ поръ постоянно увеличивать количество войскъ, и передѣлать карту міра такъ, чтобы удовлетворить всѣ великія державы, — или предписать сохраненіе приобрѣтенныхъ правъ и поддержаніе существующаго положенія вещей.

Обѣ эти альтернативы невозможны.

Было бы безуміемъ надѣяться, что первая альтернатива разрѣшить вопросы эльзасъ-лотарингскій, восточный, египетскій, польскій, китайскій. Передѣлка карты вселенной вызвала бы только новое соперничество великихъ державъ. Эта конференція была бы повтореніемъ «Ночи 12 августа». Предположимъ, что въ минуту энтузіазма какіе-нибудь народы соглашаются пожертвовать приобрѣтенными ими правами, какъ дворянство и духовенство въ 1789 г. согласились пожертвовать своими привилегіями; но кто не знаетъ, что эти минуты энтузіазма сопровождаются обыкновенно быстрыми и ужасными реакціями и что за «августовскими ночами» слѣдуютъ почти всегда «сентябрьскія убійства»? Да и трудно себѣ представить, чтобы посредствомъ простого обмѣна политическихъ взглядовъ, безъ всякой санкціи, эта конференція, этотъ европейскій ареопагъ разрѣшили бы сразу всѣ международные вопросы, между тѣмъ подобныя конференціи того же самаго ареопага, такъ называемаго «европейскаго концерта», въ теченіе цѣлаго вѣка не могли разрѣшить «восточнаго вопроса» и оказались безсильными предупредить армянскія убійства и греко-турецкую войну.

Что касается до второй альтернативы, т.-е. до поддержанія существующаго statu quo, то она тоже не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ для однихъ государствъ это statu quo выгодно, а для другихъ — нѣтъ.

Въ концѣ своей статьи Саролеа говоритъ, что результатомъ благороднаго воззванія Русскаго Императора будутъ потоки чернилъ, фразъ. Конференція докажетъ, что нельзя разрѣшить международные вопросы мирными переговорами, что разоруженіе невозможно и что только шпагой можно разрубить гордіевы узлы, а разъ будетъ установлена неизбѣжность войны, то это только ее ускоритъ.

По мнѣнію Саролеа, эта война желательнѣе вооруженнаго мира, ибо война въ три мѣсяца разрѣшитъ всѣ наболѣвшіе вопросы, которые вооруженный миръ не можетъ разрѣшить въ теченіе 30-ти лѣтъ. Если больному

необходима операція, то отступать передъ ней болѣе чѣмъ сумасшествіе и трусость, это—самоубійство.

Довольно скептически относится къ возможнымъ результатамъ конференціи Гамонъ въ *L'Humanité Nouvelle*, но и онъ превозноситъ идею Императора Николая II и признаетъ ея благотворное міровое вліяніе, равняющееся почти перевороту. Фредерикъ Пасси, въ *Revue des Revues*, въ статьѣ о движеніи мира (*Le Mouvement de la paix en 1898*), горячо привѣтствуетъ благородный починъ Государа Императора и сулитъ ему положительные результаты. Съ надеждою на грядущее торжество справедливости и всеобщаго мира, съ упованіемъ, что сильная рука нашего правительства остановитъ попытки его нарушенія, съ неослабѣвшею вѣрой въ разумъ и совѣсть человѣчества мы заканчиваемъ этотъ обзоръ политической жизни цивилизованнаго міра въ прошломъ году.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Художественно-общедоступный театр: *Чайка*, драма въ 4-хъ дѣйств., Антона Чехова; *Счастье Греты*, драма въ 3-хъ дѣйств., Эмиля Мариотта, пер. О. Латернера; *Трактирщица*, ком. въ 3-хъ дѣйств., Гольдони.—Малый театр: *Въ 1812 году. Разгромъ*, въ 4-хъ дѣйств., П. П. Гнѣдича; *Ядро*, ком. въ 4-хъ дѣйств., М. Нордау, пер. съ нѣм. Л. Фрауенфельдеръ.—Четвертая выставка акварелей, пастелей и рисунковъ, устроенная Общ. Любит. Худ.—Выставка картинъ, эскизовъ и этюдовъ Е. Е. Шрейдера.

Въ прошедшемъ декабрѣ (1898 г.) наиболѣе крупною и любопытною новинкой на московскихъ сценахъ была драма Антона Чехова, *Чайка*, поставленная въ Художественно-Общедоступномъ театрѣ. Ранѣе пьеса эта шла въ Петербургѣ и, мягко выражаясь, успѣха не имѣла. Признаемся, такой же неудачи мы опасались и на этотъ разъ, и, кажется, не мы одни. Въ великому нашему удовольствію, опасенія не оправдались, наоборотъ, *Чайка* имѣла блестящій успѣхъ, почти небывалый. По окончаніи пьесы, публика восторженно вызывала исполнителей, автора и режиссеровъ. Когда объявлено было, что Антона Павловича нѣтъ въ театрѣ, что онъ въ Ялтѣ, публика единодушно потребовала, чтобы ему тотчасъ же была послана привѣтственная и поздравительная телеграмма, — что и было исполнено завѣдующимъ репертуаромъ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченко. Мы не знаемъ, почему эта пьеса «не имѣла успѣха» въ Петербургѣ, но всѣмъ ясно стало, что тамъ ее «провалили», ибо въ Москвѣ съ первыхъ же сценъ всѣ въ театрѣ почувствовали, что передъ ними развертывается далеко не заурядная драма, совершенно новая пьеса, по-новому задуманная, по-небывалому написанная и исполняемая какъ разъ въ томъ тонѣ, въ какомъ автору желательно. *Чайка* была напечатана въ нашемъ журналѣ (*Русская Мысль*, 1896 г., кн. XII), а потому содержаніе пьесы мы передавать не будемъ, ограничимся лишь тѣми напоминаніями и указаніями, какія считаемъ необходимыми для уясненія нашихъ сужденій объ исполненіи ея на сценѣ. Главное дѣйствующее лицо пьесы Константинъ Григорьевичъ Треплевъ (г. Мейерхольдъ)—«киевскій мѣщанинъ», молодой человекъ, сынъ знаменитой провинціальной актрисы Ирины Николаевны Аркадиной, по мужу Треплевой (г-жа Книпперъ). Если бы не стояло на афишѣ «по мужу Треплевой», можно было бы предположить, что «киевскій мѣ-

шанинъ» принадлежить къ числу тѣхъ обездоленныхъ, которые на свѣтъ рождаются «лишенными нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ» за грѣхъ родителей. Но разъ его мать «по мужу Треплева», такое предположеніе само собою отпадаетъ. Тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ весьма «уязвленъ» тѣмъ, что онъ «кѣвскій мѣшанинъ», тогда какъ его родной дядя по матери Петръ Николаевичъ Соринъ (г. Лужскій) — богатый помѣщикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, мать — большая артистка, «другъ ея сердца» Борисъ Алексѣевичъ Тригоринъ (г. Станиславскій) — прославленный писатель, и все ихъ общество помѣщичье и болѣе или менѣе достаточное. А у него «мѣшанина», Константина Треплева, нѣтъ ничего, ни положенія, ни имени, ни пятака своихъ денегъ, а есть только большое самолюбіе и не въ мѣру вздутое самомнѣіе. На этой почвѣ всесторонней неудовлетворенности запросовъ и «уязвленности» естественно развивается болѣзненная нервность, доходящая до неврастенія подъ вліяніемъ неудачъ въ писательствѣ, мелкихъ уколовъ и существенныхъ огорченій отъ предпочтенія, которое отдастъ передъ нимъ «писателю» Тригору молодая сосѣдка Нина Михайловна Зарѣчная (г-жа Роксадова). Константинъ Треплевъ — несомнѣнно больной, — такой же больной, какъ добрая половина людей, если не большинство, въ «нашъ нервный вѣкъ». И такую же болѣзнь вѣка, — отчасти сознательнымъ, отчасти «безпредметнымъ тоскованіемъ» отъ неудовлетворенности, — больны чуть не всѣ поголовно, — «точно на самомъ дѣлѣ», — шепнула мнѣ въ послѣднемъ дѣйствіи молоденькая и преуменькая артистка. Вотъ въ этомъ-то «точно на самомъ дѣлѣ» и заключается все выдающееся значеніе пьесы Чехова. Тутъ почти ничего нѣтъ, «какъ въ театрѣ, какъ въ драмѣ», да и драмы-то въ сущности нѣтъ никакой, а страданія человѣческія есть, изъ-за малостей, но субъективно очень большія. Чайка, летавшая надъ озеромъ, птица малая. Ее убилъ изъ ружья Константинъ Треплевъ и принесъ немножко влюбленной въ него Нинѣ Зарѣчной. Зачѣмъ онъ убилъ красивую птицу? Такъ: въ рукахъ было заряженное ружье, и онъ выстрѣлилъ, и убилъ... Встрѣтилъ Зарѣчную знаменитый писатель Тригоринъ, поболталъ съ нею, пожеманился, поломался... Зачѣмъ? — такъ: онъ всегда немного ломается, даже передъ самимъ собою. А молоденькая дѣвушка приняла все это за правду, за настоящее дѣло, и увлеклась знаменитымъ писателемъ, которому просто «скучно». Ему все надоѣло и его знаменитая провинціальная актриса Аркадина, и его писательство, и всѣ ухаживанія за нимъ, и, между прочимъ, влюбленность въ него Маши (г-жа Раевская), немолодой дѣвушки, дочери управляющаго Шамраева (г. Артемъ). Тригоринъ боленъ тѣмъ, что ему «скучно», а боленъ онъ оттого, что нервы у него истрепаны обязательнымъ писательствомъ, пустопорожними чувствами, никому не нужными и ему самому ни на что не нужными, такъ какъ надоѣли ему его связь съ Аркадиной и его собственное ломаніе, обратившееся уже въ привычку. Аркадина больна общою болѣзью артистовъ, растерявшихъ во время долгой сценической карьеры подлинный смыслъ дѣйствительной жизни.

Да на самомъ-то дѣлѣ, гдѣ-жъ онъ этотъ подлинный «смыслъ жизни»? Кто его сохранилъ во всей неприкосновенности? Вотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Соринъ, онъ служилъ 27 лѣтъ по судебному вѣдомству, дослужился до генеральскаго чина, жилъ въ городѣ и сжился съ городомъ, и вдругъ вообразилъ, будто необыкновенно хорошо будетъ «отдохнуть» на старости лѣтъ въ деревнѣ, отъ которой онъ отсталъ и которая ему не пристала. И доотдыхался онъ до паралича «отъ бездѣлья», до сознанія, что онъ—«un homme qui a voulu», «человѣкъ, который хотѣлъ...» Чего хотѣлъ? Да онъ самъ не знаетъ,—хотѣлъ того же, чего и всѣ хотѣть или хотѣли, хотѣлъ «жизни», хотѣлъ удовлетворенности, и сѣлъ, какъ ракъ на мели, на кресло съ колесами, на какихъ возятъ паралитики. Есть еще учитель сельской школы Медвѣденко (г. Тихомировъ). Этотъ думалъ найти счастье и смыслъ жизни въ своей семьѣ и женился на дочери управляющаго, на Машѣ, влюбленной въ Тригорина, вскружившаго всѣмъ головы знаменитымъ писательствомъ. И за это Медвѣденко очутился тоже въ положеніи «человѣка, который хотѣлъ» и не получилъ ничего, кромѣ самаго горькаго разочарованія: вмѣсто семьи, онъ получилъ только ребенка, котораго его жена и знать не желаетъ, равно какъ и его самого, ея законнаго супруга. А она сама? Она тоже «хотѣла» замужествомъ, тихою семейною жизнью заглушить свою немного забавную и запоздалую любовь къ знаменитому писателю,—хотѣла и не смогла, испортила жизнь себѣ и хорошему человѣку, добряку учителю. А впрочемъ, все равно, жизнь была бы испорчена, если бы Маша и не вышла замужъ, а осталась бы старою дѣвой въ чужой усадьбѣ при старомъ отцѣ, для котораго весь смыслъ существованія истощивается хозяйственными заботами и накопчиваніемъ собственнаго кармана на счетъ владѣльца имѣнія. Наивная, несмышленная, ничего не понимающая деревенская дѣвушка Нина Зарѣчная обольщена крохотнымъ и даже мнимымъ сценическимъ успѣхомъ, фальшивыми похвалами театральноты знаменитости Аркадиной, очарована кривляніями отъ скуки «знаменитаго» писателя Тригорина, истомлена собственною уныло сѣренькою жизнью мелкопомѣстнаго дворянства, и Нина кинулась въ провинціально-театральную сутолоку. Нина тоже «хотѣла» успѣховъ, славы, любви литературной знаменитости, и ее постигла участь «чайки», которая летала надъ озеромъ... Есть въ пьесѣ еще врачъ Дорнъ (г. Вишневскій), человѣкъ, какъ будто, наиболѣе крѣпкій и уравновѣшенный, но и онъ ничему и ни во что не вѣритъ, ни въ людей, ни въ науку; этотъ, по своему безвѣрію, даже ничего не хочетъ. Онъ смотритъ на жизнь со стороны и до извѣстной степени умиротворенъ тѣмъ, что жизнь людей есть не что иное, какъ рядъ психо-патологическихъ процессовъ, обусловленныхъ большимъ разнообразіемъ причинъ, и что съ ними, съ этими процессами и съ ихъ причинами, бороться бесполезно и неумно, ибо ни устранить ихъ, ни одолѣть нѣтъ никакой возможности. Докторъ, несомнѣнно, боленъ—безнадежностью и безвѣріемъ. И всѣ эти люди, проходящіе передъ нами на сценѣ, умѣютъ только «хотѣть», но ни у кого изъ нихъ ни

хватает того именно, что необходимо для осуществленія своихъ «хотѣній»: у нихъ нѣтъ силы и нѣтъ вѣры ни въ себя, ни въ дѣло, за которое они берутся. У нихъ въ душѣ пусто. Знаменитый писатель Тригоринъ сочиняетъ романы и повѣсти совсѣмъ не потому, чтобы онъ имѣлъ въ головѣ какую-либо идею—въ смыслѣ идеала,—которымъ онъ считалъ бы обязательнымъ для себя и необходимымъ подѣлиться съ читателемъ; онъ просто отбываетъ писательскую повинность, потому что такое «рукоделие» ему выгодно, даетъ ему извѣстность, положеніе и средства удовлетворять свои «хотѣнія», весьма невысокаго качества. Константинъ Треплевъ неистово рвется къ писательству не потому, чтобы въ его головѣ и въ душѣ было дѣйствительно что-либо, чѣмъ онъ можетъ и долженъ подѣлиться съ людьми для ихъ пользы и блага. Молодой человѣкъ мечтаетъ лишь о томъ, чтобы сдѣлаться «знаменитостью», вродѣ Тригорина, и получить то, что знаменитости полагаются: большіе гонорары, извѣстный почетъ и ухаживанія. Отчаявшись добиться всего этого и видя постоянное торжество Тригорина, Константинъ кончаетъ самоубійствомъ. Лица эти не представляютъ собою типовъ, всѣ они—просто настоящіе живые люди, и передъ нами проходить на сценѣ ихъ настоящая жизнь «точно на самомъ дѣлѣ». Только жизнь эта оказывается какою-то для всѣхъ тяжелою, а намъ со стороны она кажется безпросвѣтною. Каждый живетъ самъ по себѣ и лишь для себя. Между ними нѣтъ ничего общаго, связывающаго ихъ и объединяющаго, хотя они и льнутъ другъ къ другу, но сблизиться никакъ не могутъ, потому что въ ихъ опустошенныхъ душахъ нѣтъ мѣста истинному чувству, а шевелится лишь извѣстнаго рода чувствительность, чаще всего направляемая на свою собственную особу. И вотъ это-то общее настроеніе разрозненности, неудовлетворенности, душевнаго одиночества, доходящаго до крайнихъ предѣловъ томленія, прекрасно передано артистами Художественнаго театра. Лучшими исполнителями были: г-жа Книпперъ и г. Мейерхольдъ, въ особенности превосходно прошла у нихъ сцена попытки матери и сына сблизиться,—сцена, закончившаяся жестокимъ взрывомъ и ссорой. Г. Станиславскій очень хорошо передалъ личность Тригорина. Въ его игрѣ есть, правда, маленькіе недочеты, у другихъ есть недочеты покрупнѣе и посущественнѣе. Но разбирать ихъ мы не будемъ: въ общемъ, артистами сдѣлано все, что можно желать, и пьеса имѣла огромный успѣхъ, благодаря тому, что самое существенное въ ней—«настроеніе»—уловлено артистами правильно и передано совершенно вѣрно, въ надлежащемъ тонѣ. Мы вышли изъ театра восхищенными небывалою у насъ пьесой и необыкновенною стройностью ансамбля у исполнителей. Ни въ пьесѣ, ни въ ея исполненіи ничего нѣтъ шаблоннаго или рутиннаго. Здѣсь все—ново и талантливо чрезвычайно, все изображено настолько тонко, что «сдѣлать» такую пьесу нельзя, ее можно только прочувствовать скорбною душой, крайне чуткой къ недугамъ и страданіямъ, изводящимъ извѣстнаго круга людей нашего общества.

Совершенно иное и непріятное впечатлѣніе произвела на насъ 3-хъ акт-

ная драма Эмиля Мариотта, переведенная Ө. Латернеромъ *Счастье Греты*, шедшая въ первый разъ въ томъ же театрѣ 2 декабря. Заглавіе пьесы надо понимать совсѣмъ наоборотъ, такъ какъ авторъ изображаетъ «несчастье» Греты, которую небогатые родственники выдали замужъ за капиталиста фабриканта Гальвика (г. Вишневскій). Ея мамаша, Эрнестина Горнъ (г-жа Самарова), сестра Греты, Гедвига (г-жа Якубенко), и братъ, студентъ Фрицъ (г. Москвинъ), порѣшили, что для «счастья» Греты и для ихъ семейнаго благополучія ее слѣдуетъ отдать замужъ за богача Гальвика, которому она очень нравилась. Чуть не съ дѣтства Грету и ея молоденькаго кузена, студента медицины Юлія Лёрса (г. Кошевѣровъ), обоюдно связывала самая нѣжная симпатія, которую они, въ наивности своей, принимали за родственную дружбу. Молодой человѣкъ первый сообразилъ, что это нѣсколько иное чувство, но разъяснять это юной кузинѣ не рѣшился, откладывая объясненіе и женитьбу на Гретѣ до того времени, когда онъ кончитъ курсъ, слѣзается докторомъ и будетъ имѣть достаточно средствъ, чтобы содержать жену и будущую семью. Родные Греты, опасаясь того, что Юлій можетъ помѣшать «счастью» Греты, т.-е. ея браку съ Гальвигомъ, удалили молодого человѣка подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, а неопытную и младенчески невинную Грету усватали за богатаго фабриканта. Невинность Греты столь идеальна, что дѣвушка, выходя замужъ, не имѣла ни малѣйшаго понятія о сущности взаимныхъ отношеній супруговъ, не подозрѣвала даже ихъ обязательной близости... И вотъ, посвященная вдругъ старымъ, вѣроятно, слишкомъ грубымъ, нелюбимымъ мужемъ въ интимныя тайны брачнаго сожитія, Грета приходитъ въ такой ужасъ, что нѣсколько дней дрожитъ въ какомъ-то нервномъ, непрерывно длящемся припадкѣ. Противный мужъ возбуждаетъ въ ней неодолимое, чисто-физическое, отвращеніе. Одно его приближеніе, попытка дотронуться до нея, обостряютъ ея нервность до того, что она истерически кричитъ: «Не хочу, не хочу!» — и падаетъ въ обморокъ, при видѣ мужа, направляющагося въ ихъ общую спальную. На слѣдующій день Грета раннимъ утромъ скрывается изъ дома мужа, цѣлый день безцѣльно бродитъ по улицамъ и къ вечеру является въ квартиру Юлія Лёрса, ставшаго уже докторомъ. Изъ пьесы не видно, сколько времени прошло со дня свадьбы Греты, не видно также, почему докторъ Лёрсъ, получивши дипломъ, не помѣшалъ свадьбѣ любимой и любящей его дѣвушки съ пожилымъ и противнымъ ей буржуемъ. Намъ этотъ докторъ Лёрсъ очень несимпатиченъ — это какой-то добродѣтельный и благородный чурбанъ. Какъ врачъ и любящій человѣкъ, онъ не можетъ не видѣть, въ какомъ ненормальномъ положеніи прибѣжала къ нему его Грета, не можетъ онъ не понимать, отъ чего происходитъ ея крайне болѣзненное состояніе, близкое къ помѣшательству. И вмѣсто того, чтобы успокоить несчастную, онъ психически больной женщинѣ разводитъ глупѣйшія рацемъ о своей высокой честности, о нежеланіи своемъ «красть чужую жену». Да кто-жъ его, филистера, объ этомъ просить? Передъ нимъ не «чужая жена», а опасно больная пациентка, ко-

торой нужна его врачебная помощь, и первымъ дѣломъ необходимо спокойствіе. Въ такіе моменты, ни одному сколько-нибудь порядочному человѣку не можетъ въ голову прийти скверная мысль о какой-то «кражѣ». А этотъ докторъ, ближайшій родственникъ и нѣжный другъ дѣтства, въ своей честности высокой не находитъ ничего лучшаго, какъ послать скорѣе за мужемъ Греты и за ея родными, дабы они водворили ее опять — «куда слѣдуетъ», по законамъ о супружествѣ. При появленіи родныхъ и мужа, Грета бросается въ окно. Юлій успѣваетъ удержать ее. Съ нею дѣлается жестокий нервный припадокъ, кончающійся полнымъ сумасшествіемъ. Родные хотятъ ее все-таки водворить къ мужу. Докторъ объявляетъ, что теперь ее уже некуда везти, кромѣ дома умалишенныхъ. Тѣмъ драма и кончается. Пьеса написана грубо, въ ней, по нашему мнѣнію, излишне подчеркнуты нѣкоторыя интимныя подробности. Идею автора выражаетъ, повидимому, Юлій Лёрсъ такими словами, обращенными въ укоръ къ матери Греты: «Во всемъ вы виноваты, вы озабочены лишь тѣмъ, чтобы ваши дочери выходили замужъ невинными!» — «Что же намъ дѣлать?» — восклицаетъ озадаченная Эрнестина Горнъ. — «Вы обязаны передъ замужествомъ *все* объяснить дочери», — говоритъ Юлій. — «Ахъ, Юлій, — возражаетъ г-жа Горнъ, — неужели ты не понимаешь, какъ это трудно матери?»... Мы не беремся рѣшать, насколько такія объясненія необходимы, но полагаемъ, что и безъ нихъ дѣло обошлось бы благополучно, если бы Грета вышла замужъ за Юлія, а не за стараго и противнаго ей, — да и намъ тоже, — вѣнскаго «буржуя», очень корректнаго, но тупого и грубаго въ сознаніи своихъ легальныхъ правъ. Правъ авторъ или нѣтъ въ той основной мысли, которую высказалъ Лёрсъ, мы разбирать не будемъ, ибо находимъ неудачною и нехудожественною попытку автора иллюстрировать примѣромъ изъ жизни такую мысль со сцены и въ такой формѣ, въ какой это сдѣлано въ драмѣ *Счастье Греты*. Г-жа Роксанова очень нервно изображала несчастную Грету, отлично провела сцену сумасшествия, но у молодой и, повидимому, талантливой артистки есть довольно существенный недостатокъ — однообразіе тона и жестовъ, отъ чего она легко можетъ избавиться, если она будетъ тщательнѣе наблюдать за своими руками и перестанетъ хвататься ими за уши, когда это совсѣмъ не нужно, какъ въ *Чайкѣ*. Давно извѣстно, что актеръ не долженъ имѣть «собственныхъ» манеръ и привычекъ, тѣмъ паче однообразныхъ, а таковыя обязанъ усвоивать отъ характера и положенія изображаемаго имъ лица. Г. Вишневскій очень хорошо воспроизвелъ фигуру приличнаго и корректнаго, но препротивнаго вѣнскаго коммерсанта. Въ его интерпретаціи это живое лицо. Исполнителю роли доктора Юлія Лёрса очень трудно, конечно, справиться съ задачею, данною ему авторомъ, представить симпатичнаго молодого человѣка, достойнаго любви милой дѣвушки, и г. Кошевъровъ съ этою задачею не справился: крайне мудрено, — да, просто, нельзя даже съ умнымъ видомъ говорить глупости и съ видомъ добродѣтели и благородства дѣлать гадости... Пьеса, вообще, плохая, не продуманная, неудачно сдѣланная и успѣха не имѣла, вполнѣ по ея достоин-

ству. «Художественно-Общедоступный» театр, сразу занявшій въ Москвѣ такое видное положеніе, хорошо бы сдѣлалъ, если бы воздержался отъ постановки такихъ анти-художественныхъ рѣзкостей.

Шедшая въ тотъ же вечеръ переводная комедія Гольдони *Трактирщица* есть легкій и довольно забавный итальянскій фарсъ въ богатыхъ флорентійскихъ костюмахъ XVIII вѣка. Молоденькая и хорошенькая трактирщица Мирандолина (г-жа Книпперъ) забавляется тѣмъ, что кокетничаетъ со своими постояльцами, кавалеромъ де Рипафратта (г. Станиславскій), маркизомъ Форлипополи (г. Мейерхольдъ) и графомъ д'Альбафлорита (г. Ланской), и поочередно кружить имъ головы, придерживая, про запасъ, влюбленнаго въ нее безъ ума слугу гостиницы Фабриціо (г. Грибунинъ). Послѣ ряда бойкихъ и смѣшныхъ сценъ, отлично разыгранная комедія кончается, по водевильному, бракомъ Мирандолины и Фабриціо. Г. Станиславскій былъ великолѣпенъ въ роли ненавистника женщинъ, влюбляющагося въ трактирщицу. Всѣ остальные артисты, не исключая г. Тарасова, исполнявшаго роль слуги кавалера, безукоризненно поддерживали ансамбль и дружно способствовали полному успѣху пьесы. Постановку комедіи, костюмы и пр. можно назвать образцовыми. Публика отъ души смѣялась и усердно вызывала артистовъ. Впечатлѣніе отъ неудачной вѣнской пьесы сгладилось, всѣ вышли изъ театра очень довольными: «все хорошо, что хорошо кончается».

На сценѣ Малаго театра за декабрь шли двѣ новыя пьесы: въ бенефисъ уважаемой артистки О. О. Садовской — *Ядро*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, М. Нордау, въ переводѣ съ нѣмецкаго Л. Фрауенфельдера, и отъ дирекціи — оригинальная 4-хъ-актная пьеса П. П. Гнѣдича *Въ 1812 году разгромъ*. Начнемъ съ «оригинальной». Ея оригинальность начинается до поднятія занавѣса, съ самаго подъѣзда. Служивый, всегда снабжающій насъ афишей, подалъ намъ тетрадочку, произведенія типографіи А. А. Левенсонъ. Напечатано: «Въ воскресенье, 27 декабря... въ первый разъ: *Въ 1812 году разгромъ*, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, П. П. Гнѣдича». До сихъ поръ на афишахъ печаталось, послѣ названія: «драма, комедія, сцены» и т. п. За послѣднее время авторы стали, вмѣсто такихъ опредѣленій, печатать «пьеса», очевидно, сами затрудняясь опредѣлить, что такое они сочинили. Г. Гнѣдичъ подъ своимъ произведеніемъ не поставилъ даже слова «пьеса». Сначала мы не сообразили, въ чемъ тутъ дѣло, но, посмотрѣвши «Разгромъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ», нашли, что авторъ совершенно правъ: это не драма, не комедія, не пьеса... это — пустое мѣсто въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Судите сами, въ домѣ секундъ-майора Ангушова (г. Правдинъ) сидятъ за самоваромъ четыре дамы: сноха секундъ-майора, Пульхерія Платоновна (г-жа Порошина), ея дочь Вѣра (г-жа Садовская 2), ея же сестра Глафира Платоновна (г-жа Ермолова-Кречетова) и Анна Заалозьева (г-жа Лешковская), ихъ дальняя родственница. Сидятъ онѣ за самоваромъ, ждутъ Клавдія (г. Южинъ), сына секундъ-майора, мужа Пульхеріи Платоновны, отца Вѣры; сидятъ и о пустякахъ разговариваютъ. Прибѣгаетъ попадья (г-жа Матвѣева) и сообщаетъ деревенскіе слухи о наступленіи французовъ. Глава

семьи, Аптушовъ, приходитъ, требуетъ варенца, ѣсть его и хорохорится: онъ—патріотъ, ничего не дастъ французамъ, все сожжетъ... «На-ко, Бонапартъ, получи головешки!» Пріѣзжаетъ сынъ Аптушова Клавдій, владѣлецъ имѣнія, и выражаетъ крайнее недовольство дѣйствіями офицера Терехова (г. Рыжовъ), жениха его дочери Вѣры, который забралъ его сѣно на продовольствіе русской кавалеріи. Потомъ является самъ Тереховъ, объясняетъ, что сѣно онъ забралъ «по долгу службы», но готовъ заплатить за него собственныя деньги, хотя бы для того ему пришлось продать свою деревеньку. Потомъ всѣ куда-то расходятся, потомъ... Клавдій хватается дальнюю родственницу Анну Заалозьеву и начинаетъ цѣловать ее насильно... потомъ—занавѣсъ. Второе дѣйствіе въ саду богатаго помѣщика, «его высокопревосходительства» Бухалова (г. Ленскій). Дряхлый, развратный старичишка окруженъ крѣпостною дворней и крѣпостнымъ гаремомъ, въ которомъ мѣсто первой султанши занимаетъ m-lle Ivette (г-жа Пуаре), за нею слѣдуютъ одалиски въ довольно откровенныхъ костюмахъ, Катюшка, Улитка, Оенька, Дашка (г-жи Генюкъ, Юдина, Берсъ, Рыжова). Старая «высокопревосходительная» развалина Бухаловъ приказываетъ выпоротъ садовника Секлетя (г. Никифорова), грозить, кажется, тѣмъ же своимъ Оенькамъ и Дашкамъ, даритъ офицеру Терехову свою Катюку, которая неукоснительно садится къ нему на колѣни, потомъ напивается пьянъ и совсѣмъ уже безобразничаетъ... Въ третьемъ дѣйствіи — дворъ и деревня Аптушова. Наступаютъ французы. Секундъ-майоръ собираетъ крестьянъ, убѣждаетъ ихъ все сжечь и самъ подаетъ имъ примѣръ, поджигая свою усадьбу. Свою семью онъ отправляетъ куда-то въ дальнюю деревню, а самъ остается, чтобы лично показать: «на-ко, Бонапартъ, получи головешки!» — и его никто не только не увозитъ, но даже не уговариваетъ уѣхать. Приходятъ очень пестрые французы, и одинъ изъ нихъ застрѣливаетъ его изъ пистолета, но не на-поvalъ, ибо въ четвертомъ дѣйствіи, почти четыре мѣсяца спустя, секундъ-майоръ лежитъ тяжело раненый въ обгорѣвшей комнатѣ своего дома. За нимъ ухаживаетъ его бывшій денщикъ Кузьма (г. Рябовъ) и Анна Заалозьева, оказавшаяся здѣсь какимъ-то чудомъ. Не менѣе диковинно тутъ же проживаютъ «высокопревосходительный» Бухаловъ, съ своимъ камердинеромъ Нарцисомъ (г. Падаринъ), и докторъ Ауэ (г. Лазаревъ). Секундъ-майоръ при смерти, но онъ ликуетъ: французовъ гонять изъ Россіи на всѣхъ пунктахъ и вымораживаютъ ихъ со всѣми «дванадесатью языками». Пріѣзжаетъ офицеръ Тереховъ въ полушубкѣ,—онъ теперь партизанъ,—и заявляетъ свою любовь къ Аннѣ Заалозьевой, которая его тоже любитъ, но выйти за него замужъ общается лишь въ томъ случаѣ, если умереть его невѣста Вѣра, больная гдѣ-то тифомъ. Вдругъ въ усадьбѣ тревога, являются бѣгущіе изъ Москвы французы съ самимъ Наполеономъ (г. Фодотовъ), въ сопровожденіи какого-то генерала (г. Грессеръ), двухъ офицеровъ, адъютанта (г. Ильинскій) и поляка-переводчика (г. Худолѣвъ). Партизанъ Тереховъ и Анна Заалозьева прячутся отъ нихъ за кулисы. Секундъ-майоръ обругиваетъ французовъ.

Le grand Empereur забираетъ въ усадьбѣ экипажъ и лошадей и скачетъ дальше съ своею свитой, унося ноги отъ казаковъ и русскаго мороза. Конецъ «Разгрома въ 4-хъ дѣйствіяхъ». Для кого и для чего это нагорожено? Праздничная публика, 27 декабря, да еще въ воскресенье, хлопала, кричала, вызывала даже автора... На Дѣвичьемъ полѣ, вѣроятно, шума было бы еще больше, и мы думаемъ, что тамъ-то и есть настоящее мѣсто *Разгрому* г. Гнѣдича.

Ядро, комедія М. Нордау, видѣнная нами въ плохомъ переводѣ Л. Фрауенфельдера, преподаетъ публикѣ не особенно новое поученіе: чти отца твоего и мать твою... и не устыжайся своего происхожденія отъ незнатныхъ родителей. Заглавіе пьесы для русскихъ совершенно непонятно, это буквальный переводъ нѣмецкаго заглавія «die Kugel». Дѣло въ томъ, что въ чужихъ краяхъ преступнику, приговоренному къ каторжнымъ работамъ, приковываютъ къ ногѣ чугунное ядро, что замѣняетъ цѣпи нашихъ каторжниковъ. Молодой адвокатъ Фрицъ Сикартъ (г. Ильинскій) стремится сдѣлать карьеру и жениться на богатой и знатной особѣ, Гердѣ фонъ-Дѣббелинѣ (г-жа Лешковская), и чувствуетъ онъ себя въ положеніи каторжника съ прикованнымъ къ ногѣ «ядромъ», мѣшающимъ каждому его шагу по намѣченному имъ пути вверхъ къ почестямъ и славѣ. Такимъ «ядромъ» онъ считаетъ свою мать-старуху (г-жа Садовская), бывшую служанку г-жи Ольдероде (г-жа Ѳедотова). Отецъ Фрица, тоже слуга, давно умершій, и его мать много лѣтъ честно служили этой богатой барынѣ, которая за ихъ добрую службу дала на свои средства прекрасное образованіе Фрицу, помогла ему кончить курсъ университета и сдѣлаться адвокатомъ. Вотъ этого-то низкаго происхожденія и стыдится Фрицъ, считаетъ для себя какимъ-то «пятномъ», которое онъ старается скрыть всѣми способами, и ради этого удаляетъ изъ своего дома нѣжно любящую мать, нанимаетъ ей отдѣльную квартиру. Особенно тщательно онъ прячетъ свою старуху и скрываетъ свое происхожденіе отъ Герды фонъ-Дѣббелинѣ, молодой блестящей дамы, сестры «камергера» фонъ-Пеппингъ (г. Южинъ), на которой онъ намѣренъ жениться послѣ того, какъ охлопоталъ ей разводъ съ недостойнымъ мужемъ. Этотъ-то обиженный мужъ и братъ Герды, камергеръ, относятся крайне враждебно къ молодому адвокату и раскапываютъ всю о немъ подноготную,—какъ онъ скрываетъ свое происхожденіе, какъ отрекся отъ родной матери, какъ безпомощно бросилъ любящую его бѣдную дѣвушку Луизу Вабе (г-жа Садовская 2), съ малымъ ребенкомъ, его сыномъ, и какъ, наконецъ, онъ растратилъ часть ввѣреннаго ему Гердой капитала. Во всемъ этомъ камергеръ неотразимо уличаетъ молодого карьериста, устраиваетъ его свадьбу съ Гердой и грозитъ судомъ за растрату. Самоотверженное заступничество старухи матери спасаетъ Фрица отъ суда и позора. Опомнившійся молодой человѣкъ сознаетъ, что любовь матери и преданность любящей дѣвушки даютъ высшее счастье,—раскаивается и вступаетъ въ бракъ съ Луизой Вабе, рѣшившись начать скромную, трудовую жизнь честнаго работника. Пьеса никакого успѣха не имѣла, хотя, въ сущ-

ности, это недурная комедія и разыграна она была превосходно. Мы думаемъ, что неуспѣхъ пьесы зависить отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, все въ ней старо, какъ истрепанная пропись; во-вторыхъ, всѣ эти нѣмецкія фигуры намъ совсѣмъ чужія и не имѣютъ въ себѣ ничего типическаго; въ-третьихъ, переводъ пьесы — ниже всякой критики. Намъ рѣшительно поражаетъ прискорбный репертуаръ Малаго театра и въ большое недоумѣніе приводитъ то обстоятельство, что литературно-театральный комитетъ одобряетъ, а дирекція ставитъ на сцену такія «оригинальности», какъ *Разгромъ*, и такія упражненія въ переводахъ, какъ *Ядро*. За нашъ Малый театръ прискорбно, обидно за нашихъ высокоталантливыхъ артистовъ, душу свою полагающихъ на служеніе искусству!...

Ан.

Четвертая выставка акварелей, пастелей и рисунковъ, устроенная обществомъ любителей художествъ, количественно весьма богата: въ ней приняли участіе 63 художника, которые выставили болѣе 200 произведеній. Тѣмъ не менѣе на выставкѣ нѣтъ ни одной такой картины, которая заставила бы сильнѣе заботиться сердце зрителя или породила бы въ головѣ его новыя и глубокія думы. Можетъ быть бѣдность, однообразие и незначительность сюжета обусловливаются до извѣстной степени технической особенностью выставки: акварелью русскіе художники пишутъ, повидимому, мало и неохотно, а пастель, тушь, уголь и карандаши слишкомъ недостаточныя средства для достиженія значительныхъ художественныхъ цѣлей. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, съ крупною мѣркой къ произведеніямъ четвертой акварельной выставки подходить не слѣдуетъ. Но кто любитъ искусство во всѣхъ его видахъ, кто ищетъ проблеска истиннаго таланта и во второстепенныхъ его произведеніяхъ, тотъ не безъ удовольствія посѣтитъ и эту выставку.

На выставкѣ господствуетъ пейзажъ, которому принадлежитъ пальма первенства и въ качественномъ отношеніи. Такъ, одинъ г. Переплетчиковъ выставилъ 12 пейзажей, и большинство изъ нихъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Его пастель *Улица въ уездномъ городѣ*, впрочемъ болѣе похожая на деревенскую улицу, написана чрезвычайно живо; другой его пейзажъ *Сумерки въ лесу*, который тоже точнѣе было бы назвать передъ сумерками, доставляетъ удовольствіе очень пріятнымъ колоритомъ. Немного слабѣе и другіе его пейзажи, а три рисунка углемъ сдѣланы совсѣмъ мастерски. Исключительно пейзажи выставилъ и г. Досѣвинъ, который любитъ, повидимому, преимущественно хмурую, сумрачную природу. Такіе пейзажи — на любителя; да и отъ художника они требуютъ большой силы и выразительности: иначе они вызовутъ въ зрителѣ не эстетическое настроеніе, а самую обыкновенную скуку. Изъ картинъ г. Досѣвина намъ наиболѣе понравился *Старый замокъ*. Было бы долго и неинтересно перечислять всѣ пейзажи, мы отмѣтимъ только то, что въ какомъ-нибудь отношеніи выдается надъ посредственностью. Такъ, то же отношеніе къ природѣ,

что и у г. Досѣкина, обнаруживаютъ и пастели г. Клодта: *На трактѣ и Ялта*, а также *Загородъ* г. Мартена и многія другія, болѣе слабыя произведенія. Живо чувствуется настроеніе художника и въ картинѣ г. Френца *На берегу рѣки Москвы* и въ очень хорошихъ работахъ г. Жуковского. Весьма интересны картинки г. Мартынова, изображающія зиму въ лѣсу (*Зимнее утро въ лѣсу*, *Лунная ночь зимой въ лѣсу*, *Лѣсъ зимою* и *Снѣгъ идетъ въ лѣсу*). Несомнѣнно, что художникъ любитъ эту своеобразную красоту природы и его отношеніе къ сюжету живо чувствуется зрителемъ; но намъ показалось, что г. Мартыновъ болѣе подчеркиваетъ синіе тона, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительности. Впрочемъ это дѣло глаза, и мы не рѣшаемся спорить съ художникомъ: такіе же тона подсмотрѣлъ въ зимнемъ лѣсу г. Завьяловъ (*Первый снѣгъ*). Г. Гославскій выставилъ, кромѣ хорошей пастели *Начало зимы*, оригинальный до вычурности *Зловѣщій закатъ* кроваваго цвѣта и превосходный рисунокъ карандашомъ лѣсного пейзажа. Художникъ назвалъ этотъ рисунокъ *Раздумье*, и онъ дѣйствительно производить такое впечатлѣніе, что служить блестящимъ доказательствомъ таланта автора. Вообще на выставкѣ встрѣчаются карандашные рисунки, которые безъ красокъ воспроизводятъ красоту ландшафта гораздо лучше, чѣмъ очень многія акварели и пастели. Такъ, наприм., многіе «Листки изъ альбома» г. Михайлова куда выше его этюда пастелью и разныхъ этюдовъ другихъ авторовъ. То же самое можно сказать о рисункѣ углемъ г. Хохрякова *Первый снѣгъ*. Гораздо выше посредственности показались намъ: *Церковный дворикъ* и *Проталины* г. Калмыкова, *Московский закоулочекъ* г. Гермашева, *Пасмурно*, и въ особенности прекрасная сѣня *Овины* г. Серегина, *Среди зимы* и *Послѣ дождя* г. Левина, *Старая ива* г. Сухова, *Мостикъ въ деревнѣ* г-жи Фаллизъ и нарисованное à tempore *Персидское кладбище* г. Сергѣевича. Очень недурны нѣкоторые изъ многочисленныхъ этюдовъ г. Гриценка (два *Сентябрьскихъ снѣга* и два монастыря—Ипатьевскій и Печерскій), хотя большинство изъ нихъ рѣжутъ глазъ своею пестротой.

Многочисленные пейзажи г. Соколова отличаются своеобразной техникой, которая, на обычномъ разстояніи зрителя отъ картины, представляется безобразной мазней. Мы не считаемъ задачей художественной критики поучать художниковъ приемамъ ихъ искусства: это дѣло школы и технического таланта. Для зрителя всякіе приемы хороши, лишь бы только они достигали простой, но великой цѣли искусства: схватывали и переносили на полотно типичное въ индивидуальномъ, улавливали внѣшнюю и внутреннюю красоту сюжета и возбуждали въ зрителѣ вмѣстѣ съ эстетической эмоціей «добрыя чувства» и хорошія мысли. Но на обязанности критики лежитъ констатировать эффектъ тѣхъ или другихъ техническихъ приемовъ, и мы должны признать, что своеобразная техника г. Соколова и г-жи Михайловой etc. не вызываетъ художественнаго впечатлѣнія. Говорять, что такими приемами художники прокладываютъ новые пути въ ис-

искусствъ; но новыми путями нужно пользоваться осторожно, такъ какъ они могутъ привести совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ.

Много работъ выставилъ г. Браиловскій, но его итальянскіе пейзажи не выше посредственности, а очень хорошо написанныя изображенія комнать дома князей Юсуповыхъ совсѣмъ не интересны по сюжету.

На выставкѣ есть нѣсколько картинъ, соединяющихъ пейзажъ съ жанромъ, и первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ прелестной картинкѣ г. Чичагова *Гуськомъ*. Зимній пейзажъ, лошади, повозка, а въ особенности поза ямщика, написаны необыкновенно живо и не только переносятъ зрителя въ обстановку картины, но и возбуждаютъ въ немъ желаніе проѣхаться по снѣжной равнинѣ. Меньше жизни въ аналогичной пастели г. Степанова *Обилие*: вьюги почти нѣтъ, свѣтло, дорога идетъ кустарникомъ, и путникъ сбился только по недогадливости ямщика.

Въ другую обстановку переноситъ хорошая пастель г. Полякова *Въ страдную пору*. Дѣло подъ вечеръ, работа подъ конецъ, и отношеніе къ ней различныхъ жницъ и жнецовъ передано въ ихъ позахъ очень живо и разнообразно. Весьма недурна и *Жница* г. Полякова. Г. Соколовъ тоже написалъ лѣтній жанръ *Сушка белья*, но его пейзажъ нужно разсматривать на такомъ разстояніи, съ котораго видно только пятно, а лица единственной фигуры и совсѣмъ не видно.

Настоящій жанръ почти отсутствуетъ на выставкѣ, но есть нѣсколько весьма удачныхъ жанровыхъ фигуръ. Сюда принадлежитъ *chef d'oeuvre* въ своемъ родѣ *Женихи* г-жи Бемъ, цѣлый рядъ маленькихъ акварельныхъ рисунковъ, изображающихъ ребятъ въ различныхъ костюмахъ. Необыкновенно разнообразны и живыя позы и лица мальчиковъ, рѣдкій талантъ, теплое чувство и добродушный юморъ, съ которыми художница обработала свой сюжетъ, все это дѣлаетъ маленькихъ *Жениховъ* г-жи Бемъ пожалуй самымъ большимъ произведеніемъ на всей выставкѣ. Довольно живыя и удачныя жанровыя фигуры представляютъ *Собачникъ* г. Высотскаго, *Еврей* г. Лебедева и *Раввинъ секты пассивовъ* г. Турлыгина. Очень недурно сдѣланы оба жанровые этюда г-жи Селивачевой, особенно читающій мальчикъ. Изъ рисунковъ г. Пастернака есть нѣкоторый намекъ на настроеніе въ этюдѣ *За столомъ*. Г. Бортникеръ выставилъ недоделанный рисунокъ *Ничіе*, хотя едва ли есть основаніе жалѣть о его недоконченности. Наконецъ, Левинъ нарисовалъ огромную свинью съ поросятами и назвалъ ее *Счастливая мать*,—юмора не вышло, и картина за смертью Тараса Скотинина едва ли найдетъ благосклоннаго цѣнителя.

Изъ массы фигуръ и головокъ очень многія хорошо написаны, но незначительное меньшинство представляетъ художественный интересъ. Обыкновенно такія картинки являются только болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ натуры; умѣнье хорошо копировать натуру, конечно, необходимо для художника, но одного такого умѣнья еще недостаточно для созданія художественнаго произведенія. Для этого нужно превратить индивидуальную натуру въ типъ или по меньшей мѣрѣ уловить въ ней вѣщ-

нюю или внутреннюю красоту. Но въ дѣйствительности чаще всего это замѣняется болѣе тщательнымъ подборомъ натуры, что придаетъ болѣе интереса ея воспроизведенію. Такъ, *Голова старика* г. Франка, *Крестыанская дѣвочка* г. Босцова, *За чтеніемъ* и *Римлянка* г. Лебедева гораздо интереснѣе головокъ г. Шурыгина только благодаря лучшему выбору натуры, такъ какъ копируютъ ее почти одинаково хорошо всѣ эти художники. Но лучше ихъ всѣхъ предестная *Малороссійская дѣвочка* г. Мартынова, потому что художникъ превосходно выразилъ напряженную мысль и вообще духовную фizioномію своей натуры. По экспрессіи выраженія заслуживаетъ также вниманія лицо дѣвушки на картинѣ г. Евреннова *У камина*, а въ особенности прекрасное женское лицо на рисункѣ г. Ягужинскаго *Дни печали*. Но подчеркивать содержаніе картины ея названіемъ нужно очень осторожно. Г. Франкъ написалъ двѣ полудѣтскія головки, изъ которыхъ у одной выраженіе нѣсколько сонное, у другой немного кислое, и назвалъ ихъ *Весна*: претенциозность названія только усиливаетъ неблагоприятное впечатлѣніе отъ некрасивой картины. То же самое можно сказать о рисункѣ г. Пастернака *Раздумье*. А зачѣмъ выставилъ этотъ художникъ наряду съ хорошими портретными рисунками нѣсколькихъ великовѣтскихъ дамъ, дамскій затылокъ, назвавъ его *За чтеніемъ*, и *Мать*, которую нельзя разсмотрѣть,—мы такъ и не поняли. Точно также трудно понять, въ чемъ заключается художественная цѣна картины г. Шмидта *Съ бала*, изображающей некрасивую даму съ уродливой прической. Гг. Степановъ и Кипликъ попытались нарисовать голыхъ дамъ, но изъ этого никакой красоты не вышло.

Г. Подѣновъ выставилъ красивую виньетку *Письмо Селима*, а г. Богатовъ—цѣлый рядъ иллюстрацій къ нѣкоторымъ произведеніямъ русской литературы. Эти послѣдніе рисунки составляютъ собственность г-жи Анцыферовой, и, вѣроятно, съ нихъ будутъ сдѣланы снимки для волшебнаго фонаря. Нѣкоторые изъ работъ г. Богатова (наприм., *Микула Селяниновичъ* и *Князь и Мельникъ* изъ *Русалки* Пушкина) оставляютъ желать многого, тѣмъ не менѣе стремленіе г-жи Анцыферовой поднять художественность произведеній ея мастерской заслуживаетъ полного сочувствія. Но было бы очень желательно, чтобы наши художники по собственной инициативѣ и почаще заимствовали сюжеты изъ неисчерпаемаго запаса всеобщей и русской литературы. Намъ приходилось слышать возраженія, что подобныя заимствованія стѣсняють просторъ художественнаго творчества, такъ какъ текстъ обуславливаетъ композицію картины и заранѣе подсказываетъ зрителю смыслъ художественнаго образа. Конечно, жизнь шире литературы, и художникъ долженъ стремиться творить вполне самостоятельно. Но и заимствованная тема оставляетъ достаточно простора для художественнаго таланта, а кромѣ того ужъ лучше заимствованіе, чѣмъ такое поразительное отсутствіе сюжета, какое замѣчается на большинствѣ нашихъ выставокъ.

Выставка картинъ, эскизовъ и этюдовъ Е. Е. Шрейдера встрѣтила довольно суровый пріемъ со стороны московской критики и по понятной причинѣ. Продукты художественнаго творчества самого г. Шрейдера вмѣстѣ съ работами его учениковъ не могутъ образовать такой выставки, къ какимъ привыкли столичная публика и критика. А кромѣ того, самыя произведенія мало извѣстнаго у насъ художника своей недодѣланностью вызываютъ у зрителя нѣкоторую досаду: ихъ выставлено около 200, и изъ нихъ законченныхъ картинъ 3—4. Совершенно естественно, что вся эта масса эскизовъ и этюдовъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе удачныя пятна, нѣсколько надоедаютъ и снисходительному любителю. Кромѣ того, выставка носитъ немного рекламный характеръ. Г. Шрейдеръ захотѣлъ познакомить московскую публику не только со своими художественными замыслами, но и съ преподавательскимъ талантомъ, и сдѣлалъ это съ провинціальной наивностью: не ограничиваясь выставкой ученическихъ работъ, онъ напечаталъ въ каталогѣ длинный списокъ своихъ учениковъ и ученицъ съ указаніемъ ихъ виднаго общественнаго положенія, и заключилъ его словами и проч., и проч. Но, независимо отъ этихъ промаховъ и не касаясь преподавательской дѣятельности г. Шрейдера, повидимому, весьма успѣшной, мы думаемъ, что съ этимъ художникомъ стоить познакомиться и тѣмъ, кто не имѣетъ въ виду брать у него уроковъ рисованія или скульптуры.

Г. Шрейдеръ пока не можетъ претендовать на видное мѣсто среди корифеевъ русскаго искусства; но онъ несомнѣнно обладаетъ и талантомъ, и художественною индивидуальностью. Правда, картина *Бѣсы*, составляющая предметъ гордости художника (онъ поставивъ ее одну въ цѣломъ залѣ, далъ возможность зрителю смотрѣть на нее и прямо, и черезъ зеркало и отиѣтить въ каталогѣ, что она была на парижской всемірной выставкѣ), производитъ несравненно слабѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ стихотвореніе Пушкина: бѣсы не очень страшны, и вся картина какъ-то аляповата. Но она во всякомъ случаѣ не лишена настроенія и своеобразной красоты. Изъ трехъ другихъ законченныхъ картинъ г. Шрейдера наиболѣе удачна *Чума*, не лишенная нѣкоторой эффектности фантастическая фигура. Кромѣ того, на выставкѣ есть еще нѣсколько «картинъ въ работѣ», по выраженію художника. Одни изъ этихъ большихъ эскизовъ еще настолько недодѣланы, что не вызываютъ опредѣленнаго впечатлѣнія (таковы, наприм., *Сельская ярмарка въ Малороссіи*, *Украинская ночь* и др.); другіе, наоборотъ, по композиціи, по колориту и даже по настроенію общають хорошія картины, таковы: *Буря*, *Утро на пепелищѣ*, *Прибой въ Теодосіи*. Что касается до многочисленныхъ этюдовъ и эскизовъ меньшихъ размѣровъ, то, несмотря на ихъ досадную недодѣланность, они показываютъ, что г. Шрейдеръ обладаетъ всѣми данными для успѣшной художественной дѣятельности. Пейзажистъ по преимуществу, онъ любитъ природу, понимаетъ ея разнообразную красоту и умѣетъ пользоваться красками для ея воспроизве-

денія: почти всѣ его этюды удачны по сюжету и весьма многіе изъ нихъ красивы по колориту и сочетанію красокъ. Судя по портрету, г. Шрейдеръ еще молодой художникъ, и можно думать, что онъ займетъ не последнее мѣсто въ исторіи русскаго искусства; но для этого ему нужно существенно измѣнить систему своей работы: не слишкомъ разбрасываться въ ширь, довольствуясь эскизами, но дозодить до конца разработку сюжета. Мазки и пятна, какъ бы они удачны ни были, еще не составляютъ истиннаго искусства, такъ какъ оно требуетъ совершенства формы.

М. Корелинъ.

Поэты переходнаго времени.

Стихотворенія С. Я. Надсона. Изданіе шестнадцатое. Спб., 1898 г.

П. Я. Стихотворенія. Спб., 1898 г.

И призраки ушли, но вѣра неизмѣнна...
А вотъ и солнце вдругъ взглянуло изъ-за тучъ...
Владычица земли! Твоя краса нетлѣвна,
И свѣтлый богатырь безсмертенъ и могучъ.
Владимиръ Соловьевъ.

I.

Черезъ два года кончается девятнадцатое столѣтіе, и это обстоятельство невольнымъ образомъ располагаетъ къ нѣкоторымъ ретроспективнымъ взглядамъ, если къ этому представляется хоть малѣйшій внѣшній поводъ. Въ данномъ случаѣ такой поводъ очевидно имѣется. *Поэты переходнаго времени...* Какого такого переходнаго времени? Что такое переходное время? И развѣ вообще время, не останавливающееся ни на одно мгновеніе, не есть, по самому существу своему, время *переходное*? Последнее соображеніе, должно быть, остроумно, потому что нерѣдко встрѣчается даже въ печати. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что «время на время не приходится», какъ попросту говорится, что въ жизни личностей, какъ и въ жизни обществъ, бываютъ такіе мертвые періоды, когда цѣль движенія и даже самаго существованія закрывается какимъ-то туманомъ, въ волнахъ котораго ничего не видно. Оглянемся назадъ, попробуемъ припомнить, въ самыхъ, разумеется, общихъ чертахъ, вторую половину текущаго и уже истекающаго столѣтія: удивительно правильная періодичность подъема и упадка нашего общественнаго духа сама собой бросается въ глаза.

Итакъ, мы въ сорокъ восьмомъ году. Говорить много объ этомъ времени нечего. «Благо Бѣливскому, умершему во время!» восклицалъ запоздавшій Грановскій, и этотъ стонъ души одного изъ чистѣйшихъ и умнѣйшихъ русскихъ людей является наилучшею характеристикой того времени. Всеобщая паника въ виду западныхъ событій, венгерская кампанія, драма петрошевцевъ, осмѣлившихся сообща «читать книжки», Бутурлинскій ко-

митеть, Тургеневъ, сидящій на съѣздѣ за печатное выраженіе своего уваженія къ только что умершему Гоголю и т. д.—все въ томъ же убійственно-однообразномъ родѣ. Было душно, какъ всегда передъ грозой, которая и не замедлила разразиться—совсѣмъ не съ той стороны, съ которой ее опасались. Говорятъ, глупо и бесполезно строить предположенія о томъ, что было бы, если бы и кабы и т. д. Можетъ быть, оно и неумно, но естественно, да ужъ и не такъ бесполезно, какъ кажется: такіа предположенія, какъ въ математикѣ доказательства «отъ противнаго», помогаютъ выясненію смысла историческихъ событій, и вотъ, спросимъ себя: что было бы у насъ, если бы Наполеонъ III замедлилъ образованіемъ коалиціи противъ насъ? Или, еще того проще, что было бы, если бы въ Севастополѣ мы восторжествовали надъ союзниками? Былъ бы историческій абсурдъ, создалось бы положеніе прямо невозможное: начало *личности*, все болѣе и болѣе, съ неуклонною послѣдовательностью, эмансипировавшейся на Западѣ, было бы подавлено началомъ всепоглощающей государственности, представителемъ котораго являлась тогдашняя Россія. Развитіе Европы было бы столкнуто съ его историческаго русла, какъ это было съ нами за шестьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ. Судьба рѣшила иначе—и да здравствуетъ ея мудрость! Не Европа на нашъ ладъ, а мы на европейскій ладъ принуждены были реформироваться, и съ 1856 года начинается новый, ровно десять лѣтъ продолжавшійся созидательный періодъ нашей исторіи.

Значеніе такъ называемыхъ шестидесятихъ годовъ опредѣляется, по нашему мнѣнію, прежде всего именно освобожденіемъ личности, пробужденіемъ въ ней сознанія *своею собственною* (а не отраженнаго) достоинства, своихъ естественныхъ правъ. Не человекъ для субботы, а суббота для человека; не личность для государства, а государство для личности—вотъ откровеніе, которое принесла намъ крымская кампанія. Право инициативы, право свободной критики, право, скажемъ—общее, *дѣлать исторію* было у насъ чѣмъ-то вродѣ государственной регалии и опытъ воочію показали, что такой порядокъ вещей ведетъ не къ усиленію, а къ ослабленію самого монополиста. Этотъ опытъ разрѣшилъ умы и развязалъ перья и языки. Молчалинское «не должно смѣть свое сужденіе имѣть», еще недавно казавшееся если не мудростью, то благоразуміемъ, потеряло всякій кредитъ и стало смѣшнымъ. Это было истинное *торжество духа*, столь долго, вопреки велѣнію апостола, угашаемаго и вспыхнувшего, наконецъ, яркимъ пламенемъ. Русская кровь, пролитая въ Севастополѣ, послужила масломъ для этого пламени. Всѣ, наперекоръ прошлому, захотѣли именно *свое* сужденіе имѣть, и въ литературѣ это стремленіе отразилось въ приснопамятномъ «отрицаніи авторитетовъ», а въ государственномъ строѣ оно выразилось въ трехъ извѣстныхъ фундаментальныхъ реформахъ (крестьянской, судебной и земской), построенныхъ на одномъ и томъ же принципѣ,—на принципѣ освобожденія личности, предоставленія ей необходимыхъ для человѣческаго существованія правъ и гарантій. Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ государственное творчество пошло

на убыль, а идейное течение, проходившее до тѣхъ поръ въ одномъ общемъ широкомъ руслѣ, разбилось на отдѣльные рукава и потоки, которые хотя всѣ впадали въ одно и то же море—въ море народной жизни—но протекали въ разныхъ направленіяхъ и впадали въ различныхъ, иногда очень другъ отъ друга отдаленныхъ пунктахъ. «Наше время—не время широкихъ задачъ», «должно признаться, но нельзя не сознаться»—эти и подобныя имъ формулы высказывались въ то время не врагами, а искренними доброжелателями народа, не хотѣвшими или не умѣвшими понять только того, что «широкая задача» исторической минуты состояла именно въ томъ, чтобы побудить освобожденный народъ выразить, наконецъ, свою точную волю, высказать, наконецъ, свою задушевную мысль. Нашлись, однако, люди болѣе послѣдовательные и мужественные, всѣ усилія которыхъ были направлены именно къ тому, чтобы выяснить намъ духовный обликъ народа, его желанія и его идеалы (народники-художники) или къ тому, чтобы вызвать его къ дѣйствіямъ, въ которыхъ мысль и воля народа могли бы выразиться съ непререкаемою ясностью.

Содержаніе такъ называемыхъ семидесятыхъ годовъ вполне исчерпывается этимъ народническимъ движеніемъ, т.-е. не движеніемъ народа, а движеніемъ значительной части русской интеллигенціи во имя народа, во имя его права на самоопредѣленіе, на самостоятельность. Съ исторической точки зрѣнія ничего не могло быть логичнѣе этого движенія. Судьба Россіи опредѣляется судьбою нашего крестьянства—вотъ исходное, основное положеніе, возражать противъ котораго было бы мудрено. Умники сороковыхъ годовъ (а также и двадцатыхъ), западники и славянофилы, теоретизировали превосходно, но они, какъ говорится, судили *безъ хозяина*, не зная народа и не будучи въ состояніи его узнать, потому что крѣпостной человѣкъ—не гражданинъ, а безгласный рабъ, которому въ интересахъ собственнаго самосохраненія, полезно какъ можно меньше мыслить и чувствовать. Истлѣвшія историческія данныя, да кое-какія болѣе или менѣе остроумныя апіорныя соображенія—вотъ все, чѣмъ могли располагать и западники и славянофилы въ своихъ заключеніяхъ о будущности Россіи. На этой почвѣ и крайній пессимистъ Чаадаевъ и крайній оптимистъ Константинъ Аксаковъ съ одинаковымъ удобствомъ могли отстаивать свои позиціи, какъ это и было въ дѣйствительности. Но вотъ—народъ освобожденъ, «порвалась цѣпь великая». Принимая въ свои руки это драгоценнѣйшее наслѣдіе шестидесятыхъ годовъ, люди послѣдующаго поколѣнія могли съ облегченіемъ воскликнуть: нынѣ отпускаеші! Скоро, скоро наступитъ конецъ всякимъ нашимъ сомнѣніямъ, всякимъ кривотолкамъ и диалектическимъ упражненіямъ: свободный народъ, народъ—гражданинъ, *самъ*, наконецъ, выразитъ свои желанія, и эти желанія будутъ для насъ закономъ, той аріадниной нитью, которая выведетъ насъ изъ лабиринта нашихъ произвольныхъ умствованій и гаданій. Грѣха таить нечего, и былъ молодцу не укоръ: подразумевалось въ глубинѣ души, что народъ выскажется въ желательномъ для насъ смыслѣ, въ духѣ *нашихъ* идеаловъ, истинность

которыхъ для насъ не подлежала сомнѣнію въ теоретическомъ смыслѣ, но которымъ недоставало лишь всенародной санкціи. Вотъ объ этой-то санкціи и начались въ семидесятыхъ годахъ великія заботы и хлопоты. Ну... Говорить ли дальше? Для освѣщенія воспоминаній, перечитайте тургеневскую *Ночь*: это не первокласснаго достоинства романъ, но многое, непосредственно относящееся къ занимающему насъ предмету, подмѣчено въ немъ вѣрно и изображено правильно, безъ каррикатуры и безъ злобы, а этого достаточно для историческаго документа. Мнѣ, какъ не историку, а литературному критику, надлежитъ говорить лишь о чисто-литературныхъ явленіяхъ, въ которыхъ выразилось народническое движеніе, и я вотъ что скажу по ихъ поводу:

Смерть велить умоляють злобѣ:
(Диомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробъ—
Онъ краса Пергама былъ!

Пусть я не Диомедъ въ литературѣ, но никто, кажется, не обнаружилъ столько усердія въ борьбѣ съ нашимъ народничествомъ *), сколько я, а потому именно мнѣ и причастствуетъ поставить эту точку надъ і. Да, широкая народническая струя въ нашей литературѣ дѣлаетъ честь не только литературѣ, но и всему русскому обществу, потому что свое начало эта струя беретъ въ чувствѣ чистѣйшаго альтруизма. Народничество, какъ первая и высшая *забота о народѣ*, почти безсмертно, и не его я хороню, не ему провозглашаю «славу во гробъ»: этому народничеству конецъ наступитъ тогда,

Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ.

Этотъ мужикъ не будетъ нуждаться ни въ чьихъ заботахъ, ни въ чьихъ урокахъ, но этого мужика не увидитъ и двадцатый вѣкъ, т.-е. какъ типъ, какъ правило, а не какъ исключеніе. Но идеалистическое народничество семидесятыхъ годовъ, поставлявшее безграмотнаго мужика въ передній уголъ въ роли вершителя нашихъ судебъ или оракула, съ устъ котораго вотъ-вотъ сейчасъ слетитъ вѣщее слово, которое всѣхъ вразумитъ и примиритъ, — это народничество дѣйствительно свой вѣкъ отжило. Это не я говорю, это сказала жизнь, исторія. Глѣбъ Успенскій, съ проникновенностью первокласснаго таланта, еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ предугадалъ тотъ отливъ общественныхъ симпатій къ мужику, который и не замедлил совершиться въ дѣйствительности. Чѣмъ выше былъ приливъ,

*) Назову свои статьи противъ народниковъ: „Хозяйственная дѣловитость“ (противъ Энгельгарта), „Глѣбъ Успенскій“ (противъ Успенскаго), „Послѣдовательный народникъ“ (противъ г. Златовратскаго), „Воинствующее народничество“ (противъ Кабица и г. В. В.), „Писатель-оптимистъ“ (противъ г. Засодимскаго) и наконецъ, — какъ фактъ вчерашняго дня, — „Публицистъ-идилликъ“ (противъ г. Меншикова).

тѣмъ стремительнѣе произошелъ отливъ, чѣмъ шире были надежды, возлагаемыя на мужика, тѣмъ глубже было разочарованіе, когда ни одна, но буквально *ни одна* изъ этихъ надеждъ не осуществилась. Какъ при Годуновѣ у Пушкина, «народъ безмолвствуетъ» — вотъ что сказала жизнь въ отвѣтъ на благородныя, но въ такой же мѣрѣ и наивныя упованія народниковъ-идеалистовъ. Десять-пятнадцать лѣтъ относительной свободы не могли пересоздать недавняго раба въ сознательнаго гражданина, и слова, сказанныя Бѣлинскимъ среди пышнаго расцвѣта крѣпостного права, сохранили всю свою силу въ семидесятихъ годахъ относительно освобожденнаго народа: «все субстанціальное въ нашемъ народѣ велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло».

Восьмидесятые годы были временемъ все болѣе и болѣе усиливавшагося разочарованія интеллигенціи, ея почти полной и почти повальной растерянности. Что дѣлать и куда идти? Безъ народа нельзя, но и съ народомъ нельзя, какъ это только что обнаружилось, и что же дальше? Здѣсь, подходя къ психологической основѣ нашего недавняго разочарованія, мнѣ приходится повторяться: болѣе восьми лѣтъ назадъ, на страницахъ этого же самаго журнала, я говорилъ объ этомъ предметѣ и теперь, вмѣсто того, чтобы перефразировать самого себя, гораздо проще повторить (по ходу изложенія это нужно) свои тогдашнія слова. Вотъ что я говорилъ: «если народъ питаетъ къ намъ глубочайшее, почти органическое недовѣріе; если въ самыхъ доброжелательныхъ и искреннихъ чувствахъ нашихъ онъ подозрѣваетъ лицемеріе, въ самыхъ безкорыстныхъ, а иногда и самоотверженныхъ поступкахъ нашихъ усматриваетъ только подвохъ и обманъ; если, несмотря ни на что, онъ не хочетъ признать въ насъ людей и видитъ въ насъ только «господъ», т.-е., по его понятію, такихъ существъ, которыя неизвѣстно зачѣмъ прозябаютъ на бѣломъ свѣтѣ; если, наконецъ, вслѣдствіе такого взгляда, онъ ежеминутно готовъ утопить въ ложкѣ воды самаго пламеннаго народолюбца и считаетъ это не только нравственнымъ, но чуть ли и не богоугоднымъ дѣломъ,—если все это факты, если все это правда, то, скажите, неужели не естественно, что въ нашей душѣ поднимается, наконецъ, нѣкоторая горечь, что мы начинаемъ чувствовать себя оскорбленными и оскорбленными неправо, что въ насъ возмущается, наконецъ, чувство личнаго достоинства, та законная гордость, которая запрещаетъ человѣку *навязывать* свою любовь, свои услуги, свое участіе? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь что-жъ? Насильно милъ не будешь и — ты самъ того хотѣлъ, Жоржъ Данденъ! Не хочешь читать Толстого,—продолжай читать Бову; не хочешь учиться и знать—продолжай вѣрить въ чорта, въ бѣлую Арапію и въ людей съ песьими головами; не вѣришь мнѣ и отталкиваешь меня—наслаждайся жизнью въ удавыхъ кольцахъ Колупаева и услаждайся краснорѣчіемъ Сладкопѣвцева. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Я не говорю, чтобы такое отношеніе къ дѣлу было разумно и справедливо, но я говорю, что такое отношеніе психологически-естественно, извинительно, но безнравственно» (изъ статьи *Глебъ Успенскій*).

Психологическая основа разочарованія, постигшаго насъ въ восьмидесятихъ годахъ, очерчена въ этихъ строкахъ довольно вѣрно, то теперь я измѣню заключеніе: разочарованіе наше было не извинительно и не нравственно. Собственную свою *ошибку*, — ошибку семидесятихъ годовъ, — мы вѣнили въ *вину* народу и раскапризничались на него. Мы, по удачному выраженію г. Боборыкина, *обсахаривали* народъ и чрезвычайно разобидѣлись, убѣдившись, что сахаръ нашъ къ народу не присталъ и совсѣмъ ему не нуженъ. Мы великодушно хотѣли «слиться» съ народомъ и кончили тѣмъ, что объявили: «съ вами не сольетесь, а только сопьетесь» (Успенскій). Мы видѣли въ народѣ хранителя высокихъ идеаловъ человѣческаго братства и кончили отчаяннымъ крикомъ: «нѣтъ эгоиста безсердечнѣе мужика!» (г. Эртель). Мы ждали отъ него откровеній и единственное слово, вполне внятно произнесенное имъ, было таково: «землицы бы...» Какая проза и какая скука! Начался разбродъ: пессимизмъ, декадентство, символизмъ, ницшѣанство, воскрешеніе метафизики — всѣ эти маленькія отдѣльныя теченія вышли изъ общаго бассейна, объясняются почти общимъ упадкомъ духа послѣ фіаско семидесятихъ годовъ. «Вѣдь надобно же, какъ говорилъ Мармеладовъ въ романѣ *Преступленіе и наказаніе*, надобно же, чтобы всякому человѣку куда-нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!» Именно такимъ временемъ и были восьмидесятые года: люди шли буквально *куда-нибудь*, безъ убѣжденія, безъ вѣры, съ одною лишь смутною надеждою, что подъ эгидой какого-нибудь иноземнаго новатора имъ удастся какъ-нибудь заполнить свой опустошенный внутренній, идеальный міръ. Къ этому переходному времени относится дѣятельность обоихъ нашихъ поэтовъ, — Надсона и г. П. Я., — такъ что можно было бы непосредственно перейти къ оцѣнкѣ ихъ поэзіи, но надо досказать нашу присказку до конца.

Читатель, безъ сомнѣнія, заранѣе догадывается, въ чемъ дѣло. Девяностые годы принесли намъ «новое слово» въ лицѣ такъ называемаго *марксизма* и нѣтъ сомнѣнія, что съ этою драгоценностью въ рукахъ мы перешагнемъ и за рубежъ новаго вѣка. Отъ народничества черезъ ницшѣанство и декадентство къ марксизму — таковъ ходъ нашего развитія за послѣдніи тридцать лѣтъ. Это можно выразить другими словами: отъ страстной любви къ народу и горячей вѣры въ него, черезъ равнодушіе къ тому же народу, къ полному отрицанію его исторической личности, къ полному презрѣнію его психи и его исконныхъ идеаловъ. Какое дѣло ницшѣанцу или декаденту до народа? Онъ культивируетъ въ себѣ «сверхчеловѣка» или занятъ изысканіями новой красоты, новыхъ формъ искусства. И пусть его, разумѣется: онъ смѣшонъ, но относительно безвреденъ, потому что ломаетъ только себя, свою личность, свою жизнь. Позиція марксиста совершенно иная, — не нейтральная по отношенію къ народу, а рѣшительно враждебная и презрительно-высокомѣрная. Не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи какъ Марксъ велитъ, — говоритъ онъ русскому народу, перефразируя егъ старую пословицу. «Землицы бы...» — никакой земли тебѣ не нужно,

нуженъ тебѣ фабричный котелъ, въ которомъ ты долженъ «вывариться», и нужны тебѣ ежовыя рукавицы капиталиста, который будетъ бить тебя не дубьемъ, какъ старозавѣтный помѣщикъ, а рублемъ, по западно-европейскому примѣру. Чѣмъ скорѣе ты развяжешься со своимъ жалкимъ хозяйствомъ и превратишься въ батрака, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ твое умственное развитіе, потому что нужда—лучшій учитель, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ—самый могучій двигатель мысли. Нужно, чтобы ты сдѣлался бездомовникомъ; нужно, чтобы растаяла твоя дикая, архаическая община, нужно затѣмъ, чтобы тебѣ не было на кого надѣяться, кромѣ своей собственной пары рукъ. Ты достигнешь самостоятельности не прежде, чѣмъ почувствуешь себя въ полномъ одиночествѣ. Твой безличныи и обезличивающій «міръ» долженъ распасться, чтобы выдѣлить изъ себя индивидуальности, которыя и явятся истинными героями труда—сначала, и герои исторіи—впослѣдствіи.

Надѣюсь, это краткое резюме психологическихъ мотивовъ нашего марксизма не заключаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго. Это, очевидно, та же теорія—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», поставленная на почву экономики и старательно обоснованная разнаго рода аргументаціей, привозной и доморощенной. Съ народничествомъ она имѣетъ много общаго, а именно—самый объектъ своихъ изслѣдованій, своихъ заботъ: этотъ объектъ—все тотъ же народъ, около котораго вращались и всѣ помыслы семидесятниковъ. Оуществленіе идеаловъ народниковъ, также какъ и идеаловъ марксистовъ, возможно лишь черезъ посредство народа. Болѣе того: въ *последнемъ своемъ выраженіи* эти идеалы сливаются, совпадаютъ между собою—это не подлежитъ сомнѣнію. Но марксисты, какъ доктринеры и книжники по преимуществу, жестоки даже до безчеловѣчія: они готовы, во имя своей теоріи, пожертвовать не только всѣми историческими «устоями» народной жизни, но и нѣсколькими многомилліонными поколѣніями живыхъ людей, лишь бы все совершилось по слову ихъ пророка. Чтобы попасть въ рай свободной и благоденственной жизни, надо пройти черезъ чистилище, и такимъ чистилищемъ должна явиться не школа, какъ это мы по простотѣ своей думаемъ, а фабрика, какъ школа жизни, — вотъ сущность марксизма, вотъ канва, по которой марксисты вышиваютъ свои «объективные» узоры. Разумѣется, по-своему они жаждутъ добра народу, но не конкретному, а какому-то отвлеченному народу, народу будущаго. «Хоть шей горшокъ, да самъ большой», искони твердитъ русскій мужикъ, восхищая этимъ народниковъ, но марксистамъ претитъ этотъ горшокъ, потому что, что же это за кушанье—пустыя щи? Выварись, мужикъ, въ фабричномъ котлѣ и ты—лѣтъ такъ черезъ триста — будешь имѣть обѣдъ, достойный порядочнаго человѣка. Понятно, это такой же идеализмъ, какъ и идеализмъ народниковъ, но идеализмъ, такъ сказать, съ другого конца: народники *воображали*, что въ народѣ и въ формахъ его жизни осуществлена высшая вѣковѣчная правда, марксисты не менѣе пылко *воображаютъ*, что народъ не болѣе, какъ мясо для ученыхъ вивисекцій, а формы его жизни — мягкое

тѣсто, изъ котораго можно вылѣпить и выпечь что угодно, лишь бы достаточная власть была. Ошибетесь, господа, ошибетесь хуже, чѣмъ ошиблись семидесятники:

Владычица земля! Твоя краса нетлѣнна,
И свѣтлый богатырь безсмертенъ и могучъ.

«Русскій мальчижъ»,—замѣтилъ однажды Достоевскій,—кажется, такъ и родится съ лошадкой», т.-е. съ прирожденной любовью къ лошаdkѣ. Во сколько разъ сильнѣе его любовь къ «матери сырой-землѣ», любовь тоже прирожденная и сверхъ того укрѣпленная и воспитанная всей нашей исторіей?

Тема эта широка и соблазнительна, но пора кончать съ прелеминаріями. Употребляя терминологию Бѣлинскаго, мы скажемъ, что найти для великолѣпной *субстанции* нашего народа соотвѣтственное *опредѣленіе*—вотъ основная задача наступающаго столѣтія. Искать этого опредѣленія на днѣ фабричнаго котла—неразумно; не менѣе неразумно полагать, что надлежащее *опредѣленіе*, т.-е. формы жизни и условія быта уже давно найдены и осуществлены мужикомъ. По недавнему (*Русск. Мысль*, декабрь) отличному выраженію г. Потапенка, «мужикъ—это, просто, запущенный человѣкъ». Вотъ именно. Онъ *запущенный*, а не идеально-прекрасный *человѣкъ*—вотъ огромная поправка къ ученію нашихъ народниковъ. Онъ *запущенный человекъ*, т.-е. существо съ собственнымъ разумомъ, съ своей волей, съ своими привычками, вѣрованіями, предразсудками—вотъ огромная поправка къ ученію нашихъ марксистовъ.

Оба наши поэта, стоя на рубежѣ, отдѣляющемъ народниковъ отъ марксистовъ, т.-е. въ полосѣ восьмидесятихъ годовъ, представляютъ хотя не особенно богатый, но любопытный матеріалъ для характеристики не одного только своего *переходнаго времени*.

II.

Развертывая и пробѣгая книжку стихотвореній Надсона, читатель съ первыхъ же страницъ поражается безпрестаннымъ появленіемъ слова «сомнѣнья». Въ первомъ же стихотвореніи «На зарѣ» вы натываетесь на «злбныя сомнѣнья»; въ слѣдующемъ («Кругомъ легли ночныя тѣни») вы обрѣтаете «ядъ безжалостныхъ сомнѣній»; въ слѣдующемъ—«Во мглѣ»—вы находите «сомнѣнья злыя» и еще «сомнѣній адъ»; въ слѣдующемъ—«Идеаль»—опять «ядъ сомнѣній»; далѣе слѣдуютъ «тревожное сомнѣнье», «жгучія сомнѣнья» и пр. На *восьми* страницахъ *семь* штукъ, разнаго фасона, *сомнѣній*,—согласитесь, что это довольно-таки характерно!

У г. П. Я.—другой припѣвъ, другое сакраментальное словечко, а именно—восклицаніе «О!», которое, по моему приблизительному подсчету, употреблено имъ около *девяноста* разъ въ книжкѣ, заключающей въ себѣ *девяноста два* стихотворенія. Вотъ, наприм., заключительный куплетъ изъ книжки г. П. Я.:

О, ужась! о, горе! Погибнетъ ли трудъ?
Ужель этимъ зернамъ безъ счета и мѣры
Плода не имѣть? О, ужель не взойдутъ
Желанныя всходы надежды и вѣры,
Что братскую пищу народамъ дадутъ?
Спѣши, о, спѣши, золотое Свѣтило!

На шести строчкахъ четыре «о!», — горячо пишетъ г. П. Я.! Не для дешеваго зубоскальства указываю я на это обстоятельство, а для характеристики прежде всего писательскихъ темпераментовъ обоихъ поэтовъ. «Сомнѣнья» всякаго рода, начиная съ религіозныхъ и кончая сомнѣніемъ въ своихъ личныхъ силахъ, обуревали Надсона всю его недолгую жизнь и онъ безпрестанно говорить и, какъ лирикъ, не могъ не говорить объ этомъ. Г. П. Я. волнуютъ другія чувства: вѣра его въ идеалъ крѣпка, личной роли своей въ литературѣ онъ, повидимому, не придаетъ такого значенія, какъ Надсонъ, но онъ нетерпѣливъ и слишкомъ стремителенъ, чтобы не возмущаться медленностью нашего прогресса. Онъ негодуетъ, — больше всего негодуетъ, — гнѣвается, упрекаетъ — и отсюда, за немногочисленностью его поэтическихъ ресурсовъ (въ этомъ должно сознаться), его безпрестанныя патетическія «о!».

О, сколько благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ:
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Ровочетъ у скалистыхъ береговъ.

Это г. П. Я. объявляетъ съ перваго же шага, на первой страницѣ своей книжки. Это, какъ видите, упрекъ, прежде всего, литературѣ, у которой единственное оружіе — слово, — литературѣ не только поэтической, но и прозаической. Очень ужъ вы пылки, г. П. Я., — отвѣчу я за себя и за собратьевъ по перу, — пылки, пожалуй, даже до безразсудности. «Писатель пописываетъ, читатель почитываетъ», какъ сказалъ Салтыковъ, но, не обольщая себя никакими иллюзіями, мы все-таки увѣрены, что это пописыванье и почитыванье не только не безплодно, а совершенно необходимо. «О, какое самодовольное филистерство, о, какая мѣщанская ограниченность, о, какое самоослѣпленіе!» — восклицаетъ неукротимый г. П. Я. Хорошо. Въ слѣдующей главѣ мы побесѣдуемъ съ вами объ этомъ и о многомъ другомъ подробно, а теперь мы должны обратиться специально къ Надсону.

Покойный Новодворскій-Осиповичъ, принадлежавшій къ тому же поколѣнію, къ которому принадлежать и наши оба поэта, создалъ типъ «ни павы, ни вороны», какъ онъ его называлъ, т.-е. типъ человѣка, отъ своихъ отставшаго, къ чужимъ не приставшаго, — человѣка, стремящагося имѣть *убѣжденія*, но въ дѣйствительности имѣющаго только *сомнѣнія*. Типъ былъ подмѣченъ правильно и тонко, но не свидѣтельствовалъ о большой глубинѣ самосознанія автора: неудачнѣйшимъ образомъ, Новодворскій причислялъ къ этому типу Бѣлинскаго, для котораго *сомнѣнія* всегда были

только коротенькимъ мостикомъ отъ одного фанатическаго убѣжденія къ другому, столь же фанатическому. Не въ сороковыхъ годахъ, а въ себѣ и кругомъ себя слѣдовало бы искать Новодворскому черты, характеризующія ни павъ, ни воронъ. Невольнымъ образомъ, силою историческаго хода вещей, все русское образованное общество восьмидесятыхъ годовъ почувствовало себя въ положеніи вороны, отъ Азіи отставшей, но къ европейскимъ правамъ не приставшей. Салтыковъ иронизировалъ насчетъ «соленой севрюжины» и возразить ему было нечего, да и не хотѣлось бесѣдовать съ этимъ обидчикомъ, съ этимъ ядовитымъ насмѣшникомъ: хотѣлось поплакать вмѣстѣ съ какимъ-нибудь чувствительнымъ человѣкомъ, хотѣлось услышать чье-нибудь сочувственное слово, хотѣлось утѣшенія. А кто же можетъ лучше утѣшить, нежели тотъ, кто самъ страдаетъ нашимъ недугомъ? Еще Некрасовъ сказалъ: «кто боленъ самъ, тотъ радостно и жадно внимаетъ вѣсти о больномъ». Радостно и жадно встрѣтило общество восьмидесятыхъ годовъ Надсона, потому что обрѣло въ немъ какъ разъ такого конфидента, какой ему былъ нуженъ, — унылаго, но ласковаго, не строгаго, не карающаго, не осмѣивающаго, — какъ разъ по плечу себѣ. «Соленая севрюжина» — это-кое вѣдь словцо придумалъ злобный старикъ! Что ужъ бить насъ, лежащихъ? А вотъ это хорошо, вотъ это мы понимаемъ и съ благодарностію воспринимаемъ:

Я не шадилъ себя: мучительнымъ сомнѣніямъ
Я самъ навстрѣчу шелъ, самъ въ душу ихъ призывалъ...
Я говорилъ „прости“ всемъ свѣтлымъ убѣжденіямъ,
Всѣ лучшія мечты съ проклятіемъ погребалъ.
Жить въ мірѣ призраковъ, жить грѣзами и снами,
Безъ думы плыть туда, куда несетъ приливъ,
Безпечно ликовать съ рабами и глупцами —
Нѣтъ, я былъ слишкомъ гордъ, и честенъ, и правдивъ
И боги падали, и прежнія свѣтила
Теряли навсегда сіянье и тепло,
И ночь вокругъ меня сдвигалась, какъ могила,
Отравой жгучихъ думъ обвѣявъ мнѣ чело, —
И скорбно я глядѣлъ потухшими очами,
Какъ жизнь, еще вчера сіявшая красой,
Жизнь — этотъ пышный садъ, пестрѣющій цвѣтами —
Нагой пустынею лежала предо мной.

Это стихотвореніе относится къ 1883 году. Какъ разъ это самое и нужно было для средняго читателя, для большой публики въ это время. «Милая тетенька» была огорчена, испугана, растеряна, а ея племянникъ, «непочтительный Коронатъ», извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Щедрина, только растравлялъ ея раны своими колкостями. И вдругъ этакій бальзамъ утѣшенія! Да вѣдь это я, сама я, — вѣроятно воскликнула тетенька, прочитавъ стихотвореніе Надсона, — это мои чувства, мои мысли, мое горе! Гу, да, я сама призвала въ свою душу мучительныя сомнѣнія, я сказала «прости» своимъ убѣжденіямъ, я погребла свои лучшія мечты и я скорбно гляжу на жизнь потухшими очами. Все это правда, но все-таки

я слишкомъ горда, слишкомъ честна и слишкомъ правдива, чтобы безъ думы плыть по теченію. Плыть я, положимъ, плыву, но съ сжатымъ сердцемъ, въ ликованіи рабовъ и глупцовъ я участія не принимаю и надо же цѣнить это! О, милый поэтъ, о, дорогое дитя моего сердца,—онъ понялъ меня и отблагодарю же я его за это: я расхватаю, раскуплю всѣ изданія его произведеній, сколько бы ихъ-ни было, а непочтительный Коронатъ, обзывавшій меня—*imaginez vous!*—*трусишкой*,—пусть остается въ обществѣ такихъ же грубіановъ, какъ онъ самъ.

Это не пародія, читатель; я претендую на то, что это точное изображеніе и точное объясненіе причинъ изумительнаго успѣха у насъ поэзіи Надсона. Безъ сомнѣнія, нуженъ былъ талантъ, и не дюжинный талантъ, чтобы выразить господствовавшее настроеніе, но талантъ особаго рода, талантъ въ мѣру нашего роста, не слишкомъ крупный, но и не такъ чтобы очень мелкій, талантъ, такъ сказать, чичиковской наружности (см. у Гоголя). Я очень радъ, что мнѣ подвернулось подъ перо это сравненіе: именно *чичиковской наружности*,—вы сейчасъ увидите, что ничего обиднаго для памяти Надсона въ моемъ сравненіи нѣтъ. Помните ли вы, какъ Герценъ, въ романѣ *Кто виноватъ?* объяснялъ разладицу между обществомъ губернскаго города NN и своимъ героемъ Бельтовымъ? «Пріѣзжай въ NN совѣтникъ изъ RR,—говоритъ Герценъ,—онъ въ недѣлю былъ бы дѣйствительный и уважаемый членъ и собратъ,—пріѣзжай уважаемый другъ нашъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, и полицеймейстеръ сдѣлалъ бы для него попойку и другіе пошлы бы плясать около него и стали бы его называть мамочкой, такъ, очевидно, поняли бы они родство свое съ Павломъ Ивановичемъ. Но Бельтовъ, Бельтовъ — человѣкъ, вышедшій въ отставку, не дослуживши четырнадцати лѣтъ и шести мѣсяцевъ до знака, любившій все то, чего эти господа терпѣть не могутъ, читавшій вредныя книжонки все то время, когда они занимались полезными картами, скиталецъ по Европѣ, чужой дома, чужой и на чужбинѣ, аристократическій по изяществу манеръ и человѣкъ XIX вѣка по убѣжденіямъ, какъ его могло принять провинціальное общество? Онъ не могъ войти въ ихъ интересы, ни они въ его, и они его ненавидѣли, понявъ чувствомъ, что Бельтовъ—протестъ, какое-то обличеніе ихъ жизни, какое-то возраженіе на весь порядокъ ея. «Вотъ именно такимъ протестомъ и обличеніемъ нашей жизни былъ Салтыковъ и, къ своему и нашему счастью, такимъ протестомъ не былъ Надсонъ. Представьте, что въ восьмидесятыхъ годахъ русское общество имѣло бы передъ собою не Надсона, а, наприм., Лермонтова. Что было бы? Было бы то, что поэтъ бросилъ бы намъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью, и намъ стало бы только вдвое тяжелѣе и мы отплатили бы поэту притворнымъ равнодушіемъ. Что же, вѣдь не можемъ же мы прыгнуть выше собственной головы! А Надсонъ сразу сталъ для насъ «мамочкой», потому что онъ былъ *равенъ* намъ, наши грѣхи и слабости были и его грѣхами и слабостями, его интересы—нашими интересами. Его литературный талантъ послужилъ для «тетеньки» какъ

бы музыкальнымъ инструментомъ, на которомъ она выражала свои *собственные* чувства. Чествуя своего поэта при жизни и по смерти, тетенька себя утѣшала и чествовала: значить, не такъ же ужъ она плоха и виновна, какъ утверждали тѣ, другіе, непочтительные. Это отраднo.

Отраднo и—говору это безъ всякой ироніи—полезно, потому что свое-временнo и умѣстно. Чужое нравственное превосходство далеко не всегда возвышаетъ, а нерѣдко подавляетъ людей, худшихъ же между ними прямо оскорбляетъ и озлобляетъ.

Давай намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Такія приглашенія отъ лица толпы къ «небесъ избранникамъ» могутъ воспослѣдовать лишь въ спокойное время, когда не чувствуется потребности излиться, а чувствуется охота научиться. Эпоха Надсона не была такимъ временемъ. Какихъ еще смѣлыхъ уроковъ просить послѣ того страшнаго урока, не на словахъ, а на дѣлѣ, который только что преподала сама жизнь? Отдохнуть бы душою только, успокоиться бы, *пожалиться* бы, какъ говорить наше простонародье... И все содержаніе поэзіи Надсона заключается въ томъ, что поэтъ неустанно *жалится*, и чѣмъ горче и искреннѣе его жалобы, тѣмъ легче читателю: раздѣленное горе—полугоре и выплакаться (а потомъ хорошенько высморкаться) очень даже пріятно и облегчительно. Къ тому же послѣ слезъ обыкновенно и спится очень сладко. Правда, встрѣчаются у Надсона покушенія на преподачу «смѣлыхъ уроковъ», но эти покушенія оказываются тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется «покушеніемъ съ негодными средствами». Одно изъ такихъ покушеній я приведу цѣликомъ, потому что стихотвореніе это понадобится намъ еще и въ другихъ отношеніяхъ, для общихъ заключеній о размѣрѣ и свойствахъ дарованія Надсона. Вниманіе, читатель!

Наше поколѣніе юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ распѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томить безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ бьемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилія!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,

Закипи порывомъ, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрямомъ:
„Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!“

Милый мой мальчикъ, да что-жъ это такое?!—могла бы воскликнуть тутъ растревоженная тетенька. И ты съ Коронатами въ униссонъ запѣлъ? И ты меня зовешь на работу, на борьбу съ порокомъ? Но вѣдь... нагни голову, я тебѣ на ушко шепну... вѣдь—«le porokъ—c'est moi», могу я сказать на манеръ Людовика XIV. Развѣ ты не зналъ этого? Но вѣдь я тебя зато и полюбила, что ты не бранилъ меня какъ другіе, а жалѣлъ и утѣшалъ, ты говорилъ, что я горда (вмѣстѣ съ тобой) горда, честна, правдива. О, милый, какъ я была тогда тебѣ благодарна! А теперь что же? «Ненавистимъ мы исподтишка»,—ты ли говоришь мнѣ это? Вѣдь и Коронать покоя мнѣ не давалъ и не дастъ съ своими дерзкими аллегоріями о кукишѣ въ карманѣ, о ку-ки-шѣ,—каково это перенести! «Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей»,—ну, можно ли, можно ли такъ? Не тебѣ это говорить и не мнѣ это слушать. Останемся тѣмъ, чѣмъ намъ съ тобой суждено быть, «ни павами, ни воронами», какъ справедливо выразился твой товарищъ. Тотъ же Коронать съ ядовитой насмѣшкой говорилъ мнѣ, приравнивая меня къ Молчалину: «нужно, голубчикъ, погодить!»—но то же самое я скажу тебѣ совершенно серьезно: да, нужно погодить. Пожалѣй себя и меня,—какіе ужъ мы съ тобой борцы!

Тревога тетеньки была бы напрасной. Рядомъ съ пламеннымъ стихотвореніемъ, призывавшимъ «на борьбу съ порокомъ», на той же страницѣ (97) напечатано другое стихотвореніе, начинающееся такимъ жалобнымъ восклицаніемъ:

Нѣтъ, муза, не зови! Не увлекай мечтами,
Не общей вѣнка въ дали грядущихъ дней!

Вотъ такъ, конечно, лучше—проще и правдоподобнѣе. Я,—говоритъ поэтъ дальше,—очень боленъ, «пораженъ недугомъ роковымъ», но и не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что

Путь слишкомъ былъ тяжелъ... Сомнѣнья и тревоги
На части рвали грудь...

Я бы,—говоритъ поэтъ дальше,—сдѣлалъ то, сдѣлалъ это («страна моя родная, я-бъ любилъ тебя, пѣлъ бы я тебя, я-бъ жилъ одной тобой»), поѣхалъ бы туда и сюда, и т. д., все въ томъ же сослагательномъ наклоненіи. Но, очевидно, буквально то же самое могла сказать о себѣ и тетенька: если бы не *сомнѣнья* да не *тревоги*, то вѣдь, чего добраго, и она попала бы въ исторію. Такъ какъ я пишу не біографію Надсона, а дѣлаю опѣнку его поэзіи, то имѣю полное право не брать въ расчетъ состояніе его физическаго здоровья. Чахоточный характеръ его поэзіи не отъ чахотки его легкихъ происходилъ. Покушеній на «смѣлые уроки», вродѣ вы-

шеприведенного, у Надсона очень немного и не въ нихъ, не въ этихъ, прямо говоря, *обмолвкахъ* поэта, заключается значеніе его поэзіи, также какъ не въ нихъ и причина ея огромнаго успѣха. Миссія Надсона, явившагося, какъ говорится, къ шапочному разбору, состояла не въ призывахъ къ борьбѣ, а въ томъ, чтобы оплакивать побѣжденныхъ и грустить—томно и задумчиво грустить—по поводу своей и тетенькиной неспособности къ борьбѣ. Его рѣдкія (по пальцамъ пересчитать можно) «покушенія» были только минутными вспышками энергіи, за которыми слѣдовали тѣмъ болѣе продолжительные періоды обычной тоски. Какъ разъ въ это же время и совершенно въ томъ же духѣ писалъ и другой любимецъ публики, — прозавкъ Гаршинъ. Значить, такова ужъ была (*были ли только, — вотъ вопросъ!*) общественная атмосфера, таковъ ужъ былъ (былъ?) аллегорически говоря, чахоточный духъ времени. Давно сказано, что въ пужную минуту всегда является «мужъ потребень», и такими нужными, желанными, *потребными мужами* явились для восьмидесятихъ годовъ Надсонъ, Гаршинъ, отчасти Новодворскій и еще кое-кто.

Если вы хотите узнать *подлиннаго* Надсона, его подлинныя отношенія къ обществу, также какъ и его общественно-литературную роль, то прочтите повнимательнѣе слѣдующее его стихотвореніе:

Оба бездомные, оба несчастные,
Встрѣтась случайно, мы скоро сошлись.
Слезы, упреки и жалобы страстныя
Жгучей волной изъ души полились.
Сладко казалось намъ скорбь накопившую
Другу и брату любя рассказать;
Ново казалось намъ грудь наболѣвшую
Чуткою лаской его врачевать.
Но мы недолго, какъ дѣти счастливыя,
Тѣшились хрупкою дружбой своей:
Скоро какіе-то звуки фальшивые
Вкрались въ аккордъ нашихъ стройныхъ рѣчей.
Брату усталого брата страданія
Тягостнымъ камнемъ на сердце легли,—
Грудь намъ обоимъ душили рыданія,
Слушать же оба мы ихъ не могли.
И разошлись мы со злобой мучительной...
Полно, къ чему намъ другъ друга винить:
Нищій у нищаго лепты спасительной
Вздумалъ, безумный отъ горя, молитъ!
Мертвый отъ мертваго просить лобзанія!
Гдѣ же намъ чуждую ношу поднять,
Если и личныя наши страданія
Намъ не дають ни идти, ни дышать!

Стихотвореніе имѣетъ личный характеръ, но попробуйте придать ему характеръ общій—и вы будете имѣть въ рукахъ сжатое резюме всего того, что мы говорили выше о поэзіи Надсона. «Оба несчастные, мы скоро сошлись»—правда; «слезы и жалобы страстныя полились»—именно такъ;

«сладко казалось рассказать накипѣвшую скорбь *любя* и ново казалось врачевать грудь *лаской*»—сто разъ вѣрно, и выше я объ этомъ уже подробно говорилъ. Далѣе—«вкрались звуки фальшивые въ аккордъ странныхъ рѣчей»: эти звуки *фальшивые* тѣ стихотворенія Надсона, которыя я называлъ *покушеніями* на смѣлые уроки и которыхъ у Надсона и полнаго десятка не наберется. Фальшивыя, разумеется, они не сами по себѣ, не какъ звуки чуждые и несвойственные «чистому» искусству, они фальшивы по отношенію къ положенію и къ эпохѣ Надсона. «О, поле, поле, кто тебя усыпалъ мертвыми костями» въ минорномъ тонѣ поэтъ Русланъ, и мы слушаемъ его съ наслажденіемъ. Но еслибъ онъ, на томъ же полѣ, грянулъ въ мажорномъ тонѣ: «Страху не страшусь, смерти не боюсь», мы невольно улыбнулись бы, какъ бы хорошо и музыкально ни пѣлъ онъ. Лирическій тенорокъ Надсона совсѣмъ не годился для басовыхъ драматическихъ партій. Далѣе—грубая ошибка въ стихотвореніи: «Разошлись мы со злобой мучительной». Ничуть не разошлись и не разойдетесь еще долго, до тѣхъ поръ, пока не явятся новые Надсоны, которые заслонять собою стараго нашего Надсона. Всегда были и всегда будутъ люди, о которыхъ еще Іоаннъ Богословъ говорилъ въ своемъ «Откровеніи» (глава 2). Это люди хорошіе, но съ однимъ существеннымъ недостаткомъ: «Ты много переносилъ и имѣешь терпѣніе и для имени Моего трудился и не изнемогалъ. Но имѣю противъ тебя то, что ты оставилъ первую любовь твою» (гл. 3—4). Какъ не плакать о своей первой чистой любви? И съ кѣмъ же лучше всего поплакать, какъ не съ поэтомъ, который рѣкой разливается о точно такомъ же собственномъ своемъ горѣ? Надсоны были и всегда будутъ нужны, но на первомъ планѣ они появляются лишь въ сумеркахъ того или другого *переходнаго времени*.

III.

Съ позволенія читателя, я начну эту главу разсказомъ объ одномъ небольшомъ эпизодѣ изъ своихъ литературныхъ воспоминаній. Ровно пятнадцать лѣтъ назадъ (зимой 1883 — 84 г.) сидѣлъ у меня молодой поэтъ и читалъ мнѣ только что написанное имъ стихотвореніе. Это былъ уже далеко не начинающій поэтъ, стихотворенія его уже не разъ печатались въ лучшихъ журналахъ того времени, и я зналъ, но не любилъ ихъ,—въ такой же мѣрѣ, въ какой любилъ самого поэта, котораго зналъ тоже довольно давно. Это было въ первый разъ, что онъ самъ декламировалъ мнѣ свое стихотвореніе, и я былъ болѣе чѣмъ удивленъ,—пораженъ. Не стихотвореніе поразило меня: это была туманная аллегорія о какой-то дѣвѣ, которая «въ бѣломъ вся» (въ кисейномъ платьѣ, что ли?) вышла изъ моря и предводителъствуетъ волнами, идущими на приступъ какого-то «утеса», и т. д., и т. д. Десятки разъ я читалъ такіа аллегоріи, раздирая свой ротъ зѣвотомъ, и всегда только утверждался въ своемъ мнѣніи: кто понимаетъ эти аллегоріи, тому онѣ не нужны, а кому онѣ нужны, тотъ ихъ не пойметъ.

Но меня поразили самъ декламировавшій поэтъ: это чуть не до синевы поблѣднѣвшее лицо, это кипѣніе и дрожаніе слезъ въ голосѣ, это глубокое, страстное волненіе... Боже мой! Да не только эти, плохіе, но и какіе угодно, хоть распушкинскіе стихи, стоятъ ли такой страшной траты нервной силы? Поэту я этого не сказалъ, но впечатлѣніе отъ его чтенія могло быть резюмировано именно въ этой формѣ.

Этотъ поэтъ былъ г. П. Я. *), а стихотвореніе *en question* читатель найдетъ на 141 стр. его книжки, подъ заглавіемъ *Фантазія*.

Не для анекдотическаго интереса рассказалъ я этотъ эпизодъ, а съ серьезною цѣлью, имѣющею непосредственное отношеніе къ нашей темѣ. Спрашивается, что же это за удивительная штука такая — литературный талантъ? Штука, какъ пораздумаетесь, просто опасная: она помогаетъ людямъ красиво, правдоподобно и увлекательно лгать. Вотъ г. П. Я. Сказать о немъ, по поводу его стихотворенія, что онъ искрененъ, — мало: понятіе, выражаемое словомъ *искренность*, услыте въ нѣсколько разъ и только тогда вы получите настоящую мѣрку для его чувства. А между тѣмъ его стихотвореніе («Фантазія») безжизненно и вяло. Наоборотъ, возьмемъ какое-нибудь яркое произведеніе какого-нибудь первокласснаго таланта. Вотъ, наприм., Лермонтова съ его знаменитой элегіей «И скучно, и грустно». Экая сила, экая красота! Но вчитайтесь и вдумайтесь въ эту элегію: не замѣчаете ли вы въ ней несомнѣнной фальши, позы, рисовки, неискренности? Есть тотъ грѣхъ, только не сразу замѣтишь его подъ щитомъ огромнаго таланта.

Любить... но кого же?... на время не стоять труда,
А вѣчно любить невозможно

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая штука.

Лермонтову было двадцать пять лѣтъ отъ роду, когда онъ написалъ это стихотвореніе. Нужно ли доказывать, что поэтъ вовсе не прочь былъ любить и никакого «труда» въ этомъ для себя, какъ и слѣдовало, не видѣлъ, что жизнь совсѣмъ не представлялась ему «шуткой», да еще глупой и пустой? Заимствованная у Байрона поза, изученная гримаса эффектной разочарованности—вотъ что такое эти стихи, которые тѣмъ не менѣе вся грамотная Россія наизусть знаетъ. Или возьмемъ другой примѣръ—Некрасова. Кто не плакалъ надъ его знаменитой поэмой-элегіей «Рыцарь на часъ?» Уже кажется искреннѣе быть нельзя: я гибну, я пою пѣснь покаянія, я ношу въ сердцѣ мучительную казнь, я погрузился въ тину нечистую мелкихъ страстей, я живу среди лгующихъ, праздно болтающихъ, обгагрившихъ руки въ крови и пр., и пр. Дальше ужъ некуда идти: всю свою душу раскрылъ человѣкъ. Но что вы скажете объ этихъ стихахъ, которые пре-

*) По старому пріятельству нашему, онъ, я увѣренъ, проститъ мнѣ мою нескромность.

спокойно стоять въ самой серединѣ отчаянныхъ самобичеваній и лживости
боторыхъ вы не замѣчали:

Что друзья! Наши силы не равны,
Я ни въ чемъ середины не знаю,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерваю.

Каковъ же герой, этотъ господинъ Некрасовъ! Какое безстрашіе, ка-
кая прямолинейность! Его друзья (наприм., Бѣлинскій, Чернышевскій, Добро-
любовъ) все въ обходъ да въ обходъ, стороночкой да стороночкой, а онъ
такъ напрямикъ и идетъ, сокрушая всѣ препятствія! Такова ужъ у него
сила богатырская, не равная силѣ какого-нибудь тамъ Бѣлинскаго или Чер-
нышевскаго и таково ужъ его *безразсудное дерзновеніе*. Почему же онъ
рыцарь *на часъ*? Онъ всю жизнь, по его словамъ, былъ рыцаремъ безъ
страха и упрека. Противорѣчіе очевидно; противоестественное соединеніе по-
каянія съ похвалой не подлежитъ сомнѣнію. И однако талантъ выру-
чаетъ: нужно не критическое только, но скептическое отношеніе къ поэзіи
Некрасова, чтобы подмѣтить ея диссонансы.

У г. П. Я. дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ: при полнѣйшей,
кристалльной искренности самого поэта поэзія его никого увлечь не можетъ.
Въ «Посвященіи» своей книжки г. П. Я. говорить:

Эти пѣсни гирляндой розъ
Мнѣ чела не украсятъ, конечно,
Но онѣ создавались изъ слезъ
И изъ крови сердечной...
Добрый другъ! если хочешь, возьми
Эту кровь, эти слезы мои.

Добрые друзья г. П. Я., конечно, возьмутъ эту кровь, эти слезы поэта
и сохранять ихъ какъ драгоценность. Они *знаютъ*, что это настоящая
кровь, настоящія слезы, но вѣдь не въ друзьяхъ дѣло: нужно, чтобы чита-
тель почувствовалъ кровь и слезы въ его стихахъ, чтобы его поэзія сама
за себя говорила, безъ всякаго отношенія къ человѣческой личности поэта,
глубоко интересной и симпатичной для друзей, но для читателя безразлич-
ной. Некрасовъ, сидя по горло «въ тинѣ нечистой», умѣлъ потрясать сердца,
а г. П. Я. съ горной высоты не въ силахъ сдѣлать этого. Увы, не въ
силахъ! Его поэзія... какъ бы мнѣ выразиться? Базаровъ сказалъ, что
Пушкинъ, должно быть, въ военной службѣ служилъ. — Никогда Пушкинъ въ
военной службѣ не служилъ, отвѣтилъ Аркадій Кирсановъ. — Какъ же, по-
милюй, продолжалъ Базаровъ, у него на каждой страницѣ: «на бой, на бой!
За честь Россіи!» Кирсановъ возмутился и назвалъ слова своего друга
клеветой. Такъ вотъ, любопытно, что сказалъ бы Базаровъ, если бы про-
читалъ книжку стихотвореній г. П. Я. Пожалуй, то же самое: дескать, должно
быть г. П. Я. въ военной службѣ служить. Въ самомъ дѣлѣ, г. П. Я. пи-
шетъ большею частью въ бравурно-приподнятомъ тонѣ и слишкомъ зло-
употребляетъ словами «борьба», «битва», «знамя», «впередъ» и т. п. Вотъ,

наприм., онъ обращается къ юношѣ (стихотвореніе «Юношѣ») и преподастъ ему рядъ совѣтовъ совершенно военного свойства:

Если чувствуя вѣры священное пламя,
Знаешь ты, что не въ силахъ его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
Въ битвѣ правой нести для тебя значить—жить,
Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано,
А спокойное счастье преступно и ложно,
Когда всюду кругомъ безотрадно-темно;
Если такъ,—о, мой братъ! Не сдавайся трусливо:
Жизнь—борьба, а не рабство... Коль есть
Капля силы—борись! Сбереги горделиво
До конца свою вѣрность святыни и честь!

Это стихотвореніе не изъ самыхъ лучшихъ и не изъ самыхъ слабыхъ стихотвореній г. П. Я., и потому оно особенно удобно какъ образчикъ. Ну, что скажете? Базаровъ нашелъ бы тутъ обильныя доказательства для своего мнѣнія о г. П. Я. какъ о военномъ человѣкѣ («знамя», «битва», «не сдавайся», «борьба», «вѣрность», «честь»); но что скажетъ юноша, которому адресовано стихотвореніе, и что долженъ сказать я, критикъ, не смѣю-щій быть пристрастнымъ даже во имя наилучшихъ побужденій? Юноша, я боюсь, скажетъ: если ваша борьба такъ же монотонна и шаблонна, какъ ваши призывы къ ней, такъ ужъ я лучше домой пойду. Мнѣ высказаться труднѣе: мнѣ все еще мерещится блѣдное лицо, которое я видѣлъ 15 лѣтъ назадъ, я знаю, какъ писались эти стихотворенія... Вотъ что мы сдѣлаемъ, читатель, спустимся съ горы къ болоту съ «тиной нечистой» и прислушаемся къ рѣчамъ, оттуда идущимъ. Слушайте же:

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не ропшутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

Ни единого восклицанія, ни единого бравурнаго словца, а между тѣмъ юноша, если онъ не принадлежитъ къ современнымъ объективистамъ или велосипедистамъ, услышавъ *этотъ* призывъ, домой не пойдетъ, а зажжетъ свѣчу и спустится въ подземную тюрьму на помощь тому, чьи не ропшутъ нѣмыя уста. Вотъ и судите, какъ дѣла дѣлаются и что такое литературный (да и всякій) талантъ: человѣкъ, не имѣющій на то никакого нрав-
ственного права, говоритъ какъ *власть имѣющій* и «водируетъ» мягкія

сердца»; другой человекъ, право это завоевавшій, не можетъ говорить за отсутствіемъ голоса.

Совѣмъ я не хочу сказать, что г. П. Я. лишенъ всякаго поэтическаго таланта: дарованіе у него несомнѣнно имѣется, но дарованіе слишкомъ непропорціональное его энтузіазму. Этотъ энтузіазмъ громаденъ, вѣра въ идеальную сторону жизни и въ конечную побѣду добра несокрушима у г. П. Я. Только въ одномъ, уже цитированномъ мною выше стихотвореніи звучитъ какъ будто пессимистическая нота, которую, впрочемъ, не трудно устранить... съ помощью самого автора. Еще разъ напомнимъ эти строки:

Гражданъ нѣтъ! О, сколько благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ:
Въ ненастный день не больше волея холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ.

Позвольте, однако: вспомните свою собственную «Фантазію». Волны— въ вашемъ же изображеніи—рокочатъ, рокочатъ у скалистыхъ береговъ, да что нибудь и вырочатъ себѣ отъ утеса. Какъ такъ гражданъ нѣтъ? Какъ такъ слова безплодны? Чтобы не далеко ходить за примѣромъ, я укажу г. П. Я. на превосходную и еще далеко недостаточную у насъ одѣвленную книгу г. Мельшина *Въ міръ отверженныхъ* *). Эта книга не «безплодныхъ словъ» и г. П. Я. можетъ убѣдиться изъ этой книги, что Россія гражданами не оскудѣла, да никогда и не оскудѣетъ,—вѣдь въ это вѣрить и самъ г. П. Я., онъ, столь горячо убѣжденный и насъ горячо убѣждающій въ конечномъ торжествѣ добра.

Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной
Предъ свѣточемъ ума померкнуть ложь и зло,
И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
Поднимешь свѣтлое чело.

Это г. П. Я. говоритъ, обращаясь къ «идеалу» (стихотвореніе такъ и озаглавлено—«Идеаль»). Надо думать, что фениксъ подниметъ свѣтлое чело не безъ участія «гражданъ», которыхъ будто бы уже нѣтъ, и не безъ помощи «словъ», которыя будто бы безплодны. Очевидно, неожиданная пессимистическая нота г. П. Я.—явленіе случайное, наносное, а не органическое. Кстати, по поводу этого стихотворенія—«Идеаль». У Надсона тоже есть стихотвореніе «Идеаль», и любопытно сопоставить идеалы обоихъ поэтовъ. Скажемъ рѣшительно: насколько г. П. Я. уступаетъ Надсону въ чисто-поэтическомъ дарованіи, въ музыкѣ стиха, въ силѣ и красотѣ образовъ, настолько же превосходитъ его ясностью и широтою разумнѣнія. Въ представленіи г. П. Я. вотъ каковъ «идеаль»:

Свобода, разумъ, честь, любовь, отчизна, вѣра...
Нѣтъ образовъ твоимъ и именамъ числа.

*) Читателю слѣдовало бы знать, почему поэту П. Я. я противопоставляю прозаика Мельшина. Не потому только, что первый мало, а второй сильно талантливъ, но и по другой, болѣе вѣской причинѣ.

Ты зажигалъ костры, ты двигалъ изувѣра,
Ты вдохновлялъ бойца на славныя дѣла.

Въ представленіи Надсона «идеаль» нѣчто совсѣмъ иное:

... тотъ, кто мыслю летучей
Сумѣлъ подняться надъ толпой,
Любви опѣнить свѣтъ могучій
И сердца идеаль святой:
Онъ бросить всѣ куміры вѣка
Съ ихъ мимолетной мишурой,
И къ идеалу человѣка
Пойдетъ увѣренной стопой.

Разница бросается въ глаза: идеаль г. П. Я. общественный, идеаль Надсона—чисто-индивидуальный. Во имя идеала, какъ его понимаетъ г. П. Я., могутъ дѣйствовать всѣ, вплоть до изувѣра; во имя идеала, какъ его понимаетъ Надсонъ, могутъ дѣйствовать только люди, возвышающіеся надъ толпой. Нѣтъ надобности доказывать, что и психологическая, и логическая, и историческая правда находится въ данномъ случаѣ всецѣло на сторонѣ г. П. Я.

Г. П. Я.—не поэтъ, умѣющій затрогивать наши душевныя струны, а публицистъ, который почему то находитъ нужнымъ стѣснять себя стихотворной формой, очень мало ему послушной. Разумѣется, я не то хочу сказать, что у него хромаютъ размѣры или риѐма: теперь даже объявленія о дешевыхъ распродажахъ составляются въ правильныхъ и звучныхъ стихахъ, такъ что объ этой сторонѣ дѣла и говорить не стоить. Но г. П. Я. не умѣетъ сообщить намъ огонь сжигающаго его энтузіазма. Онъ обладаетъ необыкновенно чуткимъ инстинктомъ, но не поэтическимъ, а нравственнымъ, что, къ несчастью, далеко не одно и то же. Есть у г. П. Я. между прочимъ одно стихотвореніе, въ которомъ только что указанная черта выразилась съ особенною рельефностью. Мысль стихотворенія свѣжа и вѣрна, нравственное чувство, насквозь проникающее его, свѣтло и возвышенно, но, читая это стихотвореніе, невольно думаешь: какъ жаль, что такая тема попала въ руки публицисту, а не поэту! И какъ жаль, что Некрасовъ не имѣлъ *нравственнаго права* касаться такихъ темъ! Стихотвореніе довольно длинно и я приведу его съ большими сокращеніями, которыя, впрочемъ, ясности дѣла не повредятъ. Поэтъ-публицистъ обращается «къ родинѣ»:

За что любить тебя? Какая ты намъ мать,
Когда и мачиха безчеловѣчно-злая
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не устывая?

.....
Ты сожигала насъ томительной отравой,
Порывы славныхъ дѣлъ въ зародышѣ губя,
Изъ лучшихъ жизни дней создавъ кошмаръ кровавый...
Какая-жъ мать ты намъ? За что любить тебя?

Развивайте последовательно эту тему и вы логически дойдете до «фабричного котла», въ который и постараетесь усадить для надлежащей «выварки» свою родину. За теоретическими аргументами дѣло не станеть, доказывать можно все что угодно, разъ омрачено нравственное чувство. Но у г. П. Я. это чувство живо и дѣятельно и на вопросъ: «за что любить тебя»? онъ отвѣчаетъ:

За что, не знаю я; но каждое дыханье,
Но каждый помыслъ мой, всѣ силы бытія
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
Любовь моя и жизнь—твоя, о, мать моя!
.....
Я бъ умереть готовъ безъ тайныхъ сожалѣній,
Въ лохмотьяхъ нищеты, въ недугѣ роковомъ,
На кучѣ мусора подъ чуждымъ мнѣ окномъ,
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній!

Левъ Толстой пришелъ однажды въ восхищеніе отъ чьего-то выраженія—«умъ сердца». Выраженіе дѣйствительно удачно и наилучшей иллюстраціей къ нему можетъ служить отвѣтъ г. П. Я. на вопросъ: «за что любить тебя»? Не знаю, но люблю до издыханія,—не по-хорошему милъ, а по-милу хорошъ, какъ говоритъ нашъ народъ. Въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ разсудочной логики, но есть высшая разумность, никогда не расходящаяся съ нравственнымъ чувствомъ. Хронологически г. П. Я. принадлежитъ къ восьмидесятымъ годамъ, но онъ проникнутъ духомъ предшествовавшей эпохи. Если бы слово «патріотъ» не было такъ захватано грязными руками, мы не нашли бы для г. П. Я. лучшаго эпитета.

А ваше общее заключеніе?—спроситъ читатель. Обратитесь къ эпиграфу статьи, отвѣчу я. Этотъ эпиграфъ взятъ мною изъ стихотворенія, озаглавленнаго «На томъ же мѣстѣ» и это для насъ очень кстати. Да, на томъ же мѣстѣ, но съ другой стороны, другими средствами—мы ничего не забыли, но кое-чему выучились. И ужъ во всякомъ случаѣ не дымъ фабричныхъ трубъ, не свистъ и шипѣніе парового котла мерещатся намъ въ нашихъ грезахъ о родинѣ, а мирный свѣтъ школьной лампы и ряды русскихъ и бѣлыхъ головокъ, склонившихся надъ книгою.

М. Протопоповъ.

С м ѣ н а.

Боярство и дворянство.

Старая династія московскихъ государей правила своимъ государствомъ съ помощью боярства. Преемники и преемницы Петра Великаго управляли Россійской имперіей при содѣйствіи дворянства.

Старое московское боярство и новое дворянство—это различные классы, отличавшіеся одинъ отъ другого своимъ происхожденіемъ и составомъ, своими отношеніями къ верховной власти и къ управляемому обществу и характеромъ участія въ государственномъ управленіи, наконецъ свойствомъ вліянія, оказаннаго тѣмъ и другимъ классомъ на ходъ русской государственной жизни.

Когда и какъ произошла эта смѣна одного правящаго класса другимъ и чѣмъ она была подготовлена, куда дѣвалось старое боярство и какъ сложилось пришедшее смѣнить его дворянство, наконецъ, какія перемѣны внесла эта смѣна въ строй и ходъ русской государственной жизни?—вотъ вопросы, изученію которыхъ,—не рѣшенію, а только выясненію способовъ ихъ рѣшенія,—посвященъ предлагаемый опытъ.

I.

Составъ московскаго боярства.

Подъ словомъ *боярство* мы разумѣемъ далеко не то, что значило это слово на старомъ московскомъ языкѣ. Мы обыкновенно называемъ боярствомъ совокупность тѣхъ знатныхъ служилыхъ фамилій, изъ которыхъ назначались *бояре*, совѣтники древнерусскихъ государей, а московскій оффиціальныи языкъ обозначалъ этимъ терминомъ самое званіе *боярина*, первый, старшій чинъ въ іерархіи Боярской думы, московскаго государственнаго совѣта. Въ этомъ смыслѣ московскія разрядныя книги, въ которыя записывались служебныя назначенія, выражались: «государь царь и вел. князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Руси пожаловалъ боярствомъ кн. И. А. Хованскаго; сказывалъ (объявлялъ) боярство окольничей Ѳ. В. Головинъ».

Впрочемъ въ просторѣчій, не на придворномъ оффиціальномъ языкѣ,

бояриномъ назывался всякій привилегированный землевладѣлецъ, носившій какой-либо чинъ военно-служилой іерархіи, даже одинъ изъ низшихъ. Съ такимъ значеніемъ является это слово съ своими производными и въ *Русской Правдѣ*, и въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка, не придерживавшихся строго официальной чиновной терминологіи. Такъ въ записныхъ книгахъ патриаршаго двора называются *боярынями* бѣдныя провинціальныя дворянкія, приходившія ко владыкѣ за милостыней. Такое значеніе удержали за собой и позднѣйшія формы, образовавшіяся изъ этого древняго слова: *баринъ*, *барыня*, *барицина* и т. п.

Мы ведемъ рѣчь только о боярствѣ, какъ придворномъ, правительственномъ классѣ, и именно о московскомъ боярствѣ съ половины XV вѣка, когда оно стало получать новый составъ и становилось въ новое политическое положеніе. Здѣсь придется для порядка изложенія повторить нѣсколько общеизвѣстныхъ чертъ древнерусской исторіи.

Въ удѣльные вѣка (XIII, XIV и XV) при дворахъ великихъ и удѣльных, старшихъ и младшихъ князей извѣстной княжеской линіи собирались болѣе или менѣе значительныя кружки бояръ, составлявшихъ верхній слой княжеской дружины. Съ этими боярами князь «думалъ», совѣтовался и правилъ своимъ княжествомъ, ихъ назначалъ командовать въ походахъ своей рядовой боевой дружиной, своими «слугами вольными». Это были подвижныя кружки. Бояринъ служилъ князю по вольному «договору» и по «крѣпости», акту, скрѣплявшему этотъ договоръ, и имѣлъ право переѣхать на службу къ другому князю. Сами князья въ своихъ договорныхъ грамотахъ настойчиво выражали это право бояръ и вольныхъ слугъ, обязуясь другъ передъ другомъ не мѣшать этимъ переѣздамъ, не держать недобрыя на переѣзжавшихъ. Бояринъ считался «переднимъ мужемъ», передовымъ слугою всей Русской земли, а не того или другаго княжества, и свободно избиралъ себѣ мѣстомъ служенія и Тверь, и Ростовъ, и Рязань, и Москву. Но бояре не были ровни между собою. Различались бояре *большіе* и *меньшіе*, старшіе и младшіе. Согласно съ этимъ старшинствомъ или большинствомъ, они сидѣли выше или ниже одинъ другого и въ Думѣ, и за княжескимъ пировымъ столомъ, точно такъ же назначались и на правительственныя должности. Намъ теперь уже довольно трудно разглядѣть условія, которыми опредѣлялось это большинство. Совокупность всѣхъ этихъ условій составляла служебную годность боярина. Въ составъ этой годности, несомнѣнно, входили и личныя качества, и давность службы; но, кажется, главнымъ условіемъ этой годности считалась боевая сила, количество вооруженныхъ дворовыхъ людей, которыхъ могъ бояринъ вывести въ поле, и качество ихъ вооруженія. Великъ и силенъ былъ при дворѣ кн. Юрія Даниловича московскаго бояринъ Акинѣй Ботринъ. Но пріѣхавъ къ нему «нѣкто отъ кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ Родіонъ Нестеровичъ, а съ нимъ княжата и дѣти боярскія и двора его до 1700», и князь принялъ его съ радостію, далъ ему боярство на Москвѣ и устави́лъ ему надо всѣми большинство, такъ что Акинѣй обидѣлся и отѣхалъ въ Тверь

И Москва къ началу княженія Іоанна III стянула къ себѣ съ разныхъ сторонъ значительное количество знатныхъ слугъ, какое едва ли можно было встрѣтить тогда при другихъ великокняжескихъ русскихъ дворахъ. По стариннымъ московскимъ родословнымъ книгамъ можно насчитать десятка два-три родовитыхъ фамилій, успѣвшихъ обособиться и прочно основаться въ Москвѣ къ тому времени. Между ними явилось и нѣсколько титулованныхъ. Самую видную изъ нихъ была фамилія князей Патрикѣвыхъ со своею вѣтвью князьями Хованскими—потомки литовскаго выходца кн. Патрикія, внука Гедиминова, пришедшаго въ Москву въ началѣ XV в. съ другими князьями литовскими и со множествомъ бояръ черниговскихъ, брянскихъ, стародубскихъ и изъ другихъ городовъ литовской Руси. Въ княженіе Іоанна III въ Москвѣ дѣйствовали уже внуки этого Патрикія съ своими дѣтьми, ставшими потомъ родоначальниками князей Щенятевыхъ, Голицыныхъ и Буракиныхъ.

Когда собираніе Великороссіи подъ рукою московскаго государя пошло ускореннымъ ходомъ, мѣстные боярскіе кружки вливались въ общій водоемъ московскаго служилаго люда уже не единичными каплями, а цѣлыми потоками. При этомъ въ составѣ московскаго боярства произошли важныя перемѣны, глубоко измѣнившія его складъ и характеръ. При массовомъ наплывѣ князей и бояръ изъ упраздняемыхъ княжествъ личный договоръ государя съ каждымъ припелъцемъ, которымъ прежде опредѣлялось его служебное положеніе въ Москвѣ, замѣнился общими правилами, которымъ должны были огульно подчиняться новые слуги. Эти правила и составили то *уложеніе*, на которое нерѣдко ссылаются акты XVI вѣка, какъ на основаніе служебныхъ отношеній московскаго боярства въ его новомъ составѣ. Основное правило состояло въ томъ, что мѣсто пріѣзжаго слуги въ московской служилой іерархіи указывалось тѣмъ положеніемъ, владѣтельнымъ или служилымъ, какое онъ занималъ до переезда на московскую службу. Для владѣтельныхъ князей это положеніе опредѣлялось сравнительнымъ значеніемъ *столовъ*, на которыхъ они сидѣли, для бояръ сравнительнымъ достоинствомъ княжескихъ *дворовъ*, при которыхъ они служили. Поэтому 1) бывшіе великіе князья на московской службѣ становились выше бывшихъ князей удѣльныхъ, 2) бывшіе удѣльные князья—выше бояръ изъ другихъ княжествъ, какъ великихъ, такъ и удѣльныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что давность московской службы сама по себѣ не принималась въ расчетъ при установкѣ служебныхъ отношеній новыхъ знатныхъ слугъ къ старымъ московскимъ боярамъ. Князь только потому, что онъ князь, при самомъ вступленіи на московскую службу становился выше простого московскаго боярина, хотя бы послѣдній имѣлъ за собою длинный рядъ предковъ, служившихъ московскому государю. Но послѣдовательное примѣненіе этихъ правилъ приводило къ тому, что иной князь на московской службѣ становился ниже простого боярина. Нѣкоторые удѣльные князья теряли свои удѣлы еще до перехода на службу къ великому князю московскому и служили другимъ князьямъ, великимъ или удѣльнымъ. При

переходѣ въ Москву, какъ слуги младшихъ князей, они должны были становиться здѣсь ниже старинныхъ здѣшнихъ бояръ, служившихъ старшему изъ всѣхъ, и великихъ и удѣльныхъ князей, какииъ считался великій князь московскій. Согласно съ тѣми же правилами, и родовое старшинство принималось въ расчетъ только при равенствѣ другихъ условій. Бывшій великій князь, ярославскій или ростовскій, становился выше своего удѣльнаго родича, хотя бы послѣдній принадлежалъ къ старшей линіи мѣстнаго княжескаго рода, ярославскаго или ростовскаго. Но князья, пришедшіе съ равныхъ удѣльныхъ столовъ, могли стать въ Москвѣ одинъ выше другого по своему генеалогическому старшинству. Зато не оставалось безъ вліянія на служебное положеніе новаго слуги то, какъ онъ переходилъ на московскую службу, добровольно или невольно, по принужденію. Въ 1493 году пріѣхалъ служить въ Москву кн. М. Р. Мезецкій, силой захвативъ съ собою двухъ своихъ братьевъ; великій князь пожаловалъ пришельца его же вотчиной, а братьевъ его послалъ въ заточеніе: такое начало московской службы не могло создать благопріятнаго условія для ея успѣха. При порядкѣ служебныхъ отношеній, основанномъ на этихъ правилахъ, московское служилое общество въ своемъ новомъ составѣ образовало нѣсколько іерархическихъ слоевъ, горизонтально лежавшихъ одинъ на другомъ, которые безъ труда можно различить по военнымъ и придворнымъ назначеніямъ, какія записывались въ московскія разрядныя книги XV и XVI вѣковъ *).

Тотъ классъ, который мы называемъ московскимъ боярствомъ, въ XVI в. состоялъ изъ нѣсколькихъ «боярскихъ родовъ», поколѣнные росписи которыхъ, начиная отъ ихъ родоначальниковъ, помѣщались въ московскихъ родословныхъ книгахъ. Въ концѣ XVI в. по этимъ книгамъ можно насчитать до 200 служилыхъ фамилій; но онѣ далеко не всѣ считались собственно «боярскими». Многія изъ нихъ «захудали», по старому мѣстническому выраженію, и унали въ служилый слой, лежавшій подъ боярствомъ, въ разрядъ «дворянскихъ» родовъ, т.-е. фамилій столичнаго дворянства, а другія погрузились еще ниже, въ массу дворянства провинціальнаго, «городовыхъ дѣтей боярскихъ», какъ оно тогда называлось,—слой, лежавшій въ самой глубинѣ московскаго служилого класса. Эти захудалые роды можно было считать боярскими только по отдаленному генеалогическому воспоминанію: взявъ какой-нибудь изъ этихъ родовъ, даже самыхъ захудалыхъ, напримѣръ, рязанскихъ дворянъ Сидоровыхъ или князей Кривоборскихъ изъ стародубской линіи, и отъ членовъ такого рода, бывшихъ на-лицо въ концѣ XVI вѣка, восходя по поколѣніямъ къ ихъ предкамъ, мы всегда встрѣтимъ, иногда на разстояніи двухъ - трехъ столѣтій, такого прародителя, который служилъ бояриномъ въ какомъ-либо удѣльномъ или великомъ княжествѣ или даже самъ сидѣлъ на какомъ-нибудь удѣльномъ столѣ. Но этотъ родъ не поставилъ изъ своей

*) *Пом. Собр. Русск. Лит.*, т. IV, стр. 162. Подробности и доказательства см. въ соч. автора *Боярская Дума*, гл. IX.

среды ни одного члена Боярской Думы ни въ XVI, ни въ XVII в., съ тѣхъ поръ какъ обособился отъ своего генеалогическаго корня. Родословныя книги не проводятъ замѣтной раздѣльной черты между боярскими и небоярскими фамиліями. А такая раздѣльная черта должна была существовать. Члены боярскихъ родовъ пользовались политическими преимуществами, которыя соединены были съ важными матеріальными выгодами: они получали высшія, вліятельнѣйшія служебныя назначенія; по службѣ имъ жаловали высшіе чины, а по чинамъ—доходнѣйшія кормленія. Все это должно было обособлять боярство отъ служилыхъ слоевъ, подъ нимъ лежавшихъ и менѣе привилегированныхъ. Какіе признаки сообщали служилому роду значеніе боярскаго, при какихъ условіяхъ онъ держался въ боярскомъ кругу и при какихъ выпадалъ изъ него, было ли, напримѣръ, необходимо для того, чтобы принадлежать къ этому кругу, непрерывное присутствіе въ Боярской Думѣ кого-либо изъ среды рода, или эта принадлежность и безъ того поддерживалась какими-либо другими условіями? Какъ видимъ, это вопросъ сложный и довольно запутанный.

Описанный выше распорядокъ служебныхъ отношеній московскихъ служилыхъ людей скрѣплялся еще однимъ правиломъ, которое постепенно установилось съ половины XV в. подъ вліяніемъ усиленнаго прилива въ Москву новыхъ слугъ и легло въ основаніе московскаго мѣстничества. Правило это состояло въ томъ, что служебное положеніе, разъ занятое служилымъ лицомъ по отношенію къ другимъ служилымъ лицамъ, становилось прецедентомъ, предопредѣлявшимъ служебное отношеніе и потомковъ этого лица къ потомству другихъ лицъ, соприкасавшихся съ нимъ по службѣ. Первый князь Одоевскій, начавшій служить въ Москвѣ, поставленъ былъ въ служебныхъ назначеніяхъ на извѣстное число ступеней выше стариннаго московскаго боярина Колючова: служебное разстояніе, обозначенное этими ступенями, должно было поддерживаться и между потомками обоихъ лицъ въ служебныхъ назначеніяхъ, имъ достававшихся. Такимъ образомъ служебное положеніе, бывшее личнымъ приобретеніемъ перваго московскаго слуги, превращалось въ фамиліальное достояніе, переходившее по наслѣдству къ его потомству. По основному мѣстническому воззрѣнію, какъ разъ стали предки въ служебной іерархіи, такъ вѣчно должны стоять и потомки, и ни государева милость, ни личные таланты и заслуги не могутъ измѣнить этой разъ удавшейся разстановки.

Наслѣдственное положеніе по службѣ, при этой разстановкѣ созданное предкомъ для своихъ потомковъ, составляло ихъ служебное или разрядное *отечество*, которое отличалось отъ не всегда совпадавшаго съ нимъ отечества родословнаго или генеалогическаго, основаннаго на родовомъ старшинствѣ, а не служебномъ *). При указанномъ мѣстническомъ воз-

*) Заимствуемъ эти эпитеты *разрядное* и *родословное* отечество изъ мѣстническаго выраженія: „по *родословцу* дѣтвицею межъ себя въ отечествѣ не считаются, а считаются въ отечествѣ *разрядами*“, т.-е. служебными назначеніями.

зрѣніи нужно было, однако, чтобы это отечество, созданное первыми служебными прецедентами или *случаями* предковъ, поддерживалось соответствующими этому отечеству служебными назначеніями и въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ шедшихъ отъ этихъ предковъ фамилій. Для этого вовсе не было необходимо, чтобы члены такой фамиліи, все или хотя бы только старшіе, непрерывной цѣпью всходили «вверхъ къ государю», вступали въ его Боярскую Думу съ званіемъ боярина или окольничаго. Но для того, напримѣръ, чтобы Колычовы удержались на іерархической высотѣ, на какую поставилъ ихъ предокъ своими служебными отношеніями къ первому кн. Одоевскому, начавшему служить въ Москвѣ, для этого было нужно, чтобы Колычовы отъ времени до времени хаживали въ походы полковыми воеводами вмѣстѣ съ князьями Одоевскими или членами другихъ равныхъ имъ по служебному отечеству фамилій и чтобы при этомъ сохранялось приблизительно то же іерархическое разстояніе между тѣми и другими, какое установилось при ихъ предкахъ. Такими служебными назначеніями обновлялась и скрѣплялась іерархическая связь Колычовыхъ съ кругомъ родовитыхъ фамилій, облегчался расчетъ ихъ служебныхъ отношеній къ князьямъ Одоевскимъ, а чрезъ нихъ и къ другимъ фамиліямъ, которыя были больше или меньше ихъ или «въ версту имъ», и какъ бы рѣдко ни попадали Колычовы въ Боярскую Думу, ихъ фамилія не переставала быть боярской или, говоря мѣстническимъ языкомъ, «родословной», не теряла права считаться служебнымъ отечествомъ съ родовитыми фамиліями. Но бывали обстоятельства, которыя разрывали эту іерархическую связь. По разнымъ причинамъ члены иной родословной фамиліи долго не получали служебныхъ назначеній, соответствующихъ ихъ родословности. Житейскія невзгоды отрывали иныхъ отъ государева двора, выбивали изъ столицы и загоняли въ какой-нибудь провинціальный служилый уголъ. Здѣсь они занимали должности по мѣстному управленію, у которыхъ «и мѣста не живутъ», которыя не принимались къ учету родословного мѣстническаго отечества, дѣлались, напримѣръ, городничими или городовыми прикащиками, которые не могли «мѣстничаться въ отечествѣ» даже съ самыми младшими полковыми воеводами, потому что бывали всегда изъ людей «обычныхъ», рядовыхъ, а не родословныхъ. Какъ скоро члены родословной фамиліи спускались на одинаковую служебную ступень съ людьми неродословными, они подпадали дѣйствию мѣстническаго правила, по которому людямъ неродословнымъ съ родословными счету и мѣсть не бывало, запрещено было считаться мѣстами. Служилая фамилія или вѣтвь служилаго рода теряла свое отечество, право ссылаться на службу своихъ отцовъ и дѣдовъ при защитѣ своей родовой чести, служебнаго достоинства не только отъ чужеродцевъ, но и отъ собственныхъ болѣе счастливыхъ родичей, членовъ другихъ вѣтвей того же рода, какъ бы отрѣшалась отъ своихъ предковъ, «худала» и выпадала изъ состава боярства. Тогда виновники этой служебной «худобы», потерявшіе отечество своихъ предковъ, начинали собой для своихъ потомковъ процессъ обрат-

ный тому, какимъ эти предки создавали родословную доброту своей фамилии, передавали своему потомству тяжелое наслѣдіе: ихъ служебныя неудачи въ свою очередь становились обязательными прецедентами для ихъ сыновей и внуковъ, которые въ своихъ счетахъ съ родичами или чужеродцами уже не могли восходить къ своимъ отдаленнымъ «добрымъ» прародителямъ, а должны были довольствоваться ссылками на службу своихъ ближайшихъ родителей, захудалыхъ отцовъ и дѣдовъ. Причины захудалости не принимались въ уваженіе: происходила ли она по винѣ или по несчастію, отъ служебныхъ уступокъ соперникамъ по нуждѣ, по дружбѣ, корыстному расчету или простому служебному недосмотру, потому, какъ говорили въ мѣстническихъ спорахъ, что «продавали свое отечество, или такъ проступались»,—все равно: на паденіе фамилій смотрѣли, какъ на приговоръ рока или какъ на выбитіе изъ строя солдата, подстрѣленного въ бою.

Въ поясненіе отношеній, столь чуждыхъ нашимъ понятіямъ, приведемъ одинъ примѣръ съ необычайно громкимъ именемъ, носитель котораго тоже по винѣ или по несчастію предковъ былъ закрученъ въ московскомъ служебномъ водоворотѣ, тапущемъ ко дну родовитыя лица и цѣлыя фамиліи, которыя въ него попадали. Не малы были родословнымъ отечествомъ въ московской служебной іерархіи конца XV в. князья Стародубскіе и Ряполовскіе, шедшіе отъ перваго и третьяго сыновей кн. Андрея Ѳеодоровича, въ концѣ XIV в. сидѣвшаго на удѣльномъ княжескомъ столѣ въ Стародубѣ на Бѣлзѣ. Ходили они въ походы младшими полковыми воеводами съ такими большими людьми, какъ Гедиминовичъ кн. Дан. Вас. Щеня-Патрикѣевъ, кн. Д. А. Пѣнка-Ярославскій, кн. Дан. Дм. Холмской изъ тверскихъ удѣльныхъ, старинный московскій бояринъ Яв. Зах. Кошкинъ, одинъ изъ прародителей бояръ Романовыхъ, и даже въ товарищахъ со старшими князьями Оболенскими, удѣльными тверскими князьями Дорогобужскими и удѣльными ярославскими князьями Курбскими. Въ малыхъ разрядахъ они сами бывали воеводами большого полка (главнокомандующими) и при нихъ въ меньшихъ воеводахъ состояли потомки и старинныхъ московскихъ бояръ Колычовыхъ, и тверскихъ бояръ Бороздиныхъ, и удѣльных ярославскихъ князей Сицкихъ. Но не повезло по службѣ потомству средняго сына, князьямъ Пожарскимъ: ихъ не встрѣчаемъ на видныхъ разрядныхъ постахъ ни въ XV, ни въ XVI в.; они рано отпали отъ родословной знати и погрузились въ провинціальную службу, бывали въ городскихъ приказахъ и у иныхъ подобныхъ неродословныхъ дѣлъ. Самъ кн. Д. М. Пожарскій до своего знаменитаго подвига былъ небольшимъ служилымъ человѣкомъ, судя по очень скромному денежному жалованью, какое положено ему по книгѣ 1604 г. *), потомъ сталъ стольникомъ и зарайскимъ воеводой. За свою великую службу очищенія Москвы и государства отъ поляковъ онъ получилъ отъ земскаго собора и царя Михаила честь, боярство и великія

*) Боярская книга № 2 въ Моск. арх. иностр. дѣлъ, л. 126: здѣсь собственно ручная расписка кн. Пожарскаго въ полученіи жалованія (20 р.) „денги взалъ“.

вотчинны: денежнаго жалованья по книгѣ 1621 г. онъ получалъ уже 400 р. (около 5,600 р. на наши деньги); изъ архивныхъ актовъ конца XVII в. узнаемъ, что старинныхъ наслѣдственныхъ вотчинъ у него было всего 185 крестьянскихъ дворовъ, но вотчинъ выслуженныхъ числилось 1,095 дворовъ и большею частью въ его бывшемъ родовомъ княжествѣ Стародубскомъ или по близости (слобода Холуй, села Верхній и Нижній Ландехъ). Сознаніе ли своихъ заслугъ или что другое внушило ему желаніе оправдать свое государственное возвышеніе родословцемъ, генеалогіей, и онъ началъ тягаться объ отечествѣ съ людьми болѣе родовитыми. Для этого онъ въ своихъ мѣстническихъ спорахъ, минуя худую службу своихъ ближайшихъ родителей, князей Пожарскихъ, прямо восходитъ по родословной лѣствицѣ къ своимъ боковымъ отдаленнымъ «добрымъ» предкамъ, князьямъ Стародубскимъ и Раполовскимъ, доказывая, что черезъ этихъ предковъ по *мѣстницѣ* родства онъ больше ихъ прямыхъ потомковъ, слѣдовательно и по *службѣ* имѣеть старшинство не только передъ ними, своими родичами, но и передъ чужеродцами, которые имъ ровни или ниже ихъ. Но «мѣстникъ», соперникъ, возражалъ ему, что это «затѣйные доводы», что онъ не имѣеть права по лѣствицѣ цѣпляться за далекихъ знатныхъ предковъ, а долженъ считаться службою только ближнихъ своихъ родителей князей Пожарскихъ, которые, занимая неродословныя должности, подобныя городовымъ прикащикамъ, порвали свою служебную связь съ родословными князьями Стародубскими и Раполовскими.

Какъ ни трудно приучить нашу мысль къ описанному складу служебныхъ отношеній, онъ даетъ возможность прослѣдить раздѣльную черту, отдѣлявшую московское боярство отъ служилыхъ слоевъ, подъ нимъ лежавшихъ. Боярство московскаго состава — это кругъ знатныхъ фамилій, старинныхъ туземныхъ или пришлыхъ, собравшихся въ Москвѣ къ концу XV вѣка, члены которыхъ получали высшія назначенія полковыя или соотвѣтствующія имъ придворныя и административныя и по этимъ назначеніямъ поддерживали между собою іерархическія отношенія въ томъ порядкѣ, какой установился во второй половинѣ XV вѣка, при первоначальной установкѣ служебныхъ отношеній между тогдашними членами этихъ фамилій. Фамилія, члены которыхъ, восходя по разряднымъ назначеніямъ къ службѣ своихъ предковъ, мѣстническимъ учетомъ своего служебнаго отечества не могли возстановить своей связи съ членами этихъ родословныхъ фамилій или у которыхъ эта связь въ извѣстномъ поколѣніи обрывалась, выпадали изъ боярскаго круга и становились неродословными. Опредѣленіе нѣсколько сложно и довольно запутанно, какъ сложны и запутанны были самыя отношенія. Изъ этого круга боярскихъ фамилій обыкновенно назначались бояре и другіе члены Боярскаго Думы. Но званіе боярина, присутствіе въ Думѣ было не основаніемъ принадлежности къ боярству, а только обычнымъ показателемъ этой принадлежности. Боярскій, какъ и всякій другой высокій чинъ, самъ по себѣ не создавалъ боярскаго, родословнаго отечества. Человѣкъ неродословной фамиліи по личнымъ причинамъ могъ дослу-

житься до чина боярина, но это не дѣлало его фамиліи родословной. Поэтому чины обыкновенно и не вводились въ мѣстническій счетъ, на нихъ и не ссылались въ мѣстническихъ спорахъ, правильно веденныхъ. Уже съ царствованія Грознаго въ Боярской Думѣ въ чинахъ боярина и окольного, особенно въ третьемъ чинѣ думнаго дворянина, стали появляться люди неяснаго происхожденія, даже изъ дьяковъ. Таковы были Адашевы, Сукины, Пивовы, Черемисины. Они поднимались личной дѣятельностью, а не службой предковъ, и ихъ фамиліи даже не заносились въ родословныя книги. Невидные въ военной и придворной іерархіи, эти люди безъ отчества бывали велики на другихъ служебныхъ поприщахъ, особенно въ приказномъ управленіи, шли своимъ особымъ путемъ и, какъ увидимъ, были родоначальниками не новыхъ боярскихъ фамилій, а новаго правящаго класса, пришедшаго на смѣну боярству.

II.

Московский государь и его боярство.

Важнѣйшій вопросъ, становившійся на очередь въ жизни Московскаго государства при новомъ составѣ его боярства, заключался въ томъ, какъ станетъ это боярство въ своемъ новомъ составѣ по отношенію къ московскому государю. Верхи этого боярства за немногими исключеніями состояли все изъ титулованныхъ слугъ, которые сами сидѣли на княжескихъ столахъ или по крайней мѣрѣ еще свѣжо помнили удѣльную самостоятельность своихъ владѣтельныхъ отцовъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ она была утрачена. Уживутся ли эти новые слуги съ своимъ хозяиномъ, поднявшимся на такую высоту, такъ же мирно и дружно, какъ уживались прежніе московскіе бояре со своими государями, пробивавшимися на эту высоту при ихъ усердномъ содѣйствіи, уживется ли самъ этотъ хозяинъ, ставшій теперь государемъ всея Руси, съ своими новыми слугами, съ ихъ удѣльными воспоминаніями и чувствами, какія ими возбуждались? Примиряющее и успокоительное дѣйствіе на это новое сбродное боярство, на этихъ Рюриковичей и Гедиминовичей должно было произвести то вниманіе, какое при самомъ устройствѣ ихъ служебнаго и хозяйственнаго положенія въ Москвѣ оказано было ихъ прежнимъ удѣльнымъ отношеніямъ, привычкамъ и интересамъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно приходили въ Москву служить съ своими вотчинами, обыкновенно жаловали ихъ же вотчины, предоставляя имъ до поры до времени править и судить тамъ по старымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ; на нѣкоторое время при нихъ оставляли ихъ прежніе удѣльные дворы; въ Москвѣ имъ давали честь и мѣсто по ихъ прежнему владѣтельному и генеалогическому достоинству. И насколько оставалось въ ихъ новомъ московскомъ положеніи старыхъ знакомыхъ имъ привычекъ, интересовъ и отношеній, настолько они считали это положеніе прямымъ продолженіемъ привычной имъ удѣльной старины и настолько же мирились съ нимъ, признавая его въ такой же мѣрѣ безобиднымъ и спра-

ведливимъ. Кн. Д. А. Пѣнка, сынъ послѣдняго великаго князя ярославскаго, и за московскимъ государевымъ столомъ видѣлъ себя настолько же выше кн. М. Курбскаго, насколько его отецъ, сидя на Ярославѣ, былъ выше своего удѣльнаго родича, сидѣвшаго на Курбѣ. Обломки, спасенные изъ потерпѣвшаго крушеніе житейскаго порядка, обыкновенно долго поддерживаютъ старыя привычки и понятія среди новой несродной имъ обстановки, облегчая инертной людской природѣ боль житейскаго перелома. Московскій государь, собравъ бывшихъ удѣльныхъ владѣльцевъ вокругъ своего Кремля, покрывалъ и сдерживалъ своей державной рукой ихъ удѣльныя вражды и ненависти, не уничтожая ихъ фамилныхъ счетовъ и владѣтельныхъ привычекъ и притязаній. За это и они, скрѣпя сердце, мирились съ огорченіями и неудобствами своего московскаго положенія, отводя душу на свѣжихъ удѣльныхъ воспоминаніяхъ и привычкахъ. Обоюдная уступчивость при взаимной нуждѣ и необходимости жить вмѣстѣ помогала на первыхъ порахъ установить сносное сожительство.

Но здѣсь, въ политикѣ, случилось нѣчто такое, что бывало и въ другихъ сферахъ русской жизни, напримѣръ, въ экономической. Колонизуя доставшуюся ему страну, русскій поселенецъ всюду встрѣчалъ все тотъ же «лѣсъ и боръ великъ», который по лѣтописи еще при Кіи окружалъ Кіевъ. Этотъ непроглядный лѣсъ душилъ русскаго колониста, закрывалъ отъ него солнце, отнималъ у него почву и дорогу, пожиралъ своимъ звѣремъ его домашній скотъ, ѣлъ его самого комаромъ и оводомъ и топилъ въ своихъ коварныхъ тряпинахъ. Измученный и ожесточенный, съ топоромъ и огнемъ въ рукахъ, цѣлые вѣка боролся онъ съ этимъ лѣсомъ, вырубая и выжигая его направо и налево. Прошли вѣка лѣсной борьбы и обыватель центральной черноземной Россіи, наконецъ, увидѣлъ себя на полномъ просторѣ. Гдѣ ни станешь, не видать ни полоски лѣса на всемъ окоемѣ; лучи лѣтняго солнца съ безоблачнаго неба безпрепятственно падаютъ нивы и голову; весенніе потоки тающаго снѣга, не регулируемые лѣсными задержками, избороздили почву глубокими продольными и поперечными оврагами, испортивъ огромныя площади пашни; понизившіеся уровни подпочвенныхъ водъ оставили землепашцу безплодный слой черноземной пыли; полевая мышь, не угрожаемая хищной птицей, которой не на чѣмъ стало присѣсть на голомъ полѣ для сторожевыхъ наблюденій, вмѣстѣ съ не сдерживаемыми ничѣмъ песками все смѣлѣе раздвигаетъ свою территорію, — и торжествующій побѣдитель лѣса рвется изъ завоеваннаго имъ царства хроническаго неурожая и недорода за Уралъ, въ Сибирь, куда прежде съ плачемъ шелъ по приговору суда или по требованію помѣщика ли, оставаясь на мѣстѣ, размышляетъ объ искусственомъ орошеніи и блѣсеніи, объ интенсивномъ хозяйствѣ и меліоративномъ кредитѣ.

Подобное бывало и въ другихъ сферахъ нашей жизни, въ социальной, умственной, нравственной. Увлекаемый узкимъ идеаломъ или интересомъ, идъ поколѣній усердно велъ какую-нибудь одностороннюю работу надъ своею жизнью, не умѣя смотрѣть въ слѣдствія своей работы, забывая за-

кономѣрность исторической жизни, и вотъ наступало время, когда послѣднее изъ этихъ трудолюбивыхъ и непредусмотрительныхъ поколѣній вдругъ находило себя въ такомъ неловкомъ положеніи, неловкости котораго оно не замѣчало, пока его создавало, и съ которымъ не знало, что дѣлать, какъ скоро замѣчало его.

Подобное затрудненіе испытали и два послѣдніе московскіе государя старой династіи. Ихъ предки, младшая и потому малоправная вѣтвь племени Александра Невскаго, владѣтели маленькаго Московскаго удѣла, запуганные татарскимъ игомъ и собственнымъ ничтожествомъ, начали хватать направо и налево, выбиваясь изъ своей тѣсной доли. Пользуясь нѣкоторыми благоприятными условіями центральнаго и потому прикрытаго положенія своего княжества и взаимнымъ отчужденіемъ удѣльныхъ князей, они большею частью боролись со своими соперниками одинъ-на-одинъ и побѣждали ихъ поодиночкѣ. Съ изворотливостью и нераздумчивостью борющихся за существованіе они пускали въ ходъ самыя разнообразныя средства борьбы: нападеніе на сосѣда врасплохъ, подкупъ хана и подговоръ чужихъ бояръ къ измѣнѣ своему князю, покупку княжествъ у разорившихся князей или договоръ о союзѣ, гарантированный княжествомъ союзника, иногда съ предоставленіемъ и купленнымъ и безденежно поддавшимся князьямъ нѣкоторой судебной и административной автономіи въ ихъ княжествахъ, наконецъ сманиваніе мелкихъ православныхъ князей Сѣверской земли изъ-подъ литовской католической власти во имя церковной солидарности. Дѣло пошло успѣшно не столько по замысловатости и разнообразію пріемовъ, сколько по впечатлѣнію, какое оно производило на населеніе сѣверной Руси. Это населеніе, къ половинѣ XV в. сложившееся въ плотное великорусское племя, здоровое, выносливое и смышленное, представляло готовую національную основу для политическаго объединенія Великороссіи. Сложившись среди внѣшняго порабоженія и внутреннихъ неурядицъ, это племя съ высшимъ духовенствомъ во главѣ искало или ждало центра, около котораго могло бы собрать свои силы для выхода изъ тяжкаго положенія. И какъ только почувствовалось присутствіе въ Москвѣ силы, способной стать такимъ средоточіемъ, всѣ, въ комъ еще теплилась мысль о единствѣ разбитой Русской земли, обратились въ ту сторону, всѣ замиравшія національныя надежды ухватились за великаго князя московскаго, какъ носителя этой мысли, и понесли московорѣцкаго вотчинника на высоту національнаго всероссійскаго государя. Такъ создавалась нравственная основа политическихъ успѣховъ великаго князя московскаго.

На этомъ двойномъ основаніи, національномъ и нравственномъ, строилось Московское великорусское государство. Все, что обладало властью по удѣламъ, мѣстные князья и бояре собрались подъ державной рукой Московскаго государя и вмѣстѣ со старымъ московскимъ боярствомъ образовали правительственный классъ объединенной Великороссіи. Самъ этотъ государь московскій, ставъ княземъ русскихъ князей и дѣйствуя теперь на расширенной политической сценѣ, украсилъ свой авторитетъ новыми

орнаментами, заимствованными изъ туземныхъ и стороннихъ источниковъ. Почувствовавъ себя властителемъ Великой Россіи, онъ сталъ зваться государемъ *всѣя Руси* и притомъ государемъ Божіей милостью. Послѣ паденія Византіи и женитьбы Іоанна III на царевнѣ Софьѣ въ московской публицистикѣ стала разрабатываться теорія третьяго Рима, т.-е. мысль, что Москва—преемница Византіи, а московскій государь, въ удѣльное время считавшійся стольникомъ византійскаго двора, теперь сталъ наслѣдникомъ церковныхъ и политическихъ прерогативъ погибшихъ византійскихъ императоровъ. Согласно съ этой теоріей, со времени спаденія татарскаго ига московскій государь усвоилъ себѣ титулы, выражавшіе идею высшей политической власти на землѣ, титулы *цесаря* (царя) и *самодержца*. Въ видѣ историческаго оправданія этой теоріи составлена была новая царственная генеалогія, по которой дажекій лѣтописный предокъ московскихъ государей князь Рюрикъ приходился прямымъ потомкомъ въ 14-мъ колѣнѣ Августу, кесарю римскому, и даже сочинена была особая официальная лѣтопись, во главѣ которой поставлено цѣлое сказаніе о томъ, какъ византійскій царь Константинъ Мономахъ, побѣжденный русскимъ великимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ, прислалъ ему вѣнецъ съ своей головы, «Мономахову шапку», со многими другими царскими подарками, и просилъ у него мира и любви, чтобы все православіе въ покоѣ пребывало «подъ общую властію нашего царства и твоего великаго самодержавства великія Руси». Это совѣстное византійско-русское руководство православнымъ міромъ съ паденіемъ Византіи само собою превращалось въ исключительное право всемірнаго представительства православія русскимъ государемъ — чистая политическая теорія, съ наивно-беззащитными анахронизмами облеченная въ историческія лица и небывалыя событія.

Всѣ эти украшенія власти съ соответствовавшей имъ новой символикой, съ двуглавыми орлами, съ шапкой и бармами Мономаха, съ длиннымъ и широкимъ царскимъ опашнемъ, похожимъ на іерейскую ряску, и съ наперснымъ крестомъ на золотой цѣпи были историческія предвосхищенія или политическія притязанія—не болѣе. У московскаго государя въ началѣ XVI в. недоставало еще многого, чтобы реализовать эти притязанія въ политическія полномочія или прерогативы. Но они, эти притязанія и символы, поднимали его политическое самосознаніе, приучали его держать болѣе торжественную фізіономію, озаряли заимствованнымъ свѣтомъ его доморощенный довольно тусклый авторитетъ. Отраженный отблескъ этого свѣта, конечно, падалъ и на новое сборное боярство московскаго государя: и оно получило видъ пресвѣтлаго всероссійскаго синклита, становилось сонмомъ «сильныхъ во Израилѣ», какъ величаетъ его кн. А. М. Курбскій.

Исторически-реальная, юридическая основа, по которой выводились эти новыя украшенія власти, оставалась прежняя, удѣльная. Она состояла въ томъ, что государство московскаго государя считалось его вотчиной, личной наслѣдственной его собственностью, было для него не обществомъ, а хозяйствомъ, которымъ онъ владѣлъ во имя личнаго и династическаго ин-

тереса, а не общего блага, потому что общество, свободное населеніе княжества, и не входило въ юридическій составъ этого вотчиннаго владѣнія: предметомъ его служила собственно территорія княжества, квадратныя мили, сперва какія-нибудь двѣ-три сотни, изъ которыхъ состоялъ Московскій удѣль въ концѣ XIII в., а потомъ нѣсколько десятковъ тысячъ, сколько ихъ заключала въ себѣ Великороссія въ началѣ царствованія Грознаго, со всѣми угодами полевыми, луговыми, водными, лѣсными и другими. Свободные обыватели княжества находились во временныхъ добровольныхъ, а не въ постоянныхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ князю: служилые люди, «бояре и слуги вольные», служили князю по личному договору, люди тяглые, городскіе и сельскіе, снимали у него землю, городскія мѣста или земельные участки, на мѣстныхъ условіяхъ; тѣ и другіе работали, служили или платили князю, какъ хозяину, и пока служили или платили ему, подлежали его власти, какъ правителя, подчинялись законамъ княжества, но если хотѣли, могли покинуть его княжество, чтобы вступить въ подобныя же отношенія къ другому князю. Это были отношенія гражданскія, а не политическія, отношенія наемниковъ или сѣмщиковъ къ хозяину, а не подданныхъ къ государю. По общему праву древней Руси, въ обязательной, подданической зависимости отъ князя стояли только его дворовые холопы, а такіе холопы были не только у владѣтельныхъ князей, но и у простыхъ землевладѣльцевъ. Такая зависимость устанавливалась, между прочимъ, поступленіемъ свободного человѣка въ личное дворовое услуженіе «безъ ряду», безъ особаго договора, ограждавшаго личную свободу двороваго слуги, или женитьбой свободного человѣка на чужой рабѣ безъ такого же предохранительнаго рада.

Такъ удѣльное княжество сложилось по юридическому типу частной землевладѣльческой вотчины, и другого склада не знало тогда личное землевладѣніе ни княжеское, ни частное. Когда Московское княжество посредствомъ присоединеній разрослось въ великорусское государство, это государство стало такою же династической вотчиной московскаго государя, какою было первоначальное удѣльное ядро, около котораго собралось оно. Новыя политическія понятія, внушенные умомъ этимъ собраніемъ Великороссіи, о національномъ государственномъ союзѣ во имя общаго блага, о всероссійскомъ государѣ Божіей милостью, какъ верховномъ блюстителѣ этого блага, о царѣ православномъ, всемірномъ представителѣ православія, — всѣ такія понятія пока составляли только высшій, какъ бы сказать, праздничный порядокъ мышленія, надобившійся, когда хотѣли взглянуть на положеніе дѣлъ возвышеннымъ взглядомъ отъ Писанія или когда въ дипломатическихъ переговорахъ нужно было дать почувствовать недругу, сколько серьезны и обдуманны требованія, кои ему предъявляются. Эти новыя понятія еще не получили такой практической разработки, которая позволяла бы ввести ихъ въ ежедневный житейскій оборотъ, въ дѣйствующее право. Будничныя отношенія строились еще по старымъ удѣльнымъ, вотчиннымъ нормамъ.

Однако, примѣненіе этихъ старыхъ нормъ при столь измѣнившихся условіяхъ приводило къ новостямъ, неожиданнымъ для обѣихъ сторонъ, какъ для московскаго хозяина, такъ и для его новыхъ знатныхъ слугъ. Когда съ половины XV в., вслѣдствіе быстраго поочереднаго присоединенія великихъ и удѣльныхъ княжествъ ярославскихъ, ростовскихъ, тверскихъ, рязанскихъ и другихъ, ихъ князья и бояре стали толпами поступать на московскую службу, ихъ принимали здѣсь уже не по личному договору съ каждымъ, а по ихъ «челобитью» и по общему правилу или, какъ послѣ выражались акты царя Іоанна, по «уложенію отца и дѣда нашего». Такъ титулованные и простые слуги московскаго государя очутились въ положеніи людей, вступившихъ въ дворовое услуженіе «безъ ряду», т.-е. въ положеніи государевыхъ холоповъ, какъ и стали они зваться на служиломъ московскомъ языкѣ, въ своихъ обращеніяхъ къ государю. Рѣдко кому, кто успѣвалъ выговорить себѣ особыя льготныя условія, дозволялось въ знакъ отличія болѣе мягкое и почетное званіе «государева слуги». Эта перемѣна почувствовалась тѣмъ болѣе, что отъѣхать изъ Москвы стало некуда: князей равносильныхъ и равноправныхъ московскому не стало на Руси, а отъѣздъ въ Литву или къ своему уцѣлѣвшему удѣльному князю, волоцкому или старицкому, преслѣдовался, какъ измѣна. Другое затрудненіе почувствовалось нѣсколько позднѣе въ самомъ государевомъ дворцѣ, именно на женской его половинѣ. Пока бояре и вольные слуги служили владѣтельнымъ князьямъ по договору, князья женились на ихъ дочеряхъ и выдавали за нихъ, какъ за вольныхъ людей, своихъ сестеръ и дочерей. Но когда служилые московскіе люди стали въ положеніе безрядной и безотъѣздной служки и получили званіе государевыхъ холоповъ, то и другое стало нравственно-предосудительно и даже юридически-затруднительно, потому что древне-русское право гласило: *по рабъ холопъ и по холопу раба*. Съ однимъ изъ этихъ затрудненій, съ женитьбой на подданной, на холопкѣ, справились съ помощью юридической фикціи усыновленія: невѣсту царя или царевича брали во дворецъ, «нарекали царевней» и отдавали сестрамъ или родственницамъ жениха «на соблюденіе» до свадьбы. Такимъ образомъ нареченная царевна отрѣшалась отъ своей холопшей родни, становилась юридически чужда ей, въ знакъ чего ея отцу перемѣняли имя. Все это было легко сдѣлать, такъ какъ дѣвица по самой природѣ своей предназначалась стать отрѣзаннымъ ломтемъ для своей семьи. Сложнѣе было другое затрудненіе, постигшее природныхъ московскихъ царевенъ: какъ было ихъ выдавать за подданныхъ, не дѣлая холопками? Впрочемъ, въ XVI в. это затрудненіе чувствовалось слабо: одна дочь великаго князя Ивана III, не нашедшая себѣ заграничнаго владѣтельнаго жениха, еще успѣла выйти за русскаго князя В. Д. Холмскаго, изъ бывшихъ удѣльныхъ тверскихъ князей, который уже служилъ ея брату вел. кн. Василию, но могъ считаться владѣтельнымъ хотя по рожденію, а послѣднія три государя старой династіи не оставляли послѣ себя дочерей. Затрудненіе обострилось въ XVII в., когда два первые царя новой династіи оставили послѣ

себя помногу дочерей. Выдать царевну за подданного значило отдать ее въ холопство: *по холопу раба*. Ввести жениха въ царскую семью посредствомъ фикціи «нареченія» было едва ли возможно юридически и совсѣмъ небезопасно политически: необычно было невѣстѣ давать званіе жениху; жениха нельзя было оторвать отъ его рода, какъ отрывали невѣсту, а надо было чрезъ него приобщить его родъ къ фамиліи невѣсты, т.-е. обсажать династію сосѣдями и подсосѣдками. Такъ политика обрекала московскихъ царевенъ, не находившихъ себѣ заграничныхъ жениховъ, на вѣчное дѣвичество; дворцовый теремъ, гдѣ онѣ укрывали отъ мірскихъ глазъ свои не покрытыя никакой головы, становился для нихъ обителью, изъ которой былъ дозволенный выходъ только въ настоящій монастырь — тяжелая жертва царственныхъ дочерей самодержавію отцовъ. Впрочемъ, и облегченная фикціей женитьба на подданной нравственно вовсе не сближала династій съ окружающей средой. Создавалась при дворѣ знать кнѣи, ненавистная родословному боярству, являлись временщики царицыной половины. Известно, сколько придворныхъ дрызгъ и политическихъ интригъ вышло изъ этого источника въ XVI и XVII вв.

Итакъ «сильные во Израилѣ» очутились московскими холопами. Вокругъ престола прошелъ глубокій ровъ не меньше тогдашняго кремлевскаго, далеко отбросившій отъ государя его ближайшихъ сотрудниковъ, съ которыми онъ по стародавнему обычаю русскихъ государей привыкъ дѣлить свои думы, скорби и радости, успѣхи и неудачи. Вел. кн. Дмитрій Донской въ предсмертномъ прощаніи съ своими нетитулованными совѣтниками, простыми боярами, говорилъ имъ, что они назывались у него не боярами, а князьями его земли. А сынъ и внукъ правнука этого великаго князя заставили писаться холопами настоящихъ, природныхъ князей, близкихъ потомковъ такихъ же властителей Русской земли, какими были Донской и его ближайшіе предки. Но возникалъ вопросъ: какъ же и о чемъ думать съ холопами и можно ли съ ними строить землю? А между тѣмъ московскому государю больше не съ кѣмъ было думать и строить. Къ началу царствованія Іоанна Грознаго московское боярство въ своемъ новомъ составѣ заняло прочное и вліятельное положеніе въ государствѣ. Это былъ единственный классъ въ русскомъ обществѣ, съ которымъ государь могъ править своимъ государствомъ, — классъ привычный къ власти, съ политическими навыками и преданіями, и которому привыкли повиноваться. При своемъ сбродномъ составѣ онъ страдалъ, какъ это оказывалось не разъ, недостаткомъ нравственного единодушія. Но мѣстничество сообщало ему насильственную плотность, механическую солидарность. Родословныя и разрядныя книги каждому указывали опредѣленное мѣсто въ правительственной іерархіи; мѣстническая ариметика учетомъ генеалогическаго и служебнаго старшинства непререкаемо подавляла притязанія личныхъ заслугъ и талантовъ; мѣстническая дисциплина сдерживала капризъ и фаворъ сверху, ненависти и честолюбія снизу. Всякій день являясь на поклонъ къ государю, бояре испытывали, какъ беззащитенъ и униженъ каждый изъ нихъ, какъ

лицо, и вмѣстѣ чувствовали, какъ необходимы и сильны всѣ они, какъ классъ. Антагонизмъ обѣихъ сторонъ ощущался тѣмъ острѣе, что чувства и отношенія, разошедшіяся такъ далеко, шли изъ одного и того же источника. Этимъ общимъ источникомъ вражды было московское объединеніе Великороссіи. Чѣмъ успѣшнѣе шло это объединеніе, тѣмъ больше поднимался московскій князь на высоту національнаго государя, тѣмъ больше собиралось вокругъ него родовитыхъ, притязательныхъ и раздраженныхъ слугъ, и чѣмъ больше московскій князь поднимался на высоту національнаго государя, тѣмъ глубже унижалъ ихъ и тѣмъ больше въ нихъ нуждался.

Возможно ли было сближеніе столь разошедшихся сторонъ? Была примиряющая область, но слишкомъ высокая для обѣихъ сторонъ: это — совмѣстное служеніе общему отечеству, Русской землѣ, дружная работа надъ всенароднымъ благомъ. Бѣда была въ томъ, что ни у той, ни у другой стороны не было общаго отечества. Московскіе государи, назвавшись государями «всѣя Руси», видѣли въ этой «всей Руси» не свое отечество, а только свою расширенную на всю Русь московскую вотчину. Самый умный и наиболѣе размышлявшій изъ нихъ царь Іоаннъ Грозный однажды обмолвился же несообразительно, что онъ не считаетъ себя русскимъ, что предки его были нѣмцы. Еще труднѣе давалась мысль о русскомъ отечествѣ московскимъ боярамъ. Воспитанные въ удѣльныхъ преданіяхъ и привычкахъ и ставъ во главѣ управленія объединенной Великороссіей, они прежде всего посмотрѣли на нее, какъ на свой коллективный удѣлъ, на управление ею, какъ на источникъ своихъ кормленій. Даже оффиціальныи московскій лѣтописецъ, рассказывая о томъ, какъ царь вскорѣ по завоеваніи Казани, уѣзжая къ Троицѣ, велѣлъ боярамъ безъ себя обсудить мѣры для устройства новозавоеваннаго царства, да и о кормленіяхъ подумать, при своей обязательной сдержанности не то съ ироніей, не то съ огорченіемъ прибавляетъ, что бояре, утомленные такимъ великимъ подвигомъ завоеванія Казани, не смогли завершить дѣла малымъ подвигомъ ея устроенія, но возжелавъ богатства, поспѣшили начать съ вопроса о кормленіяхъ, а «казанское строеніе» поотложили. Грубые и хищные, лишенные гражданскаго чувства, они понимали только свое мѣстническое «отечество», свое счетоводство предковъ, больше всего боялись уступить другъ другу лишній шагъ по службѣ и только въ этомъ полагали свою фамиліную «честь», ради которой готовы были жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, не только общественнымъ благомъ, но и своей жизнью, упрямо твердя одно: «хотя царь велитъ мнѣ и голову отсѣчь, а мнѣ подъ тѣмъ (соперникомъ) не сидѣть». Тѣ изъ нихъ, кому удавалось отвѣдать польской вольности, оглядывались на свою «Свято-русскую землю», какъ они ее величали, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, какъ на «землю лютыхъ варваровъ». Въ малолѣтство Грознаго они ярко проявили свое гражданское одичаніе, внутреннее разьединеніе и взаимное озлобленіе при видимой корпоративной и партійной сплоченности, свое равнодушіе къ общественнымъ интересамъ и свою неспособность править государствомъ безъ властнаго руководителя. Только сильная и же-

стокая рука могла обуздывать эту одичалую толпу и направлять ее къ цѣлямъ общаго блага. Они работѣнно подчинялись такой рукѣ и ненавидѣли династію, которой служили, называя ее «издавна кровопійственнымъ родомъ». Такъ обоюдусторонними усиліями создавалось положеніе, невыносимое для обѣихъ сторонъ. Государь не довѣрялъ своимъ боярамъ, унижалъ ихъ и былъ бы безъ нихъ, какъ безъ рукъ. Бояре ненавидѣли своего государя и безъ него перерѣзали бы другъ друга. Обѣ стороны не знали, ни какъ ужиться другъ съ другомъ, ни какъ обойтись другъ безъ друга, и трудно было сказать, что плотнѣе срослило ихъ одну съ другой, взаимная ли нужда, или взаимная вражда. Ни та, ни другая сторона, повидимому, не чувствовала такого положенія, пока оно складывалось, и обѣ не могли придумать, какъ выйти изъ него, когда его почувствовали.

Случилось такъ, что обѣимъ сторонамъ открылась возможность высказаться и поспорить откровенно и непринужденно, на разстояніи, безопасномъ для нападавшей стороны, и въ промежутокъ времени, достаточный для стороны защищавшейся, чтобы обдумать свою защиту. Бѣжавшій въ Литву бояринъ кн. А. М. Курбскій, одинъ изъ лучшихъ бояръ Іоанна Грознаго и самыхъ близкихъ къ нему, написалъ изъ чужбины укоризненное письмо своему покинутому царю; обиженный и раздраженный царь отвѣчалъ бѣглецу. Завязалась переписка, продолжавшаяся съ большими перерывами лѣтъ 16. Опуская обоюдныя жалобы и упреки, сопоставимъ основныя мысли обонхъ корреспондентовъ, которыя они готовы были отстаивать во что бы то ни стало, хотя высказывали ихъ не всегда полно и прямо, особенно кн. Курбскій, намеки котораго, прикрытые политическими укоризнами и личными жалобами, поясняются другимъ его произведеніемъ, *Исторіей* Іоанна Грознаго, гдѣ авторъ прямѣе выражаетъ свои общія политическія и историческія сужденія. Но царь понималъ его намеки, словно читалъ эту *Исторію*, написанную много лѣтъ позднѣе его перваго отвѣтнаго посланія къ князю, и отвѣчаетъ прямо на его затаенныя мысли. Запасъ этихъ основныхъ мыслей не особенно обиленъ у того и другого и не вполне вскрываетъ ихъ взгляды на положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ и его происхожденіе, на то, что оба находили въ немъ неправильнымъ, и на средства исправленія. Князь стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что нормальный государственный порядокъ можетъ быть основанъ не на личномъ «самовластіи» царя, а на участіи «синклита», боярскаго совѣта въ управленіи. Напоминая царю въ своей *Исторіи* бѣдствія, какими по Писанію каралъ Богъ царей, не слушавшихся своихъ совѣтниковъ, кн. Курбскій обращается къ нему съ такими словами: или ты забылъ, что принесло Давидово «непослушаніе сиклитскаго совѣта?» едва не погибъ весь Израиль и только покаяніемъ и слезами царь предотвратилъ бѣду. Царю подобаетъ быть главой, а мудрыхъ совѣтниковъ своихъ любить «яко свои уды»: такъ выражаетъ Курбскій правильныя, благочинныя отношенія царя къ боярамъ. Царь стоитъ въ другомъ кругу идей, на точкѣ зрѣнія московскаго вотчинника-хозяина: для него не существуетъ мудрыхъ и свободныхъ со-

вѣтниковъ, никакого «сингклита», а есть только люди, служащіе при его дворѣ «безъ ряду», значить, дворовые холопы. Онъ живо почувствовалъ основной мотивъ, направлявшій перо его противника, и отвѣчаетъ не только на отдѣльныя выраженія его письма, но и на весь политическій образъ мыслей боярства, защитникомъ котораго выступилъ кн. Курбскій. Вѣдь ты,—пишетъ ему царь,—твердишь въ своей бѣсосоставной грамотѣ все одно и то же, переворачивая «разными словесы», и такъ и этакъ, любезную тебѣ мысль, чтобы рабамъ помимо господъ обладать властью,—хотя въ письмѣ Курбскаго ничего этого не было написано. Мысль эта больше всего и возмущаетъ царя. Задѣтый за живое неучтивымъ началомъ первой «эпистолѣи» бѣглаго боярина, обращенной къ «царю, Богомъ препрославленному и въ православіи пресвѣтлымъ явившемуся, а нынѣ по грѣхамъ нашимъ противнымъ сему оказавшемуся и совѣсть прокаженную имущему, какой не найдешь и у безбожныхъ народовъ», царь возбужденно возражаетъ: «Нѣтъ, это вы подобно бѣсамъ отъ юности моей поколебали благочестіе и отъ Бога данную мнѣ чрезъ родителей моихъ державную власть себѣ похитили. Это ли «совѣсть прокаженная», чтобы свое царство въ рукѣ своей держать, а рабамъ своимъ не давать властвовать? это ли противно разуму—не хотѣть быть обладаемому своими рабами? это ли «православіе пресвѣтлое»—быть подъ властію рабовъ?» Все *рабы* и *рабы* и никого больше кромѣ *рабовъ*, и отвѣчая на вопросъ Курбскаго, за что царь побилъ сильныхъ во Израилѣ и Богомъ дарованныхъ воеводъ предавъ различнымъ смертямъ, онъ пишетъ, что сильныхъ во Израилѣ онъ не побивалъ и не знаетъ, кто кого сильнѣе во Израилѣ, а знаетъ одно, что «земля правится Божиимъ милосердіемъ и родителей нашихъ благословеніемъ, а потомъ нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами, а что воеводъ своихъ предавали мы различнымъ смертямъ, такъ съ Божіей помощью у насъ множество воеводъ и безъ васъ измѣнниковъ, а жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же»: въ такой простѣйшей формулѣ выразилъ онъ свое отношеніе къ своимъ совѣтникамъ. Столь же непримиримы и взгляды обоихъ на происхожденіе московскаго государственнаго порядка съ «прегордымъ царскимъ величествомъ» во главѣ, по выраженію Курбскаго. Послѣдній видитъ въ этомъ порядкѣ только хищническое дѣло «издавна кровопійственнаго рода» московскихъ князей, у которыхъ «давній обычай желать крови своихъ братій и губить ихъ ради ихъ убогихъ и окаянныхъ вотчинъ по своей ненасытности». Царь Іоаннъ только довершилъ начатое его отцомъ и дѣдомъ ограбленіе своихъ родичей князей, идущихъ отъ общаго предка св. Владиміра. Царь Іоаннъ, напротивъ, начинаетъ свое первое письмо торжественнымъ и рѣшительнымъ заявленіемъ, что самодержавство почалось отъ св. Владиміра и отъ великаго царя Владиміра Мономаха и чрезъ ихъ преемниковъ, чрезъ его дѣда и отца дошло до него, смиреннаго скипетродержца Русскаго царства, что онъ родился и выросъ на царствѣ, своимъ обладаетъ, а не чужое похитилъ; русскіе самодержцы,—

пишетъ онъ далѣе,—изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. И царь Іоаннъ подобно Курбскому черезъ все свое длинное—предлинное первое посланіе проводить одну и ту же идею, одно слово, по его собственному признанію, оборачиваетъ «сѣмо и овамо», то на ту, то на другую сторону. Всѣ его политическія идеи сводятся къ одному идеалу, къ образу самодержавнаго царя, не управляемаго ни «попами», ни «рабами». «Какъ же самодержецъ наречется, аще не самъ строить?» Многовластіе—безуміе. Самодержавіе для Іоанна не только нормальный, свыше установленный политическій порядокъ, но и истинный фактъ нашей исторіи, идущій изъ глубины вѣковъ. Свойства, требуемыя отъ самодержца, многоразличны, назначеніе его возвышенно и многосложно. Онъ долженъ быть осмотрительнымъ, не имѣть ни звѣрской ярости, ни безсловеснаго смиренія, долженъ карать татей и разбойниковъ, пресѣкать стропривое житіе и междоусобіе, отъ него разрушаются государства, долженъ даже учить богопознанію, быть по обстоятельствамъ и милостивымъ, и жестокимъ, милостивымъ къ добрымъ и жестокимъ къ злымъ—не то онъ и не царь. «Царь—гроза не для добрыхъ, а для злыхъ дѣлъ; хочешь не бояться власти?—дѣлай добро, а дѣлаешь зло—бойся, ибо не зря носить онъ мечъ, а для кары злыхъ и для ободренія добрыхъ».

Кн. Курбскій, конечно, не хуже царя зналъ эти катихизическія истины. Однако тотъ и другой спорщикъ вышелъ изъ спора съ убѣжденіемъ въ своей правотѣ — знаютъ, что оба плохо понимали другъ друга и ни на чемъ не могли помириться. Іоаннъ видѣлъ въ торжественно-патетическомъ изложеніи Курбскаго боярское коварство, политическое «злобѣсіе» и анархію, а Курбскому эта нервная и бойкая, словообильная и иногда до софизма изворотливая діалектика царя, переносившая его мысль отъ возвышенныхъ библейскихъ образовъ прямо къ мелочнымъ дразгамъ придворной московской жизни, казалась, по его выраженію, неистой бабьей болтовней, исполненной «глупства и безумія». Но въ разгарѣ спора былъ моментъ, когда мысли обоихъ противниковъ, обращенныя въ столь различныя стороны, встрѣтились. Кн. Курбскій въ своихъ письмахъ кололъ глаза царю затрудненіемъ, въ какое тотъ поставилъ себя, перебивъ и разогнавъ сильныхъ во Израилѣ и богоданныхъ воеводъ, благородныхъ и искусныхъ стратилатовъ, и оставшихся во время войны съ одними худородными людьми, съ «калѣками», изъ которыхъ онъ силится набирать своихъ новыхъ «воеводишекъ», пугающихся не только появленія непріятеля, но и шелеста листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. Царь подиѣтилъ эту любовь кн. Курбскаго къ библейскимъ образамъ и сравненіямъ равно и его наклонность представлять свою боярскую братію какимъ-то избраннымъ племенемъ, на которомъ почіетъ особое благословеніе, и пародируя противника, бросилъ ему въ глаза горькія слова: «Когда бы вы были чада Авраама, то и дѣла творили бы Авраамовы; вѣдь можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Итакъ оба договорились до смѣны одного правящаго класса другимъ; только князь-бояринъ видѣлъ въ этомъ бѣд-

ствіе, уже постигшее Русскую землю, а царь взглянул на это, какъ на чудо, имѣющее въ ней совершиться.

Спорившія стороны оставили спорный вопросъ нерѣшеннымъ; но его рѣшилъ жестокій ходъ событій. Въ тому вело самое свойство отношеній, въ какія сталъ московскій государь къ своему боярству въ его новомъ составѣ. Въ основѣ политическаго положенія этого боярства лежала дипломатическая сдѣлка: московскій государь принималъ къ себѣ своихъ побѣжденныхъ противниковъ въ качествѣ своихъ вѣрныхъ слугъ. Эта неискренняя сдѣлка временно мирила столкнувшіяся силы. Но это примиреніе готовило новое столкновеніе. Верховная власть снисходительно щадила и порой даже баловала притязанія боярства, чтобы оно не мѣшало ея дальнѣйшему возвышенію. Правда, власть еще болѣе возвысилась, но и притязанія усилились, когда разсѣянные по удѣламъ безсильные завистники составили сплоченный вокругъ московскаго престола крамольный скопъ,— и косившіеся другъ на друга противники стали непримиримыми врагами, вопіявшими на небо объ отомщеніи: «избѣнные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ, заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли къ Богу вошемъ день и ночь», писалъ царю кн. Курбскій. Худшій способъ мстить врагамъ — дѣлать ихъ мучениками. Тогда обѣ стороны поступили и неосмотрительно, и неправдиво. Царь рѣшился истребить строптивое боярство и далъ ему почувствовать свою необдуманную рѣшимость, хотя и могъ знать, что не сумѣетъ этого сдѣлать. Боярство хотѣло подчинить царя своимъ притязаніямъ и своими необдуманными кознями погубило династію, а съ нею едва не погубило и всего государства, но и само погибло, какъ правящій классъ.

Оно сошло съ исторической сцены, не напутствуемое народными сожалѣніями и осмѣянное мужикомъ Шакловитымъ. Извѣстны горькія слова о боярствѣ, сказанныя этимъ выслужившимся изъ крестьянъ пріятелемъ царевны Софьи. Въ 1687 г. онъ подговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну вѣнчаться на царство, увѣряя, что помѣхи ни откуда не будетъ. Тѣ возражали: а патриархъ и бояре? «Патріарха смѣнить можно, отвѣчалъ Шакловитый, а бояре—что такое бояре? это заблое, палое дерево». Но сходя со сцены, московское боярство надолго оставило послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ если не въ самомъ строѣ русской государственной жизни, то въ политическихъ воспоминаніяхъ и привычкахъ. Это былъ единственный въ нашей исторіи классъ, который можно назвать политически-организованнымъ. Основы этой организаціи неспособны вызвать наше сочувствіе: онѣ воспитывали дурныя, даже анархическія чувства и наклонности, фамиліный эгоизмъ, взаимное недовѣріе, равнодушіе къ общему благу, узость политическаго мышленія, правительственную рутинность, кичливость предками, пренебреженіе къ личной заслугѣ и таланту. Эти недостатки и омрачали политическую память о боярствѣ, когда оно уже совсѣмъ пало. Въ обществѣ поднималась тревога всякій разъ, когда въ воображеніи вставалъ призракъ боярства, и любопытно видѣть, какія опасенія возбу-

ждали эту тревогу. Два раза остатки боярства пытались захватить въ свои руки дѣла государства: въ концѣ 1681 г., наканунѣ самой отчѣны мѣстничества, т.-е. законодательнаго разрушенія всей служебной организаціи боярства, оно хотѣло овладѣть областнымъ управленіемъ, предложивъ царю проектъ учрежденія крупныхъ несмѣняемыхъ, пожизненныхъ намѣстничествъ, замѣщаемыхъ «великородными боярами»; въ 1730 г. предпринята была попытка овладѣть центральнымъ управленіемъ посредствомъ олигархически составленнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ первомъ случаѣ боярскій замыселъ былъ разрушенъ патриархомъ, который всѣми силами ополчился противъ проекта, уже одобреннаго самимъ царемъ, указывая на политическія опасности задуманнаго дѣла, на неминуемое разрушеніе единой державы, созданнаго съ такими усиліями, на гордость бояръ, на неизбежный возвратъ удѣльныхъ нестроений и междоусобій, всѣхъ неслыханныхъ бѣдствій, пережитыхъ нѣкогда Русскою землею. Противъ попытки верховниковъ поднялось дворянство. Судя по извѣстнымъ признаніямъ казанскаго губернатора Арт. Волынскаго, дворяне опасались замѣны самодержавной власти постояннымъ господствомъ родовитыхъ временщиковъ, десятка самовластныхъ и сильныхъ фамилій, отъ которыхъ дворянство совсѣмъ пропадетъ, принужденное горше прежняго идолопоклонничать и милости искать; между «главными персонами» дѣло не обойдется безъ счетовъ и раздоровъ, при трусости и наклонности народа къ «похлебству» разовьется угодничество съ пренебреженіемъ общей пользы, образуются партіи, пойдетъ возвышеніе сторонниковъ и гоненіе противниковъ, «кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ» и т. д. Дѣло верховниковъ надолго напугало общество. Однажды поутру въ 1786 г. Екатерина II разговаривалась съ своимъ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ «о страхѣ отъ бояръ» во время Елисаветы Петровны и, остригая себѣ ногти, шутиливо замѣтила рассказчику: «у всѣхъ ножей притуплены концы и колоть не могутъ». Недовѣріе къ гражданскому чувству и политической добропорядочности боярства, соединенное съ убѣжденіемъ въ необходимости сильной единовластной руки, способной его сдерживать, глубоко запало въ русскіе умы и сказывалось давно, уже въ Смутное время, когда этотъ классъ еще держался на своихъ ногахъ. Маскѣвичъ въ своихъ запискахъ объ этомъ времени передаетъ политическіе разговоры, какіе вели поляки съ русскими, уговаривая ихъ соединиться съ польскимъ народомъ, чтобы пріобрѣсти вольность, какою онъ пользовался. «Вамъ дорога ваша воля, — возражали русскіе, — а намъ наша неволя: у васъ не воля, а своеволие, сильный грабить слабого; а у насъ самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина; по первой жалобѣ царь творить судъ и расправу». Какъ будто отъ знатнаго боярина только и можно было ждать однихъ обидъ простымъ людямъ. Такой взглядъ на боярство могъ воспитать нерасположеніе власти пользоваться содѣйствіемъ общественныхъ круговъ, сколько-нибудь сплоченныхъ, наклонность править посредствомъ отдѣльныхъ лицъ. Между тѣмъ въ старинныхъ памятникѣхъ сохранились слѣды если

не любви, то нѣкотораго уваженія къ боярству со стороны общества. Боярина встрѣчали со знаками высокаго почета. Извѣстенъ отзывъ кн. Д. М. Пожарскаго о бояринѣ кн. В. В. Голицынѣ: «если бы теперь такой столпъ былъ здѣсь, за него бы всѣ держались». Не даромъ и дворяне на земскомъ соборѣ 1642 г. называли бояръ своими «вѣчными господами промышленниками», властными и заботливыми попечителями. Такое отношеніе могло быть дѣйствиємъ отдѣльныхъ превосходныхъ людей изъ боярской среды, или слѣдствіемъ привычки общества видѣть во главѣ управленія классъ привычный къ власти, съ политическими преданіями, могло, наконецъ, оправдываться и самими формами политической организаціи боярства. Эти формы, не то что основы, могли пригодиться для общественнаго благоустройства: при надлежащемъ ихъ употребленіи и исправленіи онѣ могли воспитывать чувства корпоративной солидарности и фамилнаго достоинства, сознаніе общественнаго назначенія класса, привычку жертвовать личными интересами въ пользу общихъ, хотя бы сперва только родословныхъ, и вмѣстѣ стать предохранительными средствами отъ обычныхъ золъ политическаго порядка, отъ фавора сверху и искательства снизу. Сквозь тѣсно сомкнутые родословцами и разрядами ряды боярства трудно было прорваться и любимцу, и честолюбцу. Но формы боярской организаціи разрушала сама власть, а основы ея укрѣпляло боярство, и эти двустороннія усилія привели къ тому, что въ «московской трагедіи», какъ называли иностранцы смутное время, верхи общества, народные господа промышленники, сыграли роль едва ли лучше голутвеннаго казачества, пополнявшагося самыми глубокими общественными низами.

В. Ключевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1898 г.

Обнародованъ *всеподданный докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1899 годъ*. Въ роспись на этотъ годъ внесено:

Государственные доходы:

Обыкновенные	1.469.128,203 р.
Чрезвычайные	4.000,000 »

1.473.128,203 р.

Изъ свободной наличности госуд. казначейства . 98.604,443 »

Всего . . . 1.571.732,646 р.

Государственные расходы:

Обыкновенные	1.462.659,233 р.
Чрезвычайные	109.073,413 »

Всего . . . 1.571.732,646 р.

Обыкновенные доходы исчислены на 104.669,986 р. болѣе по сравненію съ прошлымъ годомъ. Увеличеніе ожидается съ таможенныхъ пошлинъ (на 27,3 мил. руб.), отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (20,3 мил.), отъ питейнаго дохода (10,4 мил.), отъ государственнаго промысловаго налога (8,8 мил.), отъ акциза съ сахара, съ казенныхъ лѣсовъ.

Государственные расходы распределяются слѣдующимъ образомъ:

I. Обыкновенные расходы.

1. Платежи по государственному долгу	270.238,086 р.
2. Высшія государственныя учрежденія	2.880,621 »
3. Вѣдомства свѣтѣйшаго синода	21.199,144 »
4. Министерство Императорскаго Двора	12.637,506 »
5. » иностранныхъ дѣлъ	5.314,556 »
6. Военное министерство	323.791,710 »
7. Морское »	83.065,000 »

8. Министерство финансовъ	233.381,888 р.
9. » земледѣлія и государственн. имуществъ	36.980,741 »
10. » внутреннихъ дѣлъ	82.145,703 »
11. » народнаго просвѣщенія	28.761,171 »
12. » путей сообщенія	288.074,712 »
13. » юстиціи	44.944,651 »
14. Государственный контроль	7.459,627 »
15. Главное управленіе государственн. коннозаводства	1.784,117 »

1.442.659,233 р.

16. На расчеты съ военнымъ министерствомъ по заготовленію провіанта и фуража въ 1898 году	4.000,000 »
17. На случай возвышенія стоимости провіанта и фуража въ 1899 году	4.000,000 »
18. Расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности	12.000,000 »

Итого обыкновенныхъ расходовъ . . . 1.462.659,233 р.

Превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами . . . . . 6.468,970 »

II. Чрезвычайные расходы.

19. На сооруженіе Сибирской желѣзной дороги, безъ подвижнаго состава	27.154,350 р.
20. На вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской желѣзной дороги	3.706,256 »
21. На сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ	24.777,782 »
22. На приобрѣтеніе подвижнаго состава для Сибирской и другихъ желѣзныхъ дорогъ	46.864,525 »
23. На досрочную уплату капитала по облигаціямъ нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ	6.570,500 »

Итого чрезвычайныхъ расходовъ . . . 109.073,413 р.

Всего . . . . . 1.571.732,640 р.

Итакъ, болѣе четверти всего бюджета расходуется на армію и флотъ, на уплату по государственнымъ долгамъ идетъ колоссальная сумма въ 270 мил. руб., расходы по министерству финансовъ увеличились сравнительно съ прошлымъ годомъ на 22.000,000 руб. (по министерству народнаго просвѣщенія на 2.250,000 руб.). Знаменательнымъ является и слѣдующее обстоятельство: прямые налоги исчислены на наступившій годъ въ 113.554,631 руб., а косвенные уже приближаются къ шестистамъ милліонамъ (591.374,700 руб.) *). Изъ производительныхъ расходовъ должно тѣмѣннть значительное возрастаніе по министерству путей сообщенія.

Г. министр финансовъ вполне доволенъ результатами проведеннаго

---

*) Къ нимъ слѣдуетъ добавить и 75.807,757 руб. пошлынъ.

нмъ преобразованія нашей монетной системы. По словамъ отчета, опасенія отлива золота за границу не оправдались. «Выпущенные въ обращеніе кредитные билеты,—говоритъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте,—обезпечены у насъ металлическимъ покрытіемъ значительно строже, нежели билеты въ иностранныхъ эмиссионныхъ банкахъ. А именно, согласно нашему закону, при выпускѣ кредитныхъ билетовъ на сумму 600 мил. руб. золотое обезпеченіе не можетъ быть менѣе 300 мил.; сверхъ 600 мил. руб. билеты покрываются золотомъ рубль за рубль. На основаніи этого закона 683 мил. руб. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, долженъ соотвѣтствовать золотой запасъ въ 383 мил. руб. Между тѣмъ сумма золота государственнаго банка (не говоря даже о золотѣ государственнаго казначейства, 140 мил. руб.) превышаетъ эту норму на 623 мил. руб. Изъ этихъ данныхъ ясно видно, насколько неосновательны опасенія утлыва золота въ степени, угрожающей прочности размѣна билетовъ».

Какъ читатели знаютъ, *Русская Мысль* выступала на защиту, для нашего отечества, биметаллизма; но мы знаемъ, что въ рукахъ русскаго министра финансовъ находятся сильныя средства, чтобы задержать отливъ нашего золота за границу, и искренно порадуемся, если реформа нашего денежнаго обращенія можетъ послужить на благо родины.

Очень оптимистически смотритъ всеподданнѣйшій отчетъ и на благоприятныя послѣдствія казенной продажи водки. «Свѣдѣнія начальниковъ губерній, въ которыхъ уже введена государственная монополія, сообщаетъ г. министръ финансовъ,—а также свѣдѣнія, полученныя министерствомъ финансовъ отъ представителей высшей духовной власти, дворянскаго сословія, земскаго и городского общественнаго управленія, почти единогласно указываютъ на оздоровляющее дѣйствіе реформы. Улучшеніе качества вина, значительное сокращеніе числа мѣстъ распивочной продажи, введеніе однообразной цѣны при отпускѣ вина какъ крупною, такъ и мелкою мѣрою, устраненіе возможности пріобрѣтать крѣпкіе напитки иначе, какъ за наличныя деньги, и другія выгодныя стороны выдѣлки и продажи питей распоряженіемъ казны—оказали уже на дѣлѣ свое полезное вліяніе. Пьянство замѣтно уменьшилось: разгулъ съ неизбѣжными его проявленіями уступилъ мѣсто болѣе равномерному потребленію вина; число противозаконныхъ дѣяній, совершаемыхъ подъ воздѣйствіемъ опьяненія, сократилось. Но значеніе реформы не ограничивается охраненіемъ здоровья и доброй нравственности населенія: она вліяетъ благотворно и на матеріальныя силы народа. Это подтверждается увеличеніемъ поступленія въ казну государственныхъ доходовъ и приливомъ народныхъ средствъ въ сберегательныя кассы, замѣчаемыми въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (Пермской, Уфимской, Самарской и Оренбургской) въ періодъ, слѣдовавшій за введеніемъ въ нихъ казенной продажи питей».

Упомянувъ о тяжеломъ для многихъ мѣстностей неурожаѣ прошлаго года, статсъ-секретарь С. Ю. Витте утверждаетъ, что «событія послѣднихъ лѣтъ еще болѣе утвердили министра финансовъ въ прежнемъ его убѣ-

жденіи, что при существующихъ нынѣ условіяхъ хозяйственнаго быта русскаго крестьянства главнѣйшимъ опредѣлителемъ его хозяйственнаго положенія является количественный результатъ урожая, зависимость же отъ состоянія хлѣбнаго рынка чувствуется имъ несравненно слабѣе».

Г. министръ финансовъ прибавляетъ однако, что какого бы ни придерживаться взгляда на значеніе урожая и рыночныхъ цѣнъ, не здѣсь надо искать рѣшительнаго отвѣта «на основной вопросъ, почему значительная часть нашего земледѣльческаго класса до сихъ поръ не упрочила своего хозяйственнаго быта». Г. министръ финансовъ, признавая благотворность въ этихъ цѣляхъ распространенія народнаго образованія, не придаетъ и этому рѣшающаго значенія. «Хотя обстоятельства экономическаго характера,—читаемъ мы въ отчетѣ,—и уровень народнаго просвѣщенія являются до извѣстной степени причинами, задерживающими упроченіе хозяйства нашихъ крестьянъ, несомнѣнно, на-ряду съ ними должна дѣйствовать другая причина, и притомъ болѣе могущественная, коренящаяся въ самой организаціи хозяйственнаго быта, въ глубинахъ народной экономіи».

Въ чемъ же, наконецъ, заключается наша главная крестьянская бѣда? По мнѣнію министра финансовъ, «причину этой бѣды слѣдовало бы искать въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ. Эта неспредѣленность обусловливается неполнотой законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ—недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ. Въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ крестьянское населеніе руководствуется опредѣленіями, заключающимися въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г., въ извѣстной мѣрѣ—общими гражданскими законами, преимущественно же—мѣстнымъ обычаемъ. Господство обычая, исполнѣ допустимое при простотѣ и несложности гражданскихъ отношеній въ патріархальномъ быту, не можетъ удовлетворить потребностей уже значительно усложнившейся жизни нашего крестьянскаго населенія. Самый обычай весьма часто оказывается неустойчивымъ и нерѣдко толкуется произвольно. Если принять во вниманіе, что обычаемъ этимъ опредѣляются не только частности и подробности, но и самое существо важнѣйшихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, то нельзя не придти къ заключенію, что обычай, безъ установленія точныхъ предѣловъ для его примѣненія и руководящихъ началъ закона, не можетъ служить надежнымъ основаніемъ гражданскихъ отношеній въ сколько-нибудь развивающемся общественномъ быту. Шаткость юридическаго порядка въ крестьянской средѣ усугубляется тѣмъ, что обычай нерѣдко оказывается въ противорѣчій съ закономъ, которымъ руководствуются общія судебныя мѣста при разрѣшеніи подсудныхъ имъ крестьянскихъ дѣлъ, и что гражданскіе законы далеко не соотвѣтствуютъ нуждамъ крестьянства. Отсюда проистекаетъ спутанность юридическихъ понятій народа, еще болѣе усиливается взглядами, которые усвои-

ваются крестьянами во время пребывания на городских заработках въ совершенно иных общегражданскихъ условіяхъ. Кроме того, обязательное отбываніе воинской повинности значительною частью взрослого населенія оказываетъ сильное вліяніе на нашу деревню хотя бы уже тѣмъ, что расширяетъ кругозоръ крестьянина. Совокупность всѣхъ этихъ явленій имѣетъ большое значеніе для экономического строя крестьянской жизни. Основа крестьянскаго быта—домохозяйство, гдѣ элементы личные и имущественныя вылились въ своеобразную форму русской крестьянской семьи; однако такая основа, при отсутствіи регулирующихъ началъ, даетъ часто лишь поводъ къ семейнымъ раздорамъ, распаденію семьи и упадку благосостоянія. Неясность правъ на приобретенное членомъ крестьянскаго двора имущество, обязанностей по отношенію къ домохозяину—ослабляетъ энергію и производительность труда».

По нашему мнѣнію, семейные раздѣлы (и раздоры) являются именно послѣдствіемъ расширенія того «кругозора», о которомъ говоритъ г. министръ финансовъ.

Съ другой стороны, изъ заявленій статсъ-секретаря С. Ю. Витте можетъ вытекать стремленіе къ мобилизаціи крестьянской собственности и къ уничтоженію общиннаго землевладѣнія. Для насъ крестьянская община является однимъ изъ наиболѣе дорогихъ бытовыхъ нашихъ устоевъ, способныхъ къ постоянному улучшенію и къ приспособленію къ новымъ условіямъ сельскохозяйственной техники. Мелкой земельной собственности все труднѣе и труднѣе выдерживать конкуренцію съ крупною, когда на помощь ей приходятъ капиталъ и машины. Результатомъ такого непосильнаго соперничества неминуемо явится обезземеленіе значительнаго количества крестьянъ, экономическій бытъ которыхъ такимъ путемъ, разумѣется, не упрочится.

Наше крестьянское самоуправленіе дѣйствительно нуждается въ улучшеніяхъ, и наиболѣе цѣлесообразнымъ шагомъ въ этомъ отношеніи было бы учрежденіе мелкой земской единицы—всесословной волости. Нашъ уѣздъ очень обширенъ, и живая связь уѣзднаго земства съ населеніемъ не достаточно вѣрка.

Истекшій годъ не представлялъ ничего выдающагося въ законодательномъ отношеніи. Дѣятельно продолжались работы коммиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ, на нѣсколько губерній Европейской Россіи распространены благодѣянія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Подготавливается проектъ введенія земскихъ учреждений въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, но организація этихъ учреждений, судя по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ, очень далека отъ организаціи земскихъ учреждений во внутреннихъ губерніяхъ.

Одна московская газета *) справедливо замѣтила, что характеристическою особенностью политической жизни Россіи въ теченіе многихъ уж

*) *Курьеръ*, 1 января 1899 г.

лѣтъ является борьба двухъ направленій: «одно принимаетъ за исходную точку законодательные акты шестидесятихъ годовъ и старается о дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ новыхъ принциповъ гражданственности, которые лежатъ въ основѣ этихъ актовъ; другое, ему встрѣчное, стремится, наоборотъ, задержать развитіе указанныхъ принциповъ и отстаиваетъ пригодность для современной намъ жизни началъ дореформеннаго быта».

Однимъ изъ плодотворнѣйшихъ началъ, возвращенныхъ русской жизни въ началѣ царствованія Императора Александра II, было начало земское. Мы говоримъ, что оно не создано, а возвращено, потому что никогда сословія не играли у насъ той роли, которую хотятъ имъ придать наши мнимые охранители. Феодализма у насъ никогда не было, наше дворянство постоянно пополнялось купцами, мѣщанами и крестьянами, то же было и съ купеческимъ сословіемъ. Общее, земское дѣло объединяетъ всѣ сословія въ равномѣрной работѣ на пользу государства. Не въ духѣ русской исторіи, чтобы одно сословіе командовало надъ другими; не въ духѣ нашей старой и новѣйшей исторіи и развитіе бюрократизма. Это глубоко понималъ Императоръ Александръ II и его ближайшіе сотрудники. Не даромъ старообрядцы въ своемъ адресѣ Царю-Освободителю (если не ошибаемся, этотъ адресъ редактированъ Катковымъ) говорили, что въ его великихъ преобразованіяхъ старина слышится.

Какъ всегда бываетъ при фальшивой защитѣ фальшиваго дѣла, впередъ съ необычайною развязностью выступила въ печати на защиту сословности, особенно дворянской, сборная команда. Кого только нѣтъ въ рядахъ этихъ сословниковъ! И инородцы, и недоучки, и только что пожалованные въ дворянство,—всего менѣе представителей старинныхъ родовъ. Ихъ нѣтъ, предводители дворянства отрекаются отъ солидарности со сборною командой, такъ что *Гражданинъ* впадаетъ въ меланхолію; но другіе не унываютъ. И въ самомъ дѣлѣ: терять имъ нечего, а приобрести что-либо возможно.

Въ прошломъ году много ожесточенныхъ статей вызвано было образомъ дѣйствій орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, опредѣленно и краснорѣчиво выступавшаго за то, что дворянству подобаешь первая роль въ земствѣ. Въ декабрѣ должны были происходить въ Орлѣ выборы и *Московскія Вѣд.* и *Гражданинъ* не щадили усилій, чтобы убѣдить орловское дворянство забаллотировать этого предводителя. Громаднымъ большинствомъ голосовъ М. А. Стаховичъ былъ избранъ. Тогда въ *Московск. Вѣдомост.* появилась статья, доказывающая, вопреки всѣмъ увѣреніямъ газеты, что это избраніе никакого значенія не имѣетъ, что выборное начало у насъ (увы! и въ дворянскомъ сословіи) никуда не годится... Но если первенствующее сословіе не умѣетъ самоуправляться, какъ же оно будетъ управлять другими сословіями? Само собою разумѣется, что мы въ избраніи г. Стаховича вновь предводителемъ орловскаго дворянства видимъ политическую зрѣлость этого сословія.

Весною прошлаго года въ Пензѣ, гдѣ родился Бѣлинскій, въ столицахъ, во многихъ и многихъ городахъ Россіи торжественно праздновалась память Бѣлинскаго.

Запретное еще въ срединѣ пятидесятихъ годовъ, неблагонамѣренное и опасное имя великаго критика теперь разнеслось по всей Россіи, сочиненія его «пошли въ народъ». Медленно движается маховое колесо русскаго прогресса, но несомнѣнно движается. Каждую четверть вѣка или полстолѣтіе неперемѣнно отмѣчаетъ что-либо очень выдающееся и благотворное. Для личной жизни, для нравственнаго удовлетворенія общественнаго дѣятеля такіе сроки чересчуръ длинны, но слѣдуетъ радоваться и за потомковъ.

Торжества въ честь Бѣлинскаго явились какъ бы введеніемъ въ предстоящія пушкинскія торжества. Вся Россія готовится достойно отпраздновать столѣтіе со дня рожденія своего великаго поэта. Въ печати возникла мысль созвать весною, въ Петербургѣ, общерусскій литературный съездъ. Мысль эта встрѣчаетъ горячее сочувствіе, и естественно, что мы вполне присоединяемся къ ней. Наша литература выросла до мірового значенія, наши величайшіе художники слова оказываютъ могущественное вліяніе на Западъ Европы и въ Америкѣ. Русская публицистика справедливо гордится многими именами и играетъ уже важную роль въ общественной жизни. У нея есть нужды и запросы, ей необходимъ такой же просторъ, время и мѣсто для взаимнаго обмѣна мыслей между ея представителями, которые часто уже даются представителямъ естествознанія, медицины, профессиональныхъ знаній, знатокамъ археологій и т. д. Не посчастливилось у насъ до сихъ поръ только съездамъ юристовъ: болѣе четверти вѣка назадъ въ Москвѣ былъ первый юридическій съездъ, а второго и до сихъ поръ не было.

За послѣдніе годы сильно выросла провинціальная печать. Мы много разъ на это указывали и съ особеннымъ удовольствіемъ это привѣтствуемъ... Безъ извѣстной доли умственной централизаціи обойтись нельзя, но нельзя не порадоваться, что теперь наступаетъ уже отливъ. Петербургъ имѣетъ основаніе, конечно, считать себя *головой*, но постоянное присутствіе своей *головы* все болѣе и болѣе чувствуется и на мѣстахъ, далеко отъ нашего административнаго центра. Само собою разумѣется, что при этомъ соотвѣтственно уменьшается значеніе невской столицы, какъ нашей главной головы. Многія провинціальныя газеты ведутся съ такимъ умнѣнемъ и знаніемъ, что на нихъ приходится ссылаться и столичнымъ изданіямъ. Такъ мысль о пушкинскомъ литературномъ съездѣ была разработана на страницахъ *Нижегородскаго Листка*.

По мѣрѣ оживленія повременной провинціальной печати возрастаютъ для нея и тернія. Общественный контроль для многихъ продолжаетъ быти обиднымъ вмѣшательствомъ и нерѣдки случаи привлеченія газетъ къ судебной отвѣтственности за оскорбленіе и диффамачію путемъ печатанія сомнѣнія, что и печать, въ свою очередь, должна подлежать контролю, и лучшимъ его средствомъ служить, конечно, независимый судъ

Но наше законодательство не удовлетворительно въ этомъ отношеніи. Обвиненіе въ диффамаци, напримѣръ, есть нападеніе вооруженнаго на невооруженнаго. Мы были свидѣтелями возмутительнаго факта, мы знаемъ о другомъ подобномъ же фактѣ отъ безукоризненно честныхъ свидѣтелей; все равно, мы безоружны: у насъ нѣтъ *письменныхъ доказательствъ*. Эта статья нашего кодекса заимствована, но противъ такихъ заимствованій наши мнимые самобытники не возстаютъ. По поводу одного преслѣдованія газеты (докторомъ Гусевымъ) редакторъ неофициальной части *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* выступилъ съ совершенно основательными упреками подобнымъ обвинителямъ: «Въ насъ,—пишетъ онъ,—еще нѣтъ, къ сожалѣнію, ни настоящаго сознанія о значеніи, цѣли и задачахъ печати, ни настоящаго разумія о характерѣ ея дѣятельности и началахъ, ею руководящихъ, ни должнаго уваженія къ ней, ни къ этимъ началамъ».

«Не проникнувшись далеко еще во многомъ общественностью, гражданственностью лично, мы не можемъ правильно относиться и къ печати, какъ къ одному изъ ихъ факторовъ».

«Мы слишкомъ еще во всемъ и прежде всего сами для себя, чтобы умѣть отрѣшиться отъ личнаго во имя общаго. Въ насъ еще крѣпко сидитъ: нашему ндраву не препятствуй,—чтобы мы могли признать неправильнымъ другой афоризмъ: обо мнѣ писать не могли, а иначе я тебя подѣ судъ упрячу».

«Это именно «не могли» и есть главная сила для возбужденія дѣлъ о печати... Читатель очень любитъ почитывать, когда сосѣда затронуть, и весьма не жалуется, когда его коснутся, т.-е. то же самое отношеніе, какое мы видимъ въ *Ревизорѣ* Гоголя при чтеніи письма Хлестакова».

«Мы очень любимъ въ жизни посудачить о другихъ, а чуть въ нашъ огорождъ брошенъ камешекъ, мы тотчасъ же благородно вознегодуетъ».

Если, прибавляютъ *Саратовск. Губернск. Вѣдом.*, по вашему мнѣнію, «газета неправильно отнеслась къ вашему дѣйствію, докажите ей это, объясните, но не препятствуйте ей ни оповѣщать, ни судить по ея разумію. При такихъ условіяхъ печать утратила бы всякій смыслъ и значеніе, не была бы полезною для общества, не имѣла бы ни воспитательнаго, цивилизующаго вліянія на читателя, не была бы голосомъ правды и человѣчности, не исполнила бы своего долга».

«Это былъ бы ворохъ никуда негодной бумаги, а писатель долженъ былъ бы вѣчно краснѣть за свой бессмысленный удѣлъ».

Мы вполне присоединяемся къ этимъ заявленіямъ, и печать была бы глубоко благодарна составителямъ проекта новаго уложенія о наказаніяхъ, если бы они, ограждая достоинство личности каждаго, предоставили достаточный просторъ и печатной оцѣнкѣ общественной дѣятельности каждаго.

Конецъ прошлаго года ознаменовался открытіемъ въ Варшавѣ памятника Мицкевичу. Передъ этимъ торжественнымъ открытіемъ *Курьеръ Вар-*

шавскій (польскій) напечаталъ статью, которая намъ извѣстна по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ *Южномъ Обозрѣніи*. «Ни рукоплесканій, ни кликовъ, ни рѣчей, — говорилъ *Курьеръ Варшавскій*. — Предъ бронзовымъ изваяніемъ поэта обнажатся наши головы въ тихой и спокойной сердечной молитвѣ. Въ самые торжественные моменты краснорѣчивѣе всего является молчаніе, а тишина и спокойствіе — самымъ возвышеннымъ проявленіемъ чувства».

Варшавская газета не желала допустить упрека польскому обществу въ недостатокъ благоразумія и зрѣлости. «Наша обязанность, — прибавляетъ она, — если явится надобность, объединиться, чтобы никакая неумѣстная выходка или поступокъ не бросили бы тѣни на торжество...»

И открытіе памятника великому славянскому поэту прошло дѣйствительно въ величавомъ спокойствіи и молчаніи.

Почти вся русская печать посвятила Мицкевичу по поводу столѣтія со дня его рожденія очень сочувственныя статьи, и слухъ о творцѣ *Пана Тадеуша* прошелъ по всей Руси великой. Въ Петербургѣ русскіе и польскіе писатели почтили память Адама Мицкевича обѣдомъ, на которомъ говорили рѣчи и поляки. Чествовался на этомъ обѣдѣ и знаменитый создатель варшавскаго памятника, Гюдебскій.

Въ области народнаго образованія истекшій годъ не принесъ ничего существенно важнаго. Въ обществѣ ходили тревожные слухи объ участи земскихъ школъ, но они не находятъ никакихъ подтвержденій въ актахъ правительственной власти. По отношенію къ средней школѣ слѣдуетъ отмѣтить допущеніе женщинъ къ преподаванію въ средне-учебныхъ мужскихъ заведеніяхъ, правда, только по одному предмету — французскому языку. Не касаясь вопроса о расширеніи правъ женщины въ этомъ направленіи, мы замѣтимъ, что было бы вполне цѣлесообразно допустить женщинъ, получившихъ высшее образованіе, къ преподаванію во всѣхъ классахъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній.

Въ печати былъ возбужденъ вопросъ о педагогической подготовкѣ учителей средней школы. Министръ народнаго просвѣщенія обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ этимъ же вопросомъ, который такимъ образомъ вступилъ теперь въ официальную фазу. Среди защитниковъ подготовки образовались теперь двѣ группы, совершенно непримиримыя и по задачамъ, и по приѣмамъ, которыми они хотѣли бы пользоваться для достиженія этихъ задачъ. Одни, возставаая противъ рутинъ, противъ предпочтенія *выучки* самостоятельному развитію, требуютъ отъ педагога достаточныхъ свѣдѣній по исторіи развитія педагогическихъ идей, по психологіи, по методикѣ предмета, который будетъ преподавать молодой педагогъ. При этомъ признается необходимымъ, чтобы такія знанія приобрѣтались въ университетѣ или, по крайней мѣрѣ, *при университетѣ*, въ видѣ дополнительныхъ (однолѣтнихъ) курсовъ. Этого достаточно, чтобы серьезно и сознательно выступить на педагогическомъ поприщѣ, остальное уже будетъ

дѣломъ личной даровитости, труда и энергіи. Само собою разумѣется, что эти качества преподавателя не должны парализоваться ничтожностью вознагражденія, при которой лучшіе учителя истощаются въ борьбѣ за существованіе.

Другая группа сторонниковъ специальной подготовки учителей для средне-учебныхъ заведеній на первый планъ выдвигаетъ технику, требуетъ особыхъ учительскихъ семинарій, съ директорами, инспекторами и педагогами. Въ одномъ проектѣ, бывшемъ у насъ въ рукахъ, глубокомысленно толкуется о такихъ вздорныхъ пустякахъ, какъ необходимый размѣръ, чуть ли не цвѣтъ, записныхъ книжекъ у этихъ семинаристовъ, уже кончившихъ курсъ въ университетѣ, и т. д. Это характеризуетъ мертвящій духъ, внушающій подобные проекты, и пророчествуетъ, что мертвы будутъ и учрежденія, такимъ духомъ сочиняемыя. И не дешево въ финансовомъ отношеніи обошлись бы для министерства народнаго просвѣщенія подобные опыты. Не лучше ли было бы открыть на эти деньги нѣсколько начальныхъ народныхъ школъ?

Г. Тихомировъ въ январской книжкѣ *Педагогическаго Листка* справедливо указываетъ, какъ на одинъ изъ характерныхъ признаковъ ненормальнаго строя современной школы, на то обстоятельство, что «первый голосъ *противъ* педагогической подготовки учителя раздался изъ среды самихъ педагоговъ, недоумѣвающихъ, чему же собственно тутъ надо предварительно учиться» (статья г. Вишпера въ *Вѣстникъ Воспитанія* и г. Фортунатова въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*).

«Наблюдая надъ современнымъ отечественнымъ міромъ,—говоритъ *Педагогическій Листокъ*, — педагогическимъ, учительскимъ и административнымъ,—каждый необходимо долженъ признать, что педагогическіе идеи и идеалы исчезли изъ обращенія: мы видимъ въ кругу этихъ лицъ администраторовъ, учителей грамматики и словесности, математики, исторіи, географіи и пр., но никому и въ голову не придетъ называть первыхъ—педагогами-руководителями, а послѣднихъ — педагогами-воспитателями: педагоговъ мы рѣдко встрѣчаемъ и въ жизни, и въ литературѣ». Въ этой картинѣ краски не сгущены. У насъ, дѣйствительно, учитель средне-учебнаго заведенія уходитъ въ свою *науку*, правильнѣе — въ свой предметъ преподаванія, и утрачиваетъ отзывчивость къ насущнымъ требованіямъ жизни и связь ея съ подлинною научною мыслью.

Въ послѣдніе дни по вопросу о подготовкѣ учителей высказался такъ безвременно скончавшійся профессоръ М. С. Корелинъ, бывший въ то же время и опытнымъ преподавателемъ средне-учебныхъ заведеній. Въ статьѣ, которая появилась вмѣстѣ съ объявленіемъ объ его кончинѣ (*Курьеръ*, 1 января), М. С. Корелинъ возставалъ противъ учрежденія отдѣльных учительскихъ семинарій. «Прежде всего,—говорилъ онъ,—спеціальная подготовка учителей не можетъ и не должна быть оторвана отъ ихъ естественныхъ разсадниковъ—университетовъ, такъ какъ только тамъ можно найти достаточно подготовленные и компетентныя силы для теоретическаго пре-

подаванія кандидатамъ. Въ силу этого существованіе отдѣльнаго учрежденія представляется совершенно ненужнымъ. Не нужно оно и для практической подготовки учителей, такъ какъ факультеты, подготовляющіе ихъ теоретически, въ случаѣ недостатка въ собственныхъ силахъ, всегда могутъ пригласить для практическаго руководства опытныхъ гимназическихъ учителей въ качествѣ приватъ-доцентовъ или стороннихъ преподавателей. Не видно надобности для этой цѣли и въ особой гимназіи при семинаріяхъ, такъ какъ кандидаты, которые будутъ критически разбирать существующіе учебники и составлять планы своихъ уроковъ и которыхъ можно командировать на уроки различныхъ учителей въ разныхъ гимназіяхъ, могутъ довольствоваться однимъ или нѣсколькими пробными уроками. Такой приемъ практической подготовки представляется болѣе цѣлесообразнымъ, такъ какъ онъ дастъ возможность семинаристамъ познакомиться, вдуматься и критически отнестись къ разнымъ методамъ преподаванія различныхъ учителей. Съ другой стороны, и при существованіи отдѣльной гимназіи кандидаты все равно будутъ вынуждены ограничиться нѣсколькими пробными уроками, потому что фактически не будетъ возможности предоставить каждому изъ нихъ вести преподаваніе въ классѣ даже и въ теченіе полугода. Вслѣдствіе этого, особая педагогическія семинаріи, учрежденіе которыхъ потребуетъ сравнительно очень большихъ затратъ, легко могутъ быть замѣнены весьма недорогими семинаріями при двухъ факультетахъ университета, а получающійся такимъ образомъ значительный остатокъ денежныхъ средствъ съ несравненно большею пользою для дѣла можно употребить на улучшеніе матеріальнаго положенія учителей.

«Двухгодичный курсъ для подготовки учителей точно также не представляется цѣлесообразнымъ. Въ «усовершенствованіи спеціального научнаго образованія кандидатовъ», какъ выражается авторъ проекта, т.-е. въ дополненіе къ университетскимъ научнымъ курсамъ, говоря вообще, нѣтъ никакой надобности, а теоретическихъ лекцій по педагогикѣ, дидактикѣ и тому подобнымъ предметамъ понадобится, самое большее, часовъ десять-двѣнадцать въ недѣлю, такъ что для практическихъ занятій останется много времени. Вслѣдствіе этого, одного года для подготовки учителей совершенно достаточно, по крайней мѣрѣ, пока опытъ не убѣдитъ въ противномъ. А, между тѣмъ, такое сокращеніе курса очень облегчитъ положеніе кандидатовъ, что также весьма и весьма желательно».

Въ области высшаго образованія должно отмѣтить учрежденіе, въ вѣдѣніи министерства финансовъ, политехническихъ институтовъ въ Кіевѣ и Варшавѣ. Изъ помѣщенной въ этой же книжкѣ нашего журнала статьи проф. Ренненкампа видны особенности этихъ новыхъ образовательныхъ заведеній. Одною изъ наиболѣе выдающихся и симпатичныхъ является выборное, конкурсное назначеніе профессоровъ. Былъ случай въ Московскомъ университетѣ, когда министерство народнаго просвѣщенія предоставило совѣту университета избраніе кандидата на кафедру; но, къ сожалѣнію, это, кажется, былъ только случай.

Въ прошломъ году нѣсколько стихла борьба марксистовъ съ народниками и съ другими направленіями нашей печати. Повидимому, наше предсказаніе начинаетъ оправдываться скорѣе, чѣмъ мы думали: односторонность воинствующаго направленія слагается, въ его средѣ, — это признакъ жизни, — наблюдается какъ будто бы расколъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву гг. Струве и Туганъ-Барановскаго не повело къ ихъ блистательной побѣдѣ: и на рефератахъ г. Струве, и на диспутѣ г. Туганъ-Барановскаго имъ пришлось выслушать много серьезныхъ, вѣскихъ возраженій. Самъ г. Струве удивилъ московскихъ слушателей заявленіемъ, что отиѣна у насъ крѣпостного права была вызвана не экономическими, а политическими причинами. Если *надстройки* начали такъ дѣйствовать — въ добрый часъ.

Въ заключеніе укажемъ на то, что у насъ появились два новые юридическіе журнала: *Вѣстникъ Права* и *Право*. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ русскомъ обществѣ растетъ насущная потребность въ правѣ и законности. Пожелаемъ, чтобы нашимъ новымъ братьямъ, какъ и всей нашей печати, приходилось меньше критиковать явленія нашей общественной жизни съ юридической точки зрѣнія, а все чаще и чаще указывать въ нихъ на торжество справедливости.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Бол. Никитская ул., Шереметевскій пер., д. Шереметева) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1887, 1888, 1890, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку — по разстоянію.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь

1899 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія.—Исторія, воспоминанія.—Искусство.—Политическая экономія.—Книги для народа.—Пособія. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь.—«Русскій Вѣстникъ», декабрь.—«Русское Богатство», ноябрь.—«Міръ Божій», ноябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1898 г. по 1 января 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сны“. Повѣсть *Вл. Немировича-Данченка*.—„Дѣло“. Сборникъ въ пользу С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.

СНЫ. Повѣсть *Вл. Немировича-Данченка*. Изданіе 2-е. Д. П. Ефимова. Москва, 1899 г. Цѣна 1 руб. Повѣсть эта представляетъ собою довольно простую, но не совсѣмъ обыкновенную исторію. У профессора Кашкадарова, вдовца, двѣ дочери. Меньшая, Лиза, замужемъ за магистрантомъ Дебальцевымъ. Старшей, Женѣ, замужество Лизы причинило не малое огорченіе и большую досаду: молодой ученый ей самой нравился, и она не прочь была сама сдѣлаться его женой, тѣмъ болѣе, что ей было уже за 25 лѣтъ. Но дѣлать было нечего, и Женя примирилась съ участью остаться старою дѣвой, принялась усердно помогать старикъ отцу въ его ученыхъ работахъ, стала его секретаремъ и правою рукой. На дѣто всѣ они и сестра профессора, Марья Осиповна, переѣхали въ деревню. Съ ними по сосѣдству живетъ крупный землевладѣлецъ Василій Онисимовичъ Первозерниковъ, купецъ, сынъ разбогатѣвшаго кулака-грабителя. Образованіи онъ не получилъ, но, проживая въ столицахъ, за границей и губернскомъ городѣ, кое-чего насмотрѣлся, наслушался и начитался, набрался идей и жизненнаго опыта, побуждающаго его ко всѣмъ относиться съ большою подозрительностью. Только про себя, въ одиночку, онъ увлекается разными хорошими снами, которые помогаютъ ему и жить „по-хорошему“. Онъ случайно познакомился съ семьею профессора Кашкадарова и тутъ-то увидалъ, что и на-яву бываютъ люди добрые и правдивые, чуждые своекорыстія и лести. Онъ обожаетъ старика профессора, благоговѣетъ передъ ученостью Дебальцева, восхищается „секретаремъ“ Женей, отдавшею всю жизнь свою на служеніе отцу и наукѣ. На этихъ-то совершенно платоническихъ чувствахъ тетюшка Марья Осиповна, старая дѣва, сооружаетъ своеобразный женскій планъ отдать Жени замужъ за богатаго добряка сосѣда. Своими разговорами и вліяніемъ Марья Осиповна доводитъ Женю до того, что та начинаетъ кокетничать и улавливать Первозерникова. И немолоденькой, некрасивой дѣвушкѣ удается поймать его на чувствѣ „жалости“ къ ней. Перво-

зерникова дѣлаетъ предложеніе Женѣ. Тутъ только она опомнилась, сообразила, какую она разыгрывала недостойную и унижительную комедію, и въ послѣднюю минуту Жень отказала богатому жениху. Нарушенное было равновѣсіе жизни въ семьѣ стараго ученаго возстановилось снова, и все пошло опять мирно и тихо-счастливо. Событій въ повѣсти очень мало, ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ вводныхъ эпизодовъ; все дѣло—въ думахъ и чувствахъ дѣйствующихъ лицъ, въ ихъ настроеніяхъ, складывающихся подъ влияніемъ житейскихъ мелочей, самаго обыкновеннаго и зауряднаго свойства. И вотъ эти-то настроенія и интимныя чувствованія развиты авторомъ очень хорошо, вполне логично и послѣдовательно. Повторяемъ, въ повѣсти нѣтъ ни большихъ событій, ни какихъ-либо эффектовъ, ни даже типовъ, но читается она съ неослабѣвающимъ интересомъ. Тутъ все просто — и описываемая жизнь, и изображаемые люди, но это настоящіе живые люди, и все, что про нихъ рассказывается, замѣчательно правдиво и очень жизненно. Мало того, все это очень красиво и мѣстами весьма трогательно, безукоризненно-честно и нравственно-чисто. Такую книгу смѣло можно читать вслухъ въ семьѣ, не стѣсняясь присутствіемъ подростковъ, что по нашему времени представляетъ довольно большую рѣдкость.

Дѣло. Сборникъ въ пользу С.-Петербургскаго Женскаго Медицинскаго института. Москва, 1899 г. Ц. 2 р. 50 к. Сборникъ вышелъ подъ редакціей А. А. Веселовской и профессора А. Н. Веселовскаго и составленъ прекрасно. Первая статья: *Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи*, доктора З. Н. Окуньковой-Гольдингеръ, даетъ обстоятельное понятіе о возникновеніи этого дѣла въ нашемъ отечествѣ. Въ статьѣ *Совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ въ университетахъ, по отзывамъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ профессоровъ*, Э. Э. Эрисманъ неотразимо доказываетъ всю несостоятельность устарѣвшаго мнѣнія, будто общія для мужчинъ и женщинъ аудиторіи могутъ представлять какія-либо неудобства. Наоборотъ, почтенный авторъ убѣжденъ и насъ убѣждаетъ въ томъ, что многолѣтній опытъ заграничныхъ университетовъ приводитъ къ заключенію о пользѣ такихъ совмѣстныхъ занятій. И можно только пожелать, чтобы у насъ въ высшихъ сферахъ и въ обществѣ, какъ можно скорѣе, отказались отъ старыхъ предразсудковъ, равно оскорбительныхъ для молодыхъ людей обоюбого пола и для преподавателей. Тогда ни отъ государства, ни отъ частныхъ лицъ не потребовалось бы многотысячныхъ затратъ на учрежденіе и содержаніе специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній для однѣхъ женщинъ и лишь по отдѣльнымъ специальностямъ. Очень интересны и во многомъ поучительны статьи, авторами не подписанныя: *Жизнь и бытъ студентокъ въ Англіи, Лондонскіе и американскіе клубы для женщинъ* и статья А. В. Погожева *Институтъ фабричныхъ инспектрисъ*. Изъ произведеній беллетристическихъ особенное вниманіе обращаютъ на себя прекрасный и трогательный рассказъ В. І. Дмитриевой *Мама на войнѣ* и повѣсть Е. И. Ардова *Наша княжна*. Въ сборникѣ, посвященномъ дѣлу высшаго интеллектуальнаго развитія женщинъ, ведетъ къ любопытнымъ и внушительнымъ сопоставленіямъ рассказъ П. Д. Боборыкина *Въ розовомъ*, взятый авторомъ изъ жизни ученицъ балетнаго класса въ Театральной школѣ. А затѣмъ полонъ серьезнаго смысла, написанный въ шутилой формѣ, этюдъ Д. Н. Мамина-Сибиряка *Бабыя забота*. Кромѣ того, въ беллетристику сборника вошли произведенія К. С. Баранцевича, А. С. Шабельской, Д. В. Гарина, Ев. И. Гославскаго, Л. Нелидовой, М. В. Крестовской, рассказъ

въ стихахъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ и много мелкихъ стихотворений другихъ авторовъ. Къ вѣщему украшенію сборника служатъ превосходныя критическія статьи: *Три новыхъ французскихъ романа*, К. К. Арсеньева, *Новый опытъ критической оцѣнки Гёте въ книгѣ Эд. Рода*, В. Д. Спасовича, *Я. П. Полонскій, какъ поэтъ*, В. А. Гольцева, и *Монтескьѣ и подготовительныя работы къ „Духу Законовъ“*, Макс. М. Ковалевскаго. Вообще, какъ читатель видитъ, сборникъ составленъ очень разнообразно и интересно. Въ виду предполагаемой цѣли — изданіемъ его придти на помощь Женскому Медицинскому институту, мы убѣждены въ томъ, что первый его выпускъ быстро разоидется, а пріобрѣтшіе его не только помогутъ благому и необходимому дѣлу, но получатъ прекраснѣйшую книгу, весьма недорогую, такъ какъ въ ней 33 листа большого формата убористой и очень отчетливой печати.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ.

„Современное естествознаніе и психологія“. А. Фаминцына. — „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 45.

Современное естествознаніе и психологія. А. Фаминцына. Изд. журнала „Міръ Божій“. Спб., 1898 г. На страницахъ этой книги затронута, если и не разрѣшено, такъ много важныхъ и глубокихъ вопросовъ, что въ библиографической замѣткѣ можно изложить ея содержаніе только въ самыхъ общихъ и крупныхъ чертахъ. Основная мысль автора заключается въ томъ, что современное естествознаніе для правильнаго рѣшенія біологической задачи, для уразумѣнія жизни, должно изучить великую роль психики въ эволюціи живыхъ существъ и расширить ту область, въ которой большинство натуралистовъ до сихъ поръ признавали наличность психическихъ процессовъ. Вполнѣ сочувствуя гипотезѣ объ единствѣ законовъ, управляющихъ и мертвой природой, и явленіями жизни, г. Фаминцынъ полагаетъ однако, что первая доступна нашему объясненію только съ своей внѣшней стороны, между тѣмъ какъ послѣднія раскрываютъ намъ въ нашемъ непосредственномъ ощущеніи и свою внутреннюю, психическую сторону, которая рѣшительно не можетъ быть сведена къ законамъ физики и химіи, къ движеніямъ атомовъ. Жизнь намъ болѣе извѣстна и знакома, чѣмъ не жизнь. Поэтому исходной точкой въ изслѣдованіи міра должна быть не мертвая природа, не инертное и косное, не то, что мы знаемъ лишь односторонне, а то, что обнаруживаетъ передъ нами свою внутреннюю суть, т.-е. — человѣкъ, какъ высшее, наиболѣе полное и несомнѣнно познаваемое воплощеніе жизни на землѣ. Изученіе жизни въ человѣкѣ убѣдительно показываетъ, что психика въ своихъ бессознательныхъ или сознательныхъ, элементарныхъ или сложныхъ проявленіяхъ служитъ въ ней могучимъ и кореннымъ факторомъ. Всѣ знаютъ, какое сильное вліяніе оказываютъ душевныя состоянія на функціи организма. А въ послѣднее время опыты надъ загипнотизированными людьми выяснили, что словесное внушеніе можетъ въ поразительной степени господствовать надъ органическими отправлениями, вызывать или останавливать даже растительные процессы, которые въ нормальныхъ условіяхъ не проникаютъ въ поле нашего сознанія. И не только чужое психическое воздѣйствіе, но еще болѣе и самовнушеніе входитъ творческимъ и активнымъ моментомъ въ сложную сѣть жизненныхъ процессовъ, и, быть можетъ, когда-нибудь въ нашей власти будетъ при-

давать то или другое желательное направленіе функціямъ нашего тѣла. Но если это такъ, если самовнушеніе—одна изъ причинъ, обусловливающихъ и опредѣляющихъ жизнь организма, то необходимо признать, что оно повліяло и на самую организацію, на форму и строеніе тѣла. Одною механическаго объясненія этой организаціи недостаточно, и біологія должна считаться съ психическимъ условіемъ жизни, котораго до сихъ поръ она не включала въ кругъ своихъ изысканій. Физиологія и анатомія не имѣютъ основаній противиться такому нововведенію, ибо не онѣ, конечно, станутъ отрицать, что всѣ функціи тѣла зависятъ отъ импульсовъ, которые посылаетъ нервная система: „нервные волокна, непосредственно передающія импульсы тканямъ органа, служатъ, какъ извѣстно, лишь передаточными путями для произведенія эффектовъ, продиктованныхъ центромоторными участками системъ симпатической, спинно-мозговой и головного мозга. Идущіе изъ этихъ центровъ психической дѣятельности импульсы съ полнымъ правомъ могутъ быть разсматриваемы какъ слѣдствія самовнушенія“ (стр. 130). Если отъ человѣка, поставленнаго во главѣ біологическаго изслѣдованія, мы спустимся въ высшимъ животнымъ, отъ нихъ—къ простѣйшимъ, отъ послѣднихъ—къ растеніямъ, то на своемъ пути, на этомъ единственно правильномъ въ методологическомъ отношеніи пути, мы встрѣтимъ ту же психику, во все болѣе и болѣе упрощающуюся, по мѣрѣ того какъ упрощается самый организмъ. Мы увидимъ тогда, что и у животныхъ психика принимаетъ участіе какъ въ построеніи ихъ тѣла, такъ и въ совершенствованіи функцій органовъ; мы увидимъ, что многочисленные опыты и наблюденія подтверждаютъ присутствіе зачаточной психики у простѣйшихъ (одноклѣточныхъ) существъ; мы увидимъ, наконецъ, что сдѣланная Фехнеромъ попытка надѣлать психикой и растенія должна быть въ главномъ признана удачною. Методъ аналогіи приводитъ насъ къ убѣжденію, что, если психика существуетъ въ насъ, въ другихъ людяхъ и въ позвоночныхъ животныхъ, если изслѣдованіе микроорганизмовъ (Protozoa), образующихъ звено между животными и растеніями, обнаружило психику и въ этой группѣ живыхъ существъ, если несомнѣнно установлено коренное сходство клѣтокъ растеній и животныхъ, въ химическомъ составѣ ихъ тѣла, въ такомъ существенномъ моментѣ питанія, какъ обмѣнъ газовъ организма съ окружающей атмосферой, въ процессѣ полового размноженія,—если все это такъ, то психическое начало проникаетъ собою всю мировую жизнь и отъ своего пышнаго расцвѣта въ человѣкѣ нисходитъ черезъ царство животныхъ въ царство растеній. Нѣкоторые мыслители идутъ еще дальше и распространяютъ психическое и на область мертвой, неорганической природы, но г. Фаминцынъ не слѣдуетъ за ними и считаетъ психическую сторону этой природы „пока еще не разгаданной тайной“. Въ то же время однако онъ считаетъ „крайне интереснымъ точныя разслѣдованія надъ образованіемъ, ростомъ кристалловъ и кристаллитовъ, а равно и строгіе опыты и наблюденія надъ отложеніями коллоидальныхъ тѣлъ въ мертвой природѣ“, и онъ увѣренъ, что „такимъ путемъ удастся получить внѣ живой клѣтки многіе изъ образованій и процессовъ, найденныхъ до сего времени лишь въ живомъ организмѣ и поэтому разсматриваемыхъ какъ продукты исключительно жизнедѣятельности организма“ (стр. 214).

Настаивая на томъ, что явленія жизни и мертвой природы разнятся между собою не столько по существу, сколько по тѣмъ способамъ, при помощи которыхъ мы ихъ познаемъ, и утверждая первостепенно-важную роль психики въ исторіи и жизни организмовъ, г. Фаминцынъ прихо-

дѣть къ понятному выводу, что для біолога необходимо самое основательное знакомство съ психологіей и гносеологіей (теоріей познанія). „Не въ естествознаніи, — говоритъ онъ, — а въ психологии и теоріи познанія слѣдуетъ искать настоящаго устоя для построенія міровоззрѣнія“ (стр. 7). Въ силу этого начало своей книги онъ посвящаетъ критикѣ современной теоріи познанія, которая, въ противоположность естественнымъ наукамъ, считаетъ несомнѣнно реальнымъ не внѣшній міръ, а только душевныя состоянія человѣка. Между внѣшнимъ міромъ и познающимъ его субъектомъ стоятъ ощущенія, которыя, какъ это непоколебимо доказано, вполне субъективны, не являются точными сколками міровыхъ вещей, а представляютъ собою, по выраженію автора, „условные знаки или шифрованные депеши изъ внѣшняго міра“. Такъ какъ мы знаемъ только свои ощущенія, то объективно-реальное существованіе внѣшняго міра, объективное существованіе внѣ насъ предметовъ и ихъ свойствъ есть для насъ вовсе не фактъ, а, напротивъ, глубочайшая проблема.

Конечно, это навѣянное философскимъ критицизмомъ сомнѣніе въ реальности міра привнесло только значительныя поправки въ научное изслѣдованіе внѣшняго міра, но не поколебало ни самой науки, ни практической дѣятельности человѣка, и разумѣется, что естествознаніе не можетъ не предполагать реальности той природы, которую оно изучаетъ. Какъ методологическій принципъ, какъ предварительное допущеніе, объективное существованіе внѣшняго міра является основой всякаго естественно-научнаго изслѣдованія, и г. Фаминцынъ могъ бы выяснять роль психики въ біологической эволюціи, не затрудняя себя рѣшеніемъ проблемы внѣшняго міра; но онъ пожелалъ устранить гносеологическія препятствія и опровергнуть мнѣніе, что мы не можемъ познать и доказать реальность вещей. Свою попытку онъ могъ бы однако оправдать только въ томъ случаѣ, если бы онъ все время не сходилъ съ гносеологической почвы. На самомъ же дѣлѣ г. Фаминцынъ впалъ въ логическій кругъ. Желая построить естествознаніе на гносеологическомъ базисѣ, онъ въ концѣ концовъ пришелъ къ странному выводу, что философы въ своей теоріи познанія должны опираться на данныя естественныхъ наукъ, на принципъ эволюціи внѣшнихъ органовъ, на предположеніе, что эти органы постепенно совершенствовались свою способность къ воспріятію окружающаго міра, — между тѣмъ какъ именно существованіе окружающаго міра и самыхъ органовъ и есть то, что требовало доказательства. Раньше г. Фаминцынъ хотѣлъ біологію обосновать гносеологіей, а потомъ изъ верхушки сдѣлалъ шаткій фундаментъ. Декартовское положеніе *cogito ergo sum*, считающее несомнѣннымъ только фактъ мышленія, г. Фаминцынъ незаконно и нефилософски расширяетъ такимъ образомъ, что къ несомнѣнному знанію относитъ и многія изъ положеній естественныхъ наукъ. Для того, чтобы достигнуть такихъ бѣдныхъ и ненужныхъ результатовъ, не надо было и начинать гносеологическаго разысканія и ставить вопросъ: *Что такое реальное?* — вопросъ, на который, впрочемъ, г. Фаминцынъ послѣ долгихъ покушеній съ негодными средствами отказывается дать отвѣтъ. Попытка опровергнуть критицизмъ Канта не удалась г. Фаминцыну, главнымъ образомъ, потому, что онъ Канта не понималъ. Онъ сдѣлался жертвой глубокаго недоразумѣнія уже въ силу того, что кантовскій категорическій императивъ счелъ гносеологическимъ принципомъ. Постулируя для нравственно-практической дѣятельности *вѣру* въ реальное существованіе внѣшняго міра, Кантъ совсѣмъ

не говорилъ, будто категорическій императивъ даетъ *познаніе* міра, а г. Фаминцынъ приписываетъ Канту утвержденіе, что „внѣшній міръ познается нами лишь при посредствѣ нравственнаго чувства“ (стр. 71). Въ самомъ категорическомъ императивѣ авторъ видитъ только слѣдствие „недостатка средствъ къ существованію“ (стр. 68).

Вопросы Философіи и Психологіи, *ноябрь—декабрь*. Книга 45 (V). Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Москва, 1898 г. Последняя книга философскаго журнала за истекшій годъ составлена очень разнообразно. Ее открываетъ статья Н. В. Бугаева *Математика и научно-философское міросозерцаніе*. Она является попыткой основать телеологическое и идеалистическое міровоззрѣніе на почвѣ математики, именно—аритмологии, которая изслѣдуетъ прерывныя функціи; но нельзя не замѣтить, что переходъ отъ математическихъ явленій къ психическимъ сдѣланъ у г. Бугаева очень рѣзко и внезапно, а потому и бездоказательно.—Б. Н. Чичеринъ даетъ начало, повидимому, большого и широко-задуманнаго труда: *Философія права*; въ первой главѣ онъ намѣчаетъ свою точку зрѣнія, разумеется—гегеліанскую. Попутно г. Чичеринъ повторяетъ свои принципиальныя возраженія противъ возможности социологіи, какъ науки.—П. А. Каленовъ, изложивъ въ предыдущемъ номерѣ свои эстетическія воззрѣнія, теперь прилагаетъ ихъ къ разбору статей о красотѣ, принадлежащихъ Н. А. Иванцову; главный грѣхъ послѣдняго авторъ видитъ въ утилитаризмѣ, который считаетъ красоту полезной для организма. Здѣсь неумѣстно вдаваться въ анализъ взглядовъ обоихъ эстетиковъ, но несомнѣнно то, что г. Каленовъ не имѣлъ оснований, какъ онъ это дѣлаетъ, вспоминать по поводу статей г. Иванцова о томъ времени, когда Пушкинъ сопоставлялся съ сапожникомъ. Противъ теоретическихъ утвержденій г. Иванцова можно и должно спорить, но во всякомъ случаѣ изъ-за нихъ нельзя отрицать его эстетической чуткости и любви къ искусству и красотѣ.—Въ очень интересномъ рефератѣ *Разстройства кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій* проф. А. Я. Кожевниковъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ изъ нормальной и патологической жизни человѣка показываетъ зависимость физиологическихъ отправленій организма, въ частности—кровообращенія, отъ психическаго состоянія субъекта; въ психотерапіи поэтому почтенный авторъ видитъ крупное приобрѣтеніе современной медицины.—Проф. Н. Я. Гротъ строитъ *понятіе прогресса* на основѣ своей теоріи, въ силу которой психическая энергія есть одинъ изъ видовъ міровой энергіи вообще. Прогрессъ существуетъ не только въ жизни обществъ, но и въ природѣ. Прогрессъ—это увеличеніе внутренней, нравственной цѣнности жизни и суммы цѣнныхъ жизней на землѣ, происходящее отъ роста сознанія и самосознанія живыхъ существъ; а этотъ ростъ, въ свою очередь, „зависитъ отъ превращенія низшихъ формъ энергіи въ высшія (физическія въ психическія), вслѣдствіе экономизаціи работы и накопленія свободныхъ запасовъ энергіи въ организмахъ“. Такое опредѣленіе, по мнѣнію автора, примиряетъ между собою субъективистическіе и объективистическіе взгляды на прогрессъ и даетъ имъ общій синтезъ; оно объединяетъ нравственную цѣль прогресса и его эволюціонно-механическія средства. Статья проф. Грота служитъ только началомъ цѣлаго изслѣдованія о прогрессѣ; несомнѣнно, въ дальнѣйшихъ статьяхъ авторъ главное вниманіе обратитъ на то, чтобы укрѣпить свою энергетическую теорію; тогда его взгляды на прогрессъ получатъ болѣе прочное обоснованіе.—Проф. В. И. Герье закончилъ свою обширную работу о значе-

нии *О. Конта въ исторической наукѣ*. Заключительныя слова ея таковы: „... теперь, по прошествіи перваго вѣка съ его (Конта) рожденія, настала пора отдать ему справедливость за то, что передъ нимъ носились, хотя еще и въ туманѣ, грядущіе идеалы соціальной этики и служенія обществу; и весьма можетъ быть, что внесенное Контомъ въ современную жизнь понятіе соціологіи окажется болѣе плодотворнымъ въ области соціальной политики, чѣмъ въ области теоретической науки“. Во второмъ отдѣлѣ книги В. А. Вагнеръ, въ статьѣ *Психологія насѣкомыхъ*, критически излагаетъ книгу Фабра, посвященную тому же вопросу, а Н. И. Карѣевъ знакомитъ съ трудомъ С. С. Арнольди *Задачи пониманія исторіи*, уже отмѣченнымъ на страницахъ *Русской Мысли*. Въ критическомъ отдѣлѣ *Вопросовъ Философіи*, кромѣ обычнаго обзора книгъ и журналовъ, на этотъ разъ находится еще „Библиографическій листокъ“, дающій отчетъ о новинкахъ русской философской литературы.

ИСТОРІЯ, ВОСПОМИНАНІЯ.

„Опытъ исторіи Харьковскаго университета“. Проф. Багалія. — „Исторія вымершихъ цивилизацій Востока“. Андерсона. — „Исторія семьи“. Ю. Липперта. — „Далекіе годы“. Автобіографическая хроника С. С. Ормикаго.

Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Проф. Багалія. Томъ I. Харьковъ, 1898 г. Исторія нашей высшей школы до сихъ поръ еще очень небогата капитальными трудами: изслѣдованія Шевырева, Булича, Григорьева, гг. Владимірскаго-Буданова и Иконникова—вотъ, кажется, и все, что мы имѣемъ за послѣднія 40 лѣтъ по этому вопросу. Среди этой скудной литературы трудолюбивое и добросовѣстное изслѣдованіе г. Багалія должно занять видное мѣсто.

Въ громадномъ томѣ (болѣе 1,200 стр.) онъ излагаетъ факты харьковской университетской жизни только до 1815 г. Перечисливъ свои пособія и литературу вопроса, г. Багалій переходитъ къ сжатой, но очень содержательной характеристикѣ культурнаго состоянія Харьковскаго края до открытія университета. Очень подробно и интересно пересказана исторія основанія университета, причемъ дано очень много новыхъ, очень характерныхъ подробностей. Третья глава даетъ сжатую характеристику просвѣтительнаго движенія „дней Александровыхъ прекраснаго начала“, университетскаго устава 1804 г. и харьковскаго университетскаго самоуправленія. Слѣдующія главы посвящены вопросамъ о матеріальныхъ средствахъ университета и его учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, преподавательской и ученой дѣятельности профессоровъ, студентовъ, бытъ и нравахъ университетской среды, роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія.

Для исторіи русской школы и просвѣщенія г. Багалій собралъ много драгоцѣннаго матеріала. Для большой публики мало доступенъ этотъ грандіозный трудъ, но желательно было, чтобы его основное содержаніе было эксплуатировано кѣмъ-нибудь въ популярной статьѣ.

Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Андерсона. Пер. съ англ. Ц. 50 к. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. М., 1898 г. Выборъ оригинала для перевода нельзя назвать удачнымъ. Вопреки заглавію, читатель не найдетъ здѣсь ни исторіи, ни цивилизаціи, а про-

сто беспорядочную грудку фактовъ, больше такъ называемой вѣшней исторіи, откуда едва ли вынесетъ мало-мальски ясное представленіе о культурѣ древняго Востока. Въ этомъ отношеніи даже книжка Ванденберга можетъ дать ему болѣе. Далѣе, возбуждаетъ недоумѣніе появленіе между вавилонянами и персами арабовъ. Уже если и говорить тутъ о нихъ, такъ послѣ персовъ, наслѣдниками культуры которыхъ они являются. Странно также, почему нѣтъ главы о культурѣ индусовъ. Въ главѣ объ Египтѣ любопытна ссылка на Боссюэ, по мнѣнію котораго онъ былъ „образцомъ мудраго правленія“ (стр. 54) и рядомъ съ этимъ обращеніе къ Масперо, Мариетту и новѣйшимъ египтологамъ. Какъ курьезъ, можно еще указать на то, что имя Водена (Одина) авторъ производитъ отъ названія племени будиковъ (стр. 146). Авторъ часто ссылается на извѣстные его читателю и мало знакомые русскому факты западной исторіи. Нѣкоторые изъ этихъ намековъ, повидимому, остались неясными и для переводчика, и онъ ограничился одною транскрипціей иностранныхъ названій безъ всякаго поясненія, наприм., долина *Roncesvaux* (стр. 107), *Excalibur* Артура (стр. 108), *Firth of Clyde* (стр. 124), Вестминстерскій *Hall* (стр. 51), *fortnight etc.* (стр. 10). Корректурѣ особенною исправностью не отличается: Лидія вм. Либія (стр. 33), Австрія вм. Астурія (стр. 103). Неяснымъ остается, кому именно, автору или переводчику, мы обязаны открытіемъ того, что по сообщенію *Плинія* Зороастръ жилъ за 1000 лѣтъ до *Моисея* (стр. 118), что Ксенофонтъ говорилъ о затменіи 310 г., бывшемъ послѣ его смерти (стр. 124), что Лидія лежитъ на далекомъ Востокѣ (стр. 185). Оглавленіе къ книгѣ не приложено. На рисункахъ трудно что-нибудь разобрать. Карты очень аляповаты.

Исторія семьи Ю. Липперта, автора „Исторіи культуры“. Пер. съ нѣм. Н. Шатерникова. Ц. 60 к. Спб., 1897 г. Изд. Павленкова. По исторіи семьи за послѣдніе годы у насъ было переведено нѣсколько сочиненій. Не упоминая неудачнаго перевода книги Вестермарка, укажемъ, наприм., сочиненія Энгельса, Ковалевского и теперь Липперта. Первое изъ нихъ всего шире по предмету—происхожденіе не только семьи, но также собственности и государства, зато всего менѣе самостоятельно и безпристрастно. Авторъ здѣсь ищетъ въ изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ объ эпохахъ болѣе раннихъ данныхъ для подтвержденія выводовъ, полученныхъ изъ изученія болѣе позднихъ періодовъ въ развитіи общества. Лекція проф. Ковалевского, читанная въ Стокгольмскомъ университетѣ, трактуютъ о происхожденіи и развитіи семьи и собственности; авторъ пользуется тутъ не только чужими изслѣдованіями, но и результатами собственныхъ работъ и рассматриваетъ вопросъ съ чисто-научной точки зрѣнія. Липпертъ излагаетъ исторію одной семьи, опираясь еще болѣе на подобранныя имъ самимъ данныя и извлеченные изъ нихъ выводы. Бѣда только въ томъ, что, какъ это не рѣдко бываетъ съ изслѣдователями отдѣльныхъ сторонъ общественнаго строя, авторъ склоненъ приписывать слишкомъ крупное общее значеніе частнымъ измѣненіямъ въ устройствѣ семьи. Затѣмъ не мѣшаетъ еще замѣтить, что рассматриваемая книга не представляетъ для нашихъ читателей полной новизны: она вошла почти цѣликомъ въ составъ вышедшаго уже двумя изданіями перевода *Исторіи культуры* того же автора. Въ данномъ переводѣ отброшены всѣ ссылки подлинника (остатокъ ихъ сохранился на стр. 49), зато сохранены безъ перевода или поясненія многіе термины, наприм., *Sala* и *Zimmer* (стр. 53), *Mutterland* (стр. 49), *Эоны* (стр.

62), мегаронъ дома (стр. 63), *коннубиальный* договоръ (стр. 93), *Sentgericht* (стр. 184), гауграфы (стр. 185), рустикальная земля (стр. 196), рудименты (*passim*) *Landrecht* переведено неправильно *государственное* право (стр. 51). Курьезно также, что страницы оглавленія не сходятся съ пагинаціей книги, а повидимому перенесены прямо изъ рукописи.

Далекіе годы. Автобіографическая хроника. С. С. Орлицкаго (Окрейца). Спб., 1899 г. Цѣна 2 р. Авторъ раздѣлил свои воспоминанія, — подобно гр. Л. Н. Толстому, — на три періода: „Дѣтство, отрочество, юность“. Дѣтство было очень горькое. Отецъ г. Орлицкаго жилъ службою въ провинціи, скромно, но безбѣдно, и, вопреки чиновничьихъ обычаевъ тридцатыхъ годовъ, ничего не нажилъ, не припасъ на черный день. И вотъ наступили такіе-то дни на долгіе годы. Провинціальный чиновникъ лишился мѣста и вынужденъ былъ, съ женою и малыми дѣтми, переѣхать въ Петербургъ, искать службы или занятій. Человѣкъ безукоризненно и стойко честный, способный и усердный работникъ, онъ права былъ крайне непокладистаго, не шелъ ни на какіе компромиссы съ людьми и сдѣлки съ собственною совѣстью въ такое время, когда все жило низкопоклонствомъ, искательствомъ и чуть не поголовнымъ взяточничествомъ. Естественное дѣло, что онъ скоро очутился совсѣмъ особнякомъ безъ службы и безъ занятій, и вся семья попала въ большую нужду, граничащую съ полною нищетою. Въ Бѣлоруссіи у него была очень богатая сестра, помѣщица Урсула Васильевна Козичева, типъ властной барыни тѣхъ временъ. Какъ ни тяжело ему было, къ ней онъ отправилъ жену съ дочерьми, самъ остался въ Петербургѣ съ сыномъ, рассчитывая подготовить его и помѣстить въ подходящее учебное заведеніе. Описывая, по впечатлѣніямъ дѣтства, тогдашній Петербургъ и кругъ, въ которомъ ему пришлось проживать, авторъ даетъ очень яркую и мрачную картину быта и нравовъ сѣверной столицы, задавленной чиновничествомъ и военщиной. Разказы о холерѣ 1848 г. производятъ прямо потрясающее впечатлѣніе. Отецъ автора умеръ отъ холеры въ больницѣ, а его родная сестра, жена богатого и довольно виднаго чиновника, распорядилась отправить осиротѣвшаго мальчика въ деревню къ теткѣ Козичевой. „Отрочество“ протекаетъ въ матеріальномъ помѣщицѣемъ довольствѣ, но въ совершенно ужасающей обстановкѣ крѣпостничества, которое нигдѣ въ Россіи не проявляло себя съ такою жестокостью, какъ въ ея сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Тутъ авторъ разсказываетъ про такіе ужасы, что читать становится страшно и повѣрить было бы мудрено, если бы правдивость повѣствованія не подтверждалась большою искренностью автора, который и себя не щадитъ и ни въ чемъ не выгораживаетъ. Къ наступленію „юности“ это сытое и развратное помѣщицье благополучіе рухнуло. Тетушка Козичева такъ усердно и дико грабила крѣпостныхъ крестьянъ, что разорилась сама, была взята въ опеку и удалена изъ собственнаго имѣнія. Дальнѣйшія воспоминанія автора относятся уже ко второй половинѣ пятидесятихъ годовъ и къ его службѣ по министерству государственныхъ имуществъ, когда мѣсто Киселева занялъ М. Н. Муравьевъ, взявшійся со свойственною ему безпощадною энергіей за уничтоженіе „киселевщины“, по его выраженію, и за водвореніе „надлежащихъ порядковъ“ въ этомъ управленіи. Изъ разказовъ г. Орлицкаго (Окрейца) явствуетъ, что даже суровость Муравьева ничего тутъ подѣлать не могла, что чиновничій произволъ осилилъ на мѣстѣ всѣ министерскія начинанія и предначертанія. Авторъ, самъ католикъ и родомъ полякъ, относится крайне жестко и враж-

дебно къ ксендзамъ и „панамъ“, увлекавшимся „мечтаніями“, приведшими ихъ къ страшной катастрофѣ начала шестидесятихъ годовъ. На этомъ, т.-е. наканунѣ этихъ прискорбныхъ событій, обрываются воспоминанія С. С. Орлицкаго (Окрейца), не пощадившаго себя и на этотъ разъ въ своей „автобіографической хроникѣ“. Ксендзы и паны увлекались ошибочно понятой идеей сепаратистскаго патріотизма, поддавались обманнымъ обѣщаніямъ враговъ Россіи, впадали въ несчастныя иллюзіи, а онъ, г. Орлицкій (Окрейць), какъ будто признавалъ обманчивость „миражей“ и все-таки къ нимъ стремился подъ вліяніемъ юношеской любви къ женщинѣ. Въ общемъ, „автобіографическая хроника“ представляетъ большой интересъ, читается, какъ романъ, и живо воспроизводитъ тѣ времена, когда протекали „дѣтство, отрочество и юность“ автора въ душной атмосферѣ петербургской нищеты, въ торжествующемъ безправіи крѣпостнической провинціи, въ помѣщичьихъ и чиновничьихъ неистовствахъ губернскаго быта. Для пережившихъ свое время крѣпостниковъ и бюрократовъ, которые ничего не забыли и ничему не научились, эти рассказы являются очень вѣскими обличеніями, доказывающими необходимость свѣта и свободы, гласной правды въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ нашего отечества.

ИСКУССТВО.

„Міръ искусства“. Изд. кн. М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтова.

Міръ Искусства. На оберткѣ жиденькой тетрадки in 4°, кромѣ этихъ двухъ словъ, имѣется наверху какой-то нелѣпѣйшій рисунокъ муругими красками съ позолотой, — нѣчто вроде заставки, на которой небо изображено сѣро-зеленымъ, облака красно-кирпичными, земля — цвѣта кремъ, какія-то избушки, будочки и деревца, напоминающія рисованія пятилѣтнихъ ребятишекъ. Внизу листа, на сѣро-зеленомъ фонѣ, двѣ неправдоподобныя рыбины, такого же дѣтскаго издѣлія. Что такое этотъ *Міръ Искусства*? Второго заглавнаго листа нѣтъ. И только перелистовавши всю тетрадку, мы нашли въ отдѣлѣ объявленій разъясненіе, что это „иллюстрированный, художественный журналъ“, издаваемый княгиней М. К. Тенишевою и С. И. Мамонтовымъ, подъ редакціей С. П. Дягилева. Въ оглавленіи на послѣдней страницѣ напечатано, что эта тетрадка представляетъ собою соединенные два первые номера новаго журнала. Въ нихъ всего 44 страницы текста и политпажей и 6 приложений на отдѣльныхъ листахъ. Эти приложения и бросаются, прежде всего, въ глаза читателя, и повергли насъ въ недоумѣніе, даже въ нѣкоторое смущеніе: ужъ не издѣваются ли гг. издатели надъ русскою публикой? На четвертушкѣ сѣрой бумаги приклеена ширинка въ вершокъ шириной и въ 5 вершковъ длиной. На ней какая-то пестрая мазня, долженствующая, повидимому, изображать городъ. Подъ этимъ напечатано золотомъ: „Рисунокъ для маіюлики К. Коровинъ“. Далѣе на блѣдно-голубой бумагѣ, съ такою же точно подписью, приклеена ширинка еще уже, и что на ней намазано — разобрать совсѣмъ невозможно, выдѣляются только семь бѣлыхъ и безобразныхъ клыковъ. На третьемъ сѣромъ листѣ, съ подписью: „Образецъ изразца С. Малютина“, на золотомъ фонѣ извивается зеленый стебель, похожій на червяка, на стеблѣ — небывалый въ природѣ гнуснаго вида цвѣтокъ; позади него какая-то лиловая трубуха, а подъ нею бѣлый кружокъ,

черезъ который ползутъ два лиловыхъ червя! Это—не „образецъ изъ разца“, а спесименъ чепухи, такого же заvirательства въ искусствѣ, какъ „маіолики“ г. Коровина. Да, вѣдь, это декаденты!—восклицаетъ читатель. Совершенно вѣрно, форменные декаденты, они и сами не скрываютъ этого, только обижаются, находятъ „безсмысленнымъ и оскорбительнымъ“ названіе *декадентовъ*. Это говоритъ редакторъ, г. Дягилевъ, въ своей вступительной статьѣ, причемъ высокобраничаетъ необыкновенно въ такомъ тонѣ: „Мы не выпачкались ни объ одну изъ заваренныхъ и разставленныхъ для насъ красокъ, да и никакого желанія къ этому не проявили“... „Мы поклонники Бодлера и Бѣклина“. „Мы не выносимъ того, что составляетъ жалкій остатокъ ложныхъ подражателей ложнаго классицизма. Мы ненавидимъ именно то, что должно называться декадентствомъ классицизма и что, конечно, имъ не называется, всѣхъ этихъ Пойнтеровъ, Тадемъ, Кабанелей, Лѣфевровъ, Семирадскихъ“... Г. Дягилевъ отъ лица тѣхъ же „мы“, говоритъ далѣе: „Въ Россіи, впрочемъ, теорія искусства для искусства никогда не торжествовала явно и побѣдоносно, и въ то время, какъ юный Зола воевалъ въ Прудомъ и Флоберъ оставлялъ намъ замѣчательныя страницы своей переписки съ Жоржъ-Зандъ, —въ то время у насъ модно царили такія силы, какъ Чернышевскій, Писаревъ и Добролюбовъ“. Какими „силами“ ихъ считаютъ г. Дягилевъ и его „мы“, заключить можно изъ нижеслѣдующаго: на 13 стр. редакторъ *Мира Искусства* говоритъ: „Теперь несвоевременно было бы упоминать объ этихъ ученіяхъ, отводившихъ искусству роль послушныхъ школьниковъ на помочахъ у противохудожественной теоріи социализма, еслибъ недавно и вновь, хотя и на почвѣ религіозной морали, проповѣдь подчиненія искусства внѣ его лежащей цѣли не заставила насъ прислушаться къ словамъ такихъ людей, какъ Брюнетьеръ, отчасти Рѣскинъ, и, наконецъ, вынести пощечину, нанесенную искусству его неблагодарнымъ служителемъ Львомъ Толстымъ, отвергшимъ искусство всѣхъ вѣковъ и низведшимъ самое назначеніе его до степени одной изъ христіанскихъ добродѣтелей“... „Наши цѣнители и критики, въ огромномъ большинствѣ, даже къ теоріи Толстого относятся отрицательно только оттого, что они все еще говорятъ словами Чернышевскаго. *Эта нездоровая фигура* еще не переварена, и наши художественные судьи въ глубинѣ своихъ мыслей еще лелѣютъ этотъ варварскій образъ, который съ неумытыми руками прикасался къ искусству и думалъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, замарать его“. Продолжаемъ цитировать: „Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго человѣка, — говорилъ онъ (Чернышевскій), — одно только въ состояніи избавить искусство отъ упрека, будто бы оно—пустая забава, тѣмъ оно дѣйствительно бываетъ чрезвычайно часто: художественная форма не спасетъ отъ презрѣнія или сострадательной улыбки произведеніе искусства, если оно важностью своей идеи не въ состояніи дать отвѣтъ на вопросъ: да стоило ли трудиться надъ подобными пустяками?“ Вотъ какой сердитый г. Дягилевъ,—Толстой, Добролюбовъ, Тадемъ, Семирадскій, Чернышевскій, всѣ ему и его „мы“ нипочемъ, идея—плевое дѣло, а форма... въ первомъ номерѣ журнала *Миръ Искусства* видно уже, какое они имѣютъ представленіе о „формахъ“ и какъ они формы понимаютъ. Эти господа „мы“, съ С. Дягилевымъ, С. И. Мамонтовымъ и княгиней М. Н. Тенишевой во главѣ, идею въ искусствѣ отбрасываютъ, какъ ненужный и даже зловредный балластъ, а за „образцы“ формъ поставляютъ дикую мазню гг. Коровина и Малютина и иллюстраціи къ норвежскимъ были-

намъ Эрика Веренскиюльда, котораго они провозглашаютъ гениемъ. Этотъ скандинавскій „геній“ иллюстрируетъ свои „саги“ такъ, какъ ихъ иллюстрировали бы современники ихъ возникновенія, люди VIII, IX вѣковъ или болѣе раннихъ временъ. Такая тенденція на самомъ дѣлѣ существуетъ,—преплохая и неразумная тенденція изображать викинговъ, богатырей такъ, какъ могли бы ихъ нарисовать современники складывавшихся о нихъ сказаній, такіе современники, которые не только не умѣли рисовать, но и писать обучены не были. Выходитъ сущій вздоръ. Очень интересны и огромное значеніе имѣютъ для исторіи искусства наивные рисунки древности, сохранившіеся въ жилищахъ древнихъ человѣковъ, какъ и статуи архаическихъ временъ, но если теперь художникъ начинаетъ заниматься такимъ ваяніемъ или рисованіемъ, то мы считаемъ подобныя упражненія ни на что и никуда не годными. Это уже не „искусство для искусства“, это—даже не „декадентство“, а просто—пустяковина, гримасничанье и извращеніе искусства, глубокое непониманіе задачъ искусства. „Иллюстрированный художественный журналъ“ русской публикѣ нуженъ, очень нуженъ, а такой, какъ *Міръ Искусства*,—судя по его первому выпуску,—кромѣ злого вреда, ничего принести не можетъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Отчетъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губерн. земства за 1896 годъ.

Отчетъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1896 годъ (годъ третій). Пермь, 1897 г. Пермскій банкъ все болѣе и болѣе развиваетъ свои операціи,—такъ, за 1896 г. общая сумма долга, состоящаго за кліентами банка, достигла 204 тыс. руб., т.-е. болѣе на 70 тыс. р. противъ 1895 г. Но любопытно, что тогда какъ за отдѣльными кустарями числилось ссудъ на 172,7 тыс. руб., за складами—на 24,6 т. р., за артелями и товариществами—всего 24,670 руб., т.-е. послѣдняя группа, наиболѣе покровительствуемая банкомъ, принимаетъ участіе въ операціяхъ послѣдняго всего въ размѣрѣ 3,2% (стр. 3). Банкъ имѣетъ цѣлью выдавать ссуды главнымъ образомъ истиннымъ кустарямъ, не пользующимся притомъ наемнымъ трудомъ, если послѣдній не имѣетъ временнаго характера или не обусловливается родомъ производства. И отчетъ банка констатируетъ, что относительная величина группы заемщиковъ, не имѣющихъ въ своихъ предпріятіяхъ частныхъ рабочихъ, нѣсколько меньше такой же величины, опредѣляемой для всѣхъ кустарей въ губерніи вообще, и что заемщики, имѣющіе болѣе чѣмъ трехъ рабочихъ, составляютъ въ общемъ числѣ кліентовъ банка меньшій процентъ противъ нормальнаго, опредѣляемаго для такого рода кустарныхъ предпріятій по губерніи вообще (стр. 21). Между тѣмъ какъ экономическая жизнь, кажется, несмотря на всѣ стремленія банка закрѣпить мелкую форму производства безъ участія наемныхъ рабочихъ, накладываетъ свой отпечатокъ на дѣятельность банка: такъ процентное отношеніе, говорится далѣе въ отчетѣ, числа взрослыхъ наемныхъ рабочихъ ко всѣмъ вообще участникамъ въ предпріятіяхъ, воспользовавшимся кредитомъ банка, возросло съ 14,9% до 18,9%! Затѣмъ въ то время, какъ на семейную форму производства выпадаетъ 54,2% всѣхъ ссудъ, на группу производства съ участіемъ: 1) временныхъ наемныхъ и 2) постоянныхъ рабочихъ приходится также очень значительный процентъ, а

именно 41% (стр. 22). Съ финансовой стороны банкъ идетъ успѣшно: такъ за отчетный 1896 г. онъ далъ чистой прибыли 1,685 р. Спросъ на кредитъ все растетъ и растетъ: если въ 1894 г. было всего 457 требованій, то въ 1895 г.—уже 1,633, а въ 1896 г.—1841 (стр. 4). По уставу банкъ имѣетъ право расходовать часть своихъ чистыхъ прибылей на мѣропріятія по воспособленію кустарной промышленности губерніи. Для этой цѣли по 1 янв. 1897 г. было израсходовано—343 руб. на пособія учебнымъ мастерскимъ, открытымъ при нѣкоторыхъ училищахъ, какъ-то: столярная мастерская, кузнечно-слесарная, ткацкая, мастерская руководѣльных работъ и т. д. (стр. 61). Дѣятельность банка почтенна, но онъ принимаетъ на себя и несоотвѣтствующую роль — давать направленіе экономической жизни. Что банкъ ставитъ себѣ цѣлю не только поддерживать мелкое производство, а и расчлененіе крупнаго, видно изъ его отчета, гдѣ на стр. 31 говорится: „Банкъ не только создаетъ самостоятельныя кустарныя единицы, но онъ этимъ путемъ расчленяетъ крупныя предпріятія, отнимая отъ нихъ работниковъ непосредственной выдачей послѣднимъ ссудъ“. Но повернуть производство къ старому мелкому, типу невозможно; все, что кредитное учрежденіе можетъ сдѣлать при современныхъ экономическихъ условіяхъ, — это развивать продуктивныя силы населенія путемъ усиленія притока къ нему капиталовъ. Само кредитное учрежденіе въ своихъ операціяхъ и въ формѣ организаціи кредита слѣдуетъ за экономической жизнью, а не обратно. Словъ нѣтъ, наше нравственное чувство оскорбляется при видѣ эксплуатаціи кустаря, а еще болѣе наемнаго рабочаго кулакомъ, но спасеніе здѣсь лежитъ въ развитіи класса рабочихъ, въ пробужденіи въ нихъ сознанія солидарности своихъ интересовъ, что возможно лишь при крупной формѣ производства,—а вовсе не въ закрѣпленіи формъ мелкой индустріи, съ которыми неразрывно соединена низкая продуктивность труда, эксплуатація дѣтскаго труда, порой болѣе ужасная, чѣмъ при фабричной системѣ, недоѣданіе, недосыпаніе и нищенскій заработокъ... Поэтому, повторяемъ, симпатизируя общей идеѣ банка, развитію кредита, мы думаемъ, что банкъ много болѣе сдѣлалъ бы для развитія продуктивныхъ силъ населенія, посмотрѣвъ смѣло въ глаза дѣйствительности и взявъ жизнь такой, какъ она есть, т.-е., другими словами, банкъ долженъ былъ бы идти навстрѣчу развитію продуктивныхъ силъ вездѣ, гдѣ видитъ онъ гарантіи цѣлесообразнаго продуктивнаго употребленія ссудъ, безразлично, будетъ ли это крупное, или мелкое предпріятіе.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

„Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII стол. объ альбигойскихъ еретикахъ“. Н. А. Рубакина.—„Швейцарія“. В. М. Величкиной.—„Древній Египетъ“. Икономова.

Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII столѣтія объ альбигойскихъ еретикахъ. Н. А. Рубакина. Альбигойская ересь, охватившая къ концу XIII в. своей религіозной и революціонной проповѣдью большую часть южной Франціи, вызвала со стороны обезпеченной римской куріи цѣлый рядъ гоненій и преслѣдованій. Въ первой половинѣ XIII в., для большей успѣшности борьбы съ еретиками, католическое духовенство создало инквизицію, учрежденіе, покрывшее римскую церковь несмыслимымъ поворомъ.

Книжка г. Рубакина, рисующая дѣятельность первой инквизиціи

въ Лангедокѣ, даетъ яркій очеркъ подвиговъ „святого“ трибунала. Передъ читателемъ раскрывается одна изъ самыхъ мрачныхъ страницъ средневѣковой исторіи съ ея инквизиціонными пытками и заревомъ костровъ, въ пламени которыхъ массами гибли жертвы фанатизма. Непонятно, однако, чѣмъ руководствовался авторъ, называя свою книжку хроникой объ альбигойскихъ еретикахъ. На 4 стр. мы, правда, находимъ попытку изложить основныя положенія катаризма, гдѣ авторъ не отличаетъ катаровъ отъ павликианъ, манихеевъ и другихъ сходныхъ съ ними сектъ, но этимъ интересъ его къ альбигойцамъ и ограничивается. Дальнѣйшее изложеніе знакомитъ читателя съ ужасами инквизиціи, съ ученымъ евреемъ бенъ Хариси, съ проповѣдникомъ вальденцевъ Антуаномъ и его романической исторіей, но судьба альбигойцевъ остается неизвѣстной. Говоря объ учрежденіи инквизиціи, авторъ ошибочно обвиняетъ въ этомъ св. Доминика. „Святой Доминикъ предложилъ, а папа благословилъ“,—читаемъ на стр. 8,—устроить особое судилище для искорененія ереси. Такъ возникъ святой трибуналъ, Sanctum Officium, т.-е. инквизиція, и „святое дѣло искорененія ереси“ было предоставлено монахамъ ордена св. Доминика“. Напомнимъ почтенному автору, что св. Доминикъ умеръ въ 1221 г.; исторія доминиканской инквизиціи начинается съ 1233 г. (Бреве папы Григорія IX отъ 20 мая 1233 г.).

Книжка написана со свойственнымъ автору талантомъ, простымъ, общедоступнымъ языкомъ, дѣлающимъ ее пригодной для широкаго круга читателей изъ народа; недурные рисунки въ текстѣ дополняютъ знакомство съ изображаемой эпохой.

Швейцарія. В. М. Величкиной. Книжка г-жи Величкиной представляетъ рядъ очерковъ по географіи, этнографіи и исторіи Швейцаріи. Написаны эти очерки довольно толково, но поверхностно и носятъ большею частью характеръ личныхъ впечатлѣній, поспѣшно занесенныхъ въ назиданіе русскому народу. Увлеченіе автора Швейцаріей и ея населеніемъ переходитъ часто въ грубую идеализацію, а правдоуличная тенденція, составляющая основную тонъ книги, придаетъ ей елейный характеръ, въ которомъ звучитъ фальшивая нота народолюбцевъ стараго покроя. О всѣхъ этихъ недостаткахъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ у автора замѣтна способность къ живому, доступному изложенію.

Древній Египетъ. Икономова. Наша народная литература бѣдна книгами по исторіи, и добросовѣстная компиляція г. Икономова займетъ въ ней почетное мѣсто. Обиліе фактическаго матеріала и тяжелый языкъ придаютъ книжкѣ фizioномію сухого конспекта, что мѣшаетъ ея широкому распространенію. Авторъ пользовался хорошими пособиями и въ научномъ отношеніи книжку слѣдуетъ признать довольно удовлетворительной.

ПОСОБІЯ.

„Россія“. С. Меча.

Россія. С. Меча. 6-е дополненное изданіе. 1899 г. Ц. 1 р. Географическій сборникъ г. Меча, предназначенный для чтенія въ семьяхъ и въ школахъ, выходитъ уже шестымъ изданіемъ. Успѣхъ вполне заслуженъ: сборникъ составленъ прекрасно. Самому издателю принадлежатъ 22 очерка — живо и талантливо написанные. Кончается книга

очеркомъ г. Меча: *Великій путь* (сибирская желѣзная дорога). Составитель заботливо приспособляетъ избираемыя имъ статьи къ потребностямъ читателей, которыхъ онъ имѣетъ въ виду. Стоить сборникъ дешево (382 стр.).

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНИЯ.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь. — „Русскій Вѣстникъ“, декабрь. — Русское Богатство“, ноябрь. — „Міръ Божій“, ноябрь.

Недавно вышла книга *L'Italia barbara contemporanea* (Современная варварская Италия), написанная Альфредомъ Ничефоро, рисующая яркими красками культурную отсталость южной Итали. Книга эта послужила матеріаломъ для интересной статьи *Дѣнь Итами*, напечатанной въ *Вѣстн. Европы*. По справедливому замѣчанію автора статьи, книга Ничефоро достойна самаго серьезнаго вниманія. Для итальянскихъ государственныхъ людей она должна послужить предостереженіемъ противъ ихъ политики, которая ни мало не улучшила положеніе южной Итали со времени объединенія страны. Если сѣверную и среднюю части Итали можно назвать цивилизованными, то южная Италия съ островами Сардиніей и Сициліей, вмѣстѣ составляющая половину всей страны, пребываетъ и понынѣ въ варварскомъ состояніи. Въ экономическомъ отношеніи южная Италия еще не вышла вполнѣ изъ феодальнаго строя. Агрикультура на сѣверѣ достигла высокой степени развитія; на югѣ и на островахъ она еще на самой примитивной ступени; здѣсь господствуютъ латифундіи и безконечныя пространства земли остаются безъ обработки. Въ промышленномъ отношеніи сѣверныя провинціи представляютъ „Англію“ Итали; тутъ индустрія процвѣтаетъ; на югѣ же имѣются однѣ только шахты и промышленность мало ушла отъ состоянія ея въ средніе вѣка. Страсть къ наживѣ, весьма распространенная во всѣхъ классахъ общества, ищетъ здѣсь удовлетворенія себѣ въ различныхъ легкихъ путяхъ, а не въ трудѣ. Разбогатѣть путемъ лоттерей составляетъ надежду почти каждого южанина. Начиная съ аристократа до самаго послѣдняго чистильщика сапоговъ, всѣ ждутъ отъ субботы счастья и несутъ въ этотъ день всѣ свои сбереженія, закладываютъ драгоценности, воруютъ, впадаютъ въ лапы ростовщиковъ, чтобы имѣть возможность взять нумеръ въ какой-либо изъ многочисленныхъ лоттерей. И здѣсь суевѣріе, которымъ проникнуты всѣ классы населенія южной Итали, находитъ себѣ широкое поле примѣненій. Для того, чтобы выиграть, прибѣгаютъ къ сверхъестественной силѣ, божественной или дьявольской — не важно. Особенно вѣрятъ, что монахи обладаютъ способностью заглядывать въ тайны будущаго, такъ какъ они узнаютъ „хорошіе нумера“ отъ умершихъ святыхъ. И вотъ монаховъ, въ особенности же изъ тѣхъ, которые пользуются славою строгой жизни, еженѣдно осаждаютъ вопросами. Монахъ не обязанъ сказать цифры, достаточно если скажетъ какое-нибудь слово. Слово перекладывается по кабалѣ на цифры. Неудача означаетъ, что слова невѣрно были истолкованы. Случается, однако, и то, что монаха пытаются до смерти, чтобы заставить его сказать выигрышный нумеръ. Въ Неаполѣ есть также масса колдуновъ и вѣдмъ, которые имѣютъ сношенія со святыми или съ дьяволомъ и продаютъ свои „нумера“ за нѣсколько soldi. Если найдется такой священникъ, который согласится на „черную службу“, т.-е. прослужить молебенъ въ честь

сатаны, то послѣдній сейчасъ же даетъ „тепо“, самый большой лотерейный выигрышъ. И говорятъ, что среди духовенства, шатающагося по переулкамъ Неаполя и не знающаго, чѣмъ пережить день, находятся такіе охотники. Суевѣріе и невѣжество два родные брата; между тѣмъ итальянское правительство не дѣлаетъ почти ничего для борьбы съ невѣжествомъ. Въ отношеніи грамотности Италія даетъ цифры, говорящія о рѣзкой разницѣ между сѣверомъ и югомъ, а центръ занимаетъ среднюю ступень. Въ 1892 году въ сѣверныхъ провинціяхъ на 100 новобранцевъ было безграмотныхъ 24, въ южныхъ—57. Неаполь, самый большой городъ южной Италіи, является дикаремъ въ сравненіи съ Туриномъ и Миланомъ. Безграмотныхъ жениховъ и невѣстъ въ 1893 году было въ Туринѣ 6%, Миланѣ—18%, Неаполь—половина. Но и въ самой южной Италіи есть градаціи, и Сардинія является едва ли не самой отставшей въ культурномъ отношеніи. Коллективная мораль сардинцевъ,—говоритъ авторъ статьи,—весьма напоминаетъ первобытную мораль дикарей. Разбойникъ, грабитель—герой въ глазахъ сардинцевъ. Пастухи области Нуоо хвалятся среди своихъ знакомыхъ и родныхъ своими разбойничьими подвигами. Одинъ сардинскій писатель говоритъ про нихъ, что кто не умѣетъ красть или грабить, считается у нихъ человѣкомъ никуда не годнымъ. Пастухи соединяются между собою для нападений часто болѣе для славы, чѣмъ для хищенія. Извѣстно, что нѣкій разбойникъ Опано Liberato, за голову котораго полиція назначила 4,000 лиръ, спокойно занимается въ теченіе 15 лѣтъ въ своей глуши разведеніемъ стадъ скота. Для поминки разбойниковъ высылаются цѣлые батальоны карабинеровъ и солдаты. Культура сардинскаго народа застыла въ первобытной формѣ и онъ какъ бы забытъ итальянскимъ правительствомъ. Въ Сициліи мѣстами цивилизація пустила уже корни, мѣстами же еще самая дикая самобытность. Предразсудки и суевѣрія здѣсь такіе же, какъ въ Неаполѣ. И тутъ о Богѣ меньше думаютъ, чѣмъ о чудодѣйственныхъ статуяхъ и о сатанѣ. Въ ноябрѣ 1896 г. въ Мессинѣ пропалъ ребенокъ. Послѣ полиція узнала, что нѣсколько крестьянъ въ поискахъ за кладомъ принесли невинную жертву Богу. Въ Сициліи даются еще средневѣковыя мистеріи въ народныхъ театрахъ и деревняхъ. Во время возстаній 1848—49 и 60 гг. происходили сцены до того дикія, что трудно было бы повѣрить, не будь это историческіе факты. Во время возстанія 1866 года женщины Misilmeri носили куски мяса убитыхъ солдатъ и кричали: „A sei grana la carne du surdatu! A otto chidda du carabinieri!“ (шесть гранъ мясо солдата, 8—карабиньеровъ!). Въ Калабріи жизнь общественная и частная ничѣмъ не отличается отъ жизни самыхъ глухихъ уголковъ Сициліи. Мафія и Каморра—эти антисоціальныя и разбойничьи союзы—распространены здѣсь въ такой же степени, какъ въ Сициліи. И, несмотря на такую дикость южной Италіи правительство „третьяго Рима“ не имѣетъ желанія извлечь страну изъ ея варварскаго состоянія. По словамъ Ничефоро, приводимымъ авторомъ цитируемой нами статьи, будущіе историки назовутъ нынѣшній правительственный режимъ періодомъ декадентства. „Бурбонизмъ сдѣлалъ южную Италію варварской. Настоящее правительство, увлекшись миражемъ высшей политики и вѣшняго могущества, разрушаетъ и убиваетъ всю Италію, отнимаетъ послѣднюю энергію у націи и приближаетъ ее къ полному банкротству. Послѣ того, какъ національное объединеніе совершилось,—а это была самая чудная страница въ современной исторіи,—патріоты, ведшіе за собой народы, превратились въ

орду и набросились на свою же націю, чтобы поскорѣе нажиться, захватить лучшія мѣста. Вокругъ этихъ патріотовъ группируются кліенты, родные и всѣ жадно ищутъ теплыхъ мѣстечекъ. Начались грабежи банковъ, и нѣтъ почти ни одного государственнаго человѣка, который бы не былъ замѣшанъ въ этомъ. Послѣ банковъ, парламентаризмъ и бюрократія представляютъ сильныя средства для обогащенія. Въ то время, какъ страна нуждается въ самыхъ безотлагательныхъ реформахъ во всѣхъ областяхъ, правящіе классы думаютъ о своихъ личныхъ выгодахъ. Нынѣшніе патріоты потеряли чувство національности. Мученики сложили свои головы для великаго дѣла, а оставшіеся, окруженные ордой жаждущихъ теплаго мѣстечка, потеряли всякіе идеалы. Низшіе классы должны выносить на своихъ плечахъ этотъ высшій классъ. Результатомъ—„бѣлая смерть“, т.-е. медленное вымирание отъ голода, невѣжество и моральное паденіе. Италія находится какъ бы въ агоніи. Нынѣшнее поколѣніе не въ состояніи вырвать Италію изъ этого положенія. Нужны новые люди съ новыми силами и новыми идеалами—вотъ заключеніе,—говоритъ авторъ статьи,—къ которому можно прійти по прочтеніи книги Ничеоро⁴.

Въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* напечатано окончаніе повести г. Мамина-Сибиряка *У теплаго моря*. Здѣсь разсказана исторія гибели въ высшей степени хорошаго человѣка, земскаго врача по профессіи. Въ этомъ человѣкѣ васъ поражаетъ контрастъ между внѣшней обстановкой его жизни и благородствомъ его души. Онъ глубоко любилъ свою жену; вскорѣ послѣ брака она ушла отъ него. Докторъ пережилъ всѣ муки, какія можетъ только доставить безумно любимая женщина. Онъ не желалъ участія друзей, мудрыхъ совѣтовъ и соблазнующаго вниманія, а поэтому раззнакомился со старыми знакомыми и повелъ замкнутую жизнь. Начался роковой запой. Прошло немного времени и докторъ очутился въ Петербургѣ на Сѣнной среди общества пропойцъ и босяковъ. Но и здѣсь, на Сѣнной, безъ хлѣба и крова, среди подонковъ общества, онъ остается такимъ же чистымъ душой, деликатнымъ и необычайно чуткимъ къ чувству человѣческаго достоинства. И этотъ контрастъ изображенъ авторомъ съ такой полнотой жизненной правды, что западаетъ невольно предположеніе: не зналъ ли авторъ въ дѣйствительной жизни близкаго доктору двойника. Прочитавъ повѣсть, вы признаете, что есть люди, у которыхъ благородство души достигаетъ такого развитія, такой устойчивости, что его не умаляютъ никакая обстановка, никакія обстоятельства. Хорошо изображенъ также босякъ Орѣховъ, отставной солдатъ, пріятель доктора. Эта натура жизнерадостная и дѣтски-наивная. Орѣховъ обладалъ необычайной жалостью къ другимъ и особенно любилъ помогать несчастнымъ, будь то люди или животныя. Но и на него находилъ иногда „стихъ озлобленности“, и тогда онъ, обращаясь къ доктору и дѣлая угрожающіе жесты по адресу неизвѣстныхъ враговъ, говорилъ: „Ужь мы имъ покажемъ, вашекорodie! И мы такіе же люди... Чѣмъ, то-есть, хуже другихъ прочихъ человѣковъ, особливо ежели бы одешенку выправить? Сдѣлайте милости!...“ Орѣховъ очень жалѣлъ доктора и старался всѣми способами облегчить ему существованіе. Особенно онъ усердствовалъ по части бани и считалъ своей прямой обязанностью до неистовства мыть „барское докторское тѣло“. Если докторъ и босякъ-солдатъ изображены вполне рельефно, то нельзя того же сказать о третьемъ главномъ лицѣ повѣсти, о женѣ доктора, красавицѣ Клавдіи Григорьевнѣ. Въ изображеніи ея авторъ избралъ особый, рѣдко упо-

требляемый приёмъ. На всемъ протяженіи повѣсти читатель видитъ не ту Клавдію Григорьевну, какова она въ дѣйствительности, а какою она представляется доктору. Безумно влюбленному въ нее мужу она представляется женщиной чудной души; читатель же, если и не вполне раздѣляетъ увлеченіе мужа, все-таки не можетъ не симпатизировать ей, не видѣть въ ней интересной и душевной женщины. И каковъ неожиданный сюрпризъ для читателя, когда, лишь на послѣдней страницѣ повѣсти, онъ узнаетъ, что его представленіе о красавицѣ было совершенно невѣрное. Свидѣтельство о ней хорошо знающая ее брата слѣдующее: „О, она ловко вела свои дѣла... Патентованныя кокетки предъ ней глупыя дѣти. Клавдія всегда умѣла остаться порядочной и чистой женщиной... Ха, ха!... Да... Вы только подумайте, какое величайшее искусство сохранить лицо порядочной женщины? Ни одного фальшиваго движенія, ни одной безпкойной улыбки. Она всегда равна самой себѣ и всегда чувствуетъ себя сама собой. Она холодна, какъ сѣверный полюсъ“. Несмотря на такое свидѣтельство брата, читатель не можетъ освободиться отъ тѣхъ чувствъ симпатіи, которыя возникли въ немъ по отношенію къ героинѣ повѣсти; а потому образъ жены доктора остается для него неяснымъ.

Въ *Миръ Божьей* напечатана статья г. Иванова о томъ, насколько исторія—наука и какими путями ее изучать, чтобы остаться на высотѣ ученаго призванія? Объ этомъ предметѣ историкъ толкуетъ много; ему обыкновенно посвящаются вступительныя лекціи въ университетскихъ курсахъ, актовые рѣчи, о немъ упоминается въ гербухахъ и грундриссахъ, а соглашеніе, однако, ни на іоту не двигается впередъ, „вовъ и понинъ тамъ“, по мнѣнію г. Иванова. До нынѣшняго столѣтія не было и претензіи дать исторіи значенія точной науки и требовать отъ историковъ такихъ же объективныхъ приемовъ изслѣдованія, какіе практикуются естествоиспытателями. Только теперь стали говорить о законахъ исторіи, объ объективномъ раскрытіи ею непрерывной цѣпи причинъ и слѣдствій, о томъ, что исторія—та же *физика* и должна стремиться къ раскрытію столь же точныхъ законовъ. А чтобы достичь такого научнаго значенія, она должна опираться въ своихъ выводахъ и обобщеніяхъ единственно на факты, которые надо неустанно собирать и собирать. Въ результатъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ ученые культурныхъ странъ Европы сдѣлали въ области собиранія историческихъ документовъ гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано за цѣлые вѣка. Явилась новая и обширная специальность—объясненіе текстовъ. Нерѣдко та или другая строка поэта и историка плодитъ цѣлыя страницы комментариевъ. Каждый древній писатель имѣетъ за собой почетную свиту изъ толкователей всѣхъ національностей, особенно германской. Цѣлыя жизни ученыхъ уходятъ на сравнительную оцѣнку комментариевъ, конъектуръ, контравергъ, плодящихся изъ году въ годъ и грозящихъ достичь необъятныхъ размѣровъ. И вотъ, въ самый разгаръ этого движенія къ безконечному накопленію фактовъ раздаются авторитетныя, полагаетъ г. Ивановъ, голоса о тщетѣ надежды доставить историческому знанію ту же точность, какой по самому предмету своихъ изслѣдованій достигаютъ естественныя науки. Дѣло въ томъ, что историкъ не можетъ освободиться отъ субъективизма и лишенъ тѣхъ точныхъ способовъ изслѣдованія зависимости слѣдствій отъ причинъ, какими пользуется естествоиспытатель. Авторъ статьи въ защиту своего мнѣнія приводитъ свидѣтельство Фюстель-де-Куланжа. Этотъ талантливый историкъ, всю жизнь отдавшій текстамъ и документамъ, указываетъ какъ на заблужде-

ніе, будто зрудить подчиняется только разбираемому документу. Въ дѣйствительности процессъ ученаго изслѣдованія представляетъ борьбу текста и *предубѣжденнаго ума*. Этотъ *esprit prévenu* неизбѣженъ у всякаго самаго осторожнаго историка, хотя самъ историкъ можетъ и не сознавать роковаго конфликта. „Умъ,—говоритъ Фюстель-де-Куланжъ,—отказывается усвоивать то, что противорѣчитъ его идеѣ; и обычный результатъ борьбы таковъ: не умъ подчиняется тексту, а скорѣе текстъ уступаетъ, склоняется и приспосабливается къ ранѣе составленному мнѣнію... Воображаютъ, что наблюдаютъ фактъ, а на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ немедленно принимаетъ окраску и смыслъ, какой нуженъ уму изслѣдователя. Думаютъ, будто читаютъ текстъ, а въ то же время фразы этого текста получаютъ особое значеніе согласно съ мнѣніемъ, усвоеннымъ заранѣе“. Въ нѣмецкомъ языкѣ явилось даже новое слово—*hineinlesen*, что значитъ вычитывать въ документѣ, сознательно или безсознательно, только нужное для извѣстнаго плана. Комментаторъ документа сосредоточивается, самъ того не замѣчая, на тѣхъ выраженіяхъ, которыя соотвѣтствуютъ уже составившимся у него представленіямъ. Между тѣмъ, правильное установленіе фактовъ, фактовъ, подлежащихъ всестороннему объективному изслѣдованію, составляетъ элементарное условіе для каждой точной науки. Вторымъ условіемъ для точности науки является возможность привести правильно установленные факты во взаимную причинную связь. Однако, и въ этомъ пунетѣ историкъ встрѣчаетъ такіа же, если еще не большія, затрудненія, какъ и въ удовлетвореніи перваго, указаннаго выше, требованія. При изложеніи событій историкъ приходится и описывать, и *творить*, быть изслѣдователемъ и *художникомъ*. Авторъ статьи напоминаетъ, что значеніе *художественнаго творчества* въ исторической наукѣ было разясняемо еще сенсимонистами. Эта школа первая заговорила объ исторіи, какъ наукѣ, и она же первая открыла въ ея области дѣятельность силъ чисто художественныхъ. Между отдѣльными историческими фактами и общимъ ихъ смысломъ или всеобъемлющей идеей причины всегда лежитъ пропасть, заполняемая въ значительной степени при помощи художественнаго творчества, а не единственно строго-научнымъ методомъ. И здѣсь опять нашъ авторъ обращается къ свидѣтелю. Въ настоящее время, да и вообще во второй половинѣ XIX вѣка,—говоритъ г. Ивановъ,—первое мѣсто среди историковъ слѣдуетъ отвести Моммзену по таланту и учености. Блестящія литературныя дарованія Моммзена хорошо извѣстны, а ученость заставляетъ склоняться предъ германскихъ историкомъ даже его политическихъ враговъ—французовъ. Одной изъ огромныхъ заслугъ Моммзена въ наукѣ было изданіе имъ *Сборника латинскихъ надписей*. Онъ потратилъ цѣлыя годы на объясненіе архаическихъ обрывковъ, онъ создалъ методъ чтенія и пониманія ихъ, онъ напечаталъ множество трактатовъ о самыхъ ископаемыхъ вопросахъ, вродѣ римской хронологіи, римскихъ монетъ,—однимъ словомъ, онъ надолго воплотилъ едва достижимый идеаль зрудита. И вотъ именно онъ матерью исторіи провозгласилъ не зрудитію, а *художественное творчество*, и не побоялся даже сопоставить исторію съ поэзіей. Пусть историки,—говоритъ въ заключеніи авторъ статьи,—отбросятъ навсегда надежду стать социальными фізіологами и признаютъ, что имъ приходится остаться въ рангѣ полуизслѣдователей, полухудожниковъ. Такое признаніе имѣетъ большое значеніе, такъ какъ оно ставитъ предъ историками задачу, отъ степени выполненія которой всегда зависѣла цѣнность историческихъ трудовъ. Чѣмъ дальше отъ историка

возможность стать объективнымъ изслѣдователемъ по свойству самихъ предметовъ изслѣдованія, тѣмъ настоятельнѣе всестороннее развитіе данныхъ, обуславливающихъ широкое пониманіе историческихъ явленій, то-есть развитіе интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ собственной личности историка. Мы рѣшительно не согласны съ этимъ взглядомъ и, придавая огромное значеніе историкамъ-художникамъ, для науки-исторіи требуемъ научнаго метода.

Г. Вороновъ продолжаетъ печатаніе въ *Русскомъ Вѣстникѣ* почительныхъ статей о селско-хозяйственной производительности. Особенно сильный упадокъ наблюдается въ восточныхъ и средне-волжскихъ губерніяхъ, гдѣ за послѣднее время неурожаи сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Нѣкогда богатый край этотъ бѣднѣетъ и разоряется. Количество рабочаго скота, составляющее основу селскаго хозяйства, здѣсь значительно сократилось. А переживаемый этимъ краемъ нынѣшній тяжелый годъ поведетъ еще къ дальнѣйшему и чрезвычайному сокращенію рабочаго скота. Въ виду этого, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ статьи, нельзя ограничиваться одной только продовольственной помощью нуждающимся, а необходимо принять также мѣры къ обеспеченію ихъ скота кормовыми припасами. Въ противномъ случаѣ всему этому краю угрожаютъ въ будущемъ еще болѣе тяжкія экономическія затрудненія. По этому предмету авторъ приводитъ слѣдующее свидѣтельство А. С. Пругавина: „Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что съ февраля подумаютъ о лошадяхъ; только спрашивается: у кого же они останутся до февраля? У кулаковъ? Теперь у насъ крестьянская лошадь идетъ въ среднемъ по 4—5 р. Покупаютъ татары на мясо. Для нихъ это выгодно, такъ какъ шкура продается обыкновенно за 3 р. или за 3 р. 50 к.; слѣдовательно, за рубль-полтора татаринъ имѣетъ пудовъ 8—10 мяса. Неожиданно и преждевременно наступившая зима ускорила кризисъ“. Какъ быстро растетъ въ поименованныхъ губерніяхъ число безлошадныхъ показываютъ слѣдующія данныя: въ 1882 году число безлошадныхъ крестьянскихъ хозяйствъ достигало здѣсь 269,939 дворовъ. Въ 1891 году оно повыпается уже до 392,704 дворовъ. За девять лѣтъ количество безлошадныхъ хозяйствъ увеличилось на 122,765 дворовъ, или на 45,5%. Несомнѣнно, что неурожайные 1891 и 1892 гг. сопровождались дальнѣйшимъ значительнымъ приростомъ количества безлошадныхъ домохозяйствъ, а нынѣшній годъ увеличить это количество еще болѣе. Указавъ важнѣйшія признаки разоренія нѣкогда богатаго края, г. Вороновъ приводитъ, вполне уместно, соображенія нынѣшняго министра земледѣлія, высказанныя въ замѣчательной книгѣ *Неурожай и народное бѣдствіе* еще шесть лѣтъ назадъ, наканунѣ учрежденія названнаго министерства. Въ этой книгѣ будущій министръ настоятельно доказывалъ необходимость самаго внимательнаго и многосторонняго изслѣдованія вопросовъ селской жизни и народнаго благосостоянія. „Урокъ переживаемаго нами бѣдствія (неурожай 1892 г.),—говорилось въ книгѣ,—слишкомъ наглядно доказалъ необходимость постановки болѣе широкаго вопроса—о возстановленіи ослабѣвшихъ силъ русскаго народа, объ обеспеченіи его существованія не только въ данный неурожайный годъ, но и на будущее время, съ предупрежденіемъ въ будущемъ самой возможности повторенія подобныхъ бѣдствій“. „Эти золотыя слова,—говоритъ г. Вороновъ,—вполнѣ сохранили свое значеніе и въ настоящее тяжелое время. Прошла година бѣдствія и вопросъ объ изслѣдованіи естественныхъ условій русскаго земледѣлія и улучшеніи селскаго

быта отодвинулся, за недостаткомъ потребныхъ для этого средствъ, на задній планъ. Теперь онъ снова заявляетъ о своемъ существованіи бѣдствіями голода въ средневолжскихъ губерніяхъ. Эти бѣдствія несомнѣнно потребуютъ безвозвратной затраты многихъ милліоновъ рублей изъ общихъ государственныхъ средствъ Имперіи для помощи нуждающемуся населенію. Тѣмъ не менѣе нельзя ручаться, чтобъ это бѣдствіе въ ближайшемъ будущемъ не повторилось или въ тѣхъ же губерніяхъ, или въ смежныхъ съ ними. Пока не открыта и не устранена причина болѣзни, до тѣхъ поръ нельзя ожидать полного выздоровленія страдающаго организма. Въдѣ нашли же въ государственномъ казначествѣ 10.168,289 р., израсходованные на устройство выставки 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. При добромъ желаніи вѣроятно найдутся также и средства, необходимыя для выясненія нуждъ и потребностей русскаго земледѣлія“.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1898 г. по 1 января 1899 г.

- Адресъ - календарь Россійской имперіи 1899 г. Т. I и II. Изд. Суворина. Спб., 1899 г.
- Алегго. Стихотворенія Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Алферовъ, А. Очерки изъ жизни языка. М., 1899 г. Ц. 40 к.
- Асбьернсонъ. Норвежскія сказки. Перев. А. и П. Ганзенъ. Съ 74 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Балобанова, Е. Легенды о замкахъ Бретани. Спб., 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Белохъ, Ю. Исторія Греціи. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1899 г. Ц. 2 р.
- Библиотека „Слово“. 1) Лессингъ. — Лаокоонъ или о границахъ поэзіи и живописи. Ц. 20 к. 2) Новиковъ. — Война и ея мнимыя благодѣянія. Ц. 15 к. 3) Чепихинъ. — Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Ц. 25 к. Одесса, 1899 г.
- Брамсонъ, Э. Л. Краткіе очерки классической мнелогіи для учащихся обоаго пола. 4-е изданіе. Кіевъ, 1898 г. Ц. 1 р.
- Брандесъ, Г. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Брокгаузъ и Ефронъ. Малый Энциклопедическій словарь. Выпускъ I. А — Азовъ. Спб., 1898 г. Подп. цѣна 18 руб. безъ перес.
- Брюсовъ, В. О искусствѣ. М., 1899 г.
- Бойко, М. Общество для распространенія коммерческихъ знаній и ли не знаній? М., 1898 г.
- Бороховичъ, Я. Л. Сельско-хозяйственный кризисъ и индійскій голодъ. Вильна, 1898 г.
- Варбъ, Е. Одно изъ нашихъ централь-ныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. (Очерки Румянцевск. музея). М., 1898 г. Ц. 40 к.
- Водолажскій, И. Харьковскій народный календарь на 1899 годъ. Харьковъ, 1898 г. Ц. 80 к.
- Вязигинъ, А. Очерки изъ исторіи шашки въ XI в. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.
- Гауптманъ, Гергардтъ. Одинокіе люди. Драма въ 5-ти дѣйств. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Гёте. Фаустъ. Трагедія. Пер. А. Фета. Съ рис. Энгельберта Зейбертга. Вып. I. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1899 г.
- Горбуновъ, А. В. Одинъ изъ опытовъ University extension въ Россіи. Спб., 1898 г. Ц. 15 к.
- Гранстремъ, Э. Калевала. Финск. народн. эпосъ. Съ 40 рис. Изд. 2-е. Спб., 1898 г.
- Даниловъ, Ф. А. Что такое здоровая питьевая вода и какъ она получается. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1899 г. Ц. 8 к.
- Данилевскій, В. Я. Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе. Харьковъ, 1898 г. Ц. 25 к.
- Доде, Альфонсъ. Исторія одного ребенка. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. М., 1898 г. Цѣна въ пакѣ 1 р.
- Прекрасная Ниверноза. Съ 45 рис. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 30 к.
- Докладъ славяносербск. уѣздной земской управы по вопросу о введеніи всеобщ. начальн. обученія въ славяносербскомъ уѣздѣ. Луганскъ. 1898 г.
- Дружининъ, Н. П. Общедоступное. руководство къ изученію законовъ. Ч. I и II. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.
- Дьяконовъ, М. Очерки изъ исторіи

- сельскаго населенія въ Московск. государствѣ (XVI—XVII вв.). Изд. археографической комиссіи. Спб., 1898 г.
- Желиховская, В. П.** Звѣзdochки. Рождеств. рассказы. А. Ф. Девриена. Спб., 1899 г.
- Журналы славяносербскаго уѣзда.** земск. собранія экстр. засѣданія 15 марта и XXXII очер. сессіи 1897 г. съ пр. и отч. управы за 1897 г. Луганскъ, 1898 г.
- Злотчанскій, П.** Прямолінейная тригонометрія. Одесса, 1899 г. Ц. 75 к.
- Золотавинъ, Н. А.** Заболѣваемость въ связи съ климатическ. и бытовыми условіями жизни населенія. Спб., 1898 г.
- Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи 1898 г.** Вып. V—VI. Подъ ред. И. Д. Четыркина и В. М. Кашкарова. Калуга, 1898 г.
- Ирасекъ, А.** Старинныя сказанія чешскаго народа. Изданіе А. Ф. Девриена. Спб., 1899 г.
- Календарь русскій астрономическій** на 1899 г. Нижегород. кружка любителей физики и астрономіи. Подъ ред. С. Щербачова. Н.-Новгородъ, 1898 г. Ц. 75 к.
- Карѣвъ, Н.** Исторія Западной Европы въ новое время. Т. V. Спб., 1898 г. Ц. 5 р.
- Ковалевскій, С. 1)** Покровительств. пошлнна, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Ц. 50 к. 2) Двойной понусъ, его теорія и примѣненіе. Ц. 30 к. Спб., 1899 г.
- Конрадъ, I., проф.** Очеркъ основн. положеній политической экономіи. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Котляревскій, Н.** Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.
- Кохеръ, Т.** Ученіе о хирургическихъ операціяхъ. Съ 213 рис. Изд. К. Л. Ринкера. Спб., 1899 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Красноженъ, С.** Налогъ на спиртъ. Юрьевъ, 1899 г.
- Лависсъ, Э., и Рамбо, А.** Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. V. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1899 г. Ц. 3 р.
- Лейкинъ, Н. А.** Подъ южными небесами. Юморист. описаніе поѣздки въ Біаррицъ и Махридъ. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Летурно, Шарль.** Эволюція торговл. Изд. О. Н. Поковой. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Лялина, М. А. 1)** Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные. 2) Путешествія Н. М. Пржевальскаго въ Восточн. и Центр. Азіи. 3) Путешествія Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1899 г.
- Манцони, А.** Обрученныя. Романъ. Изданіе О. Н. Поковой. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Матеріалы для изученія быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губ.** Вып. I. Тобольскъ, 1898 г.
- Московский главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.** (Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей) (23 фототип. таблицы). М., 1898 г. Ц. 3 р.
- Мошинъ, А.** Очерки и наброски. М., 1898 г. Ц. 60 к.
- Музей гігіены и санитарной техники въ Москвѣ. 1)** Курдюмовъ.—О вліаніи велосипедной ѣзды на здоровье. Ц. 20 к. 2) Лаврентьевъ.—О сохраненіи глазъ. Ц. 30 к. 3) Яблоковъ.—Гигіена дѣтскаго питанія. Ц. 20 к. М., 1898 г.
- Мусинъ-Пушкина, О. И.** Рассказы тети Оли. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1899 г.
- Николаевское имени августѣйшаго предсѣдателя комитета Сибирской жел. дор.** Общежитіе студентовъ института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Въ 2-хъ книгахъ. Спб., 1897—1898 гг.
- Нитцше, Фридрихъ.** Такъ говорилъ Заратустра. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Обяснительная записка къ отчету госуд. контроля по исполненію госуд. росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1897 годъ.** Спб., 1898 г.
- Огіевскій, М.** Справочная книга по военно-судебнымъ дѣламъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1897 годъ.** Ч. I, II и III. Спб., 1898 г.
- Отчетъ общества взаимн. вспомош. учащимъ и учившимъ въ началн. народн. училищахъ Псковской губерніи. Годъ Ц. Псковъ, 1898 г.**
- О. Л.** Женскія медицинскія учрежденія въ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатахъ и Великобританіи. М., 1898 г. Ц. 50 к.
- Орлицкій, С. С.** Далекіе годы. Автобіограф. хроника. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Очеркъ дѣятельности комитета для помощи поморамъ русскаго сѣвера 1894—1898 г.** Спб., 1899 г.
- Переферковичъ, Н.** Что такое Шулахъ Арухъ? Къ освѣщенію еврейскаго вопроса. Спб., 1899 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Планы г. Москвы XVII в.** Древнерусская картографія. Вып. I. М., 1898 г. Ц. 50 к.
- Полевой, П. Н.** Подъ авонъ мечей. Изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1899 г.
- Посѣникій, В. В.** Стихотворенія. „На рельсахъ и вѣкъ рельсъ“. 2-е изд. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Portraits et Tableaux appartenant aux archives (Avec 18 planches phototyp.).** Moscou, 1898 г.
- Рашъ, Германъ.** Производство вино-каменной кислоты. Съ рисунками въ

- текстъ. Изд. Н. Г. Волчанинова. М., 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Рекламъ, Карлъ.** Средство быть здоровымъ. Съ 12 рис. Изд. книгоиздат. „Знавіе“. Одесса, 1898 г.
- Реклю, Элизе.** Земля и люди. Вып. IV. Соединенные Штаты. Ч. II. Съ 41 рис. и 25 чертеж. въ текстъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Рибо, Т.** Философія Шопенгауера. Пер. съ фр. М. Суперанскаго. Спб., 1898 г. Ц. 80 к.
- Рихтеръ, Д. И.** Опыт раздѣленія Европейской Россіи на районы по естеств. и эконом. признакамъ, съ прил. картограммъ, №№ I—VIII. Спб., 1898 г.
- Романовскій, М.** О методѣ въ биологін. Въ области гипотезъ и теоретическихъ выводовъ. Одесса, 1898 г. Ц. 1 р.
- Рубакінъ, Н. А.** Вѣчная слава. Истор. хроника (изъ временъ борьбы Нидерландовъ за свою независимость). Съ рис. К. Лебедева. М., 1899 г. Ц. 75 к.
- Сборникъ для дѣтей „Подсѣжники“.** Спб., 1899 г. Ц. 2 р.
- Сергіевская, О. Т.** Веселая зима. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г.
- Сергѣенко, Т.** Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. М., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сысоевъ, В. М.** Маленькое царство. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г.
- Тиличьева, М.** Мои кошечки. Изд. „Дѣтской Радости“. М., 1899 г. Ц. 15 к.
- Тимоѣевъ, А. Г.** Очерки по исторіи краснорѣчія. Спб., 1899 г. Ц. 1 р.
- Тимченко, Е.** Русско-малороссійскій словарь. Т. II. Кіевъ, 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тихонравовъ, Н. С.** Сочиненія. Т. III, ч. II. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1898 г. Цѣна за три тома (въ 4-хъ частяхъ) 7 р. 50 к.
- Трево, Фредерикъ.** Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся. Съ 94 рис. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1899 г. Ц. 3 р.
- Трембовельскій, Д. И.** Простѣйшій способъ водоснабженія въ деревнѣ. Практ. рук. Изд. кн. маг. „Деревня“. Спб., 1899 г. Ц. 20 к.
- Ферри (обраб. Е. Петри).** Черная птица и орелъ свѣтовыхъ вершинъ. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1899 г.
- Форель, Авг.** Алкоголь и душевное разстройство. Пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. А. М. Коровина. М., 1898 г. Ц. 20 к.
- Харламовъ, В. Ф.** Проекты: 1) Овчарни, свиначни и птичника, съ жильемъ для прислуги. 2) Амбара съ молотильнымъ сараемъ и зерносушилкою. 3) Дома — дачи. Изд. кн. маг. „Деревня“. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.
- Chemchovrine, A.** XII Congrès. Médical international à Moscou en 1897.
- Хлюдинскій, В.** Обманы лошадиныхъ барышниковъ. Практ. рук. Изд. 2-е кн. маг. „Деревня“. Спб., 1899 г. Ц. 75 к.
- Штейнгауеръ, И. С.** Первые уроки географіи. Съ прил. картъ и полустарій и 120 рис. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.
- Щегловъ, В. Г.** Положеніе и права женщины въ семьѣ и обществѣ въ древности, средн. вѣка и новое время. Ярославъ, 1898 г. Ц. 85 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“,

I. Книги.

Стр.

Веллетристика: „Сны“. Повѣсть <i>Вл. Немировича-Данченко</i> .—„Дѣло“.	1
Сборникъ въ пользу С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.	
Философія, психологія: „Современное естествознаніе и психологія“.	3
<i>А. Фаминцина</i> .—„Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 45.	7
Исторія, воспоминанія: „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“.	9
Проф. <i>Багалъ</i> .—„Исторія вымершихъ цивилизацій Востока“. <i>Андерсона</i> .—	10
„Исторія семьи“. <i>Ю. Липперта</i> .—„Далекіе годы“. Автобіографическая хроника.	12
<i>С. С. Ормикаго</i>	14
Искусство: „Міръ искусства“. Изд. кн. <i>М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтова</i>	15
Политическая экономія: „Отчетъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1896 годъ“.	16
Книги для народа: „Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII объ альбигойскихъ еретикахъ“. <i>Н. А. Рубанина</i> .—„Швейцарія“. <i>В. М. Величкиной</i> .—	17
„Древній Египетъ“. <i>Икономова</i>	18
Пособія: „Россия“. <i>С. Меча</i>	19

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь.—„Русскій Вѣстникъ“, декабрь.—„Русское Богатство“, ноябрь.—„Міръ Божій“, ноябрь.	15
---	----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1898 г. по 1 января 1899 г.

„Отъ редакціи журнала Русская Мысль“.

Редакція *Русской Мысли* издаетъ, въ переводѣ или въ изложеніи, научныя и литературныя произведенія западно-европейскихъ и американскихъ писателей. Общую редакцію этихъ изданій взяли на себя

Н. А. Тимирязевъ и В. А. Гольцевъ.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

Нассе и Лексисъ: „Металлическія деньги и валюта“. Цѣна 60 к.

Пере: „Умственное воспитаніе ребенка“. Цѣна 60 к.

Дюкло. Пастёръ: I. „Исслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи“. Цѣна 40 к.

Бартъ: „Религія Индіи“. Цѣна 1 руб.

Гаунтъ: „Гербертъ Спенсеръ“. Цѣна 50 к.

Шериданъ: „Школа злословія“. *Положева*: Біографическій очеркъ Шеридана. Цѣна 60 коп.

Проф. П. Гиро: „Фюстель-де-Куланжъ“. Цѣна 50 к.

Дюкло. Пастёръ: II. „Заразныя болѣзни и ихъ прививка“. Цѣна 40 к.

Андре Галле. „Бомарше“. Ц. 40 коп.

Вертло. Наука и нравственность. Ц. 60 к.

Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

По соглашенію редакціи

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“

и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Въ книжномъ магазинѣ журн. „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ В. М. ЛАВРОВА

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь“

изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ издѣл. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку приплачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впродъ до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выplatѣ всего 28 руб., 8-й—по выplatѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждыя три мѣсяца по 6 р., впродъ до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимость пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выplatѣ всего 28 руб., а 8-й—по выplatѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковыя будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до февраля 1896 г.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ журнала Русская Мысль,

(Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой.)

Продаются слѣдующія книги:

- Джеббъ. Исторія греческой литературы. Ц. 1 р.
 Магаффи. Исторія классич. періода греческой литературы. 2 тома. Ц. 1 р.
 Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.
 Гаспарі. Исторія итальянской литературы. 2 т. Ц. 3 р. каждый.
 Тикноръ. Исторія испанской литературы. 1—3 т. Ц. 9 р. 50 к.
 Винкель, Горнтъ. Исторія скандинавской литературы. Ц. 2 р.
 Дaudенъ, Э. Шекспиръ. Ц. 2 р.
 Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Ц. 1 р. 25 к.
 Геттнеръ. Французская литература въ XVIII вѣкѣ. Ц. 2 р.
 Брандесъ. Англійская литература XIX вѣка. Ц. 75 к.
 Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка.
 Ц. 1 р. 50 к.
 Геттнеръ, Г. Англійская литература (1660—1770). Ц. 1 р. 50 к.
 Лансонъ. Исторія французской литературы XIX вѣка. Ц. 1 р.
 Его же. Исторія французской литературы XVIII вѣка. Ц. 1 р.
 Его же. Исторія французской литературы XVII вѣка. Ц. 1 р.
 Брандесъ. Французская литература XIX вѣка. Ц. 2 р.
 Шаховъ. Гёте и его время. Ц. 1 р. 25 к.
 Шереръ. Исторія нѣмецкой литературы въ 2-хъ ч. Ц. 5 р. 50 к.
 Брандесъ. Литературные портреты. Ц. 1 р. 85 к.
 Стороженко. Исторія западной литературы. Ц. 1 р.
 Его же. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Ц. 75 к.
 Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Ц. 1 р. 75 к.
 Чернышевскій. Очерки Гоголевскаго періода. Ц. 2 р.
 Его же. Замѣтки о современной литературѣ. Ц. 2 р.
 Пыпинъ. Исторія русской литературы, въ 4-хъ т. Ц. 10 р.
 Добролюбовъ. Полное собраніе сочиненій. 4 т. Ц. 7 р.
 Писаревъ. Полное собраніе сочиненій. 1—6 т. Ц. по 1 р. за томъ.
 Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. 1—4 т. Ц. по 1 р. 25 к. за томъ.

Книжный магазинъ „Русской Мысли“ принимаетъ годовую подписку на всѣ періодическія изданія.

При магазинѣ находится складъ изданій книжнаго магазина „Знаніе“ и журнала „Образованіе“.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей аголы. Романъ. Ц. 1 р. Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 4 р. 50 к. Бобринцевъ, Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р. Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.	Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р. Въ пользу воскрес. школъ. Сборникъ. Ц. 75 к. Гольцевъ, В. А. Вопросы дѣя и живя. Ц. 1 р. — Литературные очерки. Ц. 1 р. Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

- Доде, Альфонс.** Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарона). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- **Маленькій приходъ.** Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Женщина.** Статьи: Э. Ожешковой, М-ше А. Дюна, Пардо Базанъ, Лауры Маргольцъ, Карменъ Сильва, D. Мелант. Ц. 40 коп.
- Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Иллюстрированная чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекомен. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
- Короленко, Влад.** Очерки и рассказы. Книга первая. 6-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
- Мачтетъ, Григорій.** Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- **Надъ Нѣмавомъ.** Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
- **Сильвекъ.** Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р.
- Сенкевичъ, Генрихъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ 2 предисловіями В. А. Гольцова. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
- **Безъ догмата.** Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 4-е удешевлен. изд. Ц. 1 р.
- **Путевые очерки.** Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
- **Потопъ.** Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
- **Семья Нолавецкихъ.** Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- **Камо грядеши?** Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
- **На ясномъ берегу.** Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
- Стольцовъ, А. Г.** Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
- Чеховъ, Мих. Закомъ.** Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ан.** Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
- Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
- Юноша, Клеменсъ.** Сизифъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
- Сенкевичъ, Генрихъ.** Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
- **Пойдемъ за нимъ!** Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.
- Разсказъ** про смутное время на Руск. Ц. 1 1/2 к.
- Короленко, В. Г.** Убийствъ. Ц. 1 1/2 к.
- Народный поэтъ Иванъ Саввицъ Никитинъ.** Изд. 2-е. Ц. 1 1/2 к.

Библіотека „Русской Мысли“.

- Сенкевичъ, Г.** Черезъ степи. Ц. 40 к.
- Ремезовъ, М.** Клеопатра. Ц. 40 к.
- **Иудея и Римъ.** М., 1896 г. Ц. 50 к.
- **Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ.** Ц. 50 к.
- **Византія и Византійцы конца X-го вѣка.** Ц. 50 к.
- **Эпиклогы византійскихъ драмъ.** Ц. 50 к.
- Альбовъ, М.** Юбилей. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, К.** Побѣда. На сѣверѣ дьяволъ. Ц. 1 р.
- Ожешкова, Э.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
- **Панна Роза. Великій.** Среди двѣтовъ. Ц. 50 к.
- Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Братья Горгибевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
- Немировичъ - Данченко, Вл.** Драма за сценой. Ц. 1 р.
- Немировичъ - Данченко, Вас.** И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.
- Ладыженскій, Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Голыцева).

- Нассе, Э. и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., стр. Ц. 60 к.
- Пере, Б.** Умственное воспитаніе ребснка. М., 97 г. Ц. 60 к.

- Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.
 Дюкло. Пастёръ. Заразные болѣзни и ихъ прививка. Ц. 40 к.
 Вартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.
 Гауппъ Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.
 Шериданъ. Школа злословія. А. В. Поюжова. Биографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.
 Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.
 Андре Галле. Бомарше. Ц. 40 к.
 Бертло. Наука и нравственность. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Ц. 60 к.
 Геккель, Э. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ журнала
 «Русская Мысль» съ 1 декабря 1898 г. по 1 января 1899 г.

- Азбукинъ. Какъ облегчить страданія женщинъ. Ц. 30 к.
 Асѣвъ. Строительное искусство. Ц. 3 тома 7 р.
 Бальмонтъ. Подъ сѣвернымъ небомъ. Ц. 50 к.
 Белохъ. Исторія Гречин. Т. II. Ц. 2 р. М. 99 г.
 Вилыдовскій. „Складка“ Альманахъ. Ц. 1 р. 25 к.
 Брандесъ. Шекспиръ, его жизнь и произведенія. Ц. 1 р. 50 к. М. 99 г.
 Врекеръ. Исторія искусствъ. Ц. 1 р. 50 коп. Ст. 98 г.
 Вербицкая. Сны жизни. Ц. 1 р. М. 99 г.
 Веселовскій. Стихотворные переводы. Ц. 50 к. М. 99 г.
 Гауптъ, О. Спенсеръ. Ц. 50 к. Ст. 98 г.
 Гексли. О прич. явлен. въ органическомъ мірѣ. Ц. 60 к.
 Гернесъ. Исторія первобытнаго чело-вѣка. Ц. 50 к.
 Геофдингъ. Руссо и его философія. Ц. 50 к.
 — Дарвинъ и его жизнь. Ц. 20 к.
 Гильти. Счастье.
 Гофманъ. Щелкунчикъ и мышиный царь, сказка. Ц. 50 к.
 Гумпловичъ. Очерки социологическ. исторіи. Ц. 40 к.
 Цѣло. Сборникъ въ пользу женскаго медицинскаго института. Ц. 2 р. 50 к.
 Знамя. Еженедѣльный журналъ, № 1-й. Ц. 10 к. М. 99 г.
 Иодль. Этика и политическая экономія. Ц. 20 к.
 Кампмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой деревни. Ц. 60 к.
 Кацъ. Объ утомленіи глазъ. Ц. 20 к.
 Кейръ. Воображеніе и память. Ц. 40 к.
 Кроль. Философская основа эволюціи. Ц. 75 к.
 Конскій календарь на 1899 г. Ц. 1 р.
 Лависсъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Т. V. Ц. 3 р. М. 99 г.
 Лаландъ. Этюды по философіи наукъ. Ц. 75 к.
 Лансонъ. Исторія французской литературы XVII в. Ц. 1 р.
 — Исторія французской литературы XVIII в. Ц. 1 р.
 — Исторія французской литературы XIX в. Ц. 1 р.
 Леонова. Женскія медицинскія учрежденія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Ц. 50 к.
 Маминъ-Сибирякъ. Святочные рассказы. Ц. 1 р.
 — Легенды. Ц. 1 р.
 Мароховцевъ. Поварское искусство. Ц. 2 р.
 Поллокъ. Исторія политическихъ учений. Ц. 50 к.
 Преображенскій. Въ чемъ истинное счастье. Ц. 50 к.
 — Къ вопросу о счастьи. Ц. 25 к.
 Рейхесбергъ. Статистика. Ц. 50 к.
 Родина. Сборникъ стихотвореній. Ц. 20 к.
 Суворовъ. Записки о прошломъ. Ч. I. Ц. 1 р.
 Тиличеева. Мои кошечки. Ц. 15 к.
 Флексигъ. Мозгъ и душа. Ц. 40 к.
 Фрейсинъ. Очерки по философіи математики. Ц. 60 к.
 Фулье. Критика нов. сист. морали. Ц. 2 р.
 Циглеръ. Что такое нравственность. Ц. 50 к.
 Шелли. Сочиненія, перев. Бальмонта. Вып. I. Ц. 50 к.
 Шимкевичъ. Популярныя биологическіе очерки. Ц. 1 р. 25 к.
 Шиппель. Денежное обращеніе. Ц. 50 к.
 Штальбергъ. Гуманность. Ц. 80 к.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли» складъ слѣдующихъ изданій М. И. Водовозовой.

Магайтъ, Э. Профессиональные рабочіе союзы. Перев. Н. В. Водовозова. 1895 г., стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббинсъ, А. Англійскіе реформаторы. Перев. съ англійск. А. Санина. 1896 г., стр. 339. Ц. 1 р. 50 к.

Гурвичъ, И. Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англійск. 1896 г., стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.

Землевлѣдѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1896 г., стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.

Промышленность. Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Статьи отсюда же. 1897 г., стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. Ц. 2 р.

Ильинъ, В. Экономическіе этюды и статьи. Сиб., 1899 г., стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Эшли, Э. Экономическая исторія Англій. Перев. съ англійскаго Н. Муравьева. Стр. 800. Ц. 2 р. 75 к.

Шиппель, М. Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣмец. В. Ульриха. Стр. 135. Ц. 50 к.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнаппа. Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. В. Дена. Стр. 352. Ц. 1 р. 50 к.

Бюхеръ, К. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей С. Н. Бугакова. 1897 г., стр. 91. Ц. 50 к.

Булгановъ, С. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій очеркъ. 1897 г., стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древнаго міра. Пер. Гершензона. Ц. 60 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

ДЛЯ КАЖДАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА НЕОБХОДИМЪ

СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ ОДЕССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО СИНДИКАТА.

Выходитъ безъ предварительной цензуры.

Внимательно слѣдя за положеніемъ международнаго и южныхъ, а въ особенности одесскаго, хлѣбныхъ рынковъ, получая спеціальныя телеграммы и корреспонденціи о хлѣбныхъ цѣнахъ, давая подробныя свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ, урожая, „Справочный Листокъ Одесскаго Земледѣльческаго Синдиката“ идетъ навстрѣчу настоятельной потребности сельскаго хозяина въ органѣ, съ помощью котораго можно ориентироваться въ сложныхъ условіяхъ хлѣбнаго рынка. Въ „Справочномъ Листѣ“ помѣщаются также подробныя свѣдѣнія о состояніи мучного, сахарнаго, скотопрігоннаго, шерстяного, спартового, нефтяного, угольнаго, дровяного, лѣсного рынковъ, о цѣнахъ на всевозможныя произведенія сельскаго хозяйства, какъ-то: масличныя сѣмена, горохъ, фасоль, бобы, рисъ, крупу, сѣмечки, овощи, фрукты, сѣно, солому, а также растительныя масла, макуху, на мѣшки и пр. Въ статьяхъ о свонхъ „Справочный Листокъ“ отличается на важнѣйшія явленія сельско-хозяйственной и торговой промышленности жизни, и по преимуществу — жизни южнаго района. Въ виду разнообразія, полноты и точности сообщаемыхъ свѣдѣній, „Справочный Листокъ Одесскаго Земледѣльческаго Синдиката“ является необходимымъ для каждого сельскаго хозяина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки въ Одессѣ—3 руб. въ годъ, съ пересылкою и доставкой въ Одессѣ и въ городѣ—5 руб. въ годъ; на полгода—3 руб.

Адресъ редакціи и конторы „Справочнаго Листка“: Одесса, Надеждинская, 7.

Редакторъ-издатель баронъ П. Ф. Бюлеръ.

Международный Органъ Искусство и Художественная Промышленность.

Ежемесячное иллюстрированное издание
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЪ
безъ предварительной цензуры,

подъ редакціей Н. П. Собко,

съ фотогравюрами, хромотипіями, офортами, ксилографіями, исполненными въ перво-
классныхъ заведеніяхъ, подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

С.-Петербургъ, Мойка, 83.

Подписная цѣна: 6 р. безъ доставки, 7 р. съ доставкой, 8 р. съ пересылкой, 10 руб.
за границу. Разсрочка: по 1 р. въ мѣсяцъ и пересылочныя деньги впередъ.

Содержаніе I-го (двойного) выпуска:

СТАТЬИ: Н. П. Собко „Русскіе художественные журналы 1807 — 97 гг.“; А. М. Къ 25-лѣтію передвижниковъ“ (въ стих.); М. М. Антокольскаго: „По поводу книги гр. Л. Толстого объ искусствѣ“; Н. К. Рериха: „По поводу народной выставки картинъ“; В. В. Стасова: „В. М. Васнецовъ“, „Царь Берендѣй и его палата“ и „Книжница графа Л. Толстого“, „В. В. Верещагинъ какъ архитекторъ“; А. М. Сомова: „Новые Рембрандты и Эльсеймеръ въ Имп. Эрмитажѣ“. — Художественная хроника: „Высочайшій даръ Русскому Музею Императора Александра III“, „Разныя извѣстія“, „Наши художественныя дѣла“, Р. Изгоя; „Харьковъ“, Е. К. Р.—на: „Изъ Одессы“, А. П.; „Правда и неправда о русской выставкѣ въ Мюнхенѣ“, В. Стасова; Объявленія о художественныхъ конкурсахъ и разныхъ изданіяхъ.

СНИМКИ въ ТЕКСТѢ: съ 12-ти заставокъ и заглавныхъ буквъ въ краскахъ изъ древне-русскихъ неизданныхъ рукописей Имп. Публ. Библиотеки, Имп. Общества любителей древней письменности, Львовскаго Ставропигійскаго Института (исполн. хромотипографіей у Голике въ Спб.) и съ 50-ти картинъ и рисунковъ Архипова, К. Брюллова, В. Васнецова, В. В. Верещагина, Ге, Дубовскаго, А. А. Иванова, Касаткина, М. П. Клодта, Крамского, Кузнецова, К. Лебедева, Лемоха, В. Маковского, Максимова, Мясоедова, Перова, А. Петколыда, Полѣнова, Приишниковъ, Рембрандта, Ропета, Рѣпина, Савицкаго, Саврасова, Сурикова, Тима, Шишкина, Эльсеймера, Ярошенко (исполн. цинкотипіей и автотипіей у Вильборга, Гоше и Яблонскаго въ Спб.), Фишера и Шерера и Набогльда въ Москвѣ), а также на 8-ми отдѣльныхъ листахъ, исполненныхъ офортами (проф. Мата) и фототипіей въ черноиъ видѣ и въ краскахъ (исполн. у Фишера и Шерера и Набогльда въ Москвѣ, Вильборга и Ильина въ Спб.).

Большой томъ въ 154 стр., въ 4-ку, въ многоцвѣт. обложкѣ въ русск. стилѣ (исполн. у Голике въ Спб.). Цѣна въ отдѣльн. продажѣ 2 р.

Содержаніе II-го выпуска (№ 3):

СТАТЬИ: В. В. Стасова: „В. М. Васнецовъ и его работа“ (окончаніе); „Дятковская хрустальная фабрика Малюдовъхъ“; Н. К. Рериха: „Искусство и археологія“ (вступительная лекція въ Имп. Археол. Инстит.); Н. Н. Щербины-Крамаренко: „Гончарное производство Средней Азіи“; бельгійскаго худож. и критика Ф. Кнофа: „Переворотъ въ бельгійской художественной школѣ“. — Художественная хроника: „Вторая выставка конкурентовъ въ новой Академіи художествъ“, Старовѣра; „Разныя извѣстія“; „Наши художественныя дѣла“, Р. Изгоя; „Московскія художественныя новости“, Н. В. Неирасова. — Библиографія: Новый художественный журналъ; Описаніе Владимірскаго собора въ Кіевѣ; Открытыя письма съ рисунками русскихъ художниковъ. — Объявленія.

СНИМКИ: въ текстѣ — 12-ть воспроизведеній въ краскахъ и 12 автотипій съ орнаментовъ Кіевского собора св. Владиміра, среднеазіятскихъ кафелей и блювъ старой русской эмали, 1 гравюра на деревѣ, 1 литографія и 1 цинкографія съ послѣдняго предмета; 11-ть автотипій съ фресокъ и рисунковъ французскаго художника Кормона и нашего Васнецова; 1 автотипія съ картины Позднѣева; 18 автотипій съ произвед. бельгійск. худож. (живописцевъ: Кнофа, Лейса, Стенсона; скульпторовъ: Симониса, Девины, Ванъ-деръ-Степена; архитекторовъ: Пуларта, Анкара, Креслена); на отдѣльныхъ листахъ: фототипія съ картины В. Васнецова (принадлеж. В. К. Сергѣю Александровичу); хромотипотипія съ группы эмалированныхъ сосудовъ Дятковской фабрики, по рис. Е. М. Бѣмъ; гравюра на деревѣ И. Н. Павлова съ карт. Зарина; оригинальная литографія Зарубина съ его картины.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.

ГОДЪ IV-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

ГОДЪ IV-й.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ и ГЕОГРАФІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня — іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) аквариумъ и террариумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы. Кроме того журналъ даетъ приложенія, состоящіе изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, заведующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищныя совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. А. Анкифьевъ, О. А. Анкифьевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, Л. И. Бородовскій, проф. А. Ф. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Боголюбскій, П. Вольногорскій, Н. Н. Вануловскій, проф. С. П. Глазенацъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Геленкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, Б. М. Житковъ, проф. В. В. Заленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, Н. Ф. Золотницкій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. Ф. Кащенко, проф. И. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблукъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Д. Карицкій, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, Борисъ Нечаевъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Паладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. З. Ю. Петри, А. Н. Рождественскій, К. Н. Россиковъ, Н. А. Рубанинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. А. Сатунинъ, проф. Н. В. Сорокинъ, К. И. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Талевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодовскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ, д-ръ Э. Эриксонъ и другіе.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкою 4 руб. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкой 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1896, 1897 и 1898 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждого годового полного экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 2 руб. 50 коп. и къ 1-му іюня 2 руб.

Для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ платежомъ—въ началѣ января, въ началѣ марта, въ началѣ мая и, наконецъ, въ началѣ августа.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Контора редакціи: Москва, Большая Полянка, домъ
Учительскаго Института.

Редакторъ-издатель **М. П. Варавна.**

**FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED**

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

23 May '55 PL	
JUN 9 - 1955 LU	
NOV 16 1971 OL	
REC'D LD APR 11 '72 -3 PM 5 6	
JUL 5 1984	
REC. CIR. APR 12 '84	
LIBRARY USE APR 1 '86	
NOV 03 1991	
AUTO DISC NOV 02 1991	
SEP 10 2002	

LD 21-100m-2, '55
(B139s22) 476

General Library
University of California
Berkeley